

Читатель вместе с автором совершит путешествие по всем семи частям света и четырем океанам Земли, побывает в сказочной новозеландской Стране Фьордов и на мысе Нордкап, у водопада Игуасу и в кратере Нгоронгоро, в тропическом раю Мальдивских островов и подводных чащах Большого Барьерного рифа… Особый раздел книги посвящен природным жемчужинам России и стран СНГ.

100 великих чудес природы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нелегкую задачу взялся я решать, осмелившись писать эту книгу. Как выбрать из тысяч удивительных, прекрасных и величественных уголков планеты сто самых-самых замечательных? Ведь наверняка кто-то может не согласиться с выбором автора и назвать сотню других, не менее поразительных мест.

Но, думается мне, вся наша Земля, ее моря и океаны, пустыни и джунгли, озера и водопады — вся пестрая природная мозаика, из которой складывается вечно юный лик Геи, достойна именоваться одним огромным Чудом Природы! И сто самых живописных или поражающих своей необычностью природных объектов, описанных в этой книге, — просто сотня ярких штрихов, так или иначе выделяющихся на созданной за миллионы лет гениальной природой картине, которую мы привычно обозначаем простым названием Земля.

В этом коротком и емком слове — все разнообразие жизни, все явления и объекты, радующие наш глаз или заставляющие восторженно и ошеломленно ахнуть, все, достойное удивления и восхищения. И, рассказывая о необыкновенных уголках семи частей света и океанских просторов, я хочу только разбудить в вашей душе, дорогие читатели, присущее всем нам, но исчезающее порой в суете будней чувство преклонения перед бесконечным разнообразием и несравненной красотой той маленькой частицы Вселенной, той дивной голубой планеты, на которой нам посчастливилось родиться и жить.

А если эта книга побудит вас отложить повседневные заботы и отправиться в путь, чтобы своими глазами увидеть знаменитые горы и вулканы, легендарные реки и водопады, таинственные пещеры и подводные коралловые чащи или сверкающие под солнцем ледники и полярные острова — значит автор достиг своей цели: в нашем мире стало больше людей, которым небезразличны окружающие их земные просторы и океанские глубины, которым дорога наша удивительная и прекрасная, хрупкая и нежная, величественная и грозная, бесконечно поражающая нас все новыми чудесами планета.

ЧАСТЬ I. ЕВРОПА

Архипелаг Шпицберген

(Норвегия)

«Макушкой Европы» нередко именуют этот затерянный в ледяных просторах Арктики гористый архипелаг. Некоторые его острова находятся за восьмидесятым градусом северной широты. Только север Гренландии да канадский остров Элсмир расположены еще ближе к Северному полюсу.

В утреннем тумане морякам, подплывающим с юга к архипелагу, кажется, что из дымки проступают контуры башен средневековых замков. Это темнеют сквозь серую пелену горные пики Шпицбергена, достигающие 1700 метров в высоту.

Но вот корабль подходит ближе, туман рассеивается, и перед вашими глазами открывается панорама прихотливо изрезанных черных скалистых берегов, увенчанных белыми ледниками. Местами ледяные

языки спускаются прямо к морю, обрываясь уступами прозрачно-голубого льда. Узкие извилистые заливы расчерчены пенными полосками водопадов. А в глубине самого большого залива — Исфьорда — приветливо светятся яркими красными, зелеными и синими кубиками дома столицы Шпицбергена — поселка Лонгьир.

Больше тысячи островов входит в состав архипелага. Правда, почти все они невелики, только пять из них заслуживают эпитета «крупные». Это Западный Шпицберген, Северо-Восточная земля, остров Эдж, остров Баренца и Земля Принца Карла. По площади Шпицберген больше, чем Швейцария, и мог бы разместить на своих островах две Бельгии.

Издавна у архипелага было несколько названий. Голландцы именовали его Шпицберген, русские — Грумант, норвежцы — Свальбард. Современные журналисты часто называют этот край «Островами туманов». Действительно, Шпицберген — одно из самых «туманных» мест на Земле. Даже знаменитый африканский Берег Скелетов ~ пустыня Намиб и печально известное своими дождями и туманами Берингово море не могут сравниться с ним в этом отношении. Больше 90 дней в году (четверть года!) стоят туманы над островами. А в июне-октябре ежемесячно бывает от 12 до 20 дней с туманами.

Туманы на Шпицбергене такие плотные, что уже в пяти шагах ничего не видно. Приглушаются звуки, искажаются очертания предметов, так что невозможно узнать даже привычную местность. Все постройки и крупные камни покрываются пушистой щеткой инея.

Весной во время тумана здесь можно наблюдать необычное оптическое явление, которое на языке ученых именуется «глория». Низкое полярное солнце отбрасывает на пелену тумана и низкие облака длинные тени предметов, которые окружены радужным контуром. Известный полярный исследователь Амундсен, совершивший вынужденную посадку на самолете во льдах к северу от Шпицбергена, так описывает глорию:

«В стороне от нас, в тумане, я увидел полное отражение нашей машины, окруженное ореолом всех цветов радуги. Зрелище изумительное, красивое и своеобразное».

С борта теплохода, идущего к Шпицбергену, уже издалека можно разглядеть причудливо зазубренные остроконечные вершины гор, за которые ему и дали такое название (Шпицберген — по-голландски «Острые горы»). Имя это присвоил архипелагу открывший его в 1596 году голландский мореплаватель Виллем Баренц. Правда, справедливости ради, надо сказать, что русские поморы еще за два века до голландца хаживали на своих лодьях к холодному Груманту (так называли они архипелаг).

Однажды четверо русских зверобоев, высадившись здесь для охоты, наутро не обнаружили своего судна, раздавленного льдами. Российские робинзоны прожили на Шпицбергене целых шесть лет, прежде чем были спасены случайно зашедшим на острова другим русским судном.

После Баренца на архипелаге побывало немало знаменитых мореплавателей и исследователей. Гудзон и Чичагов, Норденшельд и Нансен, Амундсен и Русанов прокладывали здесь свои маршруты. Но главный вклад в изучение Шпицбергена, бесспорно, был сделан смелыми поморами, в течение пяти веков осваивавшими суровые острова. До сих пор на карте архипелага можно найти и Русские острова и бухту Русскую,

гору адмирала Макарова и мыс Ермака, долину Русанова и бухту Соловецкую.

Уникальность природы Шпицбергена определяется тем, что к его западному побережью подходит одна из ветвей теплого Северо-Атлантического течения — продолжения Гольфстрима. Нагретые воды по фьордам проникают далеко в глубь островов и согревают их. В феврале мороз здесь не превышает пятнадцати градусов, а средняя годовая температура на островах — шесть градусов выше нуля. (И это на восьмидесятой широте!)

Поэтому побережье островов летом покрывает зеленый ковер тундры, пестреющей яркими цветами. Пурпурные камнеломки, желтые полярные маки, голубые незабудки и лиловые гвоздики радуют долгим полярным днем глаз жителей Логьира и других шпицбергенских поселков: Баренцбурга, Пирамиды, Ню-Олесунна, Лонгиербюена и Свеагрувы. А снежные поля на склонах в это время местами окрашиваются в розовый цвет — из-за появления на них микроскопических водорослей.

Широкие долины, уходящие высоко в горы, заполнены здесь ледниками. Их безмолвные грязно-белые реки медленно (обычно со скоростью метр в сутки, не больше) движутся к морю. На месте впадения ледников во фьорды лед сползает в воду и отламывается. Так образуются айсберги. В некоторых Долинах, там, где ледники заканчиваются, не дойдя до берега, из-под них текут короткие, но бурные речки, самая длинная из которых всего 48 километров. Зимой все они промерзают до дна.

Источенные ледниками горные вершины островов принимают самые фантастические формы. Так, гора Скансен напоминает старинную крепость, гора Темпель — древнеиндийский храм, а гора Пирамида похожа на штабель гигантских аккуратно сложенных тюков сена. Самая знаменитая гора — Тре Крунер — имеет три вершины. Их названия: Свеа, Нора и Дана — символизируют братство трех скандинавских стран — Швеции, Норвегии и Дании. Усеченные пирамидальные контуры трех вершин расцвечены четкими горизонтальными полосами желтых известняков и красных песчаников.

Древние скандинавские легенды представляли Шпицберген мрачной страной холода, мрака, снега и льда. Викинги считали, что это самый негостеприимный край на свете. Но это несправедливо. По сравнению с другими арктическими островами, например, Элсмиром или Северной Землей и Землей Франца-Иосифа, Шпицберген выглядит настоящим оазисом в ледяной полярной пустыне. Его населяют три тысячи человек, по большей части ученых-исследователей Севера и, как ни странно, шахтеров. Залежи угля образовались тут сотни миллионов лет назад, когда Шпицберген составлял одно целое с Европой и климат его был несравненно теплее, чем ныне. Теперь российские горняки по договоренности с норвежцами занимаются здесь добычей угля.

Но жизнь на островах можно встретить не только в людских поселениях. Тут водятся северные олени и песцы, юркие грызуны-лемминги и белые куропатки. Над долинами бесшумно кружит полярная сова, а на лето сюда прилетают тысячи перелетных птиц: уток, гусей и лебедей.

Больше всего шума и плеска на побережье. С теплым течением приходят к острову стаи трески и сельди, палтуса и пикши, а за ними

приплывают тюлени: гренландский и морской заяц. На галечных пляжах под скалами устраивают свои лежбища клыкастые моржи, а в открытом море нередко можно увидеть фонтаны китов. Последних в водах Шпицбергена немало и до сих пор, хотя китобойные флотилии охотились в этих местах со времен Баренца и Гудзона. Больше всего белух и касаток, но встречается и знаменитый единорог-нарвал. Голова этого кита заканчивается острым двухметровым костяным наростом, похожим на рог. Говорят, что у Ивана Грозного был посох из красивого, витого рога нарвала (видимо, привезенного русскими поморами с Груманта). Приходит на острова и главный охотник за тюленями — белый медведь. Самый крупный хищник полярного бассейна теперь находится под охраной закона и совсем не боится человека. Порой встречи с ним заканчиваются печально для полярников, особенно на дальних островах.

И случается, что в Баренцбург или Лонгьир от работающих где-нибудь на островах Принца Карла исследователей летят отчаянные радиограммы вроде следующей: *«Срочно высылайте вертолет для эвакуации. Окружены девятью голодными медведями. Не рискуем выходить из домика».*

Прижился на архипелаге и завезенный сюда в 1920-е годы из Гренландии овцебык. Стадо этих могучих приземистых копытных, покрытых густой и длинной, до земли, шерстью, заметно выросло за последние годы, благо на Шпицбергене нет их главных врагов — волков. В суровые зимы самки овцебыков прячут маленьких детенышей у себя под брюхом, где в любую пургу тепло и уютно в пологе из шерсти. Сейчас овцебыков на Шпицбергене больше сотни, а ведь вначале было всего 17.

Украшение Шпицбергена — его замечательные птичьи базары. На крохотных уступах отвесных скал, обрывающихся к морю, галдят и суетятся десятки тысяч чаек-моевок, кайр, чистиков, глупышей, тупиков и бакланов. А над скалами парят хищные чайки-бургомистры, высматривая добычу.

Рыбы в море хватает и тюленям, и чайкам, тем более что у западного берега даже зимой под действием теплого течения граница плавучих льдов образует глубокий изгиб, как бы залив с ледяными берегами, обращенный на север. В старину его называли Бухтой Китоловов, так как именно здесь был центр китобойного промысла. В иные зимы у западного побережья льда нет совсем, а Исфьорд покрывается ледяным покровом лишь на месяц-полтора.

Однако Север есть Север, и с октября по февраль над Шпицбергеном царствует полярная ночь. Тем не менее архипелаг не становится в это время «страной вечного мрака». В ясную погоду его освещает луна.

Как писал великий полярник Фритьоф Нансен, *«взамен солнца остается восхитительнейшее сияние луны: она день и ночь кружит по небосводу…»* . Лунный свет отражается мириадами снежных и ледяных кристаллов и позволяет не только свободно передвигаться без фонаря, но и различать дальние горы. Особенно светло бывает в полнолуние.

А в декабре-январе в морозную погоду на небе полыхают полярные сияния. На фоне пламенеющего неба возникают световые узоры самого фантастического вида, непрерывно меняющие свою форму и цвет. Можно часами стоять, забыв надеть шапку, на трескучем морозе, не в силах

отвести глаза от удивительной игры красок в холодном небе. Слова бессильны описать это поистине грандиозное зрелище. Как жаль, что в это время на островах не бывает туристов! Из-за одной только возможности полюбоваться небесными сполохами стоило бы приехать зимой на Шпицберген.

Мне не раз доводилось общаться с людьми, побывавшими на этом далеком архипелаге. И все они не могли забыть его суровой красоты, ослепительно белых горных пиков и синей глади фьордов, оглушительного гомона птичьих базаров и скромного очарования тундровых цветов, зеленовато-прозрачных стен прибрежных ледниковых обрывов и красок северного сияния…

И когда зимовщики, возвращаясь на родную землю, отплывают от берега, то с борта теплохода они по традиции бросают в воду старые сапоги — в знак того, что когда-нибудь вернутся на эту студеную, но прекрасную землю.

Скандинавские фьорды

(Норвегия)

Теплоход поворачивает в узкое двухсотметровое горло залива, и неожиданно звенящая, почти торжественная тишина окружает путешественника. Позади остается шум волн вечно бурного Норвежского моря, и судно, плывущее сквозь призрачную ясность белой северной ночи по уснувшей воде, окружают лишь километровые отвесные стены берегов и спокойная гладь залива. Только крики чаек да изредка возникающий шум водопадов, срывающихся с сумрачных утесов, нарушают величавый покой.

Ощущение неправдоподобности, какой-то сказочной нереальности охватывает человека, час за часом плывущего по такой «морской реке» между серыми бастионами скал, лишь кое-где перемежающимися узкими зелеными долинами. И поневоле задумываешься о том, что за силы природы сумели создать у побережья Норвегии этот удивительный край — край ледников и водопадов, гранитных островков, заливов и проливов, равного которому по красоте и величию нет больше нигде на Земле.

Западную часть крупнейшего в Европе Скандинавского полуострова занимают суровые и скалистые Скандинавские горы, протянувшиеся почти на 1700 километров от пролива Скагеррак до самой северной оконечности этой части света — мыса Нордкап. Об их крутизне и труднодоступности говорит уже тот факт, что на двухсоткилометровом участке железной дороги Осло — Берген насчитывается 178 тоннелей. Вот что такое горы Скандинавии! Возвышающиеся над водами Норвежского моря на 1500–2400 метров, они состоят из множества плоскогорий и хребтов, разделенных узкими, глубокими и извилистыми заливами — фьордами.

На карте их извивающиеся голубые полосы выглядят сотнями длинных морских языков, одновременно лизнувших берег Норвегии. Образовались фьорды в давние времена, когда всю Скандинавию занимал огромный ледник. В его краевых частях могучие ледяные потоки протачивали и углубляли древние речные долины, спускаясь прямо в море и отправляя в плавание по нему белоснежные флотилии айсбергов. Позже, когда ледник отступил, а уровень моря повысился, морские воды заполнили ущелья, созданные льдом, образовав одно из красивейших побережий мира — область Великих Северных Фьордов.

Подобные заливы существуют и в других районах мира — в Новой Зеландии и Гренландии, на юге Чили, на Шпицбергене и на Новой Земле. Очень напоминают фьорды своим обликом и горные озера на суровом плато Путорана в Сибири, недалеко от города Норильска. Но норвежские фьорды с их отвесными, вздымающимися на 600–900 метров берегами, спускающимися по ущельям потоками ледников и зелеными шапками ельников на плоских вершинах гор, буквально очаровывают путешественника своей суровой красотой.

Самый длинный и глубокий из них — Согнефьорд — врезается в побережье на 220 километров при ширине всего в 3–6 километров. Эта настоящая «морская реки» поражает и своей глубиной, достигающей 1244 метров! В глубине полуострова Согнефьорд делится на несколько ветвей, одна из которых, самая северная, начинается у подножия безжизненного каменистого плоскогорья Юстельдабре. Покрывающий его ледник — самый большой в Европе — занимает площадь почти в 900 квадратных километров. Толщина ледника в центре превышает 300 метров, а по краям длинные ледяные языки сползают вниз по ущельям и дают начало многочисленным ручьям и речкам.

Посредине ледника находится единственное в своем роде озеро Дуэн, заполняющее глубокую впадину между ледяными берегами. По его синей глади ходят туристские теплоходы, которые предусмотрительно держатся подальше от ледяных нагромождений по берегам озера. Порой солидный кусок ледяного потока обрывается и скользит по склону вниз, грохотом и всплеском нарушая покой озера и наполняя окрестности гулом и раскатами эха.

Туристы, расположившиеся на палубах судов, часами любуются величественным зрелищем крутых скалистых берегов, с высоты которых прямо в море срываются пенные струи водопадов. Здесь сосредоточены все высочайшие водопады Европы, превосходящие своей мощью и фантастическим рисунком струй прославленные водопады Альп и Пиренеев. Самый высокий из них — Утигард — падает с высоты 610 метров. Это четвертый по высоте водопад мира после Анхеля в Венесуэле (1054 метра), Тугелы в ЮАР (933 метра) и Йосемитского в США (727 метров). Немногим уступают Утигарду и его соседи: Киле (561 метр), Мардальфосс (297 метров), Рьюканфосс (271 метр) и Веттифосс (260 метров). Еще по крайней мере десяток водных потоков имеют высоту падения более ста метров.

Особенно славится красотой своих водопадов Хардангерфьорд — южный сосед Согнефьорда. Здесь их целых три: многоструйный Семь Сестер, мощный Жених и льющаяся вниз широким пенистым веером Фата Невесты. В древнем скандинавском предании рассказывается о семи сестрах-красавицах, к которым пришел свататься сильный и смелый воин-викинг. Сестры предложили ему выбрать любую из них и прийти назавтра с фатой для своей избранницы. Юноша-воин приобрел фату и уже собирался итти за невестой, но в последний момент остановился, не зная, какую же из семи красавиц ему выбрать. Так и не сдвинулся он с места, так и не дождались его красавицы-сестры, так и осталась висеть на скале новенькая свадебная фата. И навеки застыли все они у берега фьорда в

виде трех прекрасных водопадов. И по сей день льются с высокой скалы в море семь нежных струй — семь сестер. А напротив, на другой стороне фьорда, красуется могучий жених, и неподалеку от него легким кисейным кружевом струится фата невесты.

Во многих фьордах солнце в ясную погоду сияет в брызгах водопадов яркими радугами, и теплоходы проходят прямо под этими семицветными мостами. А кое-где небольшие катера с туристами могут проплыть непосредственно между отвесной скалой и шумной дугой водопада.

С борта самолета норвежское побережье кажется каменным кружевом, сотканным из сотен и тысяч островков, мысов, бухт, фьордов, отмелей и скал. Однако при всей своей живописности оно остается опасным для многочисленных рыбацких судов, промышляющих в этих водах. Острова, правда, защищают корабли от штормовых волн, но в узких проливах подстерегают моряков коварные течения и подводные скалы.

Все помнят, наверное, описанный в финале романа Жюля Верна «20 тысяч лье под водой» чудовищный морской водоворот Мальстрем. Он образуется в одном из проливов Вестфьорда у Лофотенских островов, когда течение Маскестром (одна из ветвей Гольфстрима) сталкивается здесь с идущей навстречу приливной волной. Не раз и не два гибли в пучине Мальстрема корабли, и леденящие душу рассказы бывалых моряков сделали его своего рода символом всепожирающей морской бездны.

Высота приливов у берегов Норвегии достигает четырех метров. Поэтому перед узкими входами во многие фьорды (которые к тому же обычно имеют подводный скальный порог, еще более затрудняющий проход воды внутрь залива) возникает значительный перепад уровней воды. В некоторых фьордах можно благодаря этому наблюдать настоящие «морские водопады».

Спускающиеся с гор ледники, как правило, не достигают береговой черты фьордов. Продолжающийся вот уже 200 лет период потепления климата вызвал отступание ледяных языков, от которых остались в прибрежных частях долин лишь гряды моренных валунов. Только на самом севере страны ледник Тальвик спускается к самому берегу Иекельфьорда. Это единственное место на материке Евразии, где можно увидеть, как сползающие в воду ледяные поля отламываются волнами и уплывают в открытое море. Порой, в тихую погоду, язык ледника уходит под воду и уже там переламывается, так что айсберги всплывают на поверхность из глубины, пугая проплывающих тюленей.

Разнообразие и причудливый облик скал на островах и мысах области фьордов породили множество легенд и поэтичных имен отдельных островов и гор. Так, узкая и высокая скала у побережья Вестфьорда носит название Стовен («Посох великана»), другая, Гестманден («Плащ путника»), действительно напоминает всадника, закутанного в плащ и скачущего куда-то сквозь непогоду.

Но самый известный, наверное, остров в Норвегии — это Торгаттен. Он представляет собой громадный утес высотой в 240 метров, прорезанный примерно на половине своей высоты сквозным естественным тоннелем-гротом длиной в 270 метров. Высота входа в грот с юго-запада составляет 66 метров, а с северо-востока — 36 метров. Любознательные

туристы, сумевшие взобраться на утес, могут любоваться из этого тоннеля, словно через огромную подзорную трубу, панорамой моря с его островами, скалами и плывущими кораблями. Согласно древней легенде, отверстие в скале было пробито стрелой великана, фигура которого, превратившаяся в утес, видна на берегу в нескольких километрах от острова.

Вообще, прибрежные острова составляют существенную часть страны фьордов, дополняя ее суровый облик новыми, более жизнерадостными красками. Более 150 тысяч таких островов и островков насчитывается у побережья Норвегии. Норвежцы называют их «кальв» («детеныши»). И впрямь, глядя на их округлые, обточенные морем и мокрые от волн и брызг купола, можно подумать, что это спины резвящихся в воде детенышей каких-то сказочных морских зверей.

В каждом проливе путешественника ожидают новые, непохожие на уже увиденные, пейзажи. По разнообразию видов и яркости впечатлений побережье Норвегии не знает себе равных. И не случайно эту небольшую страну посещает в год четыре миллиона туристов, которые приезжают порой даже с других континентов, чтобы увидеть своими глазами величественную красоту северных фьордов.

Мыс Нордкап

(Норвегия)

Сюда не летают самолеты, не мчатся поезда и автомобили — добраться к Нордкапу можно только морем.

Знаменитый мыс является самой северной точкой самой северной страны в континентальной Европе — Норвегии. Ближайший к нему порт — маленький рыбацкий городок Хаммерфест. Его обычно считают самым северным городом на земном шаре. И хотя это звание оспаривают у Хаммерфеста наши заполярные Хатанга и Тикси и гренландский Туле, но, строго говоря, все они, пожалуй, поселки. А норвежский порт наделен всеми чертами города: прямые чистые улицы с электрическим освещением, большой рыбозавод, бетонные причалы, многоэтажные дома… Так что стоит, видимо, оставить пальму первенства за Хаммерфестом, тем более что именно отсюда начинается путь к Нордкапу.

Теплоход, выйдя из порта, берет курс на норд-ост, осторожно нащупывая фарватер среди хаоса скалистых островков. Позади остается суета моторных лодок и рыболовных сейнеров в бухте Хаммерфеста, запах смолы и рыбы, характерный для всех норвежских портов, и, наконец, судно выходит в открытое море.

Северо-Атлантическое течение — одна из ветвей Гольфстрима — приносит к скандинавским берегам теплые воды южных морей, поэтому Норвежское море не замерзает даже в самые суровые зимы. Но встреча нагретых струй этого течения с холодным дыханием Заполярья оборачивается туманами и дождями, так что обычно Нордкап укутан серой пеленой: ясные, солнечные деньки случаются здесь нечасто.

Название Нордкап переводится, как «Северный мыс». Если быть точным, то формально самым северным на континенте следует считать не его, а расположенный по соседству мыс Нордкин. Нордкап же лежит на острове, отделенном от европейского берега узким проливом. Но невыразительный облик Нордкина, почти не выделяющегося среди других мысов одноименного полуострова, не привлекает к нему внимания

туристов.

Нордкап же гораздо эффектнее и величественнее и к тому же дальше выдвинут к северу, так что традиционно именно его всегда считали и считают северным окончанием нашей части света.

Мыс этот находится на краю пустынного островка Магере. Внушительной трехсотметровой громадой поднимается он над морскими волнами, выступая вперед, словно нос огромного корабля. Над ним все лето (если нет тумана) сияет незаходящее полярное солнце и кружатся стаи птиц — обитателей расположенного рядом птичьего базара. Гигантская гранитная скала разбита трещинами на три выступа: средний, самый большой, и есть Нордкап.

С трудом войдя в маленькую бухту, теплоход швартуется у скалистого берега. Подъем отсюда к мысу раньше занимал несколько часов и требовал определенной смелости. Теперь вместо узкой тропинки наверх ведет удобная лестница, так что прибывшие сюда путешественники взбираются на вершину скалы без особых сложностей.

Верхняя часть Нордкапа совершенно плоская, как стол. Она покрыта каменистой тундрой с небольшими озерами и пятнами снежников. Быстрые ручьи мчатся от них к краю скалы и срываются вниз пенистыми каскадами. Окаймленная серо-зеленым ковром мхов и лишайников дорожка ведет на север — туда, куда указывает белая стрела на столбе, вбитом у края обрыва.

С маленькой смотровой площадки, огороженной перилами, — открывается потрясающий вид. С трех сторон — с запада, севера и востока — Нордкап окружают безбрежные просторы Северного Ледовитого океана. Шумят и пенятся волны у подножья утеса, жутковато и как-то неуютно заглядывать туда, вниз, с трехсотметрового обрыва. Белые гребни волн бегут по темно-синей поверхности воды, разбиваются о скалы и дают о себе знать раскатистым угрюмым гулом.

В разгар полярного дня вид с вершины Нордкапа прекрасен в любую погоду. Даже когда сгущаются низкие тучи и моросит мелкий серенький дождик, Северный мыс высится над бушующим морем во всем своем мрачном великолепии, словно могучая средневековая крепость, отражающая приступ за приступом набеги штурмующих волн.

Голую каменистую равнину, простирающуюся далеко на юг, оживляют только россыпи серых каменных глыб и прижавшиеся к земле крохотные корявые березовые рощицы. Где-то там, в тундрах самой северной норвежской провинции Финнмаркен, кочуют со своими оленьими стадами аборигены здешних мест — молчаливые саами. Свои крытые шкурами чумы они ставят сегодня здесь, а завтра — на новом месте, там, где достаточно оленьего лишайника — ягеля, чтобы прокормить небольшое стадо. Верный друг кочевника — лайка — помогает уберечь оленей от волков.

А над скалами Нордкапа стоит неумолчный гам и шум сотен тысяч крыльев. На узких уступах крутых прибрежных скал суетятся мириады белых, серых и черных комочков. Чайки, кайры, гаги и прочие пернатые обитатели побережья выводят здесь птенцов, ссорятся, дерутся, время от времени взлетая над морем и камнем падая к волнам за очередной рыбешкой. Отчаянные смельчаки забираются на скользкие скалы за

добычей: птичьими яйцами и теплым пухом, выстилающим гнезда. Немного, пожалуй, найдется на земле занятий более рискованных, чем это полярное «скалолазание».

Когда же наступает время бросить последний взгляд на расстилающуюся внизу суровую водную ширь и спускаться в бухту, где ждет теплоход, многие, наверное, со вздохом подумают о том, что летний Нордкап прекрасен, но все же в тысячу раз великолепней его облик в разгар полярной ночи, когда над могучей громадой мрачного мыса полыхают нескончаемые сполохи северного сияния.

И входя на борт судна, дают себе слово еще раз вернуться сюда, в царство моря и камня, где над океанским простором гордо и величаво высится мыс Нордкап — самый северный мыс Европы.

Остров Исландия

(Исландия)

Когда начинаешь рассказ об Исландии, трудно решить, о чем писать в первую очередь. Чудес и красот природа для этого далекого острова — «отшельника Атлантики» — явно не пожалела: среди них гейзеры и горячие источники, ледники и айсберги, водопады и горные озера… Но главная достопримечательность Исландии — конечно, вулканы, такие непохожие на огнедышащие горы других районов Земли и так эффектно проявляющие свой нрав и на суше, и под водой, и даже подо льдом.

В иллюминатор самолета, подлетающего к Исландии, уже издалека видны высокие конусы вулканов, одетые в белые чехлы из снега и льда. Спускающиеся в долины языки ледников похожи сверху на гигантские застывшие водопады. Они резко бросаются в глаза на фоне черных базальтовых лав, покрывающих горные склоны. Ни в одной европейской стране ледяные поля не занимают так много места: восьмую часть всей территории!

Самый большой покровный ледник — Ватнайекудль (в переводе — «ледник, дающий воду») — располагается на юго-востоке острова. Это обширное ледяное плато, проткнутое в восьми местах остриями потухших и действующих вулканов. Исландский ледник — самая большая область современного оледенения в Европе.

Но первое, что видишь, выходя из самолета, это горы. Из европейских стран только в Швейцарии они занимают большую площадь. Могучие обледенелые купола и конусы исландских вулканов поднимаются порой на два километра. Почти всегда их верхушки закрыты облаками, и в лучах заката горы кажутся увенчанными золотыми коронами.

Уже в столице страны вулканический остров начинает демонстрировать свои природные диковинки. Древние викинги, осваивавшие Исландию в IX веке, назвали залив, где теперь расположен город, Рейкьявик («Дымящаяся бухта») — из-за белых клубов пара, поднимающихся от многочисленных горячих источников. Бухта дала название первому поселению в стране, ставшему ее столицей.

Источники теперь отапливают дома и теплицы горожан, поэтому в Рейкьявике не найдешь в наши дни ни одной дымовой трубы: весь город обогревается подземным теплом.

Есть на острове и своя долина гейзеров — Хаукадалур. Она располагается в сотне километров к востоку от Рейкьявика, у подножья

ледника Лаунгйекудль. Именно здесь находится знаменитый Большой Гейзер, поразивший в свое время первопоселенцев Исландии. Это был первый природный горячий фонтан, который увидели европейцы. Впоследствии его именем стали называть все фонтанирующие горячие источники.

Трехметровое жерло Большого Гейзера открывается посреди чашеобразного бассейна из белого известкового туфа. Оно заполнено кипятком бирюзового цвета, который то выплескивается на дно чаши, то опять уходит в отверстие. Наконец, гейзер собирается с силами и трижды подряд выбрасывает в небо мощную струю высотой в 40–60 метров. Десять минут длится этот «салют», а затем вода и пар как бы втягиваются назад в жерло. В последнее время Большой Гейзер извергается все реже. Зато его сосед — гейзер Штоккр — еще полон сил и пунктуально радует туристов своими струями, взлетающими на 30–40 метров вверх.

Еще одна гейзерная долина расположена у северного края уже упомянутого большого ледника Ватнайекудль, рядом с вулканом Кверкфьедль. А всего в Исландии открыто 250 групп термальных источников, включающих 7000 горячих ключей — больше, чем где бы то ни было в мире. Это и неудивительно — ведь температура недр острова очень высока. В некоторых местах она с каждым метром глубины увеличивается на полградуса. (Для сравнения: в Москве этот показатель — одна сотая градуса на метр.)

Еще одно чудо Исландии — это ее водопады. Кто хоть раз побывает здесь, никогда не сможет забыть их буквально ликующей красоты. Среди черных скал, зеленых мхов, белых снегов и голубых ледников срываются с лавовых уступов короткие и бурные исландские реки, рождая удивительное многообразие форм и очертаний водопадных струй. Эти водопады воспеты в сагах, поэмах, сказках и романах исландцев.

Самым красивым из всех они считают Гудльфосс («Золотой водопад») на реке Хвитау, недалеко от Большого Гейзера. Двумя ступенями высотой 20 и 36 метров падает тут река в узкое ущелье глубиной 70 метров и мчится по нему пять километров до выхода на равнину. В солнечный день облако брызг в теснине обрамлено яркой радугой, сквозь арку которой можно подойти вплотную к падающей стене воды. Живописность водяных струй особенно выигрывает из-за контраста цветов мелочнобелого потока (Хвитау по-исландски — «белая») и иссиня-черных базальтовых скал, на которые шумно обрушивается Гудльфосс.

А самый высокий водопад страны — Хауифосс, расположенный на соседней реке Фоссад, имеет высоту 130 метров. Одним длинным прыжком слетает здесь Фоссад с лавового плато и падает в долину белоснежной лентой, расширяющейся книзу.

Но королем всех водопадов Исландии, бесспорно, является могучий Деттифосс — самый мощный водопад Европы. Он находится далеко на севере острова, и добраться до него нелегко. Но путешественник, решившийся на трудный и дальний путь к студеным берегам Гренландского моря, по которому и летом, бывает, плавают айсберги, будет наверняка вознагражден за свое упорство.

Одна из самых больших исландских рек с длинным названием Йекульсау-ау-Фьедлум падает перед самым выходом на равнину с

44-метрового уступа могучей водяной стеной, чем-то напоминающей Ниагару. Исландский поэт сравнил упругие, пружинистые струи Деттифосса с туго свитыми девичьими косами. Из-за ледникового питания цвет воды в водопаде — буро-коричневый, что необычно для исландских рек. Огромная масса воды с рокотом исчезает в гигантской расселине длиной в 30 километров и глубиной в 100 метров. В летнюю пору, когда тают ледники, через водопад проходит двести кубометров воды в секунду! Выше и ниже по течению реки шумят еще пять водопадов, правда, поменьше, чем Деттифосс.

Удивительны и озера Исландии. Многие из них не замерзают всю зиму из-за обилия теплых источников на дне. Такие места обычно населяют многочисленные колонии птиц. Жемчужиной острова считается расположенное на самом севере Исландии озеро Миватн («Комариное озеро»), знаменитое обилием форели в его водах и диких уток на берегах. Последних здесь добрых десять тысяч, и всем им хватает пищи в теплых незамерзающих водах озера Миватн.

А вот большое озеро Тоурисватн у подножья вулкана Гекла абсолютно безжизненно. Воды его, подпруженные застывшим лавовым потоком, отравлены вулканическими газами.

Гекла — самый популярный вулкан Исландии. Ее идеально правильный пологий конус хорошо виден из Рейкьявика, и для исландцев она такой же национальный символ, как для японцев — Фудзияма. И так же, как в Японии, тысячи туристов стремятся подняться каждый год на ее вершину и заглянуть в темную глубину кратера.

Но нрав у Геклы весьма беспокойный. Первое известное людям извержение ее произошло в 1104 году. В дальнейшем вулкан просыпался еще более двадцати раз с интервалами от двадцати до ста двух лет. Последний раз это случилось в 1991 году. А всего на острове за тысячу лет исландской истории зафиксировано больше ста пятидесяти извержений вулканов!

В средние века Гекла была самым активным и самым известным вулканом в Европе. Слухи об исландской огнедышащей горе ходили по всей Европе, наводя ужас на христианский мир. О Гекле сочинялись легенды, одна нелепее другой. В любом монастыре Англии или Германии ученые монахи рассказывали пастве, что именно в кратере этого вулкана находится вход в ад. А в трудах итальянских иезуитов XVII века можно встретить, например, такие строки: *«Бог знает, что подобные отверстия должны быть на Земле, чтобы люди могли видеть муки ада и чистилища и были более набожными».*

Находились «очевидцы», которые утверждали, что уже на расстоянии одной мили от Геклы можно услышать крики грешников, плач и скрежет зубов, когда большие вороны гонят грешные души в эти адские врата. Когда в 1700 году двое натуралистов, прибывших в Исландию, хотели подняться на Геклу и исследовать ее кратер, они не смогли найти носильщиков: никто из местных жителей не желал добровольно отправиться в гости к дьяволу.

Надо сказать, что для страха, внушаемого грозной горой, были достаточно веские естественные причины. Мало того, что извержения Геклы были часты и впечатляющи, она вдобавок находилась близко от

густо населенных окрестностей Рейкьявика, и каждый всплеск ее активности приносил ощутимый ущерб, не сравнимый с вредом, наносимым более отдаленными вулканами. Самые мощные извержения Геклы происходили в 1300, 1510, 1693 и 1766 годах. При этом она выбрасывала обильные тучи пепла и губила на корню скудный урожай исландцев, а заодно уничтожала и овечьи пастбища. В 1766 году пепел и вулканические бомбы летели на юго-запад, как раз в сторону Рейкьявика, и продолжавшееся два года извержение принесло наибольший урон жителям. О силе извержения можно судить по тому, что вулканической бомбой был наповал убит крестьянин, находившийся в восьмидесяти километрах от вулкана!

Через 77 лет, в 1845 году, началось новое извержение Геклы. На этот раз пепел понесло на восток, и вскоре было замечено его выпадение на Оркнейских островах и на севере Шотландии. Снова пострадали горные пастбища исландцев, но Рейкьявик беды обошли стороной. Больше ста лет дремала потом Гекла, но в 1947 году взрыв огромной силы возвестил о новом извержении. Уже через десять минут после первых подземных толчков из кратера вулкана поднялся столб вулканического пепла и газов высотой в 30 километров. Взрывы были слышны даже на противоположном конце острова. Вся местность к югу от вулкана погрузилась во мрак. Восемь вновь образовавшихся кратеров изливали огненные потоки лавы. Снег на вершине растаял, и потоки грязи, смешанной с камнями и пеплом, ринулись в долины. Вся округа покрылась толстым слоем пепла. Ветер разносил его за тысячи километров, и уже через 51 час было зафиксировано его выпадение в столице Финляндии Хельсинки.

Однако классические вулканы центрального типа не слишком характерны для Исландии. Здесь иной — трещинный тип вулканизма. Ярким примером его может служить страшное извержение вулкана Лаки в 1783 году. Собственно говоря, Лаки даже не вулкан, а гигантская трещина в земной коре, заполненная застывшей лавой.

В июне 1783 года сильное землетрясение заставило людей выбежать из домов. Затем из земли поднялись три фонтана пара и дыма. Вскоре они превратились в огненные колонны, а затем слились в сплошную стену огня. В недрах раздавался грохот, треск и гул. Через несколько дней прогремел оглушительный взрыв и образовалась исполинская тридцатикилометровая трещина. Из нее поднялось больше двадцати огненных столбов, которые потом соединились, образовав сплошную завесу огня на всем протяжении трещины. Потом из трещины широким потоком полилась жидкая лава, заполняя окрестные долины, перекрывая путь рекам, уничтожая селения. Местные жители в панике бежали куда глаза глядят, бросая дома и имущество.

Одна из рек, запруженная потоком лавы, образовала новое озеро. А из трещины продолжали вылетать пепел, шлак и бомбы. Неделями не видно было солнца. Еще хуже стало, когда пошли дожди. Пепел смывало с гор и сносило на поля и пастбища. Дождевая влага, вобравшая в себя вулканические пары и газы, превратилась в кислоту, которая обугливала одежду и обжигала тело. Вот когда впору было переменить мнение о том, где находятся ворота в ад.

Жар сменялся холодом, кислотный дождь — градом, снежная метель — выпадением пепла. Наконец, извержение стало стихать. Пламя огненных столбов померкло и приобрело голубовато-зеленоватый оттенок. Казалось, можно перевести дух. Но это была лишь передышка. Вулкан снова набрал силу, и все повторилось, только мощь извержения еще более увеличилась. Потоки лавы сносили уцелевшие дома, церкви и даже скалы, а вода от тающих ледников смывала все, что не уничтожила лава.

Чудовищные потоки лавы высотой до ста метров медленно ползли по острову в трех направлениях, образуя на крутых обрывах огненные лавопады. По мощности они в 2–3 раза превосходили сток крупных европейских рек, таких как Рейн или Эльба. Только через пять месяцев извержение пошло на убыль, но лишь еще через три месяца Лаки затих окончательно.

Целый год потом солнце светило над Исландией не в полную силу: мешал пепел, висевший в воздухе. Пепел от извержения Лаки вьщадал даже в Северной Африке. В результате катастрофы погибла половина рогатого скота, три четверти лошадей и четыре пятых всех овец на острове. Погибли почти все птицы и множество рыбы в озерах и прибрежных частях моря. Голод, начавшийся на острове, и пришедшие за ним болезни косили население страны. Меньше чем за год оно уменьшилось на треть (с 30 до 20 тысяч человек). Полвека не могла Исландия оправиться от последствий жуткого катаклизма.

Извержения вулканов происходят порой не только на самой Исландии, но и на дне океана у ее берегов, а также на мелких островках у побережья. Так, в 1973 году началось извержение вулкана Хельгафедль на острове Хеймаэй у южного берега Исландии. Оно длилось полтора года, и за это время площадь острова выросла в полтора раза за счет излившейся в море лавы, потоки которой достигали трехсотметровой высоты. Важный рыболовный порт Вестманнаэйяр — четвертый по величине город страны — был разрушен и засыпан пеплом и вулканическими бомбами подобно античным Помпеям. Жителей, правда, удалось вовремя эвакуировать, и после окончания извержения они, в отличие от римлян, сумели откопать улицы и дома утонувшего в пепле города. Теперь рыбацкая столица Исландии вернулась к нормальной жизни.

Подводные извержения также представляют собой грозное и величественное зрелище. Однако наблюдать их от начала до конца удается крайне редко. Исключением стала огненная эпопея у берегов Исландии в 1963 году.

В конце ноября этого года с рыболовной шхуны на рассвете заметили столб дыма над океаном. Решив, что горит какое-то судно, рыбаки поспешили на помощь. Но скоро запах сернистого газа, мощные толчки, отдававшиеся на палубе, клубы пара и густое черное облако, все выше поднимавшееся к небу, недвусмысленно дали понять экипажу, что на дне океана извергается вулкан.

К вечеру из воды показался черный островок. В центре его зиял кратер, из которого поток лавы, нагретый до 1200 градусов, низвергался огненным водопадом в океан. Вода кипела и бурлила. А над ней поднималось огромное облако. Скоро оно достигло высоты в десять километров и закрыло солнце. В черных тучах пепла сверкали молнии. На

следующий день полился черный дождь из воды с пеплом.

Облако, висевшее над островком, было видно из Рейкьявика, с расстояния в 120 километров. Ученые наблюдали за ходом извержения с самолетов и судов, хотя при этом рисковали попасть под прямое попадание вулканической бомбы. Остров, появившийся из океана, быстро рос. В первый день он поднялся над водой на десять метров и достиг в длину полукилометра. Через два дня он достиг высоты сорок метров, еще через три дня поднялся на сто метров над океаном. Через два с половиной месяца новый остров возвышался уже почти на двести метров и имел в диаметре полтора километра. Ему дали имя Сюртсей, в честь древнескандинавского бога огня Сюртура.

А в мае 1965 года в шестистах метрах от Сюртсея в результате нового подводного извержения появился еще один островок, но вскоре был размыт волнами. Между тем активность вулкана на Сюртсее не уменьшалась. Новые потоки лавы продолжали увеличивать территорию острова. Лишь в июне 1967 года, через три года и семь месяцев, на Сюртсее наступила тишина. Новый остров долго еще сохранял жар остывающей лавы. Но уже через год его начали обживать птицы, потом появились и первые растения, а затем мухи и бабочки.

Земная кора в районе Исландии постоянно испытывает напряжение. Ведь остров расположен точно на гребне Срединно-Атлантического глобального тектонического шва, вдоль которого происходит расхождение литосферных плит, несущих Северную Америку и Евразию. Каждый год они «отъезжают» друг от друга на два сантиметра, и процесс этот сопровождается все новыми подземными катаклизмами. Извержения вулканов в Исландии случаются каждые пять лет, а землетрясения — и того чаще.

И для туристов, любящих по-настоящему острые ощущения, нет притягательнее страны в Европе, чем этот остров огня и льда, где ждут двести вулканов и сто двадцать водопадов, десятки горячих гейзеров, синих озер и просторных ледников. А кроме того, кто же откажется побывать в стране, где можно пройтись по улицам «современных Помпеи» и ступить ногой на берег свежеиспеченного (в буквальном смысле) острова, которому нет еще и сорока лет.

Мостовая Гигантов

(Ирландия)

На северо-востоке острова Ирландия, на берегу Северного пролива, ведущего из Атлантики в Ирландское море, поднимаются невысокие, чуть выше полукилометра, горы Антрим.

Они сложены черными базальтами — следами деятельности древних вулканов, высившихся вдоль гигантского разлома, отделившего 60 миллионов лет назад Ирландию от Великобритании. Покровы черных лав, излившихся из их кратеров, образовали прибрежные горы на ирландском побережье и на Гебридских островах, по ту сторону Северного пролива.

Удивительная порода — этот базальт! Жидкая, легко текучая в расплавленном виде (по склонам вулканов базальтовые потоки несутся порой со скоростью до 50 километров в час), она при остывании и затвердевании трескается, образуя правильные шестигранные призмы. Издали базальтовые обрывы напоминают огромные органы с сотнями

черных труб. А когда поток лавы стекает в море, возникают иной раз такие причудливые образования, что трудно не поверить в их волшебное происхождение.

Именно такую шутку природы можно наблюдать у подножья Антрима. От вулканического массива отделяется здесь своеобразная «дорога в никуда». Сверху она выглядит, как мощеная шестигранной брусчаткой дамба, уходящая в море на 150 метров, а затем внезапно обрывающаяся. Вот только «булыжники» этой брусчатки немного великоваты: каждый метра полтора в поперечнике! Дамба возвышается над морем на шесть метров и состоит примерно из 40 000 базальтовых колонн. Она похожа на недостроенный мост через пролив, задуманный каким-то сказочным великаном, и носит название «Мостовая Гигантов».

Еще 200 лет назад вокруг предполагаемых причин ее появления кипели яростные споры. Одни ученые считали, что прибой обнажил здесь окаменелый бамбуковый лес, другие думали, что это — огромные кристаллы, образовавшиеся в водах древнего моря. Лишь позже было доказано вулканическое происхождение удивительных шестигранников.

Понятно, что древние кельты, населявшие Ирландию тысячу лет назад, не могли не заметить Мостовую Гигантов. А заметив, не могли не пытаться найти объяснение этой необычной постройке, в меру своей фантазии и в соответствии с традициями своего фольклора.

Одно из древнеирландских преданий рассказывает, что Мостовую построил в незапамятные времена великан Финн Маккул, чтобы напасть на своего заклятого врага — великана Финна Галла, жившего на Гебридских островах. Финн Маккул вбивал столбы по одному в морское дно, пока не выстроил дамбу через весь пролив, после чего улегся поспать перед поединком. Тем временем Финн Галл увидел дорогу, проложенную его соперником, и решил перехитрить его — напасть первым. На берегу он увидел спящего великана и был поражен его огромным ростом. «Кто это? Уж не Финн ли Маккул?» — спросил он у подошедшей жены великана. «Да что ты! Это всего лишь его сын, он не достанет отцу и до пояса!» — солгала та, решив припугнуть врага.

Придя в ужас от мысли, что придется сражаться с таким гигантом, Финн Галл бросился бежать по дамбе к родному берегу. Но в пути он спохватился и принялся уничтожать мост. Лишь начало его он побоялся тронуть, опасаясь разбудить Маккула. Потому-то остатки дамбы и уходят в море от подножья Антрима…

Долгое время легенда эта считалась просто вымышленной поэтичной историей, не связанной с каким-то конкретным местом. Лишь в конце XVII века епископ Деррийский убедился в реальности существования Мостовой Гигантов. Но только через сто лет, когда было издано иллюстрированное описание необычного природного феномена с приложением текста древней легенды, началось массовое паломничество публики к побережью пролива. Популярности Мостовой Гигантов способствовало и то, что расположена она всего в полсотне километров от крупного города Белфаста, и до нее было нетрудно добраться за день верхом или в карете.

К тому же путь к загадочной природной дамбе пролегал по удивительно живописным местам. На побережье графства Антрим нет

недостатка в красивых бухтах, обрамленных черными лавовыми утесами, уютных пляжах, скалистых островках с таинственными пещерами и высоких сумрачных мысах, защищенных стройными базальтовыми колоннами, о которые гулко ударяется пенная волна прибоя…

Интересно, что на восточном берегу Северного пролива, у побережья Шотландии, тоже во многих местах встречаются базальтовые покровы. Особенно эффектно они выглядят на небольшом острове Стафф в Гебридском архипелаге, в 120 километрах от моста Финна Маккула. Волны, подточившие основание островка, обнажили стройные ряды 40-метровых базальтовых колонн, составляющие как бы фундамент Стаффа. Издали кажется, что остров покоится на частоколе из черных граненых свай.

В одном месте море размыло менее прочную часть лавового потока, выточив в нем гигантскую пещеру-нишу глубиной в 60 метров. Ее стены, основание и свод состоят из базальтовых шестигранников, подобных тем, что сформировали Мостовую Гигантов. В свое время остров Стафф посетил президент Лондонского географического общества, знаменитый натуралист Джозеф Бенкс, участник первого плавания Кука. Потрясенный масштабами грандиозной пещеры, вполне подходящей для проживания великана, он предложил назвать ее Гротом Фингала, в честь легендарного соперника Финна Маккула. Название, придуманное Бенксом, прижилось, и теперь оба гиганта из древнего предания имеют у берегов Северного пролива по уникальному природному монументу, связанному с историей их соперничества.

Мрачная живописность Фингаловой пещеры уже начиная с XVIII века вдохновляла поэтов-романтиков на создание стихов и баллад об этом жилище гиганта. Не меньшей популярностью у литераторов пользовалась и Мостовая Гигантов, или, как ее еще называли, Тропа Великанов. Грот и тропа описаны во многих романах и новеллах прошедших времен. Базальтовым монументам отдали дань Байрон и Шелли, Теккерей и Фильдинг. Воспевали эти романтические скалы и русские поэты, в частности Жуковский. Позже, в XX веке, композитор Мендельсон написал, побывав в Шотландии, свою знаменитую музыкальную пьесу «Фингалова пещера».

А уже упомянутый нами Джозеф Бенкс оценил эти чудеса природы просто и выразительно: *«По сравнению с этим что такое соборы и дворцы, возведенные человеком? Просто игрушечные домики!»*

Но из-за труднодоступности острова Стаффа большинство знает Грот Фингала только по фотографиям. До ирландской же базальтовой дамбы без особых сложностей может добраться из столицы Ольстера — Белфаста — всякий любознательный путешественник. И, право, стоит побывать в Северной Ирландии, чтобы, подобно древним великанам, пройтись по отполированным морем черным шестигранным столбам легендарной Мостовой Гигантов.

Долина Глен-Мор

(Великобритания)

Самый большой остров Европы — Великобритания в северной части пересекает наискосок огромный тектонический разлом, словно шрам от удара гигантского топора, разрубившего пополам Шотландское нагорье. На

карте разлом выглядит, как идеально прямая зелено-голубая полоса, прорезавшая горную Шотландию с северо-востока на юго-запад — от залива Мори-Ферт до залива Ферт-оф-Лорн.

Эта долина носит название Глен-Мор. И сама она, и берега длинных узких озер, цепочкой протянувшихся вдоль долины, словно проведены по линейке. Эту прямую линию продолжают и северные берега обоих заливов, так что общая длина загадочного шрама достигает двухсот километров.

Геологи считают, что разлом, прорубивший долину, был не простым. Вдоль него произошел еще и сдвиг почти на 100 километров, и гранитные массивы, лежащие на северо-западном берегу Ферт-оф-Лорна, находят свое продолжение возле Инвернесса, на южном берегу Мори-Ферта.

Разломы и сдвиги, сбросы и надвиги сотрясали эту территорию 200 миллионов лет назад, когда огромный материк Лавразия распадался на сегодняшние Евразию и Северную Америку. В это время откололись и разошлись в разные стороны крупные острова: Гренландия, Ньюфаундленд, Великобритания, Ирландия и Шпицберген. Если попытаться вырезать из карты и сложить воедино части бывшей Лавразии, мы увидим, кстати, продолжение Глен-Мора в виде такой же тектонической долины на Ньюфаундленде.

На линию разлома-сдвига нанизана живописная озерная цепочка из озер Лох-Несс, Лох-Ойх, Лох-Лохи и фактически ставшего морским заливом Лох-Линне.

С юго-востока над ними возвышаются зеленые склоны Грампианских гор — самых высоких в Шотландии. Здесь, у южного окончания Глен-Мора, находится высочайшая вершина всей Великобритании — гора Бен-Невис. Конечно, Грампианским горам далеко до Альп и Гималаев, и высота «шотландского Эвереста» всего 1343 метра, но все же для англичан и шотландцев Бен-Невис — предмет гордости, хотя восходящим на нее не требуется ни ледорубов, ни скальных крючьев: по мшистой извилистой тропинке любой может подняться на эту гору даже в кроссовках.

А северо-западной границей тектонической долины служат северные нагорья Шотландии, и по сей день глухие и малонаселенные. Редкие селения жмутся здесь к морскому побережью, а центральная часть нагорий занята угрюмым ельником да горными лугами и вересковыми пустошами. Полузаброшенная железнодорожная ветка тянется вдоль берега Мори-Ферта на север, к Уику, единственному городку в этом безлюдном крае. Рыбозаводик в Уике да две небольшие гидростанции на бурных речках, мчащихся со скалистых круч к Глен-Мору — вот и вся промышленность этой «страны туманов и ветров».

Жителей долины Глен-Мор и ее окрестностей с давних пор кормило море. Но плавать в здешних водах всегда было непросто. Чтобы добраться из Инвернесса в Форт-Вильям, на западный берег, судам нужно было обогнуть северную оконечность Великобритании, проделав путь почти в 800 километров. Штормы и туманы, а также изобилующие коварными скалами извилистые проливы у Оркнейских и Гебридских островов поджидали капитанов на этом маршруте. И не одна сотня рыбацких ботов и шхун разбилась тут об острые камни.

В поисках удобного водного пути, связывающего два побережья, люди давно уже присматривались к долине Глен-Мор. И в середине XIX века, в правление королевы Виктории, глубокие озера этой долины соединили серией каналов, таким образом проложив для кораблей прямой путь из Мори-Ферта в Ферт-оф-Лорн. Самый северный в Европе канал, доступный для морских судов, назвали Каледонским, по древнему имени Шотландии.

Теперь рыбацкие шхуны и транспорты с углем, идущие в Норвегию, могли пересекать Шотландию посредине, выигрывая 700 километров и оставляя в стороне штормы, туманы и скалы в опасных проливах между Внутренними и Внешними Гебридскими островами и проливе Пентленд-Ферт между Великобританией и Оркнейским архипелагом.

Самое глубокое и самое известное озеро на Каледонском канале — это знаменитый Лох-Несс. Узкий, вытянутый на 50 километров водоем достигает в глубину 230 метров. Вода Лох-Несса темно-коричневая, почти непрозрачная из-за торфяных частиц, а скалистые берега прорезаны под водой глубокими пещерами, до сих пор не исследованными ни приборами, ни аквалангистами.

Не случайно именно здесь поселила народная молва таинственное водяное животное, похожее на древнего ящера-плезиозавра. Если верить средневековым хроникам, чудовище видели монахи близ Уркварtского замка еще в VIII веке. Затем оно якобы появлялось время от времени то посредине озера, то на берегу. Но за 1200 лет таких свидетельств набралось не больше сотни, и можно было бы счесть их игрой воображения суеверных шотландцев.

Однако начиная с 1933 года, когда вдоль озера стали прокладывать современное шоссе и многочисленные взрывы нарушили покой береговых скал и вод Лох-Несса, количество видевших Несси (как фамильярно окрестили ящера журналисты) резко увеличилось. И первым сообщил о неожиданной встрече не какой-нибудь темный неграмотный пастух или рыбак, а инженер-дорожник Пальмер. Вот отрывок из его рассказа:

«Я подумал было, что внезапно начался шторм, но на деревьях не шелохнулся ни один листок. Взглянув на озеро, я увидел на его поверхности сильное волнение — бурлящий водоворот в несколько сот метров в окружности. Затем я рассмотрел какой-то очень длинный и темный предмет, всплывший в том месте из глубины озера… Приблизительно в ста метрах от берега я увидел плоскую змеиную голову. По обе стороны от нее шевелились какие-то странного вида выросты, которые я могу сравнить только со щупальцами моллюска. Пасть этой похожей на черную скорлупу головы через каждые двадцать секунд то открывалась, то закрывалась — чудовище, вынырнув из воды, не могло отдышаться. Оно находилось в таком положении около получаса, затем медленно поплыло на юго-восток…»

Не успели скептики высмеять чересчур впечатлительного инженера, очевидно, принявшего за водяного змея бревно или пук водорослей, как события стали разворачиваться с калейдоскопической быстротой. За последующие два месяца несколько сот очевидцев в одиночку и группами наблюдали странное существо в озере Лох-Несс! Статистики зафиксировали 118 случаев появления Несси у берегов и на середине озера. Удалось даже сфотографировать торчащие из воды шею и голову

чудовища.

С тех пор сенсационная шумиха вокруг Несси уже не стихала. Тысячи любопытных едут каждый год к берегам Лох-Несса в надежде увидеть последнего доисторического ящера на Земле. Появились уже фанатики, посвятившие весь свой досуг наблюдениям за озером и годами исследующие его самыми различными методами.

Для обнаружения Несси использовались локаторы, сонары и даже миниатюрная подводная лодка. В глубине озера устанавливались специальные микрофоны, но пока неоспоримых вещественных доказательств существования плезиозавра в Лох-Нессе так и не получено. Впрочем, фанатики думают иначе. Вот что пишет, например, известный «лохнессовед», англичанин Сирл:

«Я видел его восемнадцать раз. И шесть раз мне удалось сфотографировать его… Длина Несси — больше двенадцати метров. Он черного цвета, кожа вся в складках и покрыта крупной чешуей. Посредине он будет толщиной с мою туристскую палатку, шея же и хвост у него до странности тонкие. Представьте себе это зрелище: шея, как стебель, и на ней очень маленькая голова. А что до хвоста, то он довольно толстый и на конце имеет два плавника…

В озере живет несколько поколений Несси. Сейчас их здесь двенадцать… Одни крупных размеров, другие средних и, наконец, несколько совсем маленьких детенышей».

Специалисты по неизвестным науке животным — криптозоологи, такие как американец Айвен Сандерсон и бельгиец Бернар Эйвельманс, посвятили немало страниц в своих ученых трудах таинственному обитателю озера Лох-Несс. А практичные шотландцы развернули в Инвернессе и других городках близ озера настоящую сувенирную индустрию, используя туристский бум для сугубо коммерческих целей.

Фигурки, брелоки, картинки, буклеты, открытки и фотографии приносят жителям ощутимый доход. Однако брелоки и не слишком четкие фотографии — слабый аргумент для серьезных исследователей, реальных же доказательств проживания в водах Лох-Несса древнего ящера до сих пор нет».

Только возвышающиеся на крутом холме сумрачные башни уркварtского замка, много повидавшие за прошедшие века, могли бы поведать правду о Несси. Но угрюмые камни молчат, и тайна озера в долине Глен-Мор по-прежнему остается неразгаданной.

Гора Маттерхорн

(Швейцария — Италия)

Высочайшие горы Европы — Альпы — широкой дугой окаймляют основание итальянского «сапога» — Апеннинского полуострова, протянувшись от Лионского залива до старинных венских мостов на голубом Дунае. Огромная горная страна (1200 километров в длину и до двухсот — в ширину) пересекает границы шести крупных стран: Италии, Франции, Швейцарии, ФРГ, Австрии и Словении, захватив заодно и Монако с Лихтенштейном.

Природа собрала здесь целую коллекцию чудес, привлекающих в Альпы миллионы туристов, альпинистов, скалолазов, горнолыжников, художников, фотографов и просто любознательных людей. С альпийских

ледников начинаются Дунай, Рейн, Рона и По, разбегающиеся потом во все стороны и впадающие в четыре разных моря. Есть здесь и красивые водопады, среди них 380-метровый Кримль и трехсотметровые Гисбах и Штауббах, широченный Рейнский и известный поклонникам Шерлока Холмса Рейхенбахский, где чуть не погиб славный сыщик в схватке со злодеем Мориарти.

Как драгоценные жемчужины сияют в долинах Альп десятки глубоких и прозрачных горных озер. Интересно, что шесть самых больших и живописных поделили между собой две страны: Италии достались ЛагоМаджоре, Комо и Гарда, а Швейцарии — Женевское, Невшательское и Боденское. Впрочем, по кусочку Боденского озера получили и Австрия с Германией, а уголок Женевского граничит с Францией, так что и они не остались внакладе.

Однако главные сокровища горного края — разумеется, его снежные вершины. Все четырнадцать высочайших гор Европы, превышающих по высоте четыре километра, находятся в Альпах. Самая высокая из них — Монблан — поднимается на 4807 метров. (Собственно, Монблан — не гора, а протяженный массив с десятью вершинами, каждая из которых выше 4000 метров.)

Альпы — родина спортивных горных восхождений, которые начались здесь еще в XVIII веке. Почти сорок лет пытались альпинисты того времени взять штурмом Монблан, пока в 1786 году это не удалось французскому врачу Паккару и его проводнику, охотнику на горных коз Жану Бальма.

С точки зрения геологов, Альпы — молодые горы. Лед и вода, солнце и ветер еще не успели сгладить их скалистые гребни. Однако именно это и притягивает сюда любителей сразиться с каменными исполинами. У каждого альпиниста есть свои любимые вершины. Но если спросить у них, какая красивее всех, любой ответит однозначно: конечно, Маттерхорн. Действительно, ни могучий Монблан, ни дородная Юнгфрау, ни величественная Цугшпитце не сравнятся живописностью очертаний со стройной четурехгранной пирамидой Маттерхорна. Словно исполинский обелиск взлетает к небу его заснеженный пик, одинаково хорошо видный из Италии и Швейцарии.

Маттерхорн по высоте занимает лишь пятое место среди альпийских вершин, но по сложности восхождения на него не имеет себе равных среди соседей. Каждая его треугольная грань — крепкий орешек даже для профессионального скалолаза. Не случайно впервые покорить Маттерхорн люди смогли только через 80 лет после Монблана, в 1865 году. А южный, самый сложный склон горы оставался непобежденным до 1931 года. Сейчас подняться на ее 4500-метровую пирамиду проще, чем в былые времена: на особенно трудных участках вбиты скальные крючья и натянуты страховочные веревки. Но все же и теперь шутить с собой Маттерхорн никому не позволяет. Его крутой нрав испытали на себе не только новички и дилетанты. Альпийский проводник-профессионал — Герман Перре, живший у подножья Маттерхорна в городке Церматт, пообещал, что поднимется на гору 150 раз! Он сорвался в пропасть и разбился в 68 лет, во время сто сорок второго восхождения…

Опасны не только горы, но и перевалы Альп, особенно в зимнюю пору, когда дороги на них заметают метели. Из многочисленных альпийских горных проходов самый, наверное, известный — Большой Сен-Бернар, каменистая щель в Пеннинских Альпах, в сорока километрах от Маттерхорна, на высоте почти в два с половиной километр. Перевал этот — единственный путь через самый высокий альпийский хребет, где, кроме Монблана и Маттерхорна, целых шесть «четырехтысячников», да еще четыре — на боковых отрогах. Одновременно это путь из Франции через Швейцарию в Италию, так как по Пеннинским Альпам проходит граница двух последних стран. Огромный перепад высот, обилие ледников и неприступность отвесных склонов не давали возможности проложить вьючную тропу через хребет по другим долинам. О крутизне гор говорит, кстати, и большое число водопадов на здешних реках. Самый высокий из них, Марморе, падает с высоты 165 метров в узком ущелье, проложенном одноименной рекой на южном, итальянском склоне хребта под самым Маттерхорном.

Большой Сен-Бернар использовался людьми с незапамятных времен. Когда-то по нему прошло в Италию войско Ганнибала, включавшее, помимо конницы и пехоты, секретное оружие великого карфагенского полководца — боевых слонов. Увы, грозные животные оказались беззащитны перед снегами и морозами, и с гор спустился на равнину лишь один из полутора сотен «живых танков».

Переход через перевал труден и опасен и в наши дни. Нелегко подниматься по крутой тропе с двухкилометровым перепадом высот. Выше границы леса пейзаж становится суровым и угрюмым: скалы, скалы — ничего, кроме скал. Последние километры проходят под Гибельным Гребнем — крутым лавиноопасным склоном, с которого регулярно скатываются вниз снежные обвалы, погребая под собой зазевавшихся путников. На седловине перевала постоянно дует свирепый ледяной ветер, а расположенное здесь озеро 265 дней в году покрыто льдом.

В середине X века на Большом Сен-Бернаре был построен монастырь. По имени его основателя — священника Бернара и получил перевал свое нынешнее название. Бернар и его сподвижники посвятили себя спасению людей на горных тропах. Каждое утро один из монахов спускался по тропе с запасом еды и вина, чтобы помочь выбившимся из сил или замерзающим путешественникам. Зимой дорогу для путников отмечали шестами.

Все знают и породу собак-сенбернаров, выведенную в этом горном монастыре. Огромные псы, весом до 80 килограммов, разыскивали в туман и в метель заблудившихся людей, согревали своим телом, а привязанный к шее собаки бочонок с вином и аптечка на ее спине позволяли путникам продержаться до конца пурги и вместе со своим четвероногим спасителем выйти к жилью. Известен многим и легендарный сенбернар Барри, который спас за свою жизнь сорок человек от гибели в снегах грозного перевала. Предание гласит, что сорок первый путник, которого отрыл из сугроба Барри, застрелил его, приняв за волка. К счастью, это всего лишь легенда: заслуженный пес дожил до глубокой старости, а чучело его до сих пор украшает музей в городе Берне, где он провел последние годы.

Образ жизни альпийских горцев не менялся с доисторических времен XX век добавил к снаряжению пастуха только транзисторный приемник. Все так же, как сто и тысячу лет назад, летом выгоняют они скот на высокогорные луга, а на зиму спускаются в долины. Охотники, как и скотоводы, забираются в горы только в теплое время года, ибо даже ранней осенью всегда существует риск быть застигнутым внезапной снежной бурей и замерзнуть или сорваться в пропасть из-за плохой видимости.

Недавняя печальная находка в Тирольских Альпах рассказала нам об одной из таких безымянных трагедий. В 1991 году два альпиниста нашли в снегу на одном из высокогорных ледников мумифицированное тело человека, который, очевидно, замерз и пролежал под снегом много лет. Находкой занялись ученые, и то, что удалось установить, буквально потрясло их. Останки, как оказалось, принадлежали… человеку бронзового века, который оказался на леднике за три тысячи лет до нашей эры! Доисторический охотник, одетый в кожаную куртку и штаны, имел с собой лук со стрелами, кремневый нож и медный топор с деревянной рукоятью.

Значение этой находки для науки трудно переоценить. Изучение уникальной мумии продолжается, и, думается, антропологи и историки сумеют благодаря ей узнать немало нового об образе жизни наших далеких предков.

Со времен, когда люди бронзового века отважно поднимались за добычей к высокогорным ледникам, рискуя иной раз собственной жизнью, прошло пятьдесят веков. И в наши дни уже не голод и поиски дичи, а природная любознательность и неуемное желание увидеть своими глазами красивейшие уголки альпийских долин и хребтов приводят каждый год тысячи туристов со всех континентов на тропы и перевалы высочайшей горной системы Европы.

Верится, что немалая часть этих путешественников, из тех, что ценят в странствиях не только комфорт и скорость, но и первозданность природы, отдаст заслуженную дань восхищения самому неприступному горному массиву в Альпах. И, забыв о музеях и памятниках сонных городков там, внизу, турист облачится в штормовку и горные ботинки, возьмет в руки ледоруб и отправится на заснеженные склоны Пеннинских Альп, над которыми сияют в лучах солнца алмазные грани стройной пирамиды Маттерхорна.

Вулкан Везувий

(Италия)

Везувий — самый известный из всех вулканов мира. Начало этой известности было положено много веков назад. И немудрено — ведь он расположен в стране древней цивилизации, и первое описание его извержение было сделано еще в 79 году нашей эры римским ученым и писателем Плинием Младшим. На земле не найти другой огнедышащей горы, научные наблюдения за которой ведутся почти два тысячелетия.

Неаполитанский залив, на берегу которого высится массив Везувия, один из красивейших в Италии. Можно часами любоваться его чарующим пейзажем, который, кажется, так и дышит спокойствием, тишиной и умиротворением. Но именно здесь находится единственный в континентальной Европе активный вулканический район. (Все остальные

европейские вулканы расположены на островах: Исландии, Сицилии, Ян-Майене, Азорском и Липарском архипелагах.)

Между тем до 79 года никто и не подозревал, что в недрах Везувия дремлют и ждут своего часа титанические и грозные подземные силы.

В то время на зеленых склонах привычной всем, давно обжитой невысокой горы располагались виноградники и сады, паслись стада коз, трудились люди. У подножья Везувия, поближе к морю, раскинулись богатые и красивые города: Помпеи, Геркуланум, Стабия и Оплонтис. А в заливе и по всей акватории Тирренского моря курсировали военные корабли Мизенского флота римлян, охранявшие торговые пути от пиратов.

Командовал же этим флотом Плиний Старший, вошедший позднее в историю не как флотоводец, а как знаменитый ученый-естествоиспытатель. С ним на корабле находился и его племянник — тот самый Плиний Младший, из письма которого к историку Тациту мы и узнали подробности случившейся трагедии.

Итак, в августе 79 года сильнейшее землетрясение разбудило жителей окрестностей Везувия. Вслед за этим началось катастрофическое извержение проснувшегося вулкана. Его картина знакома многим по известному полотну Брюллова «Последний день Помпеи». Воображение великого живописца воссоздало в красках леденящие душу подробности жуткой катастрофы. Но действительность была куда ужаснее. Впрочем, предоставим слово Плинию Младшему.

«24 августа около часа пополудни над горой показалось облако необычайной величины. Облако поднималось и по форме своей напоминало дерево, именно сосну, ибо оно равномерно вытянулось очень высоким стволом и затем расширилось в несколько ветвей. Это облако поднималось вверх сильной струей воздуха, а в том месте, где струя ослабевала, оно медленно расширялось. Облако имело местами белый цвет, местами же грязный или пятнистый, вероятно, от примеси пепла. Постепенно увеличиваясь и чернея, подобно туче, оно закрыло все небо. В огромной и черной грозовой туче вспыхивали и перебегали огненные зигзаги, и она раскалывалась длинными полосами пламени, похожими на молнии, но только небывалой величины…

Стал падать пепел, пока еще редкий; оглянувшись, я увидел, как на нас надвигается густой мрак, который, подобно потоку, разливался вслед за нами по земле. Наступила темнота, но не такая, как в безлунную ночь, а какая бывает в закрытом помещении, когда тушат огонь. Слышны были женские вопли, детский писк и крики мужчин: одни звали родителей, другие детей, третьи жен или мужей, силясь распознать их по голосам; одни оплакивали гибель своих близких, другие в страхе перед смертью молились, многие воздевали руки к богам, но большинство утверждало, что богов больше нет и что для мира настала последняя вечная ночь».

И здесь командующий Мизенским флотом проявил мужество, которого в подобных ситуациях нередко не хватает иным современным начальникам. Он направил свои корабли к берегу и занялся спасением гибнущих жителей. О том, как это происходило, мы тоже знаем от Плиния Младшего.

«Чем дальше подвигались суда, тем горячее и сильнее был дождь из пепла; сверху стали падать куски пемзы и черные камни, обожженные и

потрескавшиеся от жара; море сильно обмелело, и, вследствие извержения горы, доступ к берегу стал затруднительным. Между тем из Везувия вырывались широкие языки пламени и поднялся огромный столб огня, блеск и яркость которого только увеличивались вследствие окружающей темноты».

Несмотря на все трудности, Плиний Старший и его моряки высадились на берег и направились в ближайшее селение. Вот что рассказывает об этом его племянник:

«Двор, куда выходила дверь из дома, начала покрываться пеплом и пемзой настолько, что дверь могла бы оказаться засыпанной. Обсудили, оставаться ли в доме или выйти наружу, так как дом колебался от ужасных толчков и, казалось, вот-вот обрушится. Под открытым небом тоже было небезопасно, так как падали куски пемзы. Для защиты от падающих камней положили на головы подушки и привязали их платками. В это время, когда в других местах был еще ясный день, здесь царила ночь, более темная и зловещая, чем обыкновенно; многочисленные факелы и громадные языки пламени из Везувия не могли бороться с тьмой. Решено было отправиться на берег моря, но здесь было еще ужаснее и страшнее. Угрожавшее им пламя и ужасный запах серы обратили многих в бегство и напугали моего дядю. Опираясь на двух слуг, он приподнялся, но тотчас снова упал навзничь. Я подозреваю, что дым задушил его…»

Масштабы извержения были огромны. Даже на другом берегу залива, в сорока километрах от вулкана, пепел падал так густо, что надо было часто вставать и стряхивать его, иначе он засыпал бы человека и придавил его своей тяжестью. Все вокруг было покрыто пеплом, точно снегом. Когда же, наконец, через три дня извержение закончилось, взорам уцелевших людей представилась страшная картина. От поселений, расположенных у подножия Везувия, остались одни развалины. Помпеи, Геркуланум и Стабия исчезли совсем, они были полностью засыпаны пеплом и залиты грязью. Да-да, именно грязью, так как дождевые воды, обрушившиеся из грозовой тучи на склоны, смешиваясь с пеплом, образовали мощные грязевые потоки, сносившие все на своем пути. Они полностью залили улицы и дома Геркуланума.

Прошли века, и люди забыли об исчезнувших городах. Только через семнадцать столетий, случайно, при рытье колодца у подножья Везувия, нашли статуи древних богов. Это послужило поводом начать раскопки, благодаря которым обнаружили засыпанный пеплом и залитый потоками грязи город Помпеи.

Великолепные храмы, цирки, мастерские, жилые дома и многие предметы искусства и быта того времени прекрасно сохранились под семиметровым слоем слежавшегося пепла. Значительная часть Помпеи в наши дни раскопана, и можно пройтись по улицам древнеримского города и полюбоваться его площадями и зданиями, в которых сохранилась даже живопись. При раскопках в затвердевшем пепле были найдены пустоты. Заливая их гипсом, ученые обнаружили, что они повторяют фигуры людей, погибших при извержении. Теперь эти фигуры, а также найденная утварь хранятся в музее.

После 79 года вулкан молчал почти полторы тысячи лет. Но в декабре 1631 года последовало новое мощное извержение Везувия.

Окрестности его снова были засыпаны пеплом, по склону вниз устремился огненный поток лавы, менее чем за час докатившийся до моря. Несколько городов было разрушено, причем погибли восемь тысяч человек. Извержения повторялись затем в XVIII и XX веках, принося новые беды и разрушения.

В апреле 1906 года картина разбушевавшейся стихии была особенно грозной. За полтора года до начала катаклизма кратер вулкана наполнился расплавленной лавой. Время от времени она выплескивалась через его край, а небольшие взрывы выбрасывали пепел и шлак, нагромождая конус. Напор лавы был так велик, что она пробивала себе путь сбоку конуса и выливалась оттуда небольшими порциями. 4 апреля все жители с тревогой обратили взоры к вершине Везувия. Из кратера с огромной силой вырывался мощный столб темного пепла; вместе с ним выбрасывались и частички лавы. Тучи пепла заволокли небо. Пепел выпадал в таком количестве, что в Неаполе, на другом берегу залива, люди ходили под зонтиками, укрываясь от него, как от дождя. Затем раздались оглушительные взрывы и полились потоки раскаленной лавы. Пробив выходы на склонах вулкана, она стремительно потекла вниз, к населенным местностям. Люди в страхе покидали дома, спасаясь от гибели. Толчки землетрясения, частые взрывы, темнота от падающего пепла, прорезываемая молниями и освещаемая лавой, приводили людей в неописуемый ужас. Четыре дня вулкан дрожал и бурлил, как гигантский котел.

Наконец, активная стадия извержения закончилась. Но вулкан не успокоился окончательно, просто изменился характер его деятельности. Теперь из кратера вырывался могучий столб газов, вынося с собой частицы пепла и образуя гигантское клубящееся облако, похожее на кочан цветной капусты одиннадцатикилометровой ширины.

Через день картина вновь изменилась. Вулкан стал выбрасывать густые клубы газовых облаков, настолько насыщенных пеплом и обломками лавы, что наступил полный мрак. Молнии с треском рвали черные облака, сугробы пепла покрыли двухметровым слоем окрестности Везувия. Непроницаемая мгла заволокла Неаполь и его пригороды. Сотни тысяч людей в панике покидали города и селения. 28 апреля к выбросам пепла присоединился» обильный ливень, и образовавшиеся грязевые потоки натворили новых бед. Немало людей погибло прямо в домах. Только 30 апреля извержение полностью прекратилось.

Последнее сильное извержение Везувия произошло в 1944 году. Тогда сильно пострадал город Сан-Себастьян у подножья вулкана. Но и сейчас, в состоянии покоя, вид его кратера производит сильнейшее впечатление. Подняться к нему несложно, так как по высоте вулкан ненамного превышает 1000 метров. Впрочем, точно определить рост Везувия невозможно, так как каждое новое извержение то разрушает кромку его кратера, и тогда высота его уменьшается на сотню-другую метров, то наращивает на вершине новый слой лавы, снова увеличивая гору. В 1749 году ее высота составляла 1014 метр, в 1906 году — 1350, а сейчас — 1186 метров.

Трамвай доставит вас почти к основанию конуса у вершины вулкана, а дальше, на самый верх, можно подняться по канатной дороге. С

кромки кратера хорошо видно все устройство вулканического аппарата. Современный конус Везувия возник внутри огромной кольцевой воронки-кальдеры, образовавшейся после взрыва в 79 году. Стенки кратера отвесны, так что спуститься вниз невозможно. Глубина его — больше двухсот метров, а диаметр — около полукилометра. Из трещин на дне кое-где выходят пар и сернистые газы, которые легким облачком поднимаются над вершиной вулкана. Этим он как бы напоминает всем, что история его еще не закончилась и новое извержение может начаться в любой момент.

Италия, наряду с Исландией, самая богатая вулканами страна Европы. Кроме Везувия здесь существует еще целое вулканическое ожерелье Липарских островов, один из которых носит имя Вулькано.

По римской легенде, под ним в недрах Земли находится кузница бога огня Вулкана. И когда бог принимается за работу в своей подземной мастерской, из кратера острова-вулкана вырывается дым и пламя. В честь этого трудяги-божества древние римляне и назвали остров. А позднее его имя стало нарицательным для всех огнедышащих гор на Земле.

Очень интересен и другой вулканический остров Липарского архипелага — Стромболи. Вулкан Стромболи поднимается прямо из моря на высоту 900 метров. С незапамятных времен он непрерывно сохраняет свою активность. На нем не бывает сильных извержений с излияниями лавы, но его конус, увенчаный белой шапкой дыма, хорошо известен всем итальянским морякам.

Через каждые 15–20 минут в кратере Стромболи происходит небольшой взрыв, выбрасывающий вверх на несколько сот метров куски раскаленной лавы и шлака. Ночью вулкан представляет собой исключительно живописную картину. Столб пара, поднимающийся из кратера, подсвеченный раскаленной лавой, выглядит пепельно-красным. Постепенно краски разгораются'все ярче, столб делается оранжевым, потом светло-желтым, почти белым, и тут происходит взрыв. Огненные искры взлетают в небо и опускаются в бездну кратера. Вершину окутывает мрак. Но затихает вулкан ненадолго. Через несколько минут все повторяется сначала.

Более трех тысяч лет извергается Стромболи. Его огненные вспышки помогают морякам находить путь и ночью, и в тумане. И вулкан этот вполне заслуженно именуют «Маяком Средиземного моря».

Третий вулканический район Италии — остров Сицилия. На его восточном берегу находится высочайший вулкан Европы — Этна. Ее огромный конус поднимается от самого моря на высоту почти в три с половиной километра. Этна тоже весьма активна, и излияния лавы из ее кратера происходят каждые 10–15 лет. Первое известное извержение ее случилось в 122 году нашей эры, а последнее — в 1998 году. Однако лава Этны, в отличие от везувианской, не вязкая и густая, а жидкая, текучая. Она не застывает в жерле вулкана, закупоривая его, и, следовательно, на Этне не может произойти катастрофического взрыва, подобного тому, что погубил Помпеи. Многочисленные извержения придали огромному вулканическому конусу Этны на редкость живописный вид со множеством вторичных конусов, кратеров и конусов внутри кратеров. Девять месяцев в году Этна покрыта снегом, и силуэт ее резко контрастирует с летним

обликом вечнозеленых средиземноморских берегов.

Но даже в столь богатой вулканами Италии Везувий выделяется своим грозным нравом. И как бы для того, чтобы снять у путешественника тяжелое впечатление, возникающее после посещения неукротимого гиганта, природа поместила на другом конце Неаполитанского залива еще одно свое чудо, оставляющее в душе прямо противоположные чувства. Это жемчужина Тирренского моря — остров Капри, где в сказочныхгротах, выточенных волнами в прибрежных скалах, путешественник забывает обо всем, наслаждаясь, словно музыкой, игрой света, воды и камня. Гротов здесь множество, и у всех певучие, поэтичные названия: Изумрудный, Голубой, Белый, Мраморный, Изумительный…

Самый необыкновенный из них, но и самый труднодоступный — Голубой Грот. Попасть в него можно только с воды, и только в тихую погоду. Во время шторма узкий проход в грот недоступен для лодок. Но если на море штиль, путешественник получает шанс побывать в уникальном уголке земли, подобного которому не найти ни на суше, ни под водой.

Голубая вода, голубые своды грота… Даже воздух кажется напоенным нежной лазурью. Все это озарено неизвестно откуда проникающими лучами солнца. Если бросить что-нибудь в воду — медную монету или камешек — то предмет принимает в глубине серебристый оттенок. Такими же кажутся опущенные в воду весла. Голоса людей гулким эхом отдаются под сводами грота.

Свет, как оказывается, попадает в Голубой грот не через узкую щель, сквозь которую протиснулась лодка с туристами, а через другое, более широкое отверстие в Другом конце грота. Лучи светила, падая через морскую воду на камни дна, отражаются и освещают грот сквозь голубую толщу воды неземным, фантастическим отсветом.

Туристские путешествия, увы, скоротечны и быстро подходят к концу. Круговерть повседневной городской жизни скоро стирает из памяти детали увиденного в странствиях, цифры и факты, почерпнутые из путеводителей. Но общее впечатление от посещения страны, города или острова продолжает жить в душе человека. И в памяти каждого, побывавшего на берегах Неаполитанского залива, надолго останется клокочущая ярость огненной пасти Везувия и чарующая симфония лазурных красок Голубого грота…

Пещера Постойна

(Словения)

Динарские горы, протянувшиеся вдоль восточного побережья Адриатического моря, — классический район карстовых пещер и связанных с ними природных явлений: удивительно круглых, словно нарисованных циркулем, озер и провальных воронок, бездонных вертикальных шахт-колодцев и загадочных рек, которые внезапно исчезают на какомто участке своей долины, чтобы вновь появиться двумя-тремя километрами ниже по течению. Само слово «карст», означающее совокупность процессов, происходящих при растворении горных пород, пошло от названия известнякового плато в Динарских горах. А на западном окончании плато Карст, рядом с живописной горой Сович, на которой высятся развалины древнего замка XIII века, находится одна из самых больших и красивых пещер Европы — Постойна Яма. («Яма» по-словенски

— пещера.)

Замок на горе, кстати, простоял четыре века и стоял бы до сих пор, если бы в 1689 году молния не ударила в его башню, хранившую запасы пороха. Крепость, взлетевшую на воздух, восстанавливать не стали, а вместо нее соорудили новый замок внизу, под горой, в центре небольшого городка Постойна. Сейчас в этом замке располагается Словенский институт по исследованию карста. За объектами для исследований ученым далеко ходить не приходится: ведь в пятистах метрах выше на склоне горы находится вход в одну из самых протяженных и живописных подземных полостей мира.

Протянувшийся почти на двадцать километров грандиозный лабиринт залов, проходов, спусков, туннелей и коридоров был открыт и исследован учеными в середине прошлого века. Сейчас пещера стала популярным местом, куда стремятся попасть путешественники со всех концов Европы. Постойна хорошо оборудована для приема туристов. Узкоколейная железная дорога протяженностью в семь километров позволяет посетителям заглянуть в отдаленные уголки подземного царства, не преодолевая тех трудностей, с которыми сталкивались первые исследователи пещеры. Нужно только запастись теплой одеждой (ведь температура в залах Постойны зимой и летом — восемь градусов по Цельсию), а также накинуть непромокаемый плащ, чтобы укрыться от подземной капели.

Немало каменных шедевров можно увидеть в подземных залах. Среди них большой сталагмит Кипарис, и вправду похожий на стройное дерево, изваянный природой Мальчик с Пальчик, выглядывающий из-за каменной колонны, ажурная сталактитовая Драпировка, сотканная из тончайших нитевидных натеков. Освещенная изнутри, она переливается всевозможными оттенками красного цвета, от розового до ярко-алого.

Стены залов кажутся то отлитыми из металла, то сделанными из слоновой кости, поблекшей от покрывающей ее пыли. Огромные колонны самых замысловатых форм подпирают своды, украшенные многотонными каменными «сосульками». Порой целый частокол колонн заполняет пространство зала, и поезд едет словно в каменном лесу.

Кое-где с потолка, принося с собой растворенную в ней известь, капает вода. С пола пещеры поднимаются сталагмиты. Много тысячелетий понадобится им, чтобы встретиться со свисающими сверху сталактитами: ведь растут они, очень медленно — по одному миллиметру за сто лет!

Но вот узкоколейка ныряет в темный туннель и выезжает из него уже на краю крутого обрыва. В глубокой теснине под ногами шумит бурная речка Пивка. Недалеко отсюда она уходит с поверхности под землю и, пробежав по пещере девять километров, выходит на свет уже под названием Уницы.

У подземного озера поезд делает остановку. Здесь можно увидеть уникальных земноводных, живущих только в динарских пещерах — протеев. Протей всю жизнь проводит под землей в темноте и поэтому лишен зрения. Слепые в пещерах также пауки и скорпионы, и даже рыбы, живущие в подземных озерах.

Путешественник, желающий увидеть побольше, может покинуть поезд и двинуться пешком по бетонированной дорожке, огороженной

перилами. Она круто поднимается вначале на сорокапятиметровый глыбовый навал Большой горы. (В этой подземной стране есть и свои горы!) Вокруг высятся десятиметровые натечные колонны, а между ними поднимается с пола молодая сталагмитовая поросль, словно подрастающая каменная трава. Затем по Русскому мосту, перекинутому через тридцатиметровую расщелину, дорожка уводит путника в фантастические залы Красивой Ямы. От нее трасса пологим серпантином спускается к пятисотметровому искусственному туннелю, соединяющему Постойну с пещерами Черна и Пивка. Пройдя по длинному балкону, вырубленному в скале вдоль журчащей по камням речки Пивки, турист оказывается на дне величественной природной шахты-провала Пивская Яма. Отсюда сорокаметровый подъем по асфальтированной тропинке выводит, наконец, на поверхность в пяти километрах от входа в пещеру.

Больше всего поражают в Постойной Яме гигантские размеры залов и галерей. Например, Большой зал, приспособленный для концертов, может вместить до десяти тысяч зрителей! Причем акустика его превосходна. Даже небольшой камерный оркестр звучит здесь с мощью невиданного органа.

Трудно даже сравнивать словенскую пещеру с российскими или украинскими подземными полостями. Знаменитая Кизил-Коба — Красная пещера в Крыму со всеми своими многосотметровыми галереями, гротами и водопадами могла бы уместиться в одном-двух залах Постойной Ямы. Нет слов, многие наши пещеры на Урале, в Сибири и на Кавказе не уступают ей по красоте. Но размеры их несопоставимы.

В Европе с подземным чудом Словении может сравниться разве что открытая совсем недавно (в 1971 году) в Италии система пещер Фразасси. Ее главная пещера — Гротта Гранде дель Венто («Большая Пещера Ветров»), протянувшаяся на 13 километров, впечатляет не меньше Постойны, особенно уникальная Сала делле Канделине («Зал свечей»), где с потолка свисают тысячи кремовых сталактитов. Необычное, немного жутковатое впечатление производит расположенная по соседству с Пещерой Ветров Гротта делле Ноттоле («Пещера Летучих Мышей»), где на сводах висят вниз головой десятки тысяч этих крохотных ночных млекопитающих. Вечером, когда заходит солнце, у входа в эту пещеру начинается подлинное столпотворение. Непрерывным потоком вылетают на ночную охоту из черного зева подземной полости рукокрылые, и в течение часа и даже дольше слышится в воздухе пронзительное попискивание и шорох тысяч крыльев. Однако подземные дворцы Апеннинских гор пока еще не так хорошо оборудованы для приематуристов.

А в Словении Постойна Яма — далеко не единственная карстовая жемчужина. Неподалеку от нее находится еще одно чудо природы — грандиозная шахта-понор Шкоциан. Понор (колодец, промытый водой в растворимых породах) так велик, что по наклонным стенкам этой карстовой воронки удалось проложить спиральную автодорогу, ведущую на ее дно. Отсюда по стотридцати метровому наклонному туннелю можно попасть в первую систему залов, украшением которой является величественный зал Парадиз. Но главная изюминка Шкоциана — Мюллеров зал. В центре его, огороженная бетонным парапетом, зияет девяностометровая пропасть, на дне которой ревет и беснуется подземный

поток — Нотранска река. Исчезая под землей возле Шкоциана, этот поток проходит под землей 20 километров и выходит на свет у самого побережья Адриатики в виде мощного источника Тимаво.

В отвесных стенках подземной пропасти Шкоциана устроены балконы, соединенные лестницами, и посетители пещеры могут спуститься на следующий уровень, пятьюдесятью метрами ниже первого. Здесь тоже немало красивых залов и проходов, один из которых заканчивается у подземного Мертвого озера. За ним начинаются неисследованные труднопроходимые продолжения Шкоциана, разведка которых еще впереди.

Перейдя пропасть по Ханкееву мосту, повисшему над бездной, можно постепенно спуститься к реке, пройти мимо большого Харонова озера и выйти в Длинный и высокий зал — Шмидлову Дворану. Из нее турист попадает на дно Большой провальной воронки, откуда уже несложно подняться на поверхность. В мире нет, пожалуй, другого места, где не вооруженный специальным снаряжением путешественник может забраться по подземным ходам на двухсотметровую глубину!

Тем не менее самой притягательной из пещер Словении остается все же Постойна Яма. Уступая Шкоциану по глубине, она завораживает зрителя сказочной красотой и разнообразием своих залов, их грандиозными размерами. Привлекает туристов и возможность совершить по подземному миру многокилометровую поездку в открытом вагончике узкоколейки.

И отправляясь в путешествие по Адриатике, стоит уделить внимание не только живописным островам Далматинского побережья или древним стенам Дубровника и Сплита. Впечатление от этого уголка Южной Европы будет неполным, если не увидеть жемчужину Динарского Карста — пещеру Постойна.

Плитвицкие озера

(Хорватия)

Дорога вьется по сухим, покрытым чахлой растительностью отрогам Динарских гор. Но вот машина взлетает на невысокий гребень перевала, и сердце невольно замирает от восторга. Прямо под ногами, у подножья хребта Мала-Капела, лежит глубокая, похожая на ущелье, долина речки Корана («Корона»). А в долине, среди сочной зелени буковых лесов, протянулась, словно нитка драгоценных бус, цепочка бирюзово-синих озер, отделенных друг от друга пенными каскадами. Это — прославленные Плитвицкие озера — самая драгоценная природная жемчужина Далматинского берега Адриатики.

В первый момент даже не верится, что в безводной карстовой области, среди лысых скал и трещиноватых известняковых плоскогорий может возникнуть такой дикий романтический ландшафт. На восьмикилометровом отрезке долины река падает на 133 метра, и на поперечных ступенях ее русла разместились шестнадцать больших и малых озер, воды которых смотрятся, как ступени удивительно красивой лестницы, отражающие зеленые склоны и голубое небо.

Но главное чудо ожидает путешественника впереди. В это трудно поверить, но на шестнадцати ступенях озерной лестницы река и ее притоки образовали сто сорок водопадов! Каждое озеро переливается в

нижележащее пенным каскадом водопадных струй. Водопады срываются в озера и с крутых склонов ущелья, превращая всю долину в нескончаемую симфонию льющихся и шумящих потоков, окруженных радугами в облаках брызг!

Самый большой из Плитвицких водопадов падает с высоты восемьдесят метров. Зимой, когда холодный ветер — бора — скатывается с гор в ущелье, водопады застывают, превращаясь в сверкающие ледяные каскады. Вся местность в это время укрыта белым ковром, и только голубоватые ледяные блюдца озер выделяются на фоне заснеженной долины. А летом, в солнечный день, цвет воды меняется от озера к озеру, от водопада к водопаду, представляя удивительную палитру оттенков: от изумРудно-зеленого до опалово-бирюзового. Особенно впечатляет красивейший из Плитвицких водопадов — Пад-Корана («Водопад короны») — подлинный шедевр, возникший из воды и камня…

Первое сверху озеро — Прощанское — лежит на высоте 636 метров над уровнем моря, а последнее, озеро Новаковски-Брод — на высоте 503 метра. Крупнейшее из всей озерной цепочки озеро Козьяк занимает площадь больше восьмидесяти гектаров, а глубина его превышает сорок метров.

С главной вершины Мала-Капелы — горы Селицки-Врх, с высоты почти 1300 метров, открывается панорама долины и окружающих ее зеленых гор. Река Матица (такое имя носит верхнее течение Кораны) пронизывает одно за другим все шестнадцать озер, подпруженных естественными плотинами из известкового туфа-травертина. С плотин низвергаются вниз десятки водопадных струй самого причудливого облика. Плитвицкие водопады непохожи на большинство водопадов мира, которые непрерывно разрушают свой гребень, медленно отступая вверх по течению. У хорватских каскадов происходит обратный процесс: травертиновые барьеры постоянно растут за счет отложения новых слоев туфа из насыщенной карбонатом кальция воды. Каждый год уступы водопадов делаются выше на 10–30 миллиметров. Таким образом, уже через сто лет водопад Пад-Корана, например, вырастет на три метра. Глубже станет и озеро, из которого сливаются вниз его струи. Как и во многих других местах Динарских гор, в долине Кораны часто встречаются карстовые пещеры. Спелеологи насчитывают в районе озер 36 глубоких и живописных подземных полостей. Пусть они не так знамениты, как самая протяженная пещера в Динарах — Постойна Яма или глубочайшая карстовая шахта Шкоциан, но забравшемуся в долину любознательному туристу не стоит пренебрегать посещением здешних подземных дворцов, тем более что расположены они совсем рядом, с озерами и водопадами.

Если перейти реку по мостику ниже второго Плитвицкого водопада, то узкая тропинка через полсотни метров приведет к входу в пещеру Голубняча. Сорокашестиметровая арка входа приглашает войти в «Приемный зал». Отсюда тридцатиметровый коридор ведет в «Цилиндрический зал», а оттуда расходятся туннели, ведущие в следующие гроты пещеры. По богатству природных «украшений» на стенах, полах и потолках залов Голубняча, пожалуй, не уступит прославленной Постойной, только здесь все миниатюрнее. Ведь и сама пещера намного меньше своей словенской соседки — ее длина всего 165 метров.

А у четвертого водопада, всего в двухстах метрах ниже по течению, находится пещера Мрацна («Мрачная»), Действительно, облик ее более сумрачный, чем у Голубнячей. Здесь меньше сталактитов и сталагмитов, зато обитает куда больше всякой живности. Кроме типично пещерных крабов, насекомых и пауков, в Мрацной нашли приют целых три вида летучих мышей: малый и большой подковонос и очень редкий в Хорватии длиннокрыл. Археологи и палеонтологи сделали в Мрацной немало ценных находок. Еще в каменном веке древние обитатели Динар обнаружили и обжили эту пещеру. Да и трудно было бы ее не заметить: вход в Мрацну хорошо виден с реки и представляет собой огромную щель шириной в 24 метра и высотой в 7 метров.

В окрестностях Плитвицких озер, в глухих буковых и еловых лесах можно встретить медведя и рысь, волка и выдру. Ближе к озерам держатся стаи диких голубей, а в лесной чаще весной токуют глухари. У них здесь немного врагов — разве только сокол-сапсан да филин. Есть тут и редкие птицы: голубой зимородок и орел-змееяд. А на лесных полянах любители цветов могут увидеть исчезающий в Европе уникальный цветок — венерин башмачок (самую северную орхидею на планете).

Конечно, в прежние времена лесные дебри в ущелье были еще гуще и непроходимей, да и занимали большую площадь. Угрюмые чащи по берегам Кораны пользовались недоброй славой у окрестных жителей, они величали этот край «Дьявольски врт» («Чертов сад»). Увы, в наши дни многотысячные толпы туристов, стремящихся увидеть этот живописный уголок Хорватии, зачастую невольно губят природную среду, вытаптывая и загрязняя долину, особенно возле выигрышных обзорных точек. Ведь вся протяженность озерной цепочки — каких-то восемь километров, и плотность людского потока в погожие летние дни очень велика.

Сейчас район Плитвицких озер объявлен Национальным парком, а полторы тысячи гектаров возле самых озер стали строго охраняемым участком. Хочется верить, что «симфония льющихся вод» сохранит свою красоту, и каждый путешественник, прибывший на берега Адриатики, сможет еще полюбоваться удивительной долиной, где на каждый километр приходится по два озера и по двадцать водопадов.

Пиренеи

(Испания-Франция)

Три самых знаменитых горных хребта Европы: Альпы, Карпаты и Пиренеи — на редкость непохожи друг на друга.

Самый длинный из них — Карпаты — невысок и почти всюду доверху зарос лесом. Его мягкая живописность не изменяется даже в ущельях быстрых карпатских рек. Горными потоками их можно называть лишь условно: по ним даже сплавляют лес плотами.

Самый высокий хребет — Альпы — собственно говоря, даже не хребет, а целая горная страна из нескольких параллельных цепей хребтов, источенных и пропиленных многочисленными ледниками. Высочайшие альпийские пики поднимаются над окружающими горами на 2000 метров, но перевалы через хребты, благодаря неустанной работе ледников, невысоки и легко доступны, исключая разве что район Монблана и Маттерхорна.

Пиренеи же, вне всякого сомнения, следует назвать самым неприступным из всех хребтов Европы. Хотя высшая точка их — пик Ането — почти на полтора километра ниже Монблана, средняя высота Пиренеев больше, чем Альп. Выстроившиеся в стройную шеренгу заснеженные пиренейские исполины в большинстве своем примерно одного роста, и найти брешь в их могучем строю нелегко. Поэтому перевалы через Пиренеи в среднем в два раза выше, чем альпийские.

До недавнего времени ни одна железная дорога не пересекала Пиренеев, обходя их по атлантическому и средиземноморскому побережьям. В Центральных Пиренеях есть места, где на протяжении трехсот километров нет ни одной дороги через перевалы, лежащие на высоте порядка двух с половиной километров, и пробраться из Франции в Испанию можно только по пастушеским тропам.

Пиренеи представляют собой идеальную горную систему: длинная прямая цепь гор, от которой, подобно веткам, отходят боковые хребтики, большей частью строго напротив друг друга. Расположенные между поперечными хребтами долины углублены бешеными горными потоками до такой степени, что нередко напоминают американский Большой Каньон. В верховьях долин разместились ледниковые цирки — скалистые амфитеатры, занятые когда-то ледниками. Со стен цирков на дно срываются ленты водопадов.

Самый большой и самый знаменитый цирк находится в верховьях реки Гав-де-По на северном, французском, склоне Пиренеев и носит название Гаварни. Он намного превосходит по размерам альпийские цирки, но прославился, в первую очередь, не величиной, а своими потрясающими водопадами.

Расположен цирк Гаварни у подножья второй по высоте вершины Пиренеев — Монте-Пердидо, достигающей 3356 метров и всего полсотни метров уступающей пику Ането. Красивее нее, пожалуй, нет горы ни во Франции, ни в Испании, и если Маттерхорн в Альпах справедливо считается красивейшим из гранитных пиков, то Монте-Пердидо можно смело назвать самой красивой известняковой вершиной.

Цирк Гаварни лежит на высоте 1400 метров и окружен с трех сторон 14-километровой дугой скал, увенчанных снежниками и ледниками. Со скальных стен Гаварни, вздымающихся на 500–600 метров над дном цирка, падают вниз целых двенадцать водопадов! Большинство из них уже метрах в ста от дна рассыпаются в мелкую водяную пыль, облаком висящую над цирком.

Лишь воды самого высокого и мощного из «великолепной дюжины» долетают до земли, преодолев тремя прыжками 422 метра в свободном полете. Водопад Гаварни долгое время считался высочайшим в Европе. Лишь в последние годы установлено, что в Норвегии есть два водопада, превышающих его по высоте. Но в сочетании с суровым пейзажем ледникового цирка и вознесшейся ввысь снежной пирамидой Монте-ПерДидо французский водопад, бесспорно, смотрится намного выигрышей своих скандинавских конкурентов. Недаром его красотой восхищался Виктор Гюго, посвятивший Гаварни восторженные строки. Когда стоишь у входа цирк Гаварни, создается впечатление, что он

невелик: десять минут ходьбы и упрешься в скалу. Но это оптический обман, вызванный прозрачное тью горного воздуха: чтобы пересечь цирк, потребуется больше часа.

Преодолев по ледяному мосту бурный поток, бегущий от водопада Гаварни, можно подойти к леднику, спускающемуся с верхней части цирка, и по нему добраться до единственного прохода, ведущего отсюда к вершине. Этот перевал, носящий поэтичное имя Щель Роланда, отличается, как и все пиренейские горные проходы, сильнейшими ветрами. Но благодаря своим габаритам (ширина — 30, высота — 80 метров), Щель Роланда превращается при «удачном» направлении ветра буквально в аэродинамическую трубу, по которой с жутким ревом, заглушающим иной раз удары грома, несется настоящий ураган. Сила его такова, что по воздуху летит не только пыль, но летят и мелкие камни, а человеку, если он идет против ветра, приходится передвигаться на четвереньках.

В известняковых склонах южного склона Пиренеев в последние годы открыто множество карстовых пещер, причем оказалось, что люди жили во многих из них еще в каменном веке. Археологи обнаружили здесь наскальные рисунки, глиняные фигурки и предметы быта наших далеких предков.

В Пиренеях расположена, в частности, вторая по глубине пещер, мира — карстовая пропасть Пьер-Сен-Мартен, уходящая в недра гор на 1171 метр, и занимающая третье место пещерная система Тромба глубиной в 911 метров. (Глубже них только пещера Резо-Жан-Бернар в Доломитовых Альпах, достигающая 1602 метров.) В Пьер-Сен-Мартен находится к тому же второй в мире по величине подземный зал Верна длиной в 220, шириной в 180 и высотой в 150 метров! Больших размеров подземная полость существует только в Карлсбадских пещерах в США. Как и водотоки других карстовых районов, пиренейские реки нередко «исчезают», ныряя в подземные норы, а затем вновь появляются десятью или двадцатью километрами ниже. В условиях высокогорного рельефа это приводит к тому, что в недрах возникают порой фантастические по сложности и живописности карстовые шедевры. Например, одна из таких рек, протекающая через пещеру Сигалер, успевает образовать под землей 52 водопада высотой до восемнадцати метров!

Уходит под землю и крупнейшая из рек, начинающихся в Пиренеях, — главная река Южной Франции Гаронна. Истоки ее находятся на южном, испанском склоне хребта, рядом с пиком Ането. Пробежав несколько километров от породившего ее ледника, река срывается водопадом с обрыва и затем ныряет в карстовую пропасть Тру-де-Тор. На северном склоне Пиренеев Гаронна рождается вновь, появляясь на поверхности в виде мощного источника, носящего имя Глаз Юпитера. Собирая воды десятков многоводных притоков (осадков в Пиренеях втрое больше, чем в Москве), река быстро накапливает силу, и уже от Тулузы она представляет собой могучую водную артерию.

Правда, ее бешеный нрав, проявляющийся в неожиданных паводках и сумасшедшем течении, не позволяет организовать на ней судоходство, зато для гидроэнергетиков Гаронна — любимый объект. Для кораблей же построен вдоль реки обводный канал до самого Бордо, стоящего уже около устья Гаронны. К Средиземному морю от Тулузы тоже проложен так

называемый Южный канал, и теперь буксиры и баржи плавают от Атлантики до Лионского залива вдоль всей цепи Пиренеев.

В предгорьях хребта, с французской стороны, есть еще одно интересное место. Здесь, недалеко от города Лурд, знаменитого своим святым источником, в замке близ селения Артаньян, в семье бедного дворянина родился в 1613 году Шарль де Бату, ставший прототипом всем известного героя «Трех мушкетеров» Дюма.

Настоящие любители гор, выбирая маршрут альпинистского тура по Западной Европе, предпочитают изъезженным, исхоженным, истоптанным и перенаселенным альпийским трассам трудные пути в Центральных Пиренеях. Да и не стремящимся к спортивным восхождениям путешественникам есть что посмотреть в этих горах. Глухие, лишенные дорог, а нередко и троп, горные ущелья, нетронутая природа, обилие водопадов, ледниковых цирков и пещер гарантируют туристу максимум впечатлений. Животный мир Пиренеев тоже сохранился лучше, чем в Альпах. Здесь можно встретить серну и козерога, попадаются кабаны и медведи, а также совсем уж редкие в европейских лесах волки.

Из наших же российских гор Пиренеи больше всего походят на Кавказ. Они, правда, пониже ростом, но красотой своих заснеженных хребтов и перевалов, озер и водопадов не уступят своему более высокому собрату. Высочайшие пиренейские вершины не менее трудны для восхождения, чем Ушба или Казбек. А горнолыжники найдут здесь даже более широкий выбор оборудованных трасс, которые построены теперь даже в Андорре.

Но какая бы причина не привела сюда путешественника: альпинистский азарт, горнолыжная лихорадка, увлеченность пещерами или простая любознательность — он все равно уедет на родину с ощущением, что узнал удивительный, непохожий на остальную Европу суровый и величественный мир. И в памяти его надолго останутся снежные пики вершин грандиозного горного барьера, разделяющего Францию и Испанию.

Метеора

(Греция)

В самом сердце древней Эллады, примерно в 80 километрах к западу от горы Олимп, располагается необычный уголок Балканского полуострова, в равной степени могущий называться как чудом природы, так и шедевром рук человеческих. Обычно, говоря об этом районе, употребляют выражение «скальные образования Метеоры». На самом деле они представляют собой настоящие горные массивы с отвесными стенами, настолько высокие и обширные, что язык не поворачивается именовать их скалами или даже каменными столбами. Судите сами: высота их превышает 300 метров, а иные поднимаются и на 550 метров!

Расположенные в долине реки Пиней, у подножья невысокого хребта Пинд, 24 гигантские плосковершинные скалы (или все-таки горы сформировались в результате выветривания пластов песчаников и конгломератов, слагавших бывшее дно палеогенового моря. За 60 миллионов лет, прошедших с тех пор, процессы эрозии раздробили, измельчили и унесли прочь большую часть морских осадков, но некоторые, особенно крепко сцементированные участки обломочных пород не поддались разрушению и сохранились в виде огромных скальных массивов.

Подобные каменные образования редко возникают в таких прочных пластах. Обычно скалы-останцы, как их называют геологи, состоят из вулканических туфов или других менее стойких осадочных пород. Порой причудливые вертикальные скалы возникают в местах, где вода растворяет известняковые массивы. Но природные обелиски из крепчайших песчаников известны, кроме Метеоры, пожалуй, только в «Долине Монументов» в американском штате Аризона.

Надо сказать, что эти два сходных по происхождению ландшафта вызывают совершенно разные чувства. Суровый облик безжизненных аризонских каменных столбов, высящихся среди голой, бесприютной пустыни, навевает мысли о злых духах или колдунах, воздвигавших эти чудовищные громады.

А причудливые, мягко закругленные силуэты скал Метеоры, поднимающиеся над живописной рекой в зеленой приветливой долине, рождают скорее молитвенное чувство, желание выразить свой восторг перед могуществом Творца, создавшего этот необыкновенный и чарующий пейзаж.

И люди с давних пор поклонялись необычным скалам и приносили здесь жертвы богам. Так было и в каменном веке, и в эпоху величия Афин, и во времена Римской империи. А с IX века нашей эры христианские монахи-аскеты в поисках мест для уединенных размышлений стали строить себе скромные кельи на плоских вершинах скал Метеоры. Труднодоступность вершин избавляла монахов от докучных посетителей, да и само расположение скитов на верхушках гор как бы приближало их обитателей к Богу. (Ведь даже само греческое название Метеора переводится как «на небесах».)

Следует признать, что трудно было бы найти более подходящее место для жизни отшельника, чем вершины метеорских скал. Когда ранним утром, с первыми лучами солнца, смотришь оттуда на долину Пинея, сердце невольно наполняется благоговейным трепетом при виде открывшейся грандиозной картины. По утонувшей в зелени садов и виноградников широкой ложбине, плавно изгибаясь, уходит на восток сверкающая под солнцем лента Пинея. Среди зеленых насаждений белеют домики многочисленных селений, а на горизонте, еще подернутая утренней дымкой, поднимается заснеженная вершина Олимпа, вознесшаяся на трехкилометровую высоту.

Почти пятьсот лет оставалась Метеора лишь местом пребывания отшельников-аскетов. Но в XIV веке, по мере ослабления Византии, участились набеги на плодородные греческие долины турок-османов. Вместе с мирными городами и селениями разграблению подвергались и христианские монастыри Греции. И в 1344 году настоятель одного из афинских монастырей Койновитис перебрался со своей общиной в Метеору. Здесь, на просторной плоской вершине одной из скал (она так и зовется — Широкая) монахи построили Большой Метеорский монастырь — первый из монастырей в долине Пинея.

Монашеская обитель на скале надежно защищала ее насельников от любых незваных гостей, поскольку добраться до нее можно было только по веревочной лестнице, поднимавшейся в случае грозящей опасности. В

то же время она изолировала монахов от мирских соблазнов, что особенно ценилось их духовными пастырями. Число монахов стало расти, появились новые монастыри на соседних скалах, и к концу XVI века в Метеоре их было уже двадцать четыре. Наиболее известными из них стали Варлаамский и Троицкий монастыри, а также Никольский, где сохранились фрески Феофана Грека.

Поскольку взбираться по лестницам, а тем более поднимать грузы было непросто, впоследствии для подъема наверх стали использовать сети на блоках и канатах (нечто вроде большого сачка, подтягиваемого лебедкой на вершину). Этот способ посещения монастырей тоже требовал крепких нервов, и в XIX веке на смену подъемникам пришли вырубленные в скале ступени.

Метеора лежит в стороне от традиционных туристских маршрутов по центральной Греции. Основной путь в глубь страны ведет от Афин через фермопильский проход к горе Парнас. Оттуда туристы через Темпейское ущелье, по которому Пиней прорывается к Эгейскому морю, попадают к подножью Олимпа и завершают свое путешествие на популярном курорте Катерини.

Между тем, спустившись от склонов Парнаса в долину Пинея, можно, сделав небольшой крюк, за два-три часа добраться вверх по реке до удивительного уголка Фессалии, где в зеленых предгорьях Пинда поднимаются над цветущими садами трехсотметровые каменные истуканы, на макушках которых приютились крохотные монашеские обители и скиты.

А взойдя по выдолбленным в скале ступеням и переходам на вершину к одному из пяти монастырей, переживших шестивековые бури истории, путешественник сможет оценить по достоинству как трудолюбие и бесстрашие древних христиан, построивших здесь храмы и кельи, так и прихотливую фантазию природы, изваявшей из твердого камня уникальные башни-скалы на зеленой межгорной равнине

ЧАСТЬ II. АЗИЯ

Вулкан Фудзияма

(Япония)

На вопрос, что прекраснее всего в Стране Восходящего Солнца, любой японец ответит одним и тем же словом: "Фудзияма!"

Эта гора, самая высокая в Японии (3776 метров), с древнейших времен обожествлялась жителями острова Хонсю. Само слово Фудзияма только наполовину японское и означает "гора Фудзи". Загадочный и древний народ айны, населявший когда-то и Хонсю, и Хоккайдо, и Курильские острова, дал горе имя своей богини огня, а японцы сохранили айнское название.

Почти идеальный, слегка усеченный конус Фудзиямы действительно очень красив. Уже много веков вдохновляет он поэтов и художников, многие сотни лет поднимаются люди по крутой тропе к его вершине, чтобы отдать дань восхищения национальной святыне, какой, без сомнения, является Фудзи.

Великий поэт Басе, живший в XVII веке, посвятил священной горе не одно стихотворение. Его трехстишия-хокку пережили века, и каждый японский школьник может, не задумываясь, процитировать вам наизусть, например:

Тучи набухли дождем.
Только над гребнем предгорья
Фудзи белеет в снегу…

или:

Туман и осенний дождь.
Но пусть невидима Фудзи,
Как радует сердце она!

А замечательный художник Хокусай столетием позже Басе увековечил любимую гору в сериях гравюр: "36 видов горы Фудзи" и "100 видов горы Фудзи". Репродукция одной из таких гравюр висит в каждом японском доме.

Главная религия Японии — синтоизм — объявила Фудзияму одни из главных мест почитания и поклонения. Поэтому каждый японец считает своим долгом хотя бы раз в жизни совершить восхождение на священную гору.

На вершину Фудзи проложена извилистая тропа с десятью площадками — станциями для отдыха. Паломники приобретают у подножия горы бамбуковые посцхи с бубенчиками, которые должны помочь и во время нелегкого и долгого подъема. На каждой станции путнику выжгут на посохе специальное клеймо в знак того, что он достиг очередного этапа. Некоторые, особенно пожилые, японцы делают несколько попыток, прежде чем достигнут заветной цели.

На самом верху, рядом с кратером Фудзиямы, построен синтоистский храм, где монахи возносят молитвы богам, попутно продавая сувениры туристам и богомольцам. Многие туристы из-за рубежа, для которых посещение горы — лишь экзотическое развлечение, начинают подъем сразу с пятой станции, куда проложена автомобильная дорога. Но и для них штурм почти четырехкилометровой вершины — нелегкое испытание силы мускулов и стойкости духа.

Кратер вулкана представляет собой впадину с неровными краями, диаметром 500 метров и глубиной 200 метров. Слегка волнистые очертания его напоминают цветок лотоса. Восемь скалистых гребней, укрыты снегом, выступают внутрь кратера. Народ дал им поэтичное имя Яксуда-Фудзи ("Восемь лепестков Фудзи").

Верхняя часть склона вулканической горы очень крута (до сорока пяти градусов), а ниже Фудзи становится более пологой. Основание ее выглядит как гигантская окружность с периметром в 126 километров. С севера Фудзи окаймлена гирляндой из пяти живописных озер, придающих еще большую красоту окрестному пейзажу. Особенно красива гора весной, в пору цветения японской вишни-сакуры.

Розовая пена садов, голубое небо и вода, зелень сосен в нижнем поясе горы и белый снежный конус ее верхушки сливаются в неповторимую симфонию линий и красок, словно сошедшую с гравюры Хокусая.

Впрочем, вулкан прекрасен в любое время года и в любую погоду. И великий художник мог бы, наверное, написать не сто, а пятьсот видов Фудзи — то розового в рассветных лучах, то отраженного в синей чаше озера, то серым призраком проглядывающего сквозь туман, то укрытого густой шапкой облаков…

Согласно японской летописной легенде, Фудзияму боги сотворили за одну ночь в 286 году до нашей эры, причем на месте, где они брали для горы землю, образовалось озеро Бива, единственное большое озеро страны, расположенное близ ее древней столицы Киото.

На самом деле вулкан, конечно, гораздо старше. Геологи оценивают его возраст в восемь-десять тысяч лет. Но в основании Фудзиямы лежит более древний потухший вулкан, которому шестьдесят тысяч лет, а он, в свою очередь, вырос на месте еще более древнего вулкана, возраст которого триста тысяч лет.

Будучи самым молодым и активным в этой тройке, Фудзи регулярно демонстрирует свой грозный нрав. Летописи зафиксировали восемнадцать извержений главного вулкана Японии. Самые сильные из них были в 800, 864 и 1707 годах. Особенно разбушевался Фудзи в 1707 году. Тогда даже Токио, расположенный в ста километрах к северо-востоку от вулкана, был засыпан слоем пепла в пятнадцать сантиметров толщиной.

Сейчас могучий исполин дремлет, лишь слабыми струйками дыма в кратере напоминая о том, что силы его еще не иссякли. На склонах его стройного, чуть вогнутого конуса десять месяцев в году лежит снег, да и летом снежники не тают на северных склонах.

Древняя тропа паломников и в наши дни сохраняет свой первоначальный вид. Правда, многие, как уже говорилось, начинают теперь подъем с пятой станции, от самой границы сосновых лесов, но и этот заключительный, самый трудный этап восхождения позволяет пережить незабываемые ощущения.

И хотя для иностранных гостей Фудзияма не является предметом культа, трудный путь наверх и вид, открывающийся с вершины, действительно каким-то непостижимым образом настраивают мысли и чувства на светлый, торжественный лад. Здесь постигаешь смысл слов, что созерцание священной горы очищает душу человека. Может быть, именно поэтому Фудзияма так любима японцами.

Каждый год пять миллионов человек приезжают к подножью Фудзи. Четыреста тысяч из них поднимаются на вершину. И у древнего храма, построенного в 1707 году рядом с кратером, чтобы умилостивить богов и прекратить извержение, они повторяют за пилигримами в белых кимоно слова древнего заклинания: "Да очистятся мои шесть чувств от всего суетного и грешного…"

Алмазные горы

(Корея)

В каждой стране есть места, особенно дорогие сердцу ее жителей. Для японца это — Фудзияма, для армянина — озеро Севан, для американца — Ниагара, для россиянина — Волга.

Есть такой уголок и в далекой Корее — небольшом, но необыкновенно богатом живописными ландшафтами полуострове на Дальнем Востоке. Недаром корейцы дали своей земле поэтичное имя Чосон

— "Страна утренней свежести". В этом крае десятки мест, воспетых художниками и поэтами, притягивающих словно магнит сотни и тысячи людей, желающих насладиться красотой родной земли. Это и высочайшая вершина Кореи — действующий вулкан Пектусан, и сверкающий водопад Жемчужный, и национальный парк Моранбанг, а порой и просто красивый остров у побережья или горное озеро.

Но самым прекрасным уголком Чосона по праву считаются Алмазные горы. По-корейски они называются Кымсанган, но чаще их именуют по-восточному витиевато и поэтично — "Двенадцать тысяч алмазных вершин". И добавляют при этом: "Не повидав Кымсангана — не говори о красоте гор". Расположен этот горный район на востоке полуострова, ближе к Японскому морю, и даже в наши дни он остается малоосвоенным, труднодоступным краем.

Кымсанган — это живописное нагромождение тысяч горных гребней, зубцов и пиков самого диковинного облика. Склоны хребтов прорезаны крутостенными ущельями, по которым несутся бурные потоки холодной чистой воды. Из боковых расщелин речки и ручьи срываются в долины десятками шумных водопадов. Вдоль рек и на склонах поднимаются густые леса из корейских сосен и кедров, дуба, клена и манчжурского ореха. Стволы и ветви их обвивают, подобно лианам, плети дикого винограда.

В солнечную погоду скалистые вершины, порожистые пенные потоки и каскады в ущельях переливаются всеми цветами радуги. Особенно хорош Кымсанган в сентябре—октябре, когда кончаются муссонные дожди, а листва деревьев, тронутая кистью осени, добавляет к зелени сосен и кедров все оттенки желтого и красного цветов.

Природа Алмазных гор вдохновляла не одно поколение художников и поэтов. Причудливая форма скал и вершин, игра водопадных струй и разноцветье осенних красок леса, казалось, сами подсказывали сюжеты для преданий и легенд. Недаром многие места здесь носят сказочные, поэтичные названия: скалы Манмульсан ("Десять Тысяч Чудес"), озеро Самильпхо ("Озеро Трех Дней"), водопад Куренпхо ("Девять Драконов"), скала Квименам ("Маска Дьявола"), водопад Чинчжудам ("Сыплющийся Жемчуг") и другие.

Больше всего легенд и сказок сложено о самой высокой горе Кымсанган, давшей название всей горной стране. Этот овеянный преданиями "корейский Олимп", по нашим понятиям, невысок, всего 1700 метров. Но для Кореи, где даже местный Эверест — вулкан Пектусан — едва превышает 2700 метров, это значительная вершина. В одной из легенд рассказывается, что однажды после дождя божественные феи с облаков залюбовались Кымсанганом. Им показалось, что гора на земле затмила своей красотой их небесные владения, и они решили переселиться к людям. Перекинув радужный мост на вершину Кымсангана, небожительницы сошли по нему на землю. Они принесли жителям Кореи дар слагать песни и стихи, наделили их способностью грациозно танцевать и обучили изяществу обхождения. Люди переняли у фей привычку одеваться в яркие одежды цвета радуги и полюбили родную землю сильнее, чем небо и солнце. С тех пор все корейцы убеждены, что прекрасней их Чосона нет страны на свете…

Немало преданий рассказывают корейцы и о живописной долине реки Куренчхен ("Реки девяти драконов") и ее знаменитых водопадах. Долина этой реки, врезанная глубоко в гранитные скалы, местами похожа на гладко отполированный желоб, по которому можно идти, только осторжно ступая на выбитые в скале ступени и держась за перила. Порой ущелье сужается, и стены его становятся отвесными. Все дно долины завалено валунами, огромными обломками, упавшими с утесов, пробиваясь между ними, кристально чистым каскадом льется Куренчхен. Вода его то сверкает и искрится на быстринах, то, задерживаясь в заводях, вдруг приобретает изумрудно-зеленый оттенок. В верхней части долины расположен ледниковый цирк, из которого река падает вниз стометровым водопадом. Дальше она образует цепочку из восьми озер, соединенных между собой новыми водопадами, правда, не такими высокими, как верхний.

Древняя легенда повествует о том, что когда-то в озере высоко в горах жили девять братьев-драконов. Однажды утром к озеру подошел бедно одетый путник и о чем-то спросил братьев. Но драконы не стали даже разговаривать с бедняком. Не знали они, что перед ними — сам великий Будда. Разгневался Будда, написал на бумажном свитке слово «огонь» и бросил свиток в озеро. Вода вспыхнула жарким пламенем. В ужасе бросились драконы бежать. Настигаемые огнем, они свергались с высоких гор в ущелья, падали и вставали вновь, но пламя обжигало их и гнало дальше, заставляя делать сумасшедшие скачки. Там, где падали братья-драконы, возникали водопады, а там, где рухнул старший брат — грохочет самый большой, стометровый водопад Куренпхо.

Поклонение Алмазным горам имеет древнюю историю. Еще много веков назад на скалах в глубине горных ущелий высекали гигантские изображения Будды, фигуры драконов, тигров и сказочных птиц. И по сей день к ним "не зарастает народная тропа".

Но есть здесь и совсем необычные места для поклонения. Так, священная скала Ляндандэ открывается к уединенной лесной поляне огромной, плоской и гладкой, словно отполированной гранью. Говорят, что на ней отражаются все недобрые дела и замыслы. И если постоять в одиночестве перед скалой Ляндандэ, почувствуешь все свои недостатки, а из сердца навсегда уйдут злоба и зависть…

На берегу озера Трех Дней лежат четыре больших камня, на которых, по преданию, сидели четыре феи, спустившиеся с небес. Всего на один день отпустил их на землю Властитель Неба. Но, залюбовавшись прекрасным озером, небесные гостьи пробыли здесь целых три дня. И Небесный Владыка не наказал их за это — он понял, что перед красотой бессильна даже его грозная воля.

Девушки, посещающие Кымсанган, всегда стремятся окунуться или хотя бы омыть лицо в воде озер, в которых купались феи. Считается, что на лицо, которого коснулась их волшебная влага, снизойдет небесная красота. Кстати, вода в горных озерах действительно благотворна, так как в Алмазных горах немало целебных минеральных источников.

Природа Кымсангана поражает сочетанием привычных нам северных растений и животных с экзотическими, южными. Дуб, сосна и кедр, лаковое дерево и камелия, клен и каштан, бамбук и виноград

образуют здесь неповторимое сочетание форм и красок живого мира. А рядом со следами медведя и косули можно встретить отпечатки лап могучего тигРа или извивающийся след пересекающего тропинку двухметрового полоза. Рысь и олень, леопард и гималайский медведь соседствуют тут зачастую в одной и той же долине.

В обрамлении фантастических форм источенных ветрами и дождями скал и многочисленных водопадных каскадов все это великолепие флоры и фауны предстает в особенно сказочном облике.

Поднимаясь на перевалы и горные кряжи, пересекая по хрупким бамбуковым мостикам глубокие тенистые ущелья и сверкающие водопадами речки, путешественник рано или поздно обязательно выходит к побережью. Японское море, живописное у любого своего берега, и японского, и российского, приберегло для Кореи особенно редкостные прибрежные пейзажи. В мире немного мест, где морская стихия и суша сосуществуют в таком прихотливом переплетении. Может быть, только норвежские фьорды и Далматинский берег Адриатики могут соперничать по красоте с корейским побережьем.

Утесы-великаны принимают на себя удары морских волн и легко отшвыривают их обратно, стряхивая соленые брызги. Далеко в море убегает россыпь мелких скалистых островков, словно флотилия гранитных суденышек, увенчанных причудливыми силуэтами зонтичных сосен, и над всем этим высятся в глубине полуострова окутанные голубой дымкой хребты с зазубренными вершинами.

Это Морской Кымсанган — место встречи скалистых твердынь, одетых сказочным лесом, с безбрежной стихией моря.

Пустыня Гоби

(Монголия—Китай)

Территория Гоби занимает всю южную половину Монголии, а заодно прихватывает изрядную часть Китая. На картах до сих пор она значится как «пустыня», хотя это и не совсем верно. Во-первых, осадков в Гоби выпадает не так уж мало: 200–300 миллиметров, то есть раза в полтора больше, чем положено классическим пустынным районам. Поднятая на 900 метров над уровнем моря, она к тому же отличается суровыми зимами, совсем не характерными, например, для соседних Каракумов или Кызылкума. Во-вторых, понятие Гоби включает в себя несколько совершенно различных по климату и облику местностей. Не зря монголы говорят: "У нас тридцать три Гоби, и все разные!"

Северная Гоби, что лежит к югу от Улан-Батора и достигает отрогов Монгольского Алтая, — это типичная степь с густыми высокими травами, весенним разноцветьем тюльпанов, веселым посвистыванием сурков и тучными стадами, пасущимися на необозримых просторах.

А за восточной оконечностью Алтайских гор, в так называемой Заалтайской Гоби, преобладают каменистые сухие полынные степи и полупустыни с редкими колодцами и сухими руслами рек. Есть еще Восточная Гоби, Джунгарская Гоби, Гашунская Гоби, Гобийский Алтай, и у всех — свой облик, свой характер. Здесь можно встретить и плоские равнины, и мелкосопочник, и высокие горные массивы, пресные и соленые озера с зарослями тростника, прозрачные быстрые реки в зеленой оправе из тополей и белые пятна солончаков, поросшие фиолетовыми солянками.

В степях же Восточной Гоби, ближе к Манчжурии, высятся конусы потухших вулканов, извергавшихся еще совсем недавно, в VI веке нашей эры. Небольшие, всего метров в триста высотой, они сохранили все признаки своего грозного прошлого: от кратеров до застывших потоков когда-то горячей лавы и россыпей вулканических бомб на склонах.

Но чисто пустынные ландшафты в Гоби все же редки и расположены они ближе к ее южной и западной окраинам, рядом с настоящими жаркими пустынями Алашань и Такла-Макан.

Гоби — царство солнца и ветра, просторных равнин и невысоких гор и сопок. Лишь вершины Гобийского Алтая поднимаются иногда до трех с половиной километров. Пасмурные дни здесь редкость, и летом жара достигает порой сорока пяти градусов. Но зимой ясные дни приносят стужу, и температура может упасть до минус сорока!

Ветер, почти не встречающий преград в степи, способен здесь разгуляться не на шутку. Достигая иной раз силы урагана, он поднимает в воздух тучи пыли и песка и обрушивает на селения и торговые караваны страшные песчаные бури. Особенно опасны они в Джунгарской и Гашунской Гоби, где ветер срывает крыши с домов, в клочья рвет палатки геологов, опрокидывает и уносит легкие юрты кочевников порой за три—пять километров, а отдельные предметы, вроде халатов или ковров — и за двадцать километров.

Лошади и верблюды едва могут устоять на ветру, и то повернувшись хвостом к ветру. Брошенный же вверх камень падает не вертикально вниз, а под углом градусов в шестьдесят, приземляясь в пяти—семи метрах от "места старта". Осенью ураганы сопровождаются дождем и градом, и бывает, что огромные, с куриное яйцо, градины наповал убивают баранов или коз.

Твердые песчинки, переносимые бурей, способны превратить прозрачное стекло в матовое за неделю или две, пока свирепствует ветер. А вершины хребтов и отдельно стоящие скалы они буквально отшлифовывают, придавая каменистым возвышенностям самую фантастическую форму.

И не удивительно, что именно в этих краях, точнее, неподалеку от северной окраины Джунгарской Гоби, открыл великий геолог, географ и путешественник В. А. Обручев свой знаменитый "Эоловый город", подобного которому нет больше ни в одном краю мира.

Джунгария, где расположено это чудо природы, представляет собой пустынную впадину, окруженную неприступными кручами Тянь-Шаня и Алтая. Тысячелетиями служила она связующим звеном между Средней Азией и Китаем: ведь именно здесь находится единственный проход между двумя великими горными системами — каменистые и узкие Джунгарские ворота. Через них пролегал когда-то Великий Шелковый путь, через них веками шли караваны из Самарканда или Хивы в Монголию, Тибет и к берегам Янцзы. По Джунгарии шли в походы свирепые гунны и несметные орды Чингисхана.

К северу от Джунгарских ворот, у подножья хребта Тарбагатай, экспедиция Обручева наткнулась в 1906 году на необычную местность, показавшуюся геологам вначале развалинами древнего города. Лишь более

близкое знакомство с «руинами» показало, что строителем их (и разрушителем тоже) был… ветер. И весь огромный «город» представляет собой исключительную по красоте картину выветривания, шлифовки и развевания мягких пород: песчаников, мергелей и глин розового, серожелтого и зеленоватого цветов.

На площади в несколько квадратных километров расположены башни, замки, стены, обелиски, столбы, иглы и памятники, разделенные улицами, переулками и площадями. В стенах торчат шарообразные камни, словно ядра, застрявшие там при обстреле города. На улицах поблескивают в лучах солнца пластинки слюды, похожие на куски разбитых оконных стекол. Создается полная иллюзия города, взятого штурмом и покинутого населением. Вот только раскопки в нем вести бесполезно: внутри башен и зданий ничего нет — только песчаник или мергель.

Удивительный ландшафт, созданный ветрами и дождями и имеющий такое поразительное сходство с построенной людьми крепостью, Обручев назвал "Эоловым городом" по имени греческого бога ветра — Эола. Многие «сооружения» этого города имели настолько фантастический облик, что получили собственные названия: «сфинкс», "птица", «пирамиды» и даже "башня колдуньи"…

Сейчас неподалеку от Эолового города прошла железная дорога, соединяющая Китай с Казахстаном, и, может быть, в недалеком будущем каждый, кто захочет познакомиться с этим уникальным природным феноменом, сможет осуществить это намерение.

Причудливые формы скал в предгорьях Тарбагатая, Монгольского и Гобийского Алтая, естественно, не оставались незамеченными кочевниками-монголами и давали обильную пищу народной фантазии. Много волшебных сказок и легенд рассказывали вечерами старики, сидя в своих юртах в окружении любознательной малышни.

Но не всякая сказка — чистая выдумка. Иногда поводом для ее создания были реальные события или факты, и тогда, в соответствии с пушкинским "сказка ложь, да в ней намек…", обнаруживаются порой невероятные, поразительные находки. Так обернулись предвидением строки старой монгольской сказки о драконе: "…Раненый дракон, пролетая над горами и степью, потерял силы, упал и умер. Кости его глубоко вошли в землю и стали каменными. Там, в горах Немегэту, лежат теперь хвост и задние лапы дракона. Голова же с туловищем упали дальше на полтора дня пути, в горах Тост-Ула. Вот как велик был страшный дракон!"

Еще экспедиция ученика Пржевальского, русского путешественника П. К. Козлова, в начале XX века обнаружила на юге Монголии, в самом сердце Гоби, захоронения ископаемых остатков древних животных. Но заняться всерьез найденными им "кладбищами юрского периода" удалось лишь после Великой Отечественной войны.

В 1946 году Академия наук отправила из Москвы в Монголию крупную экспедицию во главе с видным ученым-палеонтологом И. А. Ефремовым (впоследствии известным писателем-фантастом). Район работ Ефремова охватывал сухие межгорные впадины Гобийского Алтая и Восточную Гоби.

Ученые сумели найти и раскопать целых три участка, где сохранились останки древних ящеров мезозойской эры, в том числе и гигантских динозавров. Ценность находки заключалась в исключительно хорошей сохранности огромных скелетов, иные из которых достигали двадцати пяти метров в длину и весили несколько десятков тонн. Были найдены, кроме того, скелеты крупных древних млекопитающих, крокодилов, морских черепах, а также раковины моллюсков.

В результате удалось установить, что на месте Гоби 130 миллионов лет назад, на рубеже юрского и мелового периодов, находилась обширная заболоченная низина, граничащая с мелководным морем. Гигантские стада растительноядных динозавров паслись на сырой равнине, а следом за ними шли их хищные сородичи, нападая на отставших или ослабевших.

Установившийся потом на территории Монголии сухой жаркий климат и прекращение процессов горообразования способствовали тому, что скелеты ящеров сохранились до наших дней в уникальном состоянии. Многие из них были захоронены целиком, и можно было без особого труда представить себе внешний облик чудовищных пресмыкающихся.

Нелегко было вести раскопки под палящими лучами солнца, в условиях нехватки воды. Порой на лагерь обрушивались песчаные бури. Да и сам процесс выемки и переноски тридцати—сорокакилограммовых костсй был делом тяжелым и непростым. Но радость от редкостной удачи была сильней физических лишений. Ведь впервые на планете удалось найти не отдельные кости или скелеты, а целые кладбища с десятками, сотнями захороненных останков животных самых разных видов.

Вот что рассказывал о раскопках сам Ефремов:

"Стена увала оказалась состоящей из целого ряда уступов, кулисообРазно заслонявших один другого до самого края котловины… За третьим выступом бросилась в глаза груда ребер исполинского динозавра. В склон уходили большие лопатки, а из плиты торчали отростки гигантских позвонков. Дальше в промоине рассыпавшаяся хищная лапа топырила свои чудовищные когти. На следующем выступе в отломе песчаника выделялась белая челюсть с кинжалообразными черными зубами, эмаль которых блестела, как у живого зверя, будто пробужденного от сна, длившегося 70 миллионов лет. В дне промоины белели и серели разломанные кости — позвонки, куски черепа, кости громадных лап.

Забыв обо всем на свете, я носился вверх и вниз по крутым осыпавшимся склонам, наклонялся над темными оврагами, заглядывал под выступы плит. И повсюду, в каждой промоине и на каждом выступе я видел новые и новые кости или части целых скелетов, а до конца котловины оказалось двадцать два таких выступа. Несметные научные сокровища были разрушены здесь тысячелетиями выветривания, пока предстали перед взором ученого.

Но, конечно, еще большее количество остатков ископаемых ящеров находилось в глубине этих обрывов… Нам удалось наткнуться на очень богатое место".

Эти строки написаны на западном захоронении, у склонов Монгольского Алтая, как раз возле хребта Немегэту, о котором шла речь в старой сказке… Позже были найдены еще два кладбища динозавров на востоке Монголии. Здесь удалось откопать огромный череп хищного ящера и обнаружить целое скопление окаменелых стволов хвойных деревьев. В

одном месте длинная гряда холмов была усеяна большущими черными каменными бревнами до пятнадцати метров в длину и полутора метров в диаметре.

Экспедиция привезла в Москву две с половиной тонны ценнейших находок. В последующие годы на гобийских кладбищах юрских ящеров было сделано еще немало открытий.

Сейчас тщательно освобожденные из камня гигантские скелеты установлены в Палеонтологическом музее в Москве и в Центральном музее Монголии в Улан-Баторе.

Но палеонтологические сокровища гобийских межгорных котловин — еще не все, чем может поразить путешественника этот уникальный район Центральной Азии. Не менее интересны и сами горы Гобийского Алтая. Когда видишь их впервые, возникает ощущение какой-то неправдоподобности пейзажа. Без всяких предгорий, без постепенных подъемов, совершенно внезапно из ровной степи вырастают двухкилометровые громады горных массивов, словно какой-то великан разбросал исполинские глыбы среди пустынных равнин.

Гобийский Алтай — район активной тектонической деятельности. Горы его растут в высоту и в наши дни. Но поднимаются они не сплошным массивом, как соседний Монгольский Алтай, а отдельными блоками-глыбами. И некоторые из них вздымаются почти на 4000 метров над уровнем моря или на 2600 метров над соседней Долиной озер. Наиболее эффектна группа гор Гурван-Богдо (что означает по-монгольски "Три божества"). Это массивы Ихэ-Богдо ("Большое божество", 3957 метров), Бага-Богдо ("Малое божество", 3590 метров) и Арца-Богдо ("Можжевеловое божество", 2453 метра).

Странные названия возникли не случайно. Много веков назад монголы стали обожествлять эти горы, поскольку не раз и не два грозными землетрясениями они наводили ужас и трепет на кочевавших по здешним степям пастухов. И люди, ставшие свидетелями грандиозных катаклизмов, могли объяснить происходящие катастрофы не иначе, как гневом могущественных богов.

Сильнейшее, десятибалльное землетрясение (по двенадцатибалльной шкале) произошло в Гобийском Алтае в 1902 году. А через 55 лет новое грандиозное землетрясение в течение месяца сотрясало горы и долины Гоби. Вот как выглядела эта жуткая катастрофа по рассказам уцелевших очевидцев.

Утром 4 декабря 1957 года со стороны Бага-Богдо внезапно раздался подземный гул, перешедший в оглушительный грохот. Подземные удары были подобны артиллерийским залпам из нескольких тысяч орудий. Они следовали один за другим через 8—10 секунд. После пяти таких ударов Бага-Богдо совершенно скрылся в огромном облаке красно-желтой пыли, поднятой горными обвалами.

Через полминуты откликнулся Ихэ-Богдо — там также послышался подземный гул и раздался оглушительный грохот. Гора тоже скрылась в клубах пыли. Скоро пыльные тучи, окутавшие горы, соединились и затмили солнце. В ста шагах нельзя было различить белых юрт. Лишь через четыре дня пыль немного осела и из красно-желтой мглы показались силуэты успокоившихся гор.

Землетрясение принесло много разрушений. В поселке Богдо-Ула рухнуло здание школы. К счастью, оно было деревянным, и обломки никого не задавили насмерть, были лишь раненые и получившие ушибы. По реке Туин-Гол при первых же ударах прокатился высокий водяной вал. Он взломал лед и с ревом устремился в озеро. Земля вокруг озера покрылась зияющими трещинами.

Ужас охватил животных. С гор в панике бежали горные козы и дикие бараны. Они прибивались к стадам домашнего скота и несколько дней паслись с ними, как бы ища поддержки. Лишь постепенно природа взяла свое, и беглецы по-одному стали уходить назад в горы.

Землетрясение охватило территорию в миллион квадратных километров. В Улан-Баторе, в пятистах километрах от Богдо-Ула, толчки достигли шести баллов. Там качались дома, осыпалась штукатурка. А в зоне эпицентра сила землетрясения составила одиннадцать баллов!

Весь хребет Гурван-Богдо с горами Ихэ-Богдо и Бага-Богдо приподнялся на полтора метра. Большие участки местности, в несколько километров длиной, оказались подвинутыми на 5–7 метров к востоку. Район землетрясения был рассечен зияющими разломами. Главные трещины обрубили массив с севера и юга. Северный разлом земной коры протянулся на 350 километров, а южный — на 220 километров. Большие глыбы земли провалились между параллельно идущими трещинами на 5–6 метров. Ширина таких провалов достигала двадцати метров, а длина — сотен метров. В один из разломов в разгар катаклизма рухнуло большое стадо овец.

Между двумя главными горами протянулась еще одна трещина. Но она была не зияющей, а плотно сжатой, и западная стенка ее была взброшена вверх на десять метров. Кое-где земля сморщилась огромными волнами, словно гигантский бульдозер сдвинул ее в бугры высотой в двадцать метров и длиной до ста метров. Лишь благодаря малонаселенности Гоби чудовищный разгул подземной стихии не привел к большим человеческим жертвам.

Следы Гоби-Алтайского землетрясения сохранились до сих пор. И ученые изучают их, надеясь научиться предсказывать подземные толчки. Однако не следует думать, что все диковинки Гоби относятся только к области геологии. Гоби — единственный район мира, где можно встретить дикую лошадь Пржевальского и дикого верблюда. Да и куланы (дикие ослы), кроме Гоби, водятся лишь в двух-трех районах нашей планеты. Но главное украшение здешних мест — грациозные джейраны.

Основное чувство, которое испытываешь, попав в Гоби — это ощущение бескрайнего простора, какой-то удивительной свободы. И человеку, которому по душе простор степей и бездонная синева неба, шелест буйных трав и песня жаворонка над головой, стоит отправиться в Монголию, лучше всего весной, когда разноцветный ковер цветов разостлан до самого горизонта, а шумные стаи птиц слетаются к берегам озер, синеющих в отрогах Хангая и Монгольского Алтая. Он вдохнет всей грудью теплый ветер, насладится пьянящим ароматом степных цветов, заслушается веселым птичьим гомоном и залюбуется долгими и красочными закатами. И никогда уже не повернется у него язык назвать

Гоби — пустыней.

Горы Гуйлинь

(Китай)

Глядя на этот волшебный пейзаж, даже не верится, что мягкие, нежные линии гор, чарующий ритм плавных, округлых очертаний их вершин созданы не кистью вдохновенного художника, а стихийными силами природы, или, конкретнее, карстовыми процессами. Тем не менее это так.

Если классическим районом подземного карста считаются Динарские горы в Хорватии и Словении, то юго-западный Китай можно отнести к областям особенно яркого развития другого, так называемого башенного карста. Для этой разновидности процессов растворения горных пород характерно, в первую очередь, не образование пещер, а причудливые формы разрушения известняков на поверхности земли.

Известняковые пласты, откладывавшиеся когда-то на дне теплых морей, занимают теперь огромную территорию от среднего течения Янцзы до северного Вьетнама. И во многих местах здесь неустанная работа текучих вод за миллионы лет привела к появлению поражающих своей красотой и необычностью природных уголков.

Это и легендарная бухта Халонг во Вьетнаме с ее тысячами островов, и "каменный лес" в окрестностях Куньмина, где в узких проходах между тридцати—сорокаметровыми каменными столбами-деревьями можно заблудиться, как в настоящем лесу, и, конечно, волшебная чаща зубчатых известняковых утесов Луньшаня в провинции Хунань, где удивительное сочетание пещер и каменных башен, известняковых ущелий и скальных мостов образует поистине зачарованную страну замерших сказочных грез. Поражают в Луньшане "Небесный мост", перекинутый природой через сорокаметровое ущелье на высоте трехсот шестидесяти метров, и пятидесятиметровый водопад в пещере Желтого Дракона, и необыкновенные жители рек и ручьев этой сказочной страны — гигантские метровые саламандры…

Но самой драгоценной жемчужиной китайского карста являются горы Гуйлинь — одно из наиболее фантастических и поэтичных творений природы на нашей планете.

По обоим берегам спокойной реки Лицзян сгрудились здесь сотни высоких (до ста метров!) утесов с отвесными стенами и мягко закругленными вершинами. Ближние скалы желтеют известняковыми боками и зеленеют кудрявыми шапками сосен, лавров и кипарисов, а дальние — голубеют, размытые воздушной дымкой. Кажется, что живописный пейзаж сошел со старинной китайской картины, написанной на шелковом свитке, или ожили строки древнего поэта, когда-то впервые увидевшего Гуйлинь:

Высоко над долиной
Вздымаются горы, как башни,
Открывая пред нами
Четыре простора Земли.
С темнотою к горам
На ночлег возвращаются птицы.

По утрам на вершинах —
Приют для седых облаков.
Как ласкает мой взор
Мягкий шепот круглящихся склонов!..
Тихо дремлют в тумане
Затихшие горы Гуйлинь…

Многозвучная симфония форм и красок удивительных скал, отраженная в спокойных водах Лицзяна, веками вызывала у побывавших здесь путешественников мистическое, молитвенное настроение, вдохновляла философов и художников, поэтов и музыкантов.

Уходящие вдаль ряды округлых и конических вершин, покрытых густыми и сочно-зелеными тропическими зарослями, и в наши дни зачаровывают и манят путника побродить среди каменных обелисков и башен, крутостенных замков и заколдованных дворцов, неторопливо размышляя о вечном и любуясь многоликой и загадочной страной каменных сказок, страной тишины и тумана, страной волшебных тайн и древних легенд и преданий…

Маленькие деревца, цепляющиеся корнями за трещины скал, густо переплетены лианами, с которых свешиваются тут и там разноцветные кувшинчики орхидей удивительно нежных пастельных оттенков. В зелени кустов и лиан темнеют сумрачные зевы глубоких пещер, промытых в толще утесов дождевыми водами.

Пещерные туннели уходят глубоко под землю, соединяясь в длинные системы залов и переходов. По некоторым из них текут подземные ручьи, журчанье которых эхо превращает в таинственные мелодии, затихающие во мраке.

Еще древние поэты воспевали красоту пещеры Тростниковой Флейты — самой известной и самой живописной в Гуйлине. Со сводов ее свешиваются сотни изящных сталактитов, тонких и нежных, словно свирели, на которых играют странные, грустные и по-восточному протяжные мелодии народные музыканты.

В эпохи войн, восстаний и революций мирные крестьяне не раз находили спасение от грабежей и насилий в подземных убежищах Гуйлиня. Так было и в первые века нашей эры, так было и в XX веке. Ведь смутных и кровавых времен в истории Южного Китая было немало. Это и гражданские войны эпохи Троецарствия в III–IV веках, и набеги агрессивных тибетцев и восставших вьетнамцев в VI–VII веках, и средневековые крестьянские восстания. В XIX веке земли Гуйлиня сотрясали опиумные войны и восстание тайпинов, а в XX веке сюда доносилось эхо мировых конфликтов.

Японские самолеты, в годы Второй мировой войны бомбившие расположенные по соседству Кантон и Гонконг, иногда сбрасывали бомбы и на окрестные города и селения. В последовавшей затем гражданской войне коммунистов с гоминдановцами местным земледельцам опять пришлось несладко. И снова пещеры Гуйлиня прятали беженцев, спасая их от тех и других.

Символом своего города жители Гуйлиня считают холм с выразительным названием "Хобот слона" на берегу Лицзяна. Он

действительно похож на слона, опустившего хобот в воду. На вершине холма высится древняя пагода, построенная в XIV веке, а у подножья находится вход в пещеру Воды и Луны. В полнолуние отсюда можно любоваться удивительно красивым отражением ночного светила в водах спокойной реки.

Лиричность окружающего пейзажа в сочетании с вековыми традициями китайской поэзии определили общее поэтическое настроение, пронизывающее все окружающее как в самом городе Гуйлинь, так и в его окрестностях. Даже названия отдельных мест здесь звучат подобно строкам старинных стихотворений, заставляя поражаться народной фантазией. Достаточно пройтись по городу, чтобы убедиться в этом: на улицах Гуйлиня путешественник встретит и гору Фубо ("Колышащейся волны"), и парк Уединенной Красоты, и скалы Семи Звезд, и горы Парчового узора…

А если отправиться на теплоходе вниз по реке Лицзян, то попадешь в мир горных отрогов и скал с самыми фантастическими очертаниями. И древние названия этих мест разбудят в воображении целый мир ассоциаций, вызывающих в памяти образы китайской живописи и скульптуры, когда-то увиденные в музеях: "Холм Белого Тигра", "Старик, смотрящий на яблоко", "Черепаха, ползущая по склону холма", "Лев, восходящий на гору пяти пальцев", "Пик рыбьего хвоста", "Холм голов драконов", "Верблюд, переходящий реку" и десятки других, не менее поэтичных.

Европейцы впервые побывали в Горах Гуйлиня лишь в XVII веке. Это были миссионеры-иезуиты, рассказавшие миру о сказочной долине в зачарованных горах, лежащих к северу от реки Сицзян. В дальнейшем район Гуйлиня долго был закрыт для иностранцев, и красотой экзотических скал в Европе любовались лишь на старинных китайских гравюрах, не очень-то веря в реальность этого причудливого пейзажа.

Только в 1973 году одно из прекраснейших мест нашей планеты стало доступным для всех, и поток туристов хлынул в Гуйлинь. И хотя добраться до него нелегко — сказочная долина лежит в полутора тысячах километров от Пекина и в тысяче трехстах — от Шанхая, каждое лето тысячи желающих приобщиться к волшебному очарованию этого поэтичного уголка Земли приезжают к берегам тихой речки Лицзян, где над синей водой поднимаются зеленые и голубые силуэты башен и дворцов каменной страны Гуйлинь.

Гималаи

(Индия—Китай—Бутан—Непал)

От французских Альп до Южного Вьетнама простирается через Евразию самый протяженный горный пояс Земли. И самая высокая часть этой исполинской цепи гор носит древнее название Гималаи. В переводе с санскрита это слово означает "Обитель снегов". Гигантской зазубренной дугой окаймляют Гималаи с юга высочайшее в мире Тибетское нагорье, отделяя Индию от Центральной Азии. С запада и востока границами этого хребта служат глубокие ущелья великих рек Азии — Инда и Брахмапутры.

По своей форме Гималаи напоминают грандиозную окаменевшую волну, которая на юг, в сторону Индо-Гангской низменности, ниспадает тремя последовательно снижающимися крутыми уступами, а на север, к

Тибету, лишь одним, более пологим. Гребень этой волны составляют снежные вершины Больших Гималаев, среди которых — десять из четырнадцати самых больших гор нашей планеты, вознесшихся на восемь и более километров. (Еще четыре «восьмитысячника» расположены в северно-западном продолжении Гималаев — хребте Каракорум.)

Подъезжая к Гималаям с юга, из Индии, мы не увидим ожидаемых исполинских горных громад. Перед нашими глазами возникнут лишь невысокие горки с округлыми мягкими очертаниями, одетые роскошными тропическими лесами — тераями. Это первый уступ — хребет Сивалик, или Предгималаи, поднимающийся всего на километр над уровнем моря. Он узкой зеленой полосой окаймляет южное подножье Гималаев, поднимаясь над заболоченной равниной.

Поднявшись на перевал через Сивалик, путешественник замечает впереди высокий хребет, вздымающийся на три-четыре километра и радующий глаз эффектными скалистыми вершинами, напоминающими развалины древних замков, башен и крепостей. Но и это еще только Малые Гималаи, или, как называют этот хребет в Индии, Махабхарат.

И лишь взобравшись на каменистый гребень этих уже сравнительно высоких гор, чем-то напоминающих Кавказ, наконец-то видишь в доброй сотне километров дальше высоко поднятую над зеленью долин величественную белую стену Больших Гималаев.

Между Малыми и Большими Гималаями на высоте в один-полтора километра располагаются продольные долины, представляющие собой днища бывших ледниковых озер. Самые большие из них — долина Катманду и Кашмирская долина. Увенчанные снегами горные пики, глубокие скалистые ущелья, бурные водопадные реки и синие озера, окруженные живописными лесами, делают эти долины красивейшими уголками земного шара.

Но в первую очередь взгляд приковывает все-таки величественная цепь Больших Гималаев. Несмотря на то что находишься не в ущелье, а на обширном открытом пространстве, шапка буквально валится с головы — так чудовищно высоки эти горы. Над непальской долиной Катманду, днище которой лежит на высоте тысячи метров над уровнем моря, они возносятся на семь километров! Такого не увидишь больше нигде в мире.

Высокие неприступные горы с давних пор вызывали у людей два чувства: страх и почитание. Индусы именовали этот район Девиабхуни — "страна богов". Здесь, по их мнению, находился центр Земли, обозначенный священной горой Меру, вокруг которой вращаются Солнце, Луна и звезды. Меру в Индии отождествляли с горой Кайлас в тибетских Трансгималаях. Рядом с ней, у священного озера Манасаровар, как верят местные жители, живет главный из трех верховных богов индуистского пантеона — Индра, громовержец, дарящий дождь и плодородие полям. Другой великий бог, Шива, обитает неподалеку, на горе Гауризанкар И только Рама поселился поближе к людям, в долине.

Кстати, основатель еще одной могущественной религии — буддизма, сам царевич Гаутама (будущий Будда) тоже родился здесь, в Непале, 2500 лет назад. Поэтому множество паломников приходят каждый год сюда, к святыне буддизма, храму Муктинатх, где горит вечный огонь в память о рождении божества.

Заоблачные хребты скрывают немало тайн и загадок. Одна из них связана с таинственным йети, или "демоном снегов", родина которого находится, по рассказам живущих здесь горцев — шерпов и бхотия — гдето в районе Джомолунгмы. Многие из местных жителей, да и некоторые альпинисты, бывавшие тут, сообщают, что видели либо самого "снежного человека", либо его следы, либо слышали странные пронзительные крики, которые не мог издавать никто из известных им зверей.

А английский альпинист Эрик Шиптон сумел сфотографировать на одном из ледников цепочку следов, явно принадлежащих прямоходящему двуногому существу огромных размеров. (Длина следов достигала сорока пяти сантиметров!) С тех пор миновало полвека, но новых надежных доказательств существования йети так и не было найдено. Так что тайна "снежного человека" остается неразгаданной, подобно загадке озера Лох-Несс.

Образование Гималайской горной страны геологи связывают с расколом единого южного материка — Гондваны на несколько плит. Одна из них, Индийская, начала двигаться на север и столкнулась с Евразийской плитой. В месте столкновения земная кора сжалась и образовала гигантскую складку — Гималаи. Рост ее, кстати, продолжается и по сей день. Каждый год Гималаи становятся выше на три—десять миллиметров.

Сейчас в самом могучем горном хребте мира насчитывается семьдесят пять вершин больше семи километров «ростом». А в самой высокой его части — непальских Гималаях — девять гор поднимаются на восемь тысяч метров и выше. Среди них и высочайшая вершина мира, которую в Непале называют Сагарматха ("Властелин неба"), а в Тибете именуют Джомолунгма ("Богиня — мать мира").

Уже по названиям понятно, что народы Гималаев обожествляли эту вершину, даже не подозревая о том, что она — высочайшая точка нашей планеты. Ведь только в 1852 году английские топографы установили точную высоту пика XV, как они именовали его в то время. Позже горе присвоили имя начальника топографической службы Индии майора Джорджа Эвереста. Так и живет сейчас самая высокая гора мира под тремя названиями.

Понятно, что альпинисты конца XIX — начала XX века, уже сумевшие покорить Маттерхорн в Альпах (в 1865 году), Чимборасо и Аконкагуа в Андах (в 1880 и 1897 годах), Мак-Кинли на Аляске (в 1913 году) и Килиманджаро в Африке (в 1889 году), горели желанием взойти на Джомолунгму. Но тибетские и непальские власти до 1921 года не разрешали иноземцам нарушать покой священных гор.

В 1921–1924 годах знаменитый английский альпинист Джордж Меллори совершил три экспедиции к заоблачной вершине, надеясь стать ее победителем. В последней своей попытке, в 1924 году, он и его спутник Ирвин, по-видимому, достигли высшей точки планеты. Оставшиеся внизу члены их экспедиции заметили отважную двойку в бинокль всего в двухстах метрах от вершины, после чего их скрыл туман. Больше уже никто не увидел первопроходцев Джомолунгмы живыми. Назад они не вернулись. И лишь через семьдесят пять лет, в 1999 году, в снегах недалеко от вершины было найдено тело Меллори. По всей вероятности, на спуске

альпинисты попали в метель и замерзли.

Успешный же штурм Джомолунгмы состоялся только спустя тридцать лет после трагической попытки Меллори и Ирвина. В 1953 году на вершину горы ступили новозеландец Эдмунд Хиллари и непальский горец-шерп Тенсинг.

Таким образом, "высотный полюс" нашей планеты оказался самым крепким орешком из всех заветных и труднодостижимых точек земной суши, взятых штурмом в XX веке. Вспомним, что Северный и Южный полюса покорились человеку более чем на сорок лет раньше, а арктический Полюс Недоступности — за пять лет до Джомолунгмы.

Вообще же история штурма гималайских «восьмитысячников» — это целая эпопея, продолжавшаяся пятнадцать лет, начиная с 1950 года, когда отважные французы Эрцог и Ляшеналь взошли на первый из них — Аннапурну, и кончая успешным восхождением на самую трудную из этих вершин — гору Шиша Пангма — китайской экспедиции в 1964 году.

Немало трагических страниц вписано в историю гималайских восхождений. Десятки альпинистов навсегда остались на склонах "Обители снегов". И все же каждый год новые высотные экспедиции отправляются в Гималаи. А на вопрос, что их толкает на это труднейшее и опасное дело, замечательно ответил еще Меллори. Когда его спросили, почему он так рвется на Эверест, он сказал просто: "Потому, что он есть!"

В Гималаях есть вершины и потруднее, чем Джомолунгма. Такова, например, неприступная Канченджанга, самый восточный и второй по высоте из гималайских «восьмитысячников», вознесшийся на 8585 метров у самой границы Непала и Индии. Этот сложнейший для восходителей пик сдался лишь пятой по счету экспедиции, штурмовавшей его в 1955 году.

В том же году была покорена и пятая по высоте вершина мира — Макалу (8470 метров). Название ее переводится как "Черный великан". Действительно, Макалу настолько крут, что лед и снег практически не задерживаются на черных склонах этой гигантской скальной пирамиды. Поэтому ее черно-серый силуэт резко выделяется на фоне остальных гималайских вершин, закутанных в белоснежные плащи и покрытых шапками ледников.

А в двадцати пяти километрах к северо-западу от Макалу находятся сразу четыре восьмикилометровые вершины, словно почетный караул окружившие своего властелина — Джомолунгму. Этот исполинский горный массив напоминает застывший пенистый прибой из грандиозных каменных валов, рвущихся к небу. Причем и горы "поменьше ростом" в этом массиве иногда ставят перед восходителями сложнейшие задачи. Так, у горы Рапакоши, высотой 7788 метров, самый крутой в мире склон. Она поднимается над долиной Хунза на шесть тысяч метров, а длина ее склона составляет около десяти километров. Нетрудно рассчитать, что угол подъема в этом случае равен тридцать одному градусу!

На самом севере Непала, между восьмикилометровыми массивами Аннапурны и Дхаулагири, находится высокогорная долина Мустанг — важнейший древний караванный путь из Индии и Непала в заоблачный Тибет. Сквозь гигантскую щель между горами, словно в аэродинамическую трубу, врывается сильный ветер с севера, из долины Брахмапутры. «Сквозняк» начинается, как по часам, каждый день ровно в полдень и

заканчивается после захода солнца, когда температура воздуха с южной и северной стороны Мустанга сравнивается. Жизнь на постоянном ветру, разумеется, создает жуткий дискомфорт для жителей долины. Им приходится строить дома с очень узкими окнами, да и те для тепла заклеивать промасленной бумагой изнутри. А на северной стороне домов окон нет вообще, иначе невозможно удержать тепло в комнатах.

В Гималаях путешественника всегда поражает резкий переход от удушливой липкой жары в предгорных долинах к снежным перевалам и пикам на высоте в шесть-восемь километров над уровнем моря. Зачастую путь от тропических лесов до белых вершин укладывается в какихнибудь сто километров. Правда, леса подступают к подножью гор только в Восточных Гималаях. Джунгли этой части хребта — типичные влажные тропические леса с лианами и папоротниками, бананами и пальмами, бамбуком и тиковым деревом. Это — царство тигров и диких слонов, змей и обезьян. Зоологи считают, что именно здесь самая высокая плотность слоновьего населения в мире. Животные чувствуют себя в джунглях в полной безопасности, даже в большей степени, чем в африканских заповедниках. Ведь по буддистским законам убийство любого живого существа является смертным грехом.

Лишь с высоты 1200 метров к чисто тропическим растениям начинают присоединяться более северные виды: дубы, клены, березы, каштаны. Среди же южных видов преобладающими делаются магнолии и лавры. Но даже на высоте в два километра тропические деревья встречаются рядом с северными. Нигде в мире, кроме, может быть, Новой Зеландии, пальмы, магнолии и их собратья по тропикам не забираются так высоко в горы.

Выше леса уже состоят из одних дубов и магнолий, с которыми изредка соседствуют гигантские древовидные рододендроны. Их сменяет ближе к трем тысячам метров длинный тонкий бамбук. Поскольку в зоне между двумя и тремя километрами обычно держатся облака, лес здесь постоянно в тумане, и поэтому все стволы деревьев, их ветви и даже тончайшие веточки окутаны пушистым покрывалом мхов. Они свешиваются вниз изящными гирляндами, и зеленое царство леса приобретает мохнатый, какой-то плюшевый вид.

А начиная с высоты в три километра, склоны покрыты хвойными лесами из стройных гималайских пихт. Постепенно пихты редеют, все больше места занимают камни, и на смену лесам приходят пышные альпийские луга с цветущими примулами и эдельвейсами. И, наконец, с высоты в пять с половиной километров начинается уже царство снегов.

Совсем другую картину видим мы в Западных Гималаях, в верховьях Инда и Ганга. Там у подножья гор расстилается пустынная равнина, напоминающая казахское плато Устюрт или Джунгарию. Только на склонах предгорий появляются редкие группы сухолюбивых растений, вроде олеандра или древовидного молочая, очень похожего издали на кактус.

И лишь с высоты в тысячу метров начинаются роскошные сосновые леса с подлеском из колючего жасмина, буквально оглушающего путешественника своим резким, дурманящим запахом. Выше, в зоне от 1800 до 2500 метров, растут уже влажные субтропические леса из вечнозеленых дубов и гималайского кедра, родного брата известного еще с

библейских времен ливанского кедра. Под ними пышным ковром разрастаются папоротники.

А поднявшись до высоты в два с половиной километра, попадаешь в зону еловых лесов, в точности таких же, как на Северном Урале или в Хибинах, только с подлеском из ежевики и барбариса. Лишь эти кустарники, да оплетающий стволы деревьев плющ вместе с вьющимися розами напоминают нам о субтропиках. Еловые леса сменяет с высотой настоящая горная пустыня, где даже чахлая трава попадается лишь местами. И венчают все это, как всегда в Гималаях, снега и ледники.

И Индия, и Непал создали на склонах и в долинах величественных гор несколько Национальных парков, желая помочь редким животным Гималаев выжить в условиях все возрастающего притока туристов, среди которых немало браконьеров. Еще больше вредит зверям вырубка лесов местным населением. Уже сейчас во всем Непале уцелело только двадцать пять диких слонов. Всего по нескольку десятков осталось здесь тигров и носорогов. Живут на заповедных землях и такие редкие звери, как снежный барс и гималайский черный медведь, мускусный олень и обитатель бамбуковых лесов — малая панда.

Этот зверь (его еще именуют кошачьим медведем) — наверное, самый очаровательный житель гималайских лесов. Днем он спит, укутав круглую ушастую головку пушистым хвостом, а ночью пасется в зарослях бамбука, поедая молодые побеги, а также ягоды и желуди, упавшие на землю.

Чтобы по-настоящему оценить красоту природы Гималаев, надо преодолеть искушение попасть по воздуху сразу в Катманду или другой город в глубине гор. Лучше подниматься к снежным хребтам на автомобиле по извилистым горным дорогам через Сивалик и Махабхарат. Только тогда можно оценить все разнообразие Гималаев, все очарование ее лесов и лугов, скалистых ущелий и горных озер, слепящую белизну снежных склонов и нефритовую прозрачность ледниковых обрывов. А потом, остановившись у очередного водопада, зачерпнуть пригоршню ледяной воды и с наслаждением сделать два-три глотка, как бы давая этим клятву еще раз когда-нибудь вернуться к этим прекрасным и величественным горам.

Вулкан Кракатау

(Индонезия)

Больше ста лет прошло с момента, когда чудовищный взрыв прогремел над Зондским проливом. Эхо этой жуткой катастрофы до сих пор звучит в книгах и устных рассказах, газетных статьях и кинофильмах. А жители островов Ява и Суматра не забудут ее никогда. И правнуки свидетелей тех страшных дней пересказывают детям подробности катаклизма, подобно тому, как дети жителей Хиросимы рассказывают своим чадам о том, что пережили их бабушки и дедушки в сорок пятом…

Извержение Кракатау — небольшого острова-вулкана в проливе между Явой и Суматрой — началось 20 мая 1883 года. До этого Кракатау не проявлял активности уже двести лет и его считали потухшим. Но неожиданно над его кратером появился столб черного дыма и вулканического пепла, поднявшийся на одиннадцатикилометровую высоту. На большом расстоянии от вулкана, вплоть до Батавии, главного города

Нидерландской Индии (теперь это столица Индонезии Джакарта), ощущались подземные толчки, а жители селений на берегах Зондского пролива слышали мощные взрывы.

Потом на три недели воцарилась тишина, но с середины июня вулкан «заработал» с новой силой. В августе у Кракатау вместо одного кратера появилось целых три, и все они выбрасывали пепел и вулканические газы. Площадь острова увеличилась с двенадцати до тридцати квадратных километров. 26 августа днем в окрестностях вулкана послышался грозный гул. К ночи он так усилился, что на всем острове Ява люди не могли уснуть.

Над Кракатау в черных тучах сверкали молнии. На палубы кораблей, плывших по проливу, ложился толстый слой пепла, а на мачтах и снастях вспыхивали огни Святого Эльма — так воздух был насыщен электричеством.

А 27 августа около десяти часов утра раздался невероятной силы взрыв. Вулканические газы, песок и крупные обломки взлетели на высоту тридцати километров, а пепел поднялся более чем на семьдесят! Грохот взрыва был слышен за три с половиной тысячи километров — на острове Шри-Ланка и в центре Австралии. Он донесся даже до острова Родригес, расположенного на востоке Индийского океана, в пяти тысячах километрах от Кракатау!

На острове Ява даже в ста пятидесяти километрах от вулкана взрывная волна срывала двери с петель, а со стен от ее удара осыпалась штукатурка. Через час после взрыва Джакарта, до которой от вулкана двести километров, погрузилась во мрак, так как тучи пепла полностью скрыли солнце. На берегах Зондского пролива были повсеместно уничтожены тропические леса, а почва была покрыта серой грязью, пеплом, кусками лавы и вырванными с корнем деревьями. Всюду валялись трупы людей и животных.

Море вокруг Кракатау устилал сплошной ковер из кусков пемзы, такой толстый, что корабли не могли пробиться через плавучую преграду. Куски пемзы в тот же день были обнаружены в прибрежных водах Австралии и Мальдивских островов.

Но больше всего бед наделало «моретрясение», вызванное жутким взрывом. Образовавшаяся при этом гигантская волна цунами чудовищной сорокаметровой стеной обрушилась на берега Суматры и Явы. Около трехсот городов и селений с окружавшими их полями и плантациями были стерты с лица земли. Более шести тысяч рыбацких судов пошло ко дну. Погибли тридцать шесть тысяч человек, сотни тысяч остались без крова. Полностью было уничтожено, в частности, население острова Себези, расположенного в двадцати километрах от вулкана.

Голландский военный корабль — канонерка «Берроу» — был заброшен волной цунами за три километра от берега в глубь лесной чащи. Даже в девяноста километрах от Кракатау высота волны цунами составила пятнадцать метров! Она докатилась до острова Шри-Ланка, обрушившись здесь на берег пятиметровым валом, побесчинствовала на берегах Австралии, Африки и Южной Америки. Ее ощутили корабли даже в Ла-Манше. Необычные явления, но, к счастью, уже без трагических последствий, наблюдались и в атмосфере. Вскоре после извержения

вокруг солнца появились круги ("гало"), а само оно приобрело необычный зеленоватый, а временами и голубоватый оттенок. Это явление объяснялось присутствием в верхних слоях атмосферы тончайшей вулканической пыли. По мере переноса ее воздушными потоками "зеленое солнце" увидели и жители ШриЛанки, затем острова Мадагаскар, еще позже — африканцы и, наконец, бразильцы.

Из-за все того же пепла, который несколько месяцев носился в воздухе, всю следующую зиму и весну на нашей планете повсеместно отмечались удивительно яркие красные восходы и закаты. Пламенеющее небо вдохновляло поэтов и художников на создание новых романтических шедевров. И разглядывая пейзажи Клода Моне или перечитывая стихи Теннисона, невольно вспоминаешь теперь грозную причину так взволновавших их огненных сполохов. Строки английского поэта Теннисона, кстати, очень точно передают картину необычных вечерних зорь весны 1854 года:

День за днем кровавой зарею
Пламенел тревожный закат…

Взрыв вулкана Кракатау был самым мощным из зафиксированных наукой. Его энергия, по оценкам современных физиков-ядерщиков, была эквивалентна мощи четырехсот водородных бомб! Правда, по косвенным данным, можно предположить, что еще более мощными были катастрофы, связанные с извержениями индонезийского вулкана Тамбора на острове Ява в 1815 году и особенно вулкана на острове Санторин возле Крита три с половиной тысячи лет назад.

Вулканическая впадина-кальдера на Санторине вчетверо больше, чем на Кракатау, что говорит о гораздо большей силе взрыва греческого вулкана. Многие археологи предполагают, что именно этот чудовищный взрыв и вызванная им цунами уничтожили в свое время крито-микенскую цивилизацию. А некоторые особенно увлеченные любители смелых гипотез даже видят в нем причину исчезновения легендарной Атлантиды.

Берега же островов Индонезии, опустошенные в результате извержения Кракатау, постепенно залечили раны, нанесенные катастрофой. Вновь зазеленели джунгли и мангровые леса, вернулись птицы и звери. И только люди опасаются теперь жить в близком соседстве с грозным вулканом.

Впрочем, природа Индонезии от этого только выиграла. Сейчас на яванском полуострове Уджунгкулон, выступающем с юга в Зондский пролив, устроен Национальный парк, поражающий богатством своей фауны и флоры. Сравнительно небольшой густонаселенный остров Ява, вообще-то, почти не сохранил нетронутых уголков дикой природы. А на Уджунгкулоне, где нет ни крупных населенных пунктов, ни рисовых полей, ни кофейных и банановых плантаций, водятся дымчатый леопард и гиббон, медвежья куница — бинтуронг и красный волк, яванский кабан и дикий лесной бык — бантенг.

Только здесь живут последние на Земле сорок или пятьдесят яванских однорогих носорогов. Лишь обезлюдение полуострова в результате извержения дало им шанс выжить. На остальной Яве эти

редчайшие звери давно истреблены.

В состав Национального парка теперь включены и островки, образовавшиеся после взрыва на месте вулкана. Сам Кракатау в результате этой катастрофы полностью исчез. Лишь небольшая часть одного из трех кратеров осталась торчать над поверхностью воды, демонстрируя классический разрез лавового конуса. На месте остального вулканического сооружения образовалась впадина диаметром в семь километров и глубиной в триста метров.

Однако разрушенный вулкан не прекратил своей деятельности. Спустя полвека он вновь стал проявлять активность, и в 1952 году из морских вод появился конус новой, молодой вулканической постройки, которая стала постепенно подниматься над проливом, наращивая высоту и площадь за счет небольших, но частых извержений. Сейчас островок-вулкан достиг высоты в двести пятьдесят метров и километра в длину и продолжает расти. Ему дали имя Анак-Кракатау ("Дитя Кракатау"). Столб дыма над ним хорошо виден с кораблей, проходящих Зондским проливом.

Малые Зондские острова

(Индонезия)

К востоку от индонезийского острова Ява протянулась цепочка из десятка крупных и доброй сотни мелких островов и островков, носящих общее название: Малые Зондские. Украшенные конусами вулканов и укутанные в зеленые шубы влажных экваториальных лесов, они таят в своих горах, ущельях и непроходимых чащах целый букет удивительных природных феноменов.

Прежде всего это относится к явлениям живой природы. В лесах этих островов, впрочем, как и на соседних больших Зондских островах, можно встретить уникальное растение Раффлезию Арнольди — самый большой цветок в мире. Диаметр его достигает одного метра, а вес — более 10 килограммов! Собственных корней, стебля и листьев у раффлезии нет — она вырастает на стеблях тропических лиан и питается их соками.

Когда ее крохотное, меньше макового, семечко попадает в трещину коры того растения, которому предстоит кормить «паразита», оно быст ро прорастает и образует большущий, словно капустный кочан, бутон. В положенное время бутон раскрывается, и на свет появляется гигантский цветок из пяти багровых лепестков, усыпанных белыми наростами, похожими на бородавки.

Роскошный цветок источает омерзительный запах тухлого мяса, привлекающий мух, которые облепляют его, словно кусок падали, и выполняют главное дело, ради которого раффлезия их приманила — опыляют ее.

Проходит четыре дня, и цветок вянет, после чего в течение семи месяцев развивается и созревает крупный плод, наполненный семенами.

Растет цветок обычно на тропах, протоптанных в джунглях слонами, и эти великаны животного мира, наступая на созревшие плоды, незаметно для себя способствуют распространению на новые места великанов мира цветущих растений.

Открыта раффлезия была в 1818 году французским ботаником Жозефом Арнольди во время экспедиции на остров Суматра,

возглавлявшейся английским колониальным чиновником Томасом Раффлзом. Раффлз, известный в истории тем, что именно он основал в свое время главный форпост Британии в Южных морях — Сингапур, собрал во время этого путешествия огромную коллекцию растений Индонезии, которую сумел благополучно доставить в Лондон. Арнольди повезло меньше — он заразился в джунглях тропической малярией и умер спустя полмесяца после своего замечательного открытия. Привезенное же Раффлзом в Европу чудо растительного мира по праву носит теперь имена обоих исследователей — Раффлезия Арнольди.

Растет на Малых Зондских островах и необычное "конфетное дерево" — ховения сладкая. Это дерево, похожее на нашу липу, достигает порой пятнадцатиметровой высоты. Плоды ховении — невзрачные сухие шарики — несъедобны, но зато их толстые мясистые плодоножки содержат до 50 процентов сахарозы и напоминают своим вкусом изюм, вымоченный в роме.

Местные жители, особенно дети, с удовольствием трясут стволы ховений, собирая потом упавшие «конфеты» целыми килограммами. С одного дерева можно получить иной раз до 35 килограммов сладкого природного лакомства.

Еще одно удивительное растение Зондского архипелага — королевская примула — предпочитает селиться на склонах действующих вулканов. "Цветком гнева" называют его индонезийцы. И действительно, буйное цветение примулы, как правило, предвещает близкое извержение вулкана. Стоит ей расцвести, как жители деревень, расположенных близ вулкана, ожидают "гнева подземных богов". И ни разу еще королевская примула не поднимала ложной тревоги.

А плоды растущего на островах дерева кеппел настолько душисты, что даже пот человека, съевшего их, начинает благоухать ароматом фиалок!

Но главное чудо живой природы ожидает нас на острове Комодо. Название этого острова известно всем зоологам мира.

Еще в 1911 году голландский летчик Хендик ван Боссе почти год прожил на Комодо, потерпев аварию на своем самолете. Оказавшись в положении Робинзона, голландец не пал духом — ведь у него был пистолет с запасом патронов, нож, спички и компас, да и оказаться в подобной переделке было для него не в новинку. Казалось бы, бамбуковые заросли и рощи кокосовых пальм, покрывавшие остров, должны были в изобилии снабдить летчика пищей, тем более что в них водились и олени, и кабаны, и обезьяны, и различные съедобные птицы. Так что вынужденная «робинзонада» в ожидании спасения на каком-либо проходящем мимо судне не обещала быть особенно трудной.

Но каково же было изумление и ужас, охватившие ван Боссе, когда он обнаружил, что на Комодо, кроме привычных ему зверей и птиц, живут чудовищные, словно сошедшие со страниц учебника палеонтологии, ящеры!

Бесшумно появляющиеся из зарослей под покровом ночного мрака огромные рептилии напоминали персонажей страшной сказки и, с легкой руки голландца, получили вполне заслуженное ими название "драконов острова Комодо" Жить по соседству с ними, пусть и имея огнестрельное оружие, оказалось невозможным даже для бесстрашного летчика В конце

концов он соорудил самодельный плот и после трудного и опасного 57-дневного плавания добрался до соседнего острова Тимор.

Рассказ его настолько поразил ученых (да и не только ученых!), что на остров Комоло снарядили научную экспедицию, которая подтвердила сообщение ван Боссе. С тех пор на острове перебывал уже добрый десяток "ученых десантов", детально описавших последнего живого родственника динозавров.

Гигантский комодский варан (таково научное название дракона) достигает длины в три с половиной метра и веса в 150 килограммов. Пищей ему служат олени, кабаны и даже крокодилы. Не отказывается варан и от мелких грызунов, а также птичьих яиц. Могучие челюсти хищника, вооруженные четырехсантиметровыми зубами, позволяют ему легко справляться со своими жертвами, которых он предварительно сбивает с ног ударом мощного хвоста. Аппетит дракона вполне соответствует его грозному прозвищу. Учеными зафиксирован случай, когда четыре варана за один вечер съели целиком крупного оленя. Однажды в желудке убитого ящера нашли проглоченную целиком половину туши кабана!

Зато после сытной трапезы варан может обходиться без пищи до трех месяцев. Вылупляются детеныши комодских варанов из яиц размером чуть больше гусиных и живут до 50–60 лет. У них, как и у многих животных, ведущих ночной образ жизни, плохое зрение, зато отличное обоняние. Драконы неплохо плавают, хотя охотятся в основном на суше. Местом обитания им служат глубокие норы, которые они роют с помощью своих могучих когтистых лап. Всего на Комодо около 5000 варанов, но благодаря обилию дичи в комодских лесах они практически не причиняют неприятностей жителям единственного на острове небольшогопоселения.

Неживая природа, словно не желая отстать, также преподносит нам на островах немало сюрпризов. Расскажем лишь об одном из них — удивительных разноцветных озерах Кели Муту, скрытых на островеФлорес.

Остров этот поразил когда-то увидевших его испанских моряков буйным цветением тропических растений в прибрежных зарослях. Испанцы назвали его "Исла де флорес" — остров Цветов. Это название остров Флорес носит и сейчас.

В восточной части Флореса вздымается почти на два километра пологая, похожая на каравай хлеба, могучая вершина щитового вулкана Кели Лепембусу. Трижды за последние века происходили его крупные извержения, и каждый раз в результате излияния огромного объема жидкой лавы кратер вулкана проваливался в образовавшуюся под ним пустоту, создавая впадину-кальдеру.

Три вулканические кальдеры на вершине щита Кели Лепембусу заполнились дождевыми потоками и образовали озера Кели Муту, каждое из которых характеризуется особым цветом воды.

Первое — Тивое Ата Поло ("Озеро заколдованных людей") — багрово-красное, второе — Тивое Ноэа Моери Коо Фай ("Озеро юношей и дев") — отличается водой темно-зеленого оттенка, а третье — Тивое Ата Мбоепое — заполнено нежной и прозрачной малахитово-зеленой водой.

При этом озера расположены буквально рядом — лавовые перемычки, разделяющие их, не превышают в ширину десяти-пятнадцати метров. Как же могли образоваться так близко друг от друга такие

разноцветные водоемы? И как вообще могла вода приобрести такие необычные цвета?

Дело в том, что в породах, образующих дно и берега Тивое Ата Поло, очень высокое содержание железа. Растворяясь в водах озера, оно затем вступает в реакцию с атмосферным кислородом и образует оксид железа, имеющий красно-бурый цвет. Лава же, сформировавшая котловины двух других озер, имеет иной состав (так нередко бывает с вулканами: в разные периоды своей жизни они изливают магму различного состава).

Кроме того, на дне обоих этих озер имеются сольфатары (так вулканологи называют выходы вулканических газов, содержащих сероводород и хлористый водород). Выделяемый сольфатарами сероводород, соединяясь с кислородом, превращается в водах озер в серную кислоту, раствор хлористого водорода в воде — не что иное, как соляная кислота.

Высокое содержание свободных кислот и придает водам Тивое Ата Мбоепое и Тивое Ноэа Моери Коо Фай зеленый цвет. В результате воздействия кислот на эти лавы вода озер приобрела различный минеральный состав, что отразилось и на ее цвете.

Единственное в своем роде зрелище, открывающееся глазу путника, поднявшегося на вершину вулкана, не могло не поражать местных жителей. И не случайно на острове сложена поэтичная сказка, объясняющая происхождение трех разноцветных озер в кальдере Кели Муту совсем не так, как об этом говорят ученые-геологи.

Когда-то, давным-давно, говорится в ней, прилетели на Флорес с далекого острова три могучих и страшных дракона: Нефритовый, Рубиновый и Изумрудный. Уселись они на вершине вулкана и завели разговор.

Грозно рычали злобные чудовища, и рев их разносился грозным гулом далеко по окрестностям. Нефритовый дракон прорычал: "Я ненавижу людей! Ночью я спущусь в долину и уничтожу всех, кого сумею настичь". Рубиновый прошипел: "А я загрызу весь их скот: и буйволов, и коз, и даже собак". А Изумрудный расхохотался: "А я уничтожу огнем все их посевы, чтобы не осталось ни зернышка риса на их полях. Тогдато уж точно никто на острове в живых не останется!"

Но тут раздался свист могучих крыльев, и на вершину рядом с драконами опустилась огромная алмазная птица. *"Ничего у вас не выйдет, злобные ящеры,* — сказала она. — *Я люблю людей и не дам вам свершить ваше черное дело!"*

Бросились на птицу драконы, и началась великая битва. Рев и грохот оглашали остров, огромные куски скал с грохотом катились с вершины вниз. Три дня и три ночи сражалась отважная птица с драконами и победила их А потом сбросила их трупы в кратер вулкана, поднялась в воздух и обернулась белым облаком. Пролился из облака дождь, и образовались в кратере три озера с разноцветной водой: в одном — матовотемно-зеленой, как нефрит, в другом — кроваво-красной, как рубин, а в третьем — прозрачно-изумрудной.

Так были спасены жители Флореса от злобных драконов. А алмазная птица до сих пор прилетает на остров Каждый год белым

облаком окутывает она вершину вулкана, и тогда начинается сезон дождей. И радуются люди возвращению чудесной птицы, и орошаются рисовые поля благодатной влагой…"

Кальдерные озера в принципе не такое уж редкое явление. Они есть и на Камчатке (например, Курильское озеро на юге полуострова), и в Новой Зеландии, и в американских Кордильерах, и в других вулканических районах мира.

Немало среди них и озер, отличающихся особым цветом воды. Так, на острове Кунашир в южной части Курильской гряды есть озеро молочно-белого цвета. Вдобавок, вода в нем всегда находится в кипящем состоянии. Впрочем, водой эту жидкость можно назвать лишь условно-горячие вулканические газы, поднимающиеся по трещинам в дне озера, превратили ее в смесь концентрированных серной и соляной кислот. Они же и нагревают озерную воду до кипения. Есть озеро с белой водой и на острове Ява. А в озере Канкайдзи в Японии вода красного цвета Существуют также голубые, зеленые и желтые озера.

Но только озера Кели Муту отличаются такой необычной цветовой гаммой, делающей их уникальным явлением даже в столь богатой проявлениями вулканизма Индонезии. (В этой стране насчитывается сто тридцать вулканов, из них более пятидесяти — действующих.)

И далекий, затерянный на юге Малайского архипелага остров Флорес по праву можно считать местопребыванием одного из поразительных природных феноменов — трехцветного озерного ожерелья Кели Мугу.

Бухта Халонг

(Вьетнам)

Вьетнамская легенда рассказывает, что когда-то в давние времена огненный дракон прогневал своими злодеяниями Повелителя Неба. Грозно нахмурился небожитель и приказал доставить к нему злодея. Но коварное чудовище решило спрятаться в море и переждать, пока стихнет божественный гнев. Выбрал дракон укромную бухту и нырнул на самое дно. Однако столь огромен был крылатый змей, что не вместила его бухта и изгибы его спины высовывались из воды. По этим изгибам заметил дракона Повелитель Неба. "Ты не укроешься от мести, злодей!" — прогремел его голос. Сверкнула молния, грянул гром, и окаменел дракон навеки. А бухте люди дали имя Халонг, что означает "где дракон опустился в море".

И действительно, фантазия природы создала в этой красивейшей бухте Южно-Китайского моря пейзаж, невольно вызывающий сказочные ассоциации. Плавный изгиб берега Тонкинского залива образовал просторное водное зеркало, над поверхностью которого возвышается то ли каменный лес, то ли загадочный лабиринт, то ли руины древней крепости с башнями и шпилями, храмами и дворцами.

Три тысячи островов, островков и небольших скал самых различных форм и очертаний круто поднимаются из морских вод, словно драгоценные нефритовые бусины, рассыпанные по синему бархату. Ближние острова кудрявятся ярко-зелеными шапками леса, а чем дальше, тем более голубой оттенок придает им воздушная дымка.

Путешествуя на катере по извилистому островному лабиринту, не устаешь поражаться искусной работе природных сил, создавших такое

многообразие каменных диковин, постоянно меняющих свой облик по мере приближения к ним. На фоне удивительно прозрачного горизонта вырастают и проплывают мимо причудливые утесы и скальные выступы, похожие на прихотливые резные фигурки из слоновой кости. Вот этот напоминает голову великана, тот — волшебный замок, следующий — черепаху, еще один — верблюда. А вот целое семейство какихто невиданных зверей, словно пришедших из вьетнамских легенд ипреданий…

Как застывшая каменная сказка, вырастающая из воды, предстает перед путешественником первозданная красота бухты Халонг. Разнообразные формы тысяч островков, острых скал, зубцов и башен, возвышающихся порой на 200 метров над морем, дают бесконечную пищу воображению, тем более что вид бухты меняется в зависимости от времени дня и погоды.

Сотни художников и поэтов, тысячи фотографов со всего мира запечатлели сказочный Халонг в своих произведениях. А ученые-геологи не сразу дали ответ на вопрос о том, как образовалось это чудо природы. Когда-то думали, что острова бухты выточили море или ветер, или они оба вместе. Иные предполагали даже, что в бухту Халонг упал гигантский метеорит и разметал мощным ударом земную твердь на тысячи островков. На самом деле причиной возникновения необычных скал стало растворение известняков, слагающих острова, дождевыми водами, или, как говорят ученые, карстовые процессы.

Десятки тысячелетий назад район бухты еще не был морским дном. Дождевые потоки, столь обильные во влажном тропическом климате, век за веком вгрызались в известняковые скалы, придавая им фантастические очертания, вымывая в них пещеры и гроты.

Такое явление, именуемое геологами башенным карстом, встречается и в других местах нашей планеты: на Мадагаскаре, например, или в Южном Китае у города Гуйлинь. Но в отличие от них ландшафт Халонга как бы утоплен в воду. Несколько тысяч лет тому назад прибрежная часть Тонкинского залива стала опускаться. Море медленно, но неумолимо наступало на сушу, и известковые башни и шпили оказались посреди неглубокой бухты. (Глубины Халонга сейчас не превышают двадцати метров.)

С тех пор морские волны неустанно трудятся над берегами островов, углубляя пещеры, вытачивая выступы и гроты, выбивая волноприбойные ниши в их крутых боках. В многочисленных подводных туннелях и пещерах Халонга находят себе приют разнообразные рыбы (их тут больше тысячи видов), крабы, кальмары и другие морские животные. А на лесистых вершинах необитаемых островков раздолье птицам.

Между тем археологи утверждают, что когда-то острова бухты Халонг были заселены уже в начале каменного века. Ученые, изучающие палеолит Юго-Восточной Азии, выделяют даже особую разновидность культуры каменного века, так и названную ими "культура Халонг".

Действительно, люди издавна селились в этом благодатном краю. Главная водная артерия Северного Вьетнами — Хонгха ("Красная река") играет здесь такую же роль, что и Нил в Древнем Египте. Летом, в пору муссонных дождей, она широко разливается, удобряя поля своим илом. А зимой и весной вода спадает, и крестьяне успевают собрать по два урожая

риса на плодородных пойменных землях. Особенно много полей в обширной дельте Красной реки, где оседает больше всего ила из ее мутной воды.

Ведь река не случайно названа Красной — вода в ней и в самом деле густого кирпично-красного цвета. Размывая горные породы в горах, с которых она бежит к морю, Хонгха несет огромное количество минеральных частиц- Не только затопленные берега, но и само Южно-Китайское море окрашивается в половодье красной мутью на много километров в округе.

Расположенная чуть к северу от дельты Красной реки, бухта Халонг как бы отгородилась от людских хозяйственных забот своим зачарованным каменным лесом, верхушки которого поднимаются над поверхностью моря. Кажется, она мирно спит, не ведая тревог и волнений. И лишьвечерами можно видеть, как по тихой зеркальной глади ее вод скользят разноцветные паруса изящных лодок, освещенные косыми лучами заходящего солнца. Это возвращаются с уловом рыбаки, уходившие в море еще до рассвета. Весь день провели они в проливах и бухточках халонгского островного лабиринта, а теперь плывут домой, к берегам своей сказочной бухты.

Остров Шри-Ланка

(Шри-Ланка)

Синее небо, темно-бирюзовое море и зеленая бахрома кокосовых пальм над желтой полоской пляжа — таким открывается глазу путешественника побережье острова Шри-Ланка. Европейцам остров этот всегда казался земным раем Не случайно цепочка островов, пересекающая Полкский пролив и связывающая Шри-Ланку с Индией, была названа Адамовым мостом. Именно по нему, как гласит предание, изгнанный из рая праотец человечества пришел на землю. Кстати, и одну из высочайших горных вершин Шри-Ланки тоже именуют Адамовым пиком На нем даже есть скала с вмятиной, похожей на человеческую ступню — как уверяют, отпечатком ноги Адама. К вершине пика в дни религиозных праздников карабкаются по узкой тропинке тысячи паломников, жаждущих прикоснуться к святыне.

Остров Шри-Ланка был известен еще в I тысячелетии до нашей эры. В древнем индийском сказании о Раме и Сите, более известном у нас под названием «Рамаяна», есть эпизод, когда жену принца Рамы — Ситу похищает царь Шри-Ланки злобный Равана. Но, хотя шри-ланкийский властитель укрылся на своем острове под защитой огромного войска, отважный Рама с помощью помогавшего ему могучего царя обезьян Ханумана сумел разбить воинство Раваны и вернуть себе Ситу Рассказывают также, что, вернувшись по Адамову мосту домой. Рама спросил Ханумана, чем он может его отблагодарить. И дальновидный царь обезьян ответил, что хотел бы жить до тех пор, пока люди будут помнить о подвигах принца. Так стал Хануман бессмертным, ибо память о божественном Раме и его победах передается в Индии из поколения в поколение.

За свою долгую историю остров сменил немало имен, но все они неизменно выражали восхищение. Арабы именовали его Серендиб ("Благословенный остров"). Древние греки называли его Тапробаной (что означает "Берег бронзовых пальм"). Англичане дали острову название Цейлон. Это слово произошло от искаженного «Сингала-двина» —

"Львиный остров" — так называли эту страну переселившиеся сюда в давние времена индийцы-сингалы. Нынешнее же имя острова и страны в переводе с санскрита означает "Благодатная земля".

Великий поэт Индии Рабиндранат Тагор назвал когда-то Шри-Ланку "жемчужиной в Индийском океане". С тех пор на острове побывало немало замечательных писателей — от Цвейга и Киплинга до классика современной фантастики Артура Кларка, и каждый по-своему восхищался им. Бывали здесь и русские литераторы: Гончаров и Чехов, Гарин и Бунин. Не перечислить восторженных эпитетов, которых они удостоили Шри-Ланку "Изумрудная капля в теплом море", "Остров сокровищ", "Райский уголок", "Жемчужная сокровищница Востока", "Страна вечного лета" и т. д.

Надо сказать, что в последнем названии нет никакого преувеличения: климат страны, действительно, ровный и теплый в течение всего года. И летом, и зимой температура здесь около плюс 27, а в горах — 20–25 градусов. С мая по август влажные морские ветры — муссоны приносят на остров обильные дожди. В это время тучи над землей сгущаются настолько, что все погружается в сумрак, словно наступило солнечное затмение, и с неба обрушиваются целые потоки воды, такие плотные, что в двадцати шагах ничего не видно. Реки выходят из берегов, и бурные паводки разрушают порой целые деревни. Так, в 1957 году из-за наводнений, вызванных муссонными дождями, остались без крова почти триста тысяч жителей страны. Но в остальное время над Шри-Ланкой ярко сияет солнце.

Леса острова поражают своей мощью и разнообразием. Здесь можно встретить деревья-гиганты, достигающие 50 метров в высоту, и небольшие, но зато красивые цветущие растения, и многочисленные лианы, обвивающие стволы и ветви других деревьев. Среди них много ценных, уникальных видов: сандаловое дерево с нежно благоухающими ветками, эбеновое дерево, за цвет древесины именуемое еще «черным», розовое дерево — тик, хлебное дерево со съедобными плодами, древовидные папоротники, папайя, манго и много других. Но больше всего в лесах различных пальм, из которых на первом месте, конечно, кокосовые. Их стройные силуэты, возносящиеся иной раз на 30–35 метров, встречаются на острове повсюду.

Издавна это растение служило человеку в тропических странах. Его орехи используются в пищу и дают масло, применяемое в производстве мыла и свечей. Листьями пальм покрывают хижины, из них же делают корзины, циновки и щетки, древесина идет на постройки, а из скорлупы орехов изготовляют посуду. Пальмовое волокно используют для витья веревок и изготовления тканей.

Из других видов пальм получают сладкий сок, после брожения становящийся хмельным напитком, крахмал, сахар, воск и другие вещества. Из листьев талипотовой пальмы в старину делали бумагу, похожую на пергамент. Старинные манускрипты, написанные на ней, сохранились до наших дней — более тысячи лет! А плоды капустной пальмы и сейчас входят в меню жителей острова.

Возле буддистских монастырей всегда растут рощи баньяна — священного дерева Индии и Шри-Ланки. Ведь именно под баньяном две с половиной тысячи лет назад испытал «просветление», то есть понял

причину людских страданий и путь избавления от них, основатель буддизма царевич Гаутама. Это случилось в одном из городов Северной Индии. С тех пор Гаутама принял имя Будда ("Просветленный"). К дереву же, дожившему до наших дней, каждый год приходят поклониться миллионы паломников.

А в 245 году до нашей эры посланцы Шри-Ланки обратились к жрецам, охранявшим священное индийское дерево, с просьбой разрешить им увезти на свой остров одну веточку баньяна, чтобы у них тоже вырос символ истинной веры. Разрешение было дано, и черенок дерева в золотом сосуде отправился вниз по реке Ганг, а затем по морю на ШриЛанку, где его посадили на холме в древней столице страны — Анурадхапуре и полили священной водой из Ганга. И дерево прижилось на новом месте и цветет и плодоносит вот уже больше двух тысяч лет. Его плоды монахи разнесли по всему острову, и нет теперь на Шри-Ланке буддистского храма, возле которого не рос бы баньян.

Между прочим, дерево это — близкий родственник всем известного комнатного фикуса. К тому же семейству фикусовых относится, кстати, и широко распространенный в Средиземноморье инжир, или смоковница, как его именует Библия. Удивительной особенностью баньяна является его свойство образовывать многочисленные воздушные корни, свисающие с ветвей до земли. Укоренившись в почве, эти корни начинают толстеть, превращаясь в мощные дополнительные стволы, достигающие метра в поперечнике. (Основной же ствол бывает иной раз и до десяти метров в диаметре.) Постепенно дерево превращается в настоящий лес, занимающий порой целый гектар и состоящий из 600–800 стволов! Самым большим баньяном считается пятисотлетнее дерево в индийском штате Андхра-Прадеш, напоминающее огромный зеленый холм площадью в два гектара. Оно даже занесено в Книгу рекордов Гиннесса. Правда, на Шри-Ланке таких гигантов не зафиксировано.

В лесах острова настоящее изобилие зверей: здесь водятся дикие слоны и буйволы, черные медведи-губачи и леопарды, шакалы и метровой величины рукокрылые — летучие лисицы, а также множество обезьян, стаи которых регулярно опустошают поля и сады местных жителей. Оленей на Шри-Ланке целых пять видов, в том числе самый крупный олень-аксис с пятнистой шкурой и мышиный олень ростом с зайца.

Джунгли Шри-Ланки изобилуют и птицами, многие из которых прилетают сюда зимой с севера. Но есть среди них и постоянные жители — это павлины, ткачики, шпорцевые куропатки и удивительно красивые цейлонские зимородки, у которых перья на спинке переливаются всеми оттенками синего цвета.

Водятся здесь и опасные животные, такие как ядовитые змеи (в том числе кобра), крокодилы, вырастающие иногда до пяти метров в длину, а в прибрежных морских водах — акулы. В реках обитает редкая рыбалула, похожая на огромного, до метра длиной, угря. В сухой сезон она способна переползать по суше из одного водоема в другой, еще не пересохший.

А распространенных на Шри-Ланке ящериц-гекконов жители приручают и держат в домах для борьбы с мухами, комарами и москитами.

В благодатном климате острова отличные условия для возделывания многих культурных растений, и поэтому большая часть

равнин ШриЛанки (а они занимают четыре пятых страны) превращена в плантации. На них растут каучуковое дерево-гевея и какао, кокосовые пальмы и кофейные деревья, бананы и цитрусовые. Но главное достояние ШриЛанки — ее знаменитый чай, который у нас по старой памяти именуют цейлонским. Здесь выращивают треть всего чая, собираемого в мире, и он дает львиную долю доходов государственной казне.

Но не только богатством флоры славится природа острова. В его горах На дорогах Шри-Ланки найдены богатейшие запасы лучшего в мире графита, у побережья добывают "черные пески" — ценнейшую руду титана и циркония. Однако в первую очередь Шри-Ланка известна на весь мир своими драгоценными камнями. Больше сорока различных видов самоцветов скрывают ее недра: рубины и топазы, аметисты и гранаты, турмалины и александриты. Месторождения последних известны, кстати, только в двух местах мира: на Шри-Ланке и у нас на Урале. Добывают здесь и "кошачий глаз" — камень, предохраняющий, согласно поверью, от покушений иотравлений. Рассказывают, что в средние века перстень с этим камнем; семь раз спасал жизнь наследному принцу — сыну правителя сингалов, которого враги пытались лишить жизни то кинжалом, то ядом, то подпиливая мост через пропасть на его пути. Но волшебный талисман каждый раз оберегал своего владельца, и принц в конце концов стал правителем острова.

Самым же ценным самоцветом Шри-Ланки справедливо считают сапфир. Этот синий камень высоко котируется у знатоков. За один карат его (0,2 грамма) платят до двух тысяч долларов!

На Востоке есть древняя легенда о происхождении этого чудесного самоцвета. Говорят, что к верховному божеству индуистов — Брахме люди обратились с просьбой показать им самое драгоценное из всех семи чудес вселенной. Брахма поднялся на священную гору Кайлаш, наполнил чашу волшебным напитком бессмертия — амритой и выплеснул ее с размаху на окрестности. Разлетелись брызги амриты по всему свету и, упав на землю, превратились в драгоценные камни. Это и были сапфиры.

Горы Шри-Ланки, как уже говорилось, занимают лишь пятую часть площади острова. Но это крутые, скалистые хребты и плоскогорья, возвышающиеся порой на два с половиной километра над равниной. Реки, текущие с гор, изобилуют водопадами. По их числу Шри-Ланку можно сравнить с самой «водопадной» страной мира — южноафриканским королевством Лесото. Здесь больше сотни крупных водопадов, из них добрый десяток — высотой более ста метров. В центральной части острова, к югу от древней столицы страны — Канди, на площади размером в пятьдесят на пятьдесят километров находятся сразу семь таких водопадов и каскадов, в том числе 210-метровый Курунду и 190-метровый Диялума.

Сам город Канди, известный с XVI века, расположен на высоте 700 метров у подножья хребта Пидуру и отличается умеренным климатом. Его считают самым прохладным городом в стране. Городские постройки полукольцом опоясывает самая длинная река Шри-Ланки — Махавели. Главной достопримечательностью Канди является древний храм, гдехранится одна из главных буддистских святынь — Зуб Будды. Эта священная реликвия хранилась вначале в одном из храмов Индии, но, когда

мусульмане взяли верх над буддистами в княжестве, где находился храм, дочь правителя, спрятав Зуб в своей высокой прическе, сумела выбраться из города и на корабле добралась до Шри-Ланки. Здесь буддистская святыня была вручена королю острова, который и построил для нее в 1592 году особый храм, ставший местом паломничества буддистов со всех концов света. Священному зубу Будды посвящен самый главный праздник Шри-Ланки — Перахера. В этот день в Канди устраивают торжественное шествие, в котором принимают участие 200 празднично наряженных слонов, один из которых несет на спине золотую копию ларца — хранилища Зуба.

А неподалеку от древней столицы расположена еще одна жемчужина Шри-Ланки — Скала Сигирийя ("Львиная гора"). Своими очертаниями она действительно походит на могучего хищника, приготовившегося к прыжку. На необычной скале еще в V веке был построен город-дворец, служивший в то время резиденцией короля, а позднее служивший жилищем буддистским монахам.

Огромный скальный массив, возвышавшийся над зеленой стеной леса, был заметен издалека. Чтобы еще больше выделить его, отвесные стены горы побелили и отполировали до зеркального блеска. На плоской вершине Сигирийи возвели мраморный дворец с роскошным садом и фонтанами. К нему от подножья скалы вела лишь одна труднодоступная тропа, заканчивавшаяся у стен резиденции. Ворота в них были устроены в виде гигантской львиной головы. Чтобы попасть во дворец, нужно было пройти через свирепую оскаленную пасть зверя.

По преданию, сказочное сооружение на неприступной вершине построил злобный и коварный царевич Касияпа. Чтобы захватить власть в стране, он убил своего отца, а младшего брата отправил в ссылку. После этого он, опасаясь мщения, приказал возвести дворец на скале и укрылся там. Но через восемнадцать лет злодея все же постигло заслуженное возмездие. Его брат, Могголана, собрал войско, взял штурмом Сигирийю и казнил преступника. В опустевшем дворце был устроен буддистский монастырь. А спустя несколько веков монастырь опустел, и скоро зеленая стена джунглей скрыла от людей этот уникальный шедевр архитектуры. И только в начале XIX века, пользуясь отрывочными сведениями, сохранившимися в старинных рукописях, археологи сумели найти и расчистить древние руины. Сейчас Сигирийя вошла в список самых ценных исторических памятников мира и находится под эгидой ЮНЕСКО.

Таков этот удивительный остров, одаряющий путешественника драгоценным букетом самых изысканных и разнообразных впечатлений: поразительными деревьями и уникальными животными, пляжами теплого моря и тенистыми рощами кокосовых пальм, россыпями драгоценных камней и пенными струями водопадов, беломраморными дворцами и загадочными древними ритуалами, фруктами, достойными гурманов, и легендами, пережившими тысячелетия… И не случайно один из мудрых и много повидавших мыслителей нашего времени, американский фантаст Артур Кларк, побывав на Шри-Ланке, был так ею покорен, что остался здесь жить навсегда. А когда его спросили о причинах такого поступка, он ответил коротко и просто: "Я не знаю лучше места на нашей планете!"

Мальдивские острова

(Республика Мальдивы)

Трудно даже поверить, что в наши дни есть еще на Земле края, где любой желающий может найти себе по вкусу необитаемый остров и поселиться на нем.

И все же такие места есть! И когда легкий катер, благополучно проскочив через белопенное кружево прибоя, протискивается сквозь узкий проход в коралловом рифе и оказывается в нежно-голубой воде лагуны, чью зеркальную гладь не тревожит ни одна морщина-волна, то у путешественника поневоле сжимается сердце от сладкого предчувствия свершающегося чуда: в десяти метрах от бросившего якорь судна лежит ослепительно белая полоса песчаного пляжа, отороченная зеленой стеной пальм и пандануса, а бездонное южное небо отражается в теплой и прозрачной синеве лагуны, словно приглашая тебя войти в сказку…

Легкий домик-бунгало с запасом продуктов и воды, аптечкой и радиопередатчиком довершит ваше превращение в Робинзона, а взятый с собой акваланг или просто маска и ласты позволят заглянуть в полный чудес подводный мир лагуны.

Так встречают путешественника Мальдивы — самые прекрасные и самые благодатные острова Индийского океана. Две параллельные 850километровые цепочки коралловых атоллов этого архипелага протянулись через бескрайние океанские просторы вдоль семьдесят третьего меридиана от экватора и до восьмого градуса северной широты. Тысяча двести островов и островков насчитывают Мальдивы, но только двести из них населены. Остальные же и сейчас ожидают своих робинзонов.

Атоллы едва приподнимаются над поверхностью воды (максимум на один-два метра), и кажется, что прямо из океана вырастают огромные зеленые клумбы, увенчанные кудрявыми верхушками пальм и подпоясанные у самой воды белым пояском кораллового пляжа. Вряд ли где-то еще на нашей планете найдется страна, высшая точка которой — холм высотой всего в 24 метра!

Впечатление дружелюбного гостеприимства природы, возникающее у людей, впервые попавших на эти далекие острова, не обманывает путешественника. Здесь нет ни ядовитых змей, ни хищных зверей, да и вообще на суше очень немного живых существ: разве только ящерицы, черепахи и повисшие на ветках вниз головой диковинные рукокрылые, летучие лисицы, размером с кролика.

Зато в прозрачных водах лагуны, чья светлая голубизна так отличается от темно-синей воды окружающего остров океана, среди причудливых разноцветных коралловых зарослей буйно кипит жизнь. Здесь обитают рыбы всевозможных форм и расцветок, крабы и кальмары, морские звезды и ежи, дивной красоты раковины моллюсков и растут бурые, зеленые и красные водоросли. Гроза здешних вод — акула — не может проникнуть в закрытую от океана лагуну, и пловцы часами не вылезают из ласковых вод, созерцая чудеса подводного мира.

Северную часть Индийского океана, где расположены острова, не зря называют "океаном нагретых вод". Благодаря теплому Экваториальному течению здесь идеальные условия для развития

кораллов, и не случайно две самые длинные цепи атоллов — Мальдивские и Лаккадивские острова — расположены именно в этом районе. Кстати, и само название «атолл» происходит от мальдивского слова «атола», что в переводе означает "островное кольцо". Себя жители архипелага называют «дивехи» — островитяне, а свою страну — "Дивехи Раадже", то есть "Царство островов".

Главный атолл и город на нем — единственный город и столица страны — именуются Мале. От этого имени и пошло общепринятое название островной республики. Небольшое ее население (около 200 тыеяч человек) занято в основном рыболовством. Но на продажу идут не коралловые рыбы, а местная разновидность тунца — бонито. На лов его рыбакам приходится уходить за 40–50 километров от берега, в открытый океан. С рассветом их небольшие парусные лодки отваливают от причалов и скоро белые пятнышки парусов скрываются за горизонтом. Но в шестом часу вечера рыбаки обязательно возвращаются домой: ведь ровно в шесть на островах заходит солнце и воцаряется черная, непроглядная тропическая ночь, когда даже опытный глаз бывалого морехода не сможет найти единственный проход в грозном кольце прибрежного рифа.

Сушеный и вяленный особым образом тунец — так называемый мальдив фиш — главная статья экспорта Мальдивов, и стограммовые кусочки его — своеобразная валюта на островах. Когда-то архипелаг был и главным на Южных морях поставщиком другой широко распространенной в странах Востока валюты — раковин каури, использовавшихся в средние века в качестве денег в десятках стран: от Индии до Мали. Но по мере вытеснения этих необычных «купюр» бронзовыми и золотыми монетами промысел каури потерял свое значение, и красивые узорчатые ракушки собирают теперь лишь для изготовления ожерелий и прочих украшений. Редко кто уезжает с Мальдивов без нитки бус из каури.

Другой важной частью хозяйства островитян является сбор кокосовых орехов. Кокосовые пальмы, бананы и хлебное дерево растут на большинстве островов архипелага, но только пальмы дают жителям возможность получать ценный товарный продукт — копру. Так называют сушеную мякоть кокосов, высоко ценимое на мировом рынке сырье для производства кокосового масла.

Жизнь на архипелаге можно назвать спокойной и безмятежной. Лишь отсутствие рек и родников осложняет жизнь островитянам. Вся пресная вода собирается здесь в колодцах и бассейнах во время сезона дождей, и только на одном атолле — Фуа Мулаку — есть небольшое пресное озеро диаметром метров в триста.

Предки современных мальдивцев — сингалезы с острова Шри-Ланка заселили острова еще в V веке до нашей эры и принесли сюда свою религию — буддизм, который полторы тысячи лет определял образ жизни островитян.

Но в 1153 году прибывший на Мальдивы арабский проповедник обратил жителей архипелага в новую веру — ислам. Посланец пророка стал первым мальдивским султаном, а мусульманская религия до сих пор остается государственной на Мальдивах.

Впрочем, внешне это никак не проявляется в облике немногочисленных селений островной страны. Лишь миниатюрная

одноэтажная столица страны Мале может похвастать построенной уже в XX веке мечетью из белых коралловых плит.

Соседний с островом Мале атолл сейчас превращен в аэропорт, и многие туристы прибывают теперь на Мальдивы по воздуху. Но, хотя вместо неторопливого трехдневного теплоходного рейса по маршруту Коломбо — Мале современный авиалайнер доставляет вас сюда за считанные часы, ощущение путешествия в сказку не исчезает. И когда после трех-четырехчасового пути над океаном в иллюминаторе самолета вместо однообразной водной пустыни неожиданно появляются словно рассыпанные по синему бархату изумрудные кулоны и ожерелья из темного нефрита, сердце замирает в сладком предчувствии чуда: наконецто я увижу Мальдивы!

Памуккале

(Турция)

Сказка Перро о спящей красавице знакома всем с детства. Но порой природа преподносит нам сюрпризы, рядом с которыми бледнеют даже сказочные сюжеты. Хотите, например, увидеть царство уснувших… водопадов? И для этого даже не придется отправляться за тридевять земель, поскольку царство это находится совсем недалеко от наших границ — на полуострове Малая Азия.

Восточное, принадлежащее Турции, побережье Эгейского моря словно окаймлено гирляндой небольших греческих островков, названия которых известны нам со школьных лет по учебникам истории: Хиос, Самое, Родос, Лесбос, Икария и множество других, более мелких.

Чуть к югу от Самоса на турецком берегу можно легко найти на карте не менее прославленный античными историками город Милет. Но нас на этот раз интересует не история древней Эллады. Мы направимся с вами вверх по долине впадающей здесь в море реки Большой Мендерес, чтобы через полтораста километров оказаться у подножья потухшего вулкана Памуккале. Оказаться… и замереть от восторга и какого-то ощущения неправдоподобности открывшейся глазу картины. 150-метровый каскад застывших, сверкающих белизной водопадов почти трехкилометровой ширины опоясывает основание вулкана, и бесчисленные бассейны и чаши, наполненные бирюзовой водой, перемежаются с белоснежными ажурными кружевами из сталактитов и сталагмитов. Турецкое название Памуккале означает "хлопковая крепость". Действительно, каскады и террасы Памуккале напоминают сказочный замок, сложенный из белого, словно вата, известкового туфа — травертина.

Спокойный и совсем не грозный с виду вулкан хранит в своих недрах горячие, не остывшие еще магматические очаги, и дождевая вода, проникая по трещинам к раскаленному чреву горы, выходит затем на поверхность в виде четырех высокотемпературных источников, вода которых насыщена солями кальция, магния и углекислым газом.

Температура памуккальских ключей достигает 38 градусов, и все вместе они изливают 250 литров горячей минеральной воды в секунду. Стекая по уступам скал в долину, эта вода остывает, и часть солей осаждается в виде ажурных травертиновых натеков. Каждый год на склонах Памуккале откладывается две тысячи кубометров карбоната кальция, и так, продолжается вот уже более ста тысяч лет.

С давних пор люди приписывали водам источников целебные свойства. А узнали они о существовании этого чуда природы как минимум за тысячу лет до нашей эры. Древняя легенда рассказывает о том, как некая не блиставшая красотой местная девушка, отчаявшись найти себе жениха, бросилась в одно из озер, образовавшихся на натечных террасах, чтобы свести счеты с жизнью. Но случилось чудо — она не утонула, а вышла на берег, став прекрасной, как богиня. И проезжавший мимо молодой принц был так покорен красотой юной девы, что взял ее себе в жены.

Воды Памуккале и в самом деле обладают целительным действием. Особенно благотворно они влияют на кожу человека. И потому еще древние охотники и земледельцы приходили сюда в поисках излечения от своих ран и болезней. Источники вкупе с окружавшим их фантастическим ландшафтом воспринимались ими как таинственный волшебный замок — обитель подземных богов — и служили предметом поклонения.

В VI веке до нашей эры правители древней Лидии построили у верхнего края травертиновых террас военный пост, остатки которого можно видеть и в наши дни. Затем, уже после победного марша войск Александра Македонского через Малую Азию, царь Пергама Евмен основал на вулканическом плато над долиной город, получивший название Гиерополис ("Священный"). Развалины храмов, дворцов, театров и бань того времени тоже сохранились до нашего времени, и античные колонны, надгробия и резные украшения из камня покоятся ныне на дне теплых бассейнов Памуккале, придавая им своеобразный, ни с чем не сравнимый облик: эдакое смешение чудес природы и шедевров рук человеческих. Гиерополис рос и развивался много веков, став во времена Римской империи одним из богатейших торговых центров полуострова.

Правда, в 60 году нашей эры, в эпоху правления Нерона, город был до основания разрушен в результате катастрофического землетрясения. Но уже через два-три десятка лет Гиерополис возродился вновь, и на известковых террасах Памуккале возникли новые, еще более прекрасные храмы, аркады, жилые и торговые постройки, библиотеки, каналы и акведуки. Возле источников поднялись роскошные здания целебных бань. А на плато были воздвигнуты святилища Аполлона и его матери Латоны.

У подножия гор, в пещере, носившей имя бога подземного царства Плутона, жрецы демонстрировали посещавшим город чужеземцам подлинное чудо: принесенные ими кошки и голуби, посаженные на пол, почти сразу погибали у ног паломников, тогда как людям могущественный владыка недр сохранял жизнь.

Нас сейчас трудно поразить подобным печальным зрелищем — мы знаем, что таким же свойством обладают и другие подземные полости в вулканических районах, например. Собачья пещера в Неаполе, у подножья Везувия. Установлена и причина гибели мелких животных: они задыхались в слое углекислого газа, скапливавшегося в нижней части пещеры, в то время как более легкий чистый воздух, заполнявший ее верхнюю часть, позволял людям свободно дышать и выходить из грота невредимыми.

Расцвет Гиерополиса пришелся на II–III века нашей эры. Именно тогда к востоку от города возник грандиозный некрополь — быть может,

самое обширное кладбище в мире. Можно часами бродить по раскинувшемуся на несколько километров "городу мертвых" и поражаться мастерству людей, почти две тысячи лет назад создававших украшенные искусной резьбой саркофаги, надгробия, часовни и мавзолеи все из того же белого травертина.

В эпоху владычества Византии Гиерополис украсили новые, теперь уже христианские храмы и колоннады, но в XIV веке, с приходом турок-османов, наступил закат прекрасного города. В настоящее время лишь величественные руины напоминают о его былом великолепии.

К счастью, творения природы, в отличие от шедевров рук человеческих, не так легко поддаются разрушению, и белоснежные натечные террасы Памуккале сохранились до наших дней во всей своей первозданной красе.

На склонах горы в естественных ложбинах на поверхности террас горячая вода образовала множество озер, чаш, блюд и мисочек, заполненных влагой всех оттенков голубого и зеленоватого цветов. Общее число этих природных бассейнов достигает 20 тысяч. Самые большие из них имеют площадь в 70—100 квадратных метров, а глубина их колеблется от 0,5 до 2,5 метров. По краям террасы украшены стройными рядами сталактитов, а на крутых участках склонов можно любоваться настоящими каскадами из известкового туфа, похожими на окаменевшие водопады.

Травертин осаждается из воды очень быстро: достаточно опустить в бассейн, например, глиняную вазу, как через несколько часов она вся покроется, словно снегом, хрупким налетом известкового туфа.

Каменный панцирь укрыл и многие древние постройки, надежно сохранив их от всех перипетий, тысячелетиями стиравших следы былого величия Гиерополиса. Сейчас археологи вскрыли одну из улиц города, вернув ее людям в первозданном виде, подобно тому, как возвратились к нам из толщи вулканического пепла улицы и дома Помпеи.

Сохранились до наших дней и знаменитые бани, услаждавшие людей своими термальными водами еще во времена Древнего Рима. Уголок, где расположен целебный источник, носит название Хариум, по имени персонажа греческих мифов, перевозившего на своем челне души умерших через реку забвения — Стикс — в Аид, обиталище теней усопших. Древние верили, что именно здесь находится вход в подземное царство.

В Хариуме (именуемом еще Плутонием) прямо из скалы бьет мощный родник горячей (до 35 градусов) минеральной воды, обильно насыщенной пузырьками углекислоты. Летом, когда температура воздуха на плато поднимается выше 40 градусов, вода кажется прохладной и можно часами сидеть или лежать в бассейне рядом с ключом Харона, наслаждаясь целебным комфортом древнеримских терм.

Трудно, почти невозможно описать словами все волшебное очарование этого уголка Турции. Но каждый, побывавший в Памуккале, навсегда уносит в своей памяти фантастическое зрелище террас и полей, словно покрытых окаменевшим снегом, кружевных сталактитовых занавесей и бирюзовых чаш в бело-розовых и кремовых обрамлениях, еще долго ощущая на своей коже щекочущие прикосновения лопающихся пузырьков «шампанского», уже которое тысячелетие льющегося по сверкающим белокаменными водопадами склонам древнего вулкана.

Мертвое море

(Иордания—Израиль)

У восточных берегов Средиземного моря, на дне впадины Эль-Гор расположено, наверное, самое известное озеро в мире — Мертвое море. Название его, впрочем, соответствует истине только наполовину. Воды озера действительно мертвые: в них не водится рыба, не растут водоРосли, даже утки по ним не плавают. И не удивительно: ведь солей в Мертвом море почти в десять раз больше, чем в океане — до 340 грамів в литре! Если рыба из впадающей в озеро реки Иордан случайно заплывет в этот "бассейн с рассолом", она погибнет через одну минуту. А вот слово «море» к нему не очень подходит: семьдесят шесть километров в длину, семнадцать — в ширину — не слишком-то морские габариты!

Причины высокой солености Мертвого моря понятны: Иордан и еще несколько небольших речек и ручьев веками несут воду в это бессточное озеро, там она частично испаряется, а соли накапливаются. В результате сейчас можно спокойно лежать на поверхности озера с книгой: густой плотный рассол не даст вам утонуть. Но обычное купанье в этом уникальном водоеме невозможно: ни нырнуть, ни поплыть, разве что посидеть или вытянуться на воде во весь рост. Зато он превосходно лечит болезни кожи и обладает многими другими целебными свойствами.

Побережье Мертвого моря является самым низким местом на суше нашей планеты и лежит на четыреста метров ниже уровня мирового океана. Между прочим, в прошлые геологические эпохи уровень воды в озере был гораздо выше, о чем свидетельствуют морские отложения, обнаруженные на склонах впадины Эль-Гор. Но по мере того, как климат делался все более жарким, испарение усиливалось, воды в Мертвом море оставалось все меньше, а соленость ее росла. Добавляют солей в озеро и горячие минеральные источники, бьющие на южном берегу Мертвого моря.

Сегодня поверхность суперсоленого озера даже внешне не напоминает водную. Густая маслянистая на вид жидкость с металлическим отливом и желтовато-белыми хлопьями соли на мелких местах, она даже в разгар летней жары не вызывает желания окунуться. Впрочем, мы уже знаем, что это все равно невозможно, тем более что разъедающие свойства рассола вряд ли добавят купальщику удовольствия.

Так что «купание» (а точнее, лежание или сидение) в Мертвом море — удел любителей экзотических фотоснимков, либо людей, которым это прописал врач-дерматолог. Лечебные качества озерного рассола были известны давно. Еще библейский царь Ирод Великий лечился ваннами из воды-Мертвого моря. Теперь же это проведение целебных процедур поставлено здесь на широкую ногу, и целая сеть отелей на побережье принимает страждущих со всего мира, предоставляя им возможность лечиться рассолами и грязями со всем возможным комфортом.

Река Иордан, та самая, в которой Иоанн Предтеча окрестил Иисуса, впадает в Мертвое море с севера, поэтому вода в этой части озера более пресная — «всего» 240 граммов солей в литре. Чем дальше на юг, тем вода солонее, а на самой южной оконечности из высыхающего пересыщенного рассола образуются даже своеобразные "соляные столбы" самого причудливого облика. Один из них, напоминающий своими очертаниями

женскую фигуру в плаще, связан с библейской легендой. Он называется "жена Лота".

Все, наверное, помнят, что, собираясь покарать погрязшие в разврате Содом и Гоморру, Бог предупредил об этом праведника Лота, и тот ушел с женой из города накануне его разрушения. Но жена праведника, нарушив запрет Господа, оглянулась, уходя, на родные стены, за что и была превращена в соляной столб.

Многое еще напоминает на берегах Мертвого моря о библейских временах. Это и возвышающиеся на высокой скале западного берега, напротив полуострова Эль-Лисан, развалины неприступной крепости Мецада, построенной еще Иродом Великим, и священный Иордан, и древний город Хеврон, и таинственные пещеры Кумрана, где недавно найдены уникальные рукописные свитки двухтысячелетней давности, повествующие о событиях, связанных с началом христианства.

Но главная достопримечательность здесь, конечно, Иерусалим — город, равно чтимый приверженцами трех религий: христианами, евреями и мусульманами. Расположенный в двадцати километрах от Мертвого моря на горах Иудеи, он сохранил немало памятных мест, связанных с ветхозаветными и евангельскими временами, таких как гора Голгофа, храм Гроба Господня и Гефсиманский сад, а также памятников, почитаемых мусульманами, вроде храма Куббат-ас-Сахра на горе Мориа, откуда пророк Мухаммед вознесся на небо к Аллаху. Стоит в центре города и знаменитая Стена Плача — единственная часть старинного храма, сохранившаяся после штурма города войсками римского императора Тита, жестоко подавившего восстание евреев. Теперь это — место поклонения и скорби для всех сынов и дочерей этого древнего народа.

Много на побережье Мертвого моря и удивительных памятников природы. Сами берега этого водоема, совершенно лишенные растительности, имеют необычный вид: горы западного берега — желтовато-белые, а на востоке они розовые. Среди впадающих в озеро мелких речушек одна — совершенно поразительна: в ней течет… горячая вода! Протекая по глубокому каньону среди Сирийской пустыни, река эта образует ближе к устью почти стометровый ступенчатый водопад. Нагретая до сорока двух градусов вода горячей реки, как ни странно, пресная, и благодаря ей в каньоне возник небольшой, но живописный оазис. Островок жизни в пустыне смотрится особенно эффектно из-за контраста зеленых пальм и кустарников и голых розовых скал пустынного каньона.

Другая пустыня, Негев, примыкает к Мертвому морю с юго-запада. Она известна прежде всего Национальным парком Тимна, где расположены знаменитые Соломоновы Столбы. В живописном ущелье ветер и редкие дожди (они в пустыне Негев идут зимой) создали целую группу причудливых и высоких, до пятидесяти метров, известняковых скал. Неподалеку от них находятся древние рудники, в которых при царе Соломоне добывали медную руду.

Еще одна «изюминка» Негева — это оазис Эйн-Авдат в самом центре пустыни. Он славится своими озерами, пещерами и каньонами, но главным образом — грандиозным водопадом, образующимся на короткое время только в период паводка.

Что касается животного и растительного мира пустынь, окружающих Мертвое море, то он, как и всегда в таких местах, небогат. Да и войны и переселения народов за три с лишним тысячи лет отнюдь не обогатили и без того скудную фауну и флору Сирийской пустыни и Негева.

Давно уже нет здесь львов, с которыми, бывало, сражался библейский богатырь Самсон, исчезли медведи, еще в XIX веке тревожившие жителей Иудеи, почти не осталось леопардов и диких ослов-онагров. Правда, встречаются еще пока гепарды, гиены и шакалы. Часто попадается ушастая пустынная лисичка-фенек. А грациозные джейраны носятся по пустынным просторам целыми табунками.

Хуже обстоит дело с растениями. Леса, когда-то покрывавшие склоны гор, обращенные к Средиземному морю, начали вырубать еще финикийцы. Эстафету подхватили иудеи, римляне, византийцы, турки. Всем нужнен был лес для построек и для кораблей. Так что пустыни этого района в значительной степени — дело рук человека. Правда, теперь предпринимаются попытки исправить содеяннное зло. В одном только Израиле за последние полвека посажено сто пятьдесят миллионов деревьев. Но пройдут, наверное, века, прежде чем удастся восстановить прежние леса.

Между прочим, и само Мертвое море все же не на сто процентов безжизненный водоем. В его соленой воде ухитряются выживать некоторые виды бактерий, благодаря которым, кстати, она и обретает целебные свойства. В последние годы ученые усиленно ищут породы рыб, которые могли бы существовать в такой малопригодной для жизни среде. Уже доказано, что маленькая черноморская рыбешка барабулька выдерживает пребывание в воде Мертвого моря. Может быть, в скором времени озеро, хотя бы в районе устья Иордана, оживет и на берегах его появятся рыболовы?..

Пока же главное богатство Мертвого моря — это его уникальная вода, точнее рассол. Помимо своих лечебных качеств, он стал также сырьем для двух больших комбинатов, производящих из него калийную соль — нужнейшее здесь удобрение.

Еще одно богатство озера — асфальт, который здесь добывали с давних времен. Еще финикийцы и римляне смолили им свои корабли. А сейчас Мертвое море — одно из немногих в мире месторождений природного асфальта, без которого не обходится ни одно шоссе.

Побережье Мертвого моря не блещет красотой. Сухие, без малейшей зелени, склоны гор, сухие русла рек, белые полосы высохшей соли у берегов озера не вызывают желания любоваться и, тем более, наслаждаться таким пейзажем. И все же самая глубокая впадина Земли с самой соленой водой то ли уникальностью своих природных особенностей, то ли целебными свойствами вод, то ли великой, героической и трагической историей окружающих его мест привлекает миллионы туристов из всех стран мира.

И поездка на озеро с таким мрачным названием становится для многих из них открытием нового, удивительного мира, непохожего на все, виденное раньше, и по-своему интересного и запоминающегося.

ЧАСТЬ III. РОССИЯ И СТРАНЫ СНГ

Остров Врангеля

(Россия)

Омытый студеными водами Чукотского и Восточно-Сибирского морей, расположился в суровых арктических просторах, на самой границе западного и восточного полушарий заснеженный остров Врангеля. Впрочем, «омытый» — не совсем точное выражение, ибо почти десять месяцев в году остров окружают неподвижные, вздыбившиеся торосами ледяные поля.

Существование огромного массива суши в далекой Арктике (а остров имеет в длину — 150, а в ширину — 75 километров) оставалось неизвестным науке до начала XIX века. Лишь в 1820–1824 годах русская экспедиция Ф. П. Врангеля впервые обследовала северное побережье Чукотки в поисках гипотетической земли, находящейся, по тогдашним предположениям, к северу от берегов полуострова. Врангель и его спутники объехали на собачьих упряжках почти все побережье от устья Колымы до Колючинской губы и составили первую карту этого района. На ней, между прочим, был изображен большой остров с горой посередине, а рядом с ним красовалась надпись: "По рассказам чукчей, горы видятся от мыса Якан в летнее время".

Российские исследователи пытались добраться до неизвестной земли по льдам. Трижды отправлялись на север их упряжки, удаляясь каждый раз на 150–200 километров от материка, но снова и снова на пути вставали непроходимые нагромождения ледяных торосов либо многокилометровые незамерзшие полыньи. Не раз дрейфующие ледяные поля расходились, и путешественники оказывались на плавучей льдине, отрезанной от берега. К счастью, ледяные массивы затем снова сходились и экспедиции удавалось благополучно вернуться на материк.

О риске, которому подвергался отряд во время этих ледовых походов, говорит запись в дневнике спутника Врангеля, тоже морского офицера Федора Матюшкина (кстати, лицейского друга Пушкина): "Ледовитое море свергало с себя оковы зимы; огромные ледяные поля, поднимаясь почти перпендикулярно на хребтах бушующих волн, с треском сшибались и исчезали в пенящейся пучине и потом снова показывались на изрытой поверхности моря, покрытые илом и песком. Невозможно представить себе что-нибудь подобное сему ужасному разрушению".

К сожалению, власти отказали Врангелю в средствах для новой экспедиции, и открытие острова состоялось лишь полвека спустя. Его совершил отважный американский капитан Лонг, в честь которого назван теперь пролив, отделяющий остров Врангеля от материка. В 1867 году Лонг, командуя китобойным судном «Нил», впервые подошел почти к самому острову и проплыл вдоль всего его южного берега. Открытой им земле он присвоил имя Врангеля. А еще через полтора десятка лет другой американец, капитан Хупер, на судне «Корвина» причалил к берегам острова и ступил на его землю.

Что же касается подробного исследования острова Врангеля, то оно началось лишь через 50 лет, в 1933 году, когда русские полярники, проведя зимовку на острове, составили его первую подробную карту и построили в бухте Роджерса полярную станцию, существующую и по сей день.

Сейчас весь остров Врангеля объявлен заповедником. Этот самый восточный из российских заповедников расположен в природной зоне, именуемой географами арктической пустыней. На человека, никогда не бывавшего в Арктике, природа этого края производит неизгладимое впечатление. Десять месяцев — с сентября по июнь — на острове царствует зима. В самый разгар ее, с середины ноября по январь, солнце здесь не показывается над горизонтом — наступает полярная ночь. Бескрайние снежные равнины острова и ледяные просторы окружающих морей сливаются в сплошную однообразную белую пустыню, освещаемую лишь светом луны или полярного сияния.

Сияния в этом районе часты и продолжительны. Порой они по нескольку суток подряд драпируют купол неба изгибающимися складками светящихся полотнищ или снопами разноцветных лучей, постоянно ме" яющих свои очертания. Часами можно стоять и любоваться переливающимися розовым, малиновым, оранжевым, зеленым или желтоватым светом причудливыми занавесями, флагами, арками и расходящимися веерами, то разворачивающимися, то закрывающимися в неторопливом и зачаровывающем танце.

В начале и в конце зимы на остров обрушиваются свирепые ураганы, когда скорость ветра достигает 150 километров в час. Выпадающий снег ветры сдувают с гор и открытых пространств в долины, где образуются чудовищные сугробы, иногда глубиной до 25 метров, то есть с восьмиэтажный дом!

Но зато коротким арктическим летом солнце здесь совсем не заходит за горизонт. Полярный день длится два месяца — с середины мая до середины июля, и в это время остров преображается: журчат ручьи и речки, на побережье яркими белыми и зелеными пятнами пестреют куртины мхов и лишайников, а кое-где — даже трав и карликовых кустарничков. Редко встретишь на острове растения высотой больше десяти сантиметров. Они как бы прижимаются к земле, спасаясь от ветров в морозов. И немудрено: среднегодовая температура здесь — минус одиннадцать градусов, хотя в особенно жаркие летние дни во внутренний долинах достигает иногда и до плюс пятнадцати. В это время на участка так называемой мамонтовой прерии — остатках некогда существовавших на севере Евразии лугов, где паслись стада покрытых шерстью мамонтов, расцветают маки, созревает брусника, а рядом с типично арктическими осокой и мятликом колышутся зеленые волны полыни и ковыля, напоминая своим душистым ароматом о среднерусских степях.

Реки и озера острова Врангеля зимой промерзают до дна, так что рыбы в них нет. Да и наземные животные держатся поближе к морю — главному источнику пищи в этом суровом краю.

На мысах и песчаных косах у побережья устраивают свои лежбища моржи — самые крупные звери Арктики. Старые моржи-самцы достигают в длину четырех метров, а весят до двух тонн' Они перепахивают своими бивнями дно и поедают моллюсков, всплывших с тучей взбаламученного ила. То и дело на лежбище происходят дуэли между самцами, не поделившими самок. Численность этих ластоногих на острове составляет несколько десятков тысяч, и наблюдать за морем блестящих спин и усатых

клыкастых голов на лежбище — занятие необычайно увлекательное.

"Зверь, на земле невиданный, и облика дьявольского", — такую запись сделал в судовом журнале английский капитан, впервые увидевший в XVI веке этих животных.

На наш взгляд, внешность моржа не вызывает таких мрачных ассоциаций. Большеглазая усатая физиономия его скорее добродушна, чем свирепа. И передвигается морж на суше с трудом, ковыляя и переваливаясь с боку на бок. Но не дай вам бог слишком близко подойти к старому самцу или резким движением вызвать у него ощущение грозящей опасности. В мгновение ока зверь преображается. Глаза секача наливаются кровью, бивни грозно поднимаются, все тело, прежде расслабленное, вдруг собирается в тугой пружинистый комок мышц, и свирепый рев недвусмысленно предупреждает: пощады не будет никому! И действительно, бывали случаи, когда жертвой моржа на лежбище становили даже белый медведь, которого голод заставил забыть об осторожности.

Коричневато-бурые туши множества зверей лежат на пляже вплотную друг к другу не оставляя промежутков Вылезающий из моря могучий самец порой вынужден расчищать себе жизненное пространство, орудуя мощными бивнями. Но вот, после небольшой потасовки, место отвоевано, морж улегся, успокоились соседи, и на лежбище снова воцаряется сонная тишина.

Однако малышам, в отличие от родителей, не лежится спокойно. То один, то другой моржонок начинает пробираться к воде, бесцеремонно карабкаясь прямо по спинам взрослых. Иногда потревоженная озорником моржиха, что-то ворча спросонья, шлепнет его ластом, и обиженный детеныш, недовольно похрюкивая, спешит добраться, наконец, до моря и присоединиться к сверстникам, похрустывающим ракушками на мелководье.

На острове Врангеля моржам вольготно. Здесь их не тревожат охотники и не пугают любопытные, а моллюсков на песчаных отмелях хватает всем.

Моржи, несмотря на грозный вид и внушительные размеры, весьма чувствительны к посторонним раздражителям и, например, на побережье Чукотки или на Курилах нередко страдают от стрессов, создаваемых человеком. Звук проходящей моторки или пролетающий вертолет могут посеять панику в стаде. Случается, что моржи совсем уходят из родного залива, покидая лежбище навсегда.

На Чукотке был случай, когда впервые попавший на Север пилот любопытства ради прошелся над отдыхающим на берегу стадом на бреющем полете. Шум мотора и вид огромной винтокрылой машины, летящей прямо над головами, так напугал зверей, что все они кинулись к воде, передавив в панике насмерть несколько десятков сородичей. Придя в себя, уцелевшие моржи уплыли на новое место, а старое лежбище пустует до сих пор.

На ледяных полях возле берега устраиваются многочисленные стада тюленей — нерп и морских зайцев. Их основное занятие — ловля рыбы. У побережья. А на обрывистых скалах разместились бесчисленные морские птицы: кайры, бакланы, чайки-моевки, поморники, бургомистры и

другие. Всего на птичьих базарах острова Врангеля гнездится до двухсот тысяч пернатых обитателей!

Весной и осенью на южном берегу острова можно встретить самую редкую птицу Арктики — овеянную легендами розовую чайку. Эта удивительная птица летит зимовать не на юг, как все остальные, а на север, к незамерзающим полыньям полярных морей, где кормится мелями рачками и рыбой. Облик этой чайки так необычен, словно создан кистью художника-фантаста. Крылья и туловище ее представляют собой чередование белых и розовых мазков, а вокруг шеи — узкая темно-агатовая полоска. Со своих летних гнездовий в устьях Яны и Колымы розовая чайка каждую осень улетает на север, а весной возвращается обратно, останавливаясь для отдыха на острове Врангеля.

Здесь же, на острове, находится единственная в России колония диких белых гусей, истребленных во всем мире, кроме Гренландии и одного-двух островов Канады.

Но главная достопримечательность островного заповедника — конечно, белый медведь. Эти могучие хищники трехметровой длины, весящие иной раз по 700 килограммов, не боятся ни морозов, ни холодной воды арктических морей — густая шерсть и толстый слой сала надежно защищают их от всех капризов погоды. Обычно они держатся на плавучих льдах, где охотятся на тюленей, но с сентября по ноябрь медведицы из всех прилегающих районов сходятся на остров Врангеля и устраивают здесь берлоги. В глубоких сугробах на склонах гор можно насчитать зимой до двухсот медвежьих жилищ, из-за чего остров иногда называют "медвежьим родильным домом Арктики".

В апреле мамаши с молодым потомством выбираются наружу и начинают знакомить малышей с окрестностями. Особенно много берлог на северо-западе острова Врангеля в горах Дрем-Хед.

С 1975 года самолетом из США доставили на остров новых обитателей — двадцать овцебыков. Когда-то эти животные вместе с мамонтами паслись тут на просторах северных прерий, но затем вымерли, вероятно, не без помощи человека. Исчезли овцебыки и в других местах их обитания — на Аляске и в Канаде. Лишь в безлюдной Северной Гренландии сохранилось несколько сот этих "живых ископаемых". Канадские и американские зоологи сумели переселить овцебыков на север своего материка, и вот теперь настала очередь Евразии.

Надо сказать, что остров понравился мускусным быкам (таково их другое название). За последние двадцать лет стадо их увеличилось втрое, и каждый год появляются новые детеныши. Естественных врагов у овцебыка на острове нет, а заповедный режим защищает их и от охотников, так что скоро можно будет попробовать переселить часть растущего поголовья на Новосибирские острова или на Чукотку, где, правда, их ожидает более трудная жизнь из-за возможных нападений волков.

Впрочем, как показали наблюдения на Таймыре, куда тоже завезли мускусных быков, стада полярных крепышей умело обороняются от хищников. При виде угрозы старые быки встают в кольцо, выставив рога наружу и укрыв за своими спинами самок с телятами. Так они могут стоять и сутки, и трое, пока волкам не надоедают бессмысленные попытки

атаковать.

Северные олени тоже появились на острове недавно. В 1947 году очередная смена зимовщиков привезла с собой небольшое оленье стадо, рассчитывая использовать копытных как транспортное средство. Но часть оленей разбежалась и одичала, дав начало популяции своеобразных "северных мустангов". А поскольку главный регулятор их численности — полярный волк — на острове Врангеля отсутствует, одичавшие олени расплодились и теперь встречаются по всему острову.

Осенью на побережье почти исчезают признаки жизни. Медведи залегают в берлоги, уходят в глубинные долины овцебыки и олени, а птицы улетают. Лишь вороны и полярные совы рискуют оставаться здесь на зимовку. Ворон крутится возле двух небольших поселков, где живут полярники, а сова кормится многочисленными здесь мышевидными грызунами — леммингами.

Эти небольшие зверушки с пестрой шерстью круглый год соблюдают строгий распорядок дня: час кормятся, а потом два часа спят. Зимой они добывают себе корм из-под снега и даже ухитряются в этих условиях приносить потомство. Численность их постоянно меняется и раз в четыре-пять лет, если лето выдалось теплым и урожайным на ягоды и грибы, может вырасти чуть ли не в три раза. Тогда огромная масса зверьков начинает миграцию, и миллионы леммингов движутся живой шевелящейся рекой к берегу моря, где они бросаются в воду и плывут, пока не утонут. Причина этого странного поведения пока не разгадана учеными, но зверям, птицам и даже рыбам в такие годы раздолье. Совы и чайки, вороны и песцы, а то и белые медведи переходят в это время на "мышиную диету", и поголовье хищников тогда многократно возрастает.

Но минует аномальный год, численность леммингов сокращается, и жизнь на острове входит в прежнее русло. И вновь над пустынными мирами и прибрежными равнинами острова Врангеля совершает бесшумныїй полет полярная сова, отыскивая ставшую редкой желанную добычу.

Кстати, горы острова довольно труднодоступны. От моря до моря тянутся по нему с запада на восток три сумрачные гряды черных обрывистых утесов, покрытые на склонах россыпью бурых глыб и щебня и достигающие тысячи метров в высоту. Текущие между хребтами реки пенятся порогами и водопадами. Долина самой крупной из них — реки Водопадной — любимое место обитания овцебыков.

Короткое арктическое лето проходит быстро. Покрываются снежным покрывалом сопки и береговые мысы. Стихает гомон птичьих базаров, и вновь тишина окутывает остров — остров белых медведей и розовых чаек, мохнатых овцебыков и клыкастых моржей, остров полярных сияний на сто восьмидесятом меридиане — удивительный, суровый и прекрасный остров Врангеля.

Полуостров Камчатка

(Россия)

Этот удивительный и необычный уголок России — подлинная "страна чудес" — расположен далеко от обжитых мест, у самого восточного рубежа нашей страны. Впрочем, слово «уголок» к нему не очень-то подходит: по площади полуостров Камчатка равен десяти Бельгиям или почти трем Болгариям.

За исключением окрестностей красивейшей в мире Авачинской бухты, где расположен главный камчатский город и порт Петропавловск и долины реки Камчатки — "Камчатской Волги", как ее называют, полуостров почти не заселен и не освоен. И это придает особую прелесть его уникальной природе. Через всю Камчатку протянулась цепь грозных вулканов. Их здесь больше ста сорока, в том числе двадцать восемь действующих.

Среди них самый высокий из активно действующих вулканов Евразии — почти пятикилометровая Ключевская Сопка, извергавшаяся только за последние триста лет пятьдесят пять раз! Не уступают ей в активности Карымский и Мутновский вулканы, а также Авачинская Сопка. Карымский, например, только в XX веке извергался больше двадцати раз. Жуткое и грандиозное впечатление оставляет зрелище разгула огненной стихии. Вот как описывает очевидец картину извержения Ключевской Сопки в 1945 году: "Из кратера почти непрерывно, то ослабевая, то усиливаясь, взметался на высоту до трехсот метров величественный фонтан жидкой лавы, который днем казался огненно-красным, а ночью — ослепительным, золотисто-желтым. Лава в жерле сначала вздувалась, а затем со звуком всплеска тяжелой жидкости стремительно взлетала огромным комом с рваными очертаниями, который в воздухе рассыпался на множество причудливых огненных хлопьев. Одновременно с фонтанированием лавы происходило ее обильное излияние. Пышущий жаром поток, красно-белый посредине и темно-багровый по краям, с рокотом, шипением и хрустом плавно катился вниз по распадку, время от времени пересекая ручьи, и тогда образующийся пар вызывал взрывы, выбрасывая на 30–50 метров в высоту столбы красно-бурого пепла, похожие на цветную капусту, и тускло-красные куски остывающей лавы".

Иначе ведет себя расположенный по соседству вулкан Безымянный. Три столетия он молчал, и его считали потухшим. Но в 1955 году земля вокруг него задрожала, из кратера полетели в небо пепел и вулканические бомбы, а по склонам потекли потоки раскаленной лавы. Через полгода извержение, казалось, начало стихать, и вдруг неожиданно раздался страшный взрыв. Вокруг потемнело, как ночью — тучи пепла закрыли солнце. Когда пепел осел, стало заметно, что облик вулкана изменился: трехсотметровый кусок вершины его был снесен взрывом, а на ее месте образовалась гигантская воронка диаметром в два километра и глубиной до тысячи метров. Взрывом были вырваны, поломаны и обожжены деревья на расстоянии до двадцати пяти километров.

Пепловая туча взметнулась на высоту сорока километров и помчалась вниз по склону со скоростью четыреста километров в час, уничтожив все живое вокруг на площади в пятьсот квадратных километров. Из образовавшегося нового кратера вырвался поток лавы и двинулся вниз по долине близлежащей речки Сухой, пройдя восемнадцать километров. Поскольку от нестерпимого жара началось бурное таяние снега, вниз по реке хлынул мощный грязевой поток, который прокатился по ней девяносто километров, перемалывая все на своем пути. Когда эта жуткая лавина, достигнув места впадения Сухой в реку Камчатку, наконец остановилась, поток грязи, смешанной с камнями и обугленными, изуродованными

стволами деревьев, достигал в ширину шести километров.

Не менее свиреп нрав и у самого северного на полуострове вулкан Шивелуч. В 1954 году из его недр раздался жуткий грохот. Над вершиной вулкана поднялась мрачная черная туча из пепла, в которой непрерывно сверкали багровые молнии. Огненный столб взметнулся на высоту двадцати километров, так что извержение можно было видеть из селений, расположенных в пятистах километрах от вулкана. Толстый слой пепла покрыл море на площади в сто сорок квадратных километров. Сила взрыва была такова, что взрывная волна дважды обогнула земной шар. При этом окрестности вулкана подверглись настоящей бомбардировке, да еще какой! Огромная лавовая глыба размером 15x7x10 метров и весом в две тысячи восемьсот тонн была выброшена на расстояние в два километра! Куски лав (их именуют "вулканическими бомбами") весом в 500–700 тонн разлетались на 10–12 километров! А более мелкие бомбы — вдвое дальше. К счастью, местность вокруг Шивелуча ненаселенная и при взрыве никто не пострадал.

А вулкан Толбачик в 1975 году извергался почти год. Вулканологи заранее предсказали это извержение, и за ним с самого начала наблюдал большой экспедиционный отряд. Один из его участников рассказывал потом: "Зрелище было потрясающим. В земле раскрылись огромные трещины, над ними огненными завесами вставали лавовые фонтаны. Буквально на глазах вырастали новые конусы. Вершина вулкана провалилась, и на ее месте образовался гигантский котел шириной до 1700 метров с отвесными стенками, наполненный кипящей лавой. Тучи пепла поднимались на высоту восемнадцати километров и вытягивались по ветру на расстояние до тысячи километров".

Иногда потоки лавы перекрывают путь рекам, и тогда образуются изумительной красоты озера, такие как Кроноцкое, о котором речь пойдет ниже. Впрочем, озера порой появляются здесь и прямо в кратерах вулканов, и тогда они поражают самыми необычными красками. Например, в кратере вулкана Большой Семячик находится Черное озеро, поверхность которого покрыта черной пленкой сульфидов железа. А вулкан Горелый, уникальный даже для Камчатки (у него целых девять кратеров!), обладает сразу двумя озерами: в кратере Голубое озеро действительно находится водоем с нежно-голубой водой, а рядом, в кратере Чаша — вода в озере фиолетовая. Образование таких цветных озер связано с различной кислотностью воды в кратерах и разным составом лавы в них.

Удивительны не только горы, но и животный и растительный мир полуострова. И больше всего диковинок собрала природа у подножья одного из самых высоких и самого, наверное, красивого вулкана Камчатки — Кроноцкой Сопки, вознесшей свою заснеженную главу на три с половиной километра над уровнем моря. Недаром здесь еще в 1822 году по предложению ученого-зоолога Дыбова был устроен один из первых заказников России. Ас 1934 года вся немалая прилегающая территория (размером с три острова Кипр) была объявлена заповедной. Кроноцкий заповедник стоит особняком в ряду других российских охраняемых территорий. Пожалуй, ни в одном другом заповеднике нашей страны не найдешь такого собрания редкостных чудес живой и неживой природы. Да и за рубежом с ним могут сравниться разве что прославленные

Йеллоустонский и Йосемитский национальные парки в США да заповедные уголки Новой Зеландии.

Одних только вулканов в заповеднике — 16, из них пять — действующие! Самый высокий — Кроноцкая Сопка — до последнего времени считался потухшим. Но в 1922 году из его кратера поднялся столб черного дыма, которым вулкан напомнил о том, что его еще рано списывать со счета. Идеально правильный почти четырехкилометровый конус Кроноцкой Сопки укрыт снежной шапкой, которая блестит на солнце как драгоценный венец. Рядом, за речкой Кроноцкой, располагается вулкан Крашенинникова, названный по имени участника экспедиции Беринга, первого исследователя Камчатки Степана Крашенинникова. Этот вулкан необычен по облику и строению. Когда-то здесь находился огромный щитовой вулкан, основание которого имело 30 километров в поперечнике. Вершина его разрушилась, и в образовавшейся впадинекальдере диаметром в 10 километров выросли два новых вулканических конуса. Первый, южный, похож на большинство вулканов: на вершине его расположен кратер шириной в 800 метров и глубиной в 80 метров.

А вот во втором, северном конусе на дне кратера возник еще один небольшой вулкан стометровой высоты с широким основанием. В его шестисотметровом кратере находится, в свою очередь, еще один конус высотой в 60 метров с пятнадцатиметровым кратером наверху. Таких «четырехэтажных» вулканов нет больше нигде на планете. А у подножья соседнего вулкана Кихпиныч начинается тропа, ведущая к главному чуду полуострова — знаменитой Долине Гейзеров.

Гейзеры — эти периодически действующие природные фонтаны горячей воды — чрезвычайно редкое явление. На нашей планете они встречаются, кроме Камчатки, только в трех местах: в Исландии, на реке Йеллоустон в США и в новозеландской долине Роторуа.

Природа надежно спрятала камчатское чудо от людей. Лишь в апреле 1941 года геолог Устинова, обследуя незамерзающую речку Шумную, текущую из вулканической кальдеры Узона, случайно заметила на одном из ее притоков взметнувшийся фонтан парящей воды. Дальнейшее изучение притока показало, что в его долине находится еще 21 крупный гейзер и множество пульсирующих горячих источников, кипящих разноцветных озер, пароводяных струй и булькающих грязевых котлов. Приток этот получил название реки Гейзерной.

Трудно передать впечатление, которое производит на путешественника это удивительное место! Вся долина словно курится, испуская облака белого пара и струи кипящей воды, вокруг стоит неумолчный грохот, свист, шипение, бульканье и всплески, заставляющие невольно вспомнить о картине ада, описанной великим Данте.

Самый большой из гейзеров — Великан — извергается каждые пять часов. При этом метровой толщины струя кипятка взлетает на высоту в сорок метров, а клубы пара поднимаются на триста метров! Осаждающаяся при остывании воды своеобразная «накипь» из минеральных солей образовала у основания гейзера конус диаметром в тридцать метров. Такие же конусы из свежеобразованной горной породы (ее называют гейзеритом) есть и у других гейзеров, а также пульсирующих источников. Гейзерит бывает желтым, коричневатым, розовым и даже зеленоватым в

зависимости от состава осаждающихся солей. Один из гейзеров даже назвали Сахарным — так похож его гейзеритовый конус на груду жженого сахара.

Гейзер Фонтан самый активный: каждые 17 минут он выбрасывает на высоту семиэтажного дома свою мощную струю. А гейзер Плачущий отличается своеобразным характером производимого бульканья: оно похоже на глухое всхлипывание. Очень эффектен гейзер Водопадный, ниже которого ручей из кипятка срывается со скалы 27-метровым водопадом.

В горячей воде ручьев и озер Долины Гейзеров бурно развиваются разноцветные теплолюбивые бактерии и сине-зеленые водоросли. Поэтому склоны ее поражают неправдоподобным буйством красок. Особенно красив один из водопадов долины, за яркое многоцветие окраски получивший название Игрушка.

На теплой почве долины трава начинает зеленеть раньше, чем в соседних районах, и вырастает до гигантских размеров. Так, обычный камчатский шеломайник (зонтичное растение, напоминающее привычную нам "медвежью дудку") достигает здесь четырехметровой высоты!

Покидая этот удивительный уголок Земли, долго еще видишь, оглядываясь на поворотах горной тропы, изумрудно-зеленое пятно Долины Гейзеров, увенчанное белыми облаками пара…

Еще одна жемчужина природы этого края — вулканическая кальдера Узона. Когда-то здесь находился высокий, до трех километров, вулкан.

В результате взрывного извержения конус его был уничтожен, а поверхность земли на месте бывшего вулкана просела, образовав огромное «блюдце» диаметром в двенадцать километров. По всему дну кальдеры рассыпано множество горячих источников, грязевых вулканчиков и парогазовых струй — фумарол. Из многочисленных отверстий в почве бьют здесь струи пара и кипятка. Отверстия окружены глиной самых различных цветов: белой, синей, красной, желтой и даже черной. Выходы некоторых струй, кроме того, оторочены ярко-желтыми венчиками отлоясений серы. В крупных источниках вода клокочет с такой силой, что шум ее заглушает человеческий голос. Когда проходишь по кальдере среди булькающих водяных котлов в клубах пара, кажется, что ты попал на другую планету — так непохож ее ландшафт на все, виденное до этого.

Вода в озерах и ручьях кальдеры Узона нагрета до 90 градусов. Зимой большая их часть не замерзает. Это способствует пышному развитию здесь растений и привлекает сюда множество водоплавающих птиц: уток, гусей, лебедей и прочих.

Извержениям вулканов обязано своим происхождением и самое большое озеро Камчатки — Кроноцкое. Потоки лавы, стекавшие со склонов Кроноцкой Сопки и вулкана Крашенинникова, перекрыли долину протекавшей между ними древней реки, образовав двухсотметровую плотину. За ней разлилось обширное и глубокое озеро площадью в двести квадратных километров, из которого течет в Кроноцкий залив бурная и быстрая река, тоже именуемая Кроноцкой.

Но не только вулканическими диковинами славится полуостров Немало здесь и поразительных явлений живой природы. Только на

Камчатке сохранился единственный в своем роде осколок доледниковых хвойных лесов — роща пихты грациозной. Этот небольшой лесок — всего 19 гектаров — уникален, так как пихта грациозная не растет больше нигде в мире. С давних пор камчадалы охраняли рощу как священную и не решались даже прикасаться к обожествленным деревьям. Предание рассказывает о том, что на берегу возле рощи находился когда-то казацкий острог, но, когда кто-то из казаков срубил пихту в заповедном лесу, в крепости началась эпидемия оспы, и весь гарнизон вымер за один месяц. С тех пор камчадалы верят, что страшная болезнь затаилась в этих непохожих на другие деревьях, и если срубить в роще хоть одно из них, оспа вновь выйдет наружу и примется за свое черное дело.

Вообще, леса на Камчатке не похожи на сибирскую тайгу. На прибрежных равнинах и в нижнем поясе гор здесь растет не ель, и не лиственница, как везде в Сибири, а каменная береза Это невысокое дерево с искривленным корявым стволом и очень крепкой древесиной. Каменная береза отличается редким долголетием — отдельные деревья доживают до шестисот лет!

На высоте в 600–700 метров березняки сменяет кедровый стланник. Заросли этого полудерева-полукустарника так густы, что даже медведь ходит здесь лишь по своим старым, годами прокладывавшимся тропам. Ими же пользуются ц люди. Идя по такой тропе, нередко видишь на ветке клок рыжей шерсти, оставленной по дороге суровым "хозяином тайги".

Медведей на Камчатке много. Иной раз, выйдя на обрывистый берег реки, можно увидеть их сразу пять-шесть. На реке звери заняты важным делом: ловят рыбу. В период нереста многие тысячи крупных, трех-пятикилограмовых рыб семейства лососевых наводняют реки полуострова и неудержимо стремятся вверх по течению, через пороги и даже водопады. Большую часть своей жизни эти рыбы: горбуша, нерка, кета, чавыча и голец — проводят в море, и только метать икру заходят в реки.

Ход лососевых на нерест представляет собой фантастическую картину. Река словно кипит, пенится и бурлит, заполненная рыбой до краев. Мелкие протоки забиваются ею так, что вода выходит из берегов. Палка, воткнутая в воду, остается торчать вертикально и движется вместе с рыбным косяком против течения. По реке в это время трудно проплыть на шлюпке. Бывает, что места в реке рыбе не хватает, из воды торчат рыбьи спины, а кое-где отдельные рыбины выталкиваются своими родичами на берег. Рыбы переползают через песчаные отмели, переваливаются через камни, а на водопадах десятками одновременно выпрыгивают из воды, пытаясь преодолеть преграду.

Понятно, что добычи косолапым хватает. (Интересно, что медведи отъедают у рыб только голову, а тушки выбрасывают.) Рыбой питаются в эту пору волки и росомахи, лисицы и соболя, выдры и куницы и даже кабаны. Рядом с ними пируют и многочисленные птицы, среди которых выделяется самый крупный хищник птичьего мира Камчатки — белоплечий орлан с размахом крыльев в три метра.

В горах полуострова водится редкий и красивый зверь — снежный баран или толсторог. Он сохранился лишь в самых труднодоступных районах и удивляет зоологов тем, что весной в бескормицу спускается с

обрывистых крутых склонов хребтов — его обычного места обитания — к самому берегу моря, где легче найти корм. Ни одно животное Камчатки не способно на такие перемещения по высоте (от уровня моря до трех тысяч метров и выше).

А на морском побережье свой особый мир: между скалистыми островками с птичьими базарами можно увидеть в воде тюленя-нерпу, сивуча и редкого гостя — калана (морскую выдру). Это довольно крупное (до полутора метров в длину) животное с ценным и прочным мехом почти всю жизнь проводит в воде По виду он напоминает миниатюрного тюленя. Забавно наблюдать, как самки каланов плавают на спине, усадив на брюхо детеныша и с любопытством поглядывая на расположившихся на берегу зрителей.

Лежбища сивучей прячутся в укрытых неприступными скалами бухтах, где животным не докучает ничей глаз. Эти самые большие после моржей ластоногие зиму проводят в теплом Японском море, а весной приплывают к берегам Камчатки. Здесь самцы сивучей собирают вокруг себя многочисленные гаремы из 15–20 самок и бдительно охраняют свои семейства от врагов. Даже медведь не рискует сунуться на лежбиЩе, опасаясь перспективы оказаться носом к носу с разъяренным повелителем гарема.

На дне бухт и заливов полуострова обитает камчатский краб — самый большой из всех ракообразных мира. Его клешни достигают в длину полутора метров, а вес — восьми килограммов.

И все-таки, какими бы диковинками зоологии и ботаники ни удивляла нас Камчатка, главное ее чудо — это стройные силуэты дымящих огнедышащих гор с белеющими у вершин ледниками, ревущие многометровые столбы кипятка, окруженные клубами пара, горячие водопады и пестрые конусы гейзерита в сказочной долине, словно перенесенный к нам с другой планеты.

Курильские острова

(Дальний Восток)

На тысячу двести километров протянулась островная дуга Курил от Камчатки до японского острова Хоккайдо. Тридцать шесть больших островов и больше сотни мелких островков и скал составляют этот дальневосточный архипелаг. Он представляет собой две параллельные островные цепочки: вулканической Большой Курильской гряды и расположенной восточнее Малой гряды, где действующих вулканов нет.

Курилы — второй район активного вулканизма в России после Камчатки. Вулканов здесь больше, чем на территории их северного соседа — более ста, в том числе сорок действующих. Но извергаются курильские вулканы реже, чем их камчатские собратья, и лишь немногие вроде Алаида, Тяти или вулкана Сарычева, демонстрируют при этом по-настоящему грозный нрав.

Интересно, что названия большинства вулканов, так же как и бухт, проливов или водопадов — русские или японские и появились в последние двести лет, а почти все острова сохранили древние имена, данные им коренными жителями архипелага — айнами.

Проливы Крузенштерна и Буссоль делят Большую гряду на три части: северную с островами Шумшу, Парамушир, Онекотан и Шиашкотан;

среднюю, куда входят масса мелких островков и лишь один большой остров Симушир; и южную, в которой сосредоточены главные, самые крупные и самые населенные острова: Уруп, Итуруп и Кунашир. Сюда же включают и Малую Курильскую гряду, имеющую длину всего сто пять километров и состоящую из довольно крупного живописного острова Шикотан и нескольких мелких островков.

Особняком расположен на севере островной цепочки к западу от Шумшу остров Атласова, представляющий собой гигантский конус выросшего из вод Охотского моря вулкана Алаид. Эта самая крайняя и самая высокая на Курилах огнедышащая гора, вознесшаяся над морем почти на два с половиной километра. Ее правильная коническая вершина, увенчанная струйкой дыма, чем-то напоминает воспетую художниками и поэтами Японии Фудзияму.

В хорошую погоду вершину Алаида видно с Камчатки, и, скорее всего, именно ее еще в 1698 году заметил первооткрыватель полуострова казачий пятидесятник Владимир Атласов, написавший потом в свое отчете, что "против первой реки на море видел как бы острова есть".

Камчадалы рассказывают любопытную легенду об этом вулкане расположенном на юге Камчатки озере Курильском, в центре которого находится островок Сердце Алаида.

Посредине Курильского озера, говорится в легенде, стояла когда-то высокая и красивая гора Алаид. Окрестные горы, как на подбор, мелкие, невзрачные, завидовали красавцу Алаиду и рассказывали про него разные пакости: и солнце он, дескать, загораживает, и месяцу мешает на небо восходить, цепляется тот рогом за верхушку Алаида, и ледник-де, где-то нашел и приютил у себя на склоне, и много еще всякого…

Надоели Алаиду злобные сплетни вокруг. Ушел он из озера, покинул Камчатку и нашел себе новое место — в море, возле Курильских островов. Бросилась вода озерная вслед Алаиду, да не догнала его. Так образовалась на Камчатке речка Озерная. Но сильна была в Алаиде любовь к родной земле, не мог он совсем расстаться с ней, и оставил в озере свое сердце. Так и стоит теперь среди озера островок Учичи, что в переводе означает Сердце-Камень.

Европейцы открыли Курилы в 1643 году, когда на них побывал голландский мореход Де Фриз. Но еще за тридцать лет до него на южных островах уже высаживались японцы, исследовавшие и пытавшиеся обжить Шикотан и Кунашир.

Однако в 1711 году с Камчатки прибыли на острова русские казаки во главе с Данилой Анциферовым и Иваном Козыревским. Они привели местных айнов "под государеву руку" и обложили податью-ясаком. С тех пор острова вошли в состав России и почти три века (за исключением сорока лет между русско-японской войной 1904–1905 годов и Второй мировой войной) являются нашим восточным форпостом.

На всем российском Дальнем Востоке, заслужено славящемся своими природными красотами, не найти более живописных уголков, чем на Курилах. Каждый остров, за редким исключением, красив по-своему. Грозное величие вулканов, курящихся газовыми струями, соседствует здесь с причудливой красотой прибрежных бухт и скал, необычной экзотической флорой на суше и морскими диковинками в охотских и

тихоокеанских водах.

И если путешественник, побывавший на Камчатке, в Уссурийском крае или на Сахалине, переполняется восхищением, то в Курилы он просто влюбляется раз и навсегда.

Хотя курильские вулканы и не так часто грозят извержениями, как камчатские, но бед они приносят даже больше. И причиной этому их близкое соседство с морем. Любое извержение сопровождается подземными толчками, а они, в свою очередь, вызывают «моретрясения». И разгневанное море обрушивается на берега островов гигантскими разрушительными волнами-цунами.

В 1952 году тридцатиметровая волна цунами полностью уничтожила город Северо-Курильск на острове Парамушир. Немногие уцелевшие жители, потеряв близких, дома и имущество, навсегда покинули остров. Подобные бедствия случались и раньше. Исследователь Камчатки Крашенинников еще в 1737 году описывал землетрясение и цунами, опустошившее побережье полуострова и Северных Курил.

"Пополуночи в третьем часу, — пишет он, — началось трясение и с четверть часа продолжалось… Меж тем учинился на море ужасный шум и волнение, и вдруг валилось на берега воды в вышину сажени на три которая, нимало не стояв, сбежала в море и удалилась от берега на знатное расстояние. Потом вторично земля всколебалась, воды прибыло против прежнего, но при отлитии столь далеко она збежала, что море видеть невозможно было. В то время усмотрены в проливе между первым и вторым Курильскими островами на дне морском каменные горы, которые до того никогда не виданы… С четверть часа после того последовало новое ужасное трясение, а притом взлилось воды на берег сажен на тридцать… От сего наводнения тамошние жители совсем разорились, а многие бедственно скончали живот свой…"

В 1770 году при извержении вулкана Алаид возникшая цунами уничтожила дома и огороды жителей Парамушира и Шумшу. А в 1933 году на остров Харимкотан, где извергался вулкан Сарычева, обрушилась волна высотой в двадцать метров.

Поскольку многие острова-вулканы необитаемы, сами извержения приносят серьезный урон лишь в тех случаях, когда происходят на крупных островах, представляющих собой цепочки из нескольких вулканов, выросших на общем основании. Таких островов немного, но они, естественно, лучше заселены и освоены человеком.

На Кунашире активны и представляют опасность вулканы Менделеева, Головнина и Тятя. На Итурупе действующих вулканов целых восемь: самые буйные из них — вулканы Баранского, Тебенькова, Иван Грозный, Стокап, Атсонупури и Берутарубе. На Симушире беспокойный характер проявляют Горящая Сопка, вулкан Заварицкого и Пик Прево, на Шиашкотане — Синарки и Кунтоминтор, а на Онекотане — вулкан Креницына и Немо.

Особый случай — остров Парамушир. Он представляет собой три параллельные сросшиеся вулканические гряды, состоящие более чем из тридцати вулканов. Шесть из них — действующие, причем самый активный вулкан Эбеко находится всего в восьми километрах от Северо-Курильска. Когда 8 марта 1963 года эта огнедышащая гора решила «салютовать»

Женскому дню, ядовитый сернистый газ из образовавшийся фумарол ветром погнало в сторону города, и жители не могли выходить из домов. Те же, кого газовая атака застала в кинотеатре или в клубе, вынуждены были там и остаться ночевать. К счастью, утром ветор переменился, и обстановка в городе нормализовалась.

Уже упоминавшийся нами остров Атласова знаменит на весь мир своим активно действующим и весьма грозным вулканом Алаид. Он извергается каждые тридцать-сорок лет. Последний раз это было в 1972 году. А до этого, в 1933 году, в результате подводного извержения рядом с Алаидом образовался новый остров Такетоми. Он постепенно рос за счет новых извержений, и в 1961 году соединился со своим соседом, образовав полуостров. Могучий Алаид, подобно итальянскому вулкану Кракатау, со времен Беринга служит маяком для капитанов, идущих из Охотского моря в Петропавловск-Камчатский.

Надо признать, что вулканическая активность Курил имеет не только отрицательные стороны. На многих островах бьют минеральные, в том числе и горячие, источники. На Шиашкотане, например, насчитывают до тысячи горячих ключей. А на острове Уруп есть даже горячий водопад! В кратерах некоторых вулканов образовались теплые озера, исцеляющие многие хвори. Тот же вулкан Эбеко с давних пор служит жителям Севере-Курильска своего рода «профилакторием». Каждый выходной день курильчане отправляются к нему, чтобы искупаться в теплом озере, расположенном в его кратере. Вода в этом природном бассейне нагрета почти до сорока градусов.

На всю планету славится Горячий Пляж на острове Кунашир. Подобного чуда природы не встретишь больше нигде в мире. Добраться до него из Южно-Курильска несложно. Всего семь километров на юг вдоль берега Тихого океана, и уже издалека виден участок побережья, окутанный густым паром. Пляж расположен у подножья вулкана Менделеева, причем вулканические породы перекрыты здесь тонким слоем морского песка. Местами он очень горячий, а кое-где сквозь него пробиваются струйки пара. Этот пар, поднявшийся к поверхности по трещинам вулканических пород, как бы рассасывается в толще песка и согревает его. В каком месте пляжа ни выкопать яму, из нее сразу начинает идти пар.

Полоса горячего песка тянется почти на километр вдоль берега. Температура пара — сто градусов, а вода в бьющих повсюду горячих источниках нагрета до девяноста восьми градусов. Жители острова на струях подземного пара разогревают еду, используют их для отопления домов. Куры здесь несутся круглый год, так как в сараях, прогретых паром, тепло и зимой. Баня и прачечная в здешнем поселке тоже обходятся без истопников, а ребятня любит запекать в горячем песке тут же рядом выловленных крабов.

Несмотря на постоянно исходящую от них опасность, вулканы всетаки удивительно красивые природные сооружения. Не всегда это правильные конусы, как у Алаида. Иногда это двойной конус, так сказать, "вулкан в вулкане", как, например, Тятя. Иной раз это гора, увенчанная зазубренными стенами, словно развалины древней крепости, а порой от вулканов остаются только впадины-кальдеры. И если эти кальдеры оказываются на берегу моря, образуются потрясающей красоты бухты,

такие как Львиная Пасть на острове Итуруп. Вход в нее охраняет торчащая из океана скала Камень-Лев, действительно похожая на спящего льва.

Уникален по своему облику вулкан Креницына на Онекотане. В южной части этого длинного узкого острова находится озеро Кольцевое. В центре озера-кальдеры почти на полтора километра вознесся конус молодого вулкана, Верхушка черной горы припудрена снегом и чуть-чуть дымится, напоминая о своем происхождении.

А на побережье острова Харимкотан после очередного извержения вулкана Севергина образовалось множество мелких озер, питаемых ручьями, стекающими с его склонов. Вода ручьев насыщена минеральными солями, и на дне озер эти соли отлагаются концентрическими кругами, образуя разноцветные осадки: красные, оранжевые, желтые, зеленые, белые. В каждом озере своя, особенная окраска дна, и в солнечных лучах россыпь водяных блюдец отливает всеми цветами радуги.

Необычно строение вулкана Заварицкого на Симушире. Здесь со дна древней кальдеры, как и на вулкане Креницына, вырос новый конус. Но и он, в свою очередь, взорвался, образовав "кальдеру в кальдере". Середина ее занята озером Бирюзовым. Это, наверное, самое красивое озеро на архипелаге: в хорошую погоду воды его, действительно, сверкают бирюзой и нежно переливаются на солнце. Это связано с тем, что в воде кальдерного озера содержатся мельчайшие частицы серы, отражающие свет.

Живая природа островов — достойное обрамление вулканического пейзажа Курильской гряды. Своеобразие ее объясняется большой протяженностью архипелага. Его северные острова соседствуют со снежной Камчаткой, где по угрюмой тайге бродят самые крупные в Росссии медведи, а на крутых скалах еще встречается редчайший снежный баран. А с южных островов в хорошую погоду виден Хоккайдо, на котором в рощах тропических растений и теплых вулканических источниках резвятся жизнерадостные макаки.

Вдобавок, вдоль тихоокеанских берегов Курильской гряды проходит холодное течение Ойя-Сио, принося туманы, дожди и холодные ветры. Охотское же побережье Южных Курил омывает теплое течение Соя, одна из ветвей тихоокеанского Гольфстрима — течения Куро-Сио. Поэтому растительность Курил резко различается не только в северной и южной частях архипелага, но даже на противоположных берегах одних и тех же островов.

Северные острова: Шумшу, Парамушир и другие — царство кедрового и ольхового стланника, а температура летом не поднимается здесь выше десяти градусов. А на юге ~ на Итурупе, Кунашире и их соседях — высятся настоящие леса из пихты, дуба, клена, дикой вишни с подлеском из бамбука. На Шикотане растут даже тис и бархатное дерево. Весь этот разнообразный древостой густо перевит диким виноградом и другими лианами. Добавьте к этому магнолию, встречающуюся на юге Шикотана, и вам станет понятно, что здешняя флора уже близка к субтропической. При этом на южном, тихоокеанском побережье того же Итурупа склоны покрывает такой же кедровый стланник, как на Парамушире, а стоит перевалить через вулканический хребет на охотский берег, как к тропе подступят заросли трехметрового бамбука.

А вот сухопутная фауна островов небогата: медведи, лисы и мелкие грызуны — полевки, землеройки. На нескольких островах, правда, пасутся еще табуны мустангов — одичавших лошадей, завезенных сюда перед войной японскими кавалеристами. Зато морское побережье радует богатством животного мира. Касатки и кашалоты, серые киты и дельфины резвятся повсюду в курильских водах, начиная от пролива Измены, отделяющего Кунашир от Хоккайдо, и до Первого Курильского пролива к северу от Шумшу. Здесь можно встретить морских котиков и каланов, нерп и самых крупных из тюленей — сивучей. Эти огромные звери, иногда в тонну весом, порой вступают в схватку даже с молодыми кашалотами.

На каждом острове или на скалах у его берегов обязательно есть птичьи базары. Сотни тысяч белоголовых чаек, моевок, бакланов, глупышей и топорков населяют Курилы.

И всем им хватает пищи — ведь места, где встречаются теплые и холодные течения, всегда особенно богаты рыбой. Сюда приходят огромные стаи крупных серебристых сардин-иваси, сайры, минтая и палтуса. Здесь раздолье камбалам, морским окуням и бычкам. А в реки поднимается на нерест красная рыба: кета, горбуша и голец. Понятно, что и звери, и птицы Курил всегда обеспечены пищей.

Трудно пока добраться до этого дальневосточного вулканического архипелага. Всего три теплохода ходят сюда из Владивостока через Сахалин. До южных Курил они идут два дня, до северных — все пять. На Парамушир заходят еще и камчатские каботажные суда, огибающие полуостров. Но зимой, когда Охотское море сковано льдом, острова связаны с материком лишь редкими авиарейсами.

Но труднодоступность делает цель только желаннее. И уж если путешественник сумел попасть на Курилы, увиденное там никогда не изгладится из его памяти. Уже плывя проливом Екатерины (между Итурупом и Кунаширом), он увидит с палубы сразу пять вулканов, в том числе почти двухкилометрового красавца Тятю, который, как и Алаид, служит маяком на выходе из Охотского моря в Тихий океан.

Высадившись на берег в Южно-Курильске, можно, воспользовавшись отливом, за час-полтора дойти по укатанному волнами черному песку до Горячего Пляжа, искупаться в его источниках и подивиться этой километровой горячей «сковородке», пышащей паром. А продираясь через кунаширские бамбуковые джунгли и кедровый стланник к вершине вулкана Менделеева, путешественник сможет увидеть и фумаролы, и грязевые вулканчики, и удивительные серные поля на склоне вулкана. Право, на Земле не так много мест, где на каменных карнизах возле выходов газовых струй прямо на глазах вырастают сосульки из желтой серы. Можно сунуть ветку стланника в струю, и через десять минут она превратится в подобие желтого коралла.

Не меньше чудес природы и на самом большом острове Курил — Итурупе. Здесь падает в океан с черных базальтовых скал самый высокий водопад России — 140-метровый Илья Муромец. Здесь находится живописная бухта Львиная Пасть, фумаролы вулкана Берутарубе и озеро Красивое в кальдере Урбич. На Итурупе — самые красивые леса, богатые ягодами и грибами. Местные жители собирают здесь какой-то особенный

"японский гриб", величиной со сковородку. Говорят, что он никогда не бывает червивым, а по вкусу не уступает белому.

В главном поселке острова Малокурильске, где много лет существовал комбинат по переработке мяса китов, пока Россия не прекратила их добычу, можно увидеть самые, наверное, необычные заборы в мире — из китового уса! И всю эту экзотику видят пока, не считая самих курильчан и пограничников, сорок-пятьдесят человек в год.

Туристское освоение удивительного архипелага, края вулканов и фумарол, бамбука и магнолий, птичьих базаров и лежбищ сивучей, водопадов и причудливых скал, пока еще даже не начиналось.

Но любознательный путешественник уже сейчас при желании мог бы совершить круиз, например, по маршруту: Итуруп — Кунашир — Шикотан. На этом пути он заглянул бы в сказочную Львиную Пасть с ее пятисотметровыми отвесными стенами и впервые ощутил бы себя внутри настоящего вулканического жерла, почувствовал под ногами Горячий Пляж и услышал рев сольфатар Кунашира, проплыл по шикотанским фьордам и встретил бы рассвет на далеком красивом мысу с выразительным названием Край Света. И, глядя на бескрайний простор Тихого океана, почти физически ощутил бы, что до следующей земли на востоке — восемь тысяч километров. Столько же, сколько на запад до Москвы…

Уссурийский край

(Россия)

Тому, кто решит побывать в джунглях, нет нужды отправляться в Африку по следам Ливингстона и Стэнли. Настоящее буйство растительности, весьма напоминающее многоярусный тропический лес, ожидает его не в далеких заморских странах на берегах Конго или Замбези, а на нашей российской земле, в Уссурийском крае.

На самом юге Дальнего Востока России раскинулся этот удивительный мир. Его рубежами на севере и западе служат Амур со своим притоком Уссури, а на юге и востоке — теплое Японское море. Огромная территория Уссурийского края (по площади он равен Великобритании) вместила в себя и вздымающиеся на два километра лесистые горы хребта Сихотэ-Алинь, и широкие болотистые равнины вдоль Амура и Уссури, и второе после Байкала крупное озеро Сибири — Ханка, и красивейшее морское побережье, скалистые мысы и острова которого напоминают не то Корею, не то Новую Зеландию.

В сравнении с другими живописными и малоизученными окраинными районами России: Алтаем, Таймыром, Чукоткой или Сахалином — Уссурийскому краю явно везло на исследователей. Здесь их побывало, наверное, больше, чем во всех остальных вышеназванных краях, вместе взятых. И притом, каких исследователей! Поярков и Хабаров, Пржевальский и Арсеньев, Венюков и Кропоткин, ботаник Комаров и зоолог Шренк, мореплаватели Лаперуз и Невельской и много, много других.

Что же так влекло сюда путешественников? Почему и в наши дни побывав, например, в заповеднике Кедровая Падь или на озере Ханка не можешь отделаться от мысли, что увидел нечто уникальное, что такого вообще-то не может быть в природе, и только рука волшебника могла сотворить подобное чудо.

Причина в том, что редкое сочетание ветров, течений, рельефа и водных масс создало здесь своего рода климатическую аномалию, позволившую встретиться и прижиться на одной территории растениям и животным двух разных миров: северного и южного.

И в результате сложился мир, подобного которому не сыскать больше ни в одном краю нашей планеты. Здесь таежные ели и пихты обвивают лианы, в том числе дикий виноград и целебный лимонник. Причем один из видов лиан, актинидия, достигает в толщину двадцати сантиметров! Здесь сибирская лиственница растет рядом с могучим корейским кедром, дубы и клены соседствуют с манчжурским орехом и пробковым деревом (амурским бархатом), а под пологом леса можно встретить невзрачные растеньица "корня жизни" — женьшеня. На озере же Ханка священный лотос растет рядом с привычными нам осокой и рогозом. И уж совсем необычны для нашего глаза пальмовидные тропические кусты колючей аралии.

Не менее причудлив и животный мир этого необыкновенного уголка Земли: тут встречаются жители сибирской тайги — бурый медведь, росомаха, волк, лось, кабан и косуля, белка, соболь и бурундук, но одновременно живут и обитатели юга — тигр и леопард, гималайский черный медведь и енотовидная собака, пятнистый олень и манчжурский дикий кот, и даже уроженка Индии — антилопа-горал.

Так же странен здесь и мир птиц: рядом с глухарем и филином можно встретить японского ибиса и индийскую птицу-дронго, клест-еловик мирно уживается с голубой сорокой, куропатка соседствует с ярко окрашенной китайской уткой-мандаринкой, корейский фазан — со снегирем, а полярная белая сова — с пеликаном и фламинго.

Знакомые всем среднерусские уж и ящерица делят здесь территорию с огромным, как питон, полозом Шренка и мягкокожистой черепахой. Полозов, кстати, живущие на Уссури корейцы издавна держали в домах вместо кошек. Мышам от этих змей нет спасения.

Особенно много японских, корейских, китайских и индийских переселенцев в южной части края — у залива Посьет и в Приханкайской низменности. В свое время первый ученый-исследователь природы этих мест — великий Пржевальский писал, что после однообразных пространств северной тайги леса долины Уссури и водные просторы озера Ханка буквально поражают путешественника контрастным сочетанием самых неожиданных растительных и животных форм.

Об озере Ханка стоит сказать особо. Несмотря на огромную площадь (4000 квадратных километров), оно одно из самых мелких в России (в среднем 1–3 метра), и его хорошо прогреваемые летом воды дают приют тридцати трем видам рыб! Пржевальский ловил здесь шестидесятикилограммовых осетров, а белуги, по его словам, достигали в озере веса в восемьсот килограммов!

На юго-западном берегу озера находится поселок с необычным именем Камень-Рыболов. Откуда же взялось такое название? Дело в том, что неподалеку от него у воды стоит невысокая скала с почти плоской чашеобразной верхушкой. Когда северные ветры нагоняют крутую волну, в чашу на скале заплескивается вода вместе с озерной рыбой. А когда ветер стихает, вода уходит, просачиваясь в щели скалы, и жителям поселка

остается только собрать рыбу, которую наловил им КаменьРыболов.

Помимо живых чудес, славен Уссурийский край и сокровищами своих недр. Его считают третьей в России (после Урала и Забайкалья) кладовой камней-самоцветов. В горах Сихотэ-Алиня находят горный хрусталь, аметист и морион, гранаты и турмалины. А поражающие удивительными кольцевыми узорами тетюхинские скарны не встречаются больше нигде в мире, кроме здешнего Дальнегорского рудника.

Незабываемое впечатление остается от плавания на теплоходе вдоль побережья Уссурийского края. Обрывающиеся прямо в море суровые черные утесы, сложенные базальтом, сменяются уютными бухтами с льющимися в них каскадами водопадов речками, скалистые островки с птичьими базарами — лесистыми мысами с возвышающимися над зеленым массивом тайги огромными кедрами. Даже названия этих мест на карте завораживают своей поэтичностью и необычностью: бухта Зеркальная и мыс Четырех Скал, поселок Черноручье и река Светловодная, остров Аскольд и бухта Киевка, залив Находка и порт Большой Камень…

Самое теплое из наших морей — Японское — и в своих глубинах скрывает немало чудес, равных которым не сыщешь ни в Черном, ни в Азовском, ни в Каспийском морях. Недаром именно здесь, в заливе Петра Великого, был образован первый в России морской заповедник. Место для него было выбрано не случайно. Этот район отличается особым разнообразием флоры и фауны. Тут обитает больше 800 видов водорослей, не меньше 2000 морских беспозвоночных и почти 300 видов рыб.

Среди обитателей заповедника — и крошечные, в доли миллиметра, рачки, и почти полуметровые в диаметре медузы, миниатюрные диатомовые водоросли и огромные листья морской водоросли — костерии Длиной в 1,5 метра и шириной до полуметра. Рядом колышутся длинные ленты морской капусты — ламинарии и похожие на салат пластинки ульвы.

Но больше всего в заливе моллюсков. Это устрицы и мидии, морские гребешки и трепанги, осьминоги, кальмары и каракатицы. Плодовитость моллюсков поразительна. Так, одна самка мидии выметывает за год 50–70 миллионов икринок. Если учесть, что живут мидии по сто лет и больше, то, следовательно, одна самка производит на свет за свою жизнь до пяти миллиардов себе подобных!

Много на дне залива Петра Великого и морских звезд. Самая большая из них — полуметровая дистоластерия — издалека обращает на себя внимание ныряльщика-аквалангиста своей желтовато-белой на черном фоне расцветкой. Но не меньше здесь и фиолетово-красных лизастрозем, и синих с алыми пятнами патирий, и похожих на подсолнух многолучевых звезд — солнечников. Хватает на дне и губок, и похожих на бурый мох мшанок, и морских желудей. Тут же ползают морские ежи и раки-отшельники.

В зарослях морской травы-филлоспадикса пасутся травяные креветки — эти удивительные создания, меняющие пол на протяжении своей жизни. До двух лет они все поголовно принадлежат к мужскому полу, а затем превращаются в самок, выметывают икру и заботливо вынашивают ее в течение полугода на своих брюшных ножках.

Вода в заливе различается по составу и температуре. Возле устьев рек она преснее, чем у границ открытого моря, а у поверхности — заметно

теплее, чем на глубине. Поэтому здесь водятся самые разные виды рыб: вверху теплолюбивые (скумбрия, сайра, сардина, анчоус, иваси), а ближе к дну — холодноводные, арктические виды (треска, навага, мойва, сельдь, палтус и другие). Заплывают в залив и экзотические пришельцы: рыба-меч, парусник, летучие рыбы и даже грозная акула — рыба-молот.

Морских млекопитающих в заповеднике не так много. Веселыми стайками проносятся по акватории залива дельфины, отдыхают на прибрежных островках неуклюжие тюлени-ларда, порой салютуют фонтанами небольшие здешние киты — малые полосатики. Изредка можно увидеть в заливе также котиков и сивучей.

А на морских островах — царство птиц. На птичьих базарах заповедника обитают до 50 000 пернатых: кайр, бакланов, чистиков, гагар и тупиков. Но больше всего чернохвостых чаек — почти сорок тысяч! Живут на островах также цапли, кулики, белоплечие орланы и орланыбелохвосты.

Правда, невероятное изобилие морской живности в заливе Петра Великого имеет и свои минусы. Порой пляжи во Владивостоке приходится закрывать из-за нашествия ядовитых медуз, которые миллионами подходят к берегам, так что вода напоминает густой кисель. Но это случается не так уж часто.

На ближайшем к Владивостоку острове Попова, где находится усадьба заповедника, устроен музей морской природы.

Покинув музей и возвращаясь на катере в Золотой Рог — городскую бухту Владивостока, невольно задумываешься — что же поражает больше: уникальный мир суши Уссурийского края или богатство и разнообразие подводного царства у берегов Японского моря. Но, независимо от ответа на этот вопрос, каждый, побывавший здесь, мечтает вернуться сюда снова.

Плато Путорана

(Восточная Сибирь)

Есть на севере Сибири красивейший, необычный, суровый и безлюдный край с чуточку таинственным и музыкально звучащим названием Путорана. Журналисты сравнивают его с "затерянным миром" Конан Доила, а туристы именуют "краем десяти тысяч озер и тысячи водопадов".

Странен и своеобразен облик путоранских гор, озер и ущелий, многочисленны и разнолики белопенные каскады на ручьях и речках, падающих стометровыми скачками с черных базальтовых обрывов, удивителен животный мир этой сказочной страны и до сих пор не все понятно в ее геологической истории.

Добраться до плато Путорана совсем не просто и в наш моторизованный век. Ведь южной границей его служит Северный полярный круг, а с севера оно крутым восьмисотметровым уступом обрывается к болотистым тундрам Таймыра. Даже на карте Сибири это "плато на плато" обнаружить нелегко. Сначала нужно найти крупное светло-коричневое пятно к северу от Байкала — Средне-Сибирское плоскогорье.

Почти четверть России занимает эта самая большая в мире возвышенная равнина. Словно гигантская плоская крыша, покрывает она огРомное пространство между Леной, Енисеем и Таймыром, располагаясь в среднем на высоте 500–700 метров. Но северо-западный угол этой «крыши» могучие подземные силы подбросили еще на километр вверх. Так

образовалось плато Путорана.

Обширная территория этого северного края занимает площадь побольше, чем Белоруссия или Румыния, но на всем его пространстве есть лишь одно постоянное поселение — метеостанция на озере Агата с «экипажем» из восьми человек.

Поверхность плато покрыта "слоеным пирогом", образованным многочисленными лавовыми излияниями. В некоторых местах насчитывается больше двадцати пластов базальтовых лав, налегающих друг на друга. Геологи называют эти образования "сибирскими траппами". Они встречаются по всему Средне-Сибирскому плоскогорью, но Путорана — единственный крупный участок, целиком сложенный базальтами. Это второе в мире по величине трапповое плато после плато Декан в Индии.

Из-за того, что реки и озера Путорана глубоко, на многие сотни метров, врезаны в поверхность плато, снизу создается ощущение, что путешествуешь по настоящей горной стране, только горы эти — с плоскими вершинами. На первый взгляд путоранские озера кажутся похожими на скандинавские фьорды: те же черные вертикальные стены, те же извилистые очертания узких расщелин, уходящих далеко, порой на сотню километров в глубь скалистых массивов, такое же обилие водопадов по берегам…

Но на самом деле это абсолютно разные по происхождению районы. В Норвегии морское побережье опускается, и море затопляет пропиленные ледником долины. А в Путоране идет постоянный процесс поднятия гор, а реки врезаются в них, углубляя разбивающие плато тектонические разломы. Заполярное плато сейчас поднимается примерно на сантиметр в год, и процесс углубления долин продолжается.

Озера Лама, Кутарамакан, Хантайское, Кета, Накомякен — длинные и узкие водоемы, поскольку заполняют трещины, расколовшие плато. По этой же причине они и очень глубокие, до трехсот-четырехсот метров. А Хантайское озеро (ставшее, правда, теперь водохранилищем после постройки ГЭС на реке Хантайке) имеет глубину четыреста двадцать метров и входит вместе с Байкалом и Телецким озером в тройку самых глубоких озер России.

Водопадов на вулканическом плато больше, чем в любом другом регионе нашей планеты. Каждый из десятков лавовых пластов, слагающих горные массивы, образует своеобразную ступеньку в крутой долине потока, сбегающего со снежной вершины плато. А потоков этих в любое озеро обрушивается по десятку и больше. И почти на каждом ручье или речке — минимум два-три водопада.

Здесь, в бассейне реки Хабарба, находится один из высочайших водопадов России, пролетающий с черной базальтовой плотины сто три метра одним огромным скачком. А чуть южнее, на реке Курейка, расположен, наверное, самый мощный водопад нашей страны.

Зимой водопады Путорана замерзают, превращаясь в красивейшие белоснежные или голубоватые занавесы из многометровых сосулек. Эти ледяные дворцы высотой иногда с 15-этажный дом, тают лишь к середине лета.

На вершинах плато снег лежит и в августе, он питает многочисленные горные реки и ручьи, а кое-где на западных склонах,

уплотняясь, образует небольшие ледники, которых насчитывается здесь около двух десятков. Порой на реках возникают гигантские наледи, не тающие до следующей зимы. По этим своеобразным ледяным «мостам» можно свободно переходить реки в течение всего лета.

По плоской поверхности плато Путорана, в отличие от болотистых озерных долин, ходить очень удобно. Впечатление такое, будто идешь по Красной площади. Правда, брусчатка под ногами не квадратная, а шестиугольная, да и размером она побольше, примерно метр впоперечнике.

Выходы базальтов часто образуют шестигранные столбы, и сформированные из них покровы в верхних частях склонов выглядят, как эффектные граненые стены, возведенные великанами. Схожие базальтовые колонны встречаются и в Армении, и на Курилах, но только в Путоране можно шагать целые километры по сложенным естественной брусчаткой плоскогорьям.

Растительность Путорана не радует глаз путешественника. Редкие лиственницы, растущие у подножья гор, поднимаются по склонам не выше семисот метровров, а на севере плато деревьев не встретишь и на трехсотметровой высоте. Выше растет лишь ольховый стланник, а начиная с девятисот метров повсюду царствует каменистая горная тундра. Поскольку путоранская зима длится от семи до девяти месяцев, растениям живется трудно и размеры их невелики. Даже трехсотлетняя лиственница на севере Путорана имеет в толщину десять сантиметров, не больше.

Мир животных здесь тоже небогат. Эффектное сравнение этих плоских столовых гор с "затерянным миром", основанное на внешнем сходстве с плосковершинными южноамериканскими горами, описанными в романе Конан Доила, не более чем журналистский прием. Никаких древних ящеров, которыми воображение английского фантаста населило загадочное плато в дебрях Венесуэлы, на Путоране, конечно, нет.

Но зато в горной тундре обитают снежные бараны-толстороги — редчайшие животные, которых в России, кроме Путораны, можно встретить еще только… на хребтах Камчатки. Мелкие путоранские рыбки-бычки тоже по-своему уникальны. Их ближайшие родственники проживают за три тысячи километров отсюда — в Байкале. Есть тут и редкие птицы: белокрылый кречет, подкаменный глухарь. А в нижнем поясе гор иногда неожиданно встречаются типично южные растения, вроде золотистого рододендрона.

Конечно, решиться отправиться в этот суровый край могут только бывалые путешественники. Да и им придется здесь нелегко. На озерах, лежащих в глубоких каньонах, их встретят шквальные ветры. А подняться по крутому распадку на плато, форсируя бесчисленные ступени водопадов, порой по силам лишь опытным скалолазам. Кстати, в северной части Путорана, лежащей ближе к Норильску — единственному пункту, связанному авиарейсами с центром, — лед на озерах тает только к началу августа, а в конце его по краям водоемов уже вновь образуются ледяные забереги.

Но заполярное плато настолько удивительно и прекрасно, что ни холод, ни комары, ни крутые склоны и порожистые реки не останавливают искателей приключений, каждое лето приезжающих в этот дикий суровый край.

Озеро Байкал

(Восточная Сибирь)

Нет в мире другого столь прославленного озера, как Байкал. Он неповторим и сказочен, а все другие российские озера кажутся перед ним маленькими и мелкими. Громадная величина и глубина этого озера, удивительная чистота и прозрачность его изумрудно-зеленоватых вод, суровая красота берегов производят неизгладимое впечатление. И если попросить бывалых путешественников назвать три самых прекрасных уголка России, то все они обязательно назовут среди прочих озеро Байкал.

"Океан-морем большим" называли бескрайнее озеро впервые увидевшие его русские казаки-землепроходцы XVII века. Впрочем, казачий пятидесятник Курбат Иванов, приведший свой отряд к байкальским берегам в 1643 году, не был первооткрывателем Байкала в полном смысле слова. До прихода русских здесь уже много веков жили разные народы. И все они давали огромному водоему величественные имена. Монголы, например, называли его Далайнор — "Великое озеро", а эвенки — Лама, что значит «море». Да и сейчас жители прибрежных поселков, говоря о Байкале, именуют его обычно морем. И немудрено: длина гигантского водоема — шестьсот сорок километров (чуть меньше, чем от Москвы до Петербурга), а ширина в средней части достигает восьмидесяти километров!

Глубже Байкала нет озер на материках нашей планеты: 1637 метров намерил эхолот к востоку от острова Ольхон. Дно Байкальской впадины находится на 1200 метров ниже уровня океана — это самое низкое место на всей суше земного шара. Котловина озера вмещает пятую часть всей пресной воды на Земле. Чтобы вынести ее в море, всем рекам планеты пришлось бы трудиться восемь месяцев! По объему воды Байкал почти в сто раз превосходит Азовское море и в тридцать раз — Аральское.

Отличительной чертой Байкала является его почтенный возраст. Большинство озер Земли, даже таких крупных, как Ладожское, ИссыкКуль, Верхнее или Виктория, существуют лишь несколько тысячелетий, а Байкалу — около тридцати-сорока миллионов лет! Понятно, что за столь долгое время в нем появился и развился богатейший и своеобразнейший животный мир, поражающий ученых, да и не только их. Сейчас известно 1200 видов животных, обитающих в Байкале. И три четверти из них не встречаются больше нигде в мире! Здесь живет, в частности, особый вид тюленя — байкальская нерпа. Как попал типичный обитатель морей — тюлень — в пресное озеро, да еще расположенное в четырех тысячах километров от ближайшего моря, для науки пока загадка. Не меньшая загадка для ученых — уникальная рыбка голомянка, живущая в Байкале. Лишенная чешуи, большеротая и настолько прозрачная, что видно внутренности, она, подобно некоторым тропическим рыбам, не мечет икру, а рождает живых мальков. В пресных водах Байкала (и только в них) живет несколько видов бычков — родственников всем известных обитателей Черного и Азовского морей. Уникальная и тоже чисто байкальская рыба — знаменитый омуль. Трудно найти в рыбной гастрономии блюдо вкуснее, чем свежезасоленный, таюший во рту байкальский омуль.

А уж о необычных и также характерных лишь для Байкала рачкахбокоплавах, моллюсках, губках и так далее не стоит даже упоминать, иначе наш рассказ рискует превратиться в лекцию по зоологии. Достаточно сказать, что ученым пришлось выделить на карте мира особую Байкальскую зоогеографическую область.

Поразительно красивы берега Байкала, гористые, лесистые, повсюду оживляемые неглубокими, плавно закругленными заливами и эффектными высокими скалами-останцами на мысах. Западный берег круто обрывается в воду. Покрытые темной зеленью тайги склоны Байкальского и Приморского хребтов подступают к самому озеру, отражаясь в нем как в зеркале. Лишь у подножья скал остается узкая полоска пляжа, прерываемая уходящими прямо в озеро утесами-мысами. Во многие уединенные бухточки здесь можно забраться лишь по единственному крутому спуску, а то и вовсе по веревке. Зато уж уединение и полное слияние с природой гарантировано, в таких местах нередко проводят отпуск добровольные "робинзоны".

А восточное побережье озера — отлогое, приветливое. Горы Баргузинского хребта отходят далеко от Байкала, оставляя место для прибрежных лугов и солнечных урочищ в местах впадения веселых говорливых горных речек. Наконец, южная часть озера, окаймленная пологими сопками хребта Хамар-Дабан, — самая освоенная и обжитая. Здесь проходит кругобайкальская железная дорога, здесь расположены рудники, леспромхозы и печально известный бумажный комбинат, загрязняющий бесценную байкальскую воду, здесь находится большинство турбаз и других мест отдыха.

Но большая часть байкальского побережья — пока еще почти нетронутый мир сибирской природы. Вся северная половина озера, начиная от острова Ольхон, малонаселена. Дорог здесь практически нет, селения встречаются через двадцать-тридцать, а то и пятьдесят километров. Тем большее наслаждение получает путешественник, оказавшись один на один с тайгой, горами и "его величеством Байкалом".

Огромное озеро заметно влияет на окружающую местность. Летом здесь на пять-шесть градусов прохладнее, а зимой — градусов на десять теплее, чем вдали от Байкала, например в Иркутске. Поэтому озеро покрывается льдом лишь в конце декабря, а единственная вытекающая из него река — быстрая и широкая Ангара на протяжении первых тридцати километров вообще не замерзает. Да и ниже она надевает ледяную шубу не так, как большинство других рек, то есть с поверхности. На Ангаре сначала образуется так называемый донный лед, который потом всплывает наверх и закрывает реку.

Лето на Байкале жаркое, но из-за сильных ветров вода в нем постоянно перемешивается, и верхние слои ее не успевают прогреваться. Поэтому даже в июле температура воды в озере — десять градусов, и купа>ются в нем только закаленные люди.

Интересно, что всех основных географических элементов на Байкале по одному: один большой остров — Ольхон, один архипелаг — Ушкачьи острова, один полуостров — Святой Нос, один большой залив — Чивыркуйский, один пролив — Малое море, и, наконец, один крупный приток — река Селенга, несущая в озеро столько же воды, сколько все

остальные реки, впадающие в Байкал, — а их более двухсот. Об Ангаре, тоже единственной и неповторимой, уже говорилось выше.

Трудно сказать, что интереснее для путешественника — само озеро и его обитатели или такие разнообразные и полные неожиданностей байкальские берега.

Широкая гладь озера, сливающаяся вдали с небом, при тихой погоде изумляет своей красотой. Когда нет ветра, можно, находясь на берегу, часами любоваться сквозь изумительно прозрачную байкальскую воду его растительным и животным миром. На дне озера раскинулись густые скопления зеленых и бурых водорослей, в которых можно увидеть рыб самых различных видов. Вот появилась стайка бычков с угловатыми головами и выпученными глазами. Своими широкими плавниками, несоразмерно большими по сравнению с телом, бычки немного напоминают бабочек. Вслед за ними быстро проносятся несколько больших омулей. Может быть, их спугнул крупный белоносый сиг или огромный жирный осетр, притаившийся в чаще водорослей.

С соседней скалы взлетели к небу белые чайки. Но, заметив поживу в прозрачной воде озера, они сразу же с криком метнулись вниз.

Рассказывать о берегах Байкала можно бесконечно. На его двухтысячекилометровой береговой линии и прибрежных островах столько удивительных мест, причудливых скал, диких ущелий, шумных водопадов, целебных источников и уютных бухт, что им можно было бы посвятить отдельную книгу.

Главный поток туристов направляется обычно в один из самых живописных уголков Байкала — бухту Песчаную. Расположенная сравнительно близко от истока Ангары на западном берегу озера, она пользуется такой популярностью, что сюда даже ходит специальный теплоход из Иркутска (в любой другой порт на побережье вас доставит только единственный «всепогодный» транспорт Байкала — "однотрубный гигант" «Комсомолец», старенький теплоход-ветеран, плавающий по озеру уже больше полувека).

На берегу бухты Песчаной белеют домики небольшой турбазы. Те, кому по душе комфорт, оседают здесь, а любители дикой природы уходят по берегу в соседние бухты, где нет никаких следов цивилизации.

Теплый песок роскошных пляжей в бухтах позволяет быстро согреться после знакомства с бодрящей байкальской водой, а покорение фантастических скальных сооружений на Большом и Малом Колокольном прибрежных мысах приятно разнообразит досуг попавших сюда туристов.

По красоте своих скал окрестности Песчаной не уступят знаменитому крымскому Карадагу или побережью Японского моря. Эффектные чертания каменистых мысов и обрывистых берегов вообще характерны для западных берегов озера. Недаром Чехов, побывавший на Байкале по пути с Сахалина, сравнивал побережье возле села Лиственичное, что у самого истока Ангары, с крымской Ялтой.

Интересны здесь и так называемые ходульные деревья, не встречающиеся в других местах Байкала. Ветер выдувает песок у основания растущих по краю пляжа корявых сосен, и они забираются корнями все глубже пытаясь устоять под напором осенних штормов. В результате у берега появляются странные растения, причудливо изогнутые

ветром и возвышающиеся над пляжем на полтора-два метра на корявых "ногах"-подпорках, словно какие-то марсианские пауки.

Другая жемчужина Байкала — остров Ольхон — своим суровым обликом резко отличается от чарующей мягкими очертаниями берегов и яркими, сочными красками пейзажа бухты Песчаной. Этот большой, высокий и гористый остров длиной больше семидесяти километров — фактически особая страна в окружении байкальских вод, страна несколько мрачноватая, но величественная и по-своему привлекательная. Высшая точка острова — гора Жима — имеет высоту почти тысяча триста метров над уровнем моря. Над байкальскими водами она возвышается более чем на восемьсот метров, и с ее вершины открывается великолепный вид на просторы озера, далекий, затянутый дымкой восточный берег и живописные утесы самого Ольхона.

Между островом и западным берегом Байкала расположен почти замкнутый на юге и широко открытый к северу водоем — Малое море. С южной частью озера Малое море сообщается через узкий пролив Ольхонские ворота — одно из самых опасных для судоходства мест на Байкале.

Дело в том, что огромное озеро имеет не только своеобразный животный мир, но и свой особый метеорологический режим. Ветры Байкала не такие, как в других местах. Внезапно вырываясь из узких горных ущелий, они порой приносят немало бед. У каждого ветра — свое местное название, обычно по имени реки, из долины которой он вылетает на озерный простор: баргузин, култук, верховка, лоск, сарма, шелоник, хиуз, сивер и так далее.

Самые свирепые из них — воспетый в старинной песне баргузин и бешеная сарма, бушующая осенью и зимой в Малом море, как раз напротив Ольхонских ворот. Сарма, падая с гор в узкое пространство Малого моря, достигает ураганной силы, срывает гребни волн, образует смерчи, поднимает тучи брызг, которые быстро замерзают в воздухе. Вой ветра и грохот волн бывают так сильны, что заглушают звук выстрела.

Величественную и грозную красоту этих бурь может, наверное, передать только кисть художника или симфоническая музыка. Воды Байяла кипят злобно и яростно: порой кажется, что верхушки волн достияют черных, низких туч. Скалы содрогаются от ударов волн и издают глухой зловещий гул. Горе буксиру или рыбацкому сейнеру, оказавшемуся в такое время в проливе. Только "однотрубный гигант" «Комсомолец» единственный на всем байкальском флоте, решается проходить Малым морем, когда дует сарма.

Осенью 1902 года пароход "Александр Невский", буксировавший три баржи с рыбаками, попал в сарму и, не в силах справиться с ветром всей мощью своих машин, обрубил буксиры, после чего с трудом добпался до порта, получив сильные повреждения. Одна баржа была выброшена ветром на песчаный берег, и люди на ней спаслись, а две другие разбились о камни. Те из рыбаков, кто сумели выбраться на берег, сильно обледенели и умерли от переохлаждения.

И все же Ольхон, несмотря на капризы погоды, одно из самых живописных мест на Байкале. Своеобразный вид его маломорских берегов, как бы подпиленных прибоем, эффектные скалистые мысы со множеством

пещер, потрясающие виды с этих мысов на восток, где до горизонта синеют байкальские просторы, и на запад, где лесистые горы подступают к песчаным пляжам Малого моря, — все это делает Ольхон необычайно притягательным для путешественников.

На восточном побережье самым интересным и разноликим уголком считается полуостров Святой Нос. Здесь тоже немало живописных гористых мысов и уютных бухт, а неподалеку находится уединенный архипелаг Ушканьих островов, любой из которых — просто мечта Робинзона. Но особенно привлекает путешественников расположенный к северу от полуострова Чивыркуйский залив, не по-байкальски мелкий и теплый. В любой из его многочисленных бухт, например, в удивительной по красоте бухте Змеиной, можно жить месяц и два и каждый день подпитываться все новыми впечатлениями. Рыбалка, купанье, походы по горам и мысам Святого Носа, за ягодами и грибами, да и просто вечерние раздумья у озера, сидя на выброшенном волнами могучем стволе сосны и созерцая озерную гладь с летящими над ней чайками и белой грядой облаков над горами — все это отложится в тайниках души нетускнеющим ощущением какого-то спокойного солнечного счастья, подобного которому не испытаешь ни в одном другом краю Земли…

Одно из мест на побережье полуострова особенно загадочно и интересно. Это — участок так называемых "поющих песков". Такие пески, встречающиеся на нашей планете лишь в немногих местах, образуют здесь целый пляж, шириной в семь-десять метров. Песок на нем мелко-зернистый, серовато-желтый, великолепно отсортированный.

При ходьбе по верхней обсохшей части пляжа песок издает громкий скрип, весьма похожий на скрип кожаной обуви. Если по ходу загребать песок ногами, скрип усиливается и переходит в отрывистое завывание. песок скрипит и воет также и при разгребании его палкой или рукой. Если же на песок давить ногой вертикально или ударять чем-нибудь сверху вниз, то вместо скрипа слышен только слабый хруст, похожий на то, как хрустит при размешивании сухой крахмал.

Очевидно, что «пение» песка зависит от размеров и формы песчцнок, их влажности, шероховатости и других свойств, но до конца тайна возникновения "поющих песков" так пока наукой и не разгадана.

Есть в России природные уголки, которые покоряют сразу и навсегда. И не нужно быть зоологом, геологом или озероведом, чтобы поверить в уникальность Байкала. Достаточно просто уметь видеть и сравнивать, и тогда любой путешественник, хотя бы раз побывавший на "славном море", наверняка оценит справедливость и точность старинной пословицы: "Кто Байкала не видал — тот Сибири не знавал…"

Река Енисей

(Восточная Сибирь)

"…Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость".

Так писал о великой сибирской реке Антон Павлович Чехов, увидевший Енисей, остановившись в Красноярске в 1890 году по пути на остров Сахалин.

Пожалуй, нет на Земле реки, берега которой настолько разнообразны! Здесь и заснеженные хребты Саян, и степи Минусинской котловины, и бескрайние туруханские болота, и лесистые сопки Енисейского кряжа, причудливые скалы Красноярских Столбов и черные базальтовые утесы заполярного плато Путорана, таймырская тундра и сосновые боры Приангарья…,А как красивы и непохожи друг на друга притоки Енисея! Каждый из них запоминается чем-то особенным, присущим только ему: спокойная неторопливая Нижняя Тунгуска и бешеный Большой Пит, таежная красавица Мана и сумрачный болотистый Кае, могучая Ангара и порожистая быстрая Хамсара — у каждой реки свой облик и свой норов.

Енисей — самая многоводная река России. Шестьсот кубических километров воды в год выносит он в Карское море. Это в три раза больше, чем сток Волги, и больше, чем выносят в моря все реки Европейской России. Однажды в Енисей заплыл кит. Он поднимался вверх по реке, время от времени пуская фонтаны. Так проплыл морской гигант четыреста километров от Карского моря и наверняка поднялся бы еще выше, но бедняге не повезло: неудачно нырнув, он распорол себе брюхо об острые камни. Так что не случайно Енисей зовут братом океана — такой он длинный и могучий, стремительный и бурный. В низовьях этой великой сибирской реки берега видны с борта теплохода только в бинокль, и то с трудом.

Протекая почти строго по меридиану с юга на север, Енисей делит российскую территорию примерно пополам При этом бассейн его состоит из трех абсолютно разных частей. В верховьях река со всех сторон окружена горами, а в среднем и нижнем течении ее русло служит границей между низменной Западной Сибирью и Средне-Сибирским плоскогорьем.

Истоком Енисея принято считать озеро Кара-Балык в Саянских горах. Отсюда под именем Большого Енисея, или Бий-Хема (по-тувински — "Большая река"), он мчится через пороги и перекаты к Тувинской котловине. Здесь, в межгорной впадине, у города Кызыла, Бий-Хем сливается с Ка-Хемом (Малым Енисеем) и образует собственно Енисей. По-тувински его именуют Улуг-Хемом — Великой рекой. Такое уважительное отношение к могучему потоку свойственно всем народам, живущим на его берегах. Эвенки, например, именовали его Иоанесси ("Большая вода"). У пришедших из-за Урала русских казаков это название слегка видоизменилось и стало звучать как Енисей. В таком виде оно и закрепилось в русском языке и на картах.

Кызыл, между прочим, находится точно посредине азиатской части материка Евразии. Здесь установлен обелиск с надписью: "Центр Азии". В Тувинской котловине, вырвавшись ненадолго из гор, Енисей временно успокаивается и разбивается на множество рукавов Это место реки называют поэтому "Сорок Енисеев".

На выходе из котловины мощная река полукилометровой ширины вынуждена вновь пробиваться через Саяны. Недаром тувинцы называли эту впадину Хан-хо-Хан ("Большой мешок с маленькой дыркой"). Высокий скалистый хребет Западного Саяна оставляет Енисею лишь одну узкую щель. Раньше вся она представляла собой цепь порогов, на которых река

сужалась порой до семидесяти метров. Особенно грозным был Большой порог, расположенный в самом конце ущелья. Сейчас на выходе из гор построена двухсотметровая плотина Саянской ГЭС, и весь бурный участок верхнего Енисея стал водохранилищем.

Ниже плотины река выходит в Минусинскую котловину, где ее по обоим берегам окружают привольные абаканские степи. Русло Енисея опять ветвится, появляются острова, а впадающие слева и справа притоки все добавляют воды в широкий и глубокий поток.

Ниже города Абакана снова начинается широкая гладь водохранилища, на этот раз Красноярской ГЭС, после которого на правом берегу появляются огромные скалы причудливого облика, то выглядывающие из зеленого моря тайги, то подступающие к самому берегу. Это знаменитые Красноярские Столбы — один из интереснейших уголков Сибири. Однако этот район настолько любопытен и необычен, что заслуживает отдельного путешествия.

А плывущий на теплоходе путешественник прощается здесь с горами: ведь Столбы — это последний западный форпост Восточного Саяна. Миновав устье Кана, Енисей устремляется на север, собирая по пути воды многочисленных новых притоков и становясь поистине богатырской водной артерией. Причем основную долю в ее «снабжение» вносят правые притоки. Из почти ста рек, впадающих с востока в Енисей, шесть — больше Оки, а самая длинная — Нижняя Тунгуска — лишь чуть-чуть короче Волги.

Самый мощный из этих притоков — вытекающая из Байкала Ангара, впадая в Енисей, сразу удваивает количество воды в и без того могучем потоке, разливающемся в ширину порою на четыре километра. Но до того, как встретиться с ней, могучая река успевает с ревом и плеском прорваться через ощетинившийся камнями Казачинский порог.

От устья Ангары до впадения Подкаменной Тунгуски по правому берегу тянутся высокие лесистые утесы Енисейского кряжа. В нескольких местах его скалы стесняют реку, образуя новые пороги. Особенно опасным считался у капитанов Осиновский порог, последний барьер на долгом пути Енисея к морю. Вот описание, сделанное очевидцем, прошедшим на буксире с караваном барж через этот порог в начале XX века:

"Вот и ущелье в Енисейском кряже. Нам видны громадные водовороты, из которых вдруг выбрасываются фонтаны воды, тут же рассыпающиеся брызгами. С вершин береговых скал летят вниз водопады. Коегде под ними видны полоски льда, не успевшего растаять. Издалека кажется, что водопад замерз на лету. В ущелье мрачно, сыро и холодно. Всей своей мощью уже давно отвыкший от препятствий Енисей грудью бросается на правый берег, бьет в него, резко поворачивает и мчится к левому. Тут на его пути высится скалистый островок. Вместе со струями воды наш караван несется прямо на него.

Страшное мгновение! Мы летим прямо на каменную твердь и, кажется, неминуемо разобьемся вдребезги! Но — чуть заметный поворот руля — и караван проносится совсем рядом с островком…"

В наши дни самые опасные скалы в русле взорваны, и теплоходы беспрепятственно проходят через теснину порога.

На левом берегу остается позади самый древний город на реке — Енисейск, основанный почти четыре века назад. А справа, из-под

золотоносных сопок Енисейского кряжа, сбегает к Енисею Большой Пит. По нему когда-то лежал путь к золотым приискам. Нелегким было плавание по этой речке, в половодье поднимавшейся на десять метров и не случайно прозванной "бешеной".

А чуть ниже с левого берега впадает в Енисей неприметная и тихая речка Кас. В ее верховьях двести лет назад был построен Обь-Енисейский канал, соединявший ее с рекой Кеть — правым притоком Оби. Немало послужил этот водный путь России, потеряв свое значение лишь в XX веке, после постройки Транссибирской железной дороги.

Енисей же, прорвавшись через Осиновский порог, окончательно успокаивается и неторопливо бежит к океану, принимая все новые притоки. После впадения Подкаменной и Нижней Тунгусок ширина реки составляет в среднем пять километров, а местами — пятнадцать! Глубина Енисея здесь достигает пятнадцати метров, и морские корабли поднимаются по нему до Игарки, расположенной почти в семистах километрах от моря.

Игарка — лесной порт, и все в ней пропитано запахом свежераспиленных сосновых досок, опилок и смолы. Дома Игарки преимущественно деревянные, и даже тротуары сделаны из досок. Кстати, именно Игарка вдохновила геолога и поэта Городницкого на одну из лучших его песен, памятную всем строчками: "А я иду по деревянным городам, где мостовые скрипят, как половицы…"

Громадность и бескрайняя ширь Енисея на этом участке не просто потрясает, а как-то даже не укладывается в сознании. Путешественник, плывущий на теплоходе, поглядев с палубы на берег, еле видный вдалеке, восхищенно думает, что такой широкой реки он еще не видел в жизни. Но, перейдя на противоположный борт, он с изумлением обнаруживает, что и там до берега такое же расстояние. А в низовьях, после Дудинки, берега порой исчезают вовсе. И немудрено: ведь ширина Енисея здесь превышает двадцать километров!

На всем протяжении от Красноярска и до самого устья Енисей, как уже говорилось, служит рубежом между Западной и Восточной Сибирью. Правый берег речники называют «каменным»: он высок и горист. А левый именуют «польским»: вдоль него тянутся поля и луга, а весной он заливается полыми водами.

На левом берегу растут заболоченные леса из пихты и ели, а на правом болот почти нет, там прочно обосновалась светло-зеленая даурская лиственница — самое северное дерево земного шара, стойко переносящее морозы и не боящееся вечной мерзлоты в почве.

Любопытно, что даже птицы на берегах Енисея разные. Дупель и серая ворона встречаются только на левом, западном берегу. Зато белая трясогузка и рыжий дрозд облюбовали правый берег.

Ниже устья Нижней Тунгуски в Енисей впадают справа еще два притока с веселыми именами Курейка и Хантайка, вытекающие из узких и глубоких, как скандинавские фьорды, озер загадочного плато Путорана. Здесь, за полярным кругом, тайга постепенно мельчает, переходя в лесотундру, и возле Дудинки окончательно сменяется покрытой сизым лишайником таймырской тундрой. Отсюда, из Дудинки, проложена в Норильск, к медно-никелевым кладам Таймыра, самая северная в мире

железная дорога.

За Дудинкой все меряют уже морскими мерами. На вопрос, какое здесь расстояние от берега до берега, капитан отвечает рассеяно: "Около двадцати миль". Даже не раз бывавший тут путешественник не сможет определить, где огромный поток вливается в воды Енисейского залива — такая бескрайняя ширь окружает судно, и только попробовав на вкус воду из-за борта, понимаешь, где находишься — в море или на реке.

Серебристо-белые спины белух мелькают в свинцовой воде. Зарываясь носами в волну, качается флотилия рыбацких ботов. Северные олени пасутся на берегах, и прибой упрямо крушит береговые обрывы, в которых не раз находили замерзшие туши мамонтов.

Если небо хмурится — залив угрюм. Но как чудесна игра чистых, незамутненных красок в ясный солнечный день: блестки нестаявшего снега, ржаво-красные обрывы, синева неба, белизна облаков и сероголубые переливы оттенков на воде…

Но до океана по-прежнему далеко. Миновав последнюю пристань на Енисее, Усть-Порт, теплоход еще почти двое суток плывет по Енисейскому заливу — фактически древнему руслу Енисея, затопленному при подъеме уровня океана. И только на крохотном острове Диксон, в пятистах километрах от Усть-Порта, наконец, встречаются речники с моряками. Здесь проходит Северный морской путь, сюда заходят могучие атомные ледоколы, рядом с которыми трехпалубный теплоход кажется скорлупкой.

Ледоколам хватает работы и на Енисее: ведь уже с середины октября низовья реки покрываются льдом. Медленно, но уверенно двигается ледяная кромка вверх по реке — на юг, пока к середине ноября лед не укроет всю реку. Лишь у Красноярска, ниже плотины ГЭС, всю зиму сохраняется незамерзающая стокилометровая полынья. Полгода, а на севере и больше, спит Енисей под прочной белой броней. А в начале мая река начинает освобождаться от ледяного плена. Ледоход на Енисее — грандиозное зрелище. Целый месяц требуется реке, чтобы сбросить ледяной панцирь на всем протяжении. Иногда на крутых извивах лед застревает и образуются мощные заторы. Словно плотины, они сдерживают течение, и река выходит из берегов. Не раз из-за этого случались страшные трагедии.

В 1909 году прорвавшая затор водяная лавина обрушилась на пристань Стрелка у впадения Ангары в Енисей. При этом было смято и изуродовано льдами множество судов, зимовавших в устье Ангары. В 1941 году затор образовался в пятнадцати километрах ниже Красноярска. Льды закрыли путь воде, и она стала подниматься. За сутки уровень реки поднялся на шесть с половиной метров! Вода ринулась на город, заливая улицы, врываясь в дома, затопляя подвалы. Пять суток боролись горожане со стихией.

Памятен затор, случившийся в 1945 году у Кызыла. К весне толщина льда у берегов достигала трех метров. Сильно суженное толстым льдом русло во время ледохода стало забиваться напирающими льдинами; возник затор, который продержался шестьдесят часов. Прибывающая вода вышла из берегов и, обогнув город, вошла в русло ниже Кызыла. Город оказался отрезан водой от остального мира, а окраины его были затоплены.

Бывают наводнения на Енисее и летом, когда идут сильные дожди. В 1800 и 1937 годах периоды высокой воды на Енисее и на Ангаре совпали по времени. Соединившись вместе, два половодья образовали ниже Стрелки высокую мощную волну. Енисейск был затоплен. По его улицам плавали катера и пароходы. Доставалось от наводнений и другим городам: Минусинску, Красноярску, Игарке. Только за XIX век на Енисее было пятнадцать больших наводнений.

Вынося из своего бассейна огромную массу относительно теплой пресной воды, Енисей опресняет и обогревает прилегающую часть Карского моря. Журналисты подсчитали, что енисейского тепла хватило бы, чтобы растопить «кубик» льда длиной, шириной и высотой в четыре километра!

Енисей, конечно, не только живописный водный поток. Он работает в турбинах ГЭС, поит города и даже растапливает океанские льды. Не зря его называют "главной голубой дорогой Сибири". Белоснежные лайнеры, носящие почему-то все как один имена композиторов, плывут от Красноярских Столбов до Карского моря целую неделю.

И тем, кто решили совершить путешествие по этому маршруту, длиной две с половиной тысячи километров, впечатлений хватит на всю оставшуюся жизнь. Таково обаяние этой самой большой и красивой российской реки, пересекающей с юга на север половину величайшего континента Земли.

Красноярские Столбы

(Восточная Сибирь)

На правом берегу могучего Енисея, почти напротив Красноярска, расположился самый, наверное, необычный район Сибири, с давних пор привлекавший внимание людей.

В книгах его называли "Страной причудливых скал", "Краем каменных великанов" и другими поэтичными именами. А географы нанесли на свои карты название, данное удивительным скалам местными жителями — Красноярские Столбы.

Восторженно отзывался о здешних местах уроженец Красноярска, великий русский художник Суриков. "Видел я Альпы швейцарские и итальянские, но нигде не видел такой красоты, как эта…" — писал он.

А за полвека до Сурикова, в 1823 году, исследователь Сибири Прохор Селезнев так описывал Столбы: *"Зело превелики и пречудесны сотворены скалы. А находятся они в отдаленной пустыне верст за пятнадцать, а может, и за двадцать. Только попасть туда трудно, конныйне проедет, пеший не пройдет, да и зверья дикого немало. Разно рассказывают о них. Пожалуй, правду говорят, что в других землях не увидать такого. И залезти на сии скалы никто не сможет и какие они неизвестно".*

В то далекое время, два века назад, населявшие долину Енисея хакасы и аборигены Саянских гор — тофалары поклонялись необычным скалам, считая их земным воплощением богов. Они приносили жертвы суровым каменным великанам, охраняющим тайгу и ее сокровища, надеясь, что их помощь принесет удачу на предстоящей охоте.

Да и как было не поверить в божественную природу Столбов, если очертания их действительно напоминают то фигуры или головы людей ("Дед", «Бабушка», "Внучка"," "Прадед"), то зверей или птиц ("Большой

Беркут", "Малый Беркут", «Воробушки», "Верблюд", «Кабарга», "Бегемот"). Иные скалы своими фантастическими формами вызывают совершенно неожиданные ассоциации. Одна из них, "Китайская Стена", напоминает, например, древнее укрепление, другая, "Львиные Ворота", очень похожа на циклопические Львиные Ворота в древних Микенах. А скалы «Перья» похожи на воткнувшееся в землю крыло гигантской птицы…

Долгое время ученые не подозревали о существовании этого замечательного памятника природы. Только в 1842 году его изучил и описал знаменитый геолог, исследователь Саян, Алтая, Апеннин и турецких гор А. П. Чихачев.

Как же образовались эти удивительные природные «скульптуры»? Над их созданием сначала потрудились титанические силы огненных недр Земли. В девонском периоде, четыреста миллионов лет назад, расплавленная магма рвалась здесь из глубины, но не смогла вырваться на поверхность и застыла в трещинах и пустотах осадочных горных пород, залегавших на поверхности. Потом за дело взялись солнце, ветер и вода, постепенно разрушившие известняки, сланцы и песчаники, вмещавшие магматическую породу.

И тогда эта порода — розовый сиенит, заполнявшая самые разные по форме полости в осадочном чехле, оказалась снаружи. С прочными боками сиенитовых скал разрушительные поверхностные силы не справились, оставив их торчать в виде причудливых каменных "столбов".

Чихачев разобрался в природе Красноярских Столбов и уехал работать в Турцию, а десять лет спустя произошло событие, во многом определившее дальнейшую судьбу уникальных скал и окружающей их тайги.

В 1851 году кто-то из неутомимых и любознательных молодых красноярцев сумел первым взобраться на одну из удивительных скал — "Первый Столб". У смелого юноши нашлись последователи, и вскоре был покорен "Второй Столб", за ним «Дед», "Перья", "Малый Беркут" и другие скалы. Скалолазание на Столбах скоро стало любимым досугом городской молодежи. Но, покоряя неприступные скалы (причем без всякого альпинистского снаряжения и страховки) «столбисты», как они себя называли, одновременно установили неписаные правила, позволявшие сохранить природу в районе Красноярских Столбов. Можно сказать, что здесь стихийно возник добровольный заповедный режим. Поэтому, когда в 1925 году на правом берегу Енисея был организован государственный заповедник, ему оставалось только продолжать и развивать уже заложенные и десятилетиями сохраняемые традиции.

Сейчас почти пятьсот квадратных километров горной тайги между притоками Енисея Маной и Базаихой находятся под защитой закона. Здесь, среди темнохвойной пихтовой тайги, водится редкий сибирский олешек — кабарга, самый маленький копытный зверь в России. Ростом он меньше метра, а весит всего пятнадцать килограммов.

Кабарга любит пастись в местах, где есть крутые скалы, крупные камни или обрывы. В случае нападения хищника она запрыгивает на недоступный для врага высокий скальный выступ и «отстаивается» там, пока враг не уйдет. Рогов у кабарги нет, зато у самцов изо рта торчат длинные десятисантиметровые клыки, придавая их мордочкам совершенно

нетипичное для оленей свирепое выражение.

Кроме них в заповеднике живут благородные олени-маралы, косули и лоси. Много здесь и хищников: медведей, волков, рысей и росомах. Из мелких хищных зверей попадаются соболи, горностаи, лисы и выдры. Так что у населяющих тайгу зайцев, белок, колонков и пищух врагов тоже хватает.

У подножья таежных хребтов на смену пихтам приходят светлохвойные деревья: сосна и лиственница. Они растут по всей территории, занятой скальными останцами.

Немало в заповеднике и редких птиц, таких как мухоловка-мугимаки, глухая кукушка, синий соловей. Водится здесь и соловей-красношейка — один из лучших певцов горной тайги. А в предгорьях не редкость увидеть красавицу-иволгу. Нигде в Сибири эта теплолюбивая птица не встречается так далеко на севере. Живут в здешней тайге и обычные обитатели хвойных лесов — клесты и кедровки.

Все четвероногие и пернатые таежные жители находятся под строгой охраной. Но район, ближайший к Красноярску и издавна служивший местом массового туризма и альпинизма, наделен особым статусом. Здесь размещается туристскоэкскурсионная зона. Примерно тысяча гектаров (из сорока семи тысяч общей площади) остаются в полном распоряжении «столбистов». Надо сказать, что за прошедшие со времени покорения "Первого Столба" полтора века в Красноярске сложилась блестящая школа скалолазания, из рой вышло немало замечательных альпинистов и скалолазов. Отсюда родом знаменитые братья Абалаковы, покорители труднейших вершин Памира и Тянь-Шаня, отсюда вышел не один покоритель Джомолунгмы.

Ведь природа сама устроила здесь грандиозный «тренажер» для выработки навыков покорения горных вершин: больше восьмидесяти огромных каменных «столбов» до ста метров высотой, отличающихся друг от друга не только формой и названиями, но и степенью трудности восхождения на них. Любой мальчишка, сумевший забраться хотя бы на "Первый Столб", навсегда «заболевает» скалолазанием.

И пока приехавшие издалека путешественники любуются фантастическими очертаниями причудливых скал, «столбисты» отважно штурмуют их отвесные склоны, хватаясь за едва заметные трещины и выступы на поверхности сиенитовых громад. Покоряя одну скалу за другой, молодой «столбист» со временем становится опытным скалолазом.

Всего в Столбах четыре группы скал. Ближе всего к Красноярску (в трех километрах от города) расположен район «Такмак». Здесь на крутых склонах и водоразделах живописной речки Моховой, левого притока Базаихи, амфитеатром расположены скалы «Глаголь», "Откликные", "Китайская стенка", «Воробушки», "Ермак", "Большой Такмак", "Малый Такмак" и другие.

Второй район — «Калтатский» — расположен в полутора километрах восточнее «Такмака». Тут находятся скалы «Колокольчик», "Затонувший кораблик" и еще несколько живописных утесов. Наиболее популярен у столбистов «Эстетический» район. Он расположен в тринадцати километрах от города, недалеко от научной базы заповедника. Чтобы попасть сюда, приходится преодолевать крутой подъем, получивший

у столбистов насмешливое прозвище «Пыхтун». Здесь сосредоточены все главные «Столбы»: "Дикарек", «Митра», "Дед", «Баба», "Внучка", «Перья», "Львиные ворота" и прочие. Самый высокий "Второй столб". Его высота — девяносто метров. "Первый столб" на десять метров ниже. «Эстетический» — самый многолюдный участок Столбов. Здесь, кроме красноярских скалолазов, всегда можно встретить туристов из Иркутска, Новосибирска, с Урала и из Казахстана. В лесу у подножья Столбов построено несколько избушек, и многие столбисты проводят в «Эстетическом» по нескольку дней подряд.

Реже посещают любители скалолазания самый отдаленный район "Диких столбов", где среди тайги высятся скалы «Крепость», "Манская баба", «Крепостной» и еще ряд скал, малоизвестных даже среди столбистов.

Однако, даже если оказавшийся на берегу Маны турист и не проявляет склонности к скалолазанию, красота Столбов все равно не оставит его равнодушным. И, попадая затем на Алтай и на Урал, на Кавказ или в Хибины, он нет-нет да и сравнит мысленно их горные красоты с увиденным когда-то на этих отрогах Восточного Саяна. И подумает про себя, что много есть на Земле необычных гор и скал, но таких, как Красноярские Столбы, не найти нигде на свете…

Телецкое озеро

(Алтай)

В первые осенние холода в воде Телецкого озера образуются маленькие очаги ледяных кристаллов, которые растут на глазах. Появляются тончайшие льдинки; смыкаясь краями, они звенят и шуршат. За несколько часов при морозной погоде озерная ширь затягивается тонким, как пленка, льдом. Этот первый лед алтайцы называют «карамыс». Если же наутро начнется «верховка», она ломает его начисто, мельчит в крошки, а волны громоздят на берегу голубоватый, словно из битого стекла, ледяной вал. Но достаточно суток без ветра, чтобы лед окреп, и тогда никакая волна его не берет. Он только изгибается в такт ей, иногда трескается, но уже не крошится.

Лед на Телецком озере сказочно красив. Он на диво прозрачен, так что сквозь его броню просматривается дно на глубине пять-шесть метров. К тому же он исключительно гладок. Так что местные жители каждый год получают в дар от природы такой каток, какого не имеет ни один город мира. Особенно необыкновенное зрелище бывает ночью. На льду четко отражаются горы и звезды. Скользишь на коньках, и создается впечатление, будто находишься над огромной бездонной пропастью. Даже при небольшом ветре двигаться по такому льду нелегко. Достаточно выйти на озеро, как ветер подхватывает конькобежца и стремительно мчит, куда ему вздумается, по этому идеальному катку.

К сожалению, большинство туристов видит озеро только летом. Нет слов, берега Алтын-Коля, его сверкающая водная гладь, водопадные реки и кедровые леса прекрасны и подарят путешественнику незабываемые впечатления. Но и тот, кто бывал на озере зимой, никогда не забудет этого путешествия в зачарованные ледяные чертоги Снежной Королевы.

А как красив этот таежный край в конце сентября! При устойчивой ясной погоде вода неподвижна, как зеркало. Склоны сопок в это время

года еще покрыты цветами. Пестрое покрывало гор отражается в воде, и если сделать фотографию противоположного берега, потом невозможно отличить, где берег, а где его отражение.

Русские люди впервые проникли на озеро в XVII веке, вскоре после основания Томского острога. Направленный томским воеводой казачий пятидесятник Петр Сабинский со своим отрядом вышел к Алтын-Колю в 1633 году. Он обложил данью телецкого князя Мандрара и ушел вниз по Бие обратно в Томск. В те времена здешнюю тайгу населяло алтайское племя телесы, и казак назвал озеро Телесским. Со временем это название чуть изменилось и теперь звучит как Телецкое.

Местное же наименование озера связано с алтайской легендой о золоте, которое нашли в окрестных горах смелые джигиты. Но драгоценный металл принес их племени только раздоры, обиды и горе. И тогда, чтобы золото больше не причинило никому зла, смельчаки бросили его с высокой горы Алтынту ("Золотой горы") в озеро, которое с тех пор и получило имя Алтын-Коль.

В этих краях природа поселила рядом и высокогорную тундру с бедными лишайниками, и альпийские луга, и тайгу, где летом можно заблудиться даже… в траве. Заросли трав в некоторых местах достигают высоты трех-четырех метров и могут скрыть с головой всадника верхом на лошади… А на Белинской террасе в южной части озерного побережья можно встретить даже участок настоящей ковыльной степи.

В горной тайге привольно живется и быстроногой косуле, и хлопотливой белке, и проворному бурундуку, и гордому благородному оленюмаралу. Здесь можно встретить и красавца-соболя, и хозяина тайги — медведя. Островок, у мыса Айран. На берегах Телецкого озера встречаются деревья-долгожители, возраст которых перевалил за шестьсот лет! Кедр — основа жизни для обитателей здешних лесов. Его орехами кормятся белка и соболь, кедровки, клесты, бурундуки. Да и медведь не откажется полакомиться орехами.

Удивительны, картинно живописны и невероятно разнообразны водопады на реках в бассейне Телецкого озера. Самый высокий из них — Большой Шалтан — находится в десяти километрах от побережья и низвергается со скалы в узком ущелье двумя прыжками общей высотой в двадцать метров. А самый красивый — водопад Корбу — находится на одноименной речке всего в ста метрах от ее впадения в озеро.

Этот красивейший водопад, без преувеличения, можно считать одной из главных достопримечательностей здешних мест. Двенадцатиметровая мощная струя Корбу стекает по поверхности темно-зеленой сланцевой скалы, создавая впечатление переливающегося малахитового колокола. Полукруг радуги в облаке брызг над водопадом довершает эту дивную картину. Небольшой теплоход, курсирующий по озеру, специально причаливает у устья речки Корбу, чтобы путешественники могли увидеть этот шедевр природы.

Разумеется, Телецкое озеро — еще не весь Алтай. Эта огромная горная страна, поражающая контрастами ландшафтов, бесконечно прекрасна и очаровывает путешественника разнообразием своихпейзажей.

Здесь можно увидеть и сухие, полупустынные межгорные котловины — Чуйскую и Курайскую степь, и высокие, покрытые снегами и ледниками

хребты Чуйских и Катунских Белков, очень похожие на Альпы и почти не уступающие им по высоте, и бешеный бег порожистых рек в скалистых каньонах Катуни, Чулышмана и Абакана, и редкостойную лиственичную тайгу, похожую на парк, и темные, почти черные, елово-пихтовые дебри, заваленные буреломом, и ликующее цветение альпийских лугов.

Но каждый, кто побывал на Алтае, согласится, что во всем этом многообразии природных красот есть один утолок, объединивший все краски Алтая, и одновременно непохожий ни на один его район. Это уникальное место — бездонная синяя чаша в оправе из зеленых кедровых лесов, могучих гор и звучных водопадных рек — прославленное Телецкое озеро.

Кунгурская пещера

(Урал)

В любом регионе России известно немало красивых, интересных мест, куда особенно охотно едут, идут или плывут заядлые путешественники. Но всегда есть какое-то одно самое-самое, то, что первым приходит в голову при упоминании этого края. В Карелии это водопад Кивач, на Алтае — Телецкое озеро, на Волге — Жигули, на Кавказе — Домбайская поляна… А самым удивительным чудом природы Уральских гор считается Кунгурская пещера.

Пещер у нас в стране много — и горных, и равнинных. И наша уральская красавица вроде бы не самая выдающаяся из них. В Сибири и на Кавказе, в Поволжье и Сихотэ-Алине известны подземные полости и побольше, и поглубже Кунгурской. В чем же уникальность "уральского чуда", почему вот уже два столетия не иссякает поток людей, стремящихся увидеть эту окаменевшую сказку, укрытую в недрах уральских гор?

Дело в том, что редкостное сочетание рельефа, климата и карстовых процессов привело здесь к образованию совершенно необычной по облику пещеры. Все подземные дворцы нашей планеты красивы по-своему, будь то в Пиренеях или Динарах, в Крымских горах или в Новой Зеландии. Но жемчужина Урала выделяется из общего ряда своим необычным морозным ледяным нарядом, равного которому нет ни в одной из знаменитых пещер мира.

Находится Кунгурская пещера на Среднем Урале, на правом берегу реки Сылвы, самого красивого притока реки Чусовой. Эта длинная, почти шестисоткилометровая река берет начало на восточном, азиатском склоне Урала, недалеко от Екатеринбурга. Единственная из уральских Рек, она сумела пропилить древний горный хребет и сквозь череду скалистых ущелий и каменных «ворот» прорваться на Европейскую равнину к широкой полноводной Каме.

Когда-то по Чусовой поднимались струги славной дружины Ермака, шедшего покорять Сибирь. А со времени Петра Первого, когда заводчики Демидовы положили начало уральской металлургии, стала Чусовая рекой-труженицей. В течение двух столетий это был главный транспортный путь через Урал, и миллионы пудов железа, чугуна и меди вынесла Чусовая к камским пристаням.

До появления железных дорог ежегодно до пятисот барж отправлялись с уральских заводов вниз по реке до Перми. Они перевозили за период весеннего половодья по семь миллионов пудов металла. Пятьсот

километров сплава по бурной реке караван проходил за пять-шесть дней. Десятки опасных утесов — Олений, Высокий, Разбойник и другие, сотни подводных камней, перекатов и стремнин, где скорость течения достигала тридцати километров, поджидали сплавщиков. Десятки барж разбивались каждый год на Чусовой, гибли люди и ценные грузы…

Река Сылва впадает в Чусовую слева перед самым слиянием ее с Камой, в районе города Перми. А в двухстах километрах выше устья Сылвы стоит древний городок Кунгур, основанный почти четыре века назад как крепость для отпора разбойным набегам из Сибирского ханства.

Окрестности Кунгура богаты достопримечательностями. В полсотне километров к югу от него раскинулся курорт Ключи, знаменитый своими целебными сероводородными водами. Еще в XVI веке писал о них чердынский воевода царю Ивану Грозному, как о "чуде, яко бьющем из-под земли". Чуть дальше, на горе Дубовой, находится Нижнеиргинская дубовая роща — самая северная на Урале, да и во всей России. Посредине рощу разрезает Юлайкин лог, в котором, по преданию, останавливался со своим отрядом пугачевский сподвижник Салават Юлаев. А в старинном заводском поселке Суксун, где когда-то был построен первый в России железный пароход, стоит на холме совершенно необычное для Урала здание — дворец, напоминающий средневековый замок. Эта прихоть чудаковатого миллионера Каминского вот уже сто лет украшает здешний пейзаж, неизменно привлекая внимание путешественников.

Но главное, что принесло славу и известность Кунгуру — конечно же, его знаменитая ледяная пещера. Пройдя через небольшой, типично уральский деревянный городок, а потом по мосту быструю Сылву, оказываешься перед зданием карстовой научной станции Уральского филиала Академии наук. Ее ученые уже больше полувека занимаются исследованием пещеры и знают каждый ее уголок. А самый первый план Кунгурской пещеры был составлен, говорят, еще посланцем Петра Первого — картографом и инженером Семеном Ремезовым. Ведь о существовании подземного чуда в Кунгуре было известно уже во времена Ермака, который, по преданию, останавливался в ней со своим отрядом по пути в Сибирь.

Общая длина изученной части Кунгурской пещеры достигает шести километров. Полагают, что неисследованные ходы как минимум вдвое длиннее. В пещере пятьдесят восемь гротов и около шестидесяти озер. Особенность Кунгурской пещеры в том, что она образовалась не в известняках, как большинство ее сестер, а в мягком гипсе, и отполированные тысячами ног наклонные ходы ее стали скользкими, как каток. Изза этого в некоторых местах пришлось вырубить ступеньки и сделать поручни.

Сорокаметровый туннель ведет с поверхности в недра Ледяной горы, вместившей уникальную пещеру. Первый же грот — Бриллиантовый — заставляет буквально остолбенеть впервые попавшего сюда человека. Только что он стоял на прогретом летним солнцем зеленом склоне долины, любуясь покрытыми тайгой хребтами, и вдруг, через две минуты очутился… посреди зимы! В лицо дохнул по-настоящему зимний холод, а каменные своды сверху донизу украшены снежными занавесями и сростками снежных кристаллов, похожими на листья и цветы фантастичеоких растений. А чуть дальше, в глубине, стеклянным дождем свисают

сосульки-сталактиты, белыми свечками стоят ледяные сталагмиты. Все это, искусно подсвеченное сиреневыми, оранжевыми, зелеными, желтыми лучами невидимых прожекторов, блестит, искрится, переливается радужным многоцветьем. В лучах прожекторов сверкают хрустальными гранями ледяные кристаллы, ослепительными искрами отражаются ажурные снежинки. Особенно красив Бриллиантовый в марте-апреле.

Пройдя двадцатиметровый сверкающий зал, попадаешь в коридор выводящий к самому холодному гроту пещеры — Полярному. Он встречает огромными ледяными натеками, причудливыми глыбами льда. А в северо-восточной части грота поднимается вверх ледяной столб-сталагмит. За ним со скалистого уступа сползает вниз ледяной "водопад".

Ступая по большим каменным плитам, путешественники проходят по мрачному подземному коридору в грот Данте. Безмолвие, хаотическое нагромождение камней, силуэты фантастических чудовищ напоминают картину ада, нарисованную Данте в "Божественной комедии".

Следующий грот — Склеп. Это один из самых маленьких подземных залов пещеры, его площадь всего восемьдесят квадратных метров. Говорят, когда-то здесь стояла избушка отшельника. Но постоянно капающая с потолка вода в союзе с морозом в конце концов укрыла келью ледяным панцирем, замуровав жилище пустынника.

Продолговатый грот Крестовый, наоборот, поражает своими размерами, достигая в длину ста метров. Из грота вверх уходит вертикальный канал — «труба», под ней образовалась группа сталагмитов.

Грот Руины Помпеи имеет два зала общей длиной восемьдесят метров и шириной до тридцати пяти метров. Вывалы каменных глыб на полу грота действительно напоминают древние развалины. Это последний холодный грот на пути к подземному озеру. Дело в том, что зимой холодный воздух движется от входа в глубь пещеры, а летом — наоборот. Поэтому ближняя к входу часть пещеры всегда оказывается самой холодной.

После Руин Помпеи путешественник попадает в грот Скульптурный. Его ажурный зал как будто создан рукой искусного ваятеля-каменотеса. Это вода, просочившись сквозь толщу гипса, образовала тончайшие каменные кружева.

Пятнадцатиметровый коридор выводит из Скульптурного в Метеорный грот. В центре его большая осыпь из упавших каменных глыб. Особым образом подсвеченная, она производит впечатление стремительно падающего метеорита. Отсюда через узкий проход можно пробраться в грот Коралловый Риф, где гипсовые наросты напоминают сросшиеся кораллы.

Наконец, скользкий наклонный коридор, где приходится соблюдать предельную осторожность, выводит вниз, к Центральному гроту. Отсюда через влажный, сумрачный и пугающий своим гулким эхом грот Эфирный туристы направляются к главной достопримечательности Кунгурской пещеры — Титаническому гроту, называемому также грот Дружбы Народов. Посредине огромного подземного зала тускло поблескивает в лучах фонарей большое озеро площадью в тысячу сто квадратных метров и глубиной до трех метров. По озеру можно совершить плавание на лодке. Но купаться в нем вряд ли захочется: ведь температура его воды всего пять градусов.

За озером начинается неосвещенная и необорудованная для экскурсий редко посещаемая часть пещеры. Тут ведут работу ученые, которым помогают спелеологи, открывающие новые ходы и гроты. Здесь расположены несколько живописных залов, носящих названия Длинный, Великан, Вышка. Но особенно интересен самый большой в Кунгурской пещере грот Географов, он достигает 155 метров в длину и вмещает несколько небольших озер. Здесь на стенах попадаются сверкающие кристаллы полудрагоценной разновидности гипса — селенита.

Титанический грот соединен искусственным восемнадцатиметровым туннелем с гротом Хлебниковых. Отсюда туристы через гроты Атлантида и Геологов попадают в уже знакомый им грот Данте, расположенный уже недалеко от выхода из пещеры.

Выйдя на поверхность, путешественники обычно не упускают возможности взобраться на гору Ледяную и полюбоваться прекрасным виДом на долину Сылвы. На склонах горы можно увидеть следы карстовых процессов — воронки, впадины и провалы. Они помогают понять историю возникновения пещеры, образовавшейся после отступления Пермского моря, отложившего на дне пласты гипса. Вода, проникая по треЩинам гипсовых пластов, растворяла осадочные породы и создавала подземные полости. Работу эту она продолжает и сейчас.

Но, покинув Кунгурскую пещеру и отправляясь в дальние путешествия по Уралу — на легендарную Чусовую, быструю порожистую Усьву, таежный Вижай, живописную двуглавую гору Колпаки или на хребет Басеги, путешественник вспомнит, наверное, не страницы геологической истории, а сверкающие ледяные сталактиты Бриллиантового и тихую, словно заколдованную, темную гладь озера в Титаническом гроте. И тогда его, скорее всего, поманят к себе другие пещеры, которых так много на Среднем Урале. Но даже новые увиденные там подземные чудеса, вроде пятнадцатиметрового водопада Пашийской пещеры или ледяных канделябров и занавесов Усть-Атавской пещеры на Юрюзани, не затмят в памяти белоснежных стен Полярного и первобытного хаоса глыб грота Данте.

Хибины

(Европейская Россия)

На самом севере Русской платформы, за полярным кругом, среди таежных равнин Кольского полуострова поднимаются могучие каменные бастионы, разделенные живописными озерами и ущельями быстрых порожистых речек.

Эта сравнительно небольшая горная страна носит название Хибины. Высота их невелика (от восьмисот до тысячи двухсот метров над уровнем моря), но все же это настоящие горы, с ледниками и снежными лавинами, осыпями каменных глыб и трудными крутыми перевалами, порогами и водопадами на стремительных реках и ручьях и эффектными ледниковыми цирками у водоразделов.

Хибины — своеобразные горы. Они представляют собой скопление скалистых массивов, отделенных друг от друга тектоническими разломами.

Плоские вершины Хибин покрыты скудной тундровой растительностью, а нижние части склонов и долины заняты тайгой.

Собственно, само слово «тундра» означает на языке живущего здесь народа саами — "каменистая возвышенность, поднимающаяся над лесом". Слово это перешло и в русский язык, изменив при этом свой первоначальный смысл. А на Кольском полуострове «тундрами» и по сию пору именуют безлесные горные массивы, присвоив каждому из них свое особое название. Тундры Хибин очень разные, и каждая из них красива по-своему.

Самая большая по площади и самая высокая возвышенность — расположенные в центре полуострова Хибинские тундры. От когда-то существовавшего здесь обширного плато к нашему времени мало что осталось: врезавшиеся в него на шестьсот-семьсот метров котловины озер Большой и Малый Вудъявр и долина реки Кунийок с севера на юг разрубили древний массив, а ущелья рек Малой Белой и Тульйока пролегли глубокими шрамами с запада на восток. Вместе с менее протяженными долинами Вуонемийока, Гольцовки, Каскаснюнйока и Умболки они расчленили Хибинские тундры на полтора десятка хребтов, хребтиков, плато и отдельных вершин, создав своеобразную миниатюрную горную страну, этакий «мини-Алтай» за полярным кругом.

Хибинские тундры — подлинный рай для зимнего туризма, а летом — для начинающих скалолазов и альпинистов. Тут раздолье для горнолыжников и простор для любителей рыбалки. Больше двадцати перевалов самой разной степени сложности ждут здесь горных туристов, а красивые лесистые острова на окружающих массив больших озерах: Имандре и Умбозере — всегда к услугам сторонников уединенного отдыха.

Совсем иной облик у расположенных за Умбозером Ловозерских тундр. Это высокое ровное плато имеет вид гигантской подковы, обращенной концами к длинному и бурному Ловозеру, а внутри плато в крутостенной каменной чаше расположилось живописнейшее, не имеющее себе равных даже в этом "крае тысячи озер" Сейдозеро.

У населяющих здешние места оленеводов-саами, или, как их раньше называли, лопарей, это озеро в былые времена считалось священным. Каждый год приходили они сюда, чтобы принести жертвы могущественным горным божествам — сеидам и вымолить удачу на охоте.

Окруженное высоченными стенами обрывистых берегов уединенное озеро представлялось лопарям жилищем грозных духов. Мрачное впечатление от озера сеидов усугублялось зловещим обликом темных серых и зеленых скал, пересеченных кроваво-красными жилами минерала эвдиалита, который несведущие в минералогии охотники именовали просто — "лопарская кровь".

Несмотря на несколько угрюмый вид, Ловозерские тундры по-своему красивы, а «изюминка» Сейдозера делает их особенно заманчивыми для путешественника. Привлекают туристов и возвышающиеся на плато скалы-останцы самых причудливых очертаний. Когда-то они, наверное, тоже будоражили фантазию лопарей, гонявших оленей через ловозерские перевалы с такими непривычными для нашего слуха и мелодичными названиями: Чиврyай, Кофтуай, Тавайок, Эльморайок…

Абсолютно по-другому выглядят западные массивы Хибин, расположенные за озером Имандра: Чуна-тундры, Монче-тундры, Волчьи и

Сальные тундры. Они пониже своих восточных соседей, не так велики и вытянуты в длину, их можно назвать скорее небольшими хребтами, возвышающимися среди бескрайнего моря тайги, словно продолговатые каменные острова.

И если главным украшением Хибинских и Ловозерских тундр являются изумительные по красоте большие и малые озера, то на западе в первую очередь поражают реки. Десятки бурных водотоков, бегущих на север, к многоводной Туломе, или срывающихся с крутых склонов к Имандре, изобилуют таким количеством порогов и водопадов, что путешественник, отправившийся в плавание по ним, сбивается со счета уже на второй день.

Жизнерадостные, певучие водопады Вайкиса, грозно ревущий Падун на речке Улита, кипящие каскады Нявки и Печи — все они прекрасны по-своему, и особую прелесть придает им то обстоятельство, что массовый туризм по сию пору не добрался до Волчьих и Сальных тундр. Безлюдье, тишина, непуганное зверье и нетронутая природа — вот приметы этого благодатного края, и многие речки западной части Хибин до сих пор еще ждут своих первооткрывателей.

А на юге, почти у Белого моря, возвышается особняком огромный купол Колвицких тундр. Он несложен для восхождения, и горные туристы не жалуют его своим вниманием. Но как живописен вид с вершины горы Баранья Иолга, почти восьмисотметровый пологий конус которой высится в самом центре огромного массива. На юге простирается бескрайняя серо-голубая ширь Белого моря, расчерченная белыми барашками волн. На востоке — синяя гладь изрезанного мысами и островами Колвицкого озера. А на севере, еле угадываемая в голубой дымке, темнеет далекая Имандра в окружении зеленой тайги…

Путешествуя по Хибинам, не устаешь удивляться фантазии природных сил, создавших подобное разнообразие горных ландшафтов на таком небольшом «пятачке». Ведь размеры Хибин — всего полтораста на пятьдесят километров, а бродить по их разноликим массивам можно и месяц, и два. А можно отправиться в водное путешествие, поплыть на байдарке, например, из Ловозера по порожистой Пане, и затем после волока оказаться в верховьях стремительной могучей Варзуги, мчащейся через скальные теснины и стремнины порогов к далекому Белому морю. Еще новгородцы шесть веков назад освоили этот край, чему свидетельство — деревянный храм в старинном поморском селе Варзуга. Славятся бассейны Варзуги и соседней с ней Чапомы и мощными высокими водопадами, самыми красивыми на полуострове.

Богатства недр этих северных гор удивляют и восхищают. Целые хребты сложены здесь "камнем плодородия" — зеленым апатитом, добывают тут и железную, и никелевую, и медную руду. А еще Хибины — уникальная кладовая самоцветов, богаче которой в России только Урал и Забайкалье.

Чего только не встретишь в здешних тундрах, особенно в Хибинских и Ловозерских Синие сапфиры, не уступающие уникальным камням Ильменских гор Урала, золотистый астрофиллит, вишневый эвдиалит, шпинель и лампрофиллит, гранаты и топазы — словом, "полным-полна коробушка"…

Не столь богаты Хибины редким зверьем: все-таки Заполярье — не Кавказ, не Алтай и не Уссурийский край. Но все же единственное в Европе стадо диких северных оленей живет не где-нибудь, а в Мончетундре и ее окрестностях, а до птичьих базаров Семи островов или Кандалакшской губы можно добраться от Хибин всего за несколько часов. В единственном в мире Заполярном ботаническом саду в Хибинских тундрах можно увидеть все богатство северной флоры — и таежной, и тундровой.

А уж рыбаки никогда не согласятся с тем, что фауна Хибин небогата. Такой рыбалки, как на Кольских реках и озерах, не бывает даже на Камчатке. И здешняя семга ничем не уступит дальневосточной горбуше или чавыче.

Но, конечно, сиюминутные радости таежного края рано или поздно забываются. И не вкус и аромат тройной ухи или рыбных шашлыков останутся в памяти путешественника, побывавшего в этом крае. Останутся суровые теснины перевала Юмъегорр или ущелья Рамзая, водопады Вайкиса и просторы Имандры, неумолчный гам птичьих базаров и серебристая семга, в прыжке одолевающая порог… Не забудутся снежные тропы Кукисвумчорра и Юкспорйока, подсвеченные огнями полярного сияния, и потрескивание поленьев в жарком камине охотничьего зимовья на Сейдозере, свистящий шорох снежной лавины и добрые заиндевелые морды оленей — словом, вся та удивительная и разнообразная симфония пейзажей, звуков, красок и впечатлений, которую дарят путешественнику чуть суровые на первый взгляд, но добрые, многоликие и сказочно красивые горы — Хибины.

Водопад Кивач

(Европейская Россия)

Сурова, но величественна и прекрасна природа Карелии, края лесов, озер и гранитных скал. Нигде в мире гигантские ледники, покрывавшие в не столь давние времена Скандинавию и Таймыр, Лабрадор и Патагонию, Аляску и Новую Зеландию, не оставили после себя такого живописного ландшафта. Двигаясь с северо-запада на юго-восток, огромный ледниковый язык проточил гранитные, гнейсовые и диабазовые скалы, придав им на редкость правильные и красивые формы. После дождя они напоминают спины исполинских рыб или даже китов, длинных, округлых и блестящих. В северных карельских городках, например в Кеми, эти «киты» порой располагаются прямо среди пятиэтажек, не уступая им по размерам. Россыпи валунов и галек всех размеров, то трехметровых, то маленьких, с кулак, окружают скалы, словно стайки мелких рыбешек.

Там, где горные породы были помягче, ледник выпахал узкие протяженные ложбины, ставшие теперь озерами, а между ними вода проложила себе путь, скатываясь от одного водоема к другому, как по лестнице с голубыми ступеньками.

Эти короткие, но быстрые реки буквально кипят в россыпях валунов, образующих пороги, или падают с крутых скальных уступов гулкими пенными завесами водопадов.

Своеобразная красота карельской природы как раз и складывается из противоборства двух совершенно различных стихий: грозной, ревущей ярости рек, порогов и водопадов и торжественной тишины сосновых боров,

отражающихся в озерах со скалистыми берегами. А рядом, только отойдешь по тропке в глубь леса, вдруг блеснут среди густой буреломной чащи сразу несколько крохотных голубых брызг, которые и озерами-то назвать язык не повернется: тридцать, пятьдесят, от силы сто метров вся их протяженность.

Тихой прелестью веет от этих маленьких блюдец с прозрачной синей водой, и даже имя им дано ласковое и тихое — ламбушки.

Но есть в этом краю, чарующем путешественника то суровыми, То лирическими, то жизнерадостными пейзажами, особенно поэтичные места. И самое, может быть, впечатляющее из них — водопад Кивач. Это второй по величине равнинный водопад Европы (после Рейнского).

Расположен он на быстрой и бурной реке Суне, недалеко от впадения ее в Онежское озеро. В Карелии есть реки и подлиннее, и помощнее — хотя бы Кемь или Шуя, — но только Суна сумела породить на своем недолгом пути целых три красивейших водопада: Гирвас, ПоорПорог и Кивач. Правда, одной из жемчужин своей белопенной гирлянды Суна лишилась после постройки на Гирвасе гидростанции, но, к счастью, самые красивые каскады Суны сохранились.

По пути к Онеге водопадная река, как и большинство ее сестер в Карелии, протекает через цепочку озер: Киви-Ярви, Линдозеро, Лавалампи, Викшозеро, Сундозеро, Пандозеро. И после каждого из них, спускаясь на следующую озерную ступеньку, Суна беснуется на многочисленных порогах, которых на протяжении менее чем трехсот километров насчитывается около полусотни.

А в районе Сундозера, в самом конце своего пути, уже могучая река форсирует последнюю ступень, теряя на завершающих десяти километрах сразу двадцать метров высоты. И половину из них она преодолевает одним могучим прыжком с диабазовой скалы, преграждающей ей путь к Кондопожской губе Онежского озера. Этот прыжок и есть водопад Кивач.

В заповедный край, где находится эта жемчужина Карелии, ведет лишь одна относительно хорошая дорога: с севера, от серых скалистых берегов обширного и сумрачного озера Сандал, вдоль которого проходит шоссе из Кондопеги в Гирвас, к трассе Петербург-Мурманск.

Но гораздо интереснее южный путь к водопаду, идущий берегами трех узких и длинных ледниковых озер: Укшозера, Кончозера и Пертозера. Правда, в этом случае придется отказаться от комфортабельного автобуса и на три-четыре дня стать пешим путешественником. Но увиденное в пути с лихвой вознаградит вас за перенесенные трудности.

Укшозеро и Кончозеро расположены параллельно друг другу, разделенные перемычкой шестикилометровой длины, и усеяны множеством островов и островков. Один из них на Кончозере так и называется — Семиверстный. Миновав эти оживленные и густо населенные водоемы, путешественник выходит к глухому, окруженному лесом Пертозеру. Пройдя вдоль его восточного берега шесть километров, он оказывается в единственной на озере деревушке — Викшице. Отсюда начинается последний этап пути. Уходящая от околицы лесная дорожка через мачтовый сосновый бор ведет к знаменитому водопаду.

Вскоре после входа в лес, несмотря на безветрие туманного летнего утра, слышишь какой-то далекий шум, словно где-то набегают на берег

морские волны. Не сразу понимаешь, что это рокот водопада. В тихую погоду Кивач, до которого отсюда три километра, прекрасно слышен в окрестностях Викшицы, а вниз по Суне его шум доносится и за пять километров.

Чем ближе подходишь к водопаду, тем явственней и звучней его рокот. В нем уже слышатся отдельные ноты. Но вот лес внезапно кончается, и путник оказывается на берегу Суны.

Широким потоком несет она свои воды и вдруг обрушивает их белой стеной с десятиметрового каменного обрыва вниз, на черные валуны. Миллионы искрящихся брызг разлетаются, образуя облако, в котором при солнечной погоде всегда играет радуга. Глубокий каньон водопада образован черными диабазовыми скалами, над которыми поднимаются стройные красавицы-сосны. На темном фоне камня четко выделяются серые и зеленоватые пятна лишайников.

Оказавшись перед водопадом, уже не думаешь об усталости — так завораживает это величественное зрелище. Груды воды падают с оглушительным грохотом в клокочущую бездну, вздымая облака брызг.

Все движется и в то же время остается на месте. Две могучие силы столкнулись здесь в вечном поединке. Мрачная громада скалы упрямо и молчаливо рассекает грудью набегающую массу воды, как бы демонстрируя стремление к покою и незыблемости. А река, наоборот, олицетворяет кипучую страсть и движение, ревет, рокочет и бурлит, бросается на камни, словно пытаясь раздвинуть их или снести… Но скала твердо стоит, не поддаваясь яростному, напору Суны.

Кивач прекрасен в любое время года. Зимой он похож на спящего снежного великана, от тяжелого дыхания которого поднимается облако пара. Весной водопад предстает особенно могучим и величественным. Вобрав в себя всю мощь половодья, он единым, грозным и ревущим потоком бросается в бешеный водоворот. А летом вода спадает, и в основном русле четко вырисовываются четыре уступа — ступени водопада, к которым присоединяется еще один, трехступенчатый каскад у левого берега. Так что, проигрывая в мощи, летний Кивач намного эффектнее и живописнее, и за прихотливым переплетением его струй можно следить часами. Когда же наступает осень, водопад снова оживает и набирает силу, хотя и не достигает всей мощи весеннего разгула.

Больше двухсот лет назад, в Екатерининское время, побывал здесь великий поэт той далекой эпохи — Гаврила Романович Державин. Потрясенный увиденной картиной, пятидесятилетний литератор написал тогда одно из лучших своих стихотворений: «Водопад». И хотя в наши дни Кивач выглядит не столь величественно, как в XVIII веке (часть воды его летом отводится в лоток для сплава бревен в обход водопада), все же именно державинские строки — "Алмазна сыплется гора с высот четыремя скалами…" — невольно приходят в голову, когда стоишь на крутой правобережной скале и смотришь на кипение пенистых струй под ногами, зачарованно внимая неумолчному рокоту исполинской водяной горы.

Уже семьдесят лет, как окрестности водопада объявлены заповедной территорией. Это один из самых маленьких российских заповедников: его размеры всего двенадцать на четырнадцать километров. Но на этой небольшой территории разместились четыре больших озера и

девять ламбушек, протекают две реки — Суна и Сандалка и несколько ручьев, шумят сосновые боры и березовые рощи. А над всем этим великолепием природы единовластно царит повелитель таежного карельского края — могучий и прекрасный Кивач.

Ладожское озеро

(Европейская Россия)

Уходящая к горизонту озерная гладь… Замшелые валуны на опушке соснового бора, подступившего к самой воде. Россыпь скалистых островков, поросших лесом, и древний монастырь в глубине извилистой бухты. Могучий лось, зашедший до колен в воду, чтобы напиться, и гордо запрокинувший голову навстречу восходящему в тумане солнцу… Все это — Ладога.

Огромное озеро, самое большое в Европе, раскинулось на площади величиной с пол-Швейцарии у самого края Балтийского щита — гранитной макушки Русской равнины. С юга на север протянулось оно на двести двадцать километров, а в ширину достигает восьмидесяти. Почти тысяча кубических километров воды хранится в его озерной чаше — втрое больше, чем в соседнем Онежском озере. Ведь глубина Ладоги местами превышает двести метров!

Нечасто встретишь у нас в России озеро, берега которого так разнообразны. Северо-западное побережье — скалистое, изрезанное глубокими узкими заливами, чем-то напоминающими норвежские фьорды в миниатюре. На десятки метров поднимаются над водой гранитные и гнейсовые громады утесов, поросших лесом. Заливы (или, по-местному, "губы") и выходы из них на озерный простор усеяны сотнями мелких, но высоких каменистых островков — шхерами. Их на озере более шестисот, но относительно крупных всего пять-семь: Риеккалансари, Мантсинсари, Лункулансари, Кильпола, Валаам, Коневец.

Многочисленные островки шхер всегда возвышенны, скалисты и покрыты сосновым лесом. Когда плывешь по озеру, они возникают на горизонте, как взъерошенные ежи. Почти все острова жмутся к северному берегу, лишь Валаамский архипелаг раскинулся ближе к середине озера.

Самый большой остров этого архипелага знаменит своим древним монастырем, основанном новгородцами еще в XIV веке. Скалистые берега Валаама (его размеры — шесть на десять километров) круто, почти отвесно, опускаются в воду и уходят на полтораста метров в глубину. С северной стороны в Валаам врезается Монастырская бухта, в которую ведет длинный, узкий и глубокий проход между скалами. Здесь и располагается святая обитель. Вокруг главного острова рассеяно еще с полсотни мелких, но не менее живописных островков.

Уникальная красота архипелага: бронзовые мачтовые сосны на гранитных куполах скал и памятники старины привлекают сюда множество туристов, а в последние годы, после возвращения монастыря Русской православной церкви, на Валаам, как в былые времена, потянулся и поток паломников.

А в южной части озера есть необычный маленький островок Сухо — единственный здесь остров искусственного происхождения. На его месте находилась прежде опасная мель, немало досаждавшая капитанам ладожских судов. В XVIII веке по приказу Петра I на отмель насыпали

каменные глыбы, соорудив рукотворный остров, и на этой насыпи возвели маяк, который служит судоводителям до наших дней.

Северо-восточный берег Ладоги — совсем иной. Здесь он ниже, скалы перемежаются песчаными участками, а от города Олонец до впадения реки Свирь тянется пятидесятиметровой ширины пляж с дюнами, поросшими сосновым лесом.

Юго-западные и южные берега озера тоже низкие, но покрыты галькой и валунами. Здесь кое-где встречаются заросли камыша и тростника, поскольку эта часть Ладоги — самая мелкая.

В давние времена, еще с IX века. Ладожское озеро являлось частью важного торгового маршрута — Пути из варяг в греки. Уже тогда у впадения в озеро реки Волхов возникло поселение под названием Ладога. В XII веке здесь была сооружена каменная крепость, сохранившаяся до наших дней. Интересно, что само озеро до XVIII века никогда не именовалось Ладожским, а носило название Нево. Лишь позднее Ладожская крепость дала свое имя озеру.

Зимой огромная чаша воды замерзает не сразу. Образующиеся по краям озера забереги постепенно затягивают его поверхность, но даже в середине января Ладога покрыта льдом лишь наполовину. Окончательно застывает она только в десятых числах февраля. В процессе ледостава ветры не раз взламывают лед, превращая его ровную поверхность в нагромождение обломков и глыб. Высота образующихся торосов достигает пяти-шести метров, а у маяка Сухо — даже двадцати пяти метров! Хаос громоздящихся ледяных глыб производит жуткое впечатление.

В конце марта лед начинает таять, но полностью вскрывается озеро лишь в начале мая. И потом еще целый месяц ветры и течения гоняют льдины по озеру. Часть льда выносится рекой Невой в Финский залив. В это время (обычно в начале мая) в Петербурге начинается второй ледоход. (Свой, невский, проходит здесь еще в апреле.) Жители города в эту пору толпами высыпают на набережные и с интересом наблюдают за движением потока льдин, заполняющего Неву от берега до берега.

А на Ладоге в майские дни начинается судоходство. От истока Невы, где высятся мрачные стены крепости-тюрьмы Шлиссельбурга, по озеру к устью Свири и по ней к Онежскому озеру пролегает оживленный судовой путь. Буксиры, баржи и туристские теплоходы идут из Петербурга к Петрозаводску и Кижам, на Белое море, к Соловецким островам, и на Волгу — по каналу Волго-Балт, мимо древнего Белозерска к Рыбинскому водохранилищу.

Но северная, самая живописная часть озера остается в стороне от судоходных маршрутов. Этим Ладога выгодно отличается от всегда оживленного Онежского озера. Лишь раз в неделю проходит здесь теплоход на Валаам, а потом снова только редкие яхты бороздят пустынные воды северной Ладоги. Тишину нарушает лишь плеск волны и шум сосен, да крики чаек на скалистых островках.

И нет, наверное, более прекрасного и уединенного места в Европейской России, чем заливы и шхеры, рассыпанные от Сортавалы и Питкяранты до Карельского перешейка, где у древнего города-крепости Приозерска вливаются в Ладогу струи бурной порожистой Вуоксы. Разве только юго-западное беломорское побережье с его гранитными островками

и береговыми мысами может соперничать с Ладогой живописностью своих пейзажей. Но вода в Белом море куда холоднее, летние штормы чаще и свирепее, да и высокие приливы добавляют хлопот.

Уровень же Ладожского озера довольно стабилен. С весны до середины июня он поднимается примерно на метр, а потом медленно спадает до прежней отметки. Течение озера-моря направлено вдоль берегов против часовой стрелки, причем летом его скорость иной раз увеличивается до двух километров в час.

Как и на многих крупных озерах: Виктории, Верхнем — на Ладоге наблюдаются своеобразные стоячие волны — сейши. Это быстрые колебания уровня воды (в одном месте он поднимается, а в другом — опускается), связанные с изменением атмосферного давления над разными частями озера. При этом вода поднимается и опускается на 20–30 сантиметров.

Есть у Ладожского озера и своя тайна. Это периодически возникающий в его недрах загадочный гул — раскатистый, словно далекий отэвук грозы. Ученые называют такие раскаты бронтидами. Причина их еще не разгадана. Возможно, она связана с особенностями подводных течений и сложным рельефом дна озера.

Для туриста Ладожское озеро — самая близкая из жемчужин Русского Севера. Через него лежит путь дальше, в озерную Карелию и к Соловецким островам, к суровым Хибинским горам и водопадным рекам Заонежского края. Но стоит задержаться на Ладоге хотя бы на неделюдругую, как путешественник понимает: от добра добра не ищут. Ладожское озеро подарит вам все радости и красоты, в поисках которых вы собрались за тридевять земель: живописные пейзажи, богатую рыбалку, уединенные острова и порожистые речки, храмы Валаама и крепостные бастионы Старой Ладоги, Приозерска и Петрокрепости, гомон перелетных птичьих стай в тростниковых зарослях на устье Свири и теплый песок прибрежных олонецких дюн.

Озеро Селигер

(Европейская Россия)

Из всех возвышенностей Центральной России Валдайская — самая живописная. Холмы и долины этого обширного края, покрытого хвойными лесами, бесчисленными озерами и пересеченного большими и малыми реками, как бы сами приглашают путешественника отправиться в странствие по его зеленым и голубым просторам. Валдай — главный среднерусский водораздел. Отсюда бегут малые речки Явонь и Щегринка к Ильмень-озеру, Западная Двина — к балтийским берегам, а Днепр — к Черному морю. Здесь начинает свой путь великая Волга.

Но пусть не обижаются на меня прославленные в истории и в литературе'славянские реки, все же здесь, на Валдае, они — еще ручейки. И главное украшение валдайское, конечно, не реки, а озера. Когда летишь над этими местами на" самолете или даже проезжаешь их на поезде, обилие водоемов самого разного облика и размера просто поражает. Десятки синих окон светятся в буреломных чащах, расстилаются среди полей и лугов древнего русского края, раскинувшегося на полпути между Новгородом и Тверью. Однако самой яркой жемчужиной Валдая является, бесспорно, озеро Селигер — крупнейший из здешних водоемов.

В России множество необычных и заманчивых уголков природы. Говоря о них, мы часто произносим слова: бескрайний, необъятный, величественный, могучий… А вот с Селигером в первую очередь ассоциируются эпитеты «приветливый» и "радостный".

Действительно, это валдайское озеро не поражает ни своими гигантскими размерами, ни своей невероятной глубиной или чудодейственными свойствами воды. Нет здесь и причудливых скал, снежных хребтов или таинственных пещер. Но обаяние Селигера, необъяснимое словами и воспринимаемое, скорее, каким-то шестым чувством, ощущает каждый попавший в этот дивный, чарующий в любое время года уголок России.

Почти каждое российское озеро красиво по-своему. Свое лицо у спокойной величавой Ладоги, свое — у ветреной бурной Онеги, особенная красота у бескрайнего Байкала и спрятавшегося в обрамлении лесистых хребтов узкого и дикого Телецкого озера. Свой облик у теплого, благоухающего лотосом озера Ханка и сурового, лишь на месяц сбрасывающего ледяной панцирь озера Таймыр…

А вот Селигер можно, наверное, назвать озером с десятью, двадцатью, а может, сотней разных лиц. Это даже не озеро, а какой-то «архипелаг» озер, плесов, проливов, проток, заливов, внутренних озерков на островах и дальних собратьев-озер, связанных речками со старшим братом-Селигером.

И так непохожи друг на друга суровая бурная мощь Кравотынского плеса и причудливые изгибы окруженного мачтовыми борами и древними курганами Березовского, оживленные обжитые просторы Осташковского плеса с белеющими по берегам колокольнями и куполами Ниловой пустыни и Осташкова и, например, узкая извилистая полоса Селижаровского, где в зарослях тростника укрывается исток быстрой каменистой Селижаровки — древнего пути к Волге. Свое лицо у солнечного приветливого Полновского плеса и у изрезанного зазубринами лесистых мысов Троицкого.

Точно так же непохожи друг на друга длинная сумрачная речка-пролив Полоновка, по крутым берегам которой стоят еще старые дзоты — следы минувшей войны, и открытая, пахнущая цветущим лугом, солнечная Княжа… А уж о затаившихся в окрестных лесах младших братьях-озерах селигерских и говорить нечего: тут каждое озеро со своим, непохожим на другие, обличьем.

Молчаливый, немного угрюмый Сиг, окруженный вековыми соснами, белыми пляжами и грядой замшелых скал-валунов, цепочка узких и таинственных озер, Святого, Долгого и Черного или уютные, крохотные Собенские озера — "у каждого свой норов", как издавна говорилось на Руси, и в этом бесконечном разнообразии и состоит неповторимое очарование Селигера.

Озеро занимает юго-восток Валдайской возвышенности. С севера на юг оно протянулось на девяносто километров, а в ширину достигает почти сорока. На Селигере около двухсот больших и совсем крошечных островов и островков, а на берегах его древний ледник оставил россыпи серых валунов, словно охраняющих покой озера.

Редко встретишь в России водоем с такими прихотливыми очертаниями. Глубоко вдающиеся в материк плесы, заливы, ответвления и бухты составляют самую примечательную черту Селигера и придают ему особенно живописный вид.

Средняя глубина озера — шесть метров, но встречаются места, где и на двадцати метрах якорь не достает дна. Отдельные крупные плесы (их всего двенадцать) соединяются между собой протоками, именуемыми здесь реками и носящими собственные названия: Полоновка, Княжа и другие. На больших плесах, вроде Кравотынского или Осташковского, есть где разгуляться ветрам, и порой тут разыгрываются серьезные, шестибалльные штормы, заставляющие рыбаков на своих лодчонках спешно укрываться в камышах. Но такие катаклизмы разыгрываются обычно осенью, а летом сильные ветры — редкость.

Уже с начала мая озеро свободно ото льда, и самые разнообразные суда: моторки и теплоходы, байдарки и яхты, гребные шлюпки и доски под парусом во множестве бороздят его воды. А замерзает Селигер только в конце ноября, так что туристский и особенно рыболовный сезон длится на озере семь месяцев. У рыбаков к Селигеру любовь особенная. Ведь в озере водится больше десятка пород рыб: от лещей и налимов до редких теперь угрей.

Впадающие в Селигер речки соединяют его, как уже говорилось, с почти двадцатью более мелкими, но не менее живописными озерами. Уже их названия говорят сами за себя и манят к себе туристов: Святое, Черное, Боровое, Светлое, Сиг, Плотичье, Щучье, Каменное, Березовское, Тихмень, Полонец…

Не менее красивы и разнообразны многочисленные острова Селигера. Одни из них привлекают лесистыми берегами, другие — песчаными пляжами, третьи — непотревоженными никем до вас ягодными полянами или богатыми рыбой внутренними озерами. На самом большом острове Хачин разместилось целых одиннадцать таких внутренних миниводоемов, и клев на них гарантирован, даже если на самом Селигере штормит, и рыба уходит на глубину. Еще один остров — Столбный украшает древняя монастырская обитель — Нилова Пустынь. А небольшой островок напротив старинного погоста Николо-Рожок за причудливую форму получил необычное для России название Бумеранг.

История здеших мест богата и интересна. Селигерский край — исконная новгородская вотчина. Озеро упоминается в летописях еще с XII века. По нему проходил в средние века важный торговый путь из Новгорода на Волгу. Быстрая и глубокая река Селижаровка через восемьдесят километров вливает свои прозрачные струи в неширокую еще Волгу, сразу увеличивая ее водность вдвое и делая судоходной для небольших новгородских стругов, немногим превышавших по размерам теперешние туристские шлюпки, тоже освоившие этот водный путь. На севере и западе Селигера Полновский и Березовский плесы расположены недалеко от верховьев рек, связанных с бассейном Ильмень-озера, так что короткий волок позволял новгородским купцам добираться от берегов своего родного Ильменя в Тверь, Нижний Новгород, а то и в каспийские торговые города.

Понятно, что Селигер издавна был оживленной корабельной дорогой. До сих пор здесь сохранился древний погост Троице-Переволока, название которого напоминает нам о тех далеких временах. Немало интересных мест и в окрестностях Селигера. От старинного, основанного еще в 1504 году, городка Селижарово, расположенного у слияния Волги и Селижаровки, можно подняться вверх по затейливо изгибающимся волжским излучинам на десяток-другой километров и оказаться у нижнего окончания длинной цепочки Верхневолжских озер.

Эта озерная гирлянда протянулась более чем на сто километров и включает озера Большое и Малое Волго, Пено, Вселуг и Стерж. Каждое из них привлекательно по-своему. Самое большое — Волго — протянувшееся двумя плесами почти на сорок километров, славится роскошными песчаными пляжами, раскинувшимися у подножья тридцатиметровых обрывов, увенчаных вековыми соснами. Здесь раздолье для любителей ходить под парусом, да и рыбалка на Волго отменная. А в окрестных борах — самые ягодные и грибные места Верхневолжья.

Следующее озеро — Пено — меньше всех в этой озерной цепочке. С юга в него впадает спокойная полноводная речка Жукопа, по которой можно добраться до "самого заповедного" из заповедников Европейской России — Центрально-Лесного. Он расположен в самой глуши валдайских лесов и болот, где почти нет дорог, да и тропы здесь сырые и буреломные. Все разнообразие фауны среднерусских лесов представлено в таежной глухомани этого заповедного края, причем из-за труднодоступности района животным не грозят здесь браконьеры, а их природной среде — промышленные и сельскохозяйственные воздействия. На берегах Жукопы можно наткнуться на медведя, промышляющего в малиннике, или спугнуть стадо кабанов. Водятся здесь рыси и куницы, лисы и волки, бобры и ондатры…

Кстати, совсем недалеко от Пено, в десяти километрах на юго-запад, находится исток Западной Двины, проложившей отсюда свой порожистый путь через три страны к Рижскому заливу Балтики.

Следующее вверх по течению Волги озеро — Вселуг — прославлено вот уже триста лет рукотворной сказкой — взметнувшейся над его водами деревянной церковью в Ширкове. За необычный облик и уникальные для деревянного храма размеры ширковский деревянный шедевр издавна величают "верхневолжскими Кижами".

А за последним из больших озер — Стержем — Волга выглядит уже крохотным ручейком в три-четыре метра шириной. От деревни Коковкино, что на северном конце Стержа, всего двенадцать километров до Деревушки Волговерховье, рядом с которой на небольшом болотце стоит скромная деревянная часовенка, соединенная мостками с сухим беРегом. Посреди часовни в полу вырезан квадрат, и в нем виднеется бьющий под водой студеный ключ. Здесь начинается Волга…

Столица "страны Селигерии" и единственный крупный населенный пункт на берегах озера — старинный город Осташков. Он до сих пор сохранил черты старого торгового городка российской глубинки. Впрочем, не только торгового: славились на Руси и здешние кожевники и рыба селигерская поставлялась отсюда аж в саму Москву, к царскому столу.

Древняя часть Осташкова расположена на озерном мысу, и все поперечные улочки старого города выходят к воде. С высокой колоколы стоящей на конце мыса, открывается потрясающий вид на озеро и холмистые лесные берега. Отсюда обычно начинаются все путешествия по Селигеру: на теплоходе, на яхте, на моторке или байдарке, пешком или на велосипеде. Каждый вид туризма имеет свои преимущества, и путешественник волен выбрать тот, который ему больше по нраву.

Но каким бы способом не странствовал человек по селигерским просторам, в душе его обязательно останется светлое, радостное ощущение от знакомства с этим древним, красивым и добрым краем, раскинувшимся в самом сердце Русской земли.

Мещера

(Европейская Россия)

Этот край дремучих лесов и таинственных озер — может быть, наименее затронутый цивилизацией из всех среднерусских земель, лучше других сохранивший свой облик со времен Древней Руси, и потому — самый близкий и дорогой русскому сердцу.

Здесь не встретишь кричащих красок, вычурных скал и каких-то из ряда вон выходящих природных явлений. Нет, Мещера — огромная лесистая низина между Клязьмой и Окой — богата лишь тем, что, казалось бы, не может удивить россиянина: мачтовыми сосновыми борами, заливными пойменными лугами, ароматом трав и хвои, тишиной и чистой водой малых и больших озер, шелестом прибрежных тростников в утреннем тумане да голосом кукушки, раздающимся над сонным бором.

И тем не менее, раз побывав в этих краях, путешественник обязательно возвращается сюда снова и снова — такова уж притягательная сила этих пейзажей. Может быть, дело в том, что здесь сохранился один из последних островков того самого "великого пояса хвойных лесов", что протягивался в былые времена через всю Русскую равнину от предгорий Карпат до Прикамья. Именно здесь больше тысячи лет назад происходило становление русской нации, здесь — ее колыбель. (Степи и Русский Север были освоены уже позднее.)

И память сердца, голос предков в крови порождает необъяснимое для иностранца влечение души — стремление еще раз слиться с этой природой, вдохнуть ее ветер, пахнущий теплой сосновой корой, полюбоваться прелестью росистого луга с бурыми горбами стогов, вслушаться в звон кузнечиков и пение жаворонка над головой…

Одно из привлекательных свойств Мещеры — ее малолюдье. Расположенная совсем рядом с огромной столичной агломерацией (до мещерских окраин можно за час-полтора доехать из Москвы на электричке), эта лесная сторона и по сей день заселена негусто и не обильно. От деревушки до деревушки — полдня, а то и день пешего пути. (А иного — колесного — может и не быть, особенно в распутицу.) В глубине Мещеры можно брести по лесным тропам или плыть по рекам и каналам по три-четыре дня, не встречая человеческого жилья. Лишь порой попадется у озера или на уютной поляне в сердце смолистого соснового урочища избушка лесника или рыбацкий шалаш.

К северу от Клязьмы (когда-то большой и судоходной) разлеглось Владимирское Ополье, а к югу от широкой и быстрой Оки на благодатных

черноземах раскинулись рязанские пашенные земли — все давно освоенные и обжитые русские края. А между ними, от малых речек Дрезды да Пехорки и до самого Мурома, лежит нетронутый уголок девственпых чащ и болот, на малоплодородных и сырых почвах которого непросто было прижиться земледельцам.

Так и осталась Мещерская сторона малоосвоенной и малозаселенной. Миновали ее лихие татарские набеги, не затронула и промышленность, не пролегли по ней торговые пути — лишь охотничьи тропь, да реки вели в сердце лесной глухомани. И по сию пору нечасто встретишь асфальт в мещерском краю. Только буреломистыми просека ми да водой — на байдарке — можно добраться, скажем, до тихих речек Поли и Бужи, что рядом с таинственным озером Исихра, до затерянного в глуши ожерелья малых синих бусинок-озерков с завораживающими именами: Светец, Круглей и Оленье…

Раздолье в Мещере лосям и кабанам, зайцам и лисицам. Случается что волки зимой подходят к деревням, своим воем наводя страх на округу.

У мещерских рек какие-то особенно теплые, родные, хотя зачастую непонятные нам, старинные имена: Поля, Клязьма, Ялма, Воймега Пра, Солотча…

Весной, в полую воду, широко разливаются они по окрестным лесам, и лодка порой часами плывет между деревьями, пока не встретится на пути поросший соснами остров-холм, где найдется место для привала. И нашедшие здесь спасение от паводка зайцы боязливо жмутся от тебя к дальнему концу островка, а любопытные ежи по-двое и по-трое шныряют возле костра, шурша прошлогодними листьями. А когда вода спадает, встретишь иной раз на обсохшем берегу неподвижную могучую тушу кабана-секача и вздохнешь сочувственно: не доплыл, бедолага…

Кто бы ни побывал в здешних местах — навсегда сохранит их в памяти. А один из таких "заболевших Мещерой" путешественников — писатель Паустовский — написал о ней свою, может быть, лучшую книгу — "Мещорская сторона". Не удержусь, чтобы не привести несколько строк из этой дивной повести:

"…На берегах этих рек в глубоких норах живут водяные крысы. Есть крысы совершенно седые от старости. Если тихо следить за норой, то можно увидеть, как крыса ловит рыбу. Она выползает из норы, ныряет очень глубоко и выплывает со страшным шумом. Во рту крыса держит серебристую рыбу и плывет с ней к берегу. Когда рыба бывает больше крысы, борьба длится долго, и крыса вылезает на берег усталая, с красными от злости глазами.

Мещора — остаток лесного океана в самом центре европейской части нашей страны. Леса здесь величественны, как кафедральные соборы. Даже старый профессор, ничуть не склонный к поэзии, написал в исследовании о Мещорском крае такие слова: "Здесь, в могучих сосновых борах так светло, что за сотни шагов вглубь видно пролетающую птицу".

По сухим сосновым борам летом идешь, как по мягкому, дорогому ковру, — на многие километры земля покрыта сухим мхом.

Стаи птиц со свистом и легким шумом разлетаются в стороны. Когда ветер — леса шумят. Гул идет по вершинам, как волны.

Кроме сосновых лесов, есть леса еловые, березовые и редкие пятна широколиственных — из лип, вязов, дубов.

В дубовых перелесках почти нет дорог. Они опасны из-за муравьев. В знойный день пройти через дубовую заросль почти невозможно: через минуту все тело, от пяток до головы, покроют злые рыжие муравьи с сильными челюстями. Здесь бродят безобидные медведи-муравьятники. Они расковыривают старые пни и слизывают муравьиные яйца.

Путь в лесах — это километры тишины, безветрия. Это грибная прель, осторожное перепархивание птиц. Это — липкие маслюки, облепленные хвоей, жесткая трава, холодные белые грибы, земляника, лиловые колокольчики на полянах, дрожь осиновых листьев, косые солнечные лучи между соснами, а потом и лесные сумерки, когда из мхов начинает тянуть сыростью, холодком и в траве загораются крохотные светлячки. Когда внизу, у подножья сосен, становится совсем темно, хотя вершины деревьев еще золотит пылающий пурпуром закат, начинают бесшумно летать летучие мыши и какой-то непонятный звон слышится в лесу.

А ночью набредешь на озеро, которое кажется черным зеркалом. Ночь, полная звезд, смотрит в его темную воду. В Мещоре у всех озер вода разного цвета. У большинства — черная, у других — желтая, у третьих — серая, у четвертых — чуть синеватая. Это объясняется тем, что на дне озер лежит многометровая толща торфа. Чем старее торф, тем темнее вода…"

Из этих краев вышел самый, наверное, русский из наших поэтов — Сергей Есенин, воспевший в своих стихах "рязанские просторы, соломенную грусть"… Здесь стоял когда-то скромный погост Старый Егорий, давший начало современному городку Егорьевску, здесь высятся и сейчас замшелые стены и храмы Солотчинского монастыря и неожиданные в центре России восточные минареты и мечети Касимова — столицы касимовских татар, а у берегов неширокой извилистой речки Гусь живут старинным своим ремеслом заводские поселки Гусь-Хрустальный и Гусь-Железный.

Но все рукотворные достопримечательности Мещеры жмутся больше к ее окраинам, а главная часть этого заповедного края по-прежнему, как и тысячу, и пятьсот лет назад — страна непуганых птиц и зверей, чудом уцелевший остров среднерусской природы, который долго еще будет дарить нам радость встреч с таким родным, таким нужным нам миром — миром леса и ручья, озера и луга, тихой задумчивой речки и просторного неба над головой…

Жигули

(Европейская Россия)

Самая длинная и многоводная река Европы — Волга, с давних пор обжитая славянами, татарами и другими народами, на первый взгляд, чисто исторически не могла сохранить нетронутых уголков природы. Кажется, не могло уже остаться на ней не освоенных человеком мест — все здесь за долгие века вырублено, распахано, запружено…

И тем не менее великая российская река сумела сберечь для нас, несмотря на все перипетии истории, целых три удивительные по красоте и совершенно разные природные жемчужины, без которых невозможно себе представить Русскую равнину.

Это поражающее бесконечным разнообразием своих плесов, островов и заливов большое озеро Селигер возле волжского истока; тростниковые джунгли и протоки уникального царства птиц и лотоса в дельте реки, у самого Каспия, и, наконец, самый живописный участок ее речной долины — Жигули.

Их называют еще Жигулевскими горами, хотя по меркам ученых это, вообще говоря, возвышенность, высшая точка которой не достигает и четырехсот метров. Но, попадая в Жигули, забываешь о терминах и метрах — настолько поражает и завораживает контраст бескрайних волжских просторов и взметнувшихся вверх белых утесов.

Да, Жигулевские горы — не Кавказ или Тянь-Шань, но поднимающиеся на сотни метров над рекой известняковые склоны настолько круто обрываются к воде, что выглядят с палубы теплохода настоящим горным хребтом, протянувшимся вдоль правого берега Волги почти на сто километров.

Этот хребет разбит поперечными долинами на отдельные массивы.

Между врезанными в них крутостенными оврагами, похожими на ущелья, тянутся к реке высокие отроги, увенчанные причудливыми скалами. Высота этих отрогов колеблется от 250 до 370 метров, и каждый из них имеет свое название и свою историю, подлинную или легендарную.

Когда-то Жигули начинались от устья реки Усы — правого притока Волги. После постройки в 1957 году Самарской ГЭС на месте впадения Усы образовался широкий и глубокий залив, над гладью которого поднимается огромный высокий холм — Караульная гора. С него видны окрестности на десятки километров вокруг, и в давние времена здесь несли караульную службу казацкие дозоры. Завидев подступающую конницу татар или ногайцев, казаки разжигали на вершине горы костер, подавая сигнал об опасности.

Отсюда Волга делает крутую излучину, огибая мощный известняковый массив, вставший на ее пути. Эту речную петлю называют Самарской Лукой. Очертания волжского русла здесь напоминают гигантскую сильно вытянутую подкову, между концами которой всего двадцать пять километров. Стоя на перешейке Луки, именуемом Переволокой, можно видеть одновременно Усинский залив Самарского моря и верхнюю часть Саратовского водохранилища.

Длина Самарской Луки — больше полутораста километров, и до постройки плотины ГЭС у Жигулевска самарские любители водных путешествий часто совершали плавания по так называемой жигулевской кругосветке. Особенность этого маршрута была в том, что плыть все время можно было по течению.

От Самары, стоящей на левом берегу Волги как раз у поворота Луки на запад, лодки плыли вниз по реке до южного конца излучины. Здесь делали двухкилометровый волок в реку Усу, и по ней спускались к северному окончанию волжской петли. Дальше, тоже плывя вниз по Волге, туристы возвращались в Самару. Сто семьдесят километров «кругосветки» преодолевались обычно за пять-шесть дней.

Ниже города Жигулевска и плотины гидростанции начинается самый красивый участок Жигулей. Голландский путешественник XVII века

Ян Стрейс, побывавший на Волге во времена Разинского бунта, увидев Жигулевские горы, писал в восторге: "Берега здесь настолько красивы, насколько только можно представить!" И действительно, зеленые, набегающие друг на друга холмы, среди которых то здесь, то там возвышаются горы, поросшие соснами, очень живописны. Доверчиво прижались к их подножью утопающие весной в белой кипени черемух деревушки. Осенью же берега Жигулей расцвечиваются золотом и багрянцем, и все вокруг полнится отблеском бушующего по склонам холодного пожара.

Глубокие, словно горные ущелья, лощины змеями уползают в недра гор. За выступами поросших лесом скал затаивалась когда-то удалая понизовая вольница, поджидая плывущих по реке купцов с товарами. Темнеют в обрывистых утесах черные входы в пещеры, где раньше гнездились во множестве соколы и красные утки. В некоторые из пещер можно попасть, только спустившись сверху по отвесной скале на веревке.

Высоко над Жигулевском поднимается громада Могутовой горы. Дальше, за широкой и глубокой Морквашской долиной, высится над Волгой безлесная Лысая гора, а в трех километрах к востоку от нее выступает вперед крутой скалистый выступ утеса Шелудяк. Назван он по имени разинского атамана, отважно бившегося с царскими воеводами в этих краях.

За утесом к Волге веером сходятся сразу несколько оврагов, образуя на берегу живописное расширение, известное под названием Бахиловой Поляны. Красивейшие окрестности Поляны издавна облюбовали живописцы, приезжающие в местный Дом Творчества со всех концов России. Расположенная дальше огромная Бахилова гора с тремя вершинами узкого гребня, четко выделяющимися на фоне неба, похожа на окаменевшее доисторическое чудовище. За ней ниже по течению лежит село Ширяево, в котором Репин писал своих "Бурлаков на Волге".

Жигули вообще избалованы вниманием художников. Здесь бывали и самый проникновенный певец среднерусского пейзажа Федор Шаляпин, и мастер изображения грозовых облаков передвижник Дубовской, здесь создали свои лучшие работы незаслуженно забытые ныне братья Григорий и Никанор Чернецовы. Эти два талантливых художника-путешественника совершили в начале XIX века своего рода географический и исторический подвиг, создав полную панораму обоих берегов Волги от Рыбинска до Астрахани — подлинную энциклопедию природы и жизни народов Поволжья той далекой эпохи.

Оборудовав мастерскую прямо в лодке, братья проплыли в 1838 году за шесть месяцев от верховев до устья великой русской реки, знакомясь с жизнью крестьян и рыбаков, производя раскопки древних крепостей и написав в пути сотни этюдов волжской долины. Затем, уже дома, они завершили свой титанический труд, создав два гигантских холста длиной в семьсот метров и высотой в два с половиной метра!

С 1850 года Чернецовы демонстрировали свой "рисованный документальный фильм" на Васильевском острове в Петербурге. Длинные холсты были намотаны на цилиндры и медленно двигались по ходу показа за окнами помещения, построенного в виде каюты. При этом у зрителей создавалось полное ощущение, что они находятся в плывущем судне. К

сожалению, постоянное перематывание привело к износу холста, и к 1880 году уникальное произведение пришло в негодность.

Но остался альбом этюдов, изданный братьями под названием "Путешествие по Волге" и позволяющий представить вид волжских берегов почти двести лет назад.

А в Ширяеве, небольшом селе у волжского берега, бережно хранят память о великом Репине, создавшем здесь одно из лучших своих произведений. В старой школе устроен музей, где собраны фотографии и документы, рассказывающие о пребывании художника в Жигулях, эскизы и наброски к его картине.

За Ширяевом, ниже по течению, красуется высочайший на всей Волге утес — Стрельная гора, вознесшийся над рекой на триста пятьдесят метров. Ее хребет отходит на северо-запад от основного массива Жигулей, слегка понижаясь вначале, а перед окончанием неожиданно поднимается вверх, образуя небольшую уютную площадку с прекрасным видом на заволжские дали. Затем он сужается в узкий гребень — "чертов мост", ведущий к конусообразной вершине горы. Здесь каменные глыбы образуют небольшой грот, в котором, по преданию, располагался дозорный пост "вольных людей". Отсюда они просматривали течение Волги на сорок верст и кострами подавали скрывавшимся за островами разбойничьим стругам весть о приближении купеческих караванов. И вылетали тогда спрятавшиеся в засаде струги "из-за острова на стрежень", и грозный клич "Сарынь на кичку!" заставлял гребцов бросать весла, а сердца купцов — трепетать от страха…

Жигулевская вольница просуществовала больше полутора веков, с начала XVII века до разгрома Пугачевского восстания. Во время Разинского бунта в 1670–1671 годах понизовая вольница примкнула к нему, и с тех пор в народной памяти Жигули накрепко связаны с именем Степана Разина. Да и в песнях, сложенных о лихом атамане, легко узнаются жигулевские приметы. Вспомните, например, известную песню "Есть на Волге утес…".

Действительно, лагерь повстанцев, шедших вверх по Волге, располагался одно время на устье Усы, возле Девьей горы, да и потом, после разгрома восстания, разинцы отступали через здешние места, и один отряд был разбит тут, в Морквашинской долине. С тех пор утес рядом с долиной и носит имя разинского атамана Федора Шелудяка.

Завершает Жигули на востоке небольшая зеленая Попова гора. На низком левом берегу когда-то возвышался огромный Царев курган. По преданию, на него поднимался шедший походом на Астраханское ханство царь Иван Грозный. Увы, в наши дни кому-то понадобилось именно здесь добывать известняк, и теперь исторический холм срыт почти до половины. За Царевым курганом тянутся Сокольи горы, а на правом берегу возвышается Серная гора, где при Петре Первом, говорят, добывали серу для пороха.

Стиснутая с двух сторон горами, долина Волги сужается — впереди знаменитые в прошлом Жигулевские Ворота. До постройки Саратовской ГЭС скорость течения здесь достигала трех метров в секунду, и в прежние времена Ворота доставляли немало мучений бурлакам. С этого места Жигули остаются за кормой теплохода. Гордые силуэты утесов постепенно тают в сизой дымке. А вдоль берега тянутся совсем невысокие и

некрасивые Шелехметовские горы. Это, собственно, даже не горы, а береговой обрыв, сильно разрушенный осыпями. На крутоярах повсюду видны их следы, сквозь которые то округлыми колоннами, то угловатыми пилонами проступает материнская порода. Издали кажется, что за осыпями прячется древняя крепостная стена.

Шелехметовские горы особенно ярко демонстрируют оползневые явления, характерные для Жигулей, как и для всей Нижней Волги. Рассказывают, что сто лет тому назад недалеко от Сызрани сползло в Волгу целое село Малая Федоровка. А средневековый польский путешественник Адам Олеарий в своих записках приводит случай, когда судно, стоявшее на якоре под высоким берегом Волги, было раздавлено рухнувшей в воду огромной глыбой глины. Из-за оползней пришлось даже перенести на другое место целый город Черный Яр, постройки которого регулярно обваливались в воду вместе с подмытой частью берега.

В наше время, когда Волга ниже Твери и до самого Волгограда представляет собой цепь водохранилищ, берега уже не подмываются бурным течением. Зато на образовавшихся искусственных морях речным капитанам приходится порой решать появившиеся теперь «морские» проблемы, вроде борьбы со льдами или с осенними бурями. Толщина льда на Самарском море, например, достигает метра, а торосы иногда бывают и трехметровые! Весной такой «айсберг» может неожиданно выйти на судовой ход. Вовремя не заметишь его — не избежать крупных неприятностей. Да и тают льды теперь дольше, чем раньше. Случается, что и в конце апреля путь судам у Жигулей прокладывают ледоколы. А в грозные осенние штормы на Самарском море — самом бурном из всех волжских «морей» — сила ветра составляет порой одиннадцать баллов, а высота волн превышает три метра! Получив штормовое предупреждение, суда спешат укрыться в портах-убежищах, оборудованных в устьях рек. Никому не хочется оказаться на просторе водохранилища, когда гонимые ветром темные тучи и летящие над пенистыми валами водяная пыль и брызги сольются в сплошной бешено крутящийся и завывающий хаос.

Впрочем, такое случается лишь осенью. Летом весь долгий день нежится под солнцем зеленоватая гладь реки, тает в дымке далекий берег. Вечером раскаленный красный шар светила медленно опускается в нагретую воду, гаснет закат, и на темнеющем небе высвечиваются первые звезды. В воде отражаются береговые огни, и трудно понять, где кончается река и начинается небо…

А с первыми лучами рассвета хорошо взобраться на крутой прибрежный утес Жигулей. С вершины в утреннем свете можно увидеть неоглядную даль реки и заволжских просторов, липовые и дубовые леса у подножья гор и подступающие к самой верхушке утеса горные сосновые боры. Среди них там и тут белеют скальные обнажения в виде обрывов, узких гребней — "чертовых мостов" или торчащих вверх «шишек». Отсюда открывается неповторимая панорама этих удивительных гор, поднявшихся в самом центре Русской равнины над широкой рекой, убегающей к далекому теплому морю.

Не так уж много путешественников могут похвастать, что видели Жигулевскиие горы не с борта теплохода, а вблизи, пройдя по крутым горным серпантинам здешних троп или вскарабкавшись по скалистым

склонам к чернеющим жерлам таинственных разбойничьих пещер, где говорят, до сих пор хранятся спрятанные "вольными людьми" награбленные сокровища…

Кстати, пеший турист столкнется в Жигулях с совершенно неожиданной для средней полосы проблемой. Дело в том, что здесь совершенно нет ручьев, не говоря уже о реках. Вода родников и дождей сразу впитывается в почву и уходит в трещины скал. Лишь в самом сердце горного массива, в уютном урочище с поэтичным названием Каменная Чаша бьют сразу три родника с чистой и прохладной водой. Здесь обязательно останавливаются путники, а уходя утром в дальнейший путь, прихватывают с собой запас воды.

Но увиденное в горах с лихвой вознаграждает путешественника за лишения. И речь в данном случае идет не только о потрясающих видах, открывающихся с утесов и рискованных исследованиях скал и пещер. Несмотря на то что Жигули находятся посреди обжитого, густо населенного района (рядом, кроме миллионной Самары, еще Тольятти, Жигулевск, Сызрань и Новокуйбышевск), они сохранили своеобразную, необычную для Нижнего Поволжья флору и фауну. Расположенный здесь Жигулевский заповедник занимает, правда, лишь малую часть горного массива. Но учрежденный недавно Национальный парк "Самарская Лука" должен взять под охрану практически всю территорию волжской излучины.

Ведь благодаря горному рельефу в Жигулях сохранились уникальные леса, давно уже вырубленные на окружающих равнинах. В лесах этих можно увидеть лосей, косуль и кабанов, здесь встречаются волки и рыси, куницы и горностаи. А на скалах устраивают гнезда орлан-белохвост и рыболов-скопа, черный коршун и беркут.

По красоте пейзажей этот уголок Поволжья не имеет себе равных на Русской равнине. И каждое лето новые группы туристов прокладывают свои маршруты по тропам Жигулевских гор, поднимаются на вершину Стрельной горы и останавливаются лагерем у Каменной чаши, чтобы испить студеной воды из ее родника…

Дельта Волги

(Европейская Россия)

Нелегко определить в нескольких словах, что же такое дельта Волги. Лучше всего, наверное, для начала просто взять карту России и проследить течение этой великой русской реки с севера на юг. Прихотливо извиваясь по Русской равнине, она течет вначале на юго-восток, потом — на северо-восток, затем — на восток, и, наконец, на юг, к Каспийскому морю. Заложив по дороге крутую петлю у Жигулевских гор, Волга неудержимо катится все южнее, спеша завершить у седого Каспия свой 3500-километровый маршрут.

Но перед самым впадением в море могучая река, словно испугавшись, замедляет движение. Русло ее разбегается более чем на 800 проток, образуя что-то вроде гигантского треугольника, заполненного островами, островками, заливами, заливчиками и узкими рукавами. Это и есть дельта.

Замысловатое хитросплетение суши и воды густо заросло тростниковыми джунглями и с давних пор стало "птичьим раем". Сотни тысяч, если не миллионы, пернатых населяют дельту Волги. Для одних это

родной дом, другие останавливаются здесь на отдых, возвращаясь в северные края после зимовки где-нибудь в Индии или Аравии. Весной из-за обилия кормящихся птиц во многих заливах и протоках просто не видно воды.

С трех сторон дельту окружают сухие степи и полупустыни. Летом (а оно длится тут почти полгода) жара достигает 45 градусов. Но зимой случаются и тридцатиградусные морозы. Круглый год в дельте стоит ясная погода: мало где еще на Земле столько солнечных дней в году.

На огромном пространстве между Волгой и Каспием царствуют два цвета: голубой на глади бесчисленных проток и тускло-зеленый на окружающих их зарослях тростника, рогоза и ивняка.

Теплая вода и обилие растительности привлекают сюда несметные стаи рыб. До пятидесяти видов их обитает в дельте Волги, в том числе знаменитые волжские осетры, белуги и севрюги. Порой рыбакам попадаются в сети десятикилограммовые сазаны и двухпудовые сомы. Для многих птиц здесь рыба является главной пищей. А птиц на нижней Волге еще больше, чем рыб — 250 видов! И многие из них — большая редкость в России.

Пеликаны и фламинго, белые цапли и родственники египетских ибисов ~ каравайки, лебеди и фазаны, чомги и крачки, бакланы и ремезы, тысячные стаи гусей и уток населяют камышовые и ивняковые заросли островов дельты.

Но не всегда привольно и беззаботно жилось пернатым в этом благодатном краю. Капризная мода начала XX века вызвала спрос на эгретки (ажурные хвостовые перья) белых цапель. Ими, а также перьями крачек украшали тогда дамские шляпки. Пришлись по вкусу модницам и птичьи шкурки. В результате многочисленная птичья колония в устье Волги была почти полностью уничтожена. В иные годы агенты парижских модных фирм скупали здесь до ста тысяч шкурок цапель, крачек и лебедей. Миллионами собирали браконьеры птичьи яйца, которые сдаьали на мыловаренные заводы.

Образованный в 1919 году заповедник спас птиц от окончательного истребления. За восемьдесят лет пернатое население восстановило свою численность. Но умные птицы и сейчас за пределами заповедника держатся высоко в небе, вне досягаемости ружейного выстрела. Только подлетев к охраняемой территории, они резко снижаются и летят над самыми камышами.

Из крупных птиц в дельте Волги больше всего серых цапель: почти полмиллиона. Длинные ноги позволяют им кормиться на огромном пространстве. Ведь со стороны моря, в так называемой аванделъте, глубина не превышает метра даже в десятках километров от берега. Как и многие другие птицы, цапли живут колониями, в которых насчитывается иногда по нескольку тысяч гнезд. Порой кажется, что облюбованные цаплями старые ветлы, увешанные десятками гнезд, сгибаются под их тяжестью и вот-вот рухнут в воду. А гуси, утки и казарки предпочитают строить гнезда в тростнике. Заросли этого растения здесь не похожи на куцые зеленые полоски, окаймляющие берега озер средней полосы. Толстенные, до пяти сантиметров, могучие стебли вымахивают в высоту на шесть метров! В непролазных тростниковых джунглях легко заблудиться

даже опытному человеку. Не зря местные рыбаки, отправляясь в крепи (так называют тут заросли тростника), заламывают по пути стебли или завязывают на них верхушки, чтобы по этим опознавательным знакам найти потом обратную дорогу.

Кормятся обитатели тростников в авандельте корневищами и листьями подводной травы валлиснерии. И когда гигантские стаи уток возвращаются от моря к своим гнездам, они нередко, словно туча, закрывают горизонт.

Зверей в дельте немного. В отличие от птиц, им труднее приспособиться к жизни в этом царстве воды и тростника. Больше всего здесь кабанов и выдр, встречаются енотовидная собака, бобр, норка и выхухоль, а на сухих берегах живут лисы, волки, зайцы-русаки и полевые мыши. Изредка заплывает в крупные протоки и каспийский тюлень.

А вот растительный мир дельты Волги не менее интересен и разнообразен, чем пти чий. Помимо белых кувшинок, желтых кубышек и уже упомянутых тростника и рогоза, здесь встречаются редкие, подчас уникальные представители зеленого царства.

Обширные пространства покрывают светло-зеленые заросли водяного папоротника — сальвинии. Повсюду встречается необычный с виду водяной орех — чилим. Его покрытые рогами плоды — любимая пища кабанов. Не брезгуют им и гуси. Да и человек собирает орехи чилима, чтобы из их сердцевины изготовить крупу. Добывать чилим несложно: достаточно подвесить к лодке длинную тряпку с грузом, и орехи сами цепляются своими рогами за полотнище.

Но главное сокровище дельты — разумеется, лотос. Устье Волги — самое северное место на Земле, где можно встретить этот красивый и редкий цветок. Огромные (до 80 сантиметров в диаметре) листья его лежат на поверхности воды. Они покрыты восковым налетом, и капли, блестящие на солнце, катаются по ним, как шарики ртути. Большущие розовые цветы лотоса, величиной с суповую тарелку, живут всего три дня, и каждый день меняется их окраска: в первый день лепестки яркорозовые, почти пурпурные, во второй — светлеют, а на третий день они уже розоватые, почти белые, а весь цветок становится бледно-кремовым. Лотос переливается при дневном свете нежными оттенками розового цвета, постоянно меняясь. Набежит ли тучка, подует ли ветерок, выглянет ли солнце — цветок принимает новый облик.

В Египте его считали священным растением. Лотос рисовали на саркофагах, изображения бутонов выбивали на монетах, а в храмах форму цветка лотоса придавали капителям колонн. Древние египтяне употребляли созревшие кубышки лотоса в пищу. Да и Гомер в «Одиссее» отправляет своих героев в страну, где жители питаются этим изысканным блюдом:

"…Им лотоса дали отведать они. Но лишь только сладко-медвяного лотоса каждый отведал, мгновенно все позабыл и, утратив желанье назад возвратиться, вдруг захотел в стране Лотофагов остаться, чтоб вкусный лотос сбирать…"

В Азии плодоложе этого растения варят с сахаром, получается лакомство, похожее на цукаты. Высоко ценится он и как декоративное растение. Недаром на Востоке издавна почитали лотос как сокровище

садов падишахов.

Как попал этот житель юга в волжские воды, неизвестно. Предполагают, что его могли привезти сюда мусульмане-паломники, ездившие на поклонение в Мекку через Египет. А старые калмыки рассказывают о появлении священного цветка на берегах Волги поэтичную легенду.

Давным-давно, говорится в легенде, окрестные места были владением ногайского хана. И была у хана красавица-дочь Зейнаб. А в ханоком войске служил тогда молодой смелый воин по имени Шакир. Увидел он как-то ханскую дочь и сразу полюбил ее. Но как сказать об этом красавице Зейнаб? Да и захочет ли ханская дочь даже взглянуть на простого воина, не то что ответить на его чувство? Долго страдал Шакир, а потом решил пойти к жрецу-прорицателю и спросить совета. Жрец долго молчал, прикрыв глаза, и о чем-то думал, а потом ответил юноше:

"Далеко-далеко, за горами, лежит чудесная страна Индия. И течет в этой стране великая река Ганг. В водах Ганга растет священный цветок лотос. Пройди через горы и пустыни, доберись до Ганга, собери семена лотоса и привези их сюда. Бросишь их в Волгу, расцветет лотос, и тогда Зейнаб полюбит тебя: такая волшебная сила заключена в этом цветке".

"Да будет так! — решил юноша. — Я привезу сюда лотос и посажу его в Волге-реке!"

"Но помни, — сказал жрец напоследок, — сбудется твое желание, но при этом ты потеряешь самое дорогое!"

"Что дороже всего для воина? Верный конь да острая сабля из дамасской стали, — подумал Шакир. — Разве жалко мне будет отдать их за любовь ненаглядной Зейнаб?" И отправился молодой воин в дальнюю дорогу.

И месяц, и год миновали с того дня. Уже и ждать перестали юношу родичи: думали — погиб он в пути. Но вернулся Шакир невредимым с бесценными семенами, бросил их в Волгу и поехал к ханскому шатру, чтобы увидеть свою любимую. Подъехал и видит, что люди из шатра спиной вперед выходят. Дрогнуло сердце воина: понял он — умер ктото. Стал расспрашивать и узнал, что только что умерла красавица-дочь хана. И понял он, о чем предупреждал его старый жрец. Ведь дороже Зейнаб для Шакира никого не было.

Смерть пришла к ней в тот миг, когда бросил он семена лотоса вВолгу.

В отчаянии бросил юноша свою саблю в воздух и подставил ей свою грудь. Вонзился клинок прямо в сердце, и расстался с жизнью влюбленный воин.

Зейнаб и Шакира хоронили в один день. И когда опустили их в могилу, над водой вдруг поднялись прекрасные цветы. Никто не мог понять, откуда они взялись. И тогда спросили об этом жреца, и рассказал он о любви Шакира к Зейнаб, ради которой он привез священный цветок с далекой индийской реки…"

Конечно, это всего лишь легенда, но в нежных красках лотоса, в его удивительном аромате действительно таится какая-то необыкновенная прелесть. В странах Востока много сказок и легенд посвящено этому чудесному цветку.

Рассказ о живой природе дельты Волги будет, однако, неполным, если не упомянуть двух самых многочисленных ее обитателей.

С одним из них путешественник сталкивается сразу по приезде сюда. Это — комары. Мириады этих летучих тварей — главный бич рыбаков и всех, попадающих в дельту. Подсчитано, что за пять минут на человека нападает до тысячи этих кровососов! Только надежная сетка и химические снадобья помогают людям переносить круглосуточные атаки крылатых паразитов.

Другой характерный житель здешних мест — озерная лягушка. Неисчислимые полчища этих земноводных обитают на болотистых островах и по берегам проток, и каждый вечер слышится из тростников их нестройный хор. Ученые попытались оценить массу головастиков, появляющихся здесь ежегодно на свет. Получилась чудовищная цифра — четыре миллиона тонн!

А вот ядовитых змей в дельте Волги нет — только уж и узорчатый полоз прижились в этой водно-болотной стихии. Водятся здесь и черепахи.

Что же больше всего влечет сюда, в этот необычный для России край, путешественников со всех концов страны? Не будем говорить о заядлых рыбаках — с ними все ясно. Но многие едут сюда и просто за тем, чтобы полюбоваться стайками цапель и фламинго, проплывающими над протоками, словно белые и розовые облака, увидеть неуклюжего пеликана, услышать призывный клик лебедей над речным простором и проследить за гордым полетом орлана-белохвоста.

А кто-то, быть может, мечтает вдохнуть воздух утреннего залива, благоухающего ароматом лотоса, увидеть хоть раз в жизни один из самых больших и самых прекрасных цветков мира. Природа дельты Волги полна чудес и тайн, удивительных звуков и красок, птичьего пения и свежего ветра… Уже из-за этого стоит, право, побывать в этом сказочном уголке России.

Домбайская поляна

(Северный Кавказ)

Почти посредине Большого Кавказа гордо вздымается двуглавая снежная шапка высочайшей вершины России — Эльбруса. В трех направлениях от его подножья разбегаются бурные горные реки: на северовосток — любимый горнолыжниками стремительный Баксан, на север — сердито бурлящая Малка, а на северо-запад — веселая говорливая Кубань.

По ее долине пролегает самый нетривиальный, но и самый трудный путь к "макушке Кавказа", избавленный зато от многолюдия и суеты Баксанского ущелья. А менее чем в ста километрах от истока, возле Карачаевска, в Кубань впадает ее самый красивый приток — река ТеберДа, вдоль которой поднимается к заоблачным перевалам Главного Кавказского хребта Военно-Сухумская дорога.

Здесь когда-то пролегал знаменитый транскавказский маршрут, поэволявший насладиться романтикой гор, а затем, спустившись с Клухорского перевала, за пару дней выйти к благодатным Черноморским субтропикам и вдоволь понежиться на жарких пляжах Абхазии, вознаграждая за нелегкие траверсы снежных склонов Клухора.

Сейчас по перевалу прошла российско-грузинская граница, и Военно-Сухумская дорога уже не притягивает туристов, как бывало

прежде. Но зато теперь многие обнаружили, что совсем рядом, в каких-нибудь тридцати километрах от Клухорского перевала, располагается одна самых живописных горных долин Кавказа — Домбайская.

Вот и окончился круг,
Помни, надейся, скучай —
Снежные флаги разлук
Вывесил старый Домбай.

Строки этой старой песни Визбора сразу приходят в голову при упоминании этой жемчужины Кавказских гор. И не только высочайшая в здешних местах четырехкилометровая вершина Ульген воспета бардами и художниками. У туристского костра звучат и песни про Алибек и Белалакаю, Теберду и Сулахат, Клухор и Аманауз. Здесь, на Домбайской поляне, на высоте 1630 метров над уровнем моря, и дышится, и поется легко.

Изумрудной чашей, спрятавшейся между скальными громадами двух самых высоких кавказских хребтов — Главного и Бокового, выглядит сверху Домбайская межгорная котловина (так официально называют ее географы). С трех сторон сбегаются к ней шумные горные реки Алибек, Аманауз и Домбай-Ульген, чтобы, объединив силы, пробиться через горы на север, к Теберде. Огромная поляна, образовавшаяся на слиянии четырех долин, поражает своей величественной красотой.

С трех сторон амфитеатром сходятся к ней лесистые склоны, над которыми поднимаются на три с половиной — четыре километра сразу восемь снежных вершин. И каждая гора прекрасна по-своему. Стройная, вытянутая ввысь пирамида пика Инэ не похожа на могучий массивный ДомбайУльген, ощерившаяся черным скальным зубом Софриджу — на причудливо изрезанный гребень вершины Сулахат, а округлые контуры горы Семенов-Баши — на крутую неприступную Белалакаи, чем-то напоминающую альпийский Маттерхорн.

Большинство туристов знает лишь зимний Домбай — страну белоснежной сказки, отчаянных горнолыжников, застывших водопадов, опаляющего горного солнца и величественных поднебесных вершин. Между тем летом Домбай прекраснее во сто крат. Дивные елово-буковые леса, занимающие дно поляны и нижнюю часть склонов, буквально потрясают своей мощью. Исполинские колонны буковых стволов в три обхвата толщиной и до сорока метров в высоту уходят, кажется, прямо к небу. Не меньших размеров достигают ели и пихты.

Особенно чаруют, контрастируя с тенистыми тропами у подножья зеленых гигантов, альпийские луга, полные солнца, простора, птичьего пения и аромата цветов. Но истинным путешественникам этого кажется мало, и самые тренированные из них забираются еще выше, к ледникам, с которых бегут вниз, к Домбаю, звонкие ручьи и речки, то и дело срывающиеся водопадами с крутых ступеней своего каменистого ложа.

Впрочем, Алибекский ледник, нарушая все географические законы, спускается прямо до границы леса, так что добраться до него не составит труда и неопытному туристу. Заодно он получит возможность полюбоваться

самым красивым в Домбае водопадом, тоже носящем имя Алибек. Он невысок — всего метров десять, но удивительно живописен, особенно в солнечный день, когда бурлящие струи, падая с уступа на уступ и дробясь и разлетаясь мелкими брызгами, переливаются в лучах Метила сотнями крохотных радужных искр.

А если путешественник поднимется по мрачному скалистому каньону реки Аманауз, его ждет встреча с Аманаузским водопадом, производящим совсем иное, чем Алибек, впечатление — грозное и зловещее.

В окрестностях Домбая немало также красивых горных озер, и, право, трудно решить, какое из них живописнее. Бадугским озерам придают своеобразие окружающие их вековые леса, а озеро Туманлы-Кель, лежащее у Военно-Сухумской дороги в обрамлении темных скалистых склонов и снежных вершин, чарует поразительно синей водой, контрастирующей с зеленью трав на берегу и черными и серыми горами вокруг. Высокогорное же Клухорское озеро, вокруг которого лишь снег и скалы, поражает совсем иной — суровой и торжественной красотой.

Как правило, насладившись красотой Домбая, путешественник стремится побывать на Клухорском перевале. До Северного приюта — небольшой турбазы у подножья перевала, где кончается автодорога, всего тридцать четыре километра от Домбайской поляны. О живописности этого отрезка Военно-Сухумской дороги с восторгом писали еще путеводители начала XX века.

"Военно-Сухумская дорога… замечательно живописна и интересна, но переезд по ней можно совершить только верхом в шесть—семь дней. При этом путешественник, в благодарность за перенесенные тяготы, будет вознагражден нигде в другом месте не видимыми и никогда не забываемыми видами…" — говорится в одном из них.

Не меньше чудес ждет туриста, сумевшего преодолеть пограничные реальности, и на грузинской стороне хребта, за Клухорским перевалом. Здесь низвергается с Цебельдинского нагорья 250-метровый каскад водопадов Шакуран, здесь находится второе по величине после Рицы высокогорное озеро Амткел, образовавшееся в 1891 году после того, как чудовищный обвал перекрыл одноименную реку. В скалах Кодорского ущелья скрываются пещеры и гроты, уже пятнадцать тысяч лет назад служившие приютом нашим предкам. Из некоторых пещер вырываются на поверхность небольшие реки, а у Южного приюта бьет из-под скалы минеральный источник, напоминающий вкусом воды знаменитый нарзан.

Однако переход через Клухор по силам не каждому. Он требует целого дня напряженной ходьбы и подъема на высоту две тысячи восемьсот метров, причем на южной стороне придется пробивать себе путь через крутой снежник, так что необходим ледоруб или альпеншток для страховки.

Еще одна жемчужина Кавказа — Архыз — расположена всего в полсотне километров к западу от Домбая. Но маршрут к этой красивейшей долине пройдет через три перевала и займет не меньше четырех дней.

Архыз расположен на слиянии долин речек Кизгич, Псыш, Архыз и София. По природным условиям он не уступит Домбаю, хотя, безусловно, таких красивых снежных вершин здесь не встретишь. Зато в Архызе бьют

железистые минеральные источники, и сама долина более открытая, просторная и, если можно так выразиться, "домашняя".

Но суровое величие домбайских гор, разнообразие природных достопримечательностей и возможность без труда попасть сразу в несколько соседних туристских центров, бесспорно, делают именно Домбайскую поляну самым притягательным местом туристского Кавказа.

А возвращаясь домой, путешественники (кто мысленно, а кто и вслух) напевают строки бесхитростной и нежной песни Визбора, старинной спутницы кавказских туристов, альпинистов и горнолыжников:

Здравствуйте, хмурые дни,
Горное солнце, прощай…
Мы навсегда сохраним
В сердце своем этот край!

Беловежская пуща

(Белоруссия)

В Брестской области Белоруссии, на самой границе с Польшей, расположилась уникальная лесная кунсткамера, носящая красивое старинное имя — Беловежская пуща.

Название огромному лесному массиву дала сторожевая башня — вежа — в городе Каменец, лежащем у южной границы пущи. Еще в XIII веке заложил ее князь Владимир Василькович у слияния рек Луной и Белой. Изначальная княжеская резиденция — Брест, разрушеная татарами, была восстановлена, но снова и снова подвергалась разорению. Уж очень на бойком месте стоял стольный город на Буге, Контролировавший важный торговый путь из Киева по Днепру и Припяти, затем по Бугу и Висле к берегам Балтийского моря. Вот князь Владимир и решил выбрать к северу от Бреста, в глуши лесов, более спокойное место для резиденции.

В 1276 году зодчий Олексо на высоком берегу Лесной вырубил вековой бор и возвел тридцатиметровую башню с подземными ходами, узкими лестницами в толще стен. Ее выкрасили известью в белый цвет и окружили валом и рвом. С тех самых пор стоит в Каменце Белая Вежа, именем которой стали называть и окрестные леса. Из тех былинных времен и донесла до нас Беловежская пуща свои редкостные природные сокровища, хотя под натиском бурных волн истории многое, конечно, изменилось в древнем лесу.

В частности, последняя война провела через пущу границу, и теперь она поделена между двумя странами. Из ста тридцати тысяч гектар заповедного зеленого массива семьдесят пять тысяч отошли к Белоруссии, а остальное досталось Польше.

На каждого, кто побывает в этих вековых нетронутых лесных чащах, они производят неизгладимое впечатление.

"Человеку, никогда не бывшему в Беловежской пуще, трудно представить себе величавую, своеобразную прелесть этого во многих местах еще первобытного леса. В нем нет однообразно-сурового, однотонного колорита дремучего северного бора. Он величествен, дик, носит отпечаток дряхлости и вместе с тем бесконечно интересен разнообразием встречающихся в нем лесных пейзажей. Проезжая по пуще,

не устаешь смотреть и восхищаться", — писал в начале XX века русский ученый-лесовод Г. Карцев.

Первая отличительная черта Беловежской пущи — ее гигантские размеры. Представьте себе дремучий лес величиной с полторы Москвы, и на всем этом пространстве — ни одной мощеной дороги, ни одного селения. Лес, лес и лес на многие десятки километров — вот что поражает человека, впервые попавшего в пущу. Лес этот удивляет необычайной пестротой, беспрерывным чередованием различных древесных пород, размерами деревьев.

Вот стоят пятидесятиметровые старые ели, обросшие седым лишайником. А чуть подальше видишь целый массив огромных сорокаметровых сосен, стволы которых полыхают на солнце, словно начищенная медь. Поодаль обосновались кряжистые могучие дубы, иным из которых уже по пятьсот лет. Моховые прогалины чередуются с непроходимыми зарослями ельника и богатыми ягодниками; густой смолистый аромат хвои, смешанный с грибными запахами, наполняет воздух. Потом тропа выбегает на залитую солнцем лесную полянку, где вас встречает пышное разнотравье и яркая пестрота бесчисленных луговых цветов, а затем ныряет в сумрачное чернолесье, где граб и ясень, липа и клен, ольха и осина сплетаются кронами в сплошной шатер, заслоняя солнечный свет.

Краше всего в пуще, наверное, изумрудно-прозрачная, кудрявая, веселая зелень грабов. Проходя по просеке, отчетливо видишь, как вверху мощно сплетается густой навес из ветвей этих деревьев, а по обеим сторонам тропинку обступает густая стена ельника и лиственного леса, которая местами совершенно закрывает солнечный свет. Среди молодой зеленой поросли возвышаются могучими великанами кряжистые дубы. Иные из них не обхватить и троим взрослым мужчинам.

В пуще стоит тишина. Только время от времени перелетит с ветки на ветку мелкая птаха, хрустнет сучком белка или вдруг по вершинам деревьев прошумит налетевший порыв ветра, и снова воцаряется безмолвие. Не шелестят листья осин, золотом горит листва неподвижных великанов-дубов, застыли стройные темно-зеленые пирамиды елей. Кажется, замерла жизнь в пуще. Но это только кажется. Лес полон жизни, нужно только суметь увидеть ее. В Беловежской пуще нужно пробыть несколько дней, прочувствовать ее, понять ее язык, и тогда она откроет путешественнику многие свои тайны, покажет ему себя во всей своейкрасе.

Лесных обитателей можно нередко встретить на полянах, просеках или узких извилистых лесных дорожках. Вот на краю поляны как из-под земли появились две косули. Стройные, грациозные, они на несколько мгновений застыли на месте, прислушиваясь к лесным шорохам. Затем, словно по команде, одновременно исчезли в придорожных зарослях. С треском и грохотом, ломая сучья и валежник, промчался за кустами напуганный кем-то красакец-лось. Бесшумно выйдя на берег ручья, гордо поднял краевую голову с ветвистыми рогами олень. Чуткие уши настороженно ловят звуки, доносящиеся из чащи. Где-то своими тайными тропами пробирается сквозь кусты и бурелом стадо кабанов. По ночам вылезает из норы енотовидная собака, недавно завезенная в пущу. Она прижилась на новом месте и чувствует себя здесь, как дома. А на деревьях

хозяйничает враг белок и птиц — проворная куница, подстерегает добычу рысь.

Мир зверей и птиц, амфибий и рептилий заповедного леса очень богат и разнообразен. Здесь обитает почти триста видов животных, в том числе около двухсот видов птиц.

Однако для большинства людей слова: "Беловежская пуща" ассоциируются прежде всего с зубром. Действительно, этот лесной гигант, достигающий трех с половиной метров в длину и двухметровой высоты — своеобразный символ пущи, некоронованный царь заповедного белорусского леса. Вот он стоит на опушке, опустив голову, стоит важно и неподвижно, словно задумался над чем-то очень серьезным и трудным. Но, услышав голоса людей, неохотно поворачивает голову и сурово оглядывает поляну.

На первый взгляд, зубр довольно мирный и неповоротливый зверь. Медленно, словно нехотя, переходит он с места на место, придирчиво выбирая пищу. Зимой это кора и кончики ветвей осины или ивы, весной — почки деревьев и кустарников, летом — трава и листья. Насытившись, зубр долго стоит на одном месте, пережевывая пищу. Ходит он неторопливо, кивая в такт головой, легко преодолевая самые густые заросли. На ходу никогда не поворачивает головы, как будто игнорирует все окружающее.

Но когда зубр разгневан, он становится быстрым и ловким. Почти без разбега лесной великан перескакивает через двухметровый забор, легко бежит галопом. Рассвирепев, зверь трясет головой, роет копытами и рогами землю или выворачивает с корнем большие деревья. Опустив голову, он устремляется на своего врага или соперника.

Вот как описывает поединок между зубрами один из очевидцев такой схватки: "Как-то подгнившая изгородь вольера обвалилась, и старый зубр Борус проник в соседнюю секцию, где проживал другой такой же громадный самец по кличке Берензон. Сначала зубры обменялись грозными взглядами, прохаживаясь один возле другого. Склонив могучие, тяжелые головы, оба яростно фыркали и рыли короткими передними ногами и рогами землю. Затем с неимоверной быстротой ринулись навстречу друг другу. Страшный шум и треск пошел по лесу. Жутко было смотреть на бой лесных гигантов. Он продолжался девять часов.

Зверей окружили егеря лесной охраны, но рассвирепевшие животные ничего не видели и не слышали. Люди разжигали костры, бегали вокруг них, шумели, кричали, стреляли в воздух, пускали в ночное небо ракеты, чтобы напугать зверей и разогнать их, но все было напрасно. Ничто не могло успокоить или напугать соперников. Из поселка Беловежа вызвали пожарную команду. Пожарные стали поливать зубров холодной водой из шлангов, но и это не помогло.

Шел час за часом. Казалось, силы зверей равны и никому из них не стать победителем. Но нелепая случайность решила судьбу Берензона. Отступая в конце девятого часа битвы от напора взбесившегося Боруса, он попал задней ногой в расколотый пень. Вытянуть ногу было невозможно. Ему оставалось только стоять неподвижно и обороняться. Борус использовал благоприятную ситуацию. Он отскочил в сторону и с новой силой бросился на врага. Тот повернул голову и мужественно встретил нападение. Но удар был нанесен со стороны. Повернуться всем туловищем

навстречу врагу Берензон не мог: мешала нога, защемленная в пне. В следующий момент Борус пропорол ему рогами бок".

Когда-то зубры водились в лесах многих стран Европы. Но честолюбие охотников на крупную дичь не знало пределов, и скоро эти сильные, красивые и гордые звери исчезли из большей части европейских лесов. Сейчас каждый зубр на нашей планете стоит на персональном учете. И Беловежская пуща — одно из немногих мест мира, где эти древнейшие животные обитают на свободе.

Пуще в каком-то смысле повезло. Это один из редких на Земле уголков, где уже много столетий поддерживается своеобразный заповедный статус: ведь он всегда был местом охоты коронованных особ — сначала удельных князей, потом польских королей, а затем — российских государей. И только две мировые войны в XX веке не пощадили заповедных лесов.

Конечно, царские охоты, а точнее, облавы со множеством участников, загонщиков и собак, тоже наносили урон животному миру пущи. Но все же перед Первой мировой войной здесь еще оставалось больше семисот зубров, не говоря уже о других животных. А к 1921 году в Беловежской пуще уже не было ни одного зубра: все они были либо перебиты (винтовки и пулеметы — это вам не королевские луки и копья!..), либо вывезены в Германию. Польша, которой принадлежал тогда заповедный лес, купила в немецком зоопарке несколько зубров и начала заново создавать беловежское зубровое стадо. Но тут подоспела еще одна война. Снова автоматные и пулеметные очереди зазвучали в лесных чащах.

После победной весны 1945 года Беловежскую пущу и немногих уцелевших зубров разделили между Польшей и Белоруссией. С обеих сторон границы был сохранен заповедный режим, и поголовье редких животных стало постепенно расти. Если в 1946 году в белорусской части заповедника было всего пять зубров, то через двадцать лет их стало уже восемьдесят. Часть беловежских лесных гигантов теперь живет в Кавказском, Чаткальском и других заповедниках. А у себя дома, в пуще, они живут на свободе, пасутся группами или парами в лесу, уходя на много километров в глубь чащи, а иной раз даже "нарушая границу". Но в зимнее время, когда трудно прокормиться, звери выбираются к кордонам заповедника, где их ждут кормушки с сеном.

Войны нанесли уникальному лесному массиву немалый урон, но более чем полувековой никем ненарушаемый покой позволил природе залечить боевые раны, и теперь заповедная Беловежская пуща — одновременно удивительный природный памятник и серьезная научная лаборатория живой природы. Кроме зубров, здесь сумели воссоздать, казалось, уничтоженных окончательно еще в средние века лесных диких лошадей-тарпанов. Ученые обратили внимание на то, что у многих крестьянских лошадей в здешних местах были отчетливо выражены черты тарпанов. Кропотливым многолетним скрещиванием подходящих по внешним данным лошадок удалось вывести вновь уникальную исчезнувшую породу.

В 1960-е годы в пуще построили научно-туристский комплекс с лабораториями, великолепным музеем природы и уютной гостиницей. Для путешественников, которые не имеют времени для длительной экскурсии в

глубь заповедных лесов, недалеко от музея устроены вольеры, где живут зубры, лесные тарпаны, олени, косули и кабаны. А за особую плату можно получить лицензию и побродить с ружьем в бывших королевских охотничьих угодьях.

Однако большинство туристов приезжает в Беловежскую пущу, разумеется, не для охоты. Просто хочется своими глазами увидеть единственный на всем пространстве от Урала до Ла-Манша остров древних смешанных лесов, сохранивших свой облик со времен Фридриха Барбароссы и Юрия Долгорукого.

Белоруссия лучше других стран Восточной Европы сумела сберечь свои лесные сокровища, особенно в западной части страны. И не случайно символом этой славянской республики для всех, кто любит природу, стала зеленая жемчужина на правобережье Буга — удивительный и прекрасный край с древним именем: Беловежская пуща.

Карадаг

(Украина)

В горах Восточного Крыма, между Феодосией и Судаком, высятся над лазурными водами Черного моря суровые и неприступные, похожие на руины могучей крепости, скалистые вершины вулканического массива Карадаг.

Свое название массив получил за черный цвет базальтовых лав, образовавших его отроги (Карадаг по-тюркски — "Черная гора").

В сложенной осадочными породами (известняками и доломитами) гряде Крымских гор Карадаг стоит особняком. Ведь он представляет собой часть древней вулканической постройки юрского периода, которая была разбита огромной трещиной-сбросом пополам, причем южная половина опустилась на дно Черного моря.

Теперь со стороны моря можно видеть вулкан в разрезе со всеми деталями вулканического аппарата: жерлом, заполненным застывшей лавой, бесчисленными слоями лав и туфов, минеральными жилами и вулканическими бомбами. При желании легко найти здесь лавовые потоки и отложения вулканического пепла.

Но неискушенному в геологии путешественнику в первую очередь бросается в глаза фантастическое нагромождение каменных круч, зубцов, колонн, вертикальных стен и ущелий. По общему мнению, Карадаг — самое красивое место не только в Крыму, но и на всем Черноморском побережье.

Красота Карадага абсолютно непохожа на уютную, прилизанную и окультуренную живописность Южного берега Крыма. Здесь все дико, хаотично, сурово, труднодоступно. В скопище скал не найдешь ни одной спокойной горизонтальной линии: черные обрывы нависают над бирюзовыми бухтами, в которые можно проникнуть лишь с моря. Стены глубоких, похожих на гигантские трещины ущелий исполинскими ступенями поднимаются к синему небу. Причудливые фигуры изваяны выветриванием в мощных слоях туфов. Среди них есть «Шайтан» и «Маяк», "Пряничный конь" и «Сокол», "Король" и "Королева".

Весь вулканический массив раскинулся между Коктебельской и Отузской долинами и состоит из Святой горы и Берегового хребта. Святая гора занимает центральную часть массива, поднимаясь почти на шестьсот метров над уровнем моря. Издали с юго-запада и с севера она

вырисовывается возвышенным куполом с двумя приподнятыми над ним вершинами. С приближением к ним мягкие очертания расплываются, и тогда гора все больше обнаруживает черты хребта, состоящего из вулканической породы — трасса. Склоны горы покрыты низкорослым дубовоясеневым лесом.

Береговой хребет объединяет несколько массивов: Лобовой, Карагач, Хоба-Тепе, Магнитный и Кок-Кая, которые тянутся вдоль побережья, сменяя друг друга.

Горные цепи здесь разделены глубокими оврагами, балками и ущельями. Самое примечательное из них — урочище Гаур-Бах. Величие этого каменного хаоса и первозданную его дикость подчеркивает крутизна скалистых склонов и находящаяся у края Магнитного хребта причудливая вулканическая глыба, носящая название «Сфинкс», или "Чертов Палец".

Среди гор Карадагской группы особенно оригинальный облик имеет Карагач, сложенный черными туфами и поднимающийся на высоту трехсот метров над морем. Гребень его венчают остроконечные вершицу _- "Зубцы Карагача", а также пики «Королева», "Король", «Трон» и «Воин». С хребта хорошо видна огромная арка, выступающая из моря на некотором расстоянии от берега — "Ворота Карадага" или, как их еще называют, "Золотые Ворота". Видны отсюда и живописные скалы на гребне: «Иван-Разбойник», "Лев", «Сокол», "Пирамида" и "Пряничный конь", а также обрывы горной цепи Хоба-Тепе.

На Карадаг нетрудно подняться со стороны поселка Планерское (Коктебель). При этом Святая гора останется справа, а тропинка, вьющаяся среди низкорослых дубков и зарослей кизила, довольно быстро выводит путешественника на склон Магнитного хребта. (Это несколько странное название объясняется тем, что здесь действительно обнаружена сильная магнитная аномалия.) Над хребтом постепенно вырастает, приближаясь с каждым шагом, похожая на башню удлиненная вулканическая глыба — уже упоминавшийся "Чертов Палец" (он же "Сфинкс"). Это странное образование — фактически пробка из застывшей лавы, застрявшая в жерле вулкана, и обнажившаяся, когда дожди размыли окружавшие ее рыхлые породы.

От «Сфинкса» можно выйти к ущелью Гаур-Бах, о котором столько написано и рассказано всеми, побывавшими на Карадаге. Во всем Крыму нет места, более потрясающего своей живописностью и дикостью. А потом, вернувшись к «Сфинксу», можно по старой тропинке обогнуть купол Большого Карадага, склоны которого усеяны кусками белой лавы — липарита. От Южного перевала между этим массивом и Береговым хребтом тропа ведет на самую лучшую обзорную точку прибрежных гор — четырехсотметровую гору Ложа.

Из углубления с каменной спинкой, действительно напоминающего театральную ложу, открывается ни с чем не сравнимый вид на южный берег Крыма. В ясные дни, когда окружающий воздух чист и прозрачен на западе ясно виден характерный профиль Медведь-горы — Аюдага, и даже ажурные зубцы горы Ай-Петри, до которых по прямой более ста километров. А если взглянуть на восток, то там вдали видна гора Опук, стоящая у входа в Керченский залив. На северо-востоке ясно обозначаются берега и воды Азовского моря с узкой полоской Арабатской стрелки, на

юге же расстилается бескрайняя синяя гладь Черного моря, сливающаяся у горизонта с почти таким же синим небом.

Здесь можно часами сидеть и наслаждаться простором, чистым горным воздухом и освещенными ярким южным солнцем каменными изваяниями Карадага. Но рано или поздно, как ни жаль, приходится подниматься с каменной скамьи, чтобы продолжить путь через вулканический массив. Крутая тропа приводит отсюда к скале "Пряничный конь", а от нее уже совсем близко хребет Карагач. Налево, на фоне морской синевы, вырисовывается остроконечный профиль скалы «ИванРазбойник». В ней и находится бывший кратер вулкана, возвышающийся над скрытой от глаз укромной Разбойничьей бухтой.

Отсюда тропа идет уже по хребту Хоба-Тепе, то и дело огибая каменные останцы, созданные совместной работой воды и ветра, разрушавших неоднородные вулканические породы. У этих природных скульптур, возвышающихся порой на десять метров, странные причудливые очертания, и любой без труда угадает в них и "Пряничного коня", и «Сокола», и «Пирамиду», и множество других каменных причуд матери-природы. Это фантастическое царство скалистых пиков, стен, башен, скульптур и обелисков, непохожих друг на друга, еще и таит в своих недрах глубокие пещеры, за которые, кстати, хребет и получил свое название (Хоба-Тепе в переводе означает "гора с пещерами").

С хребта хорошо видны и поражающие своей необычной формой и размерами "Ворота Карадага". В их огромную арку свободно проходит рыбачий баркас с поднятым парусом. Левее «Ворот» виден угол скалы «Лев», словно страж, охраняющей невидимую сверху Львиную бухту.

Над бухтой высится острый скалистый пик «Маяк». Далее можно спуститься к подножью горы "Шапка Мономаха" и, оглянувшись назад, увидеть на гребне «Короля» рядом с «Троном», а чуть ниже — его каменную «Свиту». Завершая маршрут, путешественник может по Туманной Балке выйти в Карадагскую долину. Дорога выведет его на берег к небольшой бухте, где находится научная биостанция с небольшим дельфинарием и музеем, в котором представлен весь подводный мир Карадага.

А обратный путь, если любишь острые ощущения, может пролегать вдоль подножья восьмикилометровой скалистой дуги Карадагского массива. Правда, во многих местах подступившие к воде скалы заставят путешественника идти прямо по воде, используя так называемую волнопРибойную нишу, выбитую волнами в основаниях утесов. Но зато он смо^т увидеть бухты и мысы, невидимые сверху, потрогать рукой необыччые подушечные и шаровые лавы, странная форма которых связана с тем, что они извергались под водой, на дне моря, и, наконец, собрать неплохую коллекцию морской гальки, поражающей своим разнообразием даже геологов. Особенно хороши здесь темно-медовые полупрозрачные сердоликовые голыши — самый лучший сувенир на память о Карадаге. По имени этого редкого минерала названа в Карадаге живописная и уединенная Сердоликовая бухта.

Из Планерского легко добраться до расположенной рядом Феодосии, чтобы подняться на стены старинной Генуэзской крепости, полюбоваться картинами Айвазовского в картинной галерее и вдохнуть

аромат морской романтики в здешнем, весьма колоритном музее Александра Грина. Потом можно отправиться на восток, к скифским курганам и катакомбам Керчи, либо уплыть на запад, в Судак, Гурзуф или Ялту, либо, наконец, совершит бросок через степной Крым к древностям Бахчисарая и горным красотам Большого Каньона.

Новые крымские образы и впечатления на время отодвинут воспоминания о Карадаге в дальний уголок памяти. Но потом, вернувшись в родные края, путешественник непременно достанет из рюкзака отливающую каким-то глубинным отсветом древних подземных пожаров сердоликовую гальку и почувствует всплывший из подсознания запах моря, шум прибойной волны и шелест ветра, проносящегося среди причудливых вулканических изваяний удивительного царства каменной сказки — крымского Карадага.

Озеро Иссык-Куль

(Киргизия)

"Трудно представить себе что-нибудь грандиознее ландшафта, открывающегося путешественнику с Кунгей-Алатау через озеро на хребет Небесных гор.

Темно-синяя поверхность Иссык-Куля своим сапфировым цветом может смело соперничать со столь же синей поверхностью Женевского озера, но обширность водоема, который по площади в пять раз больше Женевского, казалась мне почти беспредельной. Ни с чем не сравнимое величие заднего плана ландшафта придает ему такую грандиозность, которой Женевское озеро не имеет". Так писал полтора века назад первый европеец, увидевший Иссык-Куль, замечательный русский ученый и путешественник П. П. Семенов-Тян-Шанский.

Иссык-Куль, без сомнения, можно назвать главной, самой драгоценной жемчужиной не только Киргизии, но и всей Средней Азии.

Расположено это озеро в самом сердце тянь-шаньских гор, на высоте 1600 метров. Глубина его превышает семьсот метров — из всех озер СНГ только Байкал и Каспий имеют большие глубины. С севера над водами Иссык-Куля высятся припудренные снегом вершины хребта Кунгей-Алатау, достигающие почти 4800 метров в высоту, а с юга над ним более чем на пять километров поднимаются горы Терскей-Алатау.

Смыкаясь на западе и на востоке, эти хребты образуют замкнутую межгорную котловину, в центре которой и раскинулся Иссык-Куль. В переводе это название означает "Теплое озеро". Так назвали его киргизы за то, что оно не замерзает даже в самые холодные зимы. Летом же температура воды в Иссык-Куле достигает двадцати градусов- (а в мелких заливах даже двадцати восьми), и дивные иссык-кульские пляжи в это время ничем не уступают, например, прибалтийским.

По своим размерам (сто восемьдесят на шестьдесят километров) Иссык-Куль занимает второе место в мире среди высокогорных озер после озера Титикака в Южной Америке. В него впадает около восьмидесяти рек, а не вытекает ни одной. Испарение приводит к тому, что речные соли накапливаются в озере, поэтому вода в нем солоноватая, правда, только чуть-чуть — вдвое меньше, чем, к примеру, в Аральском море. Животные пьют ее, да и туристы иной раз варят суп на озерной воде, хотя регулярно употреблять ее все же не стоит.

Климат и растительность Иссык-кульской котловины удивляют путешественника своим разнообразием. На западе облик ее напоминает каменистую пустыню, с редкими кустиками полыни и солянок. Лишь мощные кусты пустынного овса — чия — выделяются на безжизненном фоне прибрежной равнины. А большая часть восточного побережья занята высокотравными ковыльными степями, сменяющимися на высоте двух километров роскошными лесами из голубой тянь-шаньской ели. Выше трех километров леса уже не поднимаются, и здесь склоны гор покрыты пышными субальпийскими лугами, пестреющими множеством цветов. Герань и примула, незабудки и манжетки, дикий лук и кобрезия образуют здесь разноцветный ковер. Еще выше располагаются типичные альпийские луга с эдельвейсами и камнеломками, маками и тюльпанами, фиалками и альпийскими ромашками.

Разница в облике разных частей Иссык-кульской впадины связана с изменением количества осадков. Ветры, обычно дующие с запада, теряют всю свою влагу на склонах высоких хребтов Тянь-Шаня, и в котловину попадают уже иссушенными. А затем, проносясь над просторами Иссык-Куля, они вновь набухают влагой, и над восточным горным обрамлением озера проливаются обильными дождями. Поэтому на востоке озера дождей выпадает в шесть раз больше, чем на западе.

Фауна приозерных гор и равнин своеобразна. Здесь по соседству, а то и вообще на одной территории, обитают типично лесные и степные животные. В западной, пустынной части котловины можно встретить характерных жителей пустынь: тушканчиков, песчанок, а кое-где и грациозных антилоп-джейранов. На востоке же в нижнем поясе гор и в предгорьях чаще всего встретишь сусликов и хомяков. Водится здесь и мелкий среднеазиатский заяц-толай. За ними активно охотятся лисы, хорьки, степные кошки и дикобразы.

В горных лесах попадается косуля, а из хищников — бурый и гималайский медведь, волк и рысь. Еще выше встречаются козероги и горные бараны-архары, а также их главный враг — снежный барс. В каменных осыпях прячутся маленькие, но отважные охотники: горностай и ласка. Их основная пища — мелкие грызуны, но они могут напасть и на низко летящую птицу, прыгнув ей на спину и перекусив голову или шею.

Характерный обитатель высокогорья — серый сурок. Эти крупные зверьки (до восьми килограммов весом) живут колониями, в которых их многометровые норы соединяются между собой, позволяя суркам спастись, если в их подземную «квартиру» заберется лиса или ее начнет раскапывать косолапый. В сурчиных норах, достигающих пятнадцати метров в длину, имеются спальни, кладовые-сеновалы и даже… туалетные комнаты. По восемь месяцев в году сурок спит, питаясь в это время за счет запасов накопленного жира, а летом хлопотливо заготавливает припасы на зиму. В случае опасности зверьки пронзительно пищат, поднимая тревогу, и бегут к норам. Другой обитатель высокогорий — индийская пищуха — живет в норах семьями и, в отличие от сурка, активна круглый год. Летом она сушит перед норой сено на зиму, в случае дождя собирая его в аккуратный стожок.

В 1940-е годы фауна Прииссыккулья пополнилась также завезенными сюда белками, колонками и ондатрами.

Много на Иссык-Куле и птиц, причем довольно экзотических, на взгляд жителя средней полосы. Вблизи селений наряду с воробьями и скворцами обитают удоды, в зарослях колючей облепихи и прибрежных тростниках на Иссык-Куле обитают фазаны. На зиму к незамерзающему озеру слетаются несметные стаи уток, гусей, лебедей. А высоко в горах живут огромные грифы с трехметровым размахом крыльев, неутомимые охотники на зайцев и лис — красавцы-беркуты и прячущиеся в камнях куропатки-кеклики, сильные пепельно-серые птицы с черными и белыми полосами по бокам, красным клювом и розовыми ногами.

Здесь часто можно увидеть альпийскую галку, гималайского вьюрка и краснобрюхую горихвостку. Обычно прикрытое крыльями красное оперение этой птицы как бы вспыхивает при взлете горихвостки. Но самый характерный обитатель высокогорий — это гималайская горная индейкаулар. В районах, расположенных в верхней скалистой зоне гор, каждый день обычно начинается с мелодичной предрассветной песни улара.

Единственная дорога к Иссык-Кулю с севера, с предгорных равнин, проходит по узкому скалистому Боамскому ущелью, пробитому в горах бурной и многоводной рекой Чу. За миллионы лет она прогрызла себе дорогу, точнее сказать, узкую щель между Кунгей-Алатау и Киргизским хребтом и на протяжении тридцати километров ревет и беснуется в ней, яростными прыжками преодолевая пороги и водопады.

Грозная теснина Боама по-своему красива, особенно при ярком солнце, когда хорошо различаются цвета горных пород, слагающих стены ущелья: лилового и зеленого порфира, черного диорита и красноватого гранита. В солнечном освещении разноцветные скалы и буро-пенная река, кипящая внизу, представляют очень эффектное зрелище.

Река Чу спускается с гор Тянь-Шаня и подходит к Иссык-Кулю почти вплотную. Однако, не добежав до озера всего три километра, неожиданно поворачивает на юг и уходит через Боамское ущелье вниз, на просторы Чуйской долины — главной житницы и хлопковой сокровищницы Киргизии. Впрочем, в особенно многоводные годы Чу по одной из боковых проток все же сбрасывает весной часть своей воды в озеро.

Когда подъезжаешь к Иссык-Кулю со стороны Боамского ущелья, поражает резкий переход от тесного, сжатого скалами ущелья к неожиданно огромному и бескрайнему простору гигантского водного пространства. Первое впечатление от приближающегося синего водоема — море! Настоящее, южное, теплое, сверкающее, безбрежное… Оно выглядит каким-то чужеродным среди мертвой, каменистой пустыни. Вид западной прибрежной равнины можно назвать марсианским. Не вода, а ветер, жара и мороз были создателями этого дикого ландшафта, окрашенного в красно-бурые тона. Красноцветный песчаник — главная горная порода в этой местности, очень податлив и легко подвергается выветриванию. Вот природа и создала здесь целый музей — то ли скульптурный, то ли архитектурный. В контурах скал-останцов угадываются готические соборы и ампирные особняки, то буддистские пагоды, средневековые замки и храмы…

У самого берега толща песчаников обрывается. Озерная волна набегает на пляж, то песчаный, то галечниковий, но всегда ровный, широкий, чистый и совершенно безлюдный. Конечно, с каждым годом туристов на Иссык-Куль приезжает все больше, и, хотя большинство из них углубляется в горные долины Прииссыккулья, береговые пляжи тоже, конечно, не остаются без внимания. Но, тем не менее, на одного туриста на Иссык-Куле приходится пока сто квадратных метров пляжа. Это наверное, раз в сто больше, чем на Черноморском побережье!

Дорога из Боамского ущелья приводит путешественника в город Иссык-Куль (раньше он назывался Рыбачье) — главный порт на большом судоходном озере. Отсюда гористые берега расходятся, открывая глазу простор Иссык-Куля, огражденного могучими хребтами. Горы все в пятнах ледников и снежников, почему и носят название Алатау — пестрые горы. Хребты вдали растворяются в полуденном солнечном мареве, берега озера как бы исчезают… Лишь кое-где над бескрайней синей поверхностью воды высоко повисает призрачная, словно цепь облаков, гряда белых вершин.

Озеро вытянуто с запада на восток. Оно напоминает по форме миндалину длиной сто семьдесят и шириной шестьдесят километров. Издавна славилось оно своей удивительно чистой и прозрачной водой. Прибор для измерения прозрачности воды — так называемый диск Секки в Ильмень-озере или, например, в озере Ханка исчезает из глаз уже на глубине пяти-семи метров. А в иссык-кульской воде белый диск виден даже на двадцатиметровой глубине.

Чистая вода — благоприятная среда для жизни рыб. Исстари на озере ловили рыбаки чебака и сазана, османа и маринку. А в 1930 году сюда подселили севанскую форель. Рыба прижилась, и вырастает в новом водоеме даже более крупной, чем у себя на родине. Позже в ИссыкКуле акклиматизировали также аральского леща и селигерского судака.

Приехав на Иссык-Куль, каждый путешественник непременно совершит плавание по озеру. Лучше всего пересечь его целиком, закончив рейс в Караколе, как теперь называется памятный каждому россиянину город Пржевальск. Здесь в 1888 году, в самом начале своего пятого путешествия в Центральную Азию, скончался великий путешественник Н. М. Пржевальский. С 1889 года город носит имя первопроходца (до 1889 и в 1921–1939 годы Каракол), здесь на берегу озера стоит величественный памятник с бронзовым орлом на верхушке и простой надписью: "Путешественник Пржевальский".

С борта теплохода вид озера не менее прекрасен, чем с горных перевалов. На закате оно из голубого делается пурпурным, а в лучах утреннего солнца его поверхность слегка серебрится. "Водоем незабываемого очарования…" — сказал об Иссык-Куле известный географ и путешественник академик Берг.

Наслаждаться пейзажами озера можно бесконечно. Они не наскучат глазу, даже если проведешь на иссык-кульских берегах месяц и больше. Но не только теплые пляжи и лазурные воды манят путешественника, добравшегося через горы до "голубого сердца Тянь-Шаня", как именуют Иссык-Куль. Природные диковины таят в своих долинах и окружающие озеро горные хребты.

Кунгей-Алатау, более доступный и лучше изученный, подарит вам встречу с шумными водопадами на реке Кызыл-Бойрок и с живописнейшим горным озером в лесистом ущелье Чон-Аксу, с суровыми ледниковыми цирками и приветливыми лесами из голубой ели, стройной и грациозной, словно кипарис. Это самая освоенная часть Прииссыккулья, и большинство путешественников ограничивается знакомством именно с ним, не подозревая о том, что противоположный берег озера прячет от них гораздо более интересные творения природы.

А расположенный на южной стороне озера хребет Терскей-Алатау известен прежде всего знаменитым ущельем Джетыогуз ("Семь быков"), чьи семь причудливых красных скал не уступят по красоте самым прославленным утесам плато Колорадо или Атласских гор. Привлекают сюда туристов и минеральные источники, которых немало в Джетыогузе. А в Двенадцати километрах от него находится "Поляна цветов", представляющая все разноцветье субальпийских лугов. Незабудки и герани, звездчатки и генцианы, мелколепестники и примулы — белые, голубые оранжевые, ярко-синие, розовые и желтые — буквально заставляют забыть о времени и бродить, бродить без конца по цветущему лугу, наслаждаясь этим сказочным цветочным изобилием.

В самом центре Терскей-Алатау, рассекая его пополам, спускается к самой красивой на озере Тихой бухте живописнейшее ущелье Барскаун. А за хребтом, на трехкилометровой высоте, лежат суровые холодные пустыни — сырты, усеянные странными на вид растениями-подушками. Мир сыртов настолько необычен и странен, что кажется перенесенным с другой планеты. Но попасть сюда нелегко. На юг, за хребет, ведет всего одна автодорога, а все прочие маршруты через перевалы четырехкилометровой высоты потребуют от путешественников хорошей альпинистской подготовки.

Но какими бы маршрутами ни странствовал турист: на шлюпках или теплоходе по озеру, с рюкзаком по ущельям, горным перевалам и ледникам или просто на пару недель забравшись с горными лыжами на почти неизвестные слаломистам лихие трассы Каракольского ущелья — все равно он сохранит потом надолго ощущение прикосновения к чуду. И, вернувшись с Иссык-Куля, не раз вспомнит впоследствии картину, увиденную с перевала, когда внизу неожиданно открылся во весь горизонт "драгоценный аквамарин в серебряной оправе горных снегов", как назвал когда-то это озеро совсем, казалось бы, не сентиментальный человек — солидный ученый Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский.

Горы Кокчетау

(Казахстан)

В первый момент кажется, что это мираж. После долгих часов езды по сухой, ровной и почти безводной степи, бескрайних пшеничных полей да редких элеваторов за окном поезда вдруг возникают темно-зеленые горные склоны и просторная синяя гладь озера с обелисками гранитных скал на берегах. И уютный белый городок у подножья поросших соснами и березами высоких сопок кажется перенесенным откуда-нибудь из Забайкалья или от подножья Жигулей. Так встречает путешествующего по Казахстану самый северный оазис в степях Средней Азии — удивительный

и ни на что непохожий край по имени Кокчетау.

Можно спорить — горы это или нет. Географы чаще называют Кокчетау просто возвышенностью. Может быть, они и правы: ведь даже самая высокая здешняя точка — гора Синюха — отнюдь не Монблан, ее высота чуть меньше километра. Но для того, кто бродил с рюкзаком по пропитанным хвойным ароматом лесным тропам Кокчетау и поднимался на их крутые гранитные сопки, переходил вброд каменистые русла говорливых речек и заплывал на лодке в живописные бухты спокойных озер, всегда будет ближе другое прозвище этой чудесной страны — "Казахстанская Швейцария".

Это поэтичное имя очень метко определяет облик уникального уголка природы, словно волей могучего волшебника заброшенного из другого мира сюда, в самое сердце казахских степей.

Синегорье (так переводится с казахского слово "Кокчетау") находится на северной окраине Казахского мелкосопочника и простирается на двести километров с севера на юг и на четыреста — с востока на запад.

Над окружающей местностью они поднимаются всего на тристашестьсот метров, но, будучи сложенными массивно-кристаллическими породами, увенчанные островерхими гребнями и покрытые сосново-березовыми лесами, эти гряды создают чарующее подобие горного ландшафта. Красоту его дополняют многочисленные озера, раскинувшиеся во впадинах межгорий или у подножья сопок.

Благоприятный климат, обилие воды и богатые охотничьи угодья издавна привлекали сюда людей. Археологи обнаружили здесь стоянки каменного века и остатки жилищ эпохи бронзы. Во второй половине XIX века в центре гор, у озера Боровое, был основан первый народный курорт, где лечебные минеральные источники и целебные грязи в сочетании с прохладной летней погодой и сосновым воздухом излечивали болезни легких, радикулит, артрит и прочие хвори. А в наши дни в Кокчетау приезжает и немало туристов, особенно из Сибири и с Урала.

Небольшой городок, раскинувшийся на берегах озера Щучьего, окружен лесистыми сопками, между которыми проложено шоссе, уходящее на север, к Боровому. Красивая лесная дорога вьется среди каменных гряд, спускаясь в ложбины и поднимаясь на взгорья. Между стволами сосен и берез виднеются скалы, а рядом, у их подножья, пробиваются родники с холодной, вкусной водой.

В двадцати километрах от Щучинска с очередного перевала открывается внизу просторная озерная гладь. Курортный поселок лежит на перешейке между озерами Большое Чебачье и Боровое, недалеко от горы Синюхи. Восхождение на ее вершину, поднявшуюся на 950 метров над уровнем моря, позволяет насладиться роскошной панорамой окружающей местности.

На север от гребня Синюхи до самого горизонта тянутся степи с редкими блюдцами озер, а на юге простираются леса. В западной части этого горно-лесного массива полукольцом длиной более двадцати километров лежат каменистые гряды Кокчетау, как бы «зажатые» озерами: на юго-востоке они упираются в Шучье, с запада их огибает Малое Чебаче, а северо-восточная оконечность хребта Синюхи вклинивается между Большим Чебачьим и Боровым. Но это только самые

крупные здешние водоемы. А всего в хорошую погоду с вершины можно насчитать до семидесяти озер.

Самое большое из них — Большое Чебачье площадью около двадцати пяти квадратных километров и глубиной до сорока метров. Боровое уступает ему почти в два раза, но тем не менее именно оно считается самым красивым в Кокчетау.

Вода в Боровом мягкая и настолько прозрачная, что даже на большой глубине хорошо видны стаи рыб и гранитная галька на дне озера. На северном каменистом берегу водоема любителей купания ожидают естественные каменные «лежаки» — плоские гранитные плиты, похожие на матрацы. Вдоль южного побережья Борового простирается обширный песчаный пляж, окаймленный соснами. А если пройти по впадающей здесь в озеро речке Громовой к ее истоку, попадаешь в необычную березовую рощу. Деревья в ней изогнуты зимними ветрами, словно растения закружились в диковинном танце.

Можно часами любоваться пейзажами Борового: водной гладью озера, причудливой архитектурой скал и горных гребней. Посреди озера располагается живописный остров-скала «Сфинкс», действительно похожий на древнеегипетскую скульптуру Долины Пирамид. На северном берегу, на фоне лесистых склонов Синюхи, возвышается конус скалы Окжетпес (по-казахски — "Не долетит стрела"), увенчанный каменным изваянием, напоминающим лежащего слона.

Давным-давно, когда кочевавшие здесь казахи еще не имели представления ни о заморских сфинксах, ни о слонах, скала посреди озера носила имя Жумбактас ("Камень-загадка"). И для этого были основания. Дело в том, что с разных сторон скала имеет разный облик. Со стороны перешейка, где расположен курорт, она и впрямь походит на сфинкса. Но если посмотреть с противоположной стороны озера, то увидишь лицо пожилой женщины. А стоит обойти еще часть побережья, и перед глазами возникнет голова девушки с развевающимися волосами.

Древнее предание так объясняет происхождение названий острова и береговой скалы. В XVII веке кочевал здесь один из казахских родов, возглавляемый ханом Аблаем. Однажды хан совершил набег на калмыков взял много добычи и на берегу озера у подножья скалы делил ее между воинами. Все ценное раздал хан своим батырам, осталась лишь пленная девушка-калмычка. И разгорелся между воинами спор: кому достанется красавица. Тогда хан повелел девушке самой выбрать жениха. Но пленнице все завоеватели были одинаково ненавистны. Забралась она на скалу, прикрепила наверху свой платок и крикнула: "Чья стрела допетит до него, за того и выйду замуж!" Все джигиты выстрелили по разу из своих луков, но ни одна стрела не долетела до цели. Тогда девушка бросилась с вершины скалы в озеро и погибла. На месте, куда кинулась пленница, возникла скала Жумбактас, а утес на берегу стали казахи называть Окжетпес.

В окрестностях Борового скрываются таинственные и глубокие пещеры, в которых когда-то, говорят, прятались разбойники. А по склонам сопок и берегам озер высятся причудливые скалы, многим из которых народная фантазия присвоила свои собственные имена. На гребне Синюхи, например, поднимаются скалы "Три сестры", словно шагающие друг за другом. Выемка-скос в самой верхней части хребта носит название

"Чертова катушка". На западе, на фоне леса и гор, вырисовывается профиль скалы "Спящий рыцарь". О каждой из этих скал или пещер сложены казахами красивые и мудрые легенды.

Одна из них рассказывает и о происхождении самих гор Кокчетау. Когда аллах сотворил Землю и населил ее людьми, то одним народам он дал богатые острова и морские побережья, другим — высокие горы и голубые озера, третьим — дремучие леса и тучные нивы. И только казахам достались сухие степи. И стали они упрекать бога в несправедливости. Стыдно стало аллаху, что обидел он ни в чем не повинный народ, и решил он хоть как-то исправить свою оплошность. Выскреб он со дна своего дорожного мешка-куржуна все, что там осталось, и разбросал среди степей всего понемногу: живописных озер, изумрудных лугов, студеных родников, веселых ручьев, сосновых лесов, гранитных скал и высоких сопок. Так возникли горы Кокчетау.

Сейчас поток туристов, посещающих этот уникальный уголок Казахстана, конечно, значительно меньше, чем десять-пятнадцать лет назад Но все же многие тысячи людей ежегодно приезжают сюда, чтобы вдохнуть сосновый аромат лесистых склонов Синюхи, пройтись по зачарованному лесу танцующих березок, заглянуть в темные зевы пещер, подплыть на лодке к подножью Сфинкса, а потом забраться на вершину крутой сопки и полюбоваться фантастическими силуэтами гранитных скульптур и россыпью синих озер между зелеными грядами гор.

Надо сказать, что поразительный горно-лесной оазис среди бескрайних казахстанских степей не единственный. Километрах в пятистах к юго- востоку, на полпути от Караганды к полноводному Иртышу раскинулся еще один островок сосновых боров и каменистых сопок, глядящихся в зеркала озер. Это — знаменитый Каркаралинский оазис.

Крутые, скалистые склоны здешних гор, на которых чудом удерживаются сосны и березы, выглядят более суровыми и резче очерченными, чем сопки Кокчетау. Да и сами горы здесь повыше — до 1400 метров. Поэтому многие озера здесь напоминают алтайские или тянь-шаньские водоемы. Наиболее известно из них озеро Шайтанкуль ("Чертово озеро"). По преданию, в нем утонуло немало храбрых джигитов. Это и неудивительно: с трех сторон овальный водоем окружен отвесными гранитными берегами высотой до десяти метров, так что если сорваться вниз, то выбраться обратно непросто.

Недалеко от Шайтанкуля расположено урочище Маликсай ("Ущелье пещер"), где глубокие гроты служили когда-то пристанищем первобытным людям. Одна из пещер, «Палатка», если посмотреть изнутри, своей округлой формой со сводом и отверстием вверху очень напоминает юрту. Еще один природный памятник — туннель длиной семнадцать метров и шириной до семи метров — образовался в высокой скале в результате совместных тысячелетних усилий воды и ветра.

А если проехать полтораста километров к северу от Каркаралинских гор, можно увидеть третью природную жемчужину казахстанских степей — горы Баянаул. Это самый маленький из трех гранитных массивов, возвышающийся над равниной на левобережье Иртыша. Баянаульские леса, горы, пещеры и озера тоже овеяны легендами, но, побывав в Кокчетау, все же воспринимаешь и Каркаралинск и Баянаул всего лишь как

уменьшенное повторение этой сказочной страны зеленых гор фантастических скал. Причем уменьшенное во много раз: площадь Каркаралы всего около тысячи квадратных километров, а Баянаула — вдвое меньше. Любой из них можно пересечь за день-два, тогда как легендарное Синегорье — действительно целая страна, которую не пройти и за две недели.

Кокчетау — не заурядный объект для поверхностной экскурсии. Путешествуя по ним, незаметно для себя сживаешься с этим уголком природы, отдаешь ему частицу своей души. И он не остается в долгу. Сосновый край тысячи скал и семидесяти озер входит в твое сознание поэтичным и красочным видением необычного и прекрасного мира. И в памяти снова и снова возникает суровый каменный сфинкс, написанный розовой кистью заката на бирюзовом холсте озера Боровое…

Озеро Искандеркуль

(Таджикистан)

На полпути от Душанбе до Самарканда, между скалистыми цепями Гиссарского и Зеравшанского хребтов, расположена самая живописная часть Тянь-Шаня — Фанские горы.

Вряд ли найдется на огромном пространстве СНГ еще один такой уголок, где на небольшом пространстве, среди редких по красоте ландшафтов, у подножья заснеженных гор рассыпано сразу три десятка больших и малых озер, окруженных зелеными лесами и белыми от пены бурными потоками впадающих ручьев и серебряными нитями водопадов.

Цвет воды ни в одном из озер не повторяется, меняясь от нежнозеленого до бирюзового и от голубого до темно-лилового. А сердцем Фанских гор является жемчужина Тянь-Шаня — озеро Искандеркуль.

Это самое большое в Фанских горах озеро расположилось на высоте больше двух километров. По форме оно напоминает треугольник площадью в три с половиной квадратных километра и достигает в глубину семидесяти метров. Со всех сторон его окружают громады гор, образуя в отдельных местах неприступные обрывы.

Самая высокая из окрестных вершин — гора Кырк-Шайтан подняла свою седую снежную главу почти на четыре километра над уровнем моря, да и остальные лишь на пятьсот—семьсот метров ниже, так что над гладью вод Искандеркуля они возвышаются на километр и больше. Бирюзовый цвет озерной воды эффектно контрастирует с красно-коричневыми скалами на горных склонах. (Фанские горы сложены преимущественно известняками, которые окислы железа окрасили всеми венкамиржавчины.)

Стремительные реки Сарытаг, Хозормеч и Серима, текущие в лесистых ущельях, и говорливый ручей Пещерный несут в озеро свои холодные воды. Принесенные ими песок и галька образовали возле устья каждой реки небольшие ровные площадки, на которых зеленеют рощи — тополиные, березовые, осиновые и арчи. Вдоль берегов Искандеркуля тянется узкая кайма из кустов ивняка, барбариса, шиповника и облепихи.

Голубовато-зеленая вода озера довольно холодная, но у берегов и в закрытых бухтах летом вполне можно купаться. Зимой Искандеркуль замерзает, и лишь посредине его сохраняется полоса, образованная струей текущей воды.

Река Искандер-Дарья, берущая начало из озера, в километре ниже истока обрывается в узкое ущелье мощным тридцативосьмиметровым водопадом. Подобраться к водопаду поближе, чтобы увидеть его во всем великолепии, почти невозможно: наклонный край ущелья покрыт мелкой щебенкой, предательски ползущей под ногами, и увлекшийся фотосъемкой турист рискует сорваться в грохочущую бездну.

Этот могучий прыжок Искандер-Дарьи нередко называют "Фанской Ниагарой", хотя точнее было бы сравнить его с африканским водопадом Виктория, который тоже падает в тесную щель, не давая возможности увидеть себя во всей красе.

Рядом с Искандеркулем, в ущелье реки Серима, расположено небольшое озеро Змеиное, названное так туристами из-за обилия змей в его водах. Выше озера ущелье реки сжимается и переходит в крутостенный каньон, завершающийся еще одним эффектным водопадом. Правда, чтобы добраться до него, придется буквально продираться сквозь густую чащу кустарников и дикой вишни.

В окрестностях озера обитают медведи, снежные барсы, горные куропатки-кеклики, хохлатые удоды, индейки — улары. Правда, само озеро не может похвастать обилием жизни: здесь водится лишь мелкая рыбешка — голец.

Немало легенд связано с этим озером. Согласно одной из них, через фанские горы проходил когда-то со своим войском сам Александр Македонский, и во время стоянки полководца на берегах озера в нем утонул любимый конь Александра — Буцефал. Кстати, и само озеро обязано своим названием великому завоевателю древности — имя Александр в Средней Азии произносили, как Искандер.

Другая легенда рассказывает о том, что в давние времена тот же Александр захватил богатые земли Согдианы — государства, расположенного тогда в этих краях. Но вольнолюбивые горцы не смирились и внезапными нападениями все время тревожили греческое войско. Тогда разгневанный Александр приказал запрудить реку, на которой стоял главный город согдийцев, и образовавшееся озеро навсегда погребло в своих глубинах крепость и ее отважных защитников.

На самом деле озеро Искандеркуль образовалось в древней ледниковой долине, перекрытой моренными отложениями ледника и горным обвалом. Но окрестным жителям, как и побывавшим на озере туристам, больше по душе старинная легенда, чем сухие строчки научных трактатов. Тем более что завораживающая прелесть Искандеркуля как-то сама собой настраивает путешественника на поэтический лад.

Кристально-прозрачные воды, почти всегда ясное голубое небо, горные исполины, уходящие вершинами в заоблачные выси, и зеленые рощи на красно-розовом фоне скал придают озеру сказочную красоту. И любуясь на берегу Искандеркуля парящим в небе орлом, совсем крохотным на фоне снежных пиков, розовых от заката, вовсе не хочется думать о геологии.

Совсем иначе выглядят горные долины и перевалы в горах, окружающих озеро, хотя и здесь немало поразительно красивых мест. Бурная и порожистая Искандер-Дарья, пенясь на камнях, убегает на восток, чтобы, слившись с Ягнобом, образовать главную водную артерию здешних

гор — Фандарью. И долго еще бледно-зеленые прозрачные воды Искандер-Дарьи текут у левого берега, не смешиваясь с мутной струей ягнобских вод.

В ущелье Ягноба турист испытает все трудности горных путешествий. В верховьях это открытая безлесная долина с небольшим уклоном. Лишь в двух местах реку стесняют скалы, и она образует короткие каньоны. Но возле кишлака Хриштоб Ягноб ныряет в глубочайшую протяженную теснину. Здесь путешественнику приходится пробираться над рекой по горной тропе, проложенной по узкому карнизу высоко над рекой. Лишь однажды горы расступаются ненадолго, а затем вновь смыкают стены каньона, и тропа то взбирается на головокружительную высоту, то спускается к самой воде, проходя под нависшими скалами.

Только у кишлака Анзоб ущелье расширяется, и тропа выходит на автотрассу, ведущую через Анзобский перевал к столице Таджикистана — Душанбе. Но впереди Ягноб ожидает еще одно препятствие — гигантский горный завал. Когда-то здесь было озеро, но затем река промыла себе путь в толще образовавшейся плотины, и теперь вся пенная масса ее воды исчезает в хаосе глыб, завалivших ущелье. Дорога серпантином спускается вниз и снова встречается с Ягнобом, вырвавшимся из-под завала у кишлака Такфон.

В окрестностях Такфона можно обнаружить скопления красноцветных конгломератов, образующих причудливые каменные изваяния, похожие на гигантские башни, колонны, обелиски и статуи.

А перед самым слиянием Ягноба с Искандер-Дарьей красные скалы вплотную подходят к дороге. В них отчетливо заметны черные пласты угля. Это самое крупное в Средней Азии Фан-Ягнобское каменноугольное месторождение, которое пока не разрабатывается из-за труднодоступности района. Зато здесь можно наблюдать редчайшее природное явление — подземный угольный пожар. Много веков пылает под землей горючий камень, и образующиеся при этом газы, раскаленные до трехсот градусов, вырываются с шумом, но без дыма и пламени через скальные трещины и черные зевы пещер. Стены их покрыты кристаллами серы и нашатыря, а почва возле трещин так раскалена, что на лежащих тут камнях можно жарить мясо, печь лепешки или кипятить чай.

А к западу от Искандеркуля, в верховьях реки Шингу, протянулась вдоль горной долины сверкающая водная лестница из семи Маргузорских озер. Путь к ним ведет от Искандеркуля через перевалы Дукдон и Тавасанг. Здесь путешественник может испытать свои нервы, так как тропа местами проходит по оврингам — искусственным карнизам, построенным с помощью вбитых в скалу кольев. Благодаря оврингам удается избежать утомительных обходов.

А чуть дальше, миновав второе по величине после Искандеркуля Куликалонское озеро, можно выйти к самым живописным в здешних горах Алаудинским озерам. Они расположены у подножья красивейшей вершины Фанских гор — Чапдары. Караванная тропа ведет мимо озер к перевалу Пушноват, откуда лежит путь к Самарканду.

А если проследовать по автодороге вниз по Фандарье, рассекающей узким ущельем Зеравшанский хребет, легко попасть в долину Зеравшана, самой большой реки в этих краях. Верховья ее долины занимает

Зеравшанский ледник, один из крупнейших на Тянь-Шане. Его длина — почти двадцать пять километров, а толщина ледникового потока достигает двухсот метров! С двух сторон в него впадают четырнадцать притоков. Начинаясь на высоте в четыре с лишним километра, ледник спускается по долине на полторы тысячи метров.

Ущелье Фандарьи, прорезавшей высоченные горы, выглядит сурово. Вокруг лишь одни обрывы да каменистые осыпи. А вблизи устья реки Пасруд на скале возвышаются руины древней крепости Сарвадар, сторожившей когда-то путь из долины Зеравшана на Ягноб. Сейчас автомобильная трасса позволяет избежать трудных подъемов на скалистые перевалы, и для путешественников, предпочитающих современные способы передвижения, она стала основной дорогой в Фанские горы.

Однако немало туристов выбирают все же старый испытанный метод — "пешком с мешком". Любители горных приключений шагают по тропам Фанских гор мимо мрачных каньонов и шумных водопадов, красных скал и зеленых рощ к волшебному озеру дивной красоты, носящему имя великого завоевателя древности.

Река Амударья

(Таджикистан—Туркмения—Узбекистан)

Истоки этой великой среднеазиатской реки лежат, строго говоря, за чределами СНГ. Со склонов заоблачного хребта Гиндукуш в Афганистане, из-под ледника, расположенного почти на пятикилометровой высоте" вытекает ручей, стремительный и бурный из-за крутизны падения. В нижнем течении он ставший уже небольшой рекой, имеет название Вахандарья. Чуть ниже Вахандарья сливается с рекой Памир, принимает новое имя — Пяндж, и надолго становится пограничной рекой, отделяя три среднеазиатские республики СНГ от Афганистана.

Большую часть правобережья Пянджа занимает Таджикистан. Река прогрызает на этом участке скалистые хребты, имеет стремительное течение и абсолютно непригодна ни для судоходства, ни для орошения. Это просто бурный белый поток в пропасти, и даже дороги вдоль него приходится местами прокладывать по бетонным, нависающим над Пянджем карнизам.

Горы Таджикистана неустанно подпитывают реку стекающей с их склонов талой водой ледников. Гунт, Мургаб, Кызылсу и Вахш, влившись в Пяндж, делают его настолько полноводным, что ниже Вахша, сменив, наконец, имя на Амударью, река несет уже воды больше, чем знаменитый Нил.

Но еще до этого "среднеазиатская Волга" встречает на своем пути первую диковинку из тех, что природа щедрой рукой рассыпала по ее берегам. На правом берегу Пянджа, чуть выше впадения Кызылсу, высится необычная, единственная в своем роде гора Ходжа-Мумин, состоящая из… чистой поваренной соли.

Геологи называют такие образования "соляными куполами". Они встречаются во многих местах мира: у берегов Мексиканского залива, в Ираке, у нас в Прикаспии, но всюду они скорее напоминают холмы — их высота не превышает десятков, максимум сотни метров. А ХоджаМумин — настоящая горная вершина с крутыми склонами, ущельями и даже пещерами. Высота этой необыкновенной горы тысяча триста метров!

Возвышаясь на девятьсот метров над окружающей равниной, она видна за десятки километров.

Окрестные жители добывали здесь соль еще с древних времен. Сейчас наука сумела разгадать многие тайны этой загадочной природной аномалии. Ходжа-Мумин, оказывается, представляет собой огромный массив, сложенный солью, а на вершине и местами на склонах покрытый тонким слоем почвы, образовавшейся из пыли, принесенной ветром. На уровне земли площадь массива достигает сорока квадратных километров, а дальше книзу соляной столб резко сужается и уходит на глубину в виде колонны диаметром около километра.

Склоны горы не белые, как можно было бы предположить, а бледно-розовые, зеленоватые или голубоватые, в зависимости от примесей, попавших в соляной пласт. Кое-где они обрываются отвесными стенами высотой до двухсот метров. На некоторых участках склонов дождевые воды промыли глубокие пещеры с огромными залами и красивыми гладкостенными переходами. А места, где образовался почвенный покров, покрыты невысокими зарослями колючих кустарников.

В недрах горы скрыты гигантские запасы поваренной соли — около шестидесяти миллиардов тонн. Если бы разделить ее между всеми жителями Земли, каждому досталось бы почти по десять тонн! Проникая глубоко в толщу горы, дождевые потоки проложили в них длинные туннели и колодцы и, пройдя гору насквозь, выходят у ее подножья на поверхность в виде необычных соленых родников. Воды их, сливаясь, образуют множество (больше сотни!) соленых ручьев, бегущих по равнине к протекающей неподалеку Кызылсу. Летом под жаркими лучами солнца часть воды в ручьях испаряется в пути, и вдоль берегов их образуется белая соляная кайма. В результате образуется своеобразный полупустынный ландшафт, напоминающий фантастические фильмы о Марсе: бурая, выжженная равнина, по которой извиваются ядовито-красноватые водотоки с безжизненными белесыми берегами.

Удивительно, но факт: на плоской вершине горы Ходжа-Мумин есть несколько источников абсолютно пресной воды! Геологи говорят, что, возможно, в толще соляного купола зажаты слои других, нерастворимых пород. Вот по ним-то под давлением снизу и поднимается вода на вершину, не соприкасаясь с пластами соли и сохраняя пресный вкус.

Благодаря ей на горе растут (разумеется, только там, где есть почва) травы. А весной среди скал, сверкающих белоснежными кристаллами соли, на вершине горы появляются алые ковры тюльпанов.

Покинув пределы Таджикистана, полноводная Амударья принимает уже на узбекской территории последний крупный приток — Сурхандарью и стремительно мчится дальше на запад. Позади остается зеленый город Термез с уникальным, самым южным в СНГ зоопарком. Здесь на широте Индии, теплый климат позволяет даже слонам круглый год жить на свежем воздухе, не зная душных вольеров. Правда, белым медведям приходится здесь нелегко. Их выручает лишь ледяная горная вода в бассейне.

Расставшись с Узбекистаном, Амударья вскоре прощается и с левобережными равнинами Афганистана, поворачивая на северо-запад и входя обоими берегами на территорию Туркмении. Отсюда две тысячи километров, до самого Аральского моря, она течет по границе двух главных

среднеазиатских пустынь: Кызылкума и Каракумов. От города Чарджоу, где построен первый (и единственный) мост через широкую реку, по Амударье уже ходят теплоходы.

Страны, лежащие по берегам реки — Узбекистан и Туркмения — используют воды щедрой Амударьи для орошения своих хлопковых полей и садов. Направо, к узбекской Бухаре, проложен Аму-Бухарский канал, а налево, в знойные пески Каракумов, уходит широкое судоходное русло Каракумского канала, или Каракум-реки, как его еще называют.

Пустыня Каракумы занимает три четверти обширной территории Туркмении. Когда летишь над ней на самолете, внизу видишь бескрайнее море золотистых песков с рассыпанными кое-где зелеными бусинками оазисов.

А с юга границей Туркмении служат высокие горы. Оттуда сбегают на равнину две большие реки — Теджен и Мургаб. Несколько сот километров текут они по территории страны, орошая окрестные земли, пока их не «выпивают» окончательно многочисленные каналы-арыки. В этих местах до нашей эры существовали древние земледельческие цивилизации, здесь и сейчас выращивают ценнейший тонковолокнистый хлопок, роскошные дыни, душистые сочные яблоки и виноград.

Плодородными землями природа одарила Туркмению с лихвой, но, как говорит здешняя пословица, "в пустыне родит не земля, а вода", а ее-то как раз и не хватает. И сотни тысяч гектаров отличных земель лежали сожженные солнцем, пустынные и бесплодные.

Каракум-река изменила жизнь в Туркмении. На тысячу двести километров протянулась трасса канала через всю республику. Мургабский и Тедженский оазисы, Ашгабат, Бахарден, Кизыл-Арват и Казанджик напоил он амударьинской водой. Дальше, к городу нефтяников НебитДагу, вода пошла уже по трубопроводу. Хлопок и овощи, арбузы и дыни, виноград и фрукты дает теперь земля Каракумов.

А Амударья бежит дальше — к благодатным садам и простирающимся за горизонт хлопковым полям древнего Хорезмского оазиса. Мощь и ширина огромной водной артерии в этих местах просто поражает, особенно после двух-трехдневного путешествия на поезде или автомобиле по сухой безводной равнине.

Уже близ Турткуля река так широка, что противоположный берег еле виден в далекой дымке. Гигантская масса воды несется к Аральскому морю с огромной скоростью и мощью. Косые, какие-то неправильные, хотя и довольно высокие волны постоянно вздымаются на поверхности Амударьи. Это не та волна, которую разводит ветер, это сама река колеблется и кипит от быстрого бега по неровному дну. Кое-где вода бурлит, пенится и клокочет, как в кипящем котле. Местами на ней образуются водовороты, затягивающие плывущие по реке обломки досок или пучки тростника. Вечером, в косых лучах заходящего солнца, их зловещие спирали издалека заметны с палубы теплохода на блестящей от закатного света речной поверхности.

Неудивительно, что русло, проложенное Амударьей среди низменной равнины, не всегда способно удержать в своих берегах этот своенравный поток. То там, то здесь река вдруг начинает подмывать берег, чаще правый. Глыба за глыбой огромные куски рыхлых пород, слагаюЩих

равнину, начинают падать в воду. При этом они производят оглушительный грохот, напоминающий пушечный выстрел. Никакая сила не может сдержать яростного напора реки.

Амударья с давних пор славилась своими капризами. Известно, что в былые времена она впадала в Каспийское море. Потом она изменила свое направление и стала изливаться в Арал. До сих пор в песках Каракумов прослеживается ее древнее русло, именуемое Узбоем, а в Красноводском заливе на Каспии легко можно найти место, где сохранились все признаки того, что здесь впадала в море большая река.

Еще арабский средневековый историк аль-Масуди рассказывал, что в IX веке большие суда с товарами спускались по Узбою из Хорезма к Каспийскому морю, а оттуда плыли вверх по Волге, либо в Персию и Ширванское ханство.

В начале XVI века Амударья разделилась в районе теперешней дельты реки на два рукава: один из них, восточный, впадал в Аральское море а западный — в Каспий. Последний постепенно мелел и высыхал, пока, в 1545 году его окончательно не засыпали движущиеся барханные пески.

С тех пор некогда густонаселенная местность по берегам Узбоя стала пустыней, и лишь развалины древних городов напоминают о вздорном характере своенравной и буйной реки.

Собственно, русло периодически изменялось и выше дельты — начиная от круто изгибающейся теснины Тюя-Муюн ("Верблюжья шея"). Течение реки здесь быстрое, берега сложены рыхлыми глинами и песками, легко размываемыми водой. Иногда на несколько километров вдоль одного из берегов тянется сплошная зона дейгиша — так называют здесь разрушительную работу реки. Бывает, что за три-четыре недели половодья Амударья «слизывает» до полукилометра береговой линии. Бороться с этим бедствием очень трудно.

Даже в XX веке в нижнем течении реки случались катастрофические ситуации. Так, в 1925 году Амударья начала подмывать правый берег в районе тогдашней столицы Каракалпакской автономной республики Узбекистана — города Турткуля. За семь лет, к 1932 году, река «съела» восемь километров побережья и вплотную подошла к окраине Турткуля, а в 1938 году подмыла первые кварталы города. Столицу республики пришлось перенести в город Нукус. Тем временем Амударья продолжала делать свое черное дело, и в 1950 году покончила с последней улицей Турткуля. Город перестал существовать, а жителей его переселили в новый городок, построенный подальше от реки.

Но вот, наконец, остались позади раскинувшиеся по левому берегу земли древнего Хорезма, скрылись в дымке купола и минареты жемчужины Средней Азии — уникальной Хивы, сохранившей, как ни один азиатский город, колорит средневековья, не нарушенный типовой современной застройкой. В этом отношении даже прославленные Самарканд и Бухара не идут ни в какое сравнение с Хивой.

А Амударья спешит вперед, к Аральскому морю. Однако прежде, чем влиться в его светло-голубой простор, буйная река преподносит еще один сюрприз: она разбегается на десяток проток и образует одну из самых больших речных дельт мира — площадью больше одиннадцати тысяч

квадратных километров.

Точной карты этого огромного хитросплетения русел, проток, каналов, островов и болотных тростниковых джунглей не существует. Поскольку непостоянная река то и дело меняет русло, одни протоки высыхают, другие, ранее сухие, наполняются водой, меняются очертания островов, мысов и излучин реки, так что возделывать земли дельты, несмотря на наличие воды, невозможно. Здесь раскинулось царство тугаев — густых зарослей двух-трехметровых тростников и кустарников, где еще лет пятьдесят назад водились даже грозные туранские тигры. Да и сейчас в тугаях настоящий рай для птиц, черепах, кабанов и завезенных сюда недавно ондатр. Рыбаки же вытаскивают на спиннинг иной раз двухметровых сомов.

А за зеленым морем тугаев ожидает Амударью страдающий от безводья Арал, лишившийся почти полностью подпитки водами Сырдарьи, второй по значению реки этого региона. Практически всю ее воду разбирают на орошение, и она впадает в Аральское море лишь в половодье. Вот и приходится Амударье одной поить высыхающее море в одиночку.

Так заканчивает свой путь от далеких ледников Гиндукуша эта напоившая три республики СНГ удивительная река с тремя названиями. А если быть точным, то на двух с половиной тысячах километров ее неутомимого бега мы увидели три разные реки: бешеный горный поток, могучую водную артерию среди бескрайней пустыни и паутину проток в камышовых лабиринтах дельты. Такой вот разноликой и необычной останется в памяти эта изменчивая, грозная и благодатная река, которую четыре страны и пять народов называют древним именем Амударья.

Сарезское озеро

(Таджикистан)

Река Мургаб веками текла, пенясь на водопадах и порогах, через крутостенное ущелье у подножья памирского хребта Музкол. Но февральской ночью 1911 года склоны хребта содрогнулись от мощного подземного толчка. В результате землетрясения от правого борта ущелья оторвалась гигантская скала и рухнула вниз, в долину, завалив ее на протяжении восьми километров. Высота завала достигла семисот метров — это высота 200-этажного дома!

В ущелье Мургаба обрушилось тогда больше двух миллиардов кубометров обломков скалы, полностью завалив находившееся внизу небольшое селение — кишлак Усой. Усойский обвал считается величайшим по масштабам из всех, случавшихся на земном шаре.

Воды реки, остановленные образовавшейся естественной плотиной, стали накапливаться за ней, заполняя ущелье. Так возникло самое молодое на нашей планете горное озеро. Оно быстро росло, и уже через полгода затопило расположенный в двадцати километрах выше завала кишлак Сарез. Жители его, не успев даже убрать урожай со своих огородов, бросили дома и перебрались на новое место. А кишлак скрылся в водах озера, которое в память о нем назвали Сарезским.

Сейчас оно вытянулось в длину на шестьдесят километров, а глубина его превысила пятьсот метров. Высота зеркала воды Сареза над уровнем моря составляет 3240 метров. Из крупных водоемов мира немногие

могут потягаться с памирским озером в этом отношении.

Но самое удивительное, что ниже плотины Мургаб… исчезает! С высокой плотины не видно внизу никакого водного потока. Воды реки просачиваются, как бы фильтруются, сквозь тело завала и на протяжении семи километров ниже плотины текут под землей, в толще галечных отложений на дне ущелья. Лишь затем они пробиваются на поверхность обильными родниками, которые, сливаясь, возрождают Мургаб.

Район Сареза поражает своей суровостью, безжизненностью и какой-то удивительной тишиной. Сначала трудно даже поверить, что здесь когда-то рушились горы, грохотали водопады и катились по откосам огромные куски скальных пород. Но и в наши дни порой можно увидеть как на склонах Музкола вдруг возникает серое облачко и, постепенно увеличиваясь в размерах, стремительно катится вниз. Долетев до озера, оно плюхается в пучину, поднимая огромный столб воды. Это сходит очередной обвал. Лишь через несколько минут успокаивается водная гладь, и над озером снова воцаряется торжественное безмолвие.

Сухой воздух высокогорья на редкость прозрачен. Человеческий глаз не в силах уловить перспективу, и дальние горы кажутся такими же четкими и резкими, как и стоящие рядом. Поражает и безлюдье на берегах огромного (девяносто квадратных километров!) водоема. Ближайший населенный пункт на востоке — поселок Мургаб — находится в двухстах километрах выше по реке. Да и вниз по течению до селения Бартанг тоже не меньше ста пятидесяти километров. Лишь редкие охотники да геологи появляются у озера летом. А зимой покой Сарезского озера нарушает разве что "снежный человек", легенды о котором издавна ходят среди местных таджиков. И хотя несколько экспедиций, побывавших здесь, так и не нашли следов нашего дикого родственника, охотники и пастухи на Памире верят в его существование и рассказывают о встречах с ним на горных тропах своего и по сей день малоисследованного края.

Сарез расположен на границе двух различных частей Памира: высокогорного плато на востоке и сильно расчлененного Западного Памира, или Бадахшана. Бадахшан — край покрытых ледниками высоких хребтов и бурных стремительных рек, проложивших себе путь в узких глубоких ущельях, подобных Мургабскому. Во многие из них солнце заглядывает лишь на два-три часа в середине дня. И вода в бадахшанских реках то мутно-белая, когда поток мчится из-под самых ледников, то прозрачная ярко-голубая, если по пути река протекает через озеро и оставляет в нем песок и глину, доставшуюся ей от тающих льдов и снегов. На горах растут только чахлая полынь и колючие кустарники, прижавшиеся к земле, словно большие серо-зеленые подушки. А в садах кишлаков на нижних террасах долин растут яблони и абрикосы, виноград и дыни. Словом, Бадахшан — край контрастов: высотных, цветовых ирастительных.

А Восточный Памир представляет собой равнину, только поднятую на высоту четырех тысяч метров. Здесь полностью оправдывается его гордое название. (Памир в переводе означает — "Крыша мира".) Грандиозные, шести-семикилометровой высоты горы окружают плоскогорье почти со всех сторон. Облака, напоенные влагой, не доходят до Памира, оставляя осадки на внешних склонах хребтов, и воздух здесь сух настолько, что у путешественника нередко трескается кожа на губах. К

тому же он на редкость прозрачен, так что, проходя по снежным полям, приходится защищать лицо маской, иначе неминуемы солнечные ожоги.

Если же случайная тучка все же прольется редким дождичком, то капли его испаряются, не достигнув земли — все из-за той же сухости воздуха. В этой высокогорной пустыне осадков выпадает вдвое меньше, чем в Каракумах. А мороз в январе бывает до минус сорока восьми градусов! Да и летом температура редко поднимается выше плюс десяти. Случается, что даже в июне на перевале караван встречает снежная пурга. Словом, это край экстремальных условий. Не случайно на огромных просторах Восточного Шмира, раскинувшегося на четыреста километров с севера на юг и на двести — с запада на восток, почти нет селений. Можно проехать через все плато по Памирскому тракту, от перевала Кызыл-Арт до Шугнанского хребта, и на всем трехсоткилометровом пути встретятся только три крохотных кишлака, да уже упомянутый поселок Мургаб.

Такие «лунные» пейзажи: безлюдье, безводье, суровая холодная безжизненность — встречаются еще только в одном месте на нашей планете — на Тибетском плоскогорье. Недаром Восточный Памир называют "Тибетом в миниатюре". Из растений здесь попадаются только колючие растения-подушки да приземистые кустики терескена — единственного топлива для костра, который поможет путнику скоротать холодную ночь на плато.

Животные в этом районе обитают в основном на склонах окружают щих гор, там, где текут ручейки с ледников. В норах между каменными глыбами прячутся сурки и пищухи, по гребням прыгают с камня на камень могучие архары — крупные горные бараны с тяжелыми двухпудовыми рогами. Необычны птицы Памира, многие из которых встречаются и в Тибете: рогатый жаворонок, серпоклюв, снежный гриф, тибетская горная индейка и тибетский ворон. А на равнинах пасутся, пощипывая редкие пучки сухой травы, хозяева здешних мест — мохнатые яки, за которыми следуют их злейшие враги — поджарые тибетские волки. И горе отбившемуся от стада теленку — стая хищников не упустит добычи, и скоро парящий над плоскогорьем огромный орел-бородач спикирует вниз, чтобы завершить их кровавое пиршество.

Если бы яка на Памире не было, его, безусловно, следовало бы выдумать, потому что по неприхотливости и полезности с ним может сравниться разве что северный олень Крайнего Севера. Шерсть яка так длинна и густа, что он не нуждается ни в какой подстилке и может спокойно провести ночь на мерзлой земле или даже на снегу. С грузом в полтораста—двести килограммов могучее животное, дающее горцам и молоко и шерсть, движется по горным тропам с ловкостью и уверенностью циркового канатоходца. А про ячье молоко таджики говорят, что оно такое густое, что "на молоке ячихи заяц пляшет и не тонет".

В холодной высокогорной пустыне Памира яки нашли для себя обширные, хоть и скудные пастбища, где у них практически нет конкурентов. На берегах медленно текущих рек Восточного Памира только эти привыкшие к разреженному воздуху неприхотливые горные быки без труда могут добыть для себя пропитание, и, может быть, именно поэтому единственным домашним скотом в заоблачном памирском краю является этот косматый гигант с хвостом лошади, рогами быка и хрюкающий, как

свинья.

В северной части плато находится самое высокое из крупных озер СНГ — Каракуль. "Черное озеро" (так переводится с тюркского его название) расположено на высоте почти в четыре километра над уровнем моря. По площади — 364 квадратных километра — оно равно половине Ильмень-озера у Новгорода и вчетверо превышает площадь Сареза. Его солоноватые и прозрачные как хрусталь воды даже летом не прогреваются выше двенадцати градусов, а семь месяцев в году оно вообще покрыто льдом. Пустынны просторы Каракуля. Лишь индийские гуси приземляются весной на его островах, летя из теплых краев на север.

Через эти места пролегали когда-то древние торговые пути из Китая к Средиземному морю. Но описаний Памира мы почти не встретим в записках побывавших тут купцов или паломников. Лишь китайский путешественник VII века Сюань Цзян посвятил Памиру несколько строк: "Царствует здесь страшная стужа, и дуют порывистые ветры. Снег идет зимой и летом. Ни зерновой хлеб, ни плоды произрастать здесь не могут".

А через шесть веков по караванным тропам Памира прошел неутомимый венецианец Марко Поло. В своей книге под 1270 годом он записал: "Поднимаешься на самое высокое, говорят, место на свете. Двенадцать дней идешь по той равнине, называется она Памиром, и во все время нет ни жилья, ни травы, еду нужно везти с собой. Птиц тут нет оттого, что высоко и холодно. От великого холода и огонь не так светел и не того цвета, как в других местах, и пища не так хорошо варится".

Действительно, мясо варить здесь лучше в скороварке: ведь в котелке вода на такой высоте кипит уже при восьмидесяти градусах.

До сих пор дорога, соединяющая столицу Таджикистана Душанбе с центром Памира — Хорогом — действует только в летнее время. Зимой, когда снег засыпает перевалы, единственный путь на Памир ведет из ферганской долины, от древнего города Ош. Через четыре горных перевала бесконечными серпантинами поднимается Памирский тракт на "Крышу мира". Последний, самый высокий перевал Акбайтал, находится на высоте 4655 метров. Это всего на полтораста метров ниже Монблана! А на перевале Талдык автомобиль на десятикилометровом отрезке оказывается на высоте две тысячи метров. Шофер здесь — профессия в прямом смысле слова геройская, но для страховки машины всегда идут в рейс по две, чтобы в случае аварии не остаться одному в холодной пустыне.

Трасса Ош — Хорог в полтора раз длиннее дороги на Памир из Душанбе, но зато ее не заносит снегом, и для Памира это поистине "дорога жизни". Она проходит мимо мрачного Каракуля, мимо рудника Кух-и-Лал, где добывают дивный темно-синий камень — лазурит (таких мест всего два в мире — здесь и в Афганистане), мимо горячих фонтанирующих источников Гарм-Чашма, кишлака Билянд-Киик, где, по слухам, видели "снежного человека", и многих других замечательных уголков Памира.

И только самая драгоценная жемчужина этого высокогорного края — Сарезское озеро — по-прежнему надежно спрятано в сердце бадахшанских гор. Путь к нему и сегодня нелегок и непрост. Но люди снова и снова пробираются к заветному озеру, и не только из-за его красоты.

Гидрогеологи уже давно тревожатся за судьбу Сареза. Представьте, что может случиться, если вода, пока мирно фильтрующаяся через

Усойский завал, размоет его и прорвет высоченную семисотметровую плотину! Гигантский водяной вал ринется тогда вниз по ущелью Мурба, отрывая от берегов каменные глыбы, выворачивая деревья, снося кишлаки и мосты и уничтожая все на своем пути. Бешеный водно-грязе-каменный поток — сель — промчится вниз до впадения Мургаба в Пяндж и дальше, туда, где Пяндж и Вахш, сливаясь, образуют АмуДарью. Десятки городов и селений будут стерты с лица земли. Это была величайшая катастрофа современности!

Пока наблюдения ученых не вселяют опасения: естественная плотина ведет себя спокойно. Но кто знает, как обернется дело после очередного землетрясения, которые здесь не редкость. И поэтому гидрогеоли круглый год несут вахту на Сарезе. Жемчужина Памира не должна стать угрозой для людей.

Бадхыз

(Туркменистан)

На самом юге Туркменистана, близ границы с Афганистаном, за безжизненными просторами Каракумов, находится удивительный край. Когда впервые попадаешь сюда, возникает ощущение, что ты не в сердце Азии, а в африканской глубинке, где-нибудь у озера Чад или в Судане.

Здесь соседствуют саванна и пустыня, горы и солончаки, здесь живут леопарды и гиены, черные грифы и газели, дикобразы и термиты. Имя этому краю — Бадхыз.

Ландшафты Бадхыза необыкновенно разнообразны. Основная его часть — холмистое плато, поднятое на 800 метров над уровнем моря Но с запада его окаймляет горный хребет Гез-Гедык, вершины которого возвышаются над местностью на 1200 метров. Хребет прорезан узкими каменистыми ущельями с отвесными скалистыми стенами. А на юге плато обрывается крутым уступом к обширной и глубокой (до 500 метров) впадине Ер-Ойлон-Дуз с соленым озером и причудливыми скалами-останцами. С севера почти отвесный склон впадины как бы разрублен огромным восемнадцатикилометровым оврагом Кызыл-Джар. Его обрывистые красные склоны, уходящие на десятки метров вверх, чем-то напоминают американский Большой Каньон.

Весной холмистое плоскогорье Бадхыза похоже на необычную приземистую саванну, где зеленую степь оживляют поднимающиеся над травой высокие зонтичные злаки — ферулы, издали напоминающие странные экзотические кусты. По мере того как весна вступает в свои права, а затем сменяется летом, саванна меняет цвета, словно по мановению волшебной палочки.

В марте холмы Бадхыза (их тут называют баирами) фиолетовые от цветущих хохлаток и первоцветов. К началу апреля баиры краснеют: это распускаются маки и тюльпаны. А ближе к маю степь окрашивают в желтый и синий цвета многочисленные ирисы и колокольчики. В жаркие майские дни всюду цветут белые астрагалы, а в июне — шаровидные кусты алтея, живокости и вьюнков.

В западной части плоскогорья, по склонам гор и холмов раскинулась уже настоящая, классическая саванна, где среди высоких трав растут отдельные деревья высотой в 5–7 метров. Но это — не африканские акации и баобабы, а… фисташки. Уже с высоты полуметра они начинают

ветвиться, образуя густую крону, в которой обязательно чернеет птичье гнездо. А под деревом, как правило, находится лежка кабана, а то и леопарда. Ведь это единственное место, где зверь в летнюю жару может укрыться в тени.

Совсем другой вид имеет впадина Ер-Ойлон-Дуз. Это настоящая пустыня, с солончаковыми и каменистыми безжизненными равнинами, где можно встретить только юрких ящериц-гекконов, а изредка и самую крупную из наших рептилий — серого варана Полутораметровый "сухопутный крокодил" бродит по пустыне в поисках добычи: грызуновпесчанок, ящериц, молодых черепах или птиц.

Человеку лучше уклониться от близкого знакомства с вараном. Широкая пасть этой рептилии полна острых зубов, а удар хвоста оставляет на коже багровый кровоподтек.

Встречаются тут и типичные обитатели пустынь — змеи, в том числе кобра, а также эфа и стрела-змея. У стрелы тонкое туловище и удлиненный заостренный хвост. Песчано-серая защитная окраска делает ее совершенно незаметной на фоне песка. Нападая на ящериц, стрела-змея как бы на лету схватывает свою добычу. Яд ее убивает жертву за 5–6 секунд. К счастью, ядовитые зубы стрелы находятся в задней части верхней челюсти, поэтому для человека она не опасна. Змея просто не может настолько широко раскрыть свою маленькую пасть, чтобы глубоко захватить ею человеческую руку или ногу.

Совсем другое дело песчаная эфа — одна из самых крупных и ядовитых змей Средней Азии. Ее желтое или буро-серое туловище толстое и мускулистое. На голове светлое пятно в форме креста. При виде опасности она сворачивается в полукольцо, слегка приподняв голову и извиваясь всем телом. При этом она издает звук, похожий на шипенье воды, льющейся на раскаленную сковороду. Укус эфы смертелен для человека, но летом эта змея охотится только по ночам, так что шанс встретиться с ней невелик.

В саванне животный мир куда интереснее и разнообразнее. Здесь обитает главное украшение Бадхыза — дикий осел-кулан. Для науки эти быстрые и пугливые копытные были открыты в конце XIX века знаменитым Пржевальским. В то время их многочисленные табуны резвились на огромном пространстве от Урала до реки Хуанхэ. Но человек, занимая редкие водопои в пустынях, оттеснял куланов в лишенные влаги каменистые и глинистые равнины, где без воды эти животные были обречены на гибель. К тому же на них охотились: ведь из кожи кулана выделывали самый лучший сафьян для сапог. И теперь в степях и пустынях Монголии и Китая счет куланам идет уже на десятки, а в Казахстане их не осталось совсем. Уникальный зверь занесен ныне в Красную книгу.

А в саваннах Бадхыза этих красивых копытных пасется больше 700 голов — почти половина всего поголовья в мире! Окрашенный в защитный палево-песчаный цвет, кулан далеко видит и быстро бегает. Угнаться за ним всаднику практически невозможно — ведь он может часами бежать со скоростью 70 километров в час, тогда как лошадиный рекорд — всего 58 километров.

Табун куланов легко уходит от преследования при малейшем намеке на опасность. На водопой табуны приходят ночью. Подгоняемые громким

ржаньем жеребца-вожака, куланы неудержимой лавиной катятся к реке. На несколько минут они замирают у самой воды, а затем долго и шумно пьют. Вокруг водопоя далеко разносятся цоканье копыт по прибрежной гальке, фырканье, тревожное ржанье кобылиц, подзывающих жеребят, и повелительный голос вожака.

Красив и грациозен еще один обитатель Бадхыза — джейран. Этих небольших газелей здесь несколько тысяч, и зимой не редкость встретить стадо из сотни джейранов, а то и больше. Весной же они поодиноч- ке или небольшими табунами пасутся на зеленой траве, и в случае опасности стремительно уносятся прочь.

А по горным склонам неторопливо передвигаются от распадка к распадку красавцы-архары. Увенчанный могучими рогами силуэт этого горного барана четко вырисовывается на фоне синего неба, когда архар бежит по гребню хребта. Архар — красивое животное, величиной с небольшую лошадь. Его завитые крутой спиралью рога желтоватого цвета — завидный охотничий трофей, столь же большой, сколь и тяжелый. Пара рогов иной раз весит до тридцати килограммов.

Занятный и необычный зверь — индийский медоед — на территории СНГ водится только в предгорьях хребта Гез-Гедык. Отдаленно напоминающий барсука, он роет норы на склонах холмов, под фисташковыми деревьями. Шерсть его окрашена на брюхе в черный цвет, а сверху имеет защитную песчано-белесую окраску. Во время своего стелющегося бега он поминутно замирает, распластываясь по земле, и при этом полностью сливаясь с почвой.

Повсюду в Бадхызе можно встретить следы работы трудяги-дикобраза. В поисках луковиц тюльпанов — своей любимой пищи — он роет на холмах многочисленные лунки (до четырех тысяч на одном гектаре!). Дикобразы также большие любители сочных огурцов, помидоров, дынь и арбузов. Поэтому они часто наведываются на бахчи и огороды местных жителей, которые ловят их капканами ради вкусного мяса.

Из хищников в саванне встречается полосатая гиена. Зверь этот скрытный, осторожный и покидает свое логово только по ночам. Обычно гиена бродит за стадами джейранов, пожирая трупы или доедая остатки зарезанных волками газелей. Не брезгуют гиены и черепахами, благо мощные челюсти позволяют им легко разгрызать их панцири.

В Бадхызе обитает много кошачьих хищников. Дымчатых леопардов здесь больше, чем в любом другом уголке Средней Азии. Изредка попадается здесь и гепард — самая быстрая дикая кошка на Земле. Скорость бега этого зверя достигает 120 километров в час, и его жертвой нередко становится не только джейран, но и неосторожный кулан. В густой вы^кой траве охотятся на грызунов, медоедов и прочую мелкую живность степной кот и пустынная рысь-каракал.

А среди бадхызских птиц больше всего жаворонков. Весной достаточно пройти по степи километр, не больше, чтобы насчитать с полдюжины этих птиц, поющих высоко в небе. Богат Бадхыз и птицами — такими как розовый скворец, золотистая щурка, изумрудный сизоворонок цветная дрофа и фазан. Встречаются здесь и совсем редкие для СНГ виды: индийский украшенный чибис и жулан. В скалах устраивает свои лепные гнезда скалистый поползень.

Немало тут и хищных птиц: черных коршунов, стервятников, орловкурганников. Встречаются также орел-змееяд, сокол-балобан, орел-карлик и самый крупный из всех — черный гриф, постоянно парящий над саванной. Свои огромные, как у аиста, гнезда он устраивает на фисташковых деревьях.

Кстати, фисташка является для многих животных не только местом проживания или укрытием от солнца. Ее вкусные орехи служат пищей и для птиц, и для хомячков и медоедов, и для кабанов и архаров, а то и для куланов. Питаются ими даже лисицы и волки, особенно в зимнее время.

Весной из своих подземных жилищ вылетают на волю крылатые термиты. Сопки в такие моменты словно курятся серой дымкой. Сотни птиц — от дроздов и славок до коршунов и орлов устраивают тогда себе настоящее пиршество. Упавших на землю термитов подбирают лисицы и дикобразы. Редко где встретишь рядом таких разных животных, собравшихся на столь необычный банкет.

Саванны встречаются во многих странах мира. Эти жаркие полустепи-полуредколесья есть в Северной и Южной Африке, в Южной Америке и на Кубе, в Австралии и на Ближнем Востоке. Но, положа руку на сердце, надо признать, что саванновые ландшафты, в общем, однообразны. Исключения, конечно, есть, но они очень редки. И ни одна саванна на свете не сравнится по красоте с полыхающей весенним разноцветьем фисташковой саванной Бадхыза.

Озеро Севан

(Армения)

Самое большое в Закавказье и одно из самых крупных высокогорных озер СНГ — Севан — лежит в сердце Малого Кавказа, окруженное со всех сторон высокими горными хребтами.

Ведь Малый Кавказ — только по названию малый: его высшая точка, Большой Арарат, уступает Эльбрусу всего пятьсот метров. Высота поднимающихся над Севаном с южной стороны Гегамского и Варденисского хребтов превышает три с половиной километра над уровнем моря, да и северный рубеж озера — Шахдагский хребет — всего на двести метров ниже. Так что над бирюзовой чашей чистейшей горной воды, именуемой Севаном, его каменное обрамление возвышается на полтора километра, хотя само озеро и находится на почти двухкилометровой высоте.

Севан — детище грозных вулканических сил. Когда-то извержения огнедышащих гор образовали могучие хребты и запрудили долину между ними естественной лавовой плотиной. Двадцать восемь речек, стекающих со склонов окрестных гор, наполнили вулканическую котловину водой, образовав одно из красивейших озер мира.

Красота Севана — немного суровая, даже мрачноватая. Черные склоны хребтов резко контрастируют с синей водой озера, и даже скупые силуэты древних храмов не оживляют пейзаж, а добавляют ему строгости и грозного величия. Не случайно самое, наверное, красивое зрелище на Севане — это летние грозы над бескрайней ширью этого горного озера. Когда громовые раскаты, эхом отражаясь от окрестных хребтов, словно заполняют до краев огромную озерную чашу, а из темной, отливающей

зловещей синевой тучи повисают вниз косые полосы ливней, между которыми пробиваются сквозь прорехи в облачности ослепительно белые и желтые солнечные лучи, пляшущие по вспененным волнам Севана, у путешественника невольно захватывает дух от зрелища этого дикого и живописного разгула стихии на столь эффектной природной сцене, а сердце сжимается от ощущения какой-то неземной, фантастической красоты окружающего пейзажа.

На карте хорошо видно, что озеро состоит из двух неравных частей: Большого и Малого Севана. Малый — глубокий и холодный. Да и трудно было бы солнцу прогреть стометровую толщу озерной воды. Другое дело — Большой Севан. Глубины здесь не превышают восьми метров, и купанье где-нибудь у скалистых берегов Артанишского полуострова — просто райское наслаждение. Теплая вода, солнечное небо и горячая галька пляжа заставляют забыть о высоте, и только прозрачный горный воздух, какого не вдохнуть ни в Крыму, ни в Сочи, возвращает путешественника к реальности.

Когда-то берега Севана были покрыты густыми лесами. Но человек поселился здесь тысячи лет назад, еще во времена древнего царства Урарту, и, конечно, за тридцать веков от зеленой каймы озера мало что осталось.

Однако вулканический ландшафт по-своему живописен и интересен для путешественника. Вулканы Армении извергались по геологическим меркам совсем недавно, может быть, тысячу лет назад. Поэтому на склонах хребтов прекрасно сохранились потоки лавы, россыпи вулканических бомб, а на вершинах — умолкшие теперь кратеры.

Лучше всего приезжать на Севан не с юга, из Еревана, как делает большинство путешественников, а с северо-запада, по дороге, ведущей из Тбилиси через Семеновский перевал. Почти двести лет назад солдаты Семеновского полка, сосланные сюда за участие в восстании декабристов, строили дорогу из Грузии в Армению, увековечив имя своей гвардейской части на карте Кавказа.

Крутой и извилистый серпантин горной дороги приведет туриста из приветливого курортного городка с мелодичным названием Дилижан на вершину перевала. Автомобиль долго будет закладывать поворот за поворотом, приближаясь к желанной седловине.

Неожиданно, как это нередко бывает в горах, подъем кончается, и внизу, у подножья гор, открывается глазу огромное водное пространство, заключенное в темную рамку горных хребтов. В длину Севан протянулся почти на восемьдесят километров, а в ширину достигает тридцати. Попав на озеро, путешественник часто останавливается в недоумении, не зная, куда дальше направить свои стопы. Суровое и безлюдное, но удивительно живописное северное севанское побережье манит любителей дикой природы, западный и южный берега озера подарят встречи с древностями и историческими реликвиями, а окружающие озеро хребты познакомят с могучим миром вулканической стихии.

На береговых скалах Севана сохранились клинописные надписи, сделанные по приказу повелителя Урарту, победоносного царя дргишти, в память о его военных подвигах в VIII веке до нашей эры.

Кстати, и само название озера Севан происходит от урартского слова Сиунну ("Озерная страна"). Правда, некоторые ученые считают, что имя озера родилось из словосочетания "Сев ванк" ("Черный монастырь") и связано с построенным в 874 году на острове Севанским монастырем. Одиннадцать веков минуло с той поры, остров успел стать полуостровом, но древний монастырь по-прежнему высится над гладью озера Он действительно возведен из черного и темно-красного камня, так что и эта версия имеет право на существование. Но название Севан, как считает большинство историков, появилось все же ранее IX века, и урартское происхождение его более правдоподобно.

Севанский монастырь — не единственный шедевр древней культуры на берегах озера. Не менее уникальны памятники древнего кладбища на мысе Норадуз. С VII до XVII века украшали его армянские мастера каменными надгробиями, поражающими красотой филигранных узоров.

Но, конечно, оказавшись на Севане, нельзя не попытаться забраться в горы, чтобы непосредственно ощутить грозное величие "страны потухших вулканов". Незабываемое впечатление остается у путешественника от восхождения на высшую точку Гегамского хребта — вулкан Аждаак Преодолев глыбовые россыпи у подножья горы, можно по черным базальтовым склонам подняться к вершине, на которой в кратере диаметром в двести метров находится небольшое озеро.

С вершины Аждаака, вознесшейся на высоту три тысячи шестьсот метров, открывается потрясающая панорама Армянского нагорья: на севере и востоке сверкает лазурное зеркало Севана, на западе — четырехглавая зазубренная верхушка горы Арагац — самой высокой горы Армении, а на юге, за рекой Араке, белеют снежные вершины Большого и Малого Арарата.

Не менее интересные встречи с природой и историей ожидают путешественника за хребтом. Всего один день пешего пути по горной тропе, усыпанной кирпично-оранжевым вулканическим шлаком и кусками вулканического стекла-обсидиана, — и попадаешь в Гегардское ущелье, знаменитое своим уникальным пещерным монастырем XIII века, поражающим удивительной акустикой своего главного храма, целиком высеченного в толще скалы.

А еще через десять километров путешественник переносится из средневековья еще на тысячу с лишним лет назад, в античную эпоху, увиДев на высоком мысу над ущельем красивейший эллинистический храм, построенный в I веке до нашей эры. К востоку от Черного моря нет больше ни одной подобной постройки.

Храм у армянского селения Гарни простоял больше полутора тысяч лет, после чего был разрушен землетрясением. Сейчас он восстановлен и предстает во всем блеске прежнего величия.

А вдоль склона ущелья тянется потрясающая природная колоннада из шестигранных базальтовых столбов стометровой высоты. Река Азат пропилившая застывший лавовый поток, открыла людям красивейшее создание древних вулканических сил, подобное которому можно встретить разве что на Курильских островах или в окрестностях легендарной Мостовой Гигантов в Ирландии.

Вытекающая из Севана река Раздан образует живописнейшее ущелье, ведущее в плодородную и цветущую Араратскую долину. На менее чем в ста километрах своего пути Раздан спускается почти на километр, образуя целые каскады водопадов. Естественно, что человек не мог не попытаться использовать такой щедрый дар природы, как только почувствовал в себе силу сразиться с ней и поставить себе на службу.

Судьба озера Севан — особенно яркий пример могущества современной техники, способной уничтожить самые прекрасные природные творения во имя сиюминутной выгоды. Дело в том, что в 1940-е годы было решено пробурить в лавовой перемычке Севана туннель и спустить большую часть вод озера с целью выработки максимального количества электроэнергии на построенном ниже каскаде электростанций. Обнажившееся дно озера предполагалось превратить в поля и сады.

Отечественная война помешала реализации проекта в части строительства ГЭС, и большая часть воды утекла без пользы, а земли, отвоеванные у Севана, превратились в болота с малярийными комарами. Когда разум все же взял верх, треть озера уже была спущена. Чтобы удержать хотя бы нынешний его уровень, пришлось построить в сложнейших условиях пятидесятикилометровый туннель под горным хребтом из долины соседней реки Арпы, по которому ее вода влилась в скудеющую чашу Севана. Теперь уровень озера удается сохранять стабильным, а обнажившаяся у крутого северного берега Севана полоса пляжа, с точки зрения путешественников, даже прибавила заманчивости скалистому побережью. Жаль только, что остров с монастырем стал теперь полуостровом. Так необдуманное вмешательство в природу приводит порой к печальным последствиям.

К счастью, тяжелые времена для Севана остались, кажется, позади, и дивное озеро останется прекраснейшим чудом природы всего кавказского региона.

Анакопийская пещера

(Грузия)

На северо-западе Грузии, между Черным морем и величественными снежными кручами Главного Кавказского хребта, расположен небольшой, но удивительно богатый природными красотами и древними памятниками край — Абхазия. Каких только замечательных творений природы не встретит здесь путешественник! Это и овеянное легендами и прославленное путеводителями живописнейшее озеро Рица, давно уже считающееся эталоном красоты горных озер. Это и одна из самых водопадных рек СНГ — бешеная Бзыбь, в бассейне которой насчитывается больше двух десятков водопадов, в том числе один двухсотметровый! Это и знаменитый Ботанический сад в Сухуми, и уникальная роща пицундской сосны, и пальмовые аллеи Гагры, и белопенные каскады реки Ингури — самой большой в Абхазии. Это, наконец, ледники и скалы Большого Кавказа с синими блюдцами озер и каменными реками осыпей у подножья заснеженных хребтов.

Впечатления от горных походов, конечно, навсегда остаются в памяти. И ни один путешественник, прошедший Марухским или Клухорским перевалом через Кавказский хребет, никогда не забудет величавых снежных вершин двуглавого Эльбруса, алеющих в первых лучах

восходящего солнца…

Но, как это часто бывает, среди замечательных пейзажей и удивительных чудес природы, поражающих и чарующих, но все же встречающихся не только здесь, в Абхазии, есть в этом крае одна уникальная жемчужина природы, подобной которой не встретишь больше ни в одном районе нашей планеты. Это грандиозная и сказочная Анакопийская пещера — одно из самых прекрасных творений могучего скульптора и землекопа, художника и гидротехника, которому ученые дали красивое имя — карст.

Пещера эта находится в окрестностях курортного городка, в древности носившего имя Анакопия, а теперь называющегося Новым Афоном. Поэтому знаменитую пещеру нередко зовут также Новоафонской.

Но местные жители — абхазы — с давних пор именовали ее "Бездонной Ямой". Много легенд и преданий было сложено о злых горных духах, живущих в «Бездонной», и о спрятанных там драгоценных кладах.

Но за много веков ни одному смельчаку не удалось спуститься в Анакопийскую пропасть, с которой начиналась пещера.

Лишь в 1961 году грузинские спелеологи сумели покорить эту огромную подземную полость. Оказалось, что пещера состоит из двух непохожих частей: очень сложной для прохождения и довольно невзрачной вертикальной и красивейшей горизонтальной. Первая, впрочем, может называться вертикальной лишь условно. Она имеет скорее спиралевидную форму с чередованием вертикальных ходов и крутосклонных расщелин и уходит почти на полтораста метров в недра Земли. Далее она соединяется с анфиладой залов горизонтальной системы, тянущейся более чем на три километра и включающей целый ряд подземных дворцов, поражающих своим сказочным великолепием и не имеющих себе равных в СНГ по размерам и красоте своего каменного убранства.

Исследования грузинских спортсменов и ученых позволили открыть доступ в прежде неприступную подземную сокровищницу. С поверхности к одному из залов горизонтальной системы был проложен искусственный проход, и теперь тысячи туристов каждый год открывают для себя ее удивительный мир.

Анакопийская пещерная система находится, как уже было сказано на окраине живописного уголка черноморского побережья — курорта Новый Афон Место это и до начала массового посещения пещеры пользовалось популярностью Горные хребты, озера и водопады, благодатный теплый климат, обилие солнца и субтропической зелени привлекали сюда множество туристов.

Среднегодовая температура здесь такая же, как среднеиюльская в Москве Улицы курорта, засаженные аллеями пальм, бананов, магнолий и пирамидальных кипарисов, как будто переносят путешественника куда-нибудь в Коста-Рику или на Мадагаскар Розы и камелии, благородный лавр, маслины и мандарины дополняют пейзаж этого дивного экзотического оазиса.

Узкий проход между морем и горами, где расположен Новый Афон, с давних пор на протяжении трех тысячелетий был, выражаясь современным языком, стратегическим районом в ходе военных кампаний и много неудачливых завоевателей и доблестных защитников горного прохода

сложили свои головы у древних стен здешних крепостей Самую старинную из них — античную Анакопийскую цитадель на Иверской горе — археологи относят к IV веку до нашей эры Сохранились в Афоне и руины могучей Анакопийской крепости VI века нашей эры Тогда здесь находилась резиденция правителей Абхазии.

А в конце XIX века на южном склоне Иверской горы был построен православный монастырь, быстро ставший известным во всей России Посещение этого крупнейшего религиозного центра Причерноморья считалось таким же почетным и богоугодным делом, как паломничество в Соловецкую и Валаамскую обители, в Троице-Сергиеву и Киево-Печерскую лавры.

Основание Новоафонского монастыря вдохнуло новую жизнь в заброшенный глухой городок, и к началу XX века он стал еще и модным курортом наряду с Гаграми, Пицундой, Гудаутой и другими приморскими здравницами.

До 1961 года Новый Афон оставался лишь одним из многих таких же красивых и целебных уголков Черноморского побережья, но открытие и оборудование для массового посещения Анакопийской пещеры круто изменило его судьбу Теперь это — главный центр притяжения для туристов, посещающих благодатные черноморские субтропики и спускающихся с Кавказских гор после трудных походов.

Сквозь толщу Иверской горы пробит теперь трехсотметровый туннель, по которому электропоезд увозит путешественников в сказочное странствие по гигантским залам и дворцам подземного царства Анакопии.

У входа в первый из них — зал «Абхазия» — туристы выходят из вагончиков и начинают пешее путешествие длиной в полтора километра по восьми красивейшим гротам Анакопийской пещеры В первом из них находится сверкающее изумрудным зеркалом подземное озеро Как и у многих пещерных водоемов, уровень его непостоянен Весной, когда вода прибывает, глубина озера достигает тридцати метров.

За «Абхазией» следует "Зал грузинских спелеологов" — самый грандиозный подземный дворец не только на Кавказе, но и в СНГ Его длина составляет двести шестьдесят метров' Представьте себе запрятанный в недрах горы зал, в котором можно разместить три футбольйыіх поля, и вы получите представление о масштабах этой гигантской подземной полости.

По величине "Зал грузинских спелеологов" вполне может соперничать даже со знаменитой "Биг Рум" в Карлсбадской пещере США — самым большим пещерным залом в мире.

Огромный подземный дворец, как и все последующие залы, демонстрирует зрителям все разнообразие драгоценных сокровищ, которые создала за тысячи лет текущая по трещинам вода, то растворявшая породы и вытачивавшая в толще горы залы и переходы, то осаждавшая крупинка за крупинкой известковые выделения и создававшая изумительное каменное кружево сталактитов, сталагмитов, колонн и ажурных известковых занавесов и натеков. Природа раскрасила их в самые необычные цвета, а искусная подсветка подчеркивает их великолепие. Особенно впечатляют янтарные и пурпурные натеки фантастической формы, рельефно выступающие в свете бьющих откуда-то

сбоку лучей цветных прожекторов.

Очередной зал, «Глиняный», туристы оставляют в стороне, лишь полюбовавшись со смотровой площадки его грациозными сталактитами и бирюзовой гладью еще одного озера. Бетонированная дорожка с перилами ведет их в южную часть пещеры, к новым подземным чудесам.

Миновав оставшийся слева мрачный и величественный «Каньон», путешественники направляются вначале в зал «Москва». Грозным исполином предстают здесь силы природы: первозданный хаос каменных глыб еще не задрапирован в этом зале белоснежными натеками. Лишь отдельные участки его успела «отремонтировать» к приходу туристов главная художница и строительница этого подземного царства — вода.

Замыкающий первую часть маршрута зал «Сухуми» знаменит своими поразительными сталагмитами, тонкими, стройными и высокими, словно пирамидальные кипарисы на главной аллее Нового Афона. Их грациозность особенно эффектно подчеркивают расположенные здесь же могучие колонны-сталагнаты, украшенные ажурной резьбой.

Затем через сумрачную теснину «Каньона» турист попадает в "Молодежный зал Иверия", тоже славящийся причудливым обликом своих сталагмитов. Здесь они поражают контрастом своих форм и размеров: то солидные, как горные дубки, то тонкие и хрупкие, словно стебли молодого бамбука, то корявые и толстые, будто старые пни, то вздымающиеся к потолку огромными мощными канделябрами, похожими на мексиканские кактусы.

И заключает волшебное странствие в недрах Земли самая, наверное, прекрасная жемчужина этого сказочного ожерелья подземных дворцов — зал «Тбилиси». Чего только нет в этом фантастическом гроте! Известковые сталактиты и сталагмиты, порой срастающиеся в колоннысталагнаты самых различных форм и оттенков цвета, каменные занавесы и натеки, застывшие каскады и водопады, люстры и канделябры и какие-то вообще неописуемые скульптуры являют собой впечатляющий заключительный аккорд подземного путешествия.

К сожалению, озера зала «Тбилиси» возникают только весной, когда в подземных трещинах горного массива достаточно влаги, а в сухой сезон вода испаряется, и они исчезают.

Но главный экспонат зала — уникальный, украшенный декоративными барельефами и тяжелой бахромой окаменелый кальцитовый водопад, по величине и великолепию не уступающий подобным скульптурным созданиям самых прославленных пещер мира. Он смело может соперничать по красоте и размерам со всемирно известным каменным занавесом Лавенской пещеры во Франции.

Заглянув на прощание в небольшой «Реликтитовый» зал, расположенный слева по ходу, путешественники возвращаются в зал «Тбилиси» и, еще раз полюбовавшись его уникальными каменными декорациями, направляются к выходу.

А на смену им поезд уже подвозит по туннелю новых экскурсантов. Чрезвычайно удачное расположение Нового Афона в центре оживленного курортного района, считавшегося еще в царские времена нашим Лазурным берегом, обеспечивает Анакопийской пещере постоянный приток желающих увидеть красоты подземного мира.

Из всех благоустроенных и оборудованных для туризма пещер планеты Анакопийская была в 1970—1980-е годы самой посещаемой и принимала почти девятьсот тысяч человек в год! Даже знаменитую на всю Европу пещеру Постойну в Словении посещало на двести тысяч меньше, а самая длинная в мире Мамонтова пещера в США уступала Новоафонской по числу посетителей в полтора раза.

Сейчас сложная политическая обстановка в Грузии не способствует широкомасштабному туристскому освоению ее подземной жемчужины. Но верится, что в ближайшие годы, когда на благодатную землю Абхазии вернется мир, сотни тысяч людей вновь устремятся к солнечным пляжам, благоухающим рощам и живописным горным хребтам этого прекрасного и древнего края.

ЧАСТЬ IV. АФРИКА

Река Нил

(Уганда-Эфиопия-Судан-Египет)

Великая водная артерия нашей планеты — Нил — начинается к югу от экватора и несет свои воды на север через пол-Африки к Средиземному морю. Многие тысячи лет волнует эта река воображение людей, поражая их красотой и мощью и ставя в тупик своей загадочностью.

Долгое время Нил считался самой длинной рекой земного шара. Его длина составляет почти шесть тысяч семьсот километров. Лишь недавняя экспедиция к истокам Амазонки, установившая, что протяженность ее превышает семь тысяч километров, отодвинула африканского гиганта на второе место. А вот обилием воды в течение всего года Нил похвастаться не может. По среднегодовому расходу воды его опережают многие реки мира, даже сравнительно небольшие, вроде Амударьи. Наша Волга короче Нила вдвое, но воды несет в три раза больше.

С давних пор происхождение Нила оставалось загадкой для географов. Никто не знал, где его истоки, никто не мог объяснить причину его ежегодных разливов.

Лишь в прошлом веке удалось, наконец, установить, что крупнейшая река Африки образуется слиянием двух рек, совершенно непохожих по своему характеру.

Самый длинный нильский исток — это Белый Нил. Он начинается в горах Бурунди в Экваториальной Африке на высоте в два с половиной километра и затем бурным потоком мчится к огромному озеру Виктория. Из этого внутреннего озера-моря Африки он бежит, закипая на порогах и срываясь с водопадов, через влажные непроходимые джунгли Уганды, чтобы, успокоившись, неторопливо вступить на полупустынные равнины Судана. Здесь в его водах еще водятся крокодилы и бродят в прибрежных тростниках могучие гиппопотамы. На протяжении шестисот километров Нил с трудом пробивается все дальше на север, через заросшие папирусом бескрайние болота, а потом, окончательно успокоившись, неторопливо продолжает свой путь по саванне и пустыне.

Другой исток Нила — Голубой Нил — отличается поистине необузданным нравом. Со скалистых нагорий Эфиопии он летит вниз, к озеру Тана, вырывается из него высоким и сверкающим радугами водопадом, после чего с ревом и грохотом прокладывает себе путь через

дикое и мрачное семисоткилометровое ущелье к просторам Судана.

В пустыне Голубой Нил становится шире и спокойнее. Песчаные волны барханов подступают к обоим берегам, но за ними темнеют хлопковые поля, прорезанные нитками каналов, подводящих к ним живительную влагу реки.

В самом центре Хартума — столицы Судана — оба истока сливаются, образуя, наконец-то, собственно Нил. Отсюда он катит свои воды к далекому морю, до которого еще более трех тысяч километров. Медленно и важно течет Нил через пустынные и унылые районы Сахары, где дожди не выпадают годами. Преодолев серию скалистых порогов, он вступает в пределы Египта и вливается в просторную чашу водохранилища Насер. Этот протянувшийся на пятьсот километров гигантский водоем — самое большое искусственное озеро на нашей планете.

Вырвавшись из шлюзов Асуанской плотины, Нил расстается уже до самого устья с дикой природой. На берегах реки тянутся бесконечные пшеничные и хлопковые поля, пальмовые рощи и густые заросли сахарного тростника. А над водой, неторопливо взмахивая крыльями, пролетают стаи журавлей, аистов, фламинго и пеликанов.

И здесь, глядя на величественное и плавное течение Нила, поневоле задумываешься над его второй загадкой. Тысячи километров катится река по безводным равнинам, где температура достигает пятидесяти градусов. Небо над ним почти всегда безоблачно, а дождей приходится ждать годами. Среди угрюмых, безжизненных песков и каменистых возвышенностей протянулась узкой извилистой лентой благодатная нильская долина — самый большой оазис земных пустынь. Но стоит путешественнику удалиться в сторону от зеленой полосы, окаймляющей Нил, как он рискует погибнуть от зноя и жажды в подступающих к долине безводных равнинах. Вдоль караванных дорог, пересекающих Ливийскую и Аравийскую пустыни — окраины жаркой Сахары, повсюду белеют кости животных и людей, напоминая о былых трагедиях. Испарение влаги так велико, что земля здесь совершенно иссушенная, потрескавшаяся и заметенная раскаленным песком.

Казалось бы, Нил, зажатый с двух сторон пустынями, за жаркое лето должен был бы полностью пересохнуть или, по крайней мере, сильно обмелеть, как это случается с большинством рек в пустынных районах. Но, как ни странно, все происходит наоборот! В самый разгар лета, к концу августа, когда жара достигает предела, уровень реки начинает подниматься, Нил выходит из берегов, заливает долину на целые километры и из мутно-зеленого делается кроваво-красным.

В сентябре вода порой поднимается на десять метров. Вся долина превращается тогда на несколько недель в одно длинное озеро. Затем вода начинает спадать, река входит в берега, оставляя на полях слой плодородного ила. Этого только и ждут египтяне. Немедленно начинается сев, и прибрежные равнины покрываются ковром свежей зелени. Так происходило с незапамятных времен. Удобренная илом земля давала хорошие урожаи из года в год, обеспечивая пищей миллионы жителей нильской долины.

Древние египтяне обожествляли Нил — ведь от него зависели жизнь и благополучие их страны. Они приносили ему жертвы и пели в честь

него священные гимны. В древнеегипетской легенде говорилось, что далеко-далеко, у самых дальних порогов, в неприступных скалах есть огромная пещера. В ней живет могучий бог Нила — Хапи. Пещеру охраняет грозный змей, а на скалах, высящихся над ней, восседают орел и ястреб, зорко следящие за всей округой.

Из пещеры и вытекает Нил, и змей, сжимая его своими кольцами, может выпускать из пещеры больше или меньше воды. Жрецы призывали народ не скупиться на жертвы богу Хапи — тогда и Нил будет полноводнее.

Период разлива Нила был общегосударственным праздником у египтян. В честь божественного Хапи устраивались пышные празднества. И Уже в те времена люди задумывались, откуда начинается Нил и с чем связаны его наводнения. Но ни жрецам Древнего Египта, ни греческим и римским ученым, ни средневековым мыслителям не удалось раскрыть его тайны. Со II века нашей эры, когда великий географ Птолемей высказал мнение, что Нил начинается от слияния двух рек, вытекающих из озер в Лунных горах, наука принимала за истину эту легенду, и лишь в конце XIX века истоки Нила были, наконец, обнаружены.

Причем основной исток Нила открывали дважды. Сначала в 1858 году англичанин Спик доказал, что Нил вытекает из озера Виктория. А в 1875 году американский путешественник Стэнли открыл реку Кагеру впадающую в этот водоем, и географы мира признали ее истоком Белого Нила.

Столетием раньше шотландец Брюс проник к истокам Голубого Нила и установил его связь с великой рекой Египта. Он же обнаружил, что периоды дождей в верховьях Голубого Нила совпадают с нильскими паводками. Белый же Нил, текущий из-под экватора, питается дождями равномерно в течение всего года, так что причиной разливов, несущих плодородие полям жителей Египта, следует считать эфиопский поток. Количество воды в Голубом Ниле в августе-сентябре увеличивается в сорок раз, в результате чего и объем воды в самом Ниле у Асуана возрастает в среднем раз в пятнадцать. Половодье длится около трех месяцев.

Затем в течение восьми месяцев вода постепенно спадает, и к началу июня Нил высыхает настолько, что ширина его уменьшается вдвое против обычной. (Это описание принадлежит очевидцу, наблюдавшему Нил до постройки Асуанской плотины.) В это время кажется, что река вообще не течет, а стоит на месте. Глинистые отмели и массы засохшей черной грязи тянутся вдоль обоих берегов. Деревья покрыты толстым слоем пыли: ведь только что закончил дуть хамсин — ветер, пятьдесят дней подряд приносивший с юга песок Сахары.

Наконец, появляется первый признак окончания жаркого периода: начинает дуть сильнейший северный ветер, который не прекращается целый месяц. В один день деревья очищаются от пыли, и снова долина покрывается зеленью. Вода вначале поднимается немного, всего сантиметров на пять. В это время она приобретает зеленый цвет и неприятный запах. К счастью, период "Зеленого Нила" длится всего три-четыре дня, и местные жители могут обойтись в это время заблаговременно запасенной чистой водой.

Затем вода начинает сильно прибывать, и через десять-двенадцать дней с ней происходит еще одно превращение. Вышедший утром на палубу

судна путешественник внезапно и с ужасом обнаруживает, что лучи рассвета открыли его глазам… красную, как кровь, воду. Плыть по кровавой реке — занятие не для слабонервных! И только наклонившись к реке и набрав ее воды в стакан, путник убеждается, что он — не жертва оптического обмана. Просто наступил период "Красного Нила". Водный поток несет в это время столько красного ила, что меняет и цвет, и консистенцию, напоминая густотой кисель. Ил этот постепенно оседает на берегах, так как Нил разливается по всей двадцатикилометровой ширине долины, и лишь очень медленно затем отступает в свои берега. Только к концу сентября река возвращается в прежнее русло.

В Верхнем Египте ширина Нила достигает километра. Он течет мимо древних храмов Луксора, подпитывая своими водами узкую полоску полей и огородов, тянущуюся вдоль обоих берегов. Но она вдруг резко обрывается, и сразу за последней грядкой начинаются песчаные барханы пустыни. Такова сила и власть нильских вод.

К северу, в Среднем Египте, долина расширяется до двадцати пяти километров, и вся она утопает в зелени пальмовых рощ, полей и садов. Возделан каждый клочок долины: из шестидесяти миллионов жителей страны лишь три процента живут в отдалении от Нила.

В шести с половиной тысячах километров от истока реки раскинулся многолюдный и шумный Каир — самый большой город Африки. Разлившись здесь на полтора километра, Нил проносит свои воды под шестью огромными мостами, мимо куполов и минаретов многочисленных мечетей, глинобитных старых кварталов и современных отелей.

Вырвавшись из суеты большого города, Нил разбегается на тысячи проток, образуя одну из величайших в мире речных дельт. В этом плодородном и обильном водой треугольнике шириной в двести сорок километров живет половина всех египтян. Они снимают здесь по два урожая в год благодаря щедрому Нилу. А впереди уже Средиземное море. Двумя широкими судоходными рукавами Нил завершает здесь свой долгий путь от экватора.

Такова эта удивительная река, пришедшая к нам через тысячи лет и тысячи километров и пережившая две выросшие на ее берегах великие цивилизации. Ее невозможно осмотреть всю сразу — так велика протяженность Нила, так много границ — и политических, и географических — дробит его на отдельные части. И трудно сказать, что интереснее, что хотелось бы увидеть в первую очередь: древние храмы и пирамиды Египта, водопады, теснины и горные озера Эфиопии или необъятную гладь озера Виктория. У Нила — тысяча ликов, и все они прекрасны, все достойны восхищенного внимания путешественника.

Пустыня Сахара

(Северная Африка)

Поистине бескрайнее море выжженных солнцем песка, камня и глины, оживляемое лишь редкими зелеными пятнами оазисов и однойединственной рекой — вот что такое Сахара. Гигантские масштабы этой самой большой пустыни мира просто поражают. Почти восемь миллионов квадратных километров занимает ее территория — это обширнее Австралии и лишь чуть-чуть меньше Бразилии. На пять тысяч километров от Атлантики до Красного моря раскинулись ее жаркие

просторы.

На Земле больше нигде нет такого огромного безводного пространства. Во внутренних районах Сахары есть места, где дождей не бывает годами. Так, в оазисе Ин-Салах, в самом сердце пустыни, за одиннадцать лет, с 1903 по 1913 год, дождь прошел лишь один раз — в 1910 году, причем выпало всего восемь миллиметров осадков.

В наши дни Сахара не так уж труднодоступна. Из города Алжира по хорошему шоссе до пустыни можно добраться за один день. Через живописное ущелье Эль-Кантара — "Ворота в Сахару" — путешественник попадает в места, которые своим пейзажем вовсе не напоминают ожидаемого им "песчаного моря" с золотистыми волнами барханов. Слева и справа от дороги, пролегающей по каменистой и глинистой равнине, возвышаются небольшие скалы, которым ветер и песок придали затейливые очертания сказочных замков и башен.

Песчаные пустыни — эрги — занимают меньше четверти всей территории Сахары, остальное приходится на долю каменистых равнин, а также глинистых, потрескавшихся от палящей жары участков и белых от соли впадин-солончаков, порождающих в зыбком мареве нагретого воздуха обманчивые миражи.

В целом Сахара — это обширное плато, столовый, плоский характер которого нарушается лишь впадинами долин Нила и Нигера и озером Чад. На этой равнине лишь в трех местах поднимаются по-настоящему высокие, хоть и небольшие по площади, горные массивы. Это нагорья Ахаггар и Тибести и плато Дарфур, вздымающиеся более чем на три километра над уровнем моря.

Гористые, прорезанные ущельями абсолютно сухие ландшафты Ахаггара нередко сравнивают с лунными пейзажами. Но под естественными скальными навесами археологи обнаружили здесь целую картинную галерею каменного века. Наскальные рисунки древних людей изображали слонов и бегемотов, крокодилов и жирафов, реки с плавающими лодками и людей, собирающих урожай… Все это говорит о том, что прежде климат Сахары был более влажным, и на большей части нынешней пустыни когда-то располагались саванны.

Сейчас они встречаются только на склонах нагорья Тибести и плоских возвышенных равнинах Дарфура, где месяц или два в году, пока случаются дожди, даже текут по ущельям настоящие реки, а обильные родники круглый год питают водой оазисы.

На остальной же территории Сахары осадков выпадает меньше двухсот пятидесяти миллиметров в год. Такие области географы называют аридными. Они непригодны для земледелия, и по ним можно лишь перегонять стада овец и верблюдов в поисках скудного корма.

Здесь находятся самые жаркие места нашей планеты. Скажем, в Ливии есть районы, где жара достигает пятидесяти восьми градусов! А в некоторых областях Эфиопии даже среднегодовая температура не опускается ниже плюс тридцати пяти.

Солнце регулирует всю жизнь Сахары. Излучение его, учитывая редкую облачность, малую влажность воздуха и отсутствие растительности, достигает очень высоких значений. Для суточных температур здесь характерны большие скачки. Разница между дневной и

ночной температурой достигает тридцати градусов! Порой ночью в феврале случаются заморозки, а на Ахаггаре или Тибести температура может опуститься до минус восемнадцати градусов.

Из всех атмосферных явлений тяжелее всего в Сахаре путешественник переносит продолжительные бури. Ветер пустыни, горячий и сухой, причиняет лишения, даже когда он прозрачен, но еще труднее приходится путникам, когда он несет пыль или мелкие песчинки. Пыльные бури случаются чаще, чем песчаные. Сахара, пожалуй, самое пыльное место на Земле. Эти бури похожи издали на быстро охватывающие все вокруг пожары, клубы дыма от которых поднимаются высоко в небо. С бешеной силой несутся они через равнины и горы, выдувая на своем пути пыль из разрушенных скал.

Бури в Сахаре обладают необычайной силой. Скорость ветра достигает иногда пятидесяти метров в секунду (вспомним, что тридцать метров в секунду — это уже ураган!). Караванщики рассказывают, что иной раз тяжелые верблюжьи седла уносит ветром за двести метров, а камни, величиной с куриное яйцо, катятся по земле, как горох.

Довольно часто при этом возникают смерчи, когда сильно нагретый воздух от раскаленной солнцем земли стремительно поднимается вверх, захватывая мелкую пыль и унося ее высоко в небо. Поэтому такие вихри видны издалека, что, как правило, позволяет всаднику спасти свою жизнь, вовремя уклонившись от встречи с "джинном пустыни", как именуют смерч бедуины. Серый столб поднимается в воздух до самых облаков. Летчики встречали пылевые смерчи порой на высоте полтора километра. Бывает, что ветер переносит сахарскую пыль через Средиземное море в Южную Европу.

На бескрайних сахарских равнинах ветер дует почти всегда. Подсчитано, что в пустыне на сто дней приходится только шесть безветренных. Особенно дурной славой пользуются горячие ветры Северной Сахары, способные за несколько часов уничтожить весь урожай в оазисе. Эти ветры — сирокко — дуют чаще в начале лета. В Египте такой ветер называют хамсином (буквально — "пятьдесят"), так как он обычно дует в течение пятидесяти дней после весеннего равноденствия. За время его почти двухмесячного буйства оконное стекло, не закрытое ставнями, делается матовым — так расцарапывают его песчинки, переносимые ветром.

А когда в Сахаре стоит штиль и воздух наполнен пылью, возникает известный всем путешественникам "сухой туман". Видимость при этом совершенно пропадает, а солнце кажется тусклым пятном и не дает тени. Даже дикие животные в такие моменты теряют ориентацию. Рассказывают, что был случай, когда очень пугливые обычно газели во время "сухого тумана" спокойно шествовали в караване, идя между людьми и верблюдами.

Сахара любит напоминать о себе неожиданно. Бывает, что караван выходит в путь, когда ничто не предвещает непогоды. Воздух еще чист и спокоен, но в нем уже разливается какая-то странная тяжесть. Постепенно небо на горизонте начинает розоветь, потом принимает фиолетовый оттенок. Это где-то далеко ветер поднял и гонит в сторону каравана красные пески пустыни. Вскоре уже мутное солнце едва пробивается

сквозь быстро несущиеся песчаные тучи. Становится трудно дышать, кажется, что песок вытеснил собою воздух и заполнил все вокруг. Ураганный ветер несется со скоростью до сотни километров в час. Песок обжигает, душит, сбивает с ног. Такая буря длится порой неделю, и горе тому, кого она застала в пути.

Но если в Сахаре стоит тихая погода и небо не затянуто поднятой ветром пылью, трудно найти более красивое зрелище, чем закат солнца в пустыне. Может быть, только полярное сияние производит на путешественника большее впечатление. Небо в лучах заходящего солнца каждый раз поражает новым сочетанием оттенков — это и кроваво-красный, и розово-перламутровый, незаметно сливающийся с нежно-голубым цветом. Все это громоздится на горизонте в несколько этажей, горит и сверкает, разрастаясь какими-то причудливыми, сказочными формами, а затем постепенно угасает. Тогда почти мгновенно наступает абсолютно черная ночь, темноту которой не в силах рассеять даже яркие южные звезды.

Конечно, самые желанные и самые живописные места в Сахаре — оазисы.

Алжирский оазис Эль-Уэдд лежит в золотисто-желтых песках Большого Восточного Эрга. С внешним миром его связывает асфальтированное шоссе, но таким оно значится только на карте. Во многих местах широкое полотно дороги основательно занесено песком. Телеграфные столбы утопают в нем на добрых две трети, и бригады рабочих с лопатами и метелками постоянно разгребают заносы то на одном, то на другом участке. Ведь ветер дует здесь круглый год. А даже слабый ветерок, срывая верхушки песчаных холмов-барханов, неуклонно перемещает песчаные волны с места на место. При сильном же ветре движение на дорогах пустыни порой полностью прекращается, и не на один день.

Как и все оазисы Сахары, Эль-Уэдд окружен пальмовой рощей. Финиковые пальмы — основа жизни для местных жителей. В других оазисах для того, чтобы напоить их водой, устраивают оросительные системы, но в Эль-Уэдде поступают проще. В сухом русле реки, протекающей через оазис, роют глубокие ямы-воронки и сажают в них пальмы. Под русдом на глубине пяти-шести метров всегда течет вода, так что корни пальм, посаженных таким образом, легко достигают уровня подземного потока, и орошения им не требуется.

В каждой воронке растет от пятидесяти до ста пальм. Воронки расположены рядами вдоль русла, и всем им угрожает общий враг — песок. Чтобы не оползали склоны, края воронок укрепляют плетнями из пальмовых ветвей, но песок все равно просачивается вниз. Приходится круглый год вывозить его на ослах или таскать на себе в корзинах. Летом, в жару, этой тяжкой работой можно заниматься только ночью, при свете факелов или в сиянии полной луны. В этих же воронках роют и колодцы для воды. Ее хватает и для питья, и для полива огородов. Удобрением служит верблюжий помет.

Финики и верблюжье молоко — основная пища земледельцев-феллахов. А ценный мускатный сорт фиников идет на продажу и даже экспортируется в Европу.

Столица алжирской Сахары — оазис Уаргла — отличается от прочих оазисов тем, что обладает… настоящим озером. Этот крохотный городок в центре пустыни располагает огромным по здешним меркам водоемом площадью в четыреста гектаров. Он образовался из воды, сбрасываемой с пальмовых плантаций после полива. Вода подается к полям и финиковым рощам всегда с избытком, иначе испарение приведет к накоплению солей в почве. Излишек воды вместе с солями сбрасывается во впадину по соседству с оазисом. Так и возникают в Сахаре искусственные озера.

Правда, большинство из них не так велики, как в Уаргле, и не выдерживают смертельной борьбы с песком и солнцем. Чаще всего это просто болотистые углубления, поверхность которых покрыта плотным прозрачным, как стекло, слоем соли.

Но оазисы в Сахаре редки, и от одного "островка жизни" к другому приходится добираться по бесконечным дорогам пустыни, преодолевая солнечное пекло, горячий ветер, пыль и… искушение свернуть с дороги. Такой соблазн нередко возникает у путников и на древних караванных тропах, и на современных асфальтированных шоссе в этих неприветливых краях.

Когда перед измученным долгой дорогой путешественником возникают на горизонте желанные очертания оазиса, проводник-араб лишь отрицательно качает головой. Он знает, что до оазиса еще десятки километров пути под палящим солнцем, а то, что путник видит "собственными глазами" — всего лишь мираж.

Этот оптический обман порой вводит в заблуждение даже опытных людей. Бывалые путешественники, прошедшие по пескам не один экспедиционный маршрут и не один год изучавшие пустыню, случалось, тоже становились жертвами миражей. Когда видишь на небольшом расстоянии пальмовые рощи и озеро, белые глиняные дома и мечеть с высоким минаретом, трудно заставить себя поверить, что в действительности до них несколько сотен километров. Под власть миража попадали иной раз и опытные проводники караванов. Однажды шестьдесят человек и девяносто верблюдов погибли в пустыне, следуя за миражом, который увлек их на шестьдесят километров в сторону от колодца.

В давние времена путешественники, чтобы убедиться, мираж перед ними или реальность, разжигали костер. Если в пустыне дул хотя бы небольшой ветерок, то стелющийся по земле дым быстро разгонял мираж. Для многих караванных путей составлены карты, на которых обозначены места, где часто встречаются миражи. На этих картах даже помечено, что именно видится в том или ином месте: колодцы, оазисы, пальмовые рощи, горные цепи и так далее.

И все же в наше время, когда через великую пустыню пролегли с севера на юг две современные автомагистрали, когда по ней ежегодно проносятся разноцветные автокараваны ралли "Париж — Дакар", а артезианские скважины, пробуренные вдоль дорог, позволяют в случае чего пешком дойти до ближайшего источника воды, Сахара постепенно передает быть тем гиблым местом, которого европейские путешественники опасались больше, чем арктических снегов и амазонских джунглей.

Все чаще любознательные туристы, пресытившись пляжным бездельем и созерцанием развалин Карфагена и прочих живописных развалин, отправляются на автомобиле или на верблюде в глубь этого уникального района планеты, чтобы вдохнуть глоток ночного ветра на склонах Ахаггара, услышать шелест пальмовых крон в зеленой прохладе оазиса увидеть грациозный бег газелей и полюбоваться красками сахарских закатов. А рядом с их караваном бегут по обочине с тихим шорохом таинственные хранители покоя этого жаркого, но прекрасного края — пыльно-серые, взвихренные ветром "джинны пустыни".

Озеро Чад

(Нигер— Чад-Камерун-Нигерия)

К югу от знойных пустынь Северной Африки, почти в центре "черного континента", на стыке границ четырех стран раскинулось "море Сахары" — огромное озеро Чад.

Чад расположен не только в точке, где сходятся границы разных государств, но и на своеобразной границе природных зон: к северу от него лежит величайшая пустыня Земли — Сахара, а к югу — шелестящие высокими травами саванны Судана.

Именно с юга впадает в озеро крупнейшая из питающих его рек — Шари. Впрочем, если не считать возникающих летом, в период дождей, временных речек и ручьев, у Чада всего два притока.

Озеро в сердце Африки задавало немало загадок ученым. Некоторые из них остаются без ответа и по сей день. Правда, у представителей европейской науки было не так-то много времени для разгадки тайн Чада. Ведь до XIX века ни один европеец не ступал на берега этого водоема, хотя из записок арабских путешественников Ибн Баттуты и Льва Африканца было известно, что в глубине Сахары есть "море".

Только в 1823 году шотландец Клаппертон со своими спутниками Денемом и Аудни впервые прошел от Средиземного моря до озера Чад. Британская экспедиция обнаружила раскинувшееся среди песков бескрайнее водное пространство, которое даже не удалось нанести на карту.

Но когда тридцать лет спустя на берегу Чада побывал немецкий ученый и путешественник Генрих Барт, он увидел лишь сильно заросший болотистый водоем с редкими пятнами свободной водной поверхности.

Еще через двадцать лет, в 1871 году, уровень озера вновь начал подниматься, и на северной окраине его вышедшие из берегов воды затонили и разрушили простоявший не одно столетие город Нгагми.

Такие колебания уровня и площади озера происходят каждые двадцать-тридцать лет и связаны с изменением количества осадков в верховьях реки Шари. В обильные осадками периоды глубина Чада возрастает на три-пять метров, а территория, покрытая его водами, увеличивается в два с половиной раза, достигая двадцати шести тысяч квадратных километров. Озеро занимает тогда двенадцатое место в мире, превосходя такие большие водоемы, как Балхаш и Ладожское озеро. А потом наступает время, когда осадков становится меньше и уровень озера на несколько лет вновь понижается.

Меняются размеры Чада и в течение года. Летний сезон дождей в приэкваториальной зоне пополняет Шари и ее притоки. Полноводная река к осени заполняет озеро до наивысших отметок. А в мае — в период самого низкого уровня озера — Чад теряет три четверти своей воды и высыхает на глазах, обнажая десятки километров вязкого, илистого дна. Ведь средняя глубина Чада — всего два метра, а наибольшая — четыре метра.

Вторая загадка Чада — его слабая соленость. Обычно в бессточных озерах, расположенных в пустынях и полупустынях, вода соленая. И это понятно: приносимые реками, пусть и в небольшом количестве, растворенные соли накапливаются в них, а вода постоянно испаряется. Но в Чаде вода почти пресная, ее свободно пьют и животные и люди. В чем же дело?

Ученые предложили несколько версий по поводу этой странной аномалии. Химики говорили, что соли каким-то образом цементируются и выпадают в осадок, биологи считали, что их поглощает водная растительность. Однако истинную причину малой солености Чада удалось разгадать лишь географам. Оказывается, в девятистах километрах к северовостоку от озера находится обширная впадина Боделе, дно которой на восемьдесят метров ниже уровня воды в Чаде. К этой котловине протянулось от озера сухое русло реки Бахр-эль-Газаль (по-арабски — "Река Газелей"). Но река эта только на первый взгляд высохшая. В толще песчаных наносов, под руслом Бахр-эль-Газаля, существует постоянный отток воды из Чада в сторону впадины Боделе. Достаточно раскопать песок на дне «сухой» реки, как в образовавшейся ямке появится грунтовая вода. Этим свойством Бахр-эль-Газаля нередко пользуются кочевники, когда нужно добыть воды для питья или напоить скот.

А очень редко, раз в сто лет или даже реже, уровень воды в озере Чад повышается настолько, что в сухом русле реки появляется поверхностный сток. Арабские летописи рассказывают, что в конце XVIII века Бахр-эль-Газаль был так полноводен, что по нему плавали на пирогах.

Таким образом, Чад — не бессточное озеро в полном смысле слова, и его низкая соленость вполне объяснима.

Естественно, что и побережье, и воды обширного почти пресного водоема в этом жарком крае привлекают огромное число самых различных зверей и птиц. Особенно богат животный мир Чада и его окрестностей летом и осенью, когда саванны на южном и юго-восточном берегу озера, напоенные дождями, покрываются пышной растительностью.

Густые заросли суданской травы в это время так высоки, что скрывают с головой всадника. Над травяным покровом возвышаются зеленеющие акации и баобабы.

В саванне пасутся стада зебр и антилоп, жирафов и страусов, буйволов и диких свиней-бородавочников. Здесь не редкость слоны и носороги. За стадами копытных следуют львы и гиены. А в самом озере, особенно у островов восточного побережья, немало бегемотов, встречающихся иной раз стадами по сорок-пятьдесят голов. В прибрежном иле, высунув наружу одни ноздри, караулят добычу крокодилы.

Обитает в Чаде и редкий вид водных млекопитающих: близкий родич морской коровы — огромный четырехметровый ламантин. Как попал этот гигант, обитатель морских вод, в пресный водоем, расположенный

посредине африканского континента — еще одна загадка озера.

А самое красивое и грациозное существо Чада — водяная антилопа, живущая в прибрежных зарослях тростника. Это крохотное, ростом с зайца, копытное поразило открывших его зоологов тем, что, кроме водной зелени, питается еще и… рыбой. Причем водяная антилопа сама искусно ловит ее на мелководье.

К сожалению, грядущая судьба уникального озера вызывает тревогу. Вырубка лесов на берегах реки Шари и ее притоков, а также строительство оросительных каналов привели к тому, что главная питающая озеро водная артерия несет в него все меньше и меньше воды. К тому же в половодье Шари смывает с оголившихся берегов песок и глину и несет их в озеро Чад.

В XX веке уровень водоема ни разу не поднимался до высоты, отмечавшейся в прошлые века. С каждым десятилетием уменьшается площадь водоема, и даже разливы его далеки от прежних бурных паводков. Ученые поговаривают о возможной скорой «смерти» озера Чад. Если это произойдет, то последствия такой экологической катастрофы будут тяжелейшими. Исчезнет вода в колодцах на огромной территории к северо-востоку от Чада, там, где подземные воды подпитываются из озера. Более чем четверти миллиона жителей Республики Чад грозит гибель или вынужденное переселение. Пустыня распространится и на запад, захватит населенные районы Нигерии и Камеруна. Исчезнет, разумеется и уникальный животный мир Чада.

Впрочем, существует проект, причем отнюдь не фантастический, а подтвержденный расчетами и позволяющий не только спасти озеро Чад, но и коренным образом преобразовать природу Сахары на значительной территории.

Для этого предполагается использовать воды самой полноводной после Амазонки реки земного шара — Конго, впадающей в Атлантический океан. В узком ущелье у водопадов Ливингстона несложно создать плотину, выше которой образуется гигантское водохранилище — "море Конго".

Крупнейший приток Конго — река Убанги, подходящая верховьями почти вплотную к притокам Шари, потечет из "моря Конго" в обратном направлении и через канал соединится с бассейном Чада. Уже через пятьдесят лет площадь озера вырастет почти в сто раз! Образуется еще одно внутреннее море — "море Чад", величиной с половину Средиземного моря!

Из этого гигантского водоема на север, к Средиземноморью, потечет искусственная река — "Новый Нил". Вдоль ее берегов появятся миллионы гектаров орошенных благодатными водами "моря Чад" хлопковых и пшеничных полей, плантаций финиковых пальм и апельсиновых рощ. Возникнет, по сути, огромный рукотворный оазис — второй Египет, где можно будет собирать по три урожая в год. Еще около миллиона гектаров станут пригодными для земледелия на берегах самого Чада.

И это не будет насилием над природой, а лишь возвращением ее в прежнее состояние. Уже давно доказано, что Сахара еще восемь-десять тысяч лет назад вовсе не была пустыней, а ее нынешний облик — во многом результат неразумной деятельности человека. Когда-то здесь

водились бегемоты, слоны, жирафы и крокодилы, текли полноводные реки, существовали многолюдные города и плодородные оазисы. Об этом рассказали сохранившиеся на плато Ахаггар, в центре Сахары, наскальные рисунки древних людей, об этом же говорят и результаты раскопок археологов.

И XXI век может стать временем, когда технические достижения человечества позволят вернуть к жизни высыхающее уникальное озеро и накормить немалую часть жителей самого бедного и голодного континента Земли.

Водопад Виктория

(Замбия-Зимбабве)

Моси-о-Тунья — "Гремящий дым" — так с давних пор называли охотники племени батока водопад на реке Замбези. А живущие на противоположном берегу скотоводы-матабеле дали ему другое, не менее поэтичное имя — Чонгуэ, что на их языке означает "Место радуги". Современное название — Виктория — дал водопаду в честь своей королевы первый европеец, увидевший его в 1855 году, англичанин Давид Ливингстон. Он обнаружил это чудо природы после двухлетнего трудного путешествия по саваннам и джунглям Центральной Африки. Сопровождавшие исследователя триста воинов местного вождя Селекту не решились приблизиться к ревущей громаде. По их мнению, в пропасти под кипящей стеной воды обитало грозное божество, дававшее знать о себе ужасающим рычанием. Лишь два самых смелых спутника Ливингстона отважились сесть с ним в челнок и доплыть до островка, находящегося на гребне водопада. Но предоставим слово самому путешественнику:

"Перед нашими взорами предстали огромные столбы «пара», поднимающиеся вверх в пяти-шести милях от нас. «Пар» поднимался пятью столбами и, отклоняясь в направлении ветра, имел такой вид, как будто эти столбы касались низкого обрыва, покрытого лесом. На таком расстоянии казалось, что вверху столбы смешиваются с облаками. Внизу они были белыми, а выше становились темными, как дым. Вся эта картина была чрезвычайно красива. Водопад с трех сторон ограничен обрывами около 100 м высотой, которые покрыты лесом.

Гребцы, проведя челнок в среднюю часть потока среди водоворотов, образованных множеством выступавших камней, доставили меня на остров, расположенный в самой середине реки, недалеко от выступа, поверх которого переливалась вода. Несмотря на то что водопад был очень близко, мы не могли определить, куда идет эта огромная масса воды; казалось, что она уходит в землю, так как противоположный выступ трещины, у которого исчезала вода, находился всего в 27 м от нас. По крайней мере я не мог понять этого до тех пор, пока не подполз со страхом к самому краю и не взглянул вниз в огромную расселину, которая тянулась от одного до другого берега во всю ширину Замбези…

Глядя в глубь расселины, направо от островка, я не видел ничего, кроме густого белого облака, на котором в это время были две яркие радуги. Из этого облака вырывалась огромная струя «пара», поднималась вверх на 200–300 футов; сгущаясь наверху, «пар» изменял свой цвет, становясь темным, как дым, и шел назад градом мелких брызг, которые скоро не оставили на нас ни одной сухой нитки. Этот ливень падает

главным образом на другой стороне расселины; в нескольких метрах от края обрыва там стоят стеной вечнозеленые деревья, листья которых всегда мокрые".

Современный турист, подъезжающий к водопаду, видит почти ту же картину, что и английский исследователь полтора века назад. Тысячетонные массы воды ударяются о базальтовое подножие Виктории с такой силой, что вода превращается в тучи брызг, вылетающих обратно пятью столбообразными белыми облаками, поднимающимися на сотни метров к небу. Их видно с расстояния в сорок километров, и почти так же далеко разносится грохот водопада, похожий на непрерывные раскаты грома.

Река Замбези, разливающаяся в этом месте почти на два километра в ширину, внезапно натыкается здесь на гигантскую трещину-разлом в базальтах, и мощная водная лавина обрушивается на сто двадцать метров вниз, попадая в узкую пропасть со стометровыми обрывистыми стенами, расположенную под прямым углом к верхнему руслу. Островки делят всю ширь Виктории на несколько отдельных потоков, носящих названия: "Водопад Дьявола", "Главный Водопад", «Подкова», "Радужный" и "Восточный Водопад".

Водяные струи, напоминающие летящие вниз стрелы с пенными окончаниями, уносятся в бездну и исчезают в облаке брызг. Над водопадом постоянно светятся две роскошные радуги. Потрясенный открывшейся перед ним картиной, Ливингстон записал в дневнике: "Это зрелище было так прекрасно, что им наверняка восхищались пролетавшие ангелы".

Воды Замбези, стиснутые узким ущельем, бурлят и клокочут, как вулканическая магма, пенятся и неистовствуют с диким ревом и грохотом. И карандаш ученого превращается под действием этой сказочной величественной картины в перо поэта, ибо сухим языком научного отчета невозможно передать ощущения очевидца этого земного чуда. Вот еще один отрывок из описания путешествия Давида Ливингстона:

"Вся масса воды, переливающаяся через край водопада, тремя метрами ниже превращается в подобие чудовищной завесы гонимого метелью снега. Водяные частицы отделяются от нее в виде комет со струящимися хвостами, пока вся эта снежная лавина не превращается в мириады маленьких комет, устремившихся в одном направлении, и каждая из них оставляет за своим ядром хвост из белой пены".

Водопад Виктория — единственное место на Земле, где можно увидеть редчайший природный феномен — лунную радугу. Она возникает нечасто — лишь в те моменты, когда половодье на реке Замбези совпадает с периодом полнолуния. И даже люди, не раз побывавшие здесь не всегда могут похвастать, что видели это ночное чудо. Ведь между очередными появлениями лунной радуги проходит иногда 10–15 лет. Лишь недавно фотографам журнала "Нешнл джиогрэфик" удалось впервые запечатлеть ее на фотопленке. Увы, черно-белые иллюстрации в нашей книге бессильны передать ее таинственное очарование.

Трудно даже сказать, что производит наибольшее впечатление на побывавших у водопада Виктория: зрелище гигантской реки, внезапно исчезающей в бездонном провале, чудовищный грохот водяной лавины, радуги в тучах брызг или влажное великолепие вечнозеленого леса,

обрамляющего эту фантастическую картину.

Каждый из десятков тысяч туристов, ежегодно посещающих водопад, уносит в памяти что-то свое, то, что особенно поразило его в этом красивейшем уголке Африки.

Некоторые считают, что самое потрясающее впечатление возникает при наблюдении белых колонн "гремящего дыма" в лучах заката, когда угасающее солнце бросает золотистый поток лучей на облачные столбы, окрашивая их в серо-желтый цвет, и тогда кажется, что над водой возвышаются какие-то гигантские факелы.

Надо сказать, что африканцы отнеслись к своему водопаду куда бережнее, чем американцы, испортившие пейзаж Ниагары нелепыми смотровыми вышками. Чтобы увидеть сверху Викторию, достаточно пройти полсотни метров до огромного баобаба, возвышающегося над зеленым морем джунглей. Взобравшись по металлической лесенке на его вершину, вы можете наслаждаться видом водопада с высоты птичьего полета, не нарушая при этом природной гармонии.

Многие путешественники не ограничиваются лишь зрелищем водопада. Как бы ни был прекрасен и грозен вид стометровой водяной стены, падающей в бездну, Африка таит в себе еще немало чудес. И если отправиться в путешествие на пироге по темным водам Замбези, разлившейся выше водопада, можно увидеть на берегах и островах реки целый мир таинственной и удивительной африканской природы: зеленые стены джунглей, спускающиеся к воде, купающихся бегемотов и слонов, притаившихся крокодилов и пришедших на водопой антилоп…

А любители острых ощущений порой решаются на отчаянный и полный риска сплав на надувных плотах по нижнему течению Замбези, ревущей и беснующейся в теснине под водопадом. На двадцатикилометровом отрезке реки им приходится преодолевать девятнадцать порогов с волнами, достигающими шестиметровой высоты…

Первооткрыватель водопада Виктория, друг и учитель коренных африканцев доктор Ливингстон увековечен здесь навсегда. Всего в нескольких метрах от Водопада Дьявола стоит скромный памятник замечательному исследователю. А рядом, в городке, носящем имя Ливингстона, открыт его мемориальный музей. И все-таки главным памятником великому путешественнику останется, наверное, то, ради чего люди со всего света стремятся сюда, в самое сердце Африки: открытый им грандиозный водопад на реке Замбези.

Берег Скелетов

(Намибия)

Узкой стокилометровой полосой протянулась вдоль Атлантического побережья Южной Африки самая холодная и самая безводная пустыня мира — Намиб. Какими только именами не величали этот район мира бойкие журналисты и авторы приключенческих романов: Берег Скелетов, Берег Сокровищ, Берег Погибших Кораблей, Берег Туманов, БеРег Гигантских Дюн… И для каждого из этих названий африканская пустыня давала достаточно оснований.

С востока ее ограничивают крутые склоны плоскогорий Каоко, Хомас и других, а на юго-востоке Намиб сливается с не менее известной хотя и не пользующейся столь мрачной славой, пустыней Калахари.

Последняя, строго говоря, вообще не пустыня, а опустыненная саванна дающая приют огромным стадам копытных и сворам хищников, а также множеству птиц. По ней текут реки, местами бьют источники, в ней растут деревья, кустарники и травы, дающие пищу слонам и жирафам зебрам, страусам и прочим ее обитателям. Совсем иное дело — пустыня Намиб, где выжить могут лишь немногие наиболее приспособленные существа, да и то не везде.

Образование пустыни на морском побережье обусловлено двумя причинами: во-первых, постоянно дующие здесь восточные ветры — пассаты, пересекая континент, теряют свою влагу на крутых склонах Драконовых гор и над высоким плато Юго-Западной Африки, так что Намибу дождей уже не достается; а во-вторых, холодное антарктическое Бенгельское течение, проходя вдоль африканских берегов на север, охлаждает океанские воды, а с ними и нижний слой атмосферы. В результате вместо дождей на побережье образуются туманы. Они стоят над пустыней до 27 дней в месяц и распространяются в глубь материка иной раз на 50 километров.

Большую часть Намиба занимают огромные песчаные дюны, достигающие трехсотметровой высоты. Нигде в мире нет больше таких гигантских гор сыпучего песка. Над их вершинами почти всегда можно увидеть султанчики поднятой в воздух песчаной пыли, и кажется, что дюны курятся, словно вулканы.

Ближе к океану дюнные гряды имеют белый или желтоватый цвет, а в отдалении от берега их окраска становится темнее, переходя в огненно-красную.

Лишь две реки, протекающие по северной и южной границам пустыни Намиб — Кунене и Оранжевая — доносят свои воды до Атлантики. Все прочие русла водных потоков годами остаются сухими. Лишь раз в пять-шесть лет, после особенно дождливого влажного сезона (он приходится на май-сентябрь) по долинам прокатываются бурные паводки. Они за день-два, а то и за несколько часов уносят годами копившийся в руслах песок к берегу океана, где за него опять принимается ветер. И грозные песчаные бури вновь и вновь обрушиваются на гряды дюн, которые под напором ветров постоянно перемещаются, засыпая ложбины и наступая на редкие поселения людей.

В разгар лета температура здесь не достигает даже семнадцати градусов по Цельсию, а зимой опускается до двенадцати. Порой случаются и ночные заморозки. Осадков же, по данным ученых, в Намибе выпадает меньше, чем где бы то ни было: в среднем два миллиметра в год!

Тем не менее стоит все же пройти дождю (правда, такое случается не каждый год), как пустыня оживает. В долинах появляется зелень, над цветами кружатся бабочки, то тут, то там слышатся голоса жаворонков и вьюрков, а по склонам дюн пробегают табуны антилоп-ориксов с длинными и прямыми, словно копья, рогами.

Среди травы ползают обитающие только здесь жуки-чернотелки. Они прекрасно сумели устроиться в безводной и вроде бы непригодной для жизни среде. В отсутствие дождя жуки могут напиться… туманом. Ночью они наполовину зарываются в песок, оставив наружу заднюю часть брюшка. На длинных отростках и щетках из волосков, покрывающих их

лапки, собираются капельки тумана, которые потом сами стекают по брюшку в рот жуку. С помощью этих же щеток чернотелки скользят по песку, как на лыжах.

А на гребне дюны можно встретить небольших ящериц-гекконов. Пальцы ног у них соединяются перепонкой, как у наших гусей или уток. Это позволяет им бегать по сыпучим пескам, не проваливаясь. Жизнь гекконов, несмотря на всю быстроту их движений, полна опасностей. Ведь на поверхности дюн на них охотится и птица-секретарь, и юркие суррикаты, прозванные земляными человечками за свою привычку стоять столбиками возле норок, и даже огромный паук-цербалус. А зарывшихся в землю ящериц подстерегает пустынный златокрот. Этот поразительный зверек, покрытый длинной и мягкой золотистой шерстью, всю жизнь проводит в толще песка. Глаза у него затянуты кожистой пленкой, и добычу он находит по запаху.

Вылезают из нор шустрые грызуны-песчанки, а также характерная для Намиба полосатая мышь с четырьмя темными полосками на спинке. Встречается здесь и кафрский долгоног — довольно крупный (до четырех килограммов весом) зверек странного облика, похожий на гигантского тушканчика и способный совершать шестиметровые прыжки. Изредка по долинам сухих рек спускаются к океану стаи павианов, а иногда забредают и слоны.

Но дождливая погода — большая редкость в Намибе. И растения, да и животные пустыни научились извлекать влагу из ночного воздуха. Насекомые умудряются пить капельки росы, оседающие на их телах из тумана, а растения всасывают конденсат, покрывающий листья, через устьица, которые находятся на их поверхности.

Самым необычным, можно сказать, удивительным растением Намиба является дерево-карлик вельвичия. Ее ствол наполовину спрятан в песке и приподнимается над ним на 20–30 сантиметров, максимум на полметра, зато в толщину достигает полутора метров. Основной корень вельвичии уходит на 5–7 метров в глубину, а побочные корешки залегают у самой поверхности, жадно впитывая влагу случайных дождей и обильной росы. Но особенно поражают листья вельвичии. Их у нее всего два, но зато каких! Извивающиеся зеленые ленты метровой ширины тянутся в обе стороны от ствола, достигая в длину шести метров. Их стелющиеся по земле зеленые языки напоминают щупальца, из-за чего вельвичию часто именуют "осьминогом пустыни".

Только благодаря такому своеобразному устройству кроны это растение может полноценно использовать прибрежный туман — главный источник влаги в Намибе. Древесина вельвичии не имеет годовых колец. Она хорошо горит, почти не давая дыма. Живет вельвичия на редкость долго — до двух тысяч лет.

Еще одно растение, встречающееся почти исключительно в здешних краях, — дикая дыня нара, плодоносящая лишь раз в десять лет. Сочные овальные плоды нары не раз спасали погибавших от жажды путешественников.

Жизнь в пустыне активизируется только в короткие утренние часы, когда отступает ночной холод, но еще не раскалилась от солнца поверхность песчаных дюн. Ведь в разгар дня песок нагревается до

семидесяти градусов, и единственное спасение для жуков, ящериц и прочей мелкой живности — это относительно прохладная нора.

Лишь на океанском побережье весь день кипит жизнь. На пляжах у подножья скалистых мысов устраивают свои лежбища ушастые тюлени. Эти здоровенные, двухсоткилограммовые звери питаются рыбой, которой изобилуют воды Бенгельского течения. Надо сказать, что это единственные тюлени, которые живут в тропиках. У побережья холодной пустыни насчитывается пятнадцать лежбищ ушастых тюленей, где обитает в общей сложности до миллиона зверей. Многочисленность морских млекопитающих позволяет выжить в прибрежных песках Намиба стаям бурых гиен. За отсутствием их главной пищи — падали — в глубине пустыни, они полностью перешли на морскую диету и поедают выброшенные волнами тела погибших тюленей.

На каменистых островках не умолкает многоголосый гам птичьих базаров. Миллионы пеликанов, фламинго, бакланов и чаек устраивают здесь свои гнезда. Рядом с ними деловито прохаживаются небольшие очковые пингвины.

Человека приводили в эти малопригодные для жизни края две причины: алчность и беда. В недрах прибрежных дюн и на пляжах нередко находят крупные алмазы прекрасного качества, и немало авантюристов поплатились жизнью в погоне за их обманчивым блеском. А жертвы кораблекрушений с давних пор проклинали туманы и песчаные мели коварного намибского побережья, ставшего могилой для сотен кораблей и многих тысяч мореходов. Подводные гряды песка, как и дюны на суше, перемещаются день за днем, подчиняясь прихотям штормовых волн, так что ни одна морская карта этого района не может считаться стопроцентно надежной.

Случалось, что вставшее на якорь в бухте судно, завершив ремонт или переждав бурю, оказывалось отрезанным от моря внезапно выросшей песчаной перемычкой. Бросившие бесполезное судно моряки уходили по берегу в поисках воды, но спастись удавалось немногим.

Плененное же движущимися песками судно оказывалось спустя несколько лет метрах в ста от океана, окруженное со всех сторон пляжем. Кто знает, какие клады хранят останки парусников, погребенные в дюнах Намиба… Тайну их уже никому не поведают побелевшие скелеты на которые порой натыкаются здесь искатели алмазов.

В свое время французский археолог аббат Брей обнаружил в одной из здешних бухт каменную плиту с выбитыми на ней словами: "Золотая Лань" — люди Дрейка". Но других следов пребывания в Намибе знаменитого пирата и охотника за сокровищами найти пока не удалось. В этом же районе, если верить преданиям, зарыл сундуки с золотом и бриллиантами наводивший ужас на испанцев грозный капитан Кидд.

А первым европейцем, побывавшим на Берегу Скелетов еще 500 лет назад, был португальский капитан Диогу Кан. В 1485 году он высадился у мыса Кейп-Кросс в семистах километрах к югу от реки Кунене и поставил здесь каменный обелиск — падран, на котором увековечил свое достижение: ведь он сумел пройти на юг дальше всех португальских капитанов — питомцев прославленного принца Генриха-Мореплавателя. Падран Кана сохранился до наших дней как памятник отваге и мужеству

отчаянного морехода. А вычерченные португальцем карты помогли вскоре его земляку Бартоломеу Диашу первым обогнуть Африку и открыть мыс Доброй Надежды.

Именно Диаш впервые причалил в бухте Уолфиш-Бей к югу от Кейп-Кросса, которая стала впоследствии местом, где зародилась намибская "алмазная лихорадка". Все началось с того, что один охотник застрелил в окрестностях бухты страуса, в желудке которого обнаружил несколько крупных алмазов. (Страусы часто глотают камешки, которые помогают им перетирать в желудке твердые зерна и части растений.)

Но климат пустыни Намиб не способствовал развитию алмазного промысла, да и находки драгоценных камней были не так часты, как хотелось бы, и обогатившихся "рыцарей удачи" можно было пересчитать по пальцам. Куда больше было тех, чьи белые кости навсегда остались в песках… Сейчас добычей алмазов в Намибии занимается государственная компания, а" полицейские на верблюдах патрулируют побережье, отлавливая браконьеров.

Туристам же Намиб предлагает целую россыпь уникальных мест, побывать в которых — мечта любого путешественника. Можно отправиться в Уолфиш-Бей, чтобы полюбоваться гигантскими дюнами у самой кромки океана и птичьими базарами на скалах. А можно посетить тюлений заповедник на мысе Кейп-Кросс или дюны Сосусулея в глубине пустыни. Здесь турист может испытать ни с чем не сравнимые ощущения во время полета на воздушном шаре над трехсотметровыми дюнами, когда дикие животные абсолютно не реагируют на бесшумно проносящихся в десятке метров над ними воздухоплавателей.

Но не менее интересно и побывать в горах Науклуфт, расположенных в самом сердце Намиба. Там, среди гор, вздымающихся на два километра, встречаются зеленые оазисы с прохладными родниками — убежища многочисленных животных и птиц. Причем любоваться ими можно не только из машины, поскольку в здешних горах нет опасных для человека хищников. Зато зебры, антилопы и бабуины встретятся путешественнику обязательно. Кроме того, чтобы почувствовать по-настоящему, что такое пустыня, право, стоит испытать однажды ощущения путника, попавшего под сень оазиса после трудного пути по тропам Намиба.

Природа и человек за много веков основательно позаботились о том, чтобы приумножить зловещую славу Берега Скелетов. Но все же, при всей своей труднодоступности и жутких условиях для жизни, Намиб, не похожий ни на один другой район мира, обладает своеобразным суровым обаянием. Чтобы понять это, достаточно, например, подняться какнибудь вечером на Седдл-Хилл — высокий холм, напоминающий седло, что высится рядом с бухтой Синш-Бей. Здесь, возле единственного на 300 километров в округе источника, врыт столб с железным щитом, на котором красуются череп и скрещенные кости, с лаконичной надписью под ними: "Наполните ваши фляги!".

А с вершины холма путешественнику откроется зрелище, которое вознаградит его за все трудности пути. И невозможно будет оторвать взгляд от дивной панорамы уходящих вдаль огненно-красных дюнных гряд, пенной полосы прибоя, в которой мелькают черные спины котиков, и пролетающих розовым облаком над морем стай фламинго. И путник

пробудет на холме, не в силах уйти, до позднего вечера, до тех пор, пока последний луч солнца не скроется в водах Атлантики, подернутых белой пеленой тумана…

Река Окаванго

(Ангола — Ботсвана)

Эта удивительная река течет в удивительном месте и заканчивается удивительным образом. Удивляет своей многочисленностью и разнообразием и животный мир ее берегов. Не менее удивителен также уникальный язык людей, обитающих в ее бассейне.

Окаванго — единственная постоянная река обширной и необычной местности, именуемой Калахари, и расположенной между реками Замбези, Лимпопо и Оранжевая в Южной Африке. На картах обычно принято писать "пустыня Калахари". Но это вовсе не пустыня. Летом здесь идут обильные дожди, и по годовому количеству осадков (от тысячи миллиметров на севере до двухсот пятидесяти на юге) эти места никак нельзя сравнивать, например, с Сахарой или пустынями Аравии.

Ученые так и не смогли договориться о том, что же такое Калахари. Одни называют ее "опустыненной саванной", другие используют термин "зеленая полупустыня", третьи считают, что применительно к таким местам уместнее говорить о степных парковых ландшафтах.

Так или иначе, вода в Калахари есть. Здесь существуют временные (на сезон дождей) реки, есть и озера (большинство которых, правда, пересыхает зимой). Есть здесь и деревья, и кустарники, и травы, притом в большом количестве. Зонтичные акации и древовидные молочаи растут в Калахари за сорок-пятьдесят метров друг от друга, как и положено деревьям саванны. Кусты и трава (высотой иногда до метра) тоже не покрывают сплошным ковром землю; между зелеными пятнами растительности всегда видны островки песка. Но этой растительности вполне хватает многотысячным стадам антилоп, буйволов и зебр для пропитания, тем более, что Окаванго — этот южноафриканский Нил, обеспечивает их водопоем круглый год.

Начинаясь в саваннах южной Анголы, река эта через ущелья и пороги, по крутым склонам водопадами стремительно несется на юг. И лишь в Калахари успокаивается, как бы забыв о своем буйном нраве. В бескрайнем море песчаной равнины она растекается по лабиринтам рукавов, лагун, озер, образуя совершенно необычную речную дельту у впадения… в никуда. Ее называют "островом воды в море песка".

Шестнадцать квадратных километров зарослей папируса, кустарников и водорослей круглый год дают приют множеству птиц и зверей. А в половодье, в мае-июне, полупересохшие рукава дельты превращаются в бурные пенящиеся потоки, один из которых добегает до "голубого сердца Калахари" — красивого и обжитого пресного озера Нгами, открытого для науки великим Ливингстоном. Остатки вод Окаванго блуждают еще километров триста и исчезают в громадном озере-болоте Макарикари. Озеро это — гигантский отстойник содового рассола. В сухой сезон с самолета оно напоминает лунный ландшафт: до самого горизонта расстилается твердое белое покрывало с редкими темными пятнами воды. Отчетливо различаются извилистые полоски отмелей, окруженные неподвижной знойной дымкой.

В дельте Окаванго представлены все (или почти все) виды африканской фауны. Гиппопотамы сосуществуют с крокодилами на зеленых островках. Проносятся стада изящных антилоп. Осторожно озираясь, проскачет пугливый водяной козел — почуяв опасность, он погружается в воду до самых ноздрей. Приходят на водопой изящные жирафы и хмурые буйволы и гну. Неторопливо, с чувством собственного достоинства, шествуют к воде слоны и носороги, деловито шныряют в зарослях косматые и серьезные кабаны-бородавочники. Невдалеке пасутся дружной компанией зебры, антилопы-канны и страусы — вместе им легче обнаружить хищников, поскольку зрение птиц дополняет чуткий слух полосатых лошадок и тонкое обоняние антилоп.

И, конечно, вокруг этого изобилия дичи водятся леопарды, гепарды и царственные львы со своей неизменной свитой из гиен и шакалов, а в воздухе медленно кружатся мрачные грифы, высматривая добычу.

Изобилие фауны в дельте Окаванго поразительно. Помимо уже названных зверей, здесь встречается около четырехсот видов птиц и до семидесяти видов рыб. А растительный мир дельты насчитывает больше тысячи деревьев и кустарников. И путешественник, отправляющийся в этот уникальный оазис на местной пироге — мокоро, сможет во время такого своеобразного водного сафари увидеть и запечатлеть на пленке водяных антилоп и гиеновых собак, почти исчезнувших в других районах Африки, полюбоваться стадами слонов, зебр и голубых гну или поймать на удочку здоровенного леща, а то и рыбу-тигра. А с берегов и островов на проплывающую пирогу будут взирать стаи пеликанов и аистов, фламинго и марабу…

Когда жара сменяется прохладой и над Калахари сгущается непроглядная тропическая ночь, жители этих мест — пастухи-тсвана и охотники-бушмены находят дорогу по звездам, таким ярким в этих широтах. Главным ориентиром им служит южнотропическое созвездие Козерога. К нему же они обращаются с просьбами, его же благодарят за удачную охоту.

Бушмены — загадочный народ. По своему облику они не походят на большинство жителей Южной Африки. Желтая кожа и прищуренные глаза сближают их, скорее, с народами монголоидной расы. Как и почему оказались они в глубине "Черного континента", наука пока не знает. Язык же бушменов ставил (и ставит!) в тупик даже специалистов по лингвистике. Половину его звуков европеец не может не только выговорить, но даже записать. У составителей словарей не нашлось значков для обозначения таких звуков, и они записывали просто: "цокающий звук", "чмокающий звук", "поцелуйный звук" и так далее.

Бушмены — кочевые охотники, и Калахари, которую еще в XIX веке считали одной из богатейших животными областей Африки, давала им возможность прокормить свои семьи вкусной дичью, а также съедобными корешками и сочными плодами дикой дыни. Но появление белых людей с огнестрельным оружием быстро привело к сокращению поголовья диких зверей, да к тому же все больше водопоев стали захватывать жившие по соседству племена скотоводов-тсвана, оттеснявшие бушменов в самые засушливые районы. Однако этот смышленый народ прирожденных

охотников и, следопытов сумел приспособиться к новым условиям и кочует теперь южнее, ближе к бассейну реки Оранжевой и ее пересыхающих зимой притоков. Умение отыскать в сухих руслах места, где под песком может быть вода, выручает их, давая возможность продержаться до сезона дождей, а способность употреблять в пищу все, что движется по траве или песку, от личинок до саранчи, позволяет выжить в случае неудачной охоты.

Удивительное племя это вызывает невольную симпатию своей сообразительностью, музыкальностью, юмором и добротой, что, кстати, продемонстрировал недавно вышедший талантливый фильм "Наверно, боги сошли с ума…".

Окаванго пересекает с северо-запада на юго-восток почти половину огромной южноафриканской страны Ботсваны, целиком расположенной в Калахари. До недавнего времени это бедное скотоводческое государство не блистало успехами в экономике. Но с 1960-х годов XX века, когда в недрах Ботсваны были открыты сразу несколько крупных местонахождений алмазов, положение изменилось. Теперь страна может позволить себе пробурить скважины для воды в сухих парковых редколесьях Калахари, построить цивилизованные поселки для бушменов и тсвана и, наконец, заняться охраной животного мира.

Национальные парки и заповедники занимают теперь чуть не пятую часть Ботсваны. Они есть и на севере, в бассейне Замбези, и на югозападе — на притоках Оранжевой. Но три самых больших заповедника охватывают районы Центральной Калахари, дельту Окаванго и озеро Макарикари. Так что диким животным бассейна Окаванго обеспечена, наконец-то, спокойная жизнь, стада их множатся, и население Калахари растет. А бушмены, кочующие по ее просторам, снова провожают друг друга по утрам привычным напутствием: "Доброй охоты!"

Гора Килиманджаро

(Танзания)

Большинство высочайших гор мира располагается в могучих цепях горных хребтов: Гималаев, Анд, Альп, Кордильер, Тянь-Шаня или Каракорума. И только высочайшая вершина Африки — Килиманджаро — высится среди бескрайних равнин Танзании совершенно одиноко, словно великан, случайно забредший в страну лилипутов.

Громадный массив Килиманджаро, овальный в плане, достигает ста километров в длину и шестидесяти — в ширину. В центре его поднимаются к облакам три вершины: Шира (4006 метров), Мавензи (5355 метров) и собственно Килиманджаро, или Кибо (5895 метров). Это три древних, сросшихся между собой вулкана, из которых только Кибо в настоящее время проявляет признаки активности.

На его вершине расположен огромный кратер диаметром два километра и глубиной двести метров. На дне его возвышается еще один лавовый конус с круглым жерлом, достигающим восьмисот метров в поперечнике. Из него в нескольких местах бьют струи удушливых вулканических газов.

На распространенном в Восточной Африке языке суахили название горы означает «Сверкающая». Действительно, рано утром и в вечерние часы, когда Кибо не окутан облаками, его снежная шапка сверкает в лучах солнца как начищенное серебро. В давние времена, говорят, мест^ie

племена верили, что вершина и вправду состоит из драгоценного металла. Их можно понять: ведь они никогда не видели снега и льда. Но Собраться на Килиманджаро и проверить свою догадку никто из жители не решался: согласно поверью, склоны горы были обиталищем злых духов, которые жестоко накажут каждого, кто нарушит их покой. Рассказывают, правда, что один местный вождь все же послал своих воинов на вершину Кибо, чтобы добыть серебра, но оно растаяло у них в руках. Воины вернулись к вождю ни с чем. Лишь холодное царство льда нашли они на Килиманджаро. Так родилось второе название огромного вулкана — "Обитель бога холода".

В голубоватом мареве горячего африканского воздуха нижняя часть горы почти неразличима на фоне синего неба, и кажется, что заснеженная шапка Килиманджаро парит над равниной среди других таких же белых облаков. В часы, когда гора свободна от облачной пелены, невозможно оторвать глаз от высокого срезанного конуса Кибо, гордо поднимающегося на фоне зеленеющих экваториальных лесов. Народц, живущие у подножья Килиманджаро, всегда считали ее священной и поклонялись как богине радости и благополучия. Ведь реки и ручьи, сбегающие с ее склонов, давали жизнь их полям и пастбищам, а облака, окружавшие вершину, проливались на землю благодатным дождем.

Гигантский горный массив возвышается преградой на пути влажных ветров, дующих с Индийского океана, и большую часть своей влаги они оставляют на его склонах в виде дождя и снега. Поэтому растительность в районе Килиманджаро очень отличается от флоры окружающих равнин.

У подножья массива раскинулись обширные саванны, поросшие травой и редкими зонтичными акациями. Выше, там, куда по ущельям стекают воды тающих ледников, располагаются кофейные и банановые плантации. Это — самая населенная часть всего района. А начиная с высоты 1800 метров Килиманджаро опоясывает густая и пышная зеленая чаща влажных экваториальных лесов. Здесь, в полосе, поднимающейся до отметки три тысячи метров, каждый вечер неизменно сталкиваются однородный воздух, стекающий с вершины, и теплый, поднимающийся из долины. В результате на этом уровне ежедневно образуется пояс облаков и туманов, проливающийся на склоны обильными дождями.

Пожалуй, только в бассейне Конго можно еще увидеть такие девственные, почти непроходимые леса, настоящее буйство высоких трав и гигантских замшелых древесных стволов, переплетенных лианами. Листва закрывает солнечный свет, и никем не тревожимые экзотические животные — от обезьян и леопардов до могучих слонов — прекрасно чувствуют себя под этим зеленым пологом.

Еще выше тянется зона горных лугов с яркими цветами и вырастающими до огромных размеров удивительными древовидными растениями — сенециями. Над самой землей ствол их разделяется на две толстые ветви, напоминающие гигантские канделябры. Верхушки сенеций заканчиваются веером утолщенных мясистых листьев, пушистых снизу и глянцево-светлозеленых сверху. Из пучков листьев на метр вверх взмывают пирамидальные соцветия, усыпанные ярко-розовыми цветками. Другой, тоже необычный житель горных лугов — лобелия — столбиком тянется вверх, достигая четырех с половиной метров в высоту, и завершается свечеобразной кистью голубых цветов. Только здесь, на

Килиманджаро, да еще в расположенных севернее горах Рувензори эти обычно небольшие цветковые растения приобретают такой гигантский вид.

После отметки четыре тысячи метров луга сменяет зона высокогорных лишайников и мхов, а у самой вершины уже царствуют только камень и лед. Еще в конце XIX века ученые не верили, что здесь, в трех градусах от экватора, можно встретить ледники. Даже великий географ Гумбольдт высказывал сомнения по этому поводу.

Между тем попытки взойти на Килиманджаро долго оставались безуспешными. Почти тридцать лет ни один смельчак не мог покорить вершину. Лишь в 1889 году немецкий географ и альпинист Ганс Майер сумел подняться на Кибо. Еще дольше, до 1912 года, сопротивлялась восходителям скалистая зазубренная громада Мавензи. После этого существование большой группы ледников в массиве Килиманджаро стало научным фактом.

Но и сто лет спустя после восхождения Майера зрелище ледяных нагромождений у самого экватора продолжает поражать всех, поднявшихся к кратеру высочайшего африканского вулкана. Вот что пишут об этом чешские путешественники Ганзелка и Зикмунд, побывавшие на Килиманджаро уже в наши дни:

"Ветер немного стих, и когда мы спустились на несколько десятков метров в глубь кратера, он прекратился совсем.

Гигантская ледяная стена вздымалась с левой стороны и сверкала в лучах солнца. Лазурная синь неба была совершенно чиста; только вокруг Кибо плыли серебристые облака, разбиваясь о его грани. Под ногами в Шубине кратера открывалась удивительная картина. Над гладью чудесного овального озерка выступали два высоких ледяных пилона. Ледяная поверхность озерка дала трещины, осколки льда рассыпались по всей поверхности, а в кусочке очистившейся водной поверхности отражались причудливые ледяные сталактиты и сталагмиты. Стены искрились изумрудами, а порой своей бирюзовой синевой напоминали альпийские озера.

Обрамленный со всех сторон мощными каскадами льда, кратер напоминал замерзший водопад. Непрерывный венец льда тянулся по северному краю в виде огромного, многоэтажного органа. Серебряные трубы сталактитов, казавшиеся бесконечными, вытягивались одна над другой до высоты в двести метров и более. Капли кристально чистой воды стекали по сталактитам и вызывали желание приникнуть к ним губами…"

Кроме Килиманджаро, ледники в Африке есть только на второй по высоте на континенте горе Кения и в горах Рувензори. Всеобщее потепление климата на нашей планете привело к тому, что все они постепенно уменьшаются в размерах. По расчетам ученых, к 2200 году Килиманджаро может лишиться своей белоснежной шапки. Признаюсь откровенно, очень не хочется верить ученым. Попробуйте только представить себе, что произойдет, если сбудется их печальный прогноз. Исчезнут ледники — высохнут ручьи и реки. Замолкнут ручьи — захиреют леса и луга. Не станет лесов и пастбищ — уйдут люди…

А ведь уникальный ландшафт величайшей вершины Африки, столько веков служивший темой для сказок и легенд, песен и восхищенных описаний, по праву вошел в число бесценных природных сокровищ

планеты. И потеря даже одного из сверкающих самоцветов, составляющих драгоценное ожерелье Земли, лишит человечество еще одной частицы красоты, частицы волшебного очарования и наслаждения, которые приносит нам общение с природой.

Кратер Нгоронгоро

(Танзания)

В самом слове «Нгоронгоро» слышится что-то характерно африканское: рокот туземных барабанов или раскаты грозы над саванной, а может быть, ворчание потревоженного льва… И действительно, здесь, в Нгоронгоро, собрано, пожалуй, все разнообразие фауны Африки, весь калейдоскоп ее ландшафтов, кроме разве что пустынь.

Кратер Нгоронгоро — гигантская абсолютно круглая вулканическая кальдера, вторая по величине в мире: 20 километров в диаметре, 250 квадратных километров площади. Отвесные стены кратера поднимаются над его дном на 700 метров, а над окружающей равниной возвышаются на два с лишним километра.

Лишь в одном месте удалось зверям проложить тропу в вулканическую впадину и постепенно заселить ее (благо вулкан давным-давно потух). За зверями пришли люди, и сейчас на месте звериной тропы уже существует грунтовая дорога, связывающая Нгоронгоро с внешним миром. Правда, спуститься по ее головокружительным серпантинам (даже на лендровере) решится не каждый водитель.

Чаша-кальдера долго оставалась неизвестной для науки. Лишь в 1891 году сюда сумел пробраться первый европейский исследователь — немецкий ученый Бауман. Но до середины XX века в этом удивительном уголке Африки побывали буквально единицы из множества зоологов и геологов, исследовавших "черный континент". Лишь после книг и фильмов замечательного борца за спасение африканской фауны, доктора Бернгарда Гржимека, Нгоронгоро стал широко известен в ученом мире, а правительство Танзании организовало здесь заповедник.

Крутые склоны кратера поросли лесом, который кое-где распространился и на равнинное дно кальдеры, но большую часть гигантской чаши занимает саванна. Впрочем, на просторной равнине нашлось место и двум озерам, и обширному болоту — любимому пристанищу бегемотов. Обильные родники у подножья обрывов питают водой небольшие речки, впадающие в озера.

Люди появились в кратере сравнительно недавно, так что диким животным веками никто не мешал здесь пастись и охотиться. Поэтому Нгоронгоро превратился в своего рода Ноев ковчег, изолированный от окружающей местности и поражающий ныне путешественника обилием и разнообразием рогатого, хвостатого и пернатого населения.

Только крупных зверей здесь насчитывается около двадцати тысяч, а млекопитающих в кратере обитает до двухсот тысяч. Не меньше здесь и птиц. Перечень представителей фауны в этом уникальном уголке Африки напоминает оглавление зоологического справочника: слоны, бегемоты, носороги, зебры, буйволы, антилопы гну, канны и бубалы, газели Томсона и Гранта, кабаны-бородавочники и водяные козлы, бабуины и зеленые мартышки населяют саванны и леса Нгоронгоро. Есть, разумеется, и

хищники: львы и леопарды, гиены и шакалы, гепарды и дикие кошки-сервалы.

Птиц, наверное, еще больше, чем зверей. Страус и африканская дрофа, птица-секретарь и важный носатый марабу, розовый фламинго и венценосный журавль встречаются тут на каждом шагу. Есть здесь и удод, и ткачик, и привычные нам жаворонок, ласточка, чибис или кукушка… А на ветвях баобабов и акаций, растущих в саванне, нашли себе приют хмурые стервятники и черные африканские орлы.

Проведав о скрытой горами плодородной долине, сюда переселились с окрестных равнин скотоводы-масаи. Их селения-краали расположились в разных концах уединенной впадины. Здесь пасут они свои стада и до сих пор, словно время остановилось и в мире ничего не меняется. Все так же строят они свои хижины с коническими крышами и стенами, плетнями, обмазанными навозом, все так же выходят один на один против льва, вооруженные лишь копьем. И надо сказать, что поединок этот чаще кончается в пользу охотника, так что львы предпочитают обходить краали масаев стороной.

В наше время, когда Нгоронгоро стал заповедником, попасть сюда сравнительно просто не только из столицы Танзании Дар-эс-Салама, но и через Кению, из Найроби. Единственное требование к туристам — не выходить из машины и не съезжать с проложенных для осмотра дорог. Запрещается также сигналить и громко кричать.

Когда автомобиль останавливается на гребне кратера, при взгляде вниз захватывает дух. Бескрайняя чаша с отвесными стенами, чуть подернутая утренним туманом, предстает перед зрителем во всей своей грандиозности. Вскоре под лучами солнца туман рассеивается, и сквозь него проглядывают все большие участки, покрытые зеленью. Однако дымка придает всему пейзажу фантастический оттенок; все кажется миражом, видением, вызванным каким-то колдовским заклинанием.

Сверху дно кратера кажется на первый взгляд огромным гладким зеленым ковром. Но потом можно заметить кое-где небольшие холмы и более темные пятна — клочки леса. Вглядевшись повнимательнее, замечаешь и солнечные блики на поверхности вьющейся внизу реки и двух довольно крупных озер. Спустившись по серпантину грунтовой дороги, почти сразу встречаешь стадо зебр. Несколько сот полосатых красавиц неторопливо пощипывают клевер, не обращая на вас внимания. Рядом такое же, если не больше, стадо антилоп-гну тоже спокойно пасется, не реагируя на звук мотора. Такая плотность звериного населения — характерная черта Нгоронгоро.

Если в больших национальных парках Африки, вроде Серенгети, нужно проехать несколько километров, чтобы увидеть семью львов или компанию жирафов, то в Нгоронгоро все достопримечательности живой природы как бы спрессованы. На дне кратера ландшафты с типичной для них фауной сменяются гораздо чаще, чем на просторах восточноафриканской саванны. Только что вы, встретившись с группой слонов и шумной компанией бабуинов, удирающих от леопарда, проехали через лес, и вот уже перед вами озеро, и тысячи фламинго, медленно выступая угловатым шагом, дружно окунают головы в воду и фильтруют клювами ил.

А за озером, у источника, простирается болото — царство неторопливых толстяков-бегемотов, деловито похрустывающих осокой. У кромки болота в густой траве расположилась семья носорогов. Тут уж путешественнику лучше свернуть в сторону: эти толстокожие агрессивны и, не задумываясь, могут пойти в атаку на автомобиль. Но вот болото окончилось, и на показавшейся впереди поляне весело галопирует табунок газелей Гранта с детенышами. Уморительно смотреть, как малыши прыгают по кочкам, отталкиваясь сразу четырьмя ногами, словно ожившие пружинки. И вдруг прямо рядом с машиной открылось непривычно пустынное пространство. В чем дело? Ничего особенного, просто под акацией величественно возлежит старый лев, лениво отгоняющий мух взмахами хвоста.

Вот гепард каким-то змеиным движением весь исчезает в траве, которая ему всего-то по плечо. Вот с ветки баобаба надменно смотрит леопард. А дальше, у куста, затеяла игру семья ушастых лис. И так на протяжении всего пути через кратер. Причем над головой и в зелени леса постоянно звучат голоса птиц: то хорошо знакомое нам, европейцам, «куку», то что-нибудь более экзотическое, например, странный квакающий крик африканской дрофы, похожий на птичье пение не больше, чем звук автомобильного сигнала. Все многообразие пернатых здесь не просто собрано, а еще и основательно перемешано, так что одновременно в поле зрения попадают, скажем, венценосный журавль, аист и марабу, а через несколько метров — удод, птица-секретарь и ткачик. Горожанин невольно представляет себе животных в дикой природе так, как он видит их в зоопарке: каждое в своей клетке. Но в Нгоронгоро благодаря обилию пищи и воды и разнообразию экологической среды царит смешение, которое является отличительной чертой этого замечательного места. Именно это и привлекает сюда тысячи любителей африканской фауны с других континентов.

Водопад Ауграбис

(Намибия — ЮАР)

Большинство не слишком искушенных в географии людей считает самым высоким и самым красивым водопадом Африки знаменитый водопад Виктория. Однако мнение это, увы, не соответствует истине. Виктория уступает по высоте и фантастическому 900-метровому каскаду Тугела в Драконовых горах ЮАР, и падающему с высоты в 340 метров мощным водяным тараном водопаду Лофои в Заире, и драгоценному украшению берегов озера Танганьика — 220-метровому Каламбо.

Что же касается живописности картины, то, право, зеленое обрамление джунглей и белоснежные облака брызг, окружающие водопад Виктория, еще не единственный критерий водопадной красоты. Не менее впечатляет и мрачная неукротимая мощь, какое-то свирепое буйство водной стихии на фоне безжизненных гранитных скал, которые являет собой южноафриканский водопад Ауграбис. Он, кстати, превышает Викторию и по высоте, низвергаясь со 146-метрового обрывистого края плато в ущелье, пробитое рекой Оранжевой в кристаллических породах.

Мало кто видел это чудо природы. Ауграбис надежно охраняют от любопытных пришельцев бесконечные пустынные просторы Калахари, по

южной границе которых стремится к океану самая большая река Южной Африки — Оранжевая. Имя этой реки связано, между прочим, вовсе не с каким-то особым цветом ее воды. Просто поселившиеся здесь нидерландские переселенцы-буры назвали ее так по имени голландского правящего дома принцев Оранских (по-голландски — Orange). Могучий водный поток ее, всего в два раза меньший известного Нигера, начинается от неприступных круч Драконовых гор, вознесшихся над побережьем Индийского океана почти на четыре километра. Спустившись с гор на возвышенную равнину, носящую название Высокий Велд, Оранжевая сливается со своим главным притоком — рекой Вааль — и устремляется дальше на запад, пересекая весь континент, чтобы закончить свой путь на побережье Атлантического океана, среди гигантских песчаных дюн пустыни Намиб, не случайно носящей в обиходе красноречивое прозвание "Берег скелетов".

Перед водопадом Оранжевая разливается в хаосе скалистых островков, образуя нечто вроде дельты шириной в семь километров. Водный поток, устремляясь в главную из многочисленных проток, врывается в узкую каменную щель и с устрашающим ревом падает вниз, на гранитное подножие уступа. Пролетев почти полтораста метров, мощная река (ее расход в половодье превышает тысячу кубометров в секунду!) с силой ударяется о скалистое ложе и кипит в пробитом ею за многие века углублении — "исполиновом котле", как его называют гидрологи. При этом водопад поднимает волны высотой с двухэтажный дом. В тучах водяных брызг, вздымающихся на сто метров над Ауграбисом, сверкает вечная радуга.

Рев водопада, усиленный гулким эхом, раскатами разносится далеко по окрестностям. Недаром местные жители-готтентоты дали ему такое название ("Ауграбис" на их языке означает "очень шумное место"). Они, между прочим, боятся приближаться к водопаду и обходят его за несколько миль, поскольку уверены, что в глубоком омуте под Ауграбисом живет злое и коварное божество, голос которого и слышен из глубины ущелья.

Среди буров же упорно ходили слухи о том, что в "исполиновом котле" Ауграбиса за долгие века накопилось несметное количество крупных алмазов, принесенных рекой Оранжевой из ее верховьев и верховьев Вааля, где давно известны алмазные месторождения.

Именно там, в Трансваале, был найден в свое время крупнейший из известных в мире алмазов — «Куллинан», весом в три тысячи каратов, то есть в шестьсот граммов! Добавим, что крупная алмазная россыпь разрабатывается сейчас в заливе Александер-Бей, у впадения Оранжевой в океан. Так что для возникновения подобной легенды имелись вполне реальные основания. Рассказывают также, что много лет назад в исключительно жаркое лето, когда река почти пересохла, несколько смельчаков решились нырнуть в каменную чашу под водопадом, но лишь один из них вернулся назад из пучины. Выбравшись на берег, он упал замертво. Когда товарищи разжали его кулак, они увидели два великолепных алмаза чистой воды. Но больше желающих рискнуть не нашлось, и сокровища водопада по сей день покоятся на дне, под надежной защитой грохочущих струй летящей с уступа в пропасть неистовой реки.

Правда, три четверти года, пока не наступит сезон дождей, Оранжевая представляет собой не реку, а речку, и любой желающий может перебраться через нее по выступающим камням. Но даже в это время подобраться к краю водопада по скользким камням непросто: один неверный шаг грозит падением в ревущую бездну каньона. Однако открывающееся зрелище с лихвой вознаграждает за риск. Именно в сухой сезон ущелье Оранжевой, лишенное зелени, выглядит особенно мрачным и величественным.

Если же путешественник отважится подобраться к подножию водопада, преодолев каменные нагромождения десятикилометрового каньона, то, помимо захватывающего вида вертикально падающей с высоты небоскреба ревущей водной стены, он обнаружит на дне ущелья десятки странных круглых отверстий разного диаметра. Их выточили лежавшие в углублениях скалы камни, которые под действием падающих струй сотни лет вращались на одном месте. Иные из таких «колодцев» достигают двухметровой глубины, а на дне их всегда лежит "виновник происшедшего" — галька или валун. В процессе бурения скалы они тоже стали гладкими и округлыми.

Когда же наступает сезон дождей. Оранжевая вздувается и, заливая берега, бурно несется к океану, катя огромные глыбы и смывая мосты. К сожалению, в это время подойти к Ауграбису невозможно, и только с вертолета или самолета можно увидеть одно из красивейших мест Африки — грозный и величественный водопад на реке Оранжевой.

Остров Мадагаскар

(Мадагаскар)

Самый большой остров Индийского океана — Мадагаскар — географы часто называют "материком в миниатюре". Объясняется это, во-первых, необычайным разнообразием его ландшафтов, а во-вторых, своеобразным животным и растительным миром, отличающим его и от близлежащей Африки, и от других частей света.

Сочетание влажных тропических лесов, высокотравных саванн и даже полупустынь, горных хребтов, плоскогорий и прибрежных равнин, потухших вулканов и коралловых рифов, болотистых лагун и мангровых зарослей, муссонных и пассатных ветров обусловливает существование на острове самых различных пейзажей, а животные и растения Мадагаскара, три четверти которых встречаются только здесь, нисколько не похожи на африканские, и если и имеют родственников, то обычно в Индокитае и Индонезии, а то и в Южной Америке.

Мадагаскар — гористая страна. Почти половину его занимает Высокое Плато, протянувшееся через весь остров с севера на юг. На восточном берегу, куда пассаты приносят влагу с Индийского океана, дожди, бурные и обильные, идут практически каждый день. Из-за сопровождающего их сильного ветра ливневые струи направлены почти горизонтально, и от них не спасают никакие зонты и навесы. Строго говоря, здесь различают влажный сезон и сухой. Но последний, продолжающийся с мая по ноябрь, отличается только тем, что изредка случаются дни и без осадков. В июле, в разгар зимы, термометр показывает плюс шестнадцать, а в феврале температура достигает тридцати четырех градусов.

На крутых склонах плато растут вечнозеленые леса из папоротников, тамариндов, пальм и других тропических деревьев, обвитых лианами и украшенных яркими орхидеями. В этих лесах немало ценных пород деревьев. У разных видов палисандров, например, древесина бывает лилового, розового и даже черного цвета. Есть здесь и каучуконосы. А из смолы копалового дерева изготовляют лак.

Но из всех мадагаскарских деревьев наиболее известна равенала. С виду она похожа на банан, только у банана листья растут прямо от земли, а у равеналы есть настоящий ствол, от верхушки которого расходятся, словно спицы колеса, огромные листья, разорванные ветром по краям. Там, где черенки листьев собираются к стволу, находятся особые емкости, содержащие по нескольку литров воды. Встретив равеналу, усталый путник всегда может утолить жажду. Недаром ее называют еще "деревом путешественников". Уникальны лианы Мадагаскара. Стручок одной из них, лианы энтада, достигает двух метров в длину и полутора-в ширину! Несколько таких стручков, расщепленных пополам, прекрасно служат крышей для хижины. Из лиан делают веревки, плетут корзины и циновки. А из некоторых, особенно прочных, строят дома, так как они — единственные растения на острове, которые не трогают термиты.

На западе же, куда горы не пропускают дождевых туч, царствует саванна, а местами, на юге — жаркая полупустыня, поскольку осадки здесь редки и выпадают только зимой. В сухой же сезон месяцами не проливается ни капли влаги, а температура поднимается до сорока градусов! Леса на западе встречаются только в долинах рек, а саванна заросла жесткой, как щетка, травой, и только кое-где высятся небольшие баобабы и веерные пальмы. Деревья в западной части острова на зиму сбрасывают листья, чтобы не испарять влагу в засушливую пору.

Животный мир Мадагаскара по своеобразию можно сравнить только с австралийским. Главное сокровище фауны острова — это, конечно, лемуры. Эти забавные зверьки, напоминающие помесь обезьяны с кошкой, обитают в лесах и ведут ночной образ жизни. У них большие, светящиеся в темноте глаза и пронзительный голос, напоминающий капризный плач ребенка.

Самые крупные из лемуров — индри. Они легко приручаются, и жители острова — мальгаши — часто используют их на охоте вместо собак. Другой род лемуров, с лисьей головкой и длинным хвостом, это маки. Они очень живые и подвижные, держатся стаями и часто попадаются на глаза по вечерам, когда скачут по деревьям в поисках вкусных плодов. Полная противоположность им — толстый лори. Этот неповоротливый и неуклюжий малыш медлителен, словно австралийский коала. Интересен также ай-ай, или руконожка, — злой плоскоголовый лемур с огромными ушами и длиннейшим хвостом. Он живет в бамбуковых лесах, питается сердцевиной бамбука и сахарного тростника, не брезгует также жуками и личинками. Своими длинными пальцами ай-ай легко извлекает содержимое из стволов бамбука и тростника. Этот лакомка очень боится света. Как только взойдет солнце, он засыпает, засунув голову между ног и закутав ее своим длинным хвостом.

Мальгаши считают лемуров священными животными. Существует легенда, что когда-то давно они были людьми, а потом, живя в лесу, обросли шерстью и превратились в животных. Встречая лемура в лесу, охотники всегда вежливо здороваются с ним, а случайно попавших в капкан зверей непременно освобождают и выпускают на волю.

Из хищников на острове водится только рыжевато-черная фосса — хорьковая кошка. Размером она с большую собаку, но ростом невелика, так как лапы у нее короткие. Мальгаши очень боятся фоссу. О ее кровожадности и силе ходит немало легенд и охотничьих историй.

Водится на Мадагаскаре и мангуст — главный истребитель змей. А в горных лесах живут пугливые и робкие ушастые ежи — тенреки. Эти довольно крупные (с кролика) зверьки выходят из своих нор только в сумерках и деловито принимаются искать пищу — мелких насекомых. Зимой они впадают в спячку.

Ярок и необычен мадагаскарский птичий мир. Здесь водятся зеленые попугаи, ярко-красные кардиналы, синие голуби и зимородки, султанские курочки, ибисы и цесарки. Когда-то на острове жили огромные, похожие на гигантских казуаров, птицы эпиорнисы. Рост этих гигантов достигал пяти метров! Вымерли они совсем недавно, так как еще Марко Поло упоминал о них в своей книге. Да и позже, в XVIII веке, моряки, подплывавшие к острову, слышали крики этих птиц. Гигантское яйцо эпиорниса по объему равнялось 150 страусовым. Мальгаши делали из них сосуды, вмещавшие по восемь литров воды.

Ядовитых змей на Мадагаскаре нет, и единственными по-настоящему опасными животными здесь являются крокодилы. Ими буквально кишат болота и озера острова.

А у европейских коллекционеров особым почетом пользуются изумительные по красоте бабочки Мадагаскара. Голиафу — самую крупную из них — нетрудно принять за птицу. Это коричневая бабочка с розовым брюшком. Удивительно живописна урания, справедливо считающаяся самой красивой бабочкой в мире. Ее крылья переливаются, кажется, всеми возможными красками. Поражает причудливым узором на крыльях и бабочка мадагаскария.

Очень много на острове хамелеонов самых разных размеров. Из-за непривлекательного внешнего вида мальгаши считают их злобными и вредными существами, хотя фактически они приносят большую пользу, истребляя мух и прочих докучных насекомых. Хамелеон, вообще-то, родственник ящериц, но проворством природа его явно обделила. Порой кажется, что в жилах его не кровь, а столярный клей — так тягучемедленны его движения. И только язык хамелеона молниеносно выбрасывается вперед, когда добыча окажется в пределах досягаемости. Известен хамелеон прежде всего своей необыкновенной способностью менять окраску под цвет окружающего фона, что делает его абсолютно незаметным в лесу.

Необычные животные и растения Мадагаскара широко известны, но есть на западе его удивительное место, о природе которого мало что знают даже сами жители острова. Это плоскогорье Бемараха, расположенное в бассейне реки Манамболо недалеко от побережья Мозамбикского пролива. Здесь удивительно все: фантастический рельеф, животные и растения,

здесь сохранился, может быть, последний нетронутый уголок дикой природы Мадагаскара.

Известняковое плато Бемараха возвышается на 400 метров над долиной Манамболо. Река прорезала в нем грандиозное ущелье с белыми слоистыми стенами. А вокруг ущелья раскинулся… каменный лес! Причудливо выточенные карстовыми процессами скалистые гряды — карры — ощетинились тысячами острых пиков, между которыми вода проделала глубокие щели, а каждый валун превратила в острый зазубренный меч. Огромный скалистый лабиринт практически непроходим: известняковые башни и стены, заросшие колючками, образовали по всему плато сеть естественных бастионов, надежно защищающих его отпришельцев.

Район Бемараха беден осадками: сухой сезон длится здесь до восьми месяцев. А в трещиноватых известняках быстро уходит в глубину даже та влага, которую принесли редкие дожди, так что выжить здесь могут лишь хорошо приспособленные к засухе растения. Эбеновое дерево, например, зеленеет только в период дождей, а в остальное время стоит голым, экономя воду. А баобаб, наоборот, копит воду в своем корявом и мощном, до девяти метров в толщину, стволе, и благодаря этому выживает в сухой сезон.

Причудливые создания населяют каменный лес Бемараха. Это панцирный хамелеон, напоминающий маленького дракона или динозавра своими колючими шипами на хребте и остроконечными шишками на голове. Здесь же водится своеобразная мадагаскарская крыса с большими ушами. Если не заметить длинный хвост, ее вполне можно принять за кролика. А на деревьях, выросших в расселинах скал, живут руконожки и маки, оживляя пустынный каменистый пейзаж своими забавными прыжками и пронзительными криками.

Группы скал-останцов, образованных карстовыми процессами, встречаются и в других местах мира, например, в китайском районе Цинлин или в бухте Ха-Лонг во Вьетнаме. Но там эти известняковые столбы и башни всегда имеют округлую или плоскую вершину. И только здесь, на Мадагаскаре, возник такой удивительный остроконечный каменный лес. Притягательность этого уголка заключается еще и в том, что в глубине плато до сих пор не побывал пока ни один человек, и какие открытия ждут там ученых, можно только догадываться. Природа Мадагаскара хранит еще немало тайн, которые откроются лишь пытливым путешественникам, сумевшим преодолеть все трудности, возникающие перед первопроходцами гор, джунглей и таинственных скальных лабиринтов этого уникального острова.

Горы Рувензори

(Конго-Уганда)

Между центральноафриканскими озерами Эдуард и Альберт, там, где линия экватора пересекает границу Конго и Уганды, находится один из самых загадочных горных массивов нашей планеты — горы Рувензори.

До 1888 года их не видел ни один европеец. Да и после того, как знаменитый путешественник Генри Стэнли открыл их для науки, немногие сумели полюбоваться их сверкающими снежными вершинами. Дело в том, что триста дней в году массив Рувензори закрыт облаками, да и в

оставшиеся два месяца лишь ненадолго открывается на рассвете или на закате взорам проходящих у его подножья путешественников.

Когда в 1906 году итальянская экспедиция составила первую карту этих мест, оказалось, что протянувшиеся на сто двадцать километров с северо-востока на юго-запад горы Рувензори — высочайший горный хребет Африки. Целых девять вершин его поднимаются более чем на четыре километра, а самая высокая из них — пик Маргерита — достигает пяти тысяч ста метров и является третьей по высоте на континенте. (После одиноко стоящих к югу от Рувензори вулкана Килиманджаро и горы Кении.)

Европейские и арабские географы еще со времен Птолемея писали о существовании в центре Африки таинственных Лунных гор. Считалось, что именно в них находятся истоки Нила. Однако потребовалось почти две тысячи лет, чтобы подтвердить это предположение. Причем уже в XX веке пять прекрасно оснащенных экспедиций, побывавших на озерах Альберт и Эдуард, не смогли обнаружить Рувензори, хотя, казалось бы, с такого расстояния это не сложнее, чем заметить Эйфелеву башню с набережной Сены. Мешали плотные облака, полностью скрывавшие гигантский горный массив от исследователей.

И лишь упорство, терпение и наблюдательность Стэнли позволили ему с третьей попытки (!) открыть, наконец, неуловимый хребет. Вот как он сам описывает эту "охоту за Рувензори":

"…Возвращаясь с озера Альберт в декабре 1887 года, мы вдруг заметили, что на горизонте появились два громадных усеченных конуса к югу от нас. Нам показалось, что высота их должна быть от трех до четырех километров. Мы окрестили их «Близнецами» и сильно заинтересовались ими, полагая, что по соседству с ними должна быть очень живописная местность.

Возвращаясь на озеро в апреле 1888 года, мы не видели «Близнецов», но 25 мая, когда мы отошли от озера часа на два пути, глазам нашим внезапно предстала громаднейшая белоснежная гора, с центральным массивом километров на пятьдесят в длину; по обеим сторонам этой горы простирались две цепи гор, километра на полтора ниже ее. В тот день все это было видно несколько часов кряду. Но на другой день видение исчезло, не было видно никаких следов, ни «Близнецов», ни снегового хребта.

Возвращаясь на Альберт в третий раз, в январе 1889 года, мы остановились в местном селении на два с половиной месяца, но ничего не увидели за все это время. Однако в один прекрасный день, по обыкновению смотря в то место, где следовало быть снеговому хребту, мы его дождались: все горные цепи разом выступили из-за своего облачного покрова, и десятки пар глаз жадно впились в это дивное зрелище.

Верхняя часть хребта, явственно разделенная на множество пирамидальных пиков, перепоясанная снизу широкой полосой молочно-белого тумана, на фоне синих небес необычайной чистоты и прозрачности казалась как бы плавающей в воздухе, наподобие того "Острова Блаженства", носящегося между небом и землей, о котором повествует старинная легенда. По мере того как солнце клонилось к западу, туманный пояс исчезал, и призрачное видение оказалось прикрепленным к цепи могучих предгорий. Хотя мы были за сто километров

от гор, в бинокль можно было разглядеть полосы лесов и отдельные древесные группы, растущие то на широких уступах, то по краям обрывов какого-нибудь утеса, нависшего над глубокой пропастью. Я подумал, что это, должно быть, и есть те Лунные горы, о которых писал когда-то Птолемей.

Надо думать, что прозрачность атмосферы — явление редкое в здешней местности, и если бы мы побывали тут мимоходом, как и другие путешественники, то, по всей вероятности, Рувензори еще долго оставался бы в неизвестности".

Кстати, текущая у подножья этих "Лунных гор" река Семлики впадает в озеро Альберт, как и главный исток Нила — Виктория-Нил. Отсюда, уже под именем Альберт-Нил, будущая великая река спешит на север, на встречу с Голубым Нилом. Так что древние географы были правы: один из истоков Нила действительно находится в этом горном массиве.

В отличие от Килиманджаро и Кении, горы Рувензори — не вулканического происхождения. Это огромный гранитный блок, вознесенный на четыре километра вверх вдоль гигантского разлома земной коры, именуемого геологами Великим Африканским рифтом. По линии этого дугообразного разлома располагаются длинные и глубокие африканские озера Ньяса, Танганьика, Киву, Эдуард и Альберт, а по сторонам его вздымаются на трехкилометровую высоту горные цепи Китенгере, Малимба, Марунга и Митумба, а также конусы вулканов Сапитва и Карисимби.

На языке живущего здесь народа баконго Рувензори означает "Творец дождя". Действительно, высокий горный массив стоит могучей преградой на пути ветров, приносящих влагу из бассейна полноводной Конго. Поднимаясь вверх по склонам Рувензори, влажный воздух охлаждается и появляются облака, проливающиеся дождями практически каждый день.

У подножья Рувензори простираются обширные саванны, заросшие высокой двухметровой слоновой травой. Здесь раздолье буйволам, слонам и носорогам, здесь пасутся стада антилоп, жирафов и зебр и охотятся за дичью гепарды, львы и гиены.

С высоты в два километра начинаются пышные дождевые леса, где, помимо обычных лесных обитателей экваториальной Африки, водятся и такие редкие животные, как шилохвостая белка, использующая при лазаний по деревьям острый костяной шип на нижней поверхности хвоста, или рувензорская выдровая землеройка, в отличие от своих родичей предпочитающая жить в реках и ручьях и имеющая перепонки на лапах.

Водится здесь и огромная капская выдра длиной почти в полтора метра, и лесной кабан — самый крупный из обитающих в Африке. Этот метрового роста зверь весит до ста шестидесяти килограммов, и охота на него — далеко не безопасное занятие. Но самым необычным обликом обладает живущий на Рувензори трехрогий хамелеон. Суеверные негры боятся его, считая вестником несчастья.

В пещерах и дуплах деревьев живут самые большие летучие мыши на свете — летучие собаки — с размахом крыльев больше метра. А из опасных хищников высоко в горные леса забирается только леопард, наводящий страх на многочисленных обезьян, населяющих эти места.

С трех до трех с половиной километров на склонах Рувензори располагается пояс странных по виду полулесов-полукустарников, густо увешанных лишайниками. Они образованы зарослями древовидного вереска, достигающего чудовищной величины в этой влажной и жаркой атмосфере. Здесь вообще все вырастает до гигантских размеров: и трава, и цветы, и папоротники. Даже дождевые черви на Рувензори толщиной в палец, а длиной в метр и более.

Еще выше простирается зона горных лугов, где путешественника ждет встреча с главным украшением этого фантастического ботанического царства. Скромные цветы сенеции (крестовника), достигающие у нас высоты в двадцать-тридцать сантиметров, становятся здесь настоящими пятиметровыми деревьями, поражая причудливостью своего черного ствола-обрубка, увенчанного пучком полуметровых листьев.

Таких же огромных размеров достигает здесь и скромная северная лобелия, превратившаяся на склонах Рувензори в лежащую на земле гигантскую зеленую розетку, из которой поднимается вверх двухметровое, похожее на свечу соцветие.

Эти поражающие воображение, ни на что не похожие растительные гиганты возвышаются среди зеленых лугов, усеянных цветущими фиалками, манжетками и лилиями, а местами оживленных могучими зарослями двухметровых хвощей.

Подобный ландшафт, напоминающий кадры из фильмов о покорении инопланетных миров, можно встретить еще только в двух местах на Земле — на склонах Кении и Килиманджаро.

Поднявшись еще на полкилометра, путешественник оказывается выше полосы сплошной облачности. Яркое солнце заливает своими лучами совершенно необычный для Африки альпийский пейзаж, словно перенесенный сюда откуда-нибудь с Монблана. Вверху — изъеденные ледниковыми цирками зубчатые гребни, острые пирамидальные пики, сверкающие девственной белизной снежные поля и голубоватые языки ледников. Ниже — выпаханные ледниками глубокие желоба долин и бесчисленные зеркала малых и больших ледниковых озер, в которых отражаются вычурные «канделябры» гигантских сенеции и стройные «свечи» исполинских лобелий, прекрасно дополняющие этот живописный пейзаж.

Вечные снега и ледники высочайших вершин Рувензори питают множество быстрых ручьев с холодной прозрачной водой. Сливаясь, они образуют чуть ниже, в лесном поясе, стремительные шумные реки, мчащиеся вниз по крутым порожистым руслам и катящие по дну массу каменных обломков. Такие водотоки способны глубоко врезаться в склоны горного массива. Ущелья глубиной до километра расчленяют склоны Рувензори на множество отдельных блоков, придавая хребту ребристый вид. С западной стороны, где массив обрывается к долине крутым обрывом, реки низвергаются вниз на равнину пенящимися струями водопадов высотой в триста-четыреста метров.

Однако, чтобы полюбоваться всей этой красотой, придется совершить восхождение почти на четыре километра. Снизу же он рискует вовсе не увидеть гор сквозь облачный плащ, в который укутывает себя

Рувензори. Но трудности подъема мгновенно забываются, когда взгляду путешественника открывается величественная панорама заоблачного хребта, покрытого вечными снегами.

В свое время Стэнли так описал ощущения человека, увидевшего Рувензори:

"Случается, что за полчаса до заката ветер сгоняет тучи, и тогда один пик за другим появляется в синем небе, одна за другой обнажаются мощные вершины, белоснежные поля и вся волнистая громада сияет в полном своем великолепии, пока не сгустятся сумерки и темная ночь не покроет ее еще более темным шатром.

Эти короткие — слишком короткие — минуты, когда смотришь на великолепного "Творца дождя", как называют баконго свою укутанную туманами гору, наполняют зрителя таким чувством, как будто он заглянул в отверстые небеса".

Канарские острова

(Испания)

К западу от берегов Марокко в Атлантическом океане вытянулась на четыреста пятьдесят километров с запада на восток гряда из семи вулканических островов. Этот архипелаг, приветливый, живописный и разноликий, с античных времен называют Канарскими островами. Такое не слишком приятное название (canis по-латыни — "собака") дал островам знаменитый римский ученый Плиний Старший, утверждавший, что на них якобы водятся огромные собаки. Позже выяснилось, что великий естествоиспытатель ошибался, но название уже прижилось. И хотя благодатным островам у побережья Африки давали в разное время множество других, более романтических имен: "Острова Вечной Весны", "Очарованные острова", "Острова Блаженных", "Елисейские поля" и даже "Сады Гесперид", тем не менее на картах эти острова и по сей день остаются под первым «собачьим» названием.

Населенный и освоенный людьми еще пять тысяч лет назад, архипелаг стал известен финикийцам в XI веке до нашей эры. Тысячу лет спустя здесь высадились римляне, а в XIV веке у берегов островов появились испанские каравеллы. Через сто лет, сломив сопротивление местных жителей-гуанчей, Испания окончательно завладела архипелагом, и до сего времени они принадлежат ей.

Понятно, что за пятьсот лет хозяйственного освоения Канарских островов испанцами природа архипелага во многом изменилась— К счастью, многие острова из-за горного рельефа оказались неудобны для создания плантаций, и их флора и фауна пострадали не так уж сильно.

Самый известный, самый большой и самый заметный (в прямом смысле слова) остров на Канарах — Тенерифе. Его главная достопримечательность — возвышающийся на три тысячи семьсот метров над уровнем моря вулкан Тейде — виден с подплывающих кораблей чуть ли не за двести километров.

Смутные очертания огромной горы, то появляющейся, то исчезающей в полупрозрачной дымке утреннего тумана, действовали на воображение мореплавателей с давних времен. Пиком Тейде восхищались Колумб и Кук, Беллинсгаузен и Гумбольдт. А в январе 1832 года к берегам архипелага подошел английский корабль «Бигль», на котором отправился в

свое знаменитое кругосветное путешествие юный натуралист и будущий создатель теории эволюции Чарлз Дарвин. Вот что записал он в своем дневнике:

"Шестого января мы достигли Тенерифа… На следующее утро мы видели, как солнце, показавшись из-за причудливых скал острова ГранКанария, вдруг озарило Тенерифский пик, между тем как низкие части острова все еще скрывались за кудрявыми облаками. То был первый из тех восхитительных дней, которых мне никогда не забыть".

Первое известное извержение вулкана Тейде произошло в 1492 году, как раз в год посещения Тенерифе Колумбом. Вулкан проявлял затем свою активность еще не раз: извержения его происходили в 1706 и 1909 годах. Фуникулер позволяет в наши дни путешественнику без особого труда подняться к бровке кратера и заглянуть в черную и мрачную вулканическую котловину, на краю которой возвышается молодой конус, выросший в 1909 году.

Котловина, носящая выразительное название Кальдера де лас Каньядас ("кальдера пропастей"), поражает причудливыми формами потоков застывшей лавы и минералов самых различных расцветок, среди которых тут и там поднимаются цветы тахинастес, похожие на огромные свечи.

Хотя большая часть острова давно превращена испанцами в банановые плантации и апельсиновые рощи, на северо-востоке Тенерифе, близ его столицы Санта-Круса, сохранился большой лесной массив, занимающий горные склоны у побережья. В сухом и жарком климате Канар этот густой, сумрачный и прохладный лес, в котором бок о бок растут канарские сосны, лавры и такие родные для нас северные березы, кажется зеленым оазисом рядом с раскаленными пляжами и сухими каменистыми склонами Тейде. У края леса серпантин горной дороги выводит к открытой площадке, к высокой береговой скале — Пико-де-Инглес. С ее километровой высоты путешественнику открывается вид на бескрайние океанские дали и золотистые пляжи, высокие утесы и зеленые рощи побережья.

Если Тенерифе с его мягким и теплым климатом именуют "островом вечной весны", то самый восточный из Канарских островов, Лансароте, справедливо будет назвать "островом огнедышащих гор". На этом небольшом острове, длиной в шестьдесят и шириной в пятнадцать километров, природа собрала вместе целых триста вулканов!

В последний раз извержение на острове случилось в 1824 году. Тогда вдоль пересекающей остров линии разлома один за другим возникли и стали выбрасывать пепел и лаву сразу три вулкана: Тао, Тингуатон и Негро. Но эта грозная картина не шла ни в какое сравнение с огненным штормом, который бушевал на Лансароте сотней лет раньше. Осенью 1730 года тридцать кратеров одновременно начали изрыгать раскаленный пепел и реки жидкой лавы, сея смерть и опустошение в окрестностях. Чудовищное извержение продолжалось целых шесть лет и покрыло серым безжизненным чехлом базальтов треть территории острова.

Местный священник вел тогда подробные записи о происходящем. Вот отрывок из этой своеобразной "летописи огненных лет":

"Возле Тименфайя земля раскололась и выросла огромная огнедышащая гора. Грозный спектакль продолжался три недели. Еще через несколько дней открылись другие кратеры и выплеснули лаву, которая погребла деревни Тименфайя, Родео и Манча-Бланка. Шестого сентября высокая скала, отклонив лавовый поток, изменила его направление с северного на северо-западное. Это привело к гибели селений Маретес и Санта-Каталина. Одиннадцатого сентября открылись новые пламенные расселины. Жидкая лава затопила город Масо, а через шесть дней дошла до берега и с ревем полилась в море, рассыпая ужасающе прекрасные каскады искр…"

После столь продолжительного буйства огненной стихии облик острова совершенно изменился. Поля и виноградники, самые богатые селения были уничтожены. В центре острова выросла мрачная гряда вулканических конусов, напоминающая лунные горы.

В наши дни всю центральную и западную часть Лансароте жители именуют не иначе, как Маль-Паис ("Скверная страна"). Здесь господствуют темные краски, здесь не услышишь птичьего пения, здесь высится над безжизненной долиной грозный вулканический хребет Монтанья-дель-Фуэго ("Огненные горы"). Пейзаж этих мест производит сильное впечатление: разрушенные вулканические конусы, иссиня-черные пепловые поля, окисленные вулканическим жаром ржаво-красные стенки кратеров и горы серого шлака…

Зияют огромные жерла, но ни один кратер не дымит, не дышит огнем. Ни единого облачка пара или дыма не поднимается над Монтанья-дель-Фуэго. Но совсем неглубоко под внешним слоем вулканических пород еще пышут жаром недра вулканов, и путешественник, попавший на Лансароте, легко может убедиться в этом.

На гребне одного из кратеров предприимчивый канарец устроил ресторан, где плиты пола горячи на ощупь, а яичницу повар жарит, поставив сковороду прямо на кучу вулканического песка. Для забавы хозяин заведения бросает вилами охапку хвороста в двухметровую яму. Не проходит и минуты, как там разгорается костер. А рядом можно полюбоваться рукотворным гейзером. Достаточно вылить ведро воды во вкопанную в землю трубу, как почти сразу же из нее вырывается пар, а затем и струя кипящей воды, взлетающая на четырехметровую высоту.

Путешествие по Лансароте нетрудно совершить на автобусе, но интереснее проделать его верхом на верблюде. Дорога, проложенная через созданный здесь Национальный парк, ведет по застывшему лавовому озеру к длинной цепочке кратеров, окаймленных грудами шлака и застывшими лавовыми фонтанчиками, которые здесь называют "хорнитос".

Но все же главной достопримечательностью вулканического острова является пещера Куэва-де-лос-Вердес. Эта самая большая в мире лавовая пещера протянулась на шесть километров. Некоторые залы ее достигают пятнадцати метров в высоту и двадцати четырех — в ширину. В одном из них устроен даже концертный зал.

Пещера находится на севере острова, под лавовыми полями вулкана Корона. Река расплавленного базальта продолжала течь под остывшим и затвердевшим наружным слоем лавы из бокового кратера Короны вниз по склону прямо в море, образовав естественный туннель с причудливыми

формами стен и кровли. С плато Маль-Паис узкая дорожка ведет путешественника в сумрачный глубокий провал. За высоким темным входным отверстием она сперва пролегает вдоль туннеля, направляющегося к морю, затем сворачивает на запад в более узкий ход и достигает самой глубокой части пещеры, находящейся на сорок метров ниже поверхности.

На всем пути туриста сопровождает негромкая электронная музыка, напоминающая звон стеклянных капель. Прожекторы озаряют переходы и залы, высвечивают окрашенные окислами своды и висячие лавовые столбы — своеобразные вулканические сталактиты, которые отбрасывают замысловатые тени.

У пещеры два яруса, причем верхний более широкий и просторный. После нескольких подъемов и спусков путешественник, наконец, попадает в концертный зал. Впечатление от подземной музыки превосходит все ожидания: ведь пористые стены лавовой пещеры создают идеальную акустику.

На обратном пути турист встретит у дорожки небольшое озеро, наполненное морской водой, просачивающейся через трещины. В подземном водоеме живут маленькие крабы, ставшие в пещерном мраке абсолютно белыми. А в широкой воронке у выхода из таинственной полости, куда падают сверху лучи солнца, можно посидеть в уютном кафе, размышляя о грозных катаклизмах, создавших этот необычный подземный вулканический мир.

Другие крупные острова Канарского архипелага — Гран-Канария, Фуэртевентура и Пальма — мало что сохранили из своей первозданной природы. Первый из них — царство отелей и пляжей, второй усилиями людей стал практически безлесным, и пейзаж его не радует глаз путешественника. Что же касается острова Пальма, то он сильно пострадал от случившегося совсем недавно, в 1971 году, извержения.

Зато небольшой гористый остров Гомера, расположенный к югу от Тенерифе, практически почти не изменился со времен испанского завоевания. Здесь нет даже аэропорта, и большинство туристов приезжает сюда лишь на экскурсии.

Над островом на полтора километра возвышается могучий горный массив Гарахоней. От него лучами расходятся к побережью шесть глубоких ущелий. Две трети всей территории острова Гомера покрыто девственными лесами из лавра, восковницы и древовидного вереска. Особую ценность представляют растущие на северных склонах лавровые леса. Покрытые пышной бахромой мхов и лишайников, огромные деревья выглядят «пушистыми», а сплошной ковер папоротников дополняет первобытный облик этих древних лесов, миллионы лет назад покрывавших обширные территории Средиземноморья и Северной Африки.

В лавровых лесах живут редкие и осторожные канарские голуби, выдающие себя лишь нежным воркованием, а также самые известные пернатые обитатели островов — канарейки, пение которых слышится со всех сторон.

Когда-то на Гомера жили гуанчи — коренные жители архипелага, появившиеся здесь за тысячи лет до нашей эры. Сильно пересеченный труднопроходимый рельеф острова заставил их выработать уникальный

способ общения. Находясь на противоположных сторонах ущелья, гуанчи могли переговариваться на особом языке свиста — сильбо. Этот уникальный язык позволял передавать сообщения на расстояние до километра.

Подобный необычный язык обнаружен на нашей планете еще только в одном месте — в одной из горных деревушек Турции. Сильбо сохранился до наших дней, и на Гомера можно и сейчас услышать, как два пастуха пересвистываются через каньон, договариваясь о встрече или передавая новости.

Еще один предмет гордости гомерцев относится уже не к ботанике или лингвистике, а к истории. Здесь чаще, чем на других островах архипелага, бывал великий Колумб. С 1492 по 1502 год он посетил остров Гомера целых четыре раза, причиной чему, как считают, было его романтическое увлечение местной красавицей маркизой Монья. Дом, где останавливался мореплаватель, теперь стал музеем Колумба. Побывал на острове по пути в Америку и будущий покоритель империи ацтеков конкистадор Эрнан Кортес.

Осматривать остров Гомера интересно не только пешком или верхом, но и с моря. С борта катера можно увидеть главное чудо гомерского побережья — скалу Лос-Органос. Это крутая стена, состоящая из тысяч шестигранных базальтовых колонн, поднимающихся из морских волн, словно трубы гигантского органа.

Обилие солнца и тепла на Канарах не то чтобы приедается, но требует время от времени смены обстановки. И в поисках разнообразия ежегодно до полумиллиона туристов проходят по тенистым лесным дорогам острова Гомера. Тем не менее на нем сохранилось еще немало нетронутых уголков, и этот самый тихий и зеленый островок остается подлинным оазисом неизмененной природы Канарского архипелага.

Путешественник, побывавший на Канарах, непременно расскажет своим друзьям о восхождении на пик Тейде и потрясающих видах, открывающихся оттуда на просторы Атлантики, об опаленных подземным огнем туннелях Куэва-де-лос-Вердес, о грозных кратерах Монтаньядель-Фуэго и о загадочном острове с красивым именем Гомера…

ЧАСТЬ V. АМЕРИКА

Долина Десяти Тысяч Дымов

(США)

В заливе Аляска, отделенный от одноименного полуострова широким проливом Шелихова, лежит большой, лесистый и гористый остров Кадьяк. На северной его оконечности расположился единственный на острове населенный пункт — поселок Кадьяк, основанный еще российскими поселенцами в пору освоения Русской Америки. К тому времени, о котором пойдет речь, то есть к началу XX века, русских на острове уже не было, но образ жизни островитян оставался прежним. Жители Кадьяка — белые американцы и эскимосы — занимались охотой на тюленей и морских выдр, ловили сетями лосося и продавали шкуры, рыбу и икру торговцам, изредка приплывавшим сюда на пароходах из Штатов.

6 июня 1912 года, когда рыбаки и зверобои, как обычно в это время года, поглядывали на море, ожидая первого в сезоне судна, они неожиданно заметили на северо-западе огромную черную тучу и услышали

необычайно громкие раскаты грома. Вскоре туча закрыла небо над островом, засверкали молнии, но с неба вместо дождя… посыпался пепел!

Пепельный дождь шел над островом двадцать пять часов подряд. Тьма окутала Кадьяк, и целых трое суток здесь было темно, как ночью. Молния угодила в антенну радиостанции, и островной поселок лишился связи с материком. Никто не понимал, что происходит.

Лишь на четвертый день солнце с трудом пробилось сквозь тучи и бледный рассвет озарил окрестности. Но узнать их было невозможно: исчезли луга, зеленевшие на побережье, однообразное серое покрывало расстилалось по всему острову, насколько видел глаз. Слой пепла на острове достигал полуметра в толщину.

Позже выяснилось, что в ста пятидесяти километрах от Кадьяка, на полуострове Аляска, произошло грандиозное взрывное извержение вулкана Катмай. О силе извержения пришлось судить по косвенным данным, так как индейцы, находившиеся поблизости от Катмая, при первых признаках пробуждения огнедышащей горы поспешно пустились в бегство, а постоянных поселений в районе вулкана не существовало в радиусе нескольких сот километров.

Однако то, что столб пепла поднялся на двадцать километров, а звук взрыва был слышен за тысяча двести километров, в столице Аляски, городе Дкуно, говорило о гигантских масштабах природной катастрофы. Колебания почвы при взрывах (а за первым последовало еще два, почти таких же сильных) ощущались за двести километров от Катмая. Пепел покрыл не только Кадьяк, но выпал даже в городе Ванкувере, почти в двух тысячах километров от места извержения. В четырех километрах от вулкана его слой достигал двадцати метров, а на берегах пролива Шелихова — трех метров.

Целый год потом мелкие частицы пепла носились в атмосфере. Лето по всей планете выдалось значительно более холодным, чем обычно, из-за того, что пепельная дымка задерживала почти четверть падавших на Землю солнечных лучей. Кроме того, повсюду в 1912 году отмечались удивительно красивые алые зори.

Прошло четыре года, прежде чем на Аляску сумела добраться первая научная экспедиция. Трое американских ученых во главе со знаменитым вулканологом Григгсом поднялись на каменистый таежный перевал Аляскинского хребта, и с его двухкилометровой высоты увидели уходящую на север широкую плоскую долину, по всей длине которой с ревом выбивались из-под земли белые фонтаны дыма. Григгс назвал эту необычную местность Долиной Десяти Тысяч Дымов.

На старой карте, созданной за полвека до того русскими топографами, на этом месте была показана лесистая узкая и глубокая долина реки Укак. По ней проходила тропа, значит, здесь бывали люди, но никто не замечал здесь никаких газовых струй. Теперь же на месте долины находилась гладкая безжизненная равнина длиной в двадцать и шириной в пять километров, усеянная множеством белых фонтанов. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это не дым, а пар, но это обстоятельство никак не проясняло загадку. Что произошло в долине? Как возникли десять тысяч "дымов"?

Разгадку следовало искать у вулкана, и Григгс направился к Катмаю. Но что это? Вместо высокой остроконечной вершины, достигавшей почти двух с половиной километров, перед ним лежал усеченный, словно обрубленный, широкий конус, едва превышавший в высоту два километра. Взобравшись на его гребень, ученые увидели под ногами огромную эллиптическую впадину-кальдеру, окружностью в двенадцать километров. Отвесные стены ее уходили далеко вниз, где на глубине в девятьсот метров находилось глубокое озеро диаметром в полтора километра. Вода в нем была мутно-белого цвета с зеленоватым оттенком, а посредине располагался небольшой островок, имевший форму полумесяца.

Дальнейшее изучение вулкана показало, что его извержение в 1912 году было самым сильным в истории человечества. (Лишь взрыв вулкана Санторин в Эгейском море в XV веке до нашей эры был, возможно, еще более мощным. Но это предположение — из области гипотез, так как документальных свидетельств той далекой катастрофы не сохранилось, и наука вынуждена судить о ней лишь по косвенным данным.)

Вулканическим взрывом было поднято в воздух, обращено в пепел и развеяно в атмосфере тридцать миллиардов тонн горных пород! Масштабы извержения можно попробовать представить себе, мысленно перенеся вулкан Катмай, например, на Манежную площадь в Москве. Тогда вся территория столицы до самой кольцевой автомагистрали была бы погребена под многометровой толщей пепла. В Калуге его слой достиг бы тридцати сантиметров, а в Смоленске и Нижнем Новгороде выпало бы пятнадцать сантиметров пепла. Звук взрыва был бы слышен в Крыму, на Урале и в Архангельске, а тончайшая вулканическая пыль долетела бы до Ирана, Англии и Италии.

Но сила извержения не объясняла появления загадочной долины. Она располагалась в стороне от Катмая, и происхождение многочисленных струй пара казалось необъяснимым. Лишь последующие экспедиции Григгса в этот вулканический район помогли раскрыть тайну Долины Десяти Тысяч Дымов.

Оказалось, что незадолго до взрыва из бокового кратера Катмая, а может быть, из трещин на его склонах, началось извержение, но не лавы, а мелкого вулканического песка. Туча раскаленных песчинок, каждая из которых была окутана горячим сжатым газом, вела себя как жидкость и свободно текла по склону вулкана в долину. По краям будущей Долины Тысячи Дымов слой песка достигал тридцати метров, а в середине превышал двести. Деревья на склонах были свалены и обуглены палящей песчаной рекой. Когда поток вулканической пыли остановился и газы улетучились, горячие песчинки спаялись между собой, образовав твердую каменную броню из вулканического туфа. Но местами в нем образовались трещины, и воды реки Укак и многочисленных родников на ее берегах, испарявшиеся под горячей «броней», вырывались наверх в виде белых струй пара.

Четыре года подряд Григгс и его коллеги изучали удивительную долину. Работать им приходилось в нелегких условиях. Вот что пишет об этом сам вулканолог:

"Ночью трудно было спать в палатке: земля была горячей как печка. Пока один бок пропекался, другой стыл от холодного ветра, дувшего с

соседних ледников. Люди вынуждены были поминутно переворачиваться. Зато необычайно удобно было готовить пищу. Не нужно было думать о кострах, поблизости находились всегда горячие печи… Сковороду надевали на длинный шест и вводили в струю пара, причем шест не только не надо было поддерживать, но, наоборот, приходилось прижимать книзу, и все-таки сковорода висела в воздухе — так сильно было давление выходившего совершенно прозрачного и невидимого перегретого пара. Этим паром можно было зажечь палку.

Воронки многих фумарол были украшены красивыми яркими узорами из отложившихся на них красных, зеленых, фиолетовых солей и окислов металлов".

К сожалению, прошедшие десятилетия наложили отпечаток на облик уникальной долины. С годами покров туфов стал постепенно остывать, и уже экспедиция французского вулканолога Тазиева, побывавшая в Долине Десяти Тысяч Дымов спустя полвека, обнаружила в ней лишь пять тысяч фонтанов пара, да и у тех высота и температура струй стали значительно меньше. Не пройдет и сорока лет, с грустью констатировал маститый вулканолог, как нижние слои туфов остынут окончательно, и тогда этот замечательный памятник природы потеряет свое самое эффектное украшение.

Сейчас Интернет позволяет нам переноситься через океаны и континенты, не вставая из-за стола. И автор воспользовался этой возможностью, желая узнать, в каком состоянии находится долина в наши дни, и в душе надеясь, что печальный прогноз французского ученого не оправдается. Увы, Тазиев оказался прав. В Долине Десяти Тысяч Дымов больше нет ни одного дымка!

Но, не взирая на это, вулканические диковинки Аляски не стали для путешественников менее притягательными И сотни туристов ежегодно приплывают и прилетают в самый северный штат США, чтобы увидеть фантастическую долину, словно перенесенную к нам с другой планеты, и гигантскую воронку на горе Катмай — все, что осталось от некогда грозного вулкана после самого страшного в истории извержения.

Водопад Ниагара

(США-Канада)

Великие озера Северной Америки — Верхнее, Мичиган, Гурон, Эри и Онтарио — самое большое озерное «созвездие» нашей планеты. Воды первых четырех из них уносит в пятое — Онтарио — мощная и быстрая река Ниагара. Ее длина невелика (всего пятьдесят шесть километров), но на этой короткой дистанции между озерами Эри и Онтарио река спускается почти на сто метров! Причем половину этой высоты она теряет одним буйным прыжком, который и зовется водопадом Ниагара.

Слава этого водного скачка настолько велика, что он стал для многих как бы синонимом слова «водопад». Больше трехсот лет люди идут, плывут, едут и летят сюда, чтобы увидеть это красивейшее место. Шестнадцать миллионов человек ежегодно бывает у Ниагары, и нет на Земле путешественника, который бы не слышал об этой уникальной природной жемчужине и не мечтал увидеть ее своими глазами.

Могучий многоводный поток шириной в тысячу двести метров разрезан у водопада Козьим островом на две части. Справа, со стороны,

где пограничная река омывает территорию США, низвергается Американский водопад, демонстрирующий, можно сказать, классический тип большого водопада и чаще всего фигурирующий на фотографиях. А ближе к левому, канадскому берегу Ниагары, изогнулась плавная девятисотметровая дуга Канадского водопада, или Подковы, как его чаще называют. К сожалению, густое облако водяных брызг, поднимающееся вверх от подножья Подковы, мешает этой части Ниагары предстать перед зрителем во всей своей красе.

Кроме этих двух общеизвестных слагаемых прославленного водопада существует еще и третья его часть, менее известная, но до недавнего времени доставлявшая туристам такие острые ощущения, каких им не могли подарить Канадский и Американский водопады. Рядом с Козьим островом, ближе к США, расположен крохотный островок Лунный. Струя шириной в двадцать метров, ниспадающая между ними, именуется Центральным, или Лунным, водопадом. Еще несколько лет назад путешественник мог, спустившись по винтовой лестнице вниз, пройти, надев непромокаемый комбинезон, по уступу между известковым обрывом и падающей стеной воды Лунного водопада Прогулка в тучах брызг под грохот разбивающихся водяных струй была, как говорят, самым захватывающим ощущением для посетителей Ниагары. Желающих побывать в этой "Пещере ветров", как ее называли, всегда было предостаточно, однако власти запретили эти рискованные экскурсии, опасаясь, что непрочный край уступа обломится в самый неподходящий момент.

Подобные случаи уже бывали на американской стороне Ниагары. В январе 1931 года обрушилась глыба весом в семьдесят пять тысяч тонн. А в июле 1954 года вниз сорвалась почти двухсоттысячетонная громадина. В конце концов пришлось даже на время перекрыть реку выше водопада так, чтобы вся вода текла через Подкову, и капитально «отремонтировать» бетоном известняковый уступ, с которого срывается Американский водопад.

У каждой из сторон знаменитого водопада есть свои достоинства. Подкова потрясает мощью падающей водной массы (через нее протекает девять десятых всей ниагарской воды) и грохотом разбивающихся водопадных струй. Недаром у Канадского водопада есть еще одно название — "Громовержец".

Воды огромной реки плавно катятся к скальному уступу и с величавым спокойствием падают в бездну с высоты в пятьдесят метров. В половодье толщина водного потока на гребне водопада достигает пяти метров. Верх водяной стены кажется неподвижным. Ее гладкая поверхность напоминает темно-зеленое стекло. А внизу вода кипит и беснуется, образуя гигантские водовороты. Над этим диким апофеозом клокочущих и грозно ревущих струй поднимается на сотню метров вверх белый столб водяной пыли, закрывающий всю середину Подковы.

Внизу водопад выточил в каменном ложе реки желоб глубиной в пятьдесят метров. Понятно, что одной воде выдолбить такой "исполинов котел", как называют подобные углубления геологи, было бы не под силу. Но под прочным пластом известняков, с которого падает водопад, залегают глины и песчаники, с которыми вода справляется играючи. С течением

времени под известняком образуются пустоты, и тогда края пласта обламываются. Упавшие глыбы, вращаемые бешеными падающими струями, действуют на породы дна реки как буровой инструмент, год за годом вгрызаясь в песчаник, подстилающий Ниагару.

Американский водопад короче, но зато лучше смотрится со стороны, особенно в солнечную погоду. Неровная, чуть волнистая и как будто взлохмаченная стена вспененной воды очень эффектно разбивается о громоздящиеся внизу огромные куски упавших каменных глыб. А ночью сотни разноцветных прожекторов, подсвечивающих непрерывно движущуюся стену воды, создают поистине сказочную иллюминацию, усиливающую и без того потрясающее впечатление от этой части Ниагары.

Американский водопад выше Канадского почти на десять метров, однако слой воды на его гребне — всего полметра, из-за чего его и удается так красиво подсвечивать.

Грохот Ниагары слышен за двадцать пять километров, поэтому стоящий рядом с водопадом человек ничего не слышит. Не зря индейцыирокезы, жившие поблизости, дали этому чуду природы такое название (по-ирокезски «ниагара» — "грохочущая вода").

Как и всякий водопад, Ниагара меняет свой облик в зависимости от времени года, суток и даже от изменения характера облачности. Весной и летом белопенная голубоватая водяная стена оттеняется сочной зеленью берегов, осенью — пламенеющей листвой канадских кленов, зимой — белым спокойствием снежного покрова набережных и кровель окрестных зданий.

Кстати, зимой замерзают только края реки Со скал, выступающих на гребне оскудевающего в это время водопада, постепенно нарастают огромные, как исполинские сталактиты, сосульки, искрящиеся на фоне беснующейся воды. Еще более впечатляющая картина развертывается перед путешественником, приехавшим на Ниагару весной, во время половодья. Громадные льдины, словно айсберги, подплывают к краю обрыва и падают вниз, с грохотом и гулом разбиваясь вдребезги и исчезая в пучине.

В 1848 году льды озера Эри плотной массой забили исток Ниагары, и вода в водопаде иссякла. Местные жители, не понимая причин странного поведения реки, в панике ожидали чего угодно, вплоть до конца света. Целые сутки никто из них не сомкнул глаз. Наконец, через тридцать часов вода прорвала ледяную перемычку и всей накопившейся массой ринулась вниз. Низвержение воды вперемешку с глыбами льда, по рассказам, напоминало извержение вулкана с землетрясением впридачу.

За водопадом река сужается почти в десять раз — до ста тридцати метров — и несется вперед со страшной скоростью. Мрачный скалистый каньон длиной в одиннадцать километров позволяет Ниагаре продемонстрировать всю свою неукротимую мощь, прежде чем она выйдет на равнину и спокойно впадет в озеро Онтарио. На обоих берегах в толще скал вырыты шахты, в которых устроены лифты. Одетые в прорезиненные плащи туристы спускаются к самому подножью Ниагары и, находясь в каких-нибудь полутора метрах от грандиозной рушащейся вниз водяной стены, ощущают благоговейный ужас перед необузданной мощью природных сил.

Гиды рассказывают путешественникам ирокезскую легенду о Деве Тумана, ритуальной жертве Ниагары. Как гласит легенда, индейцы ежегодно выбирали самую красивую девушку и приносили ее в жертву богу Маниту, жившему в пучине под водопадом. Для этого красавицу, нарядно одетую, сажали в пирогу без весел и отталкивали от берега выше Ниагары. И Дева Тумана, как называли принесенную в жертву, улыбалась и пела, плывя к водопаду, — ведь ей выпало великое счастье встретиться со всемогущим божеством! Но однажды выбор пал на красавицу-дочь великого вождя ирокезов. Не в силах вынести разлуки с любимой дочерью, он бросился в пучину с края скалы и погиб в ниагарских водоворотах. С тех пор ирокезы, лишившиеся самого мудрого и храброго вождя, навсегда покончили с жутким обрядом, чтобы впредь не случалось подобных трагедий.

Кое-кто считает, что у ирокезов не было такого предания и оно попросту выдумано хитроумными гидами для развлечения туристов. Но мне кажется, что даже если это и так, поэтичная легенда имеет право на существование. Настолько грозен облик разъяренной водной стихии, так безгранична и сурова ее бешеная сила, что воображение путешественника прямо-таки требует роковых и жутких историй, связанных с прошлым водопада.

Между тем реальная история Ниагары тоже полна скрытых драм и трагедий, только геологических. Всю свою жизнь, десять тысяч лет, она медленно пятится вверх по течению, размывая и подтачивая край уступа, с которого обрушивается вниз. За это время водопад прошел одиннадцать километров, образовав тот самый каньон, в котором теперь беснуется река после своего головокружительного прыжка. Скорость отступления в наше время составляет больше метра в год. Это касается в первую очередь Подковы, у которой особенно быстро разрушается ее средняя часть.

Американский водопад, как уже говорилось, отступает скачками, происходящими из-за катастрофических обвалов гребня. Особенно большой обвал случился здесь в 1886 году, когда местность вокруг Ниагары дрожала, как при землетрясении. Катастрофы 1931 и 1954 годов, о которых мы рассказали выше, тоже нанесли серьезный ущерб американской части водопадного уступа.

Если отступление Ниагары будет продолжаться такими же темпами, то через тридцать тысяч лет она достигнет озера Эри и спустит его воды в Онтарио. Сейчас, правда, часть вод Ниагары в ночное время отводится через боковые каналы на турбины электростанций, и мощь речного потока тогда становится меньше, но все же не за горами то время, когда пятящаяся назад стена обрыва окажется выше Козьего острова, два водопада сольются в один, который будет продолжать отступать к озеру Эри и, скорее всего, станет далеко не таким красивым и высоким. Вероятно, в не столь уж далеком будущем человеку придется спасать замечательное творение природы от ожидающей его печальной судьбы.

Немало трагедий, причем самых настоящих, а не гипотетических, произошло за последние полтора века и с людьми, мечтавшими прославиться благодаря Ниагаре. Первым решил поиграть на нервах многочисленных туристов, приезжавших к водопаду, знаменитый в

прошлом веке циркач-канатоходец Жан Блонден. В 1859 году он объявил, что пройдет четыреста метров по канату, натянутому над каньоном в километре ниже Канадского водопада. Посмотреть на это зрелище собралось не меньше ста тысяч человек. По реке ниже водопада плавал небольшой туристский пароходик (называвшийся, разумеется, "Дева Тумана"), переполненный желающими увидеть предстоящий триумф (или трагедию) Блондена с нижней точки.

Когда Блонден ступил на провисший до высоты пятьдесят метров над ущельем канат, половина зрителей была уверена, что он сорвется. Циркач прошел треть пути и присел на канат отдохнуть — так дрожали его ноги. Потом прошел еще треть длины каната и снова решил посидеть. Он помахал пассажирам стоявшей внизу "Девы Тумана", жестами показал, чтобы она подошла и встала прямо под ним, а затем спустил вниз веревку, к которой на корабле привязали бутылку виски. Подняв ее, канатоходец выпил содержимое сосуда и продолжил путь. Весь переход через ущелье занял у Блондена пятнадцать минут.

Слава Блондена чуть ли не затмила славу самого водопада. Два года он продолжал изумлять публику все новыми трюками над Ниагарой. Француз ходил по канату с надетым на голову мешком, толкал перед собой тачку, кувыркался над ущельем задом наперед, танцевал, ходил на ходулях, подпрыгивал. Но ни одного трюка Блонден не повторял дважды. Он становился на голову, проходил над ущельем с руками и ногами, закованными в цепи, стоял на канате, держа в руке шляпу, а человек с берега стрелял в нее из ружья, ходил над Ниагарой ночью, освещая себе путь фонарем…

В довершение всего Блонден сумел пройти по канату, неся на плечах своего менеджера. Говорят, что когда он проделывал это, у водопада собралось двести пятьдесят тысяч человек! Отчаянный циркач вошел в историю как покоритель Ниагарского водопада. В этом качестве он и гастролировал затем по всему свету, побывав, в частности, и в России.

Слава отважного француза вызвала волну желающих повторить его подвиги, однако его последователям везло куда меньше. Итальянец Баллини оступился на середине пути и с пятидесяти метров полетел в воду. Чудом он остался жив. Но следующий канатоходец, Стив Пир, первым из циркачей вошел в список жертв Ниагары.

Однако наиболее рискованные предприятия в истории Ниагары были связаны с многочисленными попытками спуститься с водопада в каком-либо необычном судне. Легенда о "Деве Тумана" явно не давала покоя искателям и искательницам приключений. Первой в списке ниагарских авантюристов была, как ни странно, женщина — сорокатрехлетняя учительница Анна Тейлор. В качестве судна новоявленная "Дева Тумана" выбрала бочку из-под виски. Для начала учительница пустила в отчаянный рейс свою кошку. Бочка осталась цела, но кошка погибла. Это не остановило Анну Тейлор, и 4 октября 1901 года она влезла в свою бочку, обложенную внутри подушками. Ко дну ее "плавательного средства" была прикреплена наковальня, чтобы бочка сохраняла вертикальное положение. Позже Анна рассказывала, что помнит, как плыла к водопаду, как падала, но в момент, когда бочка вошла в воду под водопадом, она потеряла сознание. Через семнадцать минут

после падения бочку прибило к канадскому берегу. Под приветственные крики Тейлор выбралась из бочки: она была абсолютно мокрой, из сломанной челюсти текла кровь. Полчаса она пребывала в шоке, а потом переоделась и с триумфом предстала перед публикой.

В 1911 году другой искатель приключений, англичанин Бобби Лич, прыгнул с Ниагары в стальном барабане с герметичным люком. Ему повезло меньше: он сломал челюсть и обе коленные чашечки и полгода провел в больнице. Последующие пятнадцать лет Лич разъезжал по свету с рассказами о своем подвиге и погиб от случайного ушиба в Новой Зеландии, поскользнувшись на апельсинной корке.

Через семнадцать лет канадец Жан Люссье соорудил металлическую конструкцию, покрытую снаружи автомобильными шинами, и отправился на ней по маршруту индейских красавиц. Его вытащили на берег абсолютно невредимым. На аналогичном агрегате пытался прыгнуть с водопада в 1951 году профессиональный ниагарский спасатель Хилл. Но шины на его «плавсредстве» были разорваны еще на порогах до водопада. Искалеченное тело смельчака удалось найти лишь через сутки.

С тех пор полиция тщательно следит за рекой выше водопада и пресекает новые авантюрные попытки. Но никакие запреты и никакие трагические финалы не могут охладить горячие головы. В 1984 году канадец Карел Сучек стал пятым человеком, который остался жив после прыжка в Ниагару в бочке. А в 1989 году его примеру последовал некто Дебернарди, сумевший спуститься с Канадского водопада.

Но самый невероятный случай произошел, как нередко бывает, вопреки всякому желанию тех, кто стал его участником. То, что случилось 9 июля 1960 года, по сей день называют "ниагарским чудом". Местный житель Джеймс Ханикатт решил в тот день покатать по реке детей приехавшего к нему друга: семилетнего Роджера Вудварда и его семнадцатилетнюю сестру Динн. Дело происходило в восьми километрах выше Ниагары. На порогах лодка ударилась о камень, и мотор вышел из строя. На веслах выгрести не удалось, и лодку понесло вниз, к водопаду. Ханикатта и Роджера волной выбросило из лодки. Динн удалось продержаться в ней, пока лодка не перевернулась. Девушка попыталась выплыть к Козьему острову. Сотни людей собрались у ограждения посмотреть, что будет дальше, но лишь один — негр-полицейский Джон Хейес решился перелезть через ограду и, зацепившись за нее ногами, протянул Динн руку. Ей удалось схватить его за палец, когда она была уже в пяти метрах от водопада. Хейес держал ее, но вытащить не мог. Он звал на помощь, но публика предпочитала наблюдать, ожидая развязки. Наконец еще один смельчак — Джон Кваттроки — перелез к Хейесу, схватил Динн за другую руку и вытащил ее. "Мой брат, мой брат", — плача, шептала она.

Роджер, как ни удивительно, тоже остался жив. Капитан парохода, катавшего туристов под водопадом, случайно заметил вдали что-то оранжевое на воде, когда уже собирался поворачивать судно назад к пристани. Яркое пятно оказалось спасательным жилетом, надетым на мальчика. Его подняли на борт парохода и доставили на берег. Ханикатт же разбился о скалы у подножья водопада.

Поразительно, как фортуна, не слишком милостивая к искателям дешевой славы, оказалась неожиданно благосклонной к попавшим в беду подросткам.

Конечно, богатая драмами и трагедиями история Ниагары еще более подогревает интерес к ней туристов. Но все же главное, что влечет сюда путешественников — это сам потрясающий по живописности тройной водопад высотой с двадцатиэтажный дом у входа в каньон на могучей быстрой реке. Ниагара — не самый высокий и не самый широкий водопад в мире. И по количеству протекающей воды она тоже всего лишь пятая на планете. Но те, кто побывали на ней, даже если им приходилось уже видеть другие великие водопады Земли, в один голос признают, что более прекрасного зрелища не встретишь, пожалуй, ни на одной реке северного полушария.

Йеллоустон

(США)

Самый восточный и самый длинный хребет североамериканских Кордильер — Скалистые горы — протянулся от тридцатого до шестидесятого градуса северной широты более чем на 4000 километров. Его заснеженные пики вздымаются более чем на четыре километра, образуя могучую каменную стену, пересекающую территорию США от северной до южной границы.

Скалистые горы являются главным водоразделом Северной Америки: с их западных склонов реки несут воды в Тихий океан, а потоки, текущие на восток, являются притоками многоводной Миссисипи, впадающей в Мексиканский залив Атлантики.

В центральной части этого водораздела, в самом сердце Скалистых гор, на стыке штатов Монтана, Вайоминг и Айдахо находится "жемчужина Америки" — Йеллоустонский национальный парк.

Удивительная природа этого уникального уголка Кордильер — его гейзеры и водопады, окаменелый лес и застывшие белыми каскадами отложения горячих ключей, непуганые стада бизонов и грозные серые великаны — медведи-гризли привлекают сюда туристов со всего света. До пяти миллионов туристов посещают каждый год этот старейший заповедник планеты, основанный почти 130 лет назад.

Первые известия о нем принесли члены знаменитой экспедиции Льюиса и Кларка, проложившей в 1804–1806 годах путь от Миссисипи до тихоокеанского побережья через ни разу еще не покорявшиеся белому человеку горные кручи и перевалы Кордильер. В 1807 году гейзеры Йеллоустона увидел и описал охотник Джон Кольдер. Рассказ показался современникам настолько фантастическим, что все дружно сочли его очередной охотничьей байкой. И добрых полвека потом сообщения побывавших в сказочной долине охотников не воспринимались всерьез. И немудрено: ведь лесные бродяги рассказывали о том, что видели лес из каменных деревьев или водопад, застывший на лету и превратившийся в камень. Ну а заявления зверобоев о том, что в долине бьют из земли стометровые фонтаны кипятка, а река течет так быстро, что нагреваются камни на дне, и вовсе походили на истории барона Мюнхгаузена.

Наконец, в 1871 году решено было послать в Йеллоустон научную экспедицию с фотографом, чтобы официально подтвердить или

опровергнуть "охотничьи рассказы". То, что увидели члены экспедиционного отряда, поразило их воображение. Они единодушно решили, что такое чудо природы не может стать частной собственностью, а должно стать достоянием всей нации. Отчет экспедиции и сделанные в Йеллоустоне фотоснимки убедили правительство США, и в 1872 году был опубликован закон о создании первого в мире Национального парка в Йеллоустоне.

Он занимает площадь почти в 900 тысяч гектаров на высокогорной (до 2500 метров) плато между Галлатинским и Абсаротским хребтам, достигающими 3800 метров высоты.

И плато, и хребты сложены вулканическим породами. По всей территории парка можно увидеть потоки застывшей лавы, а в долине Обсидиановой реки высится огромный утес, целиком состоящий из вулканического стекла.

Следы недавней вулканической деятельности остались не только в виде лавовых потоков. То тут, то там в долине реки Йеллоустон, прорезающей плато, встречаются горячие источники, гейзеры и лужицы, а то и целые «котлы» горячей булькающей грязи. Наибольших масштабов гидротермальные явления достигают на берегах Огненной реки. Здесь на двух участках — Верхнем и Нижнем гейзерных бассейнах — разместилось более 40 гейзеров и тысячи горячих источников.

Гейзерные бассейны Йеллоустонского национального парка, безусловно, самые грандиозные из всех гейзерных полей земного шара, хотя подобные фонтанирующие горячие источники встречаются также на Камчатке, в Исландии и Новой Зеландии.

Струи некоторых из йеллоустонских гейзеров бьют более чем на 100 метров, а самый высокий фонтан превышает 115 метров. Самый же мощный гейзер выбрасывает в момент извержения на десятки метров вверх почти 4000 тонн воды!

Поражает периодичность «работы» этих природных фонтанов. Одни из них извергаются с интервалом в 2–3 года, другие салютуют с промежутком в несколько суток, а множество мелких, двух— или трехметровых, бьют каждые 3–4 минуты. Наиболее популярен у туристов гейзер "Старый служака". Он извергается с неизменной точностью каждые 65 минут. Струя кипящей воды диаметром в полметра взлетает при этомl на 50 метров. Извержение длится 4–5 минут, а затем наступает перерыв. Но ровно через час и пять минут происходит новый выброс, сменяющийся через 5 минут очередным затишьем.

Гейзер «Гигант» называют "водяным вулканом". С интервалом в четыре дня он выбрасывает на высоту 90 метров могучий столб кипятка. Оригинален грязевой гейзер "Большой цветочный горшок": в овальной каменной чаше в клубах пара кипят и пузырятся мельчайшие частички фарфоровой глины белого и розового цветов, причем частички различных оттенков не смешиваются между собой. Гейзер "Минутный человечек" раз в минуту выбрасывает в воздух букет из множества голубоватых струй, отдаленно напоминающий фигуру человека в балахоне.

Дивом Йеллоустона именуют гейзер «Эксельсиор» — один из крупнейших в мире. Его струя бьет из озера со скалистыми крутыми берегами. Перед извержением поверхность озера начинает волноваться,

окутывается клубами пара, а затем точно из центра водоема с грозным рокотом вырывается гигантский столб кипятка диаметром 10 метров и высотой почти 100 метров! Тучи пара вздымаются еще выше — до 300 метров. Окрестности оглашаются свистом, ревом и грохотом, под землей раздаются взрывы, высоко в воздух взлетают камни, а земля дрожит под ногами. Но постепенно гул стихает, столб воды становится ниже и вдруг исчезает так же неожиданно, как и появился.

В Йеллоустонском парке много горных озер. Цвет воды в них, в зависимости от погоды, варьирует от серо-стального до темно-синего или зеленоватого. Самое большое — Йеллоустонское озеро площадью в 370 квадратных километров и глубиной до 120 метров. В водах его отражаются окрестные хребты с их скалами, снежниками и лесистыми склонами, а у подножья хребтов, возле самой воды, бьют горячие источники. Вокруг источников и гейзеров на поверхности земли откладывается слой желтовато-белой рыхлой породы — гейзерита. Он образуется из растворенного в горячей воде кремнезема, выпадающего в осадок при ее остывании. Часто жерло гейзера или источника представляет собой довольно высокий гейзеритовый конус с отверстием-кратером на верхушке, и тогда он и вправду напоминает вулкан, только извергающий не лаву, а кипяток.

Вода многих небольших озер из-за притока горячих подземных вод имеет повышенную (иногда до 50–60 градусов) температуру. Но озера эти не безжизненны. В них живут теплолюбивые водоросли, окраска которых — пурпурная, желтая, оранжевая, зеленая или голубая — придает воде самые разнообразные оттенки. А некоторые микроорганизмы ухитряются выжить даже при температуре воды в 90 градусов!

Холмистый рельеф плато, образованный сотни тысяч лет назад лавовыми потоками и пластами пепла, затем сглаживался под действием ледников и талых вод. Поверхность плоскогорья зарастала лесом. Но спустя несколько тысяч лет вулканическая активность возобновлялась, и отложения вулканического пепла погребали под собой растительность. Однако жизненные силы природы брали свое, и вновь плато покрывалось пышными лесами — до следующего извержения. Следы этого неоднократно происходившего противоборства хорошо заметны на обрывистом берегу реки Ламар. В его шестисотметровой круче отчетливо видны 12 ярусов погребенных под слоями пепла окаменелых лесов! На деревьях сохранились даже тонкие ветви и листья. А местами на плато можно увидеть стволы, имеющие и вовсе фантастический облик. Их окаменелая древесина состоит из полупрозрачного агата, кое-где сверкающего кристаллами белого кварца, аметиста и мориона.

У северной границы заповедника расположен еще один уникальный объект — Мамонтовы горячие ключи. Здесь обильно изливающиеся горячие воды отлагали, охлаждаясь, растворенные в них соли кальция, образуя на склонах живописные террасы, напоминающие застывшие водопады. Террасам присвоены собственные имена: терраса Юпитера, Минервы, Главная и др. Особенно поражает своей сказочной красотой терраса Юпитера. Это холм высотой более 100 метров, по крутому склону которого разноцветными каскадами спускаются шеренги белых, голубых, зеленых и желтых ваз и чаш из известкового туфа — травертина. Среди

них матовые и сверкающие, словно хрусталь, гладкие и ребристые, сухие и заполненные горячей водой. Вода, стекая по стенкам каскадов, придает им вид ледяных замерзших водопадов. Размеры чаш колеблются от нескольких сантиметров до 30 метров.

Отложение травертина происходит с поразительной быстротой. Опущенный вечером в воду нож, ключ или камень уже к утру покрывается блестящей корочкой кристаллов, а через неделю слой травертина достигает уже сантиметра и более.

Под стать неживой природе и разнообразие животного мира Йеллоустона. Здесь водятся олени-вапити, красные олени и лоси, антилопывилороги, горные бараны и лани. За почти полтора века заповедного режима они разучились бояться человека и охотно берут корм из рук. Нередко по берегам рек можно встретить бобров, а также лис, койотов, зайцев и бурундуков. Из крупных хищников встречаются черный медведь, американский лев — пума и волк. Но главная достопримечательность йеллоустонских лесов — самый крупный хищный зверь Северной Америки серый медведь гризли. Гризли смело подходят к людям и автомобилям, выпрашивая подачки у туристов. Но излишней фамильярности не терпят, и не раз в парке "случались на этой почве неприятные, а то и трагические инциденты.

В северо-восточной нагорно-степной части плато нашли приют истребленные на остальной территории США могучие бизоны. Их стадо насчитывает несколько сот голов. Здесь же можно увидеть колонии забавных, похожих на отощавших сурков зверей — луговых собачек. Их норы соединяются между собой, образуя огромный "подземный город" с тысячами жильцов. Сами жильцы обычно столбиками стоят у входов в норы, пересвистываясь друг с другом.

Очень богат в заповеднике мир птиц. Тут гнездятся лебеди и журавли, гуси, утки и многочисленные певчие птицы. Привлеченные теплой водой, с незапамятных времен переселились сюда из южных краев пеликаны. В реках и озерах, особенно в Йеллоустонском, множество рыбы, прежде всего форели.

Но этим не исчерпываются природные сокровища национального парка. Вдоволь побродив по берегам озер и склонам хребтов, нужно еще и пройти несколько километров вниз по реке Йеллоустон, вытекающей из одноименного озера. Попетляв по плато, она затем срывается стометровым водопадом в мрачный крутостенный каньон и с огромной скоростью мчится по ущелью, делая на пути еще два головокружительных прыжка, правда, меньшей высоты. По числу белопенных каскадов Йеллоустонский парк уступает только другому знаменитому заповеднику страны — Йосемитскому. Всего их здесь более сорока.

На нашей планете нелегко встретить место, где было бы собрано вместе столько поразительных чудес природы. И не случайно каждый год миллионы людей стремятся увидеть своими глазами удивительный уголок Скалистых гор, который индейцы поэтично назвали "страной льда, огня, воды, смолы и вертящегося дыма".

Башня Дьявола

(США)

На северо-западе США, в сердце Великих Равнин, недалеко от поросшего соснами невысокого хребта Блэк-Хиллс, находится удивительная гора. Загадочен ее облик, сходный то ли с могучей крепостной башней, то ли с чудовищных размеров пнем. Загадочно и ее абсолютно нелогичное появление посреди раскинувшихся на сотни километров равнин.

Охотившиеся в местных лесах индейцы верили, что на вершине исполинского утеса живет свирепое божество, которое по временам озлобляется на весь род людской и решает его уничтожить. Тогда демон начинает плясать и бить в барабан, звук которого раскатами грома разносится по округе, вызывая грозу. И на небе сгущаются черные тучи, чтобы огненными стрелами молний истребить все живое. Лишь страх перед тем, что небесный огонь может испепелить и его самого, заставляет злобного демона прекратить колдовские пляски.

Услышанная от индейцев легенда побудила бледнолицых переселенцев, пришедших в эти места, дать горе выразительное имя Дэвилс-Тауэр, то есть Башня Дьявола. Молнии, действительно, нередко ударяют в ее плоскую вершину, поскольку на обширной равнине в предгорьях Скалистых гор Башня Дьявола — единственный такого рода объект. Ее ребристый усеченный конус возвышается над протекающей рядом рекой почти на четыреста метров и виден в ясные дни за сто шестьдесят километров. У основания диаметр этой гигантской базальтовой скалы достигает трехсот метров, а в верхней части он уменьшается до восьмидесяти четырех метров.

Необычный облик Башни Дьявола, вполне естественно, возбуждал фантазию видевших ее людей, и немало сказок и преданий сложено индейцами и о самой скале, и о связанных с ней легендарных событиях. Отдали дань экзотической природной декорации и современные кинематографисты. Так, в голливудском фантастическом триллере "Контакты третьей степени" именно здесь приземляется ракетный корабль инопланетян.

Однако для геологов происхождение базальтового конуса не представляет никакой загадки. Пятьдесят миллионов лет назад, когда территорию Великих Равнин покрывало море и на дне его отлагались мощные толщи осадков, на месте, где сейчас Башня Дьявола, в эти осадочные породы внедрилась из глубины расплавленная масса магмы. Раздвинув песчаники, сланцы и известняки, слагавшие морское дно, магма застыла, не дойдя до поверхности, в виде столбообразного базальтового тела. Ученые называют такие тела штоками.

Через миллионы лет море отступило, и процессы эрозии мало-помалу разрушили покров более мягких осадочных пород, оставив могучий шток красоваться на просторе. Базальты, из которых он сложен, в ходе остывания превратились в живописные вертикальные образования, похожие на шестигранные столбы. Похожие многоугольные призмы можно увидеть и в других местах, где встречаются базальты. Из них сложены, например, исполинская дамба Мостовой Гигантов в Ирландии или высокие береговые утесы Курильских островов.

Но возносящийся на сотни метров шток Башни Дьявола, невольно приковывающий взор посреди бескрайней равнины, представляет собой на

редкость величественное и уникальное зрелище. Конечно, даже самые прочные породы не могут в конце концов устоять перед силами эрозии, и куски граненых колонн постепенно отделяются от верхушки скалы и падают вниз, образуя пологий холм у ее основания. Но основная часть высоченного каменного цилиндра по-прежнему представляет собой эффектный каменный «сноп» из гладких базальтовых «колосьев» с отвесными стенами. Взобраться на него и особенно спуститься вниз — непростая задача даже для бывалых альпинистов, оснащенных суперсовременным снаряжением. Во всяком случае, первого скалолаза, сумевшего взять штурмом Башню Дьявола, пришлось снимать с вершины при помощи вертолета.

Исполинская башня вот уже более двухсот лет пользуется широкой популярностью. Рисунки и гравюры с ее изображением, а позже фотографии этого природного чуда обошли все географические издания и учебники геологии. А путешественники, пересекавшие северную часть Соединенных Штатов, непременно стремились увидеть ее могучий силуэт и унести на память кусочек базальта, подобранный у ее подножья. Ее притягательная сила кажется необъяснимой. Ведь есть же в Штатах даже более странные по форме скалы, притом расположенные в живописных горных районах или в экзотическом окружении пустынных ландшафтов. Но почему-то ни заколдованный каменный город Долины Монументов, ни причудливые скалы-останцы в каньонах Колорадо не вызывают такого интереса туристов.

Лишь расставшись с могучим утесом, перелетев океан и перебирая в памяти впечатления, начинаешь понимать, в чем тут дело. Разрушение горных пород на поверхности Земли нередко приводит к возникновению гор, скал и холмов необычной формы— И многие века люди восхищаются причудливо-сказочным видом конусов и башен, выточенных эрозией из мягких туфов или известняков, и фантастическими фигурами и столбами, которые она выгрызает в твердых песчаниках.

Но как бы ни были живописны "каменные леса" Каппадокии и Мадагаскара, замки Метеоры или круглые шапки островов бухты Халонг, все же это лишь очаровательные пейзажи, не более того. Ими можно любоваться и восторгаться, однако вскоре новые впечатления отодвинут на задний план, а потом и вовсе сотрут из памяти воспоминания о красоте этих ландшафтов. Совсем другое дело — циклопические постройки, созданные совместно долготерпеливыми поверхностными процессами и неистовой, бешеной яростью кипящих раскаленных недр нашей планеты.

При виде их возникает уважительное восхищение и легкая оторопь от какого-то физического ощущения безмерной титанической мощи тех сил, что таятся до поры до времени в жарких владениях Плутона и, вырвавшись на свободу, застывают гигантскими черными пушками, словно готовыми вступить в сражение с грозовыми тучами. И ни один путешественник никогда не забудет сурового величия Башни Дьявола, подставляющей свои шершавые ребристые бока грозам и ветрам на необъятных просторах американских Великих Равнин.

Долина Монументов

(США)

Американцам присуще какое-то странное, восторженное отношение к пустыням. В этой стране добрых два десятка Национальных парков и заповедников, охраняющих пустынные и полупустынные ландшафты, которым, в общем-то, никто и не угрожает. Для сравнения: в бывшем СССР, на территории в два с половиной раза большей, из ста шестидесяти заповедников лишь десять охраняли пустынные районы, а остальные располагались в лесах, степях, тундре и горных массивах.

Среди многочисленных природных резерватов, лежащих в обширных пустынях юга и запада США — Большой Каньон реки Колорадо и еще два парка в долине этой реки. Башня Дьявола, парк Деревьев Джошуа (гигантских кактусов) на границе Мексики и Калифорнии, парк Кактусов — "Органных Труб" в штате Аризона, Долина Смерти, пустыня Белых Песков, Карлсбадские пещеры, парк Окаменелого Леса, и еще целый ряд других.

Но самым популярным из них и известным любому туристу, хотя бы понаслышке, является знаменитая Долина Монументов. Среди сотен тысяч путешественников, ежегодно посещающих это удивительное место, немало и гостей из-за рубежа, преодолевающих порой огромные расстояния, чтобы увидеть это чудо природы.

И Долина Монументов стоит этого. Вряд ли где еще на Земле можно встретить такое множество исполинских каменных останцов самых фантастических форм, особенно эффектно выглядящих в сухом и прозрачном воздухе пустыни.

Расположен этот природный феномен в долине реки Сан-Хуан, притока могучей Колорадо, протекающего по границе штатов Юта и Аризона на юго-западе США.

К сожалению, черно-белые фотографии не способны передать своеобразное очарование пейзажа этого уголка Америки, где краски, формы, тени и фантазия зрителя образуют поразительный сплав, рождающий сказочные видения, меняющие свой облик с каждым часом на протяжении всего времени от восхода до заката.

Когда подъезжаешь к Долине Монументов по единственному шоссе, ведущему к ней через аризонскую пустыню, кажется, что на горизонте возникает какая-то удивительная страна, где древние замки и восточные храмы чередуются с современными небоскребами и абстрактными скульптурами. Здесь соседствуют величие и угроза, юмор и ожившая добрая фантазия, героический порыв и скорбный траур.

Безжизненная, поросшая полынью равнина служит идеальным нейтральным фоном для наиболее полного восприятия природных памятников этой долины каменных чудес.

Высота гигантских скал-останцов, сложенных красными, коричневыми и желтыми песчаниками, достигает трехсот метров. Невероятное разнообразие и причудливый облик скал дали повод для их необычных названий, большинство которых родилось еще в XIX веке, когда первые белые люди появились в долине.

Впрочем, в те годы немногим смельчакам удавалось пробраться в этот негостеприимный пустынный край, к тому же населенный воинственными индейцами навахо. Племя это, кстати сказать, одно из самых многочисленных в США (сейчас навахо около четверти миллиона человек) и одно из немногих, которые сумели извлечь выгоду из общения с

бледнолицыми. Еще в XVII веке они переняли у испанцев навыки обращения с завезенными сюда овцами и вскоре полностью изменили свою хозяйственную жизнь, став заправскими овцеводами. Это позволило им успешно существовать в суровых условиях пустыни. Новый образ жизни навахо сохраняют и сейчас, постоянно совершенствуя качество и стиль своих изделий из овечьей шерсти. И надо сказать, что искусно вытканные пледы и коврики с ритуальными рисунками навахо вызывают у туристов подлинный ажиотаж.

Массовое посещение Долины Монументов началось после 1870 года, когда закончились войны с индейцами, и особенно со второй половины XX века, когда США охватил туристский бум. Бескрайние просторы долины, равнинный рельеф и огромные размеры скал позволяют осматривать большую часть монументов прямо из автомобиля. Однако понастоящему сильное, почти реальное ощущение пребывания в фантастическом мире путешественник получит, если заберется на один из останцов и полюбуется пейзажем "с высоты птичьего полета".

Сверху особенно величественно выглядит «Замок» — могучий трехсотметровый массив с плоской, увенчанной зубцами верхушкой. Как-то по-детски задорно смотрятся «Рукавички» — две симметричные скалы с торчащими сбоку башенками, похожими на оттопыренные пальцы.

В отдалении высятся "Три монахини", возглавляемые высокой (245 метров) «Настоятельницей». А неподалеку от «Рукавичек» уселась на гнезде дородная «Наседка». Капризы природных сил превратили иные скалы в подобие гигантских грибов, 'а некоторые останцы напоминают исполинские пни, кактусы или кипарисы.

История возникновения этого удивительного ландшафта в общем-то традиционна для подобных останцовых групп. Миллионы лет на месте нынешней равнины плескались волны мелководного мезозойского моря, на дне которого откладывались пласты песчаников. В конце мелового периода в результате поднятия земной коры на месте моря образовалось обширное песчаниковое плато, которое впоследствии размывалось дождями и разрушалось морозом и ветром, пока не было расчленено на отдельные столовые горы, а затем и на разрозненные башни и колонны.

Надо сказать, что природа не поскупилась на каменные чудеса для югозападных штатов США. Чуть западнее Долины Монументов, у впадения Сан-Хуана в Колорадо, над пересыхающей речушкой Бридж-Крик взметнулась в небо красивейшая абсолютно симметричная арка Моста Радуги.

Этот поразительный естественный мост долгое время был знаком белым жителям США только из легенд навахо, рассказывавших своим "бледнолицым братьям" о загадочной "окаменевшей радуге", укрытой в их родных горах.

Заинтересовавшись этой легендой, трое смельчаков рискнули в 1909 году забраться вглубь труднодоступных пустынных гор, туда, где высится над Сан-Хуаном священная гора Навахо. Подъехав к подножью горы, они спустились в ущелье и… ахнули от восторга: над скалистым каньоном поднималась гигантская почти стометровая арка из переливающегося розовыми, голубоватыми и краснокоричневыми оттенками песчаника.

Она была настолько совершенна, что не верилось, будто это не творение рук человеческих. Взмывая со скалы, слитой с ее основанием, арка перелетает через каньон шириной в восемьдесят пять метров, поднимаясь на высоту около девяноста метров над рекой. Под ней свободно уместилась бы Спасская башня Кремля или колокольня Ивана Великого. В толщину арка достигает тринадцати метров, а в ширину — десяти, так что природный мост вполне мог бы вместить двухполосное шоссе.

Индейцы навахо с давних пор считали "каменную радугу" священной и ежегодно съезжались к ней для поклонения. Но пробраться в эти места по горным тропинкам было очень непросто. Лишь после постройки в 1963 году плотины на реке Колорадо и образования озера-водохранилища Пауэлл стало возможным легко попасть к Мосту Радуги на обычном прогулочном катере, и массы туристов смогли увидеть удивительное творение природы не только на фотографиях.

Естественные каменные арки-мосты встречаются в различных районах нашей планеты. Они есть в Китае, на Ближнем Востоке, в Армении. Но штату Юта повезло больше всех. Здесь даже организовали Национальный парк Каменных Арок в трехстах километрах к северу от Моста Радуги, в местности, славящейся множеством причудливых скал и каменных мостов самых различных очертаний. Им присвоены поэтичные, а порой и шутливые названия: "Темный ангел", "Корабельная сосна", «Прощание», "Небесный свод", «Пейзажная» и даже "Одеяние старой девы".

А в расположенной к югу от Долины Монументов пустыне Пейнтед еще полтора века назад попавший сюда лейтенант американской армии Ситгривз обнаружил остатки поистине невиданного леса. Пни и бревна, неведомым образом оказавшиеся посреди пустыни, были как две капли воды похожи на настоящие: с корой, сучками и годовыми кольцами. Но состояли они не из древесины, а из крепчайшего камня, словно неведомый волшебник своими заклинаниями заставил их окаменеть.

Индейцы, бывавшие в этих местах, считали, что в каменистой пустыне валяются стрелы бога Грома. На самом деле здесь, в Аризоне, на левобережье реки Колорадо был обнаружен самый большой ископаемый окаменелый лес из всех известных на планете. Он сохранился еще с триасового периода мезозойской эры, когда в могучих хвойных лесах, окружавших болотистую долину, бродили динозавры.

Как установлено учеными, высота древних деревьев составляла в среднем тридцать метров, а диаметр их достигал двух метров. Впрочем, иные великаны были вдвое выше и толще. Правда, в наши дни почти все бревна развалились на несколько кусков, но зато это позволяет увидеть все разнообразие кристаллов кварца и его разновидностей, заместивших в процессе кристаллизации сгнившую древесину.

Каменные копии деревьев на срезах сверкают кристаллами розового аметиста, черного мориона, прозрачного горного хрусталя и мелочнобелого кварца, переливаются прихотливыми узорами халцедона, яшмы, оникса и сердолика. Самые большие скопления уникальных бревен в этой каменной чаще получили особые названия в зависимости от облика

найденных стволов: "Синяя гора", "Хрустальный лес", "Радужный лес", "Черный лес" и "Яшмовый лес".

А на окраине этого удивительного уголка пустыни индейцы много веков назад сложили из особенно красивых каменных стволов святилище и назвали его "Агатовым домом".

Этот район, как и большая часть Аризоны, представляет собой пустыню, где выпадает лишь около двухсот миллиметров осадков в год, но зато осадки обрушиваются на землю, как правило, в виде бурных ливней, смывающих до трех сантиметров почвы. И каждый такой дождь вымывает из земли новые, скрытые до того сокровища окаменелого леса.

Эта страна каменных замков, мостов и лесов буквально завораживает путешественника своими причудливыми очертаниями дворцов и башен в лучах рассвета и розовым полукружием арки над пустынным каньоном. И не просто названием на карте останутся для него индейские слова — Юта, Навахо, испанские — Аризона, Колорадо, английские — Монъюмент-Вэлли, Рейнбоу-Бридж, Петрифайд-Форест…

Большой Каньон

(США)

"…Первое ощущение — видишь сон. Ужасающих размеров провал! Другой берег провала виден сквозь толщу воздуха и потому слегка задымлен, окутан одинаковой плотности синевой. Пятнадцать километров разделяют края провала. Человека на том берегу нельзя разглядеть. Многоэтажный дом показался бы с коробок спичек. И глубина… Дна Каньона не видно. Останкинская башня белела бы в этом проеме еле приметной иглой. Такую «канаву» люди не сумели бы вырыть, если бы даже рыли ее всем миром и с первой недели своей истории. Эту забаву могла себе позволить только природа. И ушло на это десять миллионов лет".

Так описывает свое знакомство с Большим Каньоном реки Колорадо журналист и путешественник Василий Песков.

Действительно, масштабы этой зияющей бездны трудно себе даже представить: длина этого колоссального ущелья — более пятисот километров, а глубина достигает тысячи восьмисот метров!

Ширина каньона колеблется от шести до двадцати километров, а в одном месте он сужается даже до восьмисот метров. Книзу стены пропасти постепенно сходятся ближе, и на дне его ширина долины Колорадо составляет всего сто метров.

Ни одно описание не может передать всей грандиозности самой исполинской расщелины на нашей планете. Невозможно сделать и фотоснимок, отображающий сколько-нибудь адекватно всю гигантскую, невероятную бездонность и бесконечность этого уникального "оврага".

Да-да, если смотреть на Большой Каньон глазами геолога — это всего лишь огромный, самый большой на Земле овраг, результат многовековой водной эрозии. Когда десять миллионов лет назад равнина, по которой текла река Колорадо, стала вздыматься под действием подземных сил, водный поток начал врезаться в плато. Причем произошло на редкость удачное совпадение: река вгрызалась в породы с той же скоростью, с какой поднималась местность. В итоге к нашему времени глубина вреза составила почти два километра.

Миллионы тонн камня унес бешеный поток Колорадо в море, прежде чем образовался Большой Каньон. И это оказалось реке под силу в первую очередь из-за ее очень быстрого течения (до постройки гидростанции в верховьях Колорадо ее скорость достигала тридцати километров в час!), а также из-за того, что породы каньона — известняки, песчаники и сланцы — были достаточно мягкими. Сейчас на дне ущелья выступили уже самые древние породы — граниты, разрушение которых происходит гораздо медленнее, тем более что и скорость реки теперь снизилась.

Огромное пространство Большого Каньона не выглядит просто длинным узким провалом в земле. Он заполнен беспорядочным скоплением утесов-останцов, именуемых здесь «храмами». Останцы имеют самую причудливую форму и действительно часто напоминают замысловатые индийские или индонезийские храмы, японские пагоды, старинные башни, купола и крепостные стены.

Весь этот разноликий каменный лабиринт, как и исполинские стены Каньона, разлинован цветными пластами осадочных пород, слагающих плато и уподобляющих «храмы» высотным постройкам с чередующимися желтыми, розовыми, красными, коричневыми и бурыми этажами.

Величие этого молчаливого сказочного города можно оценить, лишь спустившись с плато Колорадо вниз, к бегущим по дну каньона красно-коричневым водам Колорадо. (Само название реки в переводе с испанского и означает "красная".)

Здесь также ощущаешь ярость и мощь стихии, которой оказалось под силу пропилить такую гигантскую щель в каменной броне древнего плоскогорья. Река сейчас, даже укрощенная выше каньона плотиной, мчится по нему со скоростью двадцать километров в час, катя по дну огромные валуны и гальку и неся столько песка и глины, что вода ее абсолютно непрозрачна. Камни и песок, несомые рекой, удесятеряют разрушающий эффект, и даже крепчайшие граниты ложа каньона протираются этим «наждаком» ежегодно на четверть миллиметра.

За сутки Колорадо проносит полмиллиона тонн глины, песка и камней. Понятно, что такой "землеройной машине" под силу было за миллионы лет выкопать такой «ров», как Большой Каньон.

Из европейцев первым в 1540 году ущелье увидел некий Коронадо, офицер одного из отрядов испанского конкистадора Кортеса. Испанцы так и не смогли спуститься в каньон и вернулись обратно в Мексику. Только более чем два века спустя на берегу каньона появился следующий гость из-за океана — францисканский монах Гарсос. Но прошло еще почти сто лет, пока в 1869 году экспедиция под руководством майора Пауэлла впервые сумела пройти Большой Каньон на лодках и составить его первое научное описание.

Это путешествие было настоящим подвигом. Не имея карт и опыта плавания в таких невероятно трудных условиях, Пауэлл и его спутники преодолели больше двухсот порогов и благополучно добрались до Калифорнийского залива, куда впадает Колорадо.

Сейчас желающие могут повторить плавание Пауэлла, не подвергаясь такому риску, так как для сплава используются теперь большие надувные плоты. Тем не менее испытавшие себя в этом нелегком водном слаломе признаются, что и на абсолютно непотопляемом и

предельно устойчивом плоту момент, когда гребцов, ныряющих с судном в трехметровую стоячую волну на сливе с порога, вода накрывает с головой, доставляет туристу не менее сильные ощущения, чем те, что испытывал майор Пауэлл.

Даже в кино кадры, когда плот вместе с людьми исчезает в кипящей и ревущей бездне, заставляют сердце сжиматься от волнения. Лишь когда спустя полминуты оранжевое надувное «плавсредство» выныривает из клокочущей пены и головы членов экипажа показываются на поверхности, зритель облегченно переводит дух и вновь обретает способность любоваться окружающим пейзажем Путешественники, предпочитающие менее спортивные методы познания природы, спускаются в Большой Каньон "на своих двоих" попроложенным в двух местах пешеходным тропам, либо проделывают этот головокружительный спуск верхом на муле. Если идти не останавливаясь, маршрут до дна ущелья и обратно можно одолеть за десять часов. Но на это способны только тренированные туристы. Не рассчитавшим же своих сил придется воспользоваться услугами "службы спасения" и выбираться верхом или на вертолете.

Надо сказать, что климат на плоскогорье и в глубине каньона различается и довольно резко. Когда вверху, у начала тропы, семнадцать градусов тепла, на дне ущелья, среди раскаленных камней, температура поднимается до плюс сорока.

На первый взгляд, склоны Большого Каньона безжизненны, но по мере спуска путешественник кое-где по бокам тропинки обнаруживает кактусы, можжевельник, дубки и небольшие сосны. Внизу же к кактусам присоединяются их пустынные сородичи — агавы и юкки, а рядом с дубами возникают березы, осины и ивы. Всю эту странную смесь северной и южной флоры оплетает к тому же дикий виноград.

Животные также сумели обжить, казалось бы, неприступное ущелье и проложить по его крутым склонам свои тропинки. На дне, где сухо и жарко, поселились обитатели пустыни: пятнистый скунс, хлыстохвостая ящерица и желтый скорпион. А на более прохладных склонах обитают скалистые бурундуки, белки и аризонские серые лисицы. Изредка можно обнаружить на песке и след "американского льва" — грациозной горной пумы.

Но Большой Каньон — это не только своеобразный зоопарк и ботанический сад. Это еще и настоящий геологический музей. На его крутых обнаженных склонах можно изучать эволюцию природы Земли от древнейших архейских времен до каменноугольного и пермского периодов. Русло реки врезано в темно-серые граниты и гнейсы архейской эры, которые перекрыты красными песчаниками, сланцами и лавами. Выше последовательно расположены горизонтальные пласты кембрийского, девонского и других периодов палеозойской эры, богатые окаменелыми остатками животных и растений тех далеких времен. Окраска этих пород преимущественно красноватая, но на этом фоне отчетливо проступают сизые, серые и зеленые полосы.

Плотные известняки образуют отвесные стены, а легче разрушающиеся сланцы формируют более пологие, покрытые осыпями склоны. Из-за многочисленных изгибов реки на склонах и дне ущелья возникают останцы самой причудливой формы — те самые «храмы», о

которых говорилось в начале. Конечно, в процессе их создания участвовала не только река. Ветер, несущий острые песчинки, смена температур, корни растений — словом, самые разнообразные силы миллионы лет создавали эти шедевры природной "архитектуры".

Грандиозные масштабы каньона и причудливые «храмы» на его склонах создают удивительное, просто фантастическое зрелище, которое привлекает в Большой Каньон многочисленных туристов. К тому же облик исполинского ущелья поразительно изменчив. Можно десятки раз приходить к каньону и каждый раз видеть его иным, непохожим на прежний. Изменение наклона солнечных лучей, причудливая игра облачных теней и влияющая на цветовую тональность знойная дымка, окутывающая дальний край ущелья, снова и снова меняют облик гигантского провала и фантастических природных построек, поднимающихся со дна пропасти и вздымающихся до уровня поверхности плато. Пестроцветные полосатые стены каньона постоянно меняют оттенки окрасок в изысканной гамме, от черного и пурпурно-коричневого до бледно-розового и голубовато-серого.

А если добавить к этому, что Большой Каньон, в сущности, не один: к нему сходится множество боковых, не менее живописных, хотя и не таких грандиозных — то станет ясно, что в данном случае путешественник имеет дело с целой страной, удивительной и своеобразной. Это как бы "горный хребет наоборот", не поднятый вверх, а врезанный в толщу плато Колорадо.

И глубинные части этой необычной страны, украшенной природными храмами и обелисками, порожистыми речками и водопадами, красочными обрывами и зарослями кактусов и кустарников, так и зовут побродить по ним неделю-другую, чтобы почувствовать дикое очарование этих суровых, но прекрасных мест.

И долго потом будут вспоминаться туристу его странствия по этому «коридору» в глубины геологической истории, долго будут стоять перед глазами грандиозные стены Большого Каньона и сказочный молчаливый каменный город, возникший там, внизу, чтобы остаться в памяти, как уникальный, ни с чем на Земле не сравнимый пейзаж.

Много на нашей планете удивительных уголков, много красивых и необычных творений природы. Но только об одном из них можно сказать словами отважного майора Пауэлла: "Это — самое величественное зрелище на Земле".

Пустыня Белых Песков

(США)

На самом юге США, у границы с Мексикой, между горами Сакраменто и рекой Рио-Гранде расположилась самая необычная в мире пустыня.

Ее можно было бы даже назвать дважды необычной, поскольку уникальны и цвет ее и материал, из которого она создана. Именно за цвет пустыня и получила свое название — Уайт-Сэндс-Дезерт ("Пустыня Белых Песков"). На страницах этой книги мы уже встречались с красной пустыней Намиб, с желтой Сахарой, с бурой Гоби и зеленой Калахари. Но впервые мы столкнемся с пустыней абсолютно белого цвета.

Нигде на Земле, кроме, наверное, снежных просторов Антарктиды, невозможно найти столь огромное пространство (700 квадратных километров), занятое барханами и грядами такого странного облика. В

первый момент кажется, что они и впрямь наметены недавней пургой, тем более что белые песчинки искрятся под солнцем, словно снежные кристаллы. И только палящая жара напоминает вам, что местность, открывшаяся глазу, находится не за Южным полярным кругом, а в штате НьюМексико.

Как же мог образоваться этот необычный ландшафт? Дело в том, что песок пустыни-альбиноса состоит не из зерен кварца, как в других песчаных пустынях: Намибе, Большом Западном Эрге в Сахаре или австралийской пустыне Симпсон. Белый покров Уайт-Сэндс слагают кристаллики гипса, точнее, его разновидности, носящей поэтичное имя селенит. Этот мягкий белый минерал похож на мел, но гораздо легче растворяется водой, поэтому редко встречается на земной поверхности.

В местах, где залегают пласты гипса и селенита, нередко образуются пещеры, промытые в них речными и дождевыми водами. Такова, например, известная Кунгурская пещера на Урале. Возникновением гипсовых залежей наша планета обязана морю и солнцу. Их совместными усилиями и рождены все крупнейшие месторождения сульфата кальция (а именно таков химический состав гипса). Вот и на территории нынешнего американского штата Нью-Мексико в меловом периоде (около 100 миллионов лет назад) располагалось неглубокое море. Отступая, оно оставляло береговые лагуны, превращавшиеся затем в соленые озера. Солнечные лучи выпаривали рассол, и в осадок выпадали поваренная соль и гипс (селенит). Прошло еще 40 миллионов лет, и в палеогеновом периоде на месте высохшего морского дна начались процессы горообразования. Так возникли хребты Сакраменто и Сан-Андреас, верхние части которых были сложены смятыми в складки пластами селенита.

Дожди и горные потоки постепенно растворяли сульфат кальция и уносили вниз, в соленое озеро Люцеро. В этом бессточном водоеме под жарким солнцем пустыни вода постепенно испаряется, и озеро как бы «съеживается», оставляя вдоль берегов белую корку кристаллов селенита.

А затем за дело принимается ветер. Скатывающиеся с Мексиканского нагорья воздушные потоки взламывают корку, подхватывают селенитовые песчинки и уносят к подножью хребта Сакраменто. Ветер укладывает их в пологие барханы, достигающие 18 метров в высоту, которые медленно перемещаются на северо-запад. Иногда они карабкаются друг на друга, образуя необычные "двухэтажные дюны". Пояс движущихся барханов занимает восемь километров в ширину и протянулся на сорок километров.

Из-за того, что песок находится в постоянном движении, растениям нелегко прижиться в этом крае, хотя дождей здесь выпадает не так уж мало для пустыни — почти 200 миллиметров в год. Лишь неприхотливый тополь да похожая на растрепанную метлу юкка приспособились к жизни в таких условиях. Юкка — близкий родственник магнолии. Она представляет собой развернутый пучок жестких глянцевых листьев, над которым на длинном тонком стволике высится изящное соцветие. Корневая система у юкки развивается всю жизнь, и сорванная со своего места, она легко пускает новые корешки там, куда ее уносит ветер и песок. А тополь выручают необычайная длина корней (до 30 метров), уходящих сквозь сыпучую толщу бархана глубоко в подстилающий грунт.

По окраинам пустыни, где не так жарко и побольше влаги, весной появляются розовые цветы золототысячника и пурпурные абронии. Рядом с ними пылает алыми соцветиями эхинокактус, у основания которого нередко пристраивается пустынная дыня калабазилла.

Животные также предпочитают держаться по краям пустыни. В глубине Уайт-Сэндс можно встретить лишь ящериц, отличающихся необычным серовато-белым цветом кожи, да редких грызунов — мешетчатых крыс, тоже очень бледной окраски. Такая маскировка помогает им укрыться от хищных птиц в белом песчаном море.

А у подножья гор, где кактусы и юкки образуют нечто вроде редкой, но непрерывной поросли, похожей на жиденький кустарник, фауна куда разнообразнее. Здесь попадаются луговые волки-койоты и маленькие, но неуязвимые скунсы, деловитые трудяги-дикобразы и веселые земляные белки, всегда готовые порезвиться, а то и подраться друг с другом. Рядом с большой норой пустынного барсука виднеются крошечные норкиземлероек.

Все они днем укрываются ©т жары: кто в прохладных норах, а кто — в колючих зарослях. Лишь с наступлением сумерек начинается в белых песках активная жизнь.

Многих здешних животных природа наградила столь необычной внешностью, что даже их научные названия нельзя читать без улыбки: кузнечиковая мышь, антилоповый заяц, большеухая лисица, кенгуровая крыса, кривоклювый дрозд, зеброхвостая ящерица, листопалый геккон и даже леопардовая ящерица. А живущей здесь единственной в мире ядовитой ящерице дали краткое, но выразительное имя — ядозуб. Кстати, ядовитые зубы у нее расположены почему-то не в верхней челюсти, как у змей, а снизу. Опасных же змей здесь почти нет, разве что черный гремучник. Эта медлительная гремучая змея при опасности издает сухой треск погремушкой на конце хвоста.

Звери в пустыне Белых Песков по-разному приспосабливаются к жизни в безводных барханах. Так, кенгуровая крыса научилась обходиться вообще без воды. Она не пьет никогда и всю необходимую ей влагу получает из семян растений — своей основной пищи. А ошейниковый пекари (единственная освоившая пустыню дикая свинка) запросто закусывает сочными лепешками эхинокактусов, не обращая внимания на его колючки.

Много на окраинах Уайт-Сэндс и самых разных птиц, от огромного грифа-индейки до крохотных колибри. Одни из пернатых устраивают себе жилье в дуплах кактусов (колибри, дятел, кактусовая сова), другие, вроде земляной кукушки, перешли на подземный образ жизни, подобно грызунам. Земляные совы тоже любят занимать заячьи и барсучьи норы. А самая маленькая из сов, эльфовый сыч, предпочитает селиться в освободившихся дуплах дятлов.

Уайт-Сэндс лежит на северной границе самой большой мексиканской пустыни Чиуауа, но мало чем похож на свою каменистую соседку. В пустынях Мексики почти не встречается песчаных участков и, тем более, движущихся барханов. И пустыня Белых Песков в этом смысле — уникальное исключение. А если добавить к этому необычный материал ее белых холмов, то понятно, почему этот уголок Америки приводил в

изумление не только местных индейцев-апачей, но и европейских переселенцев, метко окрестивших Уайт-Сэндс "фарфоровой пустыней".

Сейчас у подножья хребта Сакраменто устроен Национальный парк, и редкий памятник природы в штате Нью-Мексико привлекает многочисленных туристов, желающих увидеть такую непривычную для нашей планеты "страну снежных песков".

Карлсбаадские пещеры

(США)

На севере мексиканской пустыни Чиуауа, уже на территории США, протянулись вдоль левого берега реки Рио-Гранде невысокие горы Гуадалупе. Склоны известняковой горной гряды, не достигающей и двух тысяч метров, изрезаны множеством ущелий, воронок и пещер. Реки и ручьи, образовавшие их в древние времена, теперь ушли в глубину, предоставив выточенные ими лабиринты в полное распоряжение любителей подземных чудес.

В штате Нью-Мексико спелеологами открыто больше восьмидесяти карстовых полостей, но главная из них — грандиозная система Карлсбадских пещер, протянувшаяся в недрах хребта Гуадалупе на 133 километра. Хотя по длине она и уступает величайшей на Земле Мамонтовой пещере в штате Кентукки, но зато карлсбадские туннели и переходы спускаются до глубины 477 метров — глубже всех пещер США.

Лишь в Пиренеях, в Динарских горах Словении, в Крыму и на Кавказе разведаны более глубокие карстовые полости.

А самый большой из шестидесяти залов Карлсбадских пещер — знаменитый Биг-Рум ("Большой зал") буквально потрясает своими невероятными размерами. Этот грандиозный подземный дворец имеет в длину 540 метров, в ширину — 330, а в высоту — 77 метров и по праву считается крупнейшим в мире пещерным залом.

Протяженная система подземных ходов и гротов образовалась здесь в толще ископаемого кораллового рифа, возникшего 250 миллионов лет назад в теплой прибрежной бухте мезозойского моря. Позже, уже в кайнозойскую эру, дожди и потоки талых вод стали разъедать рифовый известняк, образовав за миллионы лет гигантское хитросплетение подземных туннелей, колодцев, залов и гротов, поражающих ныне своей красотой туристов и ученых, побывавших в пещере.

По залам и переходам Карлсбадских пещер проложено сейчас пять километров бетонных освещенных дорожек. Более тренированные и опытные любители подземных экскурсий могут пройти еще примерив тридцать километров по труднодоступным и потому менее исхоженных коридорам и гротам.

За главным входом в пещеры следует 250-метровый Главный Коридор, приводящий туриста в "Зал Зеленого Озера", посредине которого разместился миниатюрный водоем с изумрудной водой. Здесь взору путешественника и предстает главное чудо Карлсбадских пещер — уникальные сталактиты и сталагмиты, изяществу и разнообразию которых нет равных в мире.

Свисающие сверху сталактиты иногда встречаются с растущими им навстречу сталагмитами, образуя живописные скульптуры, напоминающие то колонны, то целые занавесы, то фантастические статуи. Одна из самых

причудливых фигур в "Зале Зеленого Озера" так и называется — Статуя с покрывалом.

Далее турист попадает в роскошные "Покои Королевы", украшенные каменными шторами и драпировками, которые смело могут соперничать с шелками и бархатом Версаля. Искусная подсветка еще больше усиливает эффект от захватывающего зрелища: ажурные сталактитовые занавески словно трепещут на ветру, пронизанные нежными лучами всех цветов радуги.

Следующий зал — "Храм Солнца" — поражает своими натечно-капельными покровами, расцвеченными пастельными оттенками желтого, розового и голубого цветов.

Фантазия природы здесь поистине неистощима: в каждом зале встречаешь новые сказочные фигуры или обелиски, застывшие водопады и каскады из камня. Многим изваяниям присвоены горделивые или шутливые названия. Таковы, например, «Бэшфул-Элефант» ("Стыдливый слон"), напоминающий этого гиганта африканских лесов, застенчиво повернувшегося задней стороной к проходу, или «Рок-оф-Эджес» ("Вековая скала"), представляющая собой могучий сталагмит, высящийся посреди резного грота в гордом одиночестве. А у входа в "Зал Гигантов" стоят на страже три огромных сталагмита с закругленными верхушками, похожими на шлемы средневековых воинов.

Потрясает роскошью и утонченностью каменных декораций зал Королевский Дворец, где с потолка словно струятся светящиеся в лучах прожекторов каскады сталактитов.

А величественный «Биг-Рум» ("Большое помещение"), помимо своих невероятных размеров, знаменит еще и удивительно хрупкими и нежными сталактитовыми сосульками, настолько тонкими, что, если по ним ударить рукояткой ножа, раздается мелодичный звон.

Кстати, никакие цифры не дают представления о масштабах этой поистине бескрайней подземной полости. Лишь увидев «Биг-Рум» своими глазами, ошеломленный турист понимает, что такое и вправду возможно. Ведь под ее сводами свободно могло бы разместиться четырнадцать футбольных полей!

Карлсбадские пещеры были обитаемы задолго до появления в них человека. Многие века она служила приютом для миллионов летучих мышей. Эти крохотные создания, весом не более двадцати граммов, на зиму улетают на юг, в знойную Мексику, а в апреле возвращаются назад и вновь обживают прохладные залы пещеры. Вечером, когда рукокрылые малютки вылетают на охоту, вход в пещеры как будто заволакивается бурым дымом, таким густым потоком вылетают из него летучие мыши. Больше часа струится колеблющийся живой поток из темного пещерного зева, и ни разу ни один зверек не столкнется с другим — так чутка и совершенна созданная для них природой ультразвуковая система биолокации. Правда, люди, наблюдающие за полетом рукокрылых, слышат только мягкое шуршание крыльев: частота звуков, испускаемых мышами, недоступна нашему уху.

Еще в 1930 году Карлсбадские пещеры населяли около десяти миллионов летучих мышей, но сейчас их осталось чуть больше миллиона. Видимо, ядохимикаты, которыми вовсю обрабатывают поля и сады у

подножья хребта, сделали свое черное дело.

Фауна окрестностей пещерной системы включает не только рукокрылых. На склонах гор Гуадалупе среди обычных здесь кактусов, юкки и ореховых деревьев обитают забавные кенгуровые крысы и прочие грызуны, дикобразы и большеухие зайцы, скунсы и лисы. А весной над цветущими опунциями вьются разноцветные, словно бабочки, колибри.

Пустыня Чиуауа вовсе не безжизненна, и это хорошо знают здешние индейцы-апачи, веками охотившиеся на ее просторах. Их способность выживать в условиях нехватки влаги и скудных промысловых ресурсов вызывает большое уважение к этому племени пустынных следопытов. Но особую благодарность испытывают побывавшие здесь туристы к тому наблюдательному апачу, который когда-то проследил за полетом летучих мышей на рассвете и, отправившись на поиски места, куда исчезал их миллионный поток, обнаружил красивейшее подземное царство, мир сталактитов и окаменевших водопадов — Карлсбадские пещеры.

Вулкан Попокатепетль

(Мексика)

Территорию Мексики занимает похожее на гигантскую чашу Мексиканское нагорье. В центре его лежит вулканическое плоскогорье Меса (по-испански его название означает — "стол"), окаймленное с двух сторон крутыми скалистыми хребтами Западной и Восточной Сьерра-Мадре. А вдоль южной окраины плоскогорья с запада на восток простирается Поперечная Вулканическая Сьерра — гигантский горный барьер, образованный слившимися в величественную стену конусами вулканов.

Это одна из самых грандиозных вулканических систем Земли, сравниться с которой могут разве что Восточный хребет Камчатки с его десятками действующих вулканов или знаменитая Аллея Вулканов в Эквадоре.

Именно здесь находится высочайшая вершина Мексики и вторая по высоте гора Северной Америки — вулкан Орисаба. Его правильный конус поднимается над плоскогорьем на три километра, а общая высота Орисабы над уровнем моря превышает высоту Эльбруса. Впрочем, извержений Орисабы не было уже триста лет, так что мексиканцы не воспринимают ее как вулкан. Другое дело — расположенный западнее Попокатепетль, знакомый каждому жителю столицы страны — Мехико, как японцам в Токио — белоснежный силуэт Фудзиямы. Уже само название его (в переводе с языка ацтеков — древних жителей Мексики — "Дымящаяся гора") говорит о его неспокойном нраве. А кроме "мексиканской Фудзиямы" еще добрый десяток активных вулканов дымит, рычит и плюется камнями в этой огнедышащей горной цепи, не считая тех, что временно или навсегда «уснули», вроде изящной соседки Попокатепетля — горы Истаксиуатль.

Этим двум расположенным рядом горам ацтеки поклонялись, считая их богами, дарующими дождь. Каждый год им приносили жертвы, прося о том, чтобы облака, собравшиеся у их вершин, обратились в дождевые тучи и пролились на поля благодатной небесной влагой.

Легенда ацтеков гласит, что в давние времена юноша Попокатепетль, влюбленный в прекрасную Истаксиуатль, не пожелал бросить ее, когда боги обратили несчастную в гору за тяжкий проступок.

Он взмолился богам, и они удовлетворили его просьбу. С тех пор он и стоит рядом с возлюбленной над долиной Мехико. У ацтеков вулкан мог быть одновременно горой, божеством и человеком, и многие из грозных гор почитались местными жителями и были предметами поклонения. Но лишь Попокатепетль вызывал единодушный священный трепет и любовь у всех индейцев. И в наши дни, давно смешавшись с испанцами, они сохранили любовное отношение к своему «Эль-Попо», как его именуют в народе.

Конечно, не все огнедышащие горы Поперечной Вулканической Сьерры вздымаются более чем на пять километров и сверкают вечными снегами, как Орисаба и «Эль-Попо». Среди них поднимаются и совсем небольшие черные конусы молодых вулканических сооружений, многие из которых доставляют изрядное беспокойство жителям близлежащих селений.

Вулканы возникают здесь и в наши дни. Так, вулкан Хорулько появился в XVII веке. Неоднократно извергаясь, он вырос сейчас до тысячи трехсот метров и не собирается на этом успокаиваться.

А вулкан Парикутин родился в 1943 году. Извержение его началось совершенно неожиданно. Крестьяне, сеявшие кукурузу, заметили, что посреди поля образовалась трещина, из которой стал выделяться удушливый газ. Вскоре лава, полившаяся из щели, образовала конус, который продолжал расти, достигнув вскоре трехсотметровой высоты. Поток расплавленного базальта устремился в сторону селения Парангарикутиро, лежавшего в шести километрах, и уничтожил его.

Несколько тысяч гектаров полей и лесов в окрестностях были сожжены и засыпаны пеплом. Вулкан извергался почти непрерывно в течение девяти лет, и за это время конус его поднялся на две тысячи восемьсот метров.

Попокатепетль не доставляет окрестным жителям таких хлопот, как Парикутин. Последнее большое извержение его было в 820 году. С тех пор вот уже двенадцать веков он лишь время от времени выбрасывает облака вулканических газов, пепел и раскаленные куски лавы. И тогда жители Мехико, расположенного в полусотне километров от вулкана, говорят: "Эль-Попо сердится".

Такой всплеск активности был у Попокатепетля в 1923 году, а затем повторился через семьдесят лет. Опасность при этом представляют не огненные лавовые реки, а мощные грязевые потоки, образующиеся от таяния ледников на склонах ожившего вулкана. Вода растаявших глетчеров, смешанная с пеплом и обломками лавовых покровов, устремляется бешеной грязекаменной лавиной вниз по ущельям, сметая все на своем пути.

К счастью, извержение 1993 года не затронуло северных склонов «Эль-Попо», так что жители предместий мексиканской столицы не пострадали.

Вулканы, как известно, приносят людям не только горе и страдания. Повсеместно в окрестностях огнедышащих гор, будь то на острове Ява или на Филиппинах, в Японии или на Сицилии, на плодороднейших вулканических почвах крестьяне собирают богатые урожаи. В таких местах буйно тянется к небу и дикая растительность, что приводит порой к появлению настоящих гигантов "зеленого мира".

Мексика в этом смысле — не исключение. Именно здесь, на южном склоне Поперечной Вулканической Сьерры, у городка Туле растет одно из самых больших и самых древних деревьев нашей планеты. Могучий тис, получивший название "Дерево Туле", объявлен в Мексике памятником природы. Возраст его, по мнению некоторых ученых, превышает четыре тысячи лет. Другие, настроенные более скептически, считают, что ему «всего» две тысячи лет. Но даже если "Дерево Туле" и не было современником египетских фараонов, его габариты вызывают уважение.

Высота исполинского тиса превышает сорок метров, то есть высоту тринадцатиэтажного дома, а окружность ствола равна тридцати восьми метрам. Это значит, что обхватить дерево смогут лишь тридцать взрослых мужчин. Тень от кроны зеленого гиганта покрывает площадь в восемьсот квадратных метров, а вес огромного ствола составляет примерно пятьсот пятьдесят тонн! Если бы тис спилили, то для перевозки его древесины понадобилось бы пятьдесят железнодорожных платформ.

По преданию, под "Деревом Туле" пять веков назад стоял лагерем испанский завоеватель Мексики Кортес. Позже под ним испанцы построили католический храм, кажущийся игрушечным рядом с исполинским деревом.

Кортес, кстати, положил начало хозяйственному использованию мексиканских вулканов. Именно он послал отряд своих воинов на вершину Попокатепетля, чтобы они добыли из кратера побольше серы для изготовления пороха. Вулканические серные месторождения в окрестностях мексиканских вулканов разрабатываются до сих пор. По запасам этого ископаемого Мексика занимает первое место в мире.

А "фабрики серы" продолжают работать. Извержения вулканов случаются в стране практически ежегодно. С ними связана и сейсмическая активность этого района. Считается, что в Мексике и у ее берегов фиксируется десятая часть всех происходящих на планете землетрясений.

Тем не менее мексиканцы любят свои вулканы. То ли в шутку, то ли всерьез они продолжают утверждать, что заснеженные исполины и сейчас сохраняют свою божественную силу и от них, как и прежде, зависит, собрать ли облака в набухшие дождем тучи или развеять их без следа.

Подобно тому, как японцы поклоняются Фудзияме, непальцы — Джомолунгме, а негры-масаи Танзании — горе Килиманджаро, жители двадцатимиллионного Мехико любовно чтут своего «Эль-Попо», в любую погоду хорошо заметного и из окон небоскребов, и из дворов бедных окраинных лачуг гигантского мегаполиса.

Полуостров Юкатан

(Мексика-Гватемала-Белиз)

На карте Мексиканский залив похож на хищную акулью пасть, готовую проглотить плывущую к ней неосторожную рыбку — остров Куба.

Два могучих клыка — полуострова Флорида и Юкатан — украшают эту гигантскую челюсть. Оба эти выступа суши, омытые теплыми морями и согретые благодатным солнцем тропиков, славятся красотами своей природы и привлекают к себе туристов.

Но если Флорида с ее дивными пляжами и экзотическими сырыми джунглями Национального парка Эверглейд — хорошо освоенный и самый популярный курортный район США, где отдыхают ежегодно миллионы

людей, то Юкатан пока отнюдь не избалован вниманием путешественников. Между тем у него куда больше оснований для того, чтобы удостоиться посещения любознательного туриста.

Огромный полуостров, площадь которого вдвое превышает территорию Португалии, поделен между тремя странами: северная, большая часть, принадлежит Мексике, а на юге располагаются земли Белиза и Гватемалы.

Эти края были колыбелью великой цивилизации майя, уничтоженной испанцами четыре века тому назад, и сохранили до наших дней немало памятников поразительной культуры аборигенов Америки. Этому в немалой степени способствовали своеобразные природные условия Юкатана, не привлекавшие ни испанских плантаторов, ни алчных искателей золотых россыпей и прочих сокровищ недр.

Территория большей части полуострова — это низменная равнина, лишь слегка приподнятая над уровнем моря. Дующие с моря южные и восточные ветры приносят сюда обильные дожди, и, казалось бы, буйные джунгли должны покрывать Юкатан подобно Индокитаю или Новой Гвинее.

Однако на самом деле картина совершенно иная. На бескрайних просторах Юкатана нет ни одной реки или озера. Растут здесь только невысокие и колючие сухолюбивые растения — скорее кусты, чем деревья. Заросли их индейцы называют чаппаралем. Лишь на крайнем юге полуострова, в Белизе и Гватемале, где поднимаются низкие, до километра высотой, горы Майя, протянулись узкой полосой настоящие влажные тропические леса.

В чем же причина возникновения такого необычного полупустынного ландшафта на севере Юкатана, в районе со вполне достаточным количеством осадков? Дело в том, что равнины полуострова сложены потрескавшимися известняками, и тропические ливни, выпав на землю, мгновенно просачиваются через пористые горные породы в глубину. Поэтому поверхность Юкатана и выглядит такой сухой и лишенной жизни.

Кстати сказать, заросли чаппараля не столь уж безжизненны, как кажется на первый взгляд. Диких индеек и черных фазанов здесь столько, что у местных индейцев-майя практически нет необходимости заниматься птицеводством. Если возникает нужда в мясе, глава семейства отправляется в заросли возле дома и вскоре возвращается с дичью.

Кроме того, скудность растительности полуострова имеет и свои положительные стороны. Здесь нет, например, крупных хищников вроде пумы, и местным охотникам, как и крестьянскому скоту, не грозят нападения. Лишь дикие кошки да небольшие ягуары прячутся в чаппарале, подкарауливая зазевавшуюся ящерицу или птенца.

Разумеется, в такой засушливой местности индейцам жить непросто. Для земледелия здесь, конечно, нет условий, и большинство майя — скотоводы Но с водой у жителей Юкатана особых проблем нет. Глубокие колодцы, пробитые в известняках, вполне сносно снабжают водой их небольшие селения. Ведь подземные воды на полуострове обильны, как мало где еще на планете. Они промыли в недрах обширную сеть карстовых туннелей, пещер и ходов, по которым текут подземные реки и ручьи.

Есть на Юкатане и естественные колодцы-сеноты. Они образуются там, где кровля известнякового пласта обрушилась в подземную полость,

расположенную близко к поверхности. Такие колодцы достигают тридцати-сорока метров в поперечнике и служат резервуарами воды для целых городков.

Еще во времена империи майя эти источники жизни обожествлялись индейцами. В раскопанной археологами древней столице майя Чичен-Ице существует до сих пор глубокий сенот диаметром около пятидесяти метров, с расположенным на двадцатиметровой глубине озером, куда измученные засухой майя торжественно бросали дары богу дождя Юм-Чаку. Чтобы вызвать долгожданный ливень, в жертву божеству, по обычаю, приносили самую красивую девушку. Вслед ей кидали золотые украшения, сосуды и блюда.

Сейчас ученым с помощью аквалангистов и специальных насосов удалось извлечь из священного сенота немало бесценных исторических реликвий, ставших достоянием музеев. На дне в толще ила были найдены и скелеты людей, преимущественно женские, что подтвердило рассказы индейцев о религиозных обычаях их предков.

Но самые большие города майя располагались в южной части Юкатана, где в горных долинах разрастаются буйные джунгли. После гибели цивилизации майя зеленая стена леса надежно скрыла пирамиды и храмы от искателей сокровищ, и лишь полтора века назад их исследованием занялся известный американский археолог Стефенс.

С тех пор больше десятка городов империи майя предстало перед нашими современниками в своем прежнем облике, и путешественник может теперь подняться, подобно древним жрецам, на вершину ступенчатой пирамиды и обозреть храмы, обсерватории, стадионы и дворцы удивительного, загадочного облика и раскинувшееся на сотни километров вокруг зеленое море джунглей Юкатана.

Кстати, само название Юкатан не имеет отношения к географии и возникло в результате элементарного недопонимания Когда испанские конкистадоры во главе с Франсиско Монтехо высадились на берег полуострова, они стали выяснять у сбежавшихся индейцев, как называется их страна.

— Уяк-уд-дтан! — кричали майя, удивляясь звучанию чуждой речи. На их языке это означало: "Слушайте, как они говорят!" Испанцы же, не поняв, сочли услышанное словосочетание названием открытой ими земли. В слегка искаженном виде оно и попало теперь на все географические карты.

Необыкновенно интересна и восточная окраина Юкатана. Здесь, на побережье, растут дикие густые леса, где нет ни одной дороги, нет городов, почти нет постоянных жителей. Называется эта часть полуострова Кинтана-Роо.

Волны Карибского моря омывают тут песчаные пляжи, разделенные белыми известняковыми скалами. Вплотную к песчаным полумесяцам пляжей подступают тропические джунгли, поражающие изобилием древесных пород, лиан и цветов попавшего сюда путешественника. Леса Кинтана-Роо украшают высокие саподильи, веерные пальмы, сейбы с их могучими величественными стволами и бальсовые деревья, похожие издали на финиковые пальмы, каким-то волшебством перенесенные сюда из оазисов Сахары.

Изредка на побережье встречаются плантации кокосовых пальм, а среди них — маленькие хижины с крышами из пальмовых листьев. Но настоящие хозяева лесов Кинтана-Роо — чиклерос. Это сборщики чикле — сока дерева-каучуконоса саподильи. Без этого неизвестного и никому не нужного еще сто лет назад дерева теперь немыслима современная цивилизация. Дело в том, что чикле — основной и незаменимый компонент жевательной резинки.

А у границы Белиза и Гватемалы, в горах Майя, недавно открыта одна из самых больших пещерных систем Западного полушария — пещеры Чикибуль. Карстовые полости уходят здесь на двести метров в глубь известнякового массива и тянутся в длину на десятки километров. Исследование этого подземного царства еще не закончено, но уже сейчас спелеологи обнаружили в недрах гор несколько гигантских пещерных залов. Крупнейший из них — зал Белиз — достигает в длину полукилометра, а в ширину — двухсот метров.

Многие из открытых пещер служили святилищами для живших тут майя еще более тысячи лет назад. Здесь найдены золотые и бронзовые орудия, глиняные сосуды древних людей и ритуальные захоронения.

Пещеры Чикабуль возникли в результате неустанной работы реки, носящей такое же название, и вгрызающейся в здешние известняки уже многие сотни тысяч лет. При этом район пещер из-за постоянного движения земной коры поднимался со скоростью около метра за десять тысяч лет. Река уходила все глубже, освобождая созданные ею в недрах пустоты, где после дождей капающая сверху вода создавала красивейшие сталактиты, сталагмиты и прочие подземные каменные украшения.

Геологи подсчитали, что, например, для образования исполинских колонн в зале Белиз потребовалось сто семьдесят тысяч лет.

Зато теперь самая маленькая страна на материке Северной Америки — Белиз, давшая свое название этому залу, может похвастать одним из уникальных природных памятников Нового Света.

Туристы еще не проложили сюда дорогу, хотя крохотная страна кроме прекрасных пляжей, тропических лесов и потрясающих подземных чудес обладает еще и невероятными по красоте и разнообразию коралловыми рифами у побережья. Это второй по величине коралловый барьер на Земле после Большого Барьерного рифа, однако сохранностью своих первозданных коралловых чащ он выгодно отличается от своего австралийского собрата. К тому же Белиз гораздо ближе к Европе, чем Австралия.

Пожалуй, на нашей планете не найти второго такого уголка, где в радиусе всего ста километров от давшей ему приют зеленой бухты с белой полосой пляжа путешественник сможет побывать и в мире загадочных пирамид и храмов бесследно исчезнувшей цивилизации, и в потрясающих величием и красотой подземных чертогах, и в сказочном подводном царстве кораллов с его диковинными обитателями.

Белиз не испытал пока на себе туристского бума. И пустынное малолюдье его пляжей, как и первозданность природы, придает еще большее очарование этой "жемчужине Центральной Америки".

Остров Мартиника

(Франция)

В живописном зеленом ожерелье Малых Антильских островов, протянувшихся длинной дутой от Гаити и Пуэрто-Рико к устью реки Ориноко и дальше, вдоль венесуэльского побережья, есть остров с особенно буйной природой и особенно бурной историей.

Вообще говоря, в цепочке вулканических островков, омываемых теплыми водами Карибского моря, немало красивых и интересных уголков. Уютные бухты и коралловые постройки, горделивые утесы и жемчужные отмели, окаймленные пальмами пляжи и фантастические очертания прибрежных скал, отшлифованных прибоем — чего только нет на Антилах! Даже названия этих островов звучат экзотично и музыкально, словно слова задумчивой песни, исполняемой где-нибудь на берегу под шелест пальм и плеск тропических волн: Доминика и Ангилья, Антигуа и Гваделупа, Барбуда и Кюрасао, Сент-Люсия и Бланкилья…

На этих благодатных берегах, овеянных теплым дыханием пассатов, пышно разрослись влажные горные леса, местами сменяющиеся пальмовыми саваннами. В центральных частях островов высятся конусы потухших и действующих вулканов. Иные из них, например, Суфриер на Гваделупе, Дьяблотен на Доминике или Мон-Пеле на Мартинике, поднимаются над уровнем моря почти на полтора километра и служат морякам прекрасными естественными маяками.

Контрастное сочетание суровых вулканических гор и жизнерадостных зеленеющих рощ у подножья их базальтовых утесов придает островам Антил какое-то особое очарование.

Но большой остров Мартиника, расположенный в самом центре антильской островной цепочки, известен всему миру отнюдь не из-за своих живописных лесов, банановых плантаций или бескрайних песчаных пляжей, на которые ночами выползают огромные морские черепахи каретты.

Сразу оговоримся, что большим этот остров можно считать лишь по антильским меркам — площадь его чуть больше площади Москвы. Но из всех Малых Антил он уступает размерами только Гваделупе, и то совсем немного.

А мировая известность к Мартинике пришла в 1902 году, и пришла по причинам трагическим. Центральной Америке в тот год вообще на редкость «везло» на катастрофы. В январе случилось сильное землетрясение в Гватемале, разрушившее множество домов и унесшее тысячи жизней. А в мае произошел чудовищный взрыв вулкана Исалько в Сальвадоре, тоже натворивший немало бед. В июле началось извержение вулкана Масайя в Никарагуа, а вскоре после этого — вулкана Санта-Мария в Гватемале. И снова горели и разрушались селения, уничтожались кофейные, сахарные и банановые плантации, гибли люди…

Но трагедия, постигшая Мартинику в мае 1902 года, превзошла по масштабам все стихийные бедствия этого региона и считается с тех пор одной из самых жутких вулканических катастроф в истории.

Даже потрясший весь мир за двадцать лет до того взрыв вулкана Кракатау в Индонезии бледнеет перед бедствием, обрушившимся на Мартинику. Ужас, охватывавший людей, когда они узнавали подробности

чудовищного и губительного извержения, усугублялся тем обстоятельством, что и само это извержение было совсем особенным, необычным. До трагедии на Мартинике о подобных проявлениях грозной подземной стихии ничего не знали.

На протяжении полустолетия маленький антильский порт Сен-Пьер спокойно процветал у подножья вулкана Мон-Пеле, почти не обращая внимания на облачко дыма, появлявшееся иногда над вершиной горы. Вулкан уже извергался в 1851 году, но тогда извержение было слабым и населенных мест не коснулось. Все привыкли к Мон-Пеле, так эффектно замыкавшему вид с моря на панораму бухты, и считали вулкан чемто вроде красивой декорации, дополняющей колоритный тропический пейзаж окрестностей города. Иногда по воскресеньям на гору устраивались экскурсии, завершавшиеся веселым пикником на краю кратера, до которого было всего восемь километров пути по зеленым лесистым склонам.

В середине апреля 1902 года жители стали замечать, что вершина Мон-Пеле стала сильно куриться, но это никого не насторожило и не смутило. Облако дыма между тем сгущалось и темнело. Временами из него с силой вырывались густые черные клубы дыма, а самые любопытные сен-пьерцы, поднявшиеся поближе к вершине, рассказывали, что на верхних склонах были слышны глухие подземные удары.

Вскоре экскурсии на вулкан прекратились, так как слой пепла, покрывший подступы к вершине, делал пребывание наверху не слишком комфортным. Раскаты стали усиливаться, столб дыма еще больше увеличился и почернел. Некоторые осторожные горожане стали поговаривать о возможном повторении событий 1851 года… Но тогда городу не угрожала непосредственная опасность, так что над паникерами добродушно посмеивались.

Первыми забеспокоились животные. Змеи покинули свои жилища в расселинах старой лавы на склонах, спустились к побережью и наводнили плантации и городские окраины. Птицы далеко облетали остров, а черепахи уплыли из прибрежных вод. Видавшие виды рыбаки делились с земляками недобрыми предчувствиями: их пугало неожиданное появление глубинных волн во время полного штиля и внезапное потепление воды в море.

5 мая поток жидкой грязи, вероятно, возникший от смешения пепла с водой маленького озера, бывшего в кратере, скатился со склона МонПеле и залил сахарную плантацию и ферму у подножья вулкана, погубив 24 человека. Уцелевшие крестьяне наводнили город, посеяв панику. Надо было что-то предпринимать: положение становилось серьезным. Но у городских властей были свои заботы — в ближайшее воскресенье должны были состояться выборы, и нельзя было допустить, чтобы хоть один избиратель покинул город до дня волеизъявления.

По городу развесили успокаивающие объявления, якобы основанные на заключении ученой комиссии. Сам губернатор прибыл с супругой в Сен-Пьер из столицы острова, Фор-де-Франса, чтобы ободрить напуганных и вселить в избирателей уверенность. И, несмотря на несмолкающий рев вулкана и с каждым днем растущую тучу, прорезываемую разрядами молний, несмотря на все усиливающийся дождь

пепла, сыпавшийся на головы, лишь очень немногие решились бежать. А город между тем доживал последние дни.

Вскоре кратер начал извергать расплавленную лаву, а пепел образовал гигантскую, полностью скрывшую солнце тучу и непрерывным дождем сыпался на город. Сен-Пьер окутал мрак, рокот вулкана сделался оглушительным, и к нему начал примешиваться грохот взрывов. В течение трех дней горожане метались в панике: обезумевшие от страха люди выбегали на улицы, прятались в подвалах, искали спасения в церквах. Затем вулкан, казалось, стал успокоиваться. "Ну вот, теперь дело пойдет на убыль, как в 1851 году", — заговорили осмелевшие сен-пьерцы.

Однако кое-кто все же решил уехать из города, воспользовавшись затишьем. Одни уезжали в экипажах и верхом по прибрежной дороге, соединявшей город с Фор-де-Франсом, другие уплывали морем, благо кораблей в гавани находилось еще немало. Но большинство из тридцатитысячного населения Сен-Пьера оставалось в городе, надеясь на близкое окончание стихийного бедствия.

В ночь с 7 на 8 мая извержение снова усилилось, и в городе началась паника. На заре все тридцать тысяч горожан, мужчин, женщин и детей, белых и негров, бросились к морю, ища спасения на судах. Но много ли народу могли принять два десятка небольших рыбацких шхун, стоявших у причалов?

Тем временем гора, возвышавшаяся над объятой ужасом толпой, изрыгала пламя, шум стал оглушительным. Около восьми часов силы земли на миг притаились, как будто давая людям возможность проститься с жизнью, а затем последовал громоподобный удар, словно разом грянули тысячи орудий, из кратера вылетела раскаленная туча и огненной стеной с невероятной скоростью покатилась вниз по склону к городу. Тысячи людей на набережной, словно оцепенев, наблюдали, как туча летела на них. За три секунды она преодолела восемь километров, отделявших кратер от набережной, и Сен-Пьер исчез, сметенный стеной огня. Сжатый воздух, который туча гнала перед собой, одним махом сбросил в море всю тридцатитысячную толпу, скопившуюся на берегу. Через мгновение вода в гавани закипела, в громадном облаке пара суда опрокидывались и тонули или пылали, как факелы.

Только два перевернувшихся корабля не пошли ко дну, и несколько человек экипажа на них, хотя и сильно израненные и обваренные кипящей водой, пережили катастрофу.

Между тем на складах сахарного завода взрывались тысячи бочек с ромом, и адский пылающий «пунш» пробивал себе путь по развалинам к морю, дожигая то, что еще не до конца уничтожила огненная стихия.

После полудня матросы крейсера «Сюше», подошедшего на помощь из Фор-де-Франса, высадились на берег, но, кроме обугленных трупов и развалин, на том месте, где полдня назад стоял город Сен-Пьер, ничего найти не удалось. Лишь три дня спустя откапывавших развалины матросов привлекли чьи-то крики, доносившиеся откуда-то снизу. Оказалось, что в карцере местной тюрьмы — каменном подвале без окон — чудом уцелел старый негр, посаженный туда за какую-то провинность. Толстые стены подвала спасли его от жара, и он, единственный из всех горожан, выжил в страшной катастрофе.

Вулканы всегда причиняли, причиняют и будут причинять много бедствий, но три страшные секунды города Сен-Пьера после трех недель беззаботности и трех дней панического ужаса останутся навсегда одной из самых трагических страниц в истории человечества.

Случившееся на Мартинике вызвало не только всеобщее сочувствие, но и большой научный интерес. Знаменитый французский геолог Лякруа срочно прибыл на остров и провел там много месяцев, изучая новый, губительный тип извержений, названный им "пелейским типом", или "палящей тучей".

После 8 мая извержение еще не закончилось. Несколько раз новые палящие тучи скатывались в том же направлении. Только через год МонПеле успокоился всерьез. Извержение вулкана сопровождалось еще одним интересным явлением. Из кратера его после схода палящей тучи начал медленно подниматься столб вязкой полузастывшей лавы. Он был похож на гигантскую пробку, которую подземные силы выдавливали из жерла. Столб лавы поднимался несколько недель, напоминая зловещий обелиск, высящийся над вулканом. Ученые назвали его "иглой МонПеле". После окончательного прекращения извержения дожди и ветры постепенно разрушили огромную "иглу".

Через 28 лет извержение Мои-Пеле повторилось. Снова по склонам скатывались огненные тучи, но на этот раз, к счастью, человеческих жертв не было. Ученым удалось точно замерить температуру тучи: она составляла возле кратера около тысячи, а внизу, у гавани — семьсот градусов.

За прошедшие десятилетия природа и люди залечили раны, нанесенные чудовищной катастрофой. Отстроился снова городок Сен-Пьер, вновь зазеленели плантации табака, сахарного тростника и какао, а в гавань стали заходить корабли.

Но Сен-Пьер, когда-то крупнейший город острова, где жила пятая часть его населения, больше не смог достичь прежнего уровня, навсегда уступив пальму первенства теперешней столице республики Мартиника — Фор-де-Франсу.

И судьба "райского городка" на далеком карибском острове, стертого с лица земли за три секунды, останется для нас постоянным предупреждением о том, что вулканы не прощают беспечности и разгильдяйства, что избежать страшных бед, вызываемых подземными силами, можно только, сохраняя бдительность и относясь с уважением и опаской к могучей стихии раскаленных недр планеты.

Водопад Анхель

(Венесуэла)

Чтобы увидеть водопад Анхель — самый высокий на нашей планете — надо совершить путешествие в "затерянный мир". Да-да — именно юго-восток Венесуэлы, где расположен этот уникальный водопад, избрал знаменитый Конан-Дойл местом действия романа с таким названием. И самое удивительное, что фантазия писателя, поместившего в горах среди джунглей таинственный, отрезанный от остальной страны мир, которого не коснулось время и который населяют невиданные животные и растения, не так уж далека от реальности.

Здесь, на краю Гвианского нагорья, его отроги образуют необычные, не встречающиеся больше нигде, огромные изолированные столовые горы — тепуи. Это, собственно, даже не горы, а целые плато, иногда площадью до тысячи квадратных километров, с обрывистыми труднодоступными стенами-склонами высотой в несколько сот метров, сложенные красным песчаником. Одна из таких тепуи, вздымающаяся почти на три километра над уровнем моря гора Рорайма, и послужила английскому писателю прототипом его "страны Мепл-Уайт". В середине XIX века здесь побывал первый европеец — немецкий ученый Шомбургк. Он был поражен увиденным, сообщив, что побывал в "поистине странных местах", где текут реки с черной и красной водой и высятся горы с километровыми отвесными стенами и каскадами спадающих с них водопадов.

Чуть позже английский ботаник Бейтс привез из этого района большую коллекцию растений, ни одно из которых не было известно науке. Долгое время потом тепуи не пользовались вниманием исследователей. Непролазные джунгли надежно скрывали их от посторонних глаз, а по рекам мешали пробраться в этот край пороги и водопады.

Лишь почти через сто лет, в 1935 году, поиски алмазов привели сюда отчаянного летчика Энджела, который, отклонившись от курса, случайно пролетел у подножья самой высокой столовой горы — Ауян-Тепуи. То, что он увидел, потрясло его до глубины души: с самой вершины плато, с почти километровой высоты падала вниз пенисто-белая река.

Энджелу повезло трижды. Сначала он, искавший вообще-то алмазные россыпи в джунглях Ориноко, сбился с курса как раз в районе Ауян-Тепуи. Еще одним подарком судьбы была хорошая погода, позволившая разглядеть водопад, названный позже его именем (в испанской транскрипции — Анхель). Обычно вершины тепуи окутаны туманом, скрывающим от летчиков их склоны. А в третий раз счастье улыбнулось Энджелу, когда он совершил посадку на макушке Ауян-Тепуи, потерпев при этом аварию, но остался жив.

То, что отважный летчик сумел спуститься с километрового обрыва и добраться через почти непроходимые заросли, кишевшие крокодилами и змеями, до населенных мест, похоже на чудо. О характере местности вокруг Анхеля красноречиво говорит тот факт, что участники хорошо снаряженной профессиональной экспедиции, отправившейся через 12 лет к невиданному природному феномену (высочайший водопад, известный в то время, был на триста метров ниже), потратили 19 дней только на преодоление последних 36 километров! Но увиденное на Ауян-Тепуи вознаградило их за все перенесенные трудности.

Могучий белопенный водяной столб высотой более километра низвергался с плато и летел в долину тугой ревущей струей. Но, пролетев две трети пути, он вдруг как бы таял и обрывался в тумане, превращаясь в мелкую водяную пыль. А еще ниже, как бы рождаясь из ничего, бурлила река…

Геодезисты экспедиции тщательно измерили высоту водопада. Он состоял из двух ступеней: верхней — восьмисотметровой, и второй, превышавшей 170 метров. В сумме получилось 979 метров. (Позже более точные приборы отметили показатель 1054 метра, принятый сейчас на всех

картах мира.) Высота же самого плато над уровнем моря составила 2950 метров.

Подняться на Ауян-Тепуи снизу удалось только в 1956 году. При этом выяснилось немало интересного. Во-первых, гора оказалась своеобразным конденсатором влаги: дождей здесь выпадало 7500 миллиметров в год, что в пять раз больше, чем у ее подножья. А кроме того, это район исключительной грозовой активности. Летом грозы здесь случаются ежедневно, и на плато не осталось ни одного дерева, не покалеченного молнией. Не зря индейцы считали туманную таинственную гору гиблым местом и дали ей такое выразительное название. (Ауян-Тепуи на их языке — "Гора Дьявола".)

А на вершину Рораймы ученым удалось подняться лишь через 20 лет. Экспедиции во главе с опытным альпинистом Доном Уиллансом, покорителем Джомолунгмы, понадобился почти месяц, чтобы преодолеть последнюю вертикальную стену 400-метровой высоты. Плато, по словам Уилланса, оказалось монолитной скалой с фантастическими очертаниями. На плоской вершине там и сям торчали странные каменные наросты, похожие на грибы, а между ними виднелись круглые углубления, наполненные водой. Высшая точка плоскогорья (2810 метров) отделялась от остальной его части глубокими трещинами, преодолеть которые без дополнительного снаряжения альпинистам не удалось.

Фауна Рораймы, вопреки Конан Дойлу, оказалась бедной. Ни птеродактилей, ни иных древних ящеров здесь не обнаружилось — только опоссумы, мелкие ящерицы да черные жабы, которые, как считалось, водятся только в Африке. Зато растительность в этом влажном краю отличалась исключительным разнообразием, и экспедиция обнаружила здесь множество редкостных видов флоры.

Еще одна тепуи, Сарисаньяма, располагается южнее Рораймы и Ауян-Тепуи, возле границы с Бразилией. В 1966 году с самолета, пролетавшего над горой, заметили на ее плоской вершине два больших кратера. Сообщение летчиков сразу заинтересовало ученых: ведь с точки зрения геологии это было невероятно — вулканов просто не могло быть на таком древнем горном массиве. Но лишь в 1974 году группе исследователей удалось высадиться с вертолета на Сарисаньяму. Выяснилось, что провалы, обнаруженные с воздуха, не вулканические кратеры, а промытые мощными потоками воды карстовые воронки. Больший из двух провалов был 375 метров глубиной и в диаметре 400 метров.

По крутым, почти отвесным стенкам ученым удалось спуститься на дно гигантского колодца. Внизу валялись огромные каменные глыбы и текли ручьи. Хотя лучи солнца освещали дно только три часа в сутки, оно было покрыто буйной растительностью. При этом 80 процентов растений «кратера» были неизвестны науке. Среди них обнаружили, в частности, несколько видов цветковых растений, питавшихся… насекомыми, подобно нашей росянке. А среди папоротников нашли ряд видов, встречавшихся на нашей планете только в мезозойскую эру, то есть 140–180 миллионов лет назад. Но животный мир на дне пропасти был таким же бедным, как на Рорайме.

Несмотря на всю труднодоступность, тепуи оказались чрезвычайно интересным объектом для биологов, и научные экспедиции в последние

годы активно штурмуют венесуэльские туманные плато. Одно за другим они начинают открывать свои тайны исследователям. Очередные сюрпризы преподнесла ученым еще одна тепуи, расположенная недалеко от Сарисаньямы, тоже на бразильской границе. Эта огромная гора с плоской вершиной, стоящая совершенно особняком, в десятках километров от ближайшего горного массива, была открыта при аэрофотосъемке. Высота ее превышала 3100 метров. Гора получила название Сьерра-Неблина ("Туманная гора").

Больше двадцати лет прошло, пока одна из многочисленных экспедиций сумела достичь этого удаленного, покрытого заболоченными джунглями района. Лишь в мае 1984 года после длительного штурма таинственную вершину покорила венесуэльская научно-спортивная команда. При ближайшем рассмотрении поверхность вершины оказалась отнюдь не ровным плато. Посредине ее зияла глубокая котловина, похожая на кратер вулкана, площадью в 650 квадратных километров.

И здесь ученые, наконец, открыли поистине "затерянный мир". Понадобилась еще одна экспедиция, чтобы собрать и вывезти отсюда множество неведомых науке животных и растений, обнаруженных на Сьерра-Неблине. А изучение их продлится, по всей видимости, еще много лет.

В одном из ручьев на вершине поймали, например, рыбу с головой, похожей на метлу. Обнаружили также новых, неизвестных зоологам лягушек: одну с рылом наподобие собачьей морды, другую с тарельчатыми губами. Причем своих лягушат они высиживали, словно птицы. Над водой летали гигантские стрекозы с размахом крыльев в 30 сантиметров и огромными, с золотым отблеском, глазами. Такие жили на Земле в каменноугольном периоде, 300 миллионов лет назад, еще до эпохи динозавров.

Ученые встретили на Сьерра-Неблине гигантских агрессивных муравьев, опасных даже для крупных животных и человека. Своими стальными челюстями они легко перекусывали ветки деревьев. Интересно, что на насекомых-кровососов здесь не действовали никакие химические средства, так же как и на огромных, впятеро больше обычных, пауков-тарантулов. Обнаружили на плато и новые виды летучих мышей, птиц и змей.

Растительный же мир тепуи просто потряс ботаников. Из собранных ими растений 98 процентов были неизвестными. Одних только новых видов папоротников было собрано больше двухсот! На полянах, покрытых северным оленьим лишайником-ягелем, возвышались стройные пальмы, а рядом с ними — типичные африканские растения, не встречающиеся в Южной Америке. Из трещин в скалах на несколько метров вверх поднимались похожие на деревья коричневые стволы. Но состояли они не из древесины, а из задерненной корневой системы. Кроны же этих «деревьев» напоминали раскрытые артишоки. Повсюду красовались ананасные растения высотой в человеческий рост с огромными, наполненными водой листовыми розетками, которые служили водоемами для мелких животных.

Орхидеи покрывали почву, подобно плотному ковру. Самые большие цветы напоминали вазы или кувшины полуторараметровой высоты, в

которые, словно в ловушки, попадались насекомые, и мелкие грызуны и там переваривались с помощью выделяемого орхидеями едкого сока. Но хищными здесь были не только гигантские орхидеи. Самые разные растения подкарауливали в ручьях и на суше, ловили ловушками, обвивали и душили мелких животных.

Наличие на многих тепуи растений-хищников ученые объясняют тем, что обильные тропические дожди вымывают из почвы на этих плато все питательные вещества, и особенно так остро необходимые растениям азот и фосфор. Вот представителям зеленого царства и пришлось найти другой способ удовлетворять свои жизненные потребности.

Исследование "затерянных миров" венесуэльских джунглей — загадочных тепуи ~ продолжается. И наверняка флора и фауна этих своеобразных "Ноевых ковчегов", изолированных миллионы лет от остального мира, преподнесет еще немало сюрпризов. Кстати, не исключено, что жемчужине этого таинственного края, водопаду Анхель, придется расстаться со славой высочайшего в мире. Итальянский путешественник Гарбари, исследовавший южные районы Венесуэлы, сообщил недавно, что в горах Марауака обнаружил водопад, намного превышающий по высоте Анхель. Правда, точно измерить высоту его падения Гарбари не смог, и только следующая экспедиция сможет установить, какому каскаду присудить пальму первенства.

Пока же Анхель остается официальным рекордсменом среди водопадов мира и, несмотря на труднодоступность, притягивает к себе внимание туристов и ученых. На надувных каноэ и на вертолетах добираются к, подножью Ауян-Тепуи люди, чтобы своими глазами увидеть удивительное природное чудо — пенистую реку, падающую вниз из под облаков,) с высоты двух Останкинских телебашен.

Река Амазонка

(Бразилия-Перу)

Индейцы называют Амазонку «Парана-Тинг», что означает "Королева Рек". И действительно, эта река по всем параметрам величайшая в мире. Она несет четверть всех вод, выносимых в океан реками нашей планеты. А площадь ее бассейна — больше семи миллионов квадратных километров — позволяет разместить в нем весь материк Австралии или такую страну, как США. В устье ширина Амазонки достигает двухсот километров, а глубина — ста метров! Даже у перуанского города Икитос, в трех с половиной тысячах километров от устья, глубина реки больше двадцати метров, так что сюда добираются морские суда.

Полноводность Амазонки объясняется просто: она течет почти точно по экватору, а обычный для этих мест летний сезон дождей попеременно наступает то в северном полушарии (в марте-сентябре), на ее левых притоках, то в южном (с октября по апрель) — на правых притоках. Таким образом, великая река живет фактически в условиях постоянного половодья.

До недавнего времени было неизвестно точно, где находятся истоки Амазонки. Ее протяженность вместе с главным из двух истоков, рекой Укаяли, примерно определяли в 6565 километров, что ставило Королеву Рек на второе место в мире после Нила, длина которого на сто с лишним километров больше. Но организованная в 1995 году международная

экспедиция, добравшись по Укаяли до верховьев, обнаружила, что этот исток, в свою очередь, образуется от слияния двух рек: Апуримака и Урубамбы. Выйдя к истоку реки Алуримак, исследователи определили, что общая протяженность всей грандиозной водной системы Апуримак-Укаяли-Амазонка — 7025 километров и, следовательно, именно она является первой в мире по длине. Нил с его истоками Белым Нилом, Альберт-Нилом, Виктория-Нилом, озером Виктория Кагерой короче почти на триста километров.

Надеюсь, читатель извинит автора за обилие цифр, но, говоря о та ком гиганте, как Амазонка, не обойтись без хотя бы краткой статистики. У Амазонки более 500 притоков. Семнадцать из них длиной от 1800 до 3500 километров. (Это, для сравнения, протяженность Дона и Волги!) Огромная масса речной воды, выносимая Амазонкой, опресняет море на 400 километров от устья.

Самый большой в мире речной остров, расположенный в дельте Амазонки — остров Маражо, имеет площадь 48 тысяч квадратных километров, то есть большую, чем Швейцария или Нидерланды, а вся дельта по площади больше Болгарии.

Название Амазонка река получает после слияния Укаяли с рекой Мараньон. Оба истока начинаются в Андах и прорываются на равнину через узкие скалистые ущелья — понго. На дне этих теснин нет места даже для узкой тропинки — это сплошной клокочущий свирепый поток с торчащими тут и там камнями, сужающийся порой до двадцати метров. Особенно своенравный характер у Мараньона. На пути с гор он проходит через 27 понго. Нижнее, самое грозное из них — Понго де Мансериче ("Ворота попугаев"). Прорвавшись через последний каньон, река выходит на необъятную равнину Амазонии и становится судоходной.

Амазонская низменность, или Амазония, — величайшая низменность на Земле. Это обширное царство болот и джунглей, где единственными дорогами являются реки. Впрочем, дорог этих хватает с избытком — ведь реки Амазонии судоходны на протяжении восьми тысяч километров. Во время паводков, когда уровень Амазонки поднимается на двадцать метров, низкие берега затопляются на 80-100 километров в округе. Огромные территории представляют собой тогда бескрайнее море с торчащими из воды деревьями.

В обычное же время Амазонка не выглядит гигантской рекой, поскольку разбивается на множество рукаязов, разделенных островами. Встречаются на реке и плавучие острова, медленно двигающиеся вниз по течению. Они образованы переплетенными корнями растений и стволами упавших деревьев, на которых поднялась новая растительность.

Уклон Амазонской низменности настолько мал, что влияние океанских приливов заметно здесь даже за 1000 километров от устья реки. Особенностью амазонских приливов является знаменитая «пороро́ка». От столкновения могучей реки с идущей навстречу приливной волной на Амазонке образуется высокий вал, увенчанный пенистым гребнем. Он катится вверх по реке с громким гулом, сметая все на своем пути. Горе судну, которое не успеет заблаговременно укрыться в боковой протоке или в бухте — ревущая шестиметровая водная стена перевернет и потопит его. Индейцы с незапамятных времен испытывали суеверный страх перед этим

загадочным и грозным явлением, представлявшимся им каким-то жутким чудовищем, опустошающим берега и наводящим ужас своим клокочущим ревом. Отсюда и название грозного вала — пороро́ка ("гремящая вода").

Первое сквозное плавание по Амазонке от Анд до океана совершил в 1842 году испанский конкистадор Франсиско Орельяна. За восемь месяцев его отряд проплыл по реке почти шесть тысяч километров. Сейчас даже трудно представить себе, чего стоило испанцам это почти невероятное путешествие через весь континент без карт, без знания особенностей реки и языков местных племен, без запасов пищи, на утлом самодельном суденышке. Крокодилы и анаконды, пираньи и речные акулы — все эти «прелести» Амазонки отряду Орельяны пришлось испытать, что называется, на своей шкуре.

Не раз в пути испанцам довелось столкнуться с воинственными индейцами. В одном месте, у устья реки Тромбетас, сражение было особенно яростным. И больше всего поразило конкистадоров то, что в первых рядах индейских воинов сражались высокие полуобнаженные женщины, вооруженные луками. Они выделялись своей неустрашимостью даже на фоне своих соплеменников. Отважные воительницы напомнили испанцам античный миф об амазонках — женщинах-воинах, не знавших поражений. Поэтому Орельяна и назвал реку Амазонкой.

С тех пор на великой реке побывало немало ученых-исследователей. Француз Кондамин, немец Гумбольдт, англичанин Бейтс и российский путешественник Лангсдорф в конце XVIII — начале XIX века сумели проникнуть в дебри Амазонии и открыли для науки удивительный живой мир Королевы Рек и окружающих ее влажных лесов.

В водах здешних рек обитают 2000 видов рыб — треть всего разнообразия пресноводного рыбного царства Земли. (Во всех реках Европы — всего 300 видов.) Среди уникальных обитателей Амазонки гигантская пятиметровая пираруку (или арапаима), достигающая 200 килограммов веса, двухметровый электрический угорь, сбивающий человека с ног разрядом тока в 300 вольт, огромные речные скаты со смертоносным шипом на хвосте, опасная речная акула и маленькая зубастая пиранья, наводящая ужас на местных жителей.

Агрессивность этой хищной твари неописуема. Охотник, подстреливший из лодки кабана или тапира, зачастую не успевает доплыть с трофеем на буксире до берега: от здоровенной туши стая кровожадных рыбешек оставляет один скелет. Случается, что для успешного перехода стада через реку пастухам приходится пожертвовать одной коровой, которую, предварительно поранив, заводят в воду ниже переправы. Пока пираньи расправляются с жертвой, остальные животные успевают перейти брод. Даже пойманная на удочку злобная хищница отчаянно извивается в руках рыбака, норовя откусить ему палец острыми, как бритва, зубами.

Водятся в Амазонке и огромные ламантины — родственники морской коровы, и речные дельфины, и пятиметровые крокодилы — черные кайманы, жертвой которых нередко становятся не только двухметровые тапиры или миниатюрные свинки-пекари, пришедшие на водопой, но и неосторожные охотники. Правда, индейцы все же говорят, что "лучше один большой крокодил, чем три маленькие пираньи"…

Но самый известный, наверное, обитатель амазонских вод — чудовищный водяной удав анаконда. Встречаются анаконды длиной до 12 метров и двухметровые в обхвате! Впрочем, охотники рассказывают о пятнадцати— и даже восемнадцатиметровых змеях. Трудно даже вообразить себе такую "живую трубу", которая могла бы достать до земли, свесившись с крыши шестиэтажного дома. Места, где водятся анаконды, и бывалые индейцы-охотники обходят стороной. Противостоять двухсоткилограммовой великанше не может ни один зверь в сельве (так именуют в Бразилии амазонские леса). Жертвами анаконды становятся порой даже ягуары, переплывающие реку.

А на глади спокойных стариц и заливов в бесчисленных рукавах Амазонки покачиваются полутораметровые листья самой большой кувшинки на свете — Виктории Регии. Круглые, с загнутыми вверх краями, они напоминают какие-то странные зеленые сковородки. На таком листе спокойно может сидеть, подобно Дюймовочке, ребенок лет двенадцати-четырнадцати.

Влажный тропический лес Амазонии — самый богатый по числу видов из всех лесов, растущих на нашей планете. На десяти квадратных километрах здесь можно насчитать до 1500 разных видов цветов, 750 видов деревьев, больше сотни различных млекопитающих, 400 видов птиц и множество змей, земноводных и насекомых. Многие из них до сих пор неизвестны и не описаны.

Самые большие деревья сельвы достигают 90 метров высоты и 12 метров в обхвате. Даже названия их звучат, как музыка: бертолеция, маморана, цинамон, цедрелла, бабасу, ротанг, гевея… Многие из них представляют большую ценность. Высоченные бертолеции славятся своими вкусными орехами. В одной скорлупе, весящей несколько килограммов, находится до двух десятков этих орехов. Их собирают только в безветренную погоду, так как сорванная ветром «упаковка» может наповал уложить неосторожного сборщика. Сладкий и питательный сок молочного дерева напоминает по вкусу молоко, а из плодов шоколадного дерева получают какао. Наслышаны все, конечно, и о плодах дынного дерева — папайи, и о гевее, главном каучуконосе современного мира, и о хинном дереве, кора которого дает человечеству единственное средство, позволяющее облегчить приступы малярии, этого бича тропических лесов.

Немало в сельве и деревьев с красивой цветной древесиной, вроде красного дерева пау-бразил, давшего название самой большой стране Южной Америки. А древесина дерева бальса — самая легкая в мире. Она легче пробки. Из бальсы строят индейцы гигантские плоты-жангады, сплавляя лес вниз по Амазонке, Риу-Негру, Мадейре и другим крупным рекам. Такие плоты достигают порой сотни метров в длину и двадцати — в ширину, так что на них иногда размещается целая деревня.

Но больше всего в Амазонии пальм — свыше ста видов! Почти все они: кокосовая, бабасу, тукума, муката, бакаба, жупати и карана — приносят пользу человеку. Одни — своими орехами, другие — древесиной, третьи — волокном, четвертые — ароматным соком. И только ротанговую пальму жители сельвы нещадно проклинают.

Это самое длинное дерево на земле (иногда оно достигает трехсот метров!) — в сущности, лиана. Тонкий ствол его весь усеян острыми

шипами. Цепляясь ими за другие деревья, ротанговая пальма тянется вверх, к солнцу. Переплетая древесные ветви и стволы, она образует абсолютно непроходимые колючие заросли. Недаром индейцы именуют ее "канатом дьявола".

Животные — обитатели сельвы — не менее разнообразны, чем растения. Это и самый крупный зверь Амазонии — пугливый и осторожный тапир, и гигантская водосвинка-капибара — мировой чемпион среди грызунов. (Представьте себе добродушную «мышку» в два пуда весом!) Много здесь и обезьян, причем совсем непохожих на своих собратьев из Африки или Азии. Среди них и жутковатая уакири, или "мертвая голова", белая морда которой напоминает череп мертвеца, и паукообразные обезьяны, использующие хвост в качестве "пятой руки". Даже в зоопарке они протягивают за подачкой через решетку не лапу, а хвост. Живут здесь и крохотные игрунки, самые крупные из которых весят меньше ста граммов, и солидные капуцины, бросающиеся в глаза из-за необычного облика: шерсть на голове у них напоминает капюшон монаха. Но самые известные из всех здешних обезьян, конечно, ревуны. Их голоса, с которыми не сравниться даже рев льва или тигра, разносятся по окрестностям на пять километров!

По ветвям деревьев ловко пробирается главный враг обезьян и самый опасный хищный зверь Амазонии — ягуар. Он, кстати, единственный из кошачьих, кто половину жизни проводит в воде. Если не удалось ничем поживиться на суше, он охотно закусит рыбой, черепахой или капибарой, а то и молодым тапиром. Справляется ягуар и с небольшими крокодилами (зато большие, в свою очередь, не прочь закусить "водоплавающей кошкой").

Не столь грозен, как ягуар, но тоже опасен и красавец-оцелот. Эта полутораметровая кошка не боится нападать даже на двухметровых анаконд! А в декабре оцелоты по ночам устраивают брачные концерты, наподобие наших мартовских котов.

Самый же незаметный и малоподвижный зверь сельвы — это, разумеется, ленивец. Всю жизнь он проводит, вися спиной вниз на ветках деревьев и неторопливо поглощая листву вокруг себя. Чтобы не двигаться с места, он умудряется крутить головой даже не на 180, а на 270 градусов! Дышит этот флегматик лишь раз в восемь секунд. На суше, если уж доведется спуститься на землю, ленивец двигается со скоростью 20 сантиметров в минуту, как в замедленной киносъемке. "Проворный простак", как шутливо называют его бразильцы, — лакомая добыча и для ягуара, и для оцелота, и для удава, и даже для орла-гарпии. Спасает ленивца то, что в его шерсти заводятся… водоросли, окрашивающие его шкуру в защитный зеленоватый цвет. Из-за этого неподвижный ленивец почти не различим на ветке, и хищник часто не замечает его.

Под пологом ветвей в ночной темноте бесшумно проносятся летучие мыши-вампиры. Их мелкие тонкие зубы настолько остры, что укушенный во сне человек не чувствует боли и лишь, проснувшись утром, обнаруживает, что подушка вся в крови, а на шее крохотная ранка.

Из сотен видов птиц сельвы самые известные у нас, конечно, крошечные, величиной с пчелу, птички-колибри и огромные, до метра в длину, попугаи-ара. Их яркое оперение, так же как и сверкающие крылья

многочисленных бабочек, оживляет однообразную зелень леса. А над кронами деревьев парит самый страшный пернатый хищник Амазонии — хохлатый тропический орел гарпия-обезьяноед. Мощные мышцы и пятисантиметровые когти делают гарпию настоящей грозой мелких обезьян и ленивцев.

В лесах бассейна Амазонки множество змей, в том числе ядовитых. Не случайно Бразилия стоит на первом месте в мире по числу людей, ежегодно погибающих от змеиных укусов. Но небольших удавов индейцы издавна приручают и держат в хижинах для защиты от грызунов и змей.

Поражает и повергает в ужас огромный паук-птицеед. Он питается неосторожными колибри, попавшими в его широченную, как рыболовная сеть, паутину. А индейские ребятишки, озорства ради, иногда накидывают на этого паука веревочную петлю и водят за собой по деревне, как собаку.

Но страшнее всего для обитателей сельвы не грозные хищники и ядовитые змеи и пауки, а маленькие муравьи-сакасайя. Они живут большими колониями под землей, но время от времени выходят оттуда огромными полчищами и смертоносной рекой движутся по лесу, уничтожая все живое на своем пути. Звери, птицы, змеи и лягушки — все в панике спасаются от миллионной беспощадной армии: ведь от бесчисленных рыжих «крестоносцев» пощады не будет ни ягуару, ни анаконде! Был случай, когда на пути колонны муравьев оказался лагерь зоологов в джунглях. Люди успели спастись, но запертый в клетке тапир был обглодан насекомыми заживо, так что остался только скелет.

И все же Амазонию не стоит считать только местом кошмаров. Бассейн Амазонки — крупнейший массив влажных тропических лесов на Земле, основной поставщик кислорода в нашу атмосферу. И не зря этот край именуют "зелеными легкими планеты". А богатства его растительного и животного мира — бесценное сокровище, подаренное нам природой. Увы, человек все активнее наступает на сельву, прокладывая дороги, вырубая леса, уничтожая зверей и птиц. Масштабы этого наступления впечатляют. Каждый час сельва лишается четырех квадратных километров своего зеленого одеяния. Если так будет продолжаться, в XXI веке мы, вслед за исчезающими на глазах джунглями Конго, лишимся и лесов Амазонии.

И это станет непоправимой утратой для человечества.

Архипелаг Галапагос

(Эквадор)

Шестнадцать крупных островов и полсотни мелких раскинулись живописной группой у экватора в тысяче километров от берегов Южной Америки.

Острова эти — вулканического происхождения. И в наши дни их нередко сотрясают подземные толчки, предвещающие новые извержения, а затем огненные языки лавы выплескиваются из грозных кратеров, украшающих гористые клочки суши, затерянные на просторах самого большого океана Земли. Всего на архипелаге семнадцать вулканов, причем самый высокий — Альбемарл на острове Исабель — превышает высотой полтора километра.

Первым из европейцев увидел острова, возникавшие перед ним из плотной пелены тумана, испанец, епископ Панамский Берланга. Это случилось в 1535 году. Зрелище, открывшееся взору епископа, показалось

ему настолько сказочным и нереальным, что он дал островам поэтичное имя Лас Энкантадас (по-испански — "зачарованные").

Берланга рассказывал потом, что встретил на архипелаге "глупых птиц, которые даже спрятаться не догадывались", и огромных черепах, весивших до двухсот килограммов. На них можно было ездить верхом. Впоследствии именно от них пошло современное название островов — Ислас де Галапагос ("Острова Черепах").

За прошедшие с тех пор пять веков в историю островов было вписано немало и горьких, и славных страниц. Здесь укрывались английские пираты во времена Дрейка, здесь основали затем свою базу китобои и охотники за тюленями, а в XIX веке владеющий архипелагом Эквадор устроил на островах каторжное поселение. В 1940-е годы США основали здесь морскую базу для охраны Панамского канала от нападения японского флота.

Но самая яркая страница в летописи Галапагосов связана не с пиратами или линкорами, а с именем великого Дарвина, прожившего тут пять недель в 1835 году — ровно через триста лет после Берланги. Именно пребывание на этом изолированном от внешних контактов небольшом, но разноликом и полном жизни архипелаге натолкнуло молодого английского натуралиста на мысли и идеи, вылившиеся позднее в его знаменитый научный труд о происхождении видов.

Надо сказать, что животный и растительный мир островов не слишком богат, но зато на редкость необычен.

Главное растение на Галапагосах — кактус опунция, вырастающий до гигантских размеров. Поскольку восемь месяцев в году на острова не выпадает ни капли дождя, у этого жителя пустынь здесь практически нет конкурентов. Десятиметровые кактусы архипелага имеют даже настоящий ствол, покрытый корой, как у дерева. Надо сказать, что даже у себя на родине, в Мексике, опунция не достигает такого огромного роста.

Здесь живут всего девять видов млекопитающих, но все они встречаются только на архипелаге Галапагос. Земноводных нет совсем, зато все пресмыкающиеся, за одним исключением, тоже чисто галапагосские.

Это и уникальные морские игуаны, похожие на ископаемых ящеров и добывающие себе пищу глубоко в море, порой на десятиметровой глубине, и их сухопутные сородичи, и морские ящерицы, и, конечно, главное украшение островов — гигантские галапагосские черепахи.

Представьте себе огромное костяное полушарие метрового диаметра и полуметровой высоты, неторопливо передвигающееся на широченных когтистых лапах по склону и высоко задирающее голову на длиной шее в поисках листочка или веточки.

Галапагосские черепахи относятся к числу рекордсменов-долгожителей мировой фауны. Они живут по двести лет и более, так что, садясь верхом на такой "живой танк", не стоит забывать, что, возможно, на нем восседал когда-то сам великий Дарвин.

К сожалению, именно они первыми почувствовали на себе тяжелую руку человека. Моряки, заходившие на острова за пресной водой, или укрывавшиеся здесь от бурь, быстро сообразили, что могущие месяцами обходиться без пищи гиганты в костяной броне — идеальные "живые

консервы", и сотнями увозили их в своих трюмах, чтобы отправлять на кухню по мере необходимости. Только за XIX век китобойцами было отловлено и вывезено с островов не менее двух миллионов черепах!

Сейчас из пятнадцати видов черепах на островах — четыре на грани вымирания, а пятый уничтожен полностью.

Получше обстоит дело с птицами. Пернатых на архипелаге целых шестьдесят видов, и половина их водится только здесь. Одних только вьюрков тут целых тринадцать пород. Особенно поражает своими повадками кактусовый вьюрок, использующий для охоты за насекомыми настоящие "орудия труда"! Нтобы извлечь гусениц, прячущихся в трещинах коры кактусов, вьюрок отламывает иголку у опунции и накалывает на нее спрятавшуюся добычу, после чего извлекает наружу и съедает.

Не встречаются в других местах и галапагосские голуби, галапагосские канюки, галапагосские нелетающие бакланы, а также забавные и трогательные маскированные олуши. Эти удивительные птицы в брачную пору дарят друг другу красивые зеленые веточки в качестве символа любви.

Поразительно, но на островах Галапагос живет даже особый вид пингвинов. Как сумел добраться выходец из Антарктики до расположенного на экваторе архипелага, непонятно. Ведь даже «холодное» Перуанское течение, идущее вдоль всей Южной Америки, имеет температуру воды плюс двадцать два градуса. А у другого, теплого Панамского течения, также омывающего архипелаг, воды нагреты до двадцати восьми градусов! Жарковато для пингвинов, не правда ли?

Интересно, что рядом с колониями этих характерных обитателей полярных льдов можно встретить на Галапагосах и типично тропических птиц вроде фрегата. Последние, так же как и чайки, олуши, буревестники и альбатросы, образуют здесь, на небольших скалистых островках, огромные птичьи базары, которые населяет почти миллион птиц.

Со времен епископа Берланги повадки птиц не изменились. Они все также доверчивы и подпускают человека очень близко, позволяя даже гладить себя и брать на руки птенцов.

В море у побережья островов Галапагос тоже кипит жизнь. Недаром в последние годы архипелаг облюбовали любители подводного плавания. Действительно, в здешних водах есть на что посмотреть. Помимо китов, дельфинов и многотысячных стай тропических рыб, обычных и для других районов Тихого океана — корифеи, скатов, тунцов и прочих — у берегов Галапагосов резвятся огромные стаи морских котиков и морских львов, чью грацию, гибкость и стремительность можно оценить, только наблюдая за ними в родной стихии.

Правда, если морские львы целый день посвящают охоте и часто попадают в объектив кинокамеры, то котики, наоборот, активны только ночью. На берегу эти звери кажутся неповоротливыми и ленивыми, как и морские игуаны, эти жутковатые на вид "пришельцы из юрского периода".

Но все же на суше путешественник, попавший на острова, скорее всего, найдет другие объекты для наблюдения. Живописные острова архипелага, непохожие один на другой, подарят ему целый букет впечатлений. Достаточно пересечь любой из них от берега до черных вершин вулканических гор с их дымящимися кратерами, и самые

необычные создания живой природы встретят и поразят вас в пути.

На островах четко выделяются три растительные зоны. От уровня моря до высоты в двести метров раскинулась засушливая полоса. В этой полупустыне роль деревьев выполняют уже упоминавшиеся гигантские опунции, удивляющие даже мексиканцев своими габаритами. Не часто встретишь в жизни растение со стволом в два обхвата, тем более, если это растение — кактус. Удивительно, что опунции растут только на тех островах, где есть черепахи. Какая между ними связь, наука выяснить пока не сумела.

Поднявшись выше двухсот метров, путешественник попадает в настоящие джунгли, увитые лианами и пестрящие яркими орхидеями. Тут из-за обилия туманов разрастаются вечнозеленые экваториальные леса, переходящие начиная с высоты пятьсот метров в сырые луга, поросшие осокой и папоротниками.

Еще выше растительность и вовсе отсутствует. Здесь царство застывших лав и вулканического пепла. И хотя даже самые большие галапагосские вулканы не слишком высоки, с вершин открывается поразительный по красоте вид на россыпь причудливо изрезанных островков, разбросанных в бескрайних тихоокеанских просторах.

Архипелаг, кстати, не так уж мал: с юга на север он протянулся на добрых триста километров, а площадь его достигает почти восьми тысяч квадратных километров. Он примерно равен по территории Канарским островам и вдвое больше островов Зеленого Мыса или архипелага Самоа. Сейчас почти весь он объявлен Национальным парком, а в прилегающих к нему водах организован морской заповедник.

И, несмотря на практически полное отсутствие браконьеров, забот у здешних экологов хватает. Дело в том, что огромный вред местной фауне и флоре наносят завезенные сюда и одичавшие "спутники человека" — козы, собаки, кошки и крысы.

Козы уничтожают на лугах тех островов, где они проживают, всю растительность вплоть до последних корешков, и при этом так утаптывают копытцами землю, что зеленые склоны превращаются в подобие выжженной пустыни, на поверхности которой уже не прорастет ни одно зернышко или семечко. Собаки — злейшие враги игуан и ящериц, а кроме того, не брезгают и яйцами черепах. От кошек, в свою очередь, нет житья птицам и детенышам пресмыкающихся.

Сейчас на архипелаге проживают двести тысяч одичавших коз, три тысячи собак, десять тысяч котов и не поддающееся подсчету крысиное население. Попытки сократить их число проходят с переменным успехом. А вред от этих «иммигрантов» огромен. Только дикие собаки уничтожают в год тридцать тысяч игуан, пятнадцать тысяч пингвинов и три тысячи морских львов.

Работники Национального парка взялись было за истребление незваных пришельцев. Но едва уничтожили часть собак, как резко выросло поголовье кошек. (А уцелевшие собаки научились прятаться от охотников и быстро восстановили численность.) Когда же истребили половину кошек, в огромном количестве расплодились крысы, с которыми не могли справиться ни капканы, ни отравленная приманка.

Объявление островов охраняемой территорией для всех этих четвероногих «браконьеров», естественно, пустой звук. Лишь продуманные и комплексные меры борьбы с ними помогут сохранить природу уникального архипелага.

Озеро Титикака

(Перу-Боливия)

В южноамериканских Андах, одной из самых длинных и красивых горных систем, есть два-три места, особенно привлекающих туристов своей необычностью и живописностью. Это знаменитая Дорога Вулканов в Эквадоре — горная долина, с двух сторон окруженная шеренгами огнедышащих гор. Из тридцати вулканов этой потрясающей «аллеи» шесть активно действуют и сейчас.

Совсем непохоже на эквадорскую долину южное окончание исполинской горной цепи — Анды Огненной Земли. Здесь пейзаж напоминает скорее Новую Зеландию или Швейцарию. Густые леса из бука и сосен-араукарий поднимаются по склонам гор над узкими извилистыми заливами-фьордами и отражаются в синих зеркалах ледниковых озер.

Но самым интересным районом Анд является, конечно, высокогорное Боливийское плато, центральную часть которого занимает озеро Титикака. Это самое большое высокогорное озеро мира лежит на высоте в три тысячи восемьсот метров и занимает площадь более восьми тысяч квадратных километров. В южном полушарии обширнее его только Великие африканские озера: Виктория, Танганьика и Ньяса. Глубина заоблачного водоема достигает почти четырехсот метров.

На востоке всего какой-нибудь десяток километров отделяет Титикаку от крутых снежных склонов могучей Кордильеры-Реаль, вздымающейся над озером на три километра. А с противоположной стороны высокогорное плато постепенно поднимается к расположенным более чем в сотне километров на восток хребтам Западной Кордильеры, тоже поднимающимся над межгорной котловиной на две-две с половиной тысячи метров.

Около десятка горных потоков сбегает с них к Титикаке. А вытекает из него по глубокому ущелью быстрая и бурная река Десагуадеро, впадающая через триста километров в бессточное соленое озеро Поопо. В нижнем течении она размывает выступающие по берегам соляные пласты, и поэтому в Поопо вливается единственной в мире соленой рекой.

Для обитателей Альтиплано (так называют эту пустынную и холодную высокогорную равнину) Титикака является одновременно и источником воды, и поставщиком пищи, и гигантской «грелкой», смягчающей климат этого бесприютного края — ведь температура воды в озере никогда не падает ниже одиннадцати градусов. Не случайно человек поселился на берегах озера еще в глубокой древности — десять тысяч лет назад.

Сейчас оно поделено между Перу и Боливией, причем последней досталось засушливое западное побережье, а перуанцам — более влажное восточное. С северо-запада на юго-восток Титикака протянулась на сто восемьдесят километров, а в ширину оно достигает шестидесяти километров. В южной части озеро разделено полуостровами Копакабана и Уата на два плеса: Большой и Малый. Их соединяет короткий пролив в

несколько сот метров шириной.

Большой плес окружен каменистыми берегами. Они круто обрываются к воде, причем западное побережье целиком сложено лавами, некогда изливавшимися из вулканов Западной Кордильеры. Эта часть водоема более глубокая. Именно здесь, у острова Сото, зафиксирована максимальная глубина озера — триста восемьдесят метров. На просторном плесе есть где разгуляться ветрам, и, как правило, после полудня на нем поднимается сильное волнение.

Малый плес, напротив, мелкий, не глубже пяти метров, и поэтому лучше прогревается. Его пологие берега окаймлены зарослями тростника-тоторы. Воды этого плеса кишат рыбой и водорослями, а прибрежные тростники — утками.

Кроме Сото, на Титикаке еще более тридцати островов, расположенных большей частью на Большом плесе. Два из них считаются у местных жителей священными и носят выразительные имена: Исла-дель-Соль (остров Солнца) и Исла-де-ла-Луна (остров Луны). Согласно легенде инков, населявших эти острова, они принадлежали богу Солнца Титикаке и богу Луны Коати. На островах археологи раскопали остатки древних храмов. По преданию, здесь родились сын Солнца, инка Манко Капак, и его сестра Мама Окльо, дочь Луны — первые владыки империи инков.

Бог Солнца дал им золотой посох и послал их в страну пастухов на север. В каждой долине по пути следования инка вонзал золотой посох в землю, но всюду он натыкался на скалы. Долго шли инка с сестрой на север, пока не дошли до долины Куско. Здесь, едва лишь посох коснулся почвы, как сразу ушел глубоко в пашню. Инка Манко Капак созвал в долину пастухов со всего севера. Мама Окльо привела других с юга. Потом они вместе основали стольный город новой монархии и в центре его возвели храм Богу Солнца.

Новая столица — Куско — стала центром могущественной империи. Во главе ее до самого прихода испанцев стояли наследники Манко Капака. И только испанские конкистадоры Франсиско Писарро, разгромив армию инков, разрушили великую цивилизацию Южной Америки.

Сейчас потомки инков — индейцы аймара — обитают в бедных селениях по берегам озера Титикака, занимаясь все тем же пастушьим ремеслом, которым занимались их предки во времена инки Манко Капака. Кроме того, они сажают на плодородных вулканических почвах кукурузу и овощи.

А самые древние жители долины — индейцы уру, жившие здесь еще девять тысяч лет назад, теперь вытеснены пришельцами с юга на острова Титикаки. Причем острова эти не простые, а… рукотворные. Уру сами строят их из тростника-тоторы, настилая все новые и новые слои по мере того, как нижние стебли тростника пропитываются водой и сгнивают. Точнее говоря, островки из тростника образуются в природе сами, когда отдельные стебли срастаются корневищами. Индейцам оставалось лишь использовать их в качестве основы для строительства, расширяя и укрепляя эти плавучие клумбы и периодически устраивая "текущий ремонт". На таких островках располагаются целые селения, в которых живет практически весь этот удивительный озерный народ — более тысячи

человек.

Тотора обеспечивает почти все потребности уру: из нее строят (вернее, плетут) хижины, на матах-циновках из тростника спят и сидят, из него же делают шляпы и сумки, занавески и игрушки. Только пища (а это в основном рыба), на первый взгляд, не имеет отношения к этому замечательному растению. Однако на деле и здесь не обошлось без тоторы, поскольку островитяне делают из снопов тростника даже лодки, на которых они ловят рыбу в озере.

Утром в тихую погоду Титикака поражает увидевшего ее путешественника абсолютной неподвижностью своей поразительно голубой зеркальной поверхности, в которой удивительно четко отражаются небо и горы. Когда над стеной Кордильеры-Реаль начинает восходить солнце, озеро вдруг загорается ослепительным светом, делаясь зеленовато-фиолетовым, и начинает переливаться яркими светлыми полосами. Днем, когда светило стоит высоко в небе, берега Титикаки как бы раздвигаются вширь, освещенные солнечными лучами, и светло-серая поверхность озера особенно резко контрастирует с темными скалистыми склонами. А вечером огромный водоем, залитый пламенем заката, окрашивается в зловещие темно-багровые тона. И эта игра цветов и оттенков повторяется ежедневно, пока стоит безветрие. Однако стоит подуть свирепым ветрам с гор, как на озере разыгрываются настоящие бури, с грохотом обрушивающиеся на берега и опрокидывающие утлые рыбацкие лодки.

Но путешественников и ученых привлекает сюда не только суровая красота пейзажей. С высокогорным озером связано немало таинственных и доселе нераскрытых загадок — исторических, археологических, биологических и геологических. И если происхождение некоторых резных камней, явно доставленных издалека, за сотни километров, или необычных лодок, аналоги которых встречаются лишь на африканском озере Чад и в устье Тигра и Евфрата, когда-нибудь, возможно, сумеют объяснить археологи, то загадка возникновения самого озера Титикака, похоже, навсегда останется неразгаданной.

Казалось бы, что может быть проще: созданная подземными силами тектоническая котловина в горах собрала воды горных рек, и образовалось озеро. Таких примеров немало на Земле — так возникли Иссык-Куль и Байкал, Танганьика и Ньяса. Но как тогда объяснить присутствие, хоть и в небольшом количестве, морских солей в водах озера, причем в той же пропорции, что и в океане? Откуда взялись на береговых склонах морские террасы со следами прибоя и остатки морских организмов?

Эти и еще многие факты наводят на мысль, что Титикака была когда-то морским заливом, а затем исполинские силы подняли ее почти на четыре километра. Однако современная наука не может объяснить, как это могло произойти.

Над секретами загадочного озера бьются геологи и археологи, историки и этнографы, зоологи и ботаники. Но вопросов, возникающих при изучении Титикаки, пока больше, чем ответов. И долго еще будет волновать путешественников романтикой неразгаданных тайн и лаконичной красотой своих накрепко врезающихся в память пейзажей "жемчужина Анд", священное озеро инков — Титикака.

Игуасу

(Парагвай, Бразилия)

Игуасу — так на языке индейцев-гуарани именуется это место — в переводе означает "большая вода". Этим словом назвали они еще в незапамятные времена один из самых широких и могучих водопадов Южной Америки. Укрытый в глубине материка, водопад этот оставался неизвестным европейцам добрых полвека после открытия Америки Колумбом. Знакомство белых людей с Игуасу произошло, в общем-то, случайно. И первым увидел его человек, искавший вовсе не водопад. Дело обстояло так.

Жарким летом 1541 года через влажные тропические леса, покрывающие левобережье реки Параны в Бразилии, пробирался небольшой отряд испанских конкистадоров. Предводитель отряда, известный искатель приключений Альваро Нуньес, был уже далеко не молод. К своим 50 годам он успел повоевать в Северной Америке и, между прочим, первым из европейцев сумел пересечь ее от океана до океана в самом широком месте: от полуострова Флорида до Калифорнии.

Правда, сделал он это не по своей воле. Отряд, с которым Нуньес высадился во Флориде, был частично разгромлен индейцами-семинолами, а остальные горе-завоеватели погибли на побережье Мексиканского залива от голода и жажды. Лишь четверым испанцам из 800 удалось уцелеть. Их захватили в плен индейцы и обратили в рабов.

Переходя от одного индейского племени к другому, Нуньес и его спутники оказались в конце концов на тихоокеанском побережье, где их спас случайно наткнувшийся на них испанский отряд. Альваро Нуньес, получивший у земляков насмешливую кличку Кабеса де Вака ("Коровья голова") написал книгу о своих приключениях, принесшую ему известность, и вскоре был назначен губернатором южноамериканской колонии Испании — Рио-де-Ла-Плата. Тогда и возглавил он исследовательский поход через Бразильское плоскогорье к реке Паране.

Целью похода были поиски легендарной "страны золота" — Эльдорадо, по слухам, находившейся где-то на границе Парагвая и Перу. До этого Эльдорадо искали и в других местах: в Венесуэле и Колумбии, в малярийных болотистых чащах Амазонии. Но нигде белым пришельцам не удалось найти эту сказочную страну, рассказы о которой конкистадоры не раз слышали от индейцев.

По их словам, жители Эльдорадо поклонялись богине в облике женщины-змеи, обитавшей на дне священного озера. И когда умирал властитель страны и приходило время избирать нового правителя, на воду священного озера спускали украшенный золотом плот. К нему из дворца выходила торжественная процессия: жрецы на золотых носилках несли к озеру юношу — будущего царя. Его обнаженное тело, натертое благовонными смолами, обсыпали золотым порошком, на плот грузили драгоценные жертвенные дары и отталкивали его от берега. На середине озера претендент на корону бросал в воду золотые украшения — дар всемогущей богине, после чего прыгал в воду и плыл к ожидавшим его жрецам. Если он благополучно доплывал до причала и на теле его не оставалось ни одной золотой пылинки, значит новый правитель был угоден

богине, и тогда благодарные подданные орошали озерную гладь новым дождем золотых даров.

Понятно, что это озеро стало заветной мечтой многих алчных авантюристов. Поиски Эльдорадо велись в разных уголках Южной Америки более двухсот лет, но ни одному из искателей золотого озера не улыбнулось счастье.

Нуньес Кабеса де Вака тоже не нашел золота, зато открыл сокровище, поражающее людей с тех пор вот уже более пяти веков — знаменитый водопад Игуасу. Он расположен на левом притоке Параны — реке Игуасу, которая начинается почти у атлантического побережья, неподалеку от крупнейшего бразильского города Сан-Паулу, и является одной из самых «водопадных» рек мира. На протяжении 1300 километров она преодолевает больше 70 водопадов, самый высокий из которых заставляет ее прыгать с сорокаметрового уступа.

Но в 28 километрах от впадения в Парану река Игуасу встречает самое необычное препятствие на своем пути: здесь в русло реки, достигающее километровой ширины, врезается клином 80-метровая пропасть, и воды могучей реки срываются с обеих сторон этого клина, образуя роскошный кружевной занавес из 275 двухступенчатых водопадов общей шириной в 3600 метров!

Всю эту грохочущую симфонию сверкающих струй можно целиком охватить глазом только с вертолета или самолета. Тучи водяных брызг пронизывают десятки радуг, дополняющих своим многоцветием буйную и пеструю палитру цветущих растений у подножья водопадов и на разделяющих их скалах. Яркие пятна бегоний, орхидей и бромелий сопровождают ликующие блики на крылья тысяч тропических бабочек, вьющихся над цветами. Голубое, зеленое, желтое и красное оперение многочисленных здесь попугаев и колибри завершает картину. По берегам высятся живописные заросли из пальм, бамбука и древовидных папоротников, переплетенных цветущими лианами. И над всем этим великолепием стоит грохот воды.

Водопад Игуасу расположен на границе двух стран. Из общей его ширины в 3600 метров около 600 принадлежит Бразилии, а остальная часть гигантской заостренной подковы находится на аргентинской стороне. Тем не менее именно через бразильскую часть Игуасу низвергается основной объем воды, и именно здесь находятся самые эффектные водопады. Главных каскадов — 28, и каждый из них имеет собственное, весьма звучное имя. На аргентинской стороне это Арайагарай, Бельграно, Ривадавия, Трех Мушкетеров, Адама и Евы, Двух сестер, Рамирес, Митре, Сальто-Эскондидо и другие; с бразильской стороны выделяются своей красотой и мощью Сальто-Флориано, Унион, Бенжамен-Констан и Босенти.

Но все их очарование меркнет перед грозным величием Гаргантодо-Дьябло ("Глотки дьявола") — главного слива Игуасу, находящегося в вершине клинообразного уступа водопада. Как раз по нему проходит граница Аргентины и Бразилии, именно здесь сливается вниз основная часть воды. Но другим каскадам тоже остается немало: ведь суммарный расход Игуасу в период дождей (с ноября по март) составляет 12 000 кубометров в секунду! Это означает, что за сутки с гребня водопада обрушивается вниз больше миллиарда тонн воды! Внутренность Большой

спортивной арены в Лужниках Игуасу наполнил бы водой менее чем за минуту.

Правда, в сухой сезон объем низвергающейся воды уменьшается почти в 10 раз, но и тогда Игуасу представляет собой прекрасное зрелище. Впрочем, очень редко, примерно раз в 100 лет, в особенно засушливое лето, река может пересохнуть полностью, и тогда водопад иссякает на 2–3 недели. В последний раз такое случилось в 1978 году.

Ниже водопада струи множества каскадов вновь сливаются в единый поток, который с бешеным ревом устремляется в мрачный каньон шириной всего в 400 метров (б' 9 раз уже фронта водопада!) и стремительно несется к Паране. Каньон образован неустанной работой воды, прогрызающей базальты водопадного гребня. Ежегодно водопад отступает вверх по течению на 1–2 метра. Это значит, что примерно 20 000 лет назад он изливался непосредственно в реку Парану, долина которой сейчас отстоит от него почти на 30 километров.

Сама Парана, кстати, тоже отличается буйным нравом, на ней тоже немало водопадов и порогов. Самый крупный из них — водопад СетиКедас (или Гуайра) перегораживает Парану в 160 километрах выше впадения реки Игуасу. Его высота ниже, чем у Игуасу — всего 40 метров, но зато ширина достигает 4800 метров! Расход воды в нем даже больше, чем в Игуасу (от 9000 до 13 000 кубометров в секунду), и оба они входят в тройку самых широких и водообильных водопадов мира. Впереди них только водопад Кон на реке Меконг в Индокитае, который при 12-километровой ширине обрушивает с двадцатиметрового уступа почти 50 000 кубометров воды в секунду.

Но по сочетанию мощи, высоты и разнообразия каскадов водопад Игуасу, безусловно, не имеет себе равных. Не случайно обе страны, которым принадлежит водопад, объявили прилегающие к нему районы Национальными парками. И в Бразилии, и в Аргентине они носят одинаковое название — Игуасу.

Многочисленные туристы приезжают сюда, чтобы полюбоваться девственной красотой тропического леса, разглядеть в чаще убегающее стадо диких свинок-пекари или муравьеда, заметающего след огромным пушистым хвостом, понаблюдать за обезьянами-капуцинами и туканами — диковинными несуразными птицами с большущими разноцветными клювами и непропорционально крохотными туловищами.

Но главным, что влечет сюда людей, конечно, остается неповторимая панорама 275 серебряных каскадов пенной воды, образующих сказочно прекрасную грохочущую дугу со звучным индейским именем — Игуасу.

Патагония

(Аргентина)

Аргентина — вторая по величине после Бразилии страна в Южной Америке. Большую часть ее занимает пампа — привольная высокотравная степь, подобная украинской или канадской. Но к югу от реки РиоКолорадо начинается своеобразный, ни на что в мире не похожий и чарующий своей дикой и суровой красотой край — Патагония.

Огромная территория ее занимает треть Аргентины, однако до сих пор она почти безлюдна, а немногие городки жмутся к атлантическому

побережью либо к предгорьям Анд. Своеобразие Патагонии определяется в первую очередь климатом, уникальным для умеренного пояса. С запада, откуда преимущественно дуют здесь ветры, ее защищают высочайшие хребты Анд, на которых остается влага, принесенная ими с Тихого океана, так что Патагония оказывается в своего рода "дождевой тени".

Зато ветры с юга приносят сюда ледяное дыхание Антарктиды. Поэтому тут царствует холодная полупустыня, где осадков выпадает меньше, чем в Калахари, а температура летом (в январе) не превышает пятнадцати градусов тепла. Зимой, правда, она держится на уровне плюс пяти и лишь на высоких плоскогорьях падает ниже нуля.

Основную часть Патагонии занимают ровные сухие плато, рассеченные глубокими каньонами речных долин. Плоские возвышенности гигантскими ступенями поднимаются от Атлантики к Андам. Все патагонские реки начинаются высоко в горах из снежников и ледников и пересекают плато глубокими крутостенными ущельями, почти не принимая здесь притоков. Кое-где в расширениях каньонов лепятся по берегам жиденькие ивовые рощицы — единственный вид лесов в этих краях.

А на поверхности пустынных, продутых ветрами плоскогорий растут редкие травы да низкие островки кустарников, похожие на плотные серо-зеленые подушки. Все пространство между ними занимает сплошной покров из валунов и гальки — "пустынная мостовая", образующаяся в результате выдувания сильными ветрами мелких частиц почвы.

Лишь в предгорьях заснеженных Анд пейзаж оживляется. Бегущие по склонам реки и ручьи, а также синеющие в ложбинах ледниковые озера окружены обширными лесами из могучих дубов и буков, достигающих сорока метров в высоту и двух метров в диаметре. Под ними пышно разрастается фуксия. Здесь это не привычный нам цветок в горшке на подоконнике, а солидное трех-четырехметровое дерево. Упругие ветки фуксии индейцы издавна использовали для строительства каркасов своих шалашей. Встречаются в подлеске также папоротники и бамбук.

Леса патагонских Анд всегда шумные и оживленные. На верхних этажах его хозяйничают самые крупные представители царства пернатых: орел, магелланов филин, черный красноголовый дятел и кричаще пестрые попугаи с зеленовато-бронзовыми крыльями и оранжево-красными хвостами. А на первом этаже, в подлеске, копошится, что-то клюет и заливается громкими трелями множество мелких птиц, похожих на малиновок, крапивников и канареек.

Зимой здесь обитает горделивый красавец — андийский олень, летом он уходит высоко в горы, на альпийские луга. Повсюду попадаются норы крупного грызуна — вискачи. Когда-то в этих лесах нетрудно было встретить грациозную родственницу ламы — викунью, горного тапира и осторожного ягуара, но, будучи желанными трофеями для охотников, они стали ныне исключительной редкостью и встречаются только в Национальных парках Аргентины и Чили. Зато нутрия — коренной обитатель андских лесов — водится тут во множестве, и нет реки, где не встретился бы путешественнику этот смышленый миролюбивый зверек.

Но и на засушливых плато Патагонии, как ни удивительно, можно увидеть немало самых разнообразных животных. В норах под подушками кустарников живут шустрые мелкие грызуны с забавным названием

туко-туко и деловитые броненосцы. Порой встречается здесь и знаменитая своим нежным серебристым мехом шиншилла, а из копытных — дикая лама гуанако и быстроногий пампасный олень.

Хищники равнинной Патагонии тоже не похожи на привычных нам зверей северного полушария. Это магелланова собака и пампасная кошка, нападающие на грызунов, а при случае — и на броненосца или нутрию. Но самый хищный зверь Патагонии — конечно, пума. Этот "американский лев" не имеет соперников в здешних местах и является грозным врагом для беспечных гуанако и пасущихся вместе с ними нанду — американских родственников страуса. Нанду — самые маленькие из этого семейства нелетающих птиц, но по скорости бега они успешно соперничают с лошадью, и охотникам нелегко бывает ее догнать.

Другой характерный обитатель Патагонии живет в ее горной части. Это знаменитый кондор — самая большая хищная птица нашей планеты. Размах крыльев кондора достигает трех метров!

К Патагонии обычно относят и самый южный архипелаг Америки — Огненную Землю. Эта открытая четыреста лет назад Магелланом малонаселенная группа островов долго оставалась неисследованной учеными. Лишь три века спустя после великого испанского мореплавателя ее посетил и изучил знаменитый Дарвин во время своего кругосветного плавания на корабле "Бигль".

Путешественник, ожидающий увидеть здесь, в преддверии Антарктики, скудные безжизненные равнины и голые скалистые пики, бывает приятно поражен, столкнувшись на этих островах с роскошными вечнозелеными лесами. После пустынных патагонских плато, раскинувшихся к северу от Магелланова пролива, пейзаж Огненной Земли кажется просто фантастическим.

Особенно сильное впечатление производит эта "перемена декораций", когда путешественник подплывает к архипелагу на теплоходе. Еще накануне судно входило в Магелланов пролив, и пассажир наблюдал с палубы лайнера все те же мрачные и печальные берега, что и в предыдущие дни. Но проснувшись утром в районе порта Пунта-Аренас, он вдруг видит за бортом пейзаж, словно нарисованный добрым сказочником.

Теплоход скользит по узким проливам и бухтам, в спокойные воды которых бросаются со скал бойкие пингвины. Дивные зеленые горы, одетые пышными лесами до самых вершин, обрамляют эту идиллическую картину, а шум листвы смешивается с пеньем птиц и плеском волн. Вдали, скрытые наполовину ближними горами, поднимаются величественные вершины, увенчанные сверкающими снегами; могучие ледники спускаются с них глубоватыми лентами. Подобно серебряным нитям, ниспадают с прибрежных скал бесчисленные водопады. Косые лучи солнца, проникающие из-за облаков, освещают окрестный пейзаж каким-то неземным светом.

Чем дальше углубляется судно в проливы, тем грандиознее становится открывающаяся глазу картина, горы кажутся все более высокими, а вдали появляются все новые, еще более многочисленные и величественные снежные вершины.

Особо живописен пролив Дарвина. Там гигантские ледники спускаются с гор почти к самому берегу моря, образуя ледопады до

шестисот метров высотой. Могучая голубоватая стена льда, нависшая над водой, контрастирует с ярко-зелеными лесистыми горами, производя на зрителя неизгладимое впечатление. Подобный пейзаж невозможно увидеть нигде, кроме Огненной Земли.

Сойдя на берег, путешественник обнаруживает, что в этих безлюдных лесах нет проложенных людьми дорог, и для знакомства с ними придется пользоваться тропами, протоптанными гуанако. Но в густой непролазной чаще, окружающей тропу, туристу не грозят никакие опасности: на Огненной Земле нет хищников, кроме антарктической лисицы. Нет здесь также ни змей, ни москитов, ни ядовитых пауков, и только колючие ветки кустов портят настроение путнику. Однако уже поднявшись на пятьсот метров, обнаруживаешь, что лес кончается и начинаются чахлые горные луга, совсем непохожие на альпийские и скорее напоминающие тундру. А еще выше остаются только голые скалы, коегде оживляемые пятнами снежников. Но скудность растительности под ногами с лихвой искупается восхитительным видом сверху на зеленые острова, прихотливо рассыпанные по лабиринту проливов и каналов, и окаймляющую их у самого горизонта туманную полосу — Тихий океан!

В наши дни Патагония привлекает многочисленных туристов и летом и зимой. Одни из них выбирают опасные и увлекательные сафари в пустынных каньонах патагонских плато, другие предпочитают восхищаться дикой красотой огнеземельских проливов с палубы круизного лайнера, а третьи — сложнейшие альпинистские маршруты на сверкающих ледопадами склонах Патагонских Анд или катание на горных лыжах по головокружительным андским трассам.

Но, пожалуй, самый живописный маршрут по Патагонии — это путешествие в поразительный по красоте и разнообразию природных ландшафтов Национальный парк Науэль-Уапи. Район, где расположен этот парк, не случайно называют "аргентинской Швейцарией".

Здесь на сравнительно небольшой территории можно увидеть и природу высокого плато с его полупустынным ландшафтом, и живописные ледниковые озера, окруженные лесами из южного бука, и потрясающие своей красотой и величием андские ледники. При этом большую часть путешествия можно совершить на катере по извилистым плесам огромного озера Науэль-Уапи, высаживаясь на его берега и острова в самых интересных местах, а в заключение подняться в горы к подножью потухшего вулкана Тронадор, со склонов которого спускаются вниз сразу восемь ледников. Время от времени огромные глыбы льда отрываются от ледниковых языков и с грохотом падают в глубокие ущелья.

Здесь еще уцелели уникальные леса из патагонской лиственницы — гигантского дерева, напоминающего калифорнийскую секвойю. К тому же район Национального парка, расположенный на стыке различных природных зон, позволяет познакомиться с целым рядом редких животных, вроде крохотного, ростом с зайца, оленя пуду, мышиных опоссумов, симпатичного пушистого грызуна вискачи и необычной для этого континента хищницы — серой лисицы. Разумеется, встречаются тут и привычные обитатели горной и равнинной Патагонии: андийский олень и кондор, гуанако и нанду, броненосец и нутрия.

По земле шныряют, как мыши, плохо летающие короткохвостые птицы танакулосы, стучат клювами по стволам лиственниц черные магеллановы дятлы и сверкают оперением чилийские колибри и клинохвостые попугаи.

Особенно притягивает туристов расположенная на восточном берегу озера "Зачарованная долина". Здесь вода, ветер и ледник изваяли из древних скал причудливые изваяния, получившие романтические названия: «Замок», "Перст Божий", «Кающийся», "Задумчивая Индия" и другие…

Надо сказать, что красивейшие уголки Южного полушария до сих пор малоизвестны путешественникам из Старого Света. Особенно это касается самых южных районов нашей планеты. Между тем пейзажи этих своеобразных мест, абсолютно непохожие на картины природы Северной Америки, Скандинавии или Сибири, доставят путешественнику настоящее наслаждение и надолго останутся в памяти.

ЧАСТЬ VI.АВСТРАЛИЯ, ОКЕАНИЯ И АНТАРКТИДА

Айрекс-Рок

(Австралия)

Дорога стелется по бескрайней и безжизненной равнине. Позади полторы тысячи километров пути к сердцу австралийских пустынь — городку Алис-Спрингс, а от него — еще четыреста километров на югоюго-запад, к окраине самой неприступной в Австралии пустыни Гибсона. Остались за спиной невысокий хребет Флиндерса, окаймленные белой полосой соли берега озер Гарднер и Эйр и уходящие к горизонту песчаные гряды пустыни Симпсон, местами покрытые зарослями колючих кустарников — скрэбом.

Но основное, что осталось в памяти от последних двух дней автомобильного путешествия — это однообразная, абсолютно плоская равнинность окружающего пейзажа: красновато-коричневые пески с редкими кустиками колючей травы — спинифекса. Монотонность дороги нарушают только редкие мосты через сухие русла рек — крики, заполняющиеся водой на день-два лишь один раз в несколько лет, когда выдается особенно обильный дождями влажный сезон.

И тем большим чудом кажется на этом фоне внезапно возникающая на горизонте гигантская шоколадно-коричневая скала, по мере приближения к ней становящаяся все более грандиозной. Айерс-Рок (так именуется этот уникальный каменный холм) является, наверное, самым большим скальным монолитом в мире. Его овальный горб длиной в 2,4 километра и шириной в 1,6 километра возвышается над окружающей равниной на 350 метров!

О его происхождении в свое время было немало споров. Загадочность возникновения огромного горного массива посреди бескрайней, ровной, как стол, пустыни вызвала к жизни уйму самых невероятных предположений, вроде того, что это гигантский железный метеорит, упавший на равнину тысячи лет назад.

Но позже геологи объяснили появление Айерс-Рока гораздо прозаичней, отчего он, конечно, не сделался менее впечатляющим, хотя, быть может, и стал менее загадочным. По мнению современной науки, Айерс-Рок — типичный продукт эрозии — нескончаемого процесса разрушения возвышенностей рельефа природными силами и превращения

пересеченной местности в равнину. Уцелевшие при этом более прочные скальные массивы ученые именуют останцами. Их можно встретить в Сахаре на плато Тибести у нас на Северном Урале, в Аравии и в американском штате Джорджия в знаменитой Долине Монументов. Типичным останцом является и широко известная гора Сахарная Голова в Рио-де-Жанейро.

Однако Айерс-Рок, бесспорно, затмевает любой из них как своими размерами, так и впечатлением абсолютной нереальности, возникающим при виде огромной скалы, царящей над раскинувшейся на сотни километров вокруг равниной.

Первым из европейцев Айерс-Рок увидел в 1872 году австралийский исследователь Эрнест Джайлс, пересекший тогда с севера на юг пустыню Гибсона. Однако местные племена аборигенов к тому времени уже много веков знали эту скалу. Они именовали ее Улуру ("Место, где бывает тень") и ежегодно собирались возле нее для проведения ритуальных празднеств. Одни племена считали, что скала в незапамятные времена упала с неба, другие приписывали ее появление великанам, которые создали ее еще до прихода людей в эту страну, а третьи верили, что Улуру — обиталище Радужного змея Ванамби — верховного судьи над всеми живущими на Земле. Именно по велению Ванамби его слуги создали людей и населили ими пустыню. Дети Улуру размножились и положили начало всем племенам аборигенов, и каждый год они приходили к священной горе, чтобы прославить лучших охотников и набраться смелости для новых подвигов.

Время и природные силы немало потрудились над поверхностью скалы, оставив на ней зазубрины и шрамы, а то и большие выемки самой причудливой формы. Гигантские, похожие на звериные следы, вмятины на крепком камне породили у суеверных коренных австралийцев множество легенд и поверий. Следы на скале, по мнению аборигенов, оставила чудовищная огромная собака Кура-Пуньи, кравшаяся к лагерю охотников, чтобы сожрать их всех без остатка. Лишь помощь всегдашнего друга людей — веселой птицы кукабарры, которая своим криком предупредила людей о приближении жуткого зверя, спасла им жизнь.

Кукабарра, или птица-хохотун, и сейчас — одна из любимых птиц в Австралии. Ее жизнерадостным криком, похожим на человеческий хохот, начинаются утренние передачи австралийского радио.

В пещерах у подножья скалы сохранилось множество ритуальных рисунков аборигенов, и ее без преувеличения можно назвать главным центром первобытной культуры коренных жителей Австралии. Размеры пещер впечатляют: самые большие из них достигают восьмисот метров в длину и тридцати метров в высоту. В них образовались три озерка, заполняющихся в период дождей водой, просачивающейся по трещинам скалы. Жарким летом, когда пересыхали все источники в округе, аборигены находили здесь укрытие от жарких лучей солнца и живительную влагу.

Но некоторые озера и пещеры считались запретными и охранялись с древних времен священными табу. Так, все местные жители верили, что озеро Мутиджула несут неминуемую смерть любому смельчаку, дерзнувшему искупаться в его водах. Ведь именно его избрал местом своего пребывания сам Радужный змей Ванамби и, чтобы его не

тревожили, отравил озеро магическим ядом Аран-Гулта, от которого нет спасения.

Иные пещеры уже своим названием (вроде "Грота Перерезанной Глотки") отпугивали любопытных. Невольную дрожь вызывало у людей и многократное гулкое эхо в Пещере Хохота. А темный, как ночь, Путта-грот населяли, как гласило предание, духи умерших детей, ожидающие момента, когда они смогут вселиться в новое, только что рожденное тело ребенка.

По крутому склону горы узкая тропка ведет на ее вершину. Не всякому под силу одолеть рискованный подъем, хотя сейчас в самых опасных местах и поставили металлические перила. К чисто альпинистским трудностям добавляется еще и необходимость нести с собой запас воды во вместительной фляге — иначе восходителю грозит гибель от обезвоживания организма или солнечного удара.

С высоты Айерс-Рока открывается панорама обширной пустыни, почти лишенной растительности. Лишь у подножья скалы зеленеют редкие рощицы чахлых эвкалиптов и акации-мульги. Немногочисленные кенгуру и страусы-эму щиплют колючие побеги спинифекса, неторопливо передвигаясь по красной, потрескавшейся от жары равнине.

Вдали голубеет сквозь воздушную дымку причудливый массив горы Маунт-Олга. До него по прямой 24 километра. Редкие здесь, но обильные ливни проточили в нем глубокие борозды-ущелья, разбив массив на тридцать округлых останцов. Аборигены дали Маунт-Олге меткое имя Катажута ("Гора со многими головами"). С противоположной стороны едва вырисовывается силуэт расположенной вдвое дальше горы Коннор. В отличие от Маунт-Олги и Айерс-Рока она имеет плоскую вершину. Покрытая серо-зеленой травой, эта вершина при взгляде с самолета резко контрастирует со своими соседками.

Сейчас район Айерс-Рока объявлен Национальным парком, и поток туристов, желающих увидеть уникальную скалу, растет с каждым годом. Несмотря на удаленность и труднодоступность этого уголка Австралии, расположенного в самом центре континента, люди на автомобилях и самолетах добираются сюда, чтобы полюбоваться красотой необыкновенного ландшафта, равного которому не найти нигде в мире.

Конечно, в горах и пустынях Австралии и у ее побережья много прекрасных и удивительных мест. Это и Большой Барьерный риф с его сказочными обитателями, и живописные Голубые горы, в недрах которых прячется двухсоткилометровая система Дженоланских пещер, и заповедные остров Кенгуру и Акулий залив, и прохладные хвойные рощи и водопады острова Тасмания, и озера-призраки Западной Австралии, каждый год исчезающие, чтобы возникнуть затем вновь на другом месте…

Туристов, приезжающих на далекий континент из разных стран мира, чарует подводное коралловое многоцветие Барьерного рифа или величие пещерных залов Дженолама, где грот Чертов Каретный Сарай достигает в высоту ста метров!

И все же, насладившись зрелищем этих красот, пообщавшись с дружелюбными кенгуру и коала в национальных парках побережья, любознательный путешественник непременно вставит в фотоаппарат новую пленку и отправится по пыльному шоссе, идущему по границе

Большой пустыни Виктория и пустыни Симпсон. Нелегким и неблизким будет его путь. Нескоро открывается человеку Главное Чудо Австралии, спрятанное в глубине Великих Пустынь.

Но все трудности и дорожная усталость забываются в тот неповторимый вечерний миг, когда окружающая равнина уже погрузилась во тьму, и лишь величественный горб Айерс-Рока пылает гигантской огненной каплей в лучах заката на фоне темного, почти черного ночного неба тропиков.

Река Муррей

(Австралия)

Единственная большая река Австралии — Муррей — крупная водная артерия не только по австралийским меркам. По длине Муррей, как и его главный приток Дарлинг, примерно равны Дунаю, а общая протяженность Муррея с Дарлингом на двести километров больше, чем у Волги. Правда, по водообильности австралийская река значительно уступает европейским, но все же ее годовой расход составляет почти половину дунайского.

Для Австралии, где большинство рек в сухой сезон пересыхает совсем, это огромный водоток. Истоки Муррея лежат в глубине самых высоких гор континента — Австралийских Альп, и тающие снежники, лежащие на их склонах, круглый год обеспечивают этой реке обильное питание.

А крупнейшие притоки Муррея — Дарлинг и Маррамбиджи — берут начало значительно севернее, в красивейшей части Большого Водораздельного хребта, именуемой Голубыми горами. Восточный склон этих удивительно живописных гор сложен розовыми песчаниками, в которых быстрые речки, сбегающие к Тасманову морю, прорезали крутостенные каньоны. Всю водораздельную часть хребта и его склоны занимал когда-то огромный ледник, который оставил после себя в верховьях каньонов своеобразные расширения-амфитеатры — ледниковые цирки, покрытые ныне сочными цветущими лугами.

А западный склон Голубых гор, обращенный внутрь континента, слагают трещиноватые известняки, в которых дожди и тающие снега промыли множество карстовых воронок, шахт и полостей. Именно здесь расположены знаменитые Дженоланские пещеры — главная подземная жемчужина Австралии.

От большинства других карстовых пещер мира Дженоланские отличаются многоцветием своих красивейших каменных украшений. Сталактиты, сталагмиты, кальцитовые занавеси и драпировки здесь не только белые, как обычно, но и раскрашенные окисью железа в различные оттенки розового, красного и коричневого цветов.

На этом разноцветном фоне особенно эффектное впечатление производит зал «Собор», достигающий пятидесятиметровой высоты и поражающий снежной белизной своих длиннейших каменных сосулекталактитов, порою тонких, как нити, а иногда могучих, как дубовые стволы.

Один из залов Дженоланских пещер достигает ста восьмидесяти метров в длину и восьмидесяти пяти — в ширину, при высоте до тридцати метров.

Истоки же самого Муррея находятся у подножья высочайшей вершины континента — горы Косцюшко. Конечно, ей далеко до гималайских или альпийских пиков — высота "австралийского Монблана" не достигает и двух с половиной километров, но все же для Австралии это уникальная вершина, ибо ее, единственную из здешних гор, круглый год укутывает снежное покрывало.

Ниже зоны болотистых лугов, окаймляющих снежники, Муррей протекает через своеобразный пояс низкорослых горных лесов. Стройные прямые деревья в них достигают максимум пяти сантиметров в диаметре и растут так густо, что путешественнику приходится прорубать себе путь топором.

А с высоты в тысячу семьсот метров начинаются, пожалуй, самые необычные и красивые леса Австралии — субтропическая гилея. От настоящей гилей — влажных тропических лесов, занимающих север Большого Водораздельного хребта и напоминающих джунгли Новой Гвинеи или Индонезии, эти субтропические леса отличаются, как небо от земли.

Если в джунглях северных гор Австралии душные чащи из высоких пальм, бананов, пандануса и бамбука, перевитых лианами, образуют непроходимые заросли с подлеском из фикусов, лавров и колючих кустарников, то в Австралийских Альпах лес светлее, прозрачнее и прохладнее, а деревья в нем стоят просторнее.

Здесь четко выделяются два яруса: верхний, из редко стоящих могучих миндальных эвкалиптов, достигающих в высоту ста двадцати метров, а в поперечнике — десяти метров, и нижнего, состоящего из древовидных папоротников высотой «всего» в пятнадцать-двадцать метров (то есть с пятиэтажный дом).

Своеобразие облику этих лесов придают многочисленные вьющиеся папоротники, облепившие, подобно лианам, стволы деревьев. Особенно густо они покрывают своей зеленой бахромой мощные колонны вечнозеленых австралийских буков.

Другое характерное растение субтропической гилей — вьющаяся трава тетрорена. Кое-где она образует высокие зеленые, густо переплетенные барьеры, свешивающиеся со стволов и ветвей эвкалиптов или буков до самой земли.

Чем дальше течет Муррей на запад, тем меньше осадков выпадает на его берегах. Поэтому влажные субтропические леса сменяются в предгорьях "австралийских Альп" светлыми эвкалиптовыми лесами. Деревья в них растут на расстоянии тридцати-сорока метров друг от друга (чтобы всем хватало влаги). Листья эвкалиптов всегда повернуты ребром к солнцу, поэтому здесь дышится легче, чем в сумрачной гилее. Вместо гниющих опавших листьев под ногами на открытой солнечным лучам почве зеленеет сплошной травяной покров. Там и тут поднимаются забавные на вид травяные деревья с коротким стволом, увенчанным пышной раскидистой «прической» из узких, длинных, как травинки, листьев.

Еще ниже по течению леса становятся совсем редкими и, наконец, переходят в саванны. Здесь между отдельными эвкалиптами, акациями и причудливыми деревьями с бутылкообразно раздутыми внизу стволами разбросаны густые колючие заросли кустарников, получившие в Австралии

название "скрэб".

Из нескольких разновидностей этого малоприятного «украшения» австралийских саванн и полупустынь наибольшие неприятности путешественникам причиняют две, именуемые малли-скрэбом и мульга-скрэбом. Малли-скрэб образован почти исключительно одним карликовым видом эвкалипта — «малли» Ветви его растут теснее, чем стебли камыша или бамбука, и путь через малли-скрэб приходится прокладывать с помощью топора.

Еще страшнее для путника колючие заросли мульга-скрэба, состоящего в основном из густых кустов карликовой акации. Эти акации вооружены острыми шипами и образуют местами такие жуткие, практически непреодолимые преграды, что каравану, встретившему мульгаскрэб на своем пути, приходится обходлить его, делая порой многокилометровый крюк.

Спускаясь вниз по течению Муррея, путешественник естественным образом знакомится со всем многообразием удивительного животного мира Австралии. Во влажных субтропических лесах ловко передвигаются по веткам древесные кенгуру, свешивая вниз свои длинные хвосты. Неподалеку от них можно увидеть самого симпатичного обитателя здешних лесов — сумчатого медведя коала, похожего на игрушечного плюшевого мишку. Своими медленными движениями этот добродушный толстяк напоминает американского ленивца. Поражает в этих лесах обилие и разнообразие птиц, среди которых выделяются большие белые попугаи-какаду с пышными хохолками и заливающиеся громким хохотом кукабарры — родственники наших зимородков, только вдвое более крупные.

А внизу, под деревьями, путешественника может ожидать куда более неприятная встреча. Живущие в кустарниках казуары, близкие родичи африканских страусов и населяющих здешние саванны быстроногих эму, хоть и уступают своим собратьям в росте, но далеко превосходят их в смелости и агрессивности Защищая свою территорию, они способны ударом мощной ноги, вооруженной острым, как кинжал, когтем, вспороть живот или отсечь руку незадачливому туристу. Вообще, опасностей в австралийских лесах не меньше, чем в джунглях Африки или на берегах Амазонки. Не говоря уже о ядовитых змеях или смертоносных муравьях-бульдогах, тридцать укусов которых означают неминуемую смерть, даже такое милое и невинное на первый взгляд создание, как утконос, представляет для путника серьезную опасность. Укол ядовитых шпор, имеющихся на его задних лапах, способен парализовать человека.

В светлых лесах опасных животных меньше. Именно здесь — главный район обитания коала, этого пушистого символа Австралии. Встречается тут и другой всем известный «австралиец» — очаровательная и робкая ехидна. В случае угрозы она моментально зарывается в землю или свертывается в колючий клубок, подобно ежу. Ехидна прекрасно себя чувствует не только в лесу, но и в зарослях скрэба — всюду, где есть муравьи или другие насекомые. Неплохо живется здесь и кенгуровым крысам. Эти занятные существа строят себе на земле большие гнезда из травы, для которых собирают «стройматериал» с помощью специального гребня из жестких волос, имеющегося у них на конце хвоста. Этим гребнем

кенгуровая крыса тащит за собой сухую траву, словно граблями.

А в нижнем течении Муррея, на просторах саванн, раздолье для кенгуру и эму. У берегов пересыхающих озер обитают многочисленные стаи волнистых попугайчиков, а в самих озерах живет уникальная двоякодышащая рыба цератод, у которой, кроме жабр, есть еще и одно легкое. Когда в период засухи озеро или река, где он плавал, пересыхает, цератод переходит на легочное дыхание, что позволяет ему пережить трудное время.

Муррей — большая судоходная река. Пассажирские теплоходы могут подниматься по ней почти на две тысячи километров до города Олбери у самого подножья Австралийских Альп.

Благодаря снеговому питанию и построенному в верховьях реки водохранилищу Хьюм уровень воды в Муррее вполне достаточен для судоходства в течение всего года. Совсем другое дело — Дарлинг. Хотя по длине этот приток на двести километров превышает основную реку, но полноводность его целиком зависит от дождей. Поэтому в сухой период года он превращается в нижнем течении в цепочку отдельных водоемов длиной в километр-полтора ц шириной метров в сто. Полноценным притоком Муррея Дарлинг становится лишь в сезон дождей, когда наступает половодье. В это время он местами разливается на десятки километров.

Туристы, посещающие Австралию, выбирают обычно один из двух самых экзотических с их точки зрения районов. Это либо северо-восток континента, где у побережья, на склонах Большого Водораздельного хребта, пышно зеленеют влажные тропические леса, а рядом, в море, скрыты подводные чудеса Большого Барьерного рифа, либо расположенная в самом сердце австралийских пустынь гигантская скала Айерс-Рок.

Однако путешественнику, желающему узнать природу Австралии в самых ярких ее проявлениях, стоит отправиться из Сиднея через "австралийские Альпы", чтобы затем, спустившись со снежных склонов горы Косцюшко, проследовать вдоль главной австралийской реки к ветреным пляжам Большого Австралийского залива и закончить свой маршрут в главном городе Южной Австралии — Аделаиде.

Примерно по этим местам, лишь чуть южнее, пролегал путь жюльверновских героев, пересекавших Австралию в поисках капитана Гранта. И, подобно им, турист, отважившийся на такое пересечение, увидит и узнает по-настоящему все разнообразие природных ландшафтов этого необычного континента, а не улетит домой с ощущением, что путь через полсвета он проделал ради того, чтобы унести в памяти лишь крохотный кусочек огромного удивительного мира по имени Австралия…

Остров Тасмания

(Австралия)

Климат Австралии, с точки зрения европейца, не назовешь благодатным. Внутренние районы этого материка — сухие саванны и пустыни, на обращенных к морю склонах Большого Водораздельного хребта — обилие дождей и влажная духота. И всюду — жара, жара, жара…

И лишь остров Тасманию можно считать поистине райским уголком, где путешественник, прибывший из Старого Света, найдет и желанную прохладу и привычные горно-лесные ландшафты, сдобренные, впрочем,

изрядной долей чисто австралийской экзотики.

Австралия не была бы Австралией, если бы не изумляла на каждом шагу необычностью своей флоры и фауны, и Тасмания в этом смысле — не исключение.

Этот огромный остров, величиной больше Шри-Ланки и лишь чуть поменьше Ирландии или Гаити, отделяет от материка двухсоткилометровый Бассов пролив. Две цепочки островов на западе и востоке пролива соединяют Тасманию с остальной Австралией. Когда смотришь в солнечный день с южной оконечности материка — мыса Юго-Восточный — в сторону Тасмании, то вид этих островков, двумя прерывистыми мостами поднимающихся над синей гладью Бассова пролива, напоминает о том, что некогда Австралия и ее самый большой остров составляли единый массив суши.

Берега Тасмании изрезаны узкими глубокими заливами, похожими на фьорды Норвегии. Гористый рельеф, обилие лесов и озер в сочетании с прохладным климатом резко отличают Тасманию от безводных равнин внутренней Австралии, так же как и от ее поросшего влажными тропическими лесами восточного побережья. Европейским путешественникам этот остров более всего напоминает горную Шотландию.

А некоторые туристы-европейцы даже называют Тасманию "Швейцарией в миниатюре". На ее гористых берегах, изрезанных заливами и омываемых дыханием морского ветра, открываются чудесные зеленеющие долины, ведущие к центру острова, на плоскогорье, где блестят озера, высятся лесистые холмы и их вершины, по полгода укрытые снежным покрывалом.

Самая высокая из этих вершин — Бен-Ломонд, поднимающая свой гребень на полтора километра над уровнем моря (по австралийским меркам это не так уж мало: выше Бен-Ломонда здесь только "австралийские Альпы" с высочайшей горой Австралии — Косцюшко). Многочисленные озера, дающие начало бурным порожистым рекам, придают тасманийскому пейзажу вполне альпийский облик. Почти в самом центре острова находится озер? Грейт-Лейк. Оно, как и расположенные по соседству озера Сент-Клер и Эко, служит одним из истоков лавной реки Тасмании — Деруэнта. Все эти водоемы скрыты в глубине гор, окружены дикими скалами с зазубренными гребнями и действительно очень похожи на шотландские или швейцарские озера.

И реки Тасмании тоже непохожи на австралийские, вялые, мутные и пересыхающие на десять месяцев в году. Они рождаются из чистых горных ключей или всегда полноводных озер и круглый год шумно несутся по своим каменистым руслам в глубоких теснинах, промытых в базальтах и сланцах, среди густых лесов из древовидных папоротников и усыпанных яркими цветами лугов, пока не впадают, наконец, в узкие заливы. В низовьях они даже суд сходны, и по реке Деруэнт, например, теплоходы поднимаются километров на сорок от устья.

Несмотря на несхожесть климата, флора Тасмании и Австралии едина. Из более чем тысячи растений, живущих на острове, лишь триста не встречаются на материке. И здесь, как и по ту сторону Бассова пролива, горные склоны покрывают эвкалиптовые леса. Один из видов этих удивительных деревьев, эвкалипт шаровидный, достигает ста двадцати

метров в высоту, соперничая ростом с признанным рекордсменом зеленого царства — американской секвойей. Во влажных ущельях растут гигантские древовидные папоротники и славящиеся своей роскошной красной древесиной франклиновые сосны. Хватает на Тасмании и цветов: одних только орхидей здесь больше восьмидесяти видов!

В лесах Тасмании нет, правда, такого разнообразия древесных пород, как, например, во влажных тропических лесах штата Квинсленд на северо-востоке Австралии. Здесь господствуют пять-шесть, максимум восемь видов растений, но изобилие влаги и мягкие зимы позволяют им развиваться до исполинских размеров. Эвкалипты и древовидные папоротники соседствуют тут с южными буками и соснами, так что тасманийские леса представляют собой некую смесь тропической растительности и деревьев умеренной климатической зоны.

Животный мир Тасмании, этого осколка Австралии, естественно, очень схож с австралийским. Правда, некоторые звери и птицы обитают только на острове, но лишь потому, что на материке они были уничтожены человеком либо вытеснены завезенными им животными.

Прежде всего, только на Тасмании живут два из трех хищников австралийской фауны: сумчатый волк и сумчатый дьявол. Лишь сумчатая куница встречается и на материке.

Когда-то сумчатый волк был широко распространен в Австралии, однако, по-видимому, в каменном веке уступил в борьбе за выживание завезенной сюда аборигенами и одичавшей собаке динго и вымер, оставив равнины континента своим более дружным и агрессивным конкурентам. Этот коротколапый зверь с полосатой, как у тигра, спиной охотился в основном на кенгуру, не брезгуя, впрочем, также крысами, ехиднами, ящерицами и птицами.

На Тасмании трудные дни для него настали, когда остров стали осваивать фермеры из Англии. Нападавшего на овец хищника истребляли нещадно, и сейчас лишь в самых глухих горных ущельях изредка встречаются его следы.

Сумчатый дьявол пока еще сохранился во многих горных районах Тасмании. В отличие от другого распространенного здесь хищника — сумчатой куницы, легко приручающейся и часто живущей в домах вместо кошки, дьявол обладает злобной и неукротимой натурой. Бешеная ярость в сочетании с жутким, воющим ревом, раздающимся по ночам, когда он выходит на охоту, и стали причиной того, что не такой уж крупный (с небольшую собаку) и вовсе не опасный для человека зверь получил такое несимпатичное прозвище.

Меню сумчатых дьяволов состоит преимущественно из ящериц, крыс, небольших древесных кенгуру, попугаев, лягушек, раков. Вред, приносимый им человеку, состоит по большей части в налетах на курятники да изредка в нападениях на зазевавшегося ягненка. Несмотря на угрюмый и даже неприятный облик, сумчатый дьявол немало потешает наблюдающих за ним зоологов своими забавными привычками. Например, умывается он (единственный из всех животных!) абсолютно по-человечески: сложив лапы ковшиком, чего не могут ни кошка, ни енот, ни мартышка.

В последние годы вое больше туристов стремятся попасть на Тасманию. Благодаря близости к материку он легко доступен для путешественника, уже пересекшего полмира, чтобы добраться до Австралии. И каждый, побывавший здесь, согласится, что знакомство с этим живописным и своеобразным островом не менее впечатляюще, чем встреча с двумя другими островными жемчужинами Южного полушария: Новой Зеландией и Огненной Землей.

Каждое из этих трех мест необычно и интересно по-своему, ни одно не похоже на другое, но в Тасмании больше какого-то «европейского» шарма, и потому она становится ближе и родней сердцу путешественника из Старого Света, хотя экзотика двух других южных островных миров может показаться, на первый взгляд, более эффектной.

Долина Роторуа

(Новая Зеландия)

Нет, наверное, на нашей планете страны, которая могла бы сравниться с Новой Зеландией по числу удивительных, экзотических и единственных в своем роде природных явлений и объектов, собранных на ее сравнительно небольшой территории.

Вулканы и гейзеры, пещеры и водопады, фьорды и ледники, редкие рептилии и птицы, уникальные деревья и цветы — трудно даже перечислить все те чудеса природы, которыми это маленькое государство, расположенное на "крайнем юге", поражает путешественника.

Но самое главное чудо Новой Зеландии — прославленная долина Роторуа, побывать в которой считает своим долгом каждый гость Новой Зеландии. Да и сами новозеландцы не обходят этот удивительный утолок природы своим вниманием.

Расположена Роторуа в центре Северного острова Новой Зеландии на Вулканическом плато. Маори — давние обитатели этого острова — назвали долину Такива-Ваиарики, что означает "Страна горячей воды". Даже на улицах городка Роторуа, центра этого геотермального района, можно увидеть бьющие из трещин тротуаров струи белого пара. Сотни горячих и холодных источников находятся в окрестностях городка и на берегах озера с тем же названием.

Жившие тут маори были людьми явно не робкого десятка. Они построили свою деревню Вакареварева в самом сердце этой необычной местности, среди свистящих струй пара, бульканья горячих ключей, рева гейзеров и клокотания грязевых котлов. Причем постарались получше использовать природные особенности Роторуа: хижины строили на участках с теплой прогретой снизу почвой, сооружали бассейны, где круглый год купались в горячей воде, и даже рыбу варили, погружая ее в некоем подобии «авоськи» прямо в природный кипяток.

И в наше время построенные здесь отели имеют бассейны, наполненные термальными водами, да и отопление в гостиницах обеспечивает тепло земных недр.

Но главная достопримечательность Роторуа — ее знаменитые гейзеры. Их здесь десятки, и струи, бьющие на четыре-пять метров в высоту, окутывают облаками пара и берег озера Роторуа, и окраину деревни, где выстроились в ряд вдоль единственной улицы красные деревянные статуи маорийских богов со свирепыми лицами и высунутыми

языками.

Самый мощный гейзер — Похуту — выбрасывает струю кипятка на тридцать метров вверх. Водяное извержение длится в течение часа, а то и дольше. Иногда несколько гейзеров бьют одновременно, а порой они «работают» поочередно, словно пытаясь превзойти друг друга мощью струй и необычностью формы фонтана.

Белые кремнистые натеки, украшающие отверстия природных фонтанов, имеют желтые оттенки, образующиеся из растворенного в воде сероводорода. К сожалению, не весь этот не слишком благовонный газ осаждается в виде серных выделений, и в воздухе Роторуа еще на подходе к озеру можно ощутить его специфический "аромат".

Река Пуаренга, впадающая в озеро Роторуа, подпитывается холодными и горячими ключами. В некоторых местах струи источников не успевают перемешиваться и, опустив руки в воду, ощущаешь одновременно тепло и холод. Горячие ключи бьют и со дна озера. А на расположенном посреди него острове Мокойя изливается самый известный и популярный у туристов горячий источник Хинемоа, купание в котором — обязательный ритуал посетителей Роторуа.

Купаются в Хинемоа и местные жители. Для них это — древний священный обряд, приносящий здоровье и силу воинам. Маори верят, что в каждом озере или горячем ключе Роторуа обитает свой танива-игарара — похожее на дракона сказочное существо, охраняющее свой жаркий дом от посягательств злых духов. Согласно маорийской легенде, сама Луна раз в месяц исчезает с небосвода, чтобы искупаться в волшебном подземном озере Аэва, которое питает водой гейзеры. Искупавшись в его живой воде. Луна набирается сил и отправляется в новый путь по небу. Поэтому и жители Вакареваревы охотно купаются в водах горячих источников, обладающих такой целебной силой.

Примерно в десяти километрах к юго-востоку от этого царства гейзеров в кратере потухшего вулкана спрятались знаменитые озера Вайманго — два водоема голубого и зеленого цветов. Окраска воды в них объясняется разным составом пород, по которым протекают родники, питающие озера. Многоцветие вод дополняется здесь еще и ярко окрашенными породами кратера, которым окислы железа местами придали красный оттенок, а отложения серы — желтый.

На протяжении многих веков Вайманго украшали чудесные Розовые и Белые Террасы, занимавшие площадь больше пяти гектаров и превосходившие красотой своих ажурных каскадов известкового туфа, осаждавшегося из горячих источников, даже всемирно известные террасы Памуккале в Турции.

Особенно поражали путешественников Белые Террасы, напоминавшие гигантскую мраморную лестницу, покрытую ажурной резьбой. Увы, в 1886 году катастрофическое извержение расположенного рядом вулкана Таравера за одну ночь погубило этот редкостный шедевр, создававшийся термальными источниками на протяжении долгих тысячлет.

В тот год 10 июня мощные подземные толчки разбудили жителей в округе. Сильный взрыв расколол верхушку Тараверы, и густые облака дыма и пара, озаряемые вспышками молний, поднялись над горой на десять километров. От огненного столба отделялись пылающие обломки и с

грохотом и плеском падали в озеро. Вскоре оно превратилось в подобие ада, где клокотала жуткая смесь из грязи и пара. Погибли вечнозеленые леса на склонах Тараверы, были уничтожены поля и огороды в округе. Две маорийские деревни полностью затопил грязевой поток, а на соседний городок Ваироа посыпался град вулканических бомб, принесший гибель шестнадцати его жителям.

Террасы были погребены под толстым слоем вулканического пепла и кусков лавы, вылетавших их кратера вулкана. Впрочем, сами горячие источники вулкан не смог перекрыть навсегда. В 1900 году в Вайманту ударил из-под земли исполинский фонтан горячей воды, подобного которому в Новой Зеландии еще не приходилось видеть. В то время гейзер Вайманту был самым могучим в мире и выбрасывал мощную струю воды, смешанной с паром, камнями и песком на высоту четырехсот пятидесяти метров!

Он бушевал и ревел целыми часами, потом замолкал, но через тридцать часов вновь выбрасывал фонтан кипятка. Расчитать время, когда начнется очередное водяное извержение, было непросто, и несколько любознательных зевак поплатились жизнью за попытку изучить затихшего было великана.

Четыре года гигантский гейзер неистовствовал в долине, потрясая очевидцев фантастическими размерами своего фонтана. Затем струя Вайманту начала слабеть, и в 1908 году гейзер прекратил свое существование.

Еще один термальный район лежит в полусотне километров к югу от Роторуа, близ самого большого новозеландского озера Таупо. Здесь, в долине Уайракей, находится знаменитая "паровая пещера" Карапити, из которой с огромной силой вырываются клубы пара, оглашая окрестности устрашающим ревом. Здесь в 1958 году была построена первая в мире геотермальная электростанция, использующая подземные воды для выработки электроэнергии.

Само озеро Таупо удивительно живописно. Глубина этого огромного водоема, находящегося в самом центре Вулканического плато, достигает ста метров. С юга над озером возвышается могучий вулканический массив, включающий три из четырех действующих вулканов страны: Руапеху, Тонгариро и Нгаурухоэ.

Руапеху, самый высокий из них, достигает в высоту почти двух тысяч восьмисот метров Это высочайшая вершина Северного острова. Он славится своей активностью, извергаясь в среднем раз в полвека и оправдывая этим свое название, означающее в переводе "Гремящая бездна" В кратере Руапеху находится горячее озеро, которое перед извержениями вулкана исчезает, а потом возрождается вновь. Последние вспышки активности Руапеху отмечались в 1945 и 1995 годах.

Берега горячего озера окаймлены снежниками и ледниками, которые тоже существуют лишь в перерывах между извержениями.

Однако самый активный из новозеландских вулканов не Руапеху, а его сосед — Нгаурухоэ, который ниже своего старшего собрата на целых полкилометра. Над ним постоянно клубятся облака пара, а нередко происходят выбросы пепла и излияния небольших порций лавы. Впрочем, случается, что Нгаурухоэ разбушуется не на шутку, и тогда из кратера

вылетают раскаленные докрасна каменные глыбы величиной с грузовик.

Спокойнее всех самый старый из трех вулканов — Тонгариро. Он и самый низкий из "могучей тройки": его высота меньше двух километров. Последнее извержение Тонгариро произошло в 1896 году. Вершина древнего вулкана изборождена следами былых извержений и представляет собой целый лабиринт разрушенных кратеров. Лишь в одном месте на северном склоне бьют горячие источники Кететахи, напоминая о бурном прошлом еще неостывшего совсем вулкана.

Маори считали Руапеху священной горой, и в окрестностях ее не разрешалось ни рубить лес, ни рыбачить, ни охотиться. А в 1887 году вождь маорийского племени нгати-туахаретоа Те Хеухеу Тукино преподнес священную землю в дар нации и она стала ядром первого в Новой Зеландии и одного из первых в мире Национальных парков, получившего название Тонгариро.

Помимо трех вулканов, в парке Тонгариро путешественник увидит огромный лесной массив, почти не измененный человеком По единственному шоссе можно проехать через красивые субтропические леса, совершенно непохожие на европейские, африканские или южноамериканские. Ни одно дерево здесь неизвестно в других частях света. Хвойное дерево риму, лиственные миро, тотара, матаи возвышаются среди непролазных зарослей древовидных и травянистых папоротников. Поражает обилие воздушных корней и цветов, растущих прямо на стволах деревьев.

С высоты восемьсот метров начинаются буковые леса, поднимающиеся до уровня полутора километров. А выше раскинулись луга, на которых тоже растут совершенно незнакомые нам цветы и травы. Но уже через сто метров их сменяют вечные снега.

Главное чудо этих необычных лесов — птичий мир. Каких только диковинных пернатых здесь нет! Белоглазка и веерохвостый голубь, краснолобый попугай и новозеландский сокол, и, конечно, главная достопримечательность новозеландского мира птиц — киви. Эта необычная, буроватой окраски ночная скрытная птица размером с курицу скорее похожа на какого-то зверька. Из-за узких и длинных мохнатых перьев кажется, что она покрыта шерстью. Спит киви, опершись на свой длинный клюв, как на третью ногу. Самка раз в год откладывает одно огромное яйцо, втрое больше куриного и весом в полкилограмма, после чего предоставляет дальнейшие заботы о нем самцу.

Киви — не единственные нелетающие птицы в Новой Зеландии. Здесь их целых тридцать видов, и многие из них удивляют своими необычными повадками или внешностью. Среди этих пернатых пешеходов — совиный попугай, живущий на земле в норах, пастушок-уэки и другие. К сожалению, не дожили до наших дней истребленные в средние века гигантские птицы моа, достигавшие трехметровой высоты и четырехсот килограммов веса.

Встречаются в Тонгариро красивый большой попугай зеленый нестор и птица туи, славящаяся удивительно нежным пением. Поспорить с ней красотой голоса может только птица-колокольчик. Туи так популярна в Новой Зеландии, что во многих семьях девочек называют ее именем.

Англичане, приезжавшие в Новую Зеландию в XIX веке, привезли и расселили в лесах Северного острова немало родных им европейских животных и птиц. Поэтому в Тонгариро можно встретить знакомого нам черного дрозда, зяблика, куропатку или фазана. Водятся здесь также олени, серны и зайцы, а также одичавшие свиньи. Дело в том, что британцы, в большинстве своем заядлые охотники, прибыв на остров, обнаружили, что здесь вообще нет млекопитающих, кроме двух видов летучих мышей. И тогда охваченные охотничьим азартом переселенцы решили заполнить этот пробел в фауне, из-за чего в результате сильно пострадали местные животные и растения. Даже в наши дни администрация парка регулярно приглашает охотников, предлагая им отстреливать оленей, свиней и зайцев, создающих угрозу для природы Тонгариро.

Густонаселенный Северный остров Новой Зеландии, на котором живет две трети ее населения, сохранил в неприкосновенности заповедные леса и вулканы, гейзеры и редких птиц. Тысячи туристов каждый день проходят по тропам Тонгариро, любуются фонтанами гейзеров в Роторуа и купаются в горячих бассейнах долины Уайракей. Нет другой страны на нашей планете, где Национальные парки, заповедники и другие охраняемые территории занимали бы такую огромную площадь — почти пятую часть страны. Но самыми популярными среди них стали у новозеландцев и гостей страны уникальные уголки природы на Вулканическом плато, и в первую очередь — поразительное чудо, созданное грозными подземными силами на окраине маорийской деревни Вакареварева, в удивительной долине гейзеров Роторуа.

Фьордленд

(Новая Зеландия)

Крайний юго-запад Южного острова Новая Зеландия с давних пор называют Фьордлендом — Страной Фьордов. Природа здесь разительно отличается от холмистых плато Северного острова, над которыми лишь кое-где возвышаются невысокие конусы молодых вулканов. Южный остров — преимущественно горная страна, становым хребтом которой является могучая цепь Южных Альп, вздымающая свои снежные вершины почти на четырехкилометровую высоту.

Покрывавший когда-то этот район огромный ледник выточил в склонах хребта глубокие корытообразные ущелья, в которых образовалось полтора десятка узких длинных озер и не меньше тридцати глубоких заливов-фьордов, давших название этому живописному уголку страны.

Природа щедро одарила красотой Новую Зеландию, но пейзажи Фьордленда — самое прекрасное, что можно увидеть в этом сказочном краю, а может быть, и на всей нашей планете.

Попавший сюда путешественник в первый момент теряет дар речи, когда теплоход входит в окруженный километровыми стенами скал спокойный залив и берет курс в глубь острова, туда, где белеют снега на склонах Южных Альп.

И чем дальше плывет теплоход, чем дольше знакомишься с удивительной и разнообразной природой Фьордленда, тем больше поражаешься волшебной красотой окружающих мест. И трудно решить, что самое живописное, самое интересное, самое величественное и самое

волнующее в этой дикой и безлюдной стране: заливы или горы, леса или водопады, озера или ледники, редкостные, исчезающие птицы или самые длинные в мире мхи…

Спускавшиеся с гор двадцать тысяч лет назад гигантские ледниковые языки прорезали в скалистых берегах Южного острова уходящие порой на полсотни километров в глубь извилистые фьорды, в которые с крутых обрывов низвергаются трехсотметровые водопады. А находящийся в окрестностях фьорда Милфорд-Саунд водопад Сатерленд, высота которого достигает почти шестисот метров, входит в пятерку высочайших на нашей планете.

От не менее красивых фьордов Норвегии или Южного Чили новозеландские заливы выгодно отличаются полным отсутствием следов человеческой деятельности. Берега их настолько круто уходят в воду, что на них нелегко найти место не только для селения, но и просто для туристской палатки. Вторая характерная черта Фьордленда — необычно близкое соседство лесов его побережья с горными ледниками.

Нигде больше на Земле реки льда не спускаются непосредственно до границы влажных вечнозеленых лесов. Сочетание голубоватой, изборожденной трещинами полукилометровой толщи ледника с окаймляющими его подножие чащами из, мирта, южного бука и лавра поражает каждого, увидевшего это впервые.

Между тем кажущееся неправдоподобие этой картины легко объяснимо. Из-за крутизны западного «фасада» Южных Альп новозеландские ледники движутся гораздо быстрее, чем их собратья где-нибудь в Пиренеях или Гималаях. Некоторые из них, например ледник Тасмана, ежедневно продвигаются вниз на полметра. Прежде чем растаять, язык ледника успевает спуститься иногда до высоты в триста метров над уровнем моря. А верхняя граница лесов на этой широте достигает тысячи метров. В результате льды и тропические леса встречаются друг с другом, игнорируя «посредников» вроде альпийских лугов или горной тундры.

Еще красивее многочисленные горные озера Южных Альп. Узкие, протяженные и сжатые скалистыми склонами, поднимающимися на полтора-два километра над их синими водами, они чем-то напоминают водоемы таймырского плато Путорана в Сибири. Но, разумеется, леса, окружающие озера Те-Анау, Уаикатипу, Уанака, Охау или Ракаиа, неизмеримо богаче, гуще, выше и роскошнее, чем путоранские лиственичные редколесья.

Долины в глубине горных районов практически не заселены. Во многих местах Фьордленда до сих пор не ступала нога человека. И каждая новая экспедиция открывает здесь неизвестные ранее вершины, водопады, озера и перевалы.

Самое длинное в Новой Зеландии озеро — Уаикатипу — протянулось с северо-запада на юго-восток почти на сто километров, рассекая хребет голубым поперечным зигзагом. Глубина его достигает четырехсот метров. В Уаикатипу впадает так много рек, за отсутствием населения не имевших местных названий, что топографы предпочли не упражнять фантазию, а обозначить их на карте просто порядковыми номерами: от Первой до Двадцать Пятой.

С этим озером связано загадочное природное явление, объяснения которому наука пока не нашла. Вода в нем каждые пять минут то поднимается на семь с половиной сантиметров, то опускается до прежнего уровня. Озеро как бы дышит. Новозеландцы любят говорить, что под водами Уаикатипу бьется сердце Южного острова.

А вот как объясняет загадку озера Уаикатипу древняя маорийская легенда: "Давным-давно, — говорится в ней, — жили в одной из долин острова дочь вождя Маната и смелый молодой охотник и воин Матакаури. Юноша и девушка полюбили друг друга, но случилась беда — напал на их селение злой великан Матау и унес Манату в свои владения, далеко в глубь заснеженных гор. В отчаянии старый вождь, отец девушки, обратился ко всем воинам племени, умоляя их спасти дочь. Тому, кто спасет девушку, он обещал отдать ее в жены.

Никто из мужчин не решился вступить в схватку с великаном, и только Матакаури отважился на это отчаянное дело. Юный смельчак поднялся высоко в горы и нашел там спящего великана, а рядом с ним — привязанную к дереву Манату. Освободив возлюбленную, он спустился с ней в селение, но не остался там с девушкой, а вновь вернулся в горы. Ведь ясно было, что, проснувшись, злобный исполин вновь нагрянет в долину и расправится с похитителем, а девушку унесет обратно.

И Матакаури решил уничтожить великана. Пока тот спал, положив голову на одну гору, а ноги — на две другие, юноша принялся таскать из леса охапки хвороста, сучья и бревна и обкладывать ими спящего гиганта. Много дней и ночей трудился Матакаури. Затем, потерев друг о друга два куска дерева, он добыл огонь и поджег костер. Пламя охватило великана, и дым закрыл солнце. Жар от огромного костра был так силен, что пламя прожгло землю. Образовалась гигантская впадина, напоминающая очертаниями тело великана. Дожди и горные реки наполнили ее водой и превратили в озеро, которое люди назвали Уаикатипу. И только сердце великана не сгорело. Оно лежит глубоко на дне озера и бьется до сих пор. И с каждым его ударом озерные воды то поднимаются, то опадают…"

За последние десятилетия в глухих уголках Страны Фьордов обнаружено такое множество редких птиц, что власти страны решили создать в этой части острова национальный парк площадью в миллион двеститысяч гектаров! (Его территория больше, чем территория Ливана или Кипра.) В лесах парка Фьордленд можно встретить редчайшего совиного попугая-какапо, обитающего в земляных норах и питающегося улитками и червяками, или огромного и необычного по своим повадкам попугая-хищника кеа, способного, подобно африканскому грифу, разделывать туши павших овец, оставляя от них лишь скелеты.

Кеа был практически истреблен в других местах Новой Зеландии, так как фермеры-скотоводы считали, что он может садиться на спины овцам и вырывать куски мяса прямо из живых животных, а потому безжалостно уничтожали красивую птицу, впервые, кстати, попробовавшую мясо лишь после появления европейцев. Ведь до этого в Новой Зеландии вообще не было млекопитающих, кроме летучих мышей, и только переселенцы-англичане приучили кеа к необычному виду пищи. Дело в том, что до изобретения судов-рефижераторов новозеландцы отправляли в

Англию только шерсть овец, а туши выбрасывали. Да и потом вокруг боен хватало пищи для сытого существования не одному десятку крылатых «санитаров». Однако обвинение в нападениях на живых овец большинство зоологов категорически отвергает.

Водятся в горных чащах Фьордленда также красивейший изумрудный попугай, голосистая птица туи и лучший по общему признанию певец горных лесов, прозаически именуемый желтой вороной.

А в 1948 году на берегах озера Те-Анау натуралист-любитель Орбелл обнаружил считавшуюся давно вымершей птицу такахе, что стало крупнейшим орнитологическим открытием XX века. Такахе — нелетающая птица размером с большого гуся. Она отличается ярким, красивым оперением, сильными ногами и коротким толстым клювом ярко-красного цвета. Когда-то, до прихода европейцев, такахе на Южном острове было так много, что все западное побережье маори называли "местом, где живут такахе".

Для переселенцев из Англии неспособная улететь дичь стала легкой добычей, и уже в конце XIX века охотники перестали встречать такахе. Считалось, что они истреблены полностью, но спустя более чем полвека оказалось, что несколько пар уникальных птиц нашли себе приют на берегах труднодоступного горного озера. Теперь район их обитания находится под строгой охраной, и редкий вид птиц, кажется, спасен от гибели.

Некоторые оптимисты-зоологи верят, что в неприступных уголках Фьордленда могли уцелеть до наших дней и исполинские птицы моа — трехметровые гиганты новозеландской фауны. Исчезнувшие несколько веков назад, они были самыми большими птицами Земли наряду с тоже вымершим ныне обитателем Мадагаскара — гигантским страусом-эпиорнисом. Увы, надежды оптимистов, скорее всего, беспочвенны. Следов моа пока обнаружить не удалось.

А на автомагистралях южной части острова можно нередко увидеть необычный дорожный знак с изображением заключенного в красный круг пингвинчика. Так дорожная служба предупреждает о местах перехода желтоглазых пингвинов — маленьких симпатичных птиц, совсем непохожих образом жизни на своих полярных собратьев. Они устраивают себе гнезда в лесу, в нескольких километрах от берега, и ежедневно неторопливо шагают к морю, где добывают пищу для себя и своего потомства.

Из самого южного в Новой Зеландии крупного города Данидина в Страну фьордов можно добраться и по суше, и морем В наиболее популярный из заливов Фьордленда — Милфорд-Саунд — ведет от озера Уаикатипу узкая дорога по изумительной красоты ущелью. Новозеландцы прозвали этот путь "Тропой Чудес". Само же овеянное легендами озеро связано с обжитыми районами восточного побережья старинным трактом, проложенным когда-то золотоискателями. В свое время Уаикатипу пережило период "золотой лихорадки", когда на его берегах, как грибы, возникали палаточные городки и золотые прииски. Но запасы драгоценного металла скоро закончились, и теперь лишь эта старая дорога напоминает о былых временах.

Не менее интересно, да и более доступно для неподготовленного к горным походам туриста путешествие по фьордам на теплоходе. Такое

плавание позволит независимо от погоды (которая здгсь изобилует дождями и туманами) насладиться фантастическими пейзажами Страны фьордов и, в частности, побывать в спрятавшемся за гористым островом Резольюшен заливе Даски-Саунд, где более двух веков назад располагался лагерь экспедиции Кука, составившего первую карту побережья Фьордленда Он же назвал именем своего корабля «Резольюшен» и остров, закрывающий гостеприимный и живописный залив от осенних штормов.

А в сотне миль к северу врезается на сорок километров в глубь побережья главная достопримечательность Фьордленда — прославленный Милфорд-Саунд. И когда судно минует охраняющую вход в него гору Митре, вознесшую свою вершину на тысячу семьсот метров над морем, и окажется в окружении крутых лесистых склонов прибрежных хребтов, путешественнику начинает казаться, что он заплывает в сказку. То голубые, то изумрудные воды фьорда не колышет ни малейший ветерок. Из зеленых чащ доносится нежный голосок птицы туи. Впереди, у поворота залива, серебрится длинная пенная лента водопада, а еще дальше, в самой глубине, возвышаются снежные пики гор Гумбольдт, за которыми скрывается таинственное и манящее к себе озеро Уаикатипу.

У подножья гор укрылось единственное поселение на всем побережье Национального парка — туристская база Милфорд-Саунд, откуда живописная тропа приведет путешественника к удивительному и грандиозному чуду природы Южных Альп — сумасшедшему прыжку могучей реки с черного обрыва, носящему название водопад Сатерленд.

От него несложный перевал выводит туриста к берегам просторного и глубокого озера Те-Анау, обиталищу неуклюжей красноклювой такахе — невымершей, к счастью, жемчужины птичьего царства. Дальнейший путь приведет к пролегающей чуть севернее "Тропе Чудес", по которой можно вернуться в Милфорд-Саунд.

Но впечатление от Южного острова будет неполным, если не продолжить путешествие за северную границу Фьордленда — к фьордам Уэстленда, расположенным у подножья высочайшей вершины Новой Зеландии, горы Кука. Потрясающий пейзаж, открывающийся здесь взору человека, можно весьма приблизительно описать как швейцарский вид в районе Монблана с приморским ландшафтом Норвегии на переднем плане. Это настоящая симфония форм и красок моря, джунглей, снега, льда и камня.

Конечно, по-настоящему почувствовать чарующую и даже пронзительную красоту этого горного пейзажа можно только, пройдя самому по кручам и льдам Южных Альп К тому же захватывающее дух путешествие по голубовато-белым склонам ледника Франца-Иосифа, достигающего почти шестисот метров в толщину, заставит путешественника пережить немало острых ощущений при переходах трещин по снежным мостам и спусках с почти отвесных ледопадов.

Выход же из зоны льдов к морю через туманные влажные леса, заросшие доходящими до пояса мхами и оглашаемые звонким птичьим пением станет эффектным заключительным аккордом в этом полном ярких впечатлений, удивительных контрастов и незабываемых пейзажей путешествии на противоположную от Москвы сторону земного шара, в самый прекрасный уголок Океании — новозеландский Фьордленд.

Острова Гавайи и Мауи

(Гавайский архипелаг)

Больше половины всей территории Гавайского архипелага приходится на долю его самого большого острова — Гавайи Его часто называют "Островом Вулканов", и для этого есть все основания, поскольку породили Гавайи целых пять огнедышащих гор, слившихся в единый массив. Второе свое прозвище — "Остров Орхидей" — Гавайи получил за богатство и экзотический облик тропической растительности.

И, наконец, еще одно, тоже вполне заслуженное, наименование этого благодатного клочка суши в бескрайних просторах Тихого океана — "Остров Мечты". Действительно, мало какой уголок нашей планеты подарит путешественнику такое многообразие удивительных чудес живой и неживой природы. Аквалангисты найдут здесь поразительное богатство подводных коралловых чащ с их уникальным миром рыб, водорослей и моллюсков. Любители серфинга насладятся катанием на самых потрясающих волнах, какие только есть в океане. А у самого берега гребень прибойной волны запрокидывается так, что образуется настоящий голубовато-зеленый туннель — знаменитая "труба Банзай" — неповторимое чудо Гавайев и мечта серфингиста.

Необычны на острове Гавайи пляжи — они сложены черным песком, образовавшимся из перемолотых прибоем базальтовых лав. Такие пляжи особенно сильно нагреваются под жарким солнцем, доставляя массу удовольствия купальщикам. Еще большее наслаждение получают на острове любители живой природы.

Дующие здесь влажные океанские ветры — пассаты — приносят на восточные склоны острова обильные осадки, и в сочетании с тропическим климатом создают благодатные условия для флоры. Побережье острова покрыто удивительно красивыми лесами.

Главное в них — древовидные папоротники, самое характерное дерево архипелага. Один из уголков Национального парка Гавай так и называется: "Папоротниковые джунгли". Эти древние растения в изобилии встречаются в лесном поясе вулканических гор, достигая порой высоты в пятнадцать метров. Их толстые стволы, черные и мягкие, как губка, поднимаются вверх могучими колоннами, лишь наверху выбрасывая в стороны целый пук больших перистых листьев. Среди папоротников часто встречаются узкие и высокие зеленые свечи араукарий — единственного хвойного дерева на острове. Не редкость тут и ценное сандаловое дерево, безжалостно вырубавшееся раньше из-за пользовавшейся высоким спросом ароматной древесины. А в некоторых долинах можно увидеть оригинальные деревья, получившие у туристов шутливые названия: "Розовое великолепие" и "Золотое великолепие". Стволы их тонки, а ветки, унизанные цветами, клонятся книзу и напоминают цветочные гирлянды, которыми любят украшать себя гавайцы во время праздников.

Все деревья густо оплетены лианами и пестреют множеством орхидей и других экзотических цветов. На ветвях их нередко растут мелкие разновидности папоротников, создавая своими пышными зелеными сгустками впечатление больших птичьих гнезд. Нежно-малахитовые резные листья, образующие эти «гнезда», украшены сетью дивных по красоте

фиолетовых прожилков. Земли почти не видно: она покрыта сплошным ковром из травы и пушистого мха.

Обилие влаги, кстати, благоприятствует не только развитию флоры. Остров Гавайи славится и множеством водопадов, срывающихся со склонов вулканов прямо в море и выглядящих с палубы корабля сверкающими серебряными лентами, оживляющими однотонное зеленое покрывало склонов. Самый высокий из них — водопад Акака — падает с высоты в сто сорок метров!

В лесах Гавайских островов можно ходить без опаски, так как в них не водится ни крупных, ни мелких хищников. Здесь нет также ни змей, ни пиявок, ни комаров и москитов, так отравляющих жизнь путешественникам в тропических районах. Животный мир архипелага вообще не богат видами. Но зато большинство здешних обитателей встречается только на этих островах. В основном это редкие птицы, такие как чудом спасенная от полного истребления гавайская казарка или крохотная гавайская цветочница, порхающая над орхидеями, подобно латиноамериканским колибри, и ловко добывающая нектар из цветов своим тонким изогнутым клювом.

Однако главное, ради чего приезжают на Гавайи туристы не только из Гонолулу, столицы архипелага, расположенной на острове Оаху, но и из Австралии, Японии и Северной Америки — это его огнедышащие горы, потрясающие, невероятные, непохожие на вулканы других районов мира.

Из пяти вулканов острова два — Мауна-Кеа и Кохала — давно затихли и ничем не проявляют свой когда-то буйный нрав. Мауна-Кеа, высочайшая гора в Океании, достигает высоты в четыре тысячи двести метров над уровнем моря. Ее пологая вершина почти всегда увенчана снежной шапкой, за что гора и получила свое название. (Мауна-Кеа пополинезийски — "Белая гора".)

Еще один вулкан острова, Хуалалаи, тоже считался потухшим, но в 1801 году внезапно ожил ненадолго, как бы предупредив, что его рано списывать со счетов, после чего опять успокоился и спит вот уже два века.

Зато два оставшихся "окна в недра" — вулканы Мауна-Лоа и Килауэа — с лихвой компенсируют сонливость и вялый характер своих собратьев. Более активной вулканической пары не встретишь больше нигде на земном шаре. Мауна-Лоа извергается в среднем один раз в три с половиной года, а Килауэа — еще чаще. За последние десять лет произошло пятьдесят его извержений, причем однажды он бушевал, не переставая, два с половиной года.

Мауна-Лоа всего на сорок метров ниже, чем Мауна-Кеа, но по объему намного превосходит своего соседа. Недаром ее название переводится как "Великая гора". Лава гавайских вулканов очень жидкая и легко растекается в стороны, поэтому своим силуэтом Мауна-Лоа напоминает не высокий остроконечный конус, подобно Фудзияме или Этне, а скорее исполинский хлебный каравай. Основание этого пологого купола на уровне моря достигает ста километров в диаметре, а на дне океана, на более чем шестикилометровой глубине, его поперечник составляет четыреста километров!

Перенесенный в Европу, Мауна-Лоа занял бы всю Швейцарию. Строго говоря, Мауна-Лоа и Мауна-Кеа — высочайшие горы мира, так как

их высота, считая от морского дна, превышает десять километров. А лавы, из которой состоит исполинская махина острова Гавайи, хватило бы, чтобы покрыть всю Канаду или Китай слоем толщиной в пять метров.

Гавайский архипелаг протянулся на три тысячи километров с юговостока на северо-запад в северной части Тихого океана. Здесь, в центре Тихоокеанской литосферной плиты, находится так называемая горячая точка, над которой магма, проникающая из верхней мантии, воздвигает вулканический остров. Сама плита движется на северо-запад со скоростью пятнадцать сантиметров в год, а "горячая точка" остается на месте. Поэтому образовавшийся вулканический клочок суши скоро оказывается в стороне от нее, и тогда выходящий из глубин расплав начинает формировать новый остров рядом с ним. Так за десять миллионов лет образовалась грандиозная вулканическая гряда, у которой самые древние, давно потухшие вулканы «отъехали» от "горячей точки" на тысячи километров, а самый молодой остров — Гавайи — продолжает расти и в наши дни. И главный его строитель — Мауна-Лоа.

На вершине этого вулкана в огромном кратере площадью в десять квадратных километров и глубиной в двести метров во время извержений образуется лавовое озеро, уровень которого постепенно растет. Наконец, лава достигает краев кратера и огненной рекой льется вниз. Жидкая расплавленная горная порода течет по склонам с большой скоростью, иногда до пятидесяти километров в час, сжигая все на своем пути и образуя на крутых уступах потрясающие воображение огненные водопады, или, точнее говоря, «лавопады». Часто поток лавы достигает берега океана, и тогда побережье окутывается густыми облаками пара, а остров немного вырастает за счет образовавшейся лавовой террасы. Так, во время извержения Мауна-Лоа в 1980 году площадь острова Гавайи увеличилась на два квадратных километра.

Высота Килауэа — всего тысяча двести метров. Он расположен на восточном склоне Мауна-Лоа и раньше считался его боковым кратером. Потом выяснилось, что у Килауэа — своя система подводящих лаву каналов, да и состав этой лавы отличается от извергаемой Мауна-Лоа.

Десятки лет в главном кратере Килауэа, носящем красивое полинезийское имя Халемаумау, то есть "Дом Огня", кипело озеро жидкой лавы. Порой лишь тридцать метров отделяли поверхность расплава от кромки кратера. Но в 1924 году уровень огненного озера вдруг понизился до глубины в двести метров. А поверхность его покрылась коркой застывшей лавы шестиметровой толщины, по которой можно было ходить, словно по льду.

Сейчас такие прогулки являются главной целью всех, прибывающих на Гавайи. Однако они возможны лишь в перерывах между извержениями и только по специально проложенным дорожкам, иначе туристам грозит опасность вернуться с прогоревшими подошвами (а то и вовсе не вернуться).

По нескольку раз в год в недрах Килауэа слышится глухой шум, после чего в лавовой корке кратерного озера разверзаются трещины километровой длины, змеящиеся огненными зигзагами, словно молнии, пробегающие по земле. Чаша кратера наполняется вулканическим расплавом, и над поверхностью этого пылающего озера вздымаются

фантастические огненные фонтаны жидкой лавы, иногда высотой до трехсот метров.

Характерной для такого типа вулканизма (вулканологи называют его "гавайским") была картина, наблюдавшаяся при извержении в 1959 году бокового кратера вулкана, носящего название Килауэа-Ики ("Малого Килауэа"). 14 ноября в двадцать часов напор сжатых газов вызвал первый взрыв, разрушивший корку лавы в кратере. Гребень кратера, девяносто лет не проявлявшего активности, тоже раскололся сразу в десяти местах. Из щелей и отверстий, образовавшихся в кратере, фонтанами била жидкая лава.

Когда избыточное давление газов спало, все, кроме двух, отверстия и трещины закрылись. Из оставшихся «окон» лава фонтанировала, взлетая на высоту шестидесяти метров. Затем закрылась еще одна отдушина. Но из последней фонтан бил теперь вверх на двести метров. К концу недели высота фонтана достигла четырехсот метров, после чего выброс лавы прекратился.

Через двенадцать дней после первой активной фазы произошло следующее извержение Килауэа-Ики. На этот раз фонтан поднялся на высоту трехсот с лишним метров. В самом кратере образовалось лавовое озеро глубиной в сто тридцать метров.

29 ноября вверх взметнулся на шестьсот метров новый грохочущий столб пламени и жидкой лавы. То был самый высокий фонтан, наблюдавшийся за всю вековую историю изучения гавайских вулканов.

Этот могучий всплеск ознаменовал конец извержения Килауэа-Ики. Жидкая лава озера втянулась в недра огненным водоворотом, а часть ее застыла, снова образовав корку на дне кратера.

Затем вдоль зоны трещин на юго-востоке острова началось новое извержение, сопровождавшееся излиянием лавы и образованием лавовых потоков на склонах Килауэа. Устремившись вниз, они сжигали плантации сахарного тростника на побережье, рощи папайи и апельсинов, посадки орхидей. С огненными реками боролись, возводя бульдозерами на их пути земляные валы и отклоняя поток в сторону от возделанных земель.

Вдоль зоны трещин протянулась цепочка маленьких кратеров, которые выбрасывали пар, газы и лаву в воздух над жерлами. Капли лавы, застывшие в воздухе, падали на землю в виде длинных игл, так называемых волос Пеле, по имени полинезийского бога огня.

Понятно, что подобное зрелище никого не может оставить равнодушным. И, что весьма существенно, наблюдать лавовые фонтаны и потоки огненных рек на Килауэа можно, во-первых, довольно регулярно, а во-вторых, в сравнительно безопасной обстановке.

Путешественник, попавший на остров Гавайи, может при желании подняться к кратеру Килауэа даже на автобусе, так как сюда проложена асфальтированная дорога. Но интереснее подняться к вулкану пешком по тропе, проложенной через леса сандалового дерева и древовидных папоротников. Всего через несколько часов пути можно достичь гребня Килауэа-Ики.

Картина, открывающаяся взору, захватывает дух. Вдали курится пар над основным кратером Халемаумау, а прямо под ногами — темно-серая гладь кратерного озера, прорезанная алыми трещинами и

окутанная серными испарениями. Величие и грозная сила, которой дышит все окружающее, не поддаются описанию. Особенно впечатляет это зрелище ночью.

Тем же путешественникам, которые интересуются не только геологией, стоит совершить восхождение по склону Мауна-Лоа. В горных лесах здесь водится множество уникальных птиц, и, конечно же, упоминавшаяся выше гавайская казарка, которую уже к середине XIX века практически полностью истребили на большинстве островов архипелага. Однако зоологи сумели организовать разведение редких птиц в зоопарках, а затем в 1960-е годы вновь заселить ими склоны Мауна-Лоа. Встречаются здесь и редкие гавайские утки-кряквы, гавайские вороны и единственная на островах хищная птица — гавайский канюк. Изредка можно увидеть также крохотного и очень красивого медососа или мелькающих над лугом, подобно бабочкам, гавайских цветочниц. Все они не водятся больше нигде, кроме Гавайского архипелага.

К сожалению, завезенные на Гавайи и одичавшие здесь козы и свиньи нанесли большой урон островной фауне пернатых. Некоторые виды птиц исчезли совсем, и лишь создание Национального парка дало возможность выжить остальным. Тем не менее любители живой природы найдут в зеленых чащах, покрывающих нижнюю часть гигантского вулканического массива, немало интересного. Да и на побережье можно встретить уникальных животных, таких как гавайский тюлень-монах.

Так что прибывшим на остров туристам есть на что посмотреть и чему подивиться. Однако чарующие картины зеленого тропического рая и роскошь океанских пляжей не могут, конечно, затмить впечатление от грандиозного зрелища пылающих красными молниями трещин, огненных лавопадов и фонтанов жидкой лавы, взлетающих на высоту Останкинской телебашни.

По-видимому, это единственное место на Земле, где так близко и так непосредственно можно заглянуть в недра нашей планеты и услышать их грозное дыхание.

А совсем рядом с островом Гавайи путешественников ожидает другая природная жемчужина вулканического архипелага — удивительный, овеянный легендами остров Мауи.

Откуда ни подплываешь к этому острову: с запада, от острова Молокаи, с востока, от берегов острова Гавайи, или с севера, со стороны открытого океана — каждый раз его еще издалека встречает могучий силуэт поднимающегося над островом на три километра величественного горного сооружения — кратера Халеакала.

Подняться на него нелегко— склоны вулкана покрыты густыми зарослями тропической растительности и россыпями черных базальтовых глыб, так "то восхождение займет не меньше двух дней. Но даже тот, кто предпочитает современный комфорт и поднимется к вершине на автомобиле по извилистой двадцатикилометровой дороге, надолго запомнит миг, когда под его ногами неожиданно откроется бескрайняя чаша одного из самых больших вулканических кратеров мира.

Кратер Халекаала был открыт в 1778 году великим мореплавателем Куком. Он нанес вулкан на карту под его полинезийским названием, которое в переводе означает "Дом Солнца".

Жители Гавайских островов рассказывают легенду, согласно которой здесь когда-то сумел поймать Солнце бог Мауи, именем которого назван остров. Случилось это, как говорит легенда, из-за того, что наше дневное светило стало очень спешить. Оно пробегало по небу слишком быстро, и день укоротился настолько, что однажды богиня Хину, мать Мауи, даже не успела просушить вытканное ею в это утро покрывало. Рассердившись на Солнце, она приказала сыну изловить его и покончить с неуместной торопливостью небесного светила.

Мауи сплел веревку из волокон кокосовой пальмы и спрятался на вершине вулкана. И как только первые лучи Солнца показались из-за скал, он привязал их веревкой и поймал светило. Плененное Солнце вынуждено было дать слово никогда больше не нарушать привычного темпа движения, и с тех пор день на Гавайских островах больше не укорачивался. Правда, жители острова Мауи, зная непостоянство богов, ежегодно приносили им жертвы, бросая в кратер вкусные яства и кокосовые орехи. Считалось, что вкусившие даров Мауи и Хина будут строже следить за легкомысленным светилом.

В отличие от своих пылающих жаром соседей: вулканов Мауна-Лоа и Килауэа на соседнем острове Гавайи, Халеакала считается сейчас потухшим, хотя, возможно, он просто ненадолго уснул. В последний раз вулкан извергался в 1790 году. За два века, прошедших с тех пор, на дне гигантского кратера, площадь которого достигает пятидесяти квадратных километров, кое-где выросли леса, а по склонам проложили себе путь ручьи, образовавшие внизу небольшое озеро. Крутые базальтовые обрывы поднимаются почти на километр над дном вулканической впадины, словно крепостные стены.

В северной части кратера на зеленых лугах местные жители пасут скот, а на юго-западе его раскинулись песчаные пустыни, цвет которых меняется от светло-бежевого до темно-коричневого и даже багровокрасного. Среди этого зловещего пейзажа тут и там поднимаются на двести-триста метров над багровеющей равниной разноцветные конусы вторичных вулканчиков, создавая своеобразный марсианский ландшафт.

Сам кратер не круглый, а вытянут на двенадцать километров с запада на восток; его ширина с севера на юг — четыре километра. Когда-то вулкан был на триста метров выше, но верхушка его была снесена во время последнего извержения.

Склоны Халеакала, в отличие от большинства вулканических кратеров, не выглядят идеально правильными. Они частично разрушены и рассечены глубокими ущельями. На востоке и на севере в кромке кратера зияют два огромных пролома' «ворота» Каупо и Кулау. По этим грандиозным коридорам внутрь вулканической впадины врываются океанские ветры, приносящие облака и дожди.

Кстати, благодаря такому строению кратера здесь можно наблюдать любопытное оптическое явление, описанное ранее в немецких горах Гарца — так называемого Брокенского призрака. Тень человека, стоящего на кромке вершины, проецируется в увеличенном виде на серую пелену облаков, заполняющих кратер у его ног, создавая впечатление, что там движется какой-то великан. В свое время в Гарце такие «призраки»,

появлявшиеся близ горы Броккен, вызывали суеверный страх у местных жителей, считавших, что на горе собираются на свой шабаш ведьмы со всей округи.

В 1960 году Халеакала был объявлен Национальным парком, и теперь все живописные и необычные уголки исполинского кратера соединяет сеть специальных дорожек, по которым туристы могут добраться до самых отдаленных мест этого удивительного замкнутого мира и насладиться зрелищем его многочисленных природных чудес.

Путешественник увидит в гигантской вулканической чаше застывшие лавовые реки и вспучившиеся коническими каменными вигвамами иссиня-багровые вторичные вулканы. Он сможет полюбоваться переливающимися красно-коричнево-черной гаммой оттенков вкраплениями вулканического стекла-обсидиана в темных высоких обрывах, сложенных из серого слоистого пепла.

А самое главное — открыть для себя удивительное растение, встречающееся только в кратере Халеакала и носящее поэтичное название "серебряный клинок". Это редкостное ботаническое чудо напоминает поседевшего серебристого дикобраза или какой-то ощетинившийся острыми длинными перьями шар, из середины которого возносится вверх толстый мясистый ствол-цветоложе, покрывающийся один раз за всю жизнь растения букетом пурпурных цветков.

"Серебряный клинок" живет всего около двадцати лет, достигая за это время трехметровой высоты. Затем он на некоторое время зацветает, поражая зрителей размерами, и красками, и ароматами. Затем растение умирает, и его узкие серебряного цвета саблевидные листья, за которые оно и получило свое название, вянут и опадают.

Дикая красота пейзажей, открывающаяся с гребня Халеакала, не раз вдохновляла художников и писателей. Они посвятили вулкану немало произведений. Среди посетивших это чудо природы на далеком тихоокеанском архипелаге были такие замечательные художники слова, как Марк Твен и Джек Лондон.

Марк Твен, побывавший на Мауи в 1866 году, описал свое восхождение на вулкан в книге воспоминаний о странствиях своей молодости. Веселая компания молодых жизнерадостных любителей приключений два дня карабкалась по склонам Халеакала, чтобы добраться до вершины. (Тогда ведь еще не было не только автодороги наверх, но даже сносной тропы, не говоря уже о том, что первая карта вулкана была составлена три года спустя после их визита.)

Проведя ночь у костра (температура при подъеме на вулкан снижается на пятнадцать градусов), замерзшие путники выбрались, наконец, на кромку кратера и долго стояли, потрясенные открывшимся видом. Потом молодой энтузиазм взыграл в их жилах, и чтобы согреться, они стали подкатывать к обрыву и сбрасывать вниз здоровенные базальтовые глыбы величиной с бочонок виски. Размявшись таким образом и показав вулкану свою удаль, Марк Твен и его спутники двинулись в обратный путь.

Сейчас туристы поднимаются на вершину по извилистой тропе, проходящей по зеленым лугам и эвкалиптовым рощам. Как правило, они не удовлетворяются зрелищем с расположенной наверху обзорной площадки

Калахаку, а спускаются вниз, желая оставить свои следы и на лесных тропинках у кратерного озера, и на вулканическом песке пустынных южных районов кратера. Кроме того, конечно, невозможно уйти из Халеакала, не увидев своими глазами легендарный "серебряный клинок".

Многие путешественники остаются в кратере на ночь, чтобы полюбоваться самым впечатляющим зрелищем, которое может подарить своим гостям Халеакала — восходом солнца над кромкой кратера в обрамлении причудливо клубящихся облаков и черных силуэтов лавовых останцов на гребне.

Редкое сочетание суровости и красочности вулканического ландшафта Халеакала никого не оставляет равнодушным. Но колдовское очарование "Дома Солнца" невозможно передать словами — его нужно испытать самому. В свое время это точно подметил Джек Лондон, написавший после возвращения с острова Мауи: "Халеакала несет особое послание душе человека, послание такой красоты и чудодейственной силы, что из вторых рук его получить невозможно".

Шельфовый ледник Росса

(Антарктида)

Как известно, великому мореплавателю Куку так и не удалось добраться до берегов Антарктиды. Лишь почти через полвека после его плавания корабли российской экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева сумели в двух местах подойти к побережью южного континента. А еще через двадцать лет, в 1840 году, знаменитый полярный исследователь, первооткрыватель Северного магнитного полюса Джеймс Кларк Росс направился в Антарктиду, чтобы попытаться открыть на этот раз и его южный аналог.

И хотя на Южном магнитном полюсе ему побывать не удалось, отважный капитан сделал множество важнейших географических открытий, и теперь его имя по праву украшает карту Антарктиды, и притом не единожды.

Росс первым прошел так далеко на юг, добравшись через опасные плавучие льды почти до восьмидесятого градуса южной широты. Он открыл самый большой и активный действующий вулкан Антарктиды — Эребус, положил на карту море и остров, названные позже его именем, а потом попытался пройти еще южнее. Но путь ему преградила обрывавшаяся отвесно в море исполинская ледяная стена высотой с двадцатиэтажный дом.

"Сразиться с этой преградой — все равно, что пытаться проплыть сквозь скалы Дувра", — записал в своем дневнике Росс.

Это был край самого большого в Антарктиде шельфового ледника, который тоже носит теперь имя отважного английского мореплавателя. Ледяную преграду, вставшую на его пути, капитан назвал Барьером Виктории, в честь своей королевы. (Теперь, впрочем, история восстановила справедливость и на картах он значится как Ледяной Барьер Росса.)

Ледник Росса почти полностью заполняет всю южную часть моря Росса. С востока на запад он тянется на восемьсот километров, а в глубь Антарктиды врезается почти на тысячу. По площади он равен острову Мадагаскар и превышает территорию Швеции, Испании или Франции. Толщина треугольной ледяной плиты постепенно уменьшается с юга на

север. У берега Антарктиды она составляет более километра, а близ океана, там, где ее внешний край обрывается Ледяным Барьером Росса, лед имеет в толщину примерно двести метров.

Шельфовые ледники образуются там, где материковые ледниковые потоки спускаются с берегов Антарктиды в заливы океана. При этом они продолжают двигаться по дну материковой отмели — шельфа — до глубины примерно триста метров. Затем ледяной язык всплывает, сливаясь с соседними ледниковыми выступами в единый массив, и вся эта масса льда продолжает двигаться, пока не заполняет весь залив.

Выйдя за его пределы, ледник лишается защиты берегов, и волны, раскачивающие огромное ледяное поле, начинают обламывать его края. Так образуются столовые айсберги — плавучие ледяные острова Антарктиды. Такие айсберги намного превышают размерами ледяные горы, отрывающиеся от ледников Шпицбергена или Гренландии. Иной раз их величина просто поражает. Например, зимой 2000 года новозеландские моряки заметили к югу от своих берегов ледяную громаду величиной с остров Ямайка!

А самый большой столовый айсберг имел площадь более тридцати тысяч квадратных километров, то есть был больше Сицилии. Такие ледяные острова обычно возвышаются над водой на тридцать-сорок метров, а в глубину уходят на двести метров и более.

Шельфовый ледник Росса питается ледниками, стекающими со склонов гор Земли королевы Мод и с Трансантарктического хребта. Эти могучие горные системы, поднимающиеся на четыре километра над уровнем моря, дают начало нескольким ледниковым потокам, сливающимся на побережье моря Росса в единое ледяное поле. Оно медленно, но неуклонно двигается в сторону открытого моря со скоростью до километра в год. По мере продвижения лед подтаивает снизу, и образуются холодные придонные течения, направленные на север, кокеану.

Внешний край ледника, тот самый Барьер Росса, действительно отдаленно напоминает меловые утесы Дувра, столь близкие сердцу английских моряков. Именно здесь под действием штормов происходит растрескивание двухсотметровой толщи ледника и откалывание ледяных островов-айсбергов. Количество их в Антарктике, по сравнению с арктическими водами, огромно. Иной раз с палубы корабля видно одновременно до тысячи плавучих ледяных глыб.

Однако образование трещин и отрыв кусков ледяного поля характерны лишь для краевой зоны ледника. В целом же на шельфовых ледниках трещин нет, и двигаться по ним намного легче, чем по материковым льдам Антарктиды. Не случайно именно из моря Росса начиналось большинство экспедиций к Южному полюсу.

Район этот привлекал исследователей еще и тем, что здесь сосредоточен целый букет достопримечательностей, заслуживающих внимания ученых, в частности, действующий вулкан Эребус, отсветы огня над которым превратили его в своеобразный маяк для всех, кто плавает в море Росса. А неподалеку, на Земле Виктории, располагался еще недавно Южный магнитный полюс. Сейчас его местоположение сместилось севернее, и точка полюса находится в океане, рядом с берегомАнтарктиды.

Открытие и изучение магнитного полюса на Южном материке связано с именем знаменитого австралийского полярника Моусона, участника английской антарктической экспедиции Шеклтона. Он побывал там, пока Шеклтон с тремя спутниками пытался штурмовать Южный полюс. Попытка англичанина не увенчалась успехом, и полюс покорился людям лишь четыре года спустя, когда его достигли норвежец Амундсен и шотландец Скотг. Моусон же в отсутствие руководителя экспедиции не терял времени даром и сумел вместе с двумя другими исследователями побывать в точке, со времен Росса уже полвека манившей ученых. Тот же Моусон с двумя спутниками первым покорил и грозный вулкан Эребус, возвышающийся на четыре километра над вечными льдами Антарктиды.

Это случилось в 1908 году. Ученые за три дня поднялись к вершине огнедышащей горы и осмотрели все три ее кратера. Самый большой из них имел триста метров в глубину и восемьсот метров в диаметре. На дне его из нескольких отверстий вырывались лава, огонь и дым и находилось жидкое лавовое озеро. В сочетании с сильным морозом и ветром это делало пребывание на вершине "не самым комфортным занятием", по признанию Моусона.

Следует заметить, что лавовое озеро Эребуса, существующее и сегодня — редчайшее явление в мире вулканов. Кроме антарктического гиганта, долговременно живущие озера жидкой лавы отмечены только еще в кратере вулкана Килауэа на Гавайских островах и в кратере НьиРагонго в Африке. Однако огненное озеро среди вечных снегов и льдов производит, без сомнения, более сильное впечатление.

Хватает работы в море Росса не только геологам и магнитологам. Биологи также считают этот район одним из интереснейших в Антарктиде. Несмотря на суровый климат, у края шельфового ледника кипит жизнь. Холодные течения, несущие богатую кислородом воду, способствуют развитию морских микроорганизмов и водорослей, в свою очередь, привлекающих сюда многочисленные стаи крохотных креветок и разнообразных рыб. За креветками приплывают в море Росса усатые киты. А рыбы — желанная пища для тюленей и морских птиц. Кстати, именно Росс открыл здесь в свое время новый, четвертый вид антарктических тюленей. Он получил название тюленя Росса.

Однако птицы намного превосходят числом китов и ластоногих. На скалах у краев ледяного барьера гнездятся десятки тысяч чаек, буревестников, морских ласточек и поморников. Последние залетают нередко и в глубь континента. Американские зимовщики наблюдали их даже на Южном полюсе.

Но наиболее многочисленные обитатели Антарктиды — конечно, пингвины. Численность населения их колоний достигает нескольких сотен тысяч птиц. Пингвинов, как и тюленей, здесь водится несколько видов: маленькие пингвины Ад ели, более крупные — королевские и самые большие — императорские. Особенно интересны живущие лишь в двух местах Антарктиды императорские пингвины. Эти крупные птицы весят порой до восьмидесяти килограммов и обладают огромной силой. Был случай, когда пять моряков не могли удержать одного такого "императора".

Единственное яйцо самка пингвина откладывает прямо на лед, после чего заботу о нем принимает на себя отец семейства. Он укладывает

яйцо себе на лапы и накрывает жировой складкой, свисающей внизу туловища. После этого самец три месяца не сходит с места и не ест, высиживая потомство, а самка это время восстанавливает силы, занимаясь ловлей рыбы в прибрежных водах. Затем родители меняются ролями.

Пингвины прекрасно приспособились к жизни в суровых условиях района моря Росса, где у них лишь один опасный враг — морской леопард. Но этих хищных тюленей в антарктических водах относительно немного, и пингвиньи колонии процветают, невзирая на неласковый климат Антарктиды.

Любознательность и дружелюбный нрав этих необычных птиц изрядно скрашивают жизнь полярников на ледяном континенте. Любопытство пингвинов не знает предела. Достаточно, например, включить магнитофон, как десяток пернатых «меломанов» собирается вокруг человека, чтобы послушать музыку.

В свое время Ледяной Барьер Росса не пропускал к югу парусные корабли, да и сейчас его стена "не по зубам" даже современным ледоколам. Однако, с другой стороны, именно отсюда, из Китовой бухты (единственного места на барьере, где его высота снижается до семи метров), начинал свой победный поход к полюсу Амудсен. Здесь побывали в свое время экспедиции прославленных полярных исследователей Шеклтона, Моусона, Шарко, Дригальского и других. Да и сейчас тут работает американская полярная станция Мак-Мердо.

И если говорить о наиболее изученном участке Антарктиды, самого южного континента, то, без сомнения, это район моря Росса — огромного, протянувшегося почти до полюса водного пространства, укрытого белым панцирем самого обширного ледника Земли — шельфового ледника Росса.

Оазис Бангера

(Антарктида)

Всего дважды в истории открытия Земли важнейшие географические открытия делали не сухопутные путешественники или мореплаватели, а летчики. В 1935 году бесстрашный англичанин Джимми Энджел (в испанском произношении Анхель) открыл в горах Венесуэлы высочайший в мире водопад, а в 1947 году американец Девид Бангер в ходе исследования побережья Антарктиды посадил свой гидросамолет на большое озеро в центре впервые обнаруженного им «оазиса» у края ледового континента.

Оба этих объекта получили названия по именам открывших их пилотов. Но если водопады, пусть и не такие высокие, люди прекрасно знали и до полета Энджела, то обнаружение оазиса в "стране вечных льдов" стало одним из самых важных географических открытий XX века.

Оазис в данном случае — не поэтический образ или преувеличение. Действительно, на спрятанном под ледяной броней континенте впервые было открыто обширное пространство, свободное от льда и снега, усеянное озерами и скалами, пересекаемое весело журчащими ручьями — подлинный оазис жизни в ледяной пустыне. Размеры оазиса Бангера — пятьдесят на двадцать километров, а площадь достигает семисот пятидесяти квадратных километров. Если сравнивать его с хорошо знакомыми нам европейскими странами — это треть Люксембурга или две с половиной Мальты. Открытие Бангера вызвало огромный интерес, и в

последние годы изучением оазиса занимались ученые многих стран. В 1956–1958 годах здесь работала советская полярная станция Оазис, благодаря чему удалось раскрыть многие секреты этого загадочного уголка Антарктиды.

Находится оазис Бангера в восточной части Земли Королевы Мэри, в трехстах шестидесяти километрах от российской станции Мирный, на шестьдесят шестом градусе южной широты. Всего двадцать километров отделяют его от Южного полярного круга.

Когда подлетаешь к оазису на самолете или вертолете, зрелище сверкающих на солнце синих и зеленых озер и черных скалистых холмов, разделенных серыми каменистыми котловинами, кажется в первый момент просто нереальным. Особенно поражает вид этого необычного ландшафта по контрасту с окружающей его со всех сторон бесконечной белой ледниковой равниной.

Еще сильнее удивляет оазис при более близком знакомстве. Ступив на его землю, путешественник видит перед собой сильно пересеченную местность, усеянную сопками до двухсот метров высотой и множеством скальных возвышений-холмов, между которыми располагаются неглубокие впадины, на дне многих из которых поблескивают озера. Облик ландшафта напоминает высокогорные пустыни Тибета или Восточного Памира. Сходство усиливается тем, что теплый воздух поднимается от нагретых скал вверх, и горизонт дрожит, как нередко случается в настоящейпустыне.

Ведь летом, в разгар полярного дня, воздух в оазисе прогревается до четырех градусов тепла, а на поверхности скал температура достигает плюс двадцати пяти!

Восходящие потоки нагретого воздуха, охлаждаясь на высоте, ежедневно образуют над оазисом белое кучевое облако, каких никогда не бывает в других районах Антарктиды.

Каменные бугры в оазисе, разбросанные беспорядочно, несут на себе следы обработки ледником: поперечные борозды, штрихи и царапины, сглаженные верхушки. Ледник же притащил и оставил в котловинах и на склонах россыпи гранитных валунов, очень похожих на те, что встречаются в Карелии или на Псковщине.

Озера оазиса Бангера делятся на две группы. Одни из них, самые большие, наполнены пресной водой и относительно глубоки. В солнечную погоду их поверхность сверкает яркой синевой. Неглубокие маленькие озера, как правило, соленые и имеют зеленоватую окраску. Температура воды в них достигает плюс одиннадцати градусов, тогда как в больших пресных водоемах — только двух-трех градусов выше нуля. Окраска малых озер объясняется бурным развитием в них мельчайших водорослей и микроорганизмов, придающих воде зеленоватый оттенок.

А вот на суше оазис Бангера беден органической жизнью. У подножья и в трещинах скал растут мхи и лишайники, а в глубоких расщелинах сопок откладывают яйца и выводят птенцов красивые белые птицы — снежные буревестники. Кроме них, в оазисе живут и хищные чайки-поморники — главные враги буревестников. Лишь изредка попадаются у берегов самого большого озера в оазисе (того самого, на которое «приводнился» в свое время Бангер) отдельные экземпляры пингвинов и тюленей. Почему же этих самых многочисленных обитателей

антарктического побережья так мало в оазисе?

Дело в том, что водоем, о котором идет речь, — на самом деле не озеро, а залив, отделенный от открытого океана широкой сорокакилометровой перемычкой шельфового ледника Шеклтона. Перебраться через нее под силу лишь немногим особенно упорным пингвинам и тюленям.

Но как же все-таки образовался столь необычный ландшафт среди покрытого ледяным панцирем континента? По этому поводу вначале высказывались самые различные гипотезы. Одни ученые считали, что территория оазиса оттаяла под воздействием вулканического тепла. Ведь известно, что у берегов Антарктиды в трех местах существуют действующие вулканы. Возможно, в районе оазиса находится неглубоко залегающий вулканический очаг, который и растопил льды. Другие исследователи предположили, что нагрев поверхности оазиса Бангера вызван подземным пожаром в пластах каменного угля, которые выявлены геологами во многих районах Антарктиды. Подобные пожары известны и в других местах планеты, например, на Тянь-Шане или в горах Башкирии.

Но оказалось, что в окрестностях оазиса Бангера нет признаков вулканизма, да и угольных залежей тоже. В действительности причиной возникновения свободного ото льда участка суши оказался рельеф местности. Известно, что ледники стекают с материка к океану по неровностям рельефа, а в районе оазиса возвышенности расположены так, что заставляют ледниковые потоки стекать по ложбинам, огибая его с двух сторон.

И когда наступила эпоха всеобщего потепления климата, продолжающаяся и по сей день, существовавший на месте оазиса «местный» ледник растаял, а новые порции льда, двигавшиеся из центра Антарктиды, попасть сюда не могли. Так и возник этот необычный кусочек холодной каменистой пустыни среди льдов. По иронии судьбы, в таком окружении он действительно кажется оазисом и вот уже полвека продолжает привлекать внимание ученых и отдельных, особенно любознательных, представителей мира пернатых и ластоногих.

Остров Десепшен

(Антарктида)

У холодных берегов Антарктиды, возле нацелившегося острым клювом в сторону Южной Америки Антарктического полуострова, расположилась вулканическая гряда Южных Шетландских островов. Причудливо изрезанные береговые кручи их окрашены в два цвета: черный и беглый. У самой воды вороненую корку базальтов укрывают снежные заструги, а на гористых срединных частях островов расположились ледники.

Кажется, вечный и угрюмый, какой-то траурный покой царствует в этих суровых краях. Но один, самый маленький островок — Десепшен — дерзко нарушает молчаливую важность мрачного архипелага. Здесь в царство льдов и морозов дерзко врывается стихия огненных недр Земли, и сходящие на берег с круизных судов путешественники могут воочию познакомиться с самым южным (не считая антарктического вулкана Эребус) очагом активного вулканизма на нашей планете.

Сам остров Десепшен представляет из себя остаток огромного вулкана, конус которого, разрушенный взрывом, исчез, и в результате этого образовалась гигантская впадина-кальдера пятнадцатикилометрового диаметра. Неровные края кальдеры выступают из воды на 200–500 метров, а посередине, на месте кратера, находится почти круглая по форме бухта, укрытая от бурь и соединенная с океаном проливом полукилометровой ширины. С самолета Десепшен напоминает большую букву С, написанную черной тушью на серо-стальной поверхности океана.

Идеальную природную гавань с давних пор облюбовали китобои. Они обнаружили остров еще в 1820 году и больше ста лет использовали как базу для ремонта своих кораблей и разделки китовых туш. Лишь в 1931 году из Порт-Форстера (как назвали кратерную бухту) ушла последняя китобойная шхуна. Но вскоре настало время активного наступления мировой науки на неисследованный ледовый континент, и на Десепшен в 1944 году высадился сначала английский научный десант, затем, в 1948 и 1955 годах — аргентинские и чилийские полярники.

И привлекла их сюда не столько удобная бухта, сколько более серьезная причина: активная вулканическая деятельность на острове, которую наблюдали посещавшие его ранее моряки, начиная с 1842 года.

Как уже говорилось, все Южные Шетландские острова имеют вулканическое происхождение. В частности, соседние с островом Десепшен острова Пингвин и Бриджмен — тоже молодые вулканы, но уже потухшие. Впрочем, активность Десепшена проявлялась в первые годы научных наблюдений лишь в виде пробивающихся кое-где парогазовых струй — фумарол. Однако в ноябре 1967 года остров неожиданно ожил. Поверхность его начала ощутимо содрогаться от подземных толчков, и ученые поняли: назревает извержение.

После месячной подготовки Плутон показал свой характер. На северо-западном берегу бухты, прямо рядом с чилийской научной станцией, недра разверзлись, и из образовавшихся здесь двух кратеров начались выбросы пепла и мелких вулканических бомб-лапиллей— Еще один кратер появился на дне бухты, где затем возник новый остров.

Проведя десятиминутную «артподготовку», вулкан, казалось, успокоился, но через два часа последовало повторное извержение. В тучах клубящегося вулканического пепла беспрерывно сверкали разряды молний. Вылетавшие из огненных жерл сгустки расплавленной лавы остывали в воздухе и сплющивались, принимая вид караваев черного хлеба с потрескавшейся коркой. Они с гулом врезались в землю, легко прошивая насквозь стены и крыши построек. Чилийцы спешно покинули станцию и перебрались на английскую базу, расположенную на безопасном расстоянии, а затем всех ученых эвакуировали вертолетом на стоявшее у острова исследовательское судно "Шеклтон".

Через десять дней экипаж другого научного судна в бухте обнаружил появившийся из-под воды островок длиной в километр и шириной в четыреста метров. Он поднялся над гладью бухты на шестьдесят метров и был окружен облаком пара. Самый молодой остров на Земле так и назвали — «Новым». Правда, уже через три года новое извержение превратило его в полуостров.

Когда через год ученые вновь высадились на остров Десепшен, они увидели в северной его части шесть кратеров размером от 25 до 220 метров в поперечнике. Слой пепла на месте сгоревшей чилийской базы достигал полуметра. Даже на противоположном от кратеров конце острова были обнаружены вулканические бомбы диаметром до двух метров. Можно только догадываться о том, какие катаклизмы бушевали на окруженном льдами острове в глухую полярную ночь.

Февраль 1969 года ознаменовался новым извержением вулкана. Оно снова началось подземными толчками, продолжавшимися восемь дней, а затем последовали выбросы пепла и бомб, заставившие теперь и англичан покинуть свои домики и искать укрытия под ближайшими скалами. При этом спешившим в убежище полярникам пришлось увертываться от летящих сверху десятисантиметровых раскаленных лепешек лавы.

Часть ледника рядом с кратером растаяла, и мощный поток воды, смешанной с пеплом, ринулся к бухте, сметая по пути трактора и цистерны с горючим. На этот раз англичанам помогли чилийцы, принявшие их на борт своего научного судна. После извержения на восточной стороне Десепшена образовался гигантский четырехкилометровый разлом шириной в сто и глубиной в пятьдесят метров. Он рассек крупнейший ледник на острове — Блек-Глетчер. Над разломом клубились облака дыма от расположенных на его дне многочисленных фумарол.

В 1970 году было зафиксировано третье извержение. На этот раз произошел грандиозный взрыв, изменивший рельеф острова и очертания бухты Порт-Форстер. Часть одного из ледников испарилась, и на ее месте возник округлый кратер стометровой глубины. Диаметр его достигал трехсот метров! Многие долины были засыпаны пеплом, а на ледни ках его слой достигал двух метров По всему берегу валялись вулканические бомбы размером до двух с половиной метров Всего на острове было обнаружено тринадцать новых кратеров, причем в некоторых из них образовались горячие озера диаметром в 500–750 метров Вода в них имела ядовитый зеленовато-желтый цвет, а температура ее доходила до 50–60 градусов Беспокойный остров-вулкан всегда был обитаем Его постоянные жители — пингвины населяли четыре большие колонии на внешних берегах Десепшена и часто заплывали в бухту острова В ходе извержений из нескольких тысяч этих птиц погибло не меньше половины В одном месте ученые, осматривавшие остров через месяц после катастрофы, обнаружили умирающего пингвина, обваренного, очевидно, струей кипятка из подводной фумаролы В память об этой жертве извержения на карте Десепшена появилось название "Берег Вареного Пингвина".

Масштабы последнего проявления активности вулкана впечатляют. Пепел, перенесенный ветром, выпал на всех островах архипелага Некоторые подледные кратеры проплавили насквозь ледники, причем лед испарился Еще спустя полгода после извержения грунт возле кратеров был так горяч, что обжигал ноги даже через подошвы ботинок.

В последние тридцать лет вулканический остров, разрядив накопленную в недрах энергию, казалось, укротил свой буйный нрав Лишь дымящиеся фумаролы и многочисленные горячие источники напоминают о катастрофических событиях, потрясавших его в не столь отдаленные

времена.

Теперь его охотно посещают круизные лайнеры, высаживающие в бухте Порт-Форстер толпы туристов, привлеченных необычной формой острова и его бурной биографией И хотя даже в декабре-январе (в разгар антарктического лета) температура здесь не поднимается выше пяти градусов тепла, многие любители острых ощущений охотно купаются в горячих озерах Десепшена и в природных ваннах на пляже, согретых горячим дыханием недр.

Подводные фумаролы в бухте острова работают исправно, и нередко заплывающие сюда стаи антарктических креветок, которых мы обычно называем крилем, попадая ненароком в струи кипятка, выносятся волнами на берег уже в вареном виде.

Таков необычный облик этого далекого острова — острова контрастов, острова катастроф, острова ледников и пингвинов, черных скал, вулканических бомб и горячих озер в грозных кратерах вулканов среди холодных вод самого широкого и самого южного в мире пролива Дрейка.

ЧАСТЬ VII. МИРОВОЙ ОКЕАН И АТМОСФЕРА

Айсберги

(Арктика и Антарктика)

"Корабль плыл в 270 метрах от шельфового ледника, когда от его края с громким треском отломилась огромная глыба весом примерно в миллион тонн Главная масса отломившейся ледяной горы то поднималась высоко из воды, то снова ныряла, скрываясь из виду Это повторялось много раз, причем от нее все время отламывались куски, и она становилась все меньше и меньше Когда грохот утих, посреди многочисленных белых обломков осталась прекрасная голубая гора, словно сердцевина цветка среди спавших лепестков". Так поэтично и в то же время документально точно описывает картину рождения айсберга знаменитый австралийский полярник, покоритель Южного магнитного полюса и самого южного вулкана Земли — Эребуса — Дуглас Моусон.

Грозные плавучие ледяные горы представляют собой огромные массивы льда, отколовшиеся от сползающих в море ледников или отломившиеся, как описывает Моусон, от краев гигантских ледяных щитов, покрывающих Антарктиду и Гренландию Момент откола айсберга — грандиозное и страшное зрелище, сопровождающееся жутким грохотом, напоминающим пушечную канонаду Вся поверхность моря приходит в это время в сильное волнение, а образующиеся волны так велики, что опрокидывают шлюпки и далеко отшвыривают небольшие рыболовные суда.

Слово «айсберг» переводится на русский, как "ледяная гора" В этом нет преувеличения, так как айсберги действительно достигают огромных размеров. В океане встречались ледяные исполины длиной в десятки и даже сотни километров и высотой в сотни метров. Еще в 1854–1864 годах ученые целых десять лет следили за движением айсберга-гиганта, который имел длину 120 километров и высоту 90 метров. А в 1927 году с норвежского китобойного судна заметили ледяной остров, достигавший длины в 170 километров. Но самый большой айсберг был обнаружен в антарктических водах в 1956 году. Его длина составляла 385, а ширина —

111 километров. По площади он был равен почти половине такой страны, как Словения, или трем Люксембургам!

А самый высокий айсберг был встречен в 1904 году у Фолклендских островов в Южной Атлантике. Высота пика этой ледяной горы составила 450 метров!

Родина айсбергов — Арктика и Антарктика. Ледники Гренландии, Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа и островов Канады ежегодно отправляют в плавание до восемнадцати тысяч ледяных островов. От берегов Антарктиды их откалывается в пять-шесть раз больше.

Из-за того, что лед легче воды, а также благодаря пузырькам воздуха, находящимся в ледяных кристаллах, айсберги имеют хорошую плавучесть. При этом на поверхности моря видно лишь одну восьмую часть ледяной горы, остальная ее масса находится под водой. Поэтому айсберги движутся силой морских течений, а не воздушных потоков, и часто плывут против ветра и даже сквозь ледяные поля толщиной до двух метров. Горе кораблю, вмерзшему в такое ледяное поле — айсберг раздавит его, как спичечную коробку!

На поверхности плоских айсбергов часто находят большие озера, иногда до двадцати километров в диаметре. На таких ледяных островах встречаются также реки и ручьи, стекающие в море красивыми водопадами. Одна из таких рек достигала в длину четырех километров, а в глубину — двенадцати метров.

Морская вода промывает в айсбергах глубокие туннели и пещеры. Иногда, впрочем, пещеры достаются ледяной горе "в наследство" от породившего ее ледника. Образовавшиеся при движении ледяных языков по горным склонам трещины могут затем смыкаться вверху, если ледник выходит на равнину, и тогда внутри него остаются длинные подледные полости, которые со временем приближаются к берегу и отправляются вместе с содержащей их ледяной глыбой в дальнее плавание.

Внутренность этих подледных, или, точнее, «внутриледовых», пещер представляет собой зрелище изумительной красоты. Вот что рассказывает об этом один из участников советской антарктической экспедиции 1965 года:

"Округлый коридор высотой примерно в три метра уходил в глубь ледяной горы. Волнистые стены были из гладкого, точно отполированного льда. Необычайный голубовато-синий свет проходил через весь ледяной массив, мягко струился, переливаясь в ледяных стенах. На сосульках играли отблески света, проникавшего во входное отверстие. Фантастический голубой цвет стен, игра света, пар, клубами вырывавшийся изо рта, настраивали на торжественный лад. Мы невольно говорили шепотом и медленно шли по коридору… Ветвящиеся во все стороны ходы пронизывали айсберг, и самым удивительным в них были огромные ледяные кристаллы, свисавшие с потолка и сплошь покрывавшие стены. Это был иней, сходный с тем, который можно увидеть на окнах в морозный день, но только увеличенный во много раз.

Ледяные иглы, как цветы самых причудливых форм, сверкали и искрились в голубом рассеянном свете. Страшно было не только двигаться, но и дышать среди этой необычайно хрупкой и неописуемой красоты. Мы зажгли спички, и они неожиданно вспыхнули ярко-красным пламенем.

Конечно, огонь от зажженной спички казался таким ярким по контрасту с голубоватым освщением пещеры, но это не делало его менее красивым…"

Однажды наши моряки встретили у берегов Антарктиды даже «поющий» айсберг. Вода промыла в нем сквозные отверстия, в которых ветер устраивал довольно мелодичные «концерты», словно играя на огромной флейте.

Порой айсберги напоминают очертаниями средневековые замки или сторожевые башни. Их называют пирамидальными. Но чаще встречаются плоские, так называемые столовые айсберги. Иногда попадаются и цветные плавучие острова: черные, зеленые или желтые. Предполагают, что причиной необычной окраски айсбергов является покрывающая их вулканическая пыль.

Интересно, что плавучие ледяные горы можно встретить не только в морях и океанах. На Тянь-Шане, у подножья величественного пика ХанТенгри, находится ледниковое озеро Мерцбахера. Когда в 1920-е годы к озеру впервые вышла научная экспедиция, ее члены с удивлением увидели, у берегов Гренландии что по озеру плавают большие айсберги, оторвавшиеся, очевидно, от образовавшего озеро ледника Иныльчек. Один из ученых экспедиции так описывал увиденную картину:

" *Айсберги, искрясь в лучах южного солнца, плавали в воде. Ледяные башни и замки, опушенные снегом и горящие на солнце мириадами снежных кристаллов, полупрозрачные гроты на поверхности айсбергов, свисающие сосульки, играющие всеми цветами радуги, — все это создавало сказочное впечатление".*

Айсберги всегда представляли серьезную угрозу для морских судов. Особенно опасны в этом отношении гренландские айсберги, которые ветры и течения гонят на юг, к берегам Северной Америки, где пролегают оживленные судоходные трассы. Причем если в марте ледяные горы доходят лишь до острова Ньюфаундленд, после чего тают и исчезают, то в октябре они порой доплывают до широты Нью-Йорка, создавая опаснейшее препятствие на пути трансокеанских лайнеров, следующих из Европы в США и обратно.

Опасность усугубляется тем, что в этом районе холодное Лабрадорское течение встречается с теплыми водами Гольфстрима, отчего возникают густые и продолжительные туманы. Между тем айсберги высотой до 20–30 метров (а таких большинство в Северной Атлантике) даже в ясную ночь различимы лишь с расстояния в 500–600 метров, что не позволяет капитану, пусть и скомандовавшему "Полный назад!", избежать столкновения с роковым препятствием.

Всем памятна происшедшая в 1912 году катастрофа, закончившаяся гибелью самого большого в мире пассажирского лайнера «Титаник». Капитан его сумел уйти от лобового удара, и только чиркнул бортом по краю ледяной горы, но, тем не менее, айсберг пропорол шесть из четырнадцати отсеков корабля, и через два часа «Титаник» пошел ко дну, унеся жизни полутора тысяч человек.

Величайшая морская катастрофа XX века вынудила морские державы принять меры для того, чтобы избежать подобных трагедий в будущем. В результате в 1913 году был создан Международный ледовый патруль в Северной Атлантике. Патрульные суда и самолеты следят за

появлением айсбергов и предупреждают по радио проходящие суда. За год патруль выявляет до четырехсот опасных ледяных гор, на которых устанавливают специальные радиобуи или красят их поверхность яркой оранжевой краской.

Однако даже патрулирование не дает полной гарантии избежать столкновений. Так, уже в наши дни, в 1959 году, датское судно "Ханс Хедхоф" врезалось в тумане в айсберг и затонуло со всеми пассажирами и экипажем. Погибли 95 человек. Опасность представляет и подход на близкое расстояние к плавучей ледяной горе. Подтаивающие снизу айсберги постепенно теряют устойчивость и могут внезапно перевернуться, погубив при этом неосторожно приблизившееся судно.

Опрокидывание айсберга наблюдали с борта теплохода «Обь» в море Девиса, и очевидцы так описывают это событие:

"В тихую погоду раздался сильный грохот, сравнимый по силе с артиллерийским залпом. Находящиеся на палубе увидели на расстоянии не более одного километра медленно переворачивающийся пирамидальный айсберг высотой около сорока метров. От его надводной части отрывались огромные глыбы льда и с грохотом падали в воду. Когда надводная часть айсберга с шумом погрузилась в воду, от нее стала расходиться довольно крупная зыбь, вызывавшая качку судна. На поверхности моря среди обломков медленно покачивалась новая холмообразная и неровная вершина айсберга".

Многие крупные айсберги живут в море по нескольку лет. В Антарктике на них нередко поселяются большие колонии пингвинов и других морских птиц. Некоторые даже устраивают там гнезда. Долговечность айсбергов натолкнула людей на мысль попробовать применить их для снабжения пресной водой засушливых стран в Африке и Аравии. Так возник проект буксировки крупных айсбергов специальными судами к берегам Персидского залива, с тем чтобы использовать образующуюся при их таянии воду для водоснабжения и орошения полей. Подсчитано, что количество воды, образующееся при растоплении одного айсберга средних размеров, равно годовому стоку крупной реки. Время покажет, насколько реальным окажется осуществление такого проекта.

Во время бурной погоды корабли, плавающие у берегов Антарктиды, нередко используют айсберги для защиты от бушующих волн, укрываясь на их подветренной стороне от шторма. А летчики антарктических экспедиций иногда избирают их плоскую поверхность в качестве посадочной полосы. Конечно, при этом надо всегда помнить о коварном характере ледяных островов и быть начеку. Ведь поведение айсбергов непредсказуемо и в любой момент от него можно ждать сюрприза.

Вот как «пошутил» однажды айсберг с канадским пароходом «Поршиа». Это случилось в 1893 году. «Поршиа» совершал круиз с большой группой туристов на борту, как вдруг впереди по курсу показалась плавучая ледяная гора. Пассажиры попросили капитана подойти поближе — уж больно красив был айсберг, хотелось получше разглядеть его и сфотографировать крупным планом. Но только судно подплыло вплотную к айсбергу и туристы защелкали фотоаппаратами, как случилось что-то непонятное. Неведомая сила начала поднимать «Поршиа» из воды. Через несколько секунд судно уже оказалось над поверхностью моря на огромном

ледяном уступе айсберга, который до того находился под водой. По-видимому, ледяная гора раскачивалась в воде, и когда пароход приблизился к ней, наклон позволил судну проплыть над подводным карнизом. Затем айсберг стал крениться в другую сторону и поднял пароход в воздух. К счастью, это длилось недолго. Когда айсберг вновь наклонился обратно, судно оказалось в воде, не получив даже легких повреждений. Полным ходом капитан направил пароход прочь, подальше от ледяной ловушки. О том, что могло случиться, если бы айсберг перевернулся, пассажирам не хотелось даже думать.

Надо сказать, что, несмотря на вполне заслуженную мрачную славу, айсберги производят на впервые видящего их путешественника поразительное впечатление своей какой-то неземной, сказочно-романтической красотой. Формы их могут быть самыми причудливыми и необычными: то это гигантский снежно-белый лебедь или холмистый островок с широкими долинами, в которых не хватает только уютной деревеньки, то остров с высокими горами, ущельями, водопадами и отвесными скалами, образующими красивые, живописные бухты. Встречаются айсберги, похожие на корабль с надутыми ветром парусами, на колонну на красивом пьедестале, на пирамиду, на старинный город со стенами, башенками и подъемными, мостами…

И тот, кому довелось увидеть на темной глади моря их фантастические очертания, напоминающие плавающие очарованные замки, белоголубые, сине-зеленые или розовые на закате, уже никогда не забудет этого величественного и прекрасного зрелища.

Блу-Хоулс

(Атлантический океан)

Багамские острова находятся на юге печально известного Бермудского треугольника Может быть, именно поэтому о них всегда ходила среди моряков дурная слава.

Со времен Колумба, первым из европейцев увидевшего эти коралловые острова, здесь нашли могилу сотни кораблей. Рифы и скалы, коварные течения и водовороты, штормы и туманы всегда грозили и грозят капитанам, отважившимся проложить свой курс в этих коварных и зловещих водах.

Но одна из самых грозных опасностей, подстерегающих здесь лодки и небольшие суда, скрывается под водой у побережья самого большого в Багамском архипелаге острова Андрос. Она тем более грозна, что ничего подобного даже самые опытные мореходы не встречали ни в одном другом районе Мирового океана.

Остров Андрос невысок и представляет собой, как и его соседи, плоский известняковый остров с извилистыми берегами, прихотливо расчлененный бухтами, проливами и мысами и окруженный мелкими островками и коралловыми отмелями.

Когда смотришь на море, омывающее Андрос, через иллюминатор самолета, то среди зеленовато-бирюзового прибрежного мелководья вдруг обнаруживаешь в нескольких местах темные, почти чернильного цвета округлые пятна. Это — знаменитые Блу-Хоулс, "синие дыры" Андроса.

С точки зрения геологии в этих «дырах» нет ничего необычного. В давние времена, когда уровень моря был ниже, дожди и ручьи промыли

глубокие ходы в известняковых возвышенностях, ставших позже островами и отмелями. Теперь, когда уровень моря поднялся, зияющие отверстия шахт, ведущих в затопленные пещеры, выделяются на общем фоне, поскольку воды морских глубин всегда темнее, чем на мелких местах.

Но мрачная слава Блу-Хоулс возникла не из-за глубины этих провалов. Во время приливов, после того как волны перехлестывают через окружающий Андрос барьерный риф, вода вокруг этих синих пятен начинает двигаться по кругу. Над отверстием глубокой подводной шахты образуется водоворот, втягивающий в свою жадную пасть все, что плавает на поверхности: водоросли, щепки, доски, бочонки, рыболовные боты и корабельные спасательные шлюпки.

Бесследно исчезнувшие предметы уже никогда не появляются на поверхности, и немудрено, что очевидцы, чудом сумевшие избежать гибели в "синих дырах", рассказывают о них леденящие душу истории.

И то, что во время отлива картина повторяется в обратном порядке: из Блу-Хоулс извергаются мощные фонтаны воды, иногда со щепками и мусором, — не мешает рассказчикам гнуть свою линию.

Глубоко-глубоко, в синей бездне Блу-Хоулс, — рассказывают они, — живет страшное подводное чудовище Луска. Нептун наделил ее щупальцами гигантского осьминога и пастью огромной акулы, а размеры чудовища таковы, что оно может засасывать в евое ненасытное чрево целые корабли. Длинными щупальцами Луска втаскивает жертвы в свое логово, перемалывает в жуткой пасти и алчно пожирает их, а когда насытится, отрыгивает то, что осталось.

Несмотря на совершенно необычный характер этого загадочного явления, оно оставалось неизученным почти до конца XX века. Не то чтобы оно не привлекало внимания, наоборот, слухи о нем гуляли по всем флотам. Но мрачная слава Блу-Хоулс вкупе с документально засвидетельствованными случаями исчезновения лодок и людей в "синих дырах" как-то не стимулировала ныряльщиков и водолазов получше изучить загадочный морской феномен.

Чтобы разобраться в том, что же происходит на Андросе, океанологам пришлось привлечь и аэрофотосъемку, и аквалангистов, и геологов, и географов, и спелеологов.

Как уже говорилось, Андрос — крупнейший из Багамских островов. В длину он протянулся на полтораста километров, а в ширину достигает шестидесяти. Андрос находится примерно посредине обширной известняковой отмели в океане — Большой Багамской банки. С трех сторон его окружают мели, а с восто'ка находится глубокий желоб" носящий название Язык Океана. Глубина впадины-желоба — почти два километра, и в стенах этого подводного каньона образовалось множество больших пещер, гротов и туннелей.

Блу-Хоулс расположены, как правило, недалеко от краев Языка Океана, среди коралловых отмелей. А на самом Андросе в гуще тропических лесов имеются похожие на "синие дыры" округлые темные озера, очень глубокие и отличающиеся странной особенностью: их пресная вода на глубине сменяется соленой, и в них можно ловить и озерную, и морскую рыбу.

Они-то и дали ключ к разгадке тайны Блу-Хоулс. Оказалось, что Багамы — это выступающая часть большой системы известняковых возвышенностей, сформировавшихся миллионы лет назад. За это время в них успела образоваться огромная сеть карстовых полостей и туннелей.

В период последнего оледенения (десять-двадцать тысяч лет назад) уровень океана был на сто двадцать метров ниже, чем сейчас. Пещеры, образованные в толще известняков, оказались на суше и активно продолжали расти. Часть из них соединилась с поверхностью, превратившись в открытые шахты.

В наше время, когда уровень моря стал выше, его вода через подводные туннели заполнила шахты. Сверху же над морской водой скапливались пресные дождевые воды, создавая своеобразные «двухэтажные» озера.

Во время прилива морская вода у берега Адреса оказывается выше, чем уровень грунтовых вод в известняковой толще острова. Тогда под давлением соленых вод уровень озер поднимается, а "синие дыры" работают как насосы, втягивая морскую воду в свои ненасытные пасти.

Во время отлива уже пресные воды оказываются выше уровня моря и давят на нижележащие соленые слои, выталкивая их воду из дыр. Так возникают всепожирающие водовороты и "морские фонтаны", а заодно и душераздирающие морские мифы.

Исследование подводных пещер было нелегким делом. Аквалангистам приходилось лавировать в узких проходах между сталактитами и сталагмитами, рискуя повредить снаряжение. При этом всегда существовала опасность сбиться с пути и не найти потом нужный туннель, ведущий на поверхность. К тому же в пещеры нередко наведывались акулы самых различных видов и размеров, что, разумеется, тоже не облегчало работу, хотя хищники и не имели щупальцев спрута, подобно Луске. Плаванию в темных туннелях мешали и сильные приливно-отливные течения.

Но оказалось, что даже в такой негостеприимной среде прекрасно прижились многие морские обитатели. У самого дна нередко лежат небольшие акулы-няньки, поджидая зазевавшуюся рыбешку. В трещинах и впадинах скал находят убежище крабы и морские раки. Красивые синелиловые и голубые губки устраиваются на камнях в глубине "синих дыр", а косяки рыб предпочитают держаться возле границы пресных и соленых вод. Здесь, на поверхности слоя более плотной морской воды, задерживаются мелкие органические остатки, так сказать "крошки от обеда" обитателей верхнего этажа.

Но разгадка всасывающего механизма Блу-Хоулс не означает, что исследования этого уникального природного чуда завершены.

Синие океанские пропасти хранят еще немало тайн. Одна из них приоткрылась ученым в 1991 году. Исследуя большое озеро в глубине Андроса, именуемое индейцами Священной Синей Дырой, они обнаружили на дне водоема множество человеческих черепов и целых скелетов.

Предстоит еще разобраться, служило ли озеро местом захоронения у индейцев, населявших остров в доколумбову эпоху, или учеными найдены останки жертв ритуальных жертвоприношений.

Возможно, когда-нибудь удастся оборудовать одну из удивительных "синих дыр" осветительными приборами и указателями направления и любители рискованных приключений смогут погрузиться в одно из озер на Андросе и вынырнуть из темно-синей бездны у борта поджидающего в море катера.

Пока же туристы лишь с борта океанского лайнера могут полюбоваться загадочным и невероятным зрелищем бьющих из моря могучих фонтанов, вспоминая жутковатую легенду о грозном и неумолимом подводном монстре…

Большой Барьерный риф

(Коралловое море)

На две тысячи триста километров от острова Новая Гвинея до тропика Козерога протянулась вдоль восточного берега Австралии почти непрерывная гряда из трех тысяч рифов и тысячи островов, составляющих вместе удивительное и прекраснейшее творение природы — Большой Барьерный риф.

Из-за того, что многие острова увеличивают свою площадь во время отлива, а иные и вообще появляются из-под воды только в эти часы, точный размер территории этого уникального природного сооружения установить невозможно. По осторожным оценкам, площадь кораллового барьера достигает трехсот пятидесяти тысяч квадратных километров, то есть почти равна территории Германии.

Среди островов Большого Барьерного рифа различают коралловые, почти не поднимающиеся над поверхностью моря, и так называемые высокие, сложенные древними горными породами и покрытые лесом. Вокруг них обычно образуется собственное коралловое ожерелье.

Но все они, вместе с подводными рифами и отмелями, образуют единую возвышенность, по протяженности равную расстоянию от Мурманска до Одессы и уходящую местами на триста метров в глубину. А создатели этого, без преувеличения, исполинского сооружения — крохотные живые организмы, коралловые полипы. Они, как и их родственники — актинии и губки, принадлежат к классу кишечнополостных. Но, в отличие от своих мягких родичей, коралловые полипы прячут свое тело в жесткий известковый панцирь. Миллионы этих сросшихся панцирей и формируют коралловый риф.

Так что Большой Барьерный риф — самое грандиозное сооружение на Земле, построенное живыми организмами. И с ним не могут соперничать ни Великая Китайская стена, ни туннель под Ла-Маншем.

Исследованию этого исполинского барьера у побережья Австралии положил начало великий мореплаватель Джеймс Кук. Его парусник «Индевор» стал первым кораблем, прошедшим по узкому проливу между Большим Барьерным рифом и берегом материка. Пройти больше тысячи километров без карт по сложнейшему фарватеру, изобилующему мелями и подводными скалами, было, конечно, чудом мореходного искусства. Но даже знаменитому Куку пришлось испытать на себе коварство здешних вод. Его «Индевор» наткнулся все же на коралловый риф, повредил корпус, и только выбросив за борт все пушки и часть груза, английскому капитану удалось сняться со скалы и добраться до берега.

За прошедшие с тех пор два с лишним века на рифах австралийского кораллового барьера пострадали или пошли ко дну сотни судов. Даже в XX веке случались тут морские катастрофы. И географические названия в этой части Кораллового моря говорят сами за себя: мыс Беды, Мучительная бухта, острова Надежды… Не зря воды в районе Большого Барьерного рифа как магнитом притягивают многочисленных искателей сокровищ затонувших кораблей.

Первые коралловые рифы на месте гигантского кораллового барьера возникли миллионы лет назад Но основная его часть имеет возраст около пятисот тысяч лет. За это время коралловые полипы сумели возвести постройки средней высотой в сто двадцать метров. Строительство рифа продолжается и сейчас, хотя заметить это непросто. Ведь растут «домики» полипов очень медленно. Чтобы веточка коралла выросла всего на пять сантиметров, нужен целый год.

Ширина Большого Барьерного рифа колеблется от трехсот метров на севере до пяти километров в южной части, а от берега материка он удален на расстояние от тридцати километров (у полуострова Кейп-Йорк) до двухсот пятидесяти (у тропика Козерога).

Описывая потрясающее по красоте и разнообразию жизни подводное царство Большого Барьерного рифа, люди не скупятся на пышные эпитеты и сравнения: "Мир голубой мечты", "Величайшее архитектурное сооружение природы на всей планете", "Восхитительный подводный лес", "Восьмое чудо света", "Захватывающий дух подводный пейзаж", "Богатейшая морская экосистема мира".

Действительно, по количеству обитателей и их поразительно живописной внешности Большой Барьерный риф не имеет себе равных в Мировом океане. Одних только кораллов здесь насчитывается около четырехсот видов Иные из них похожи на человеческий мозг (их так и называют — "мозговые"), другие — на странные кружевные грибы, ветви или занавеси, третьи — на оленьи рога. Они бывают жесткими и мягкими, белыми и цветными, и попав в их сказочное подводное царство, начинаешь думать, что очутился в каком-то фантастическом саду среди диковинных неземных цветов: синих, голубых, зеленых, желтых, оранжевых, розовых, красных и даже черных.

Но кораллы составляют только десятую часть населения подводного барьера. Кроме них, на рифе живут больше четырех тысяч видов моллюсков, от улиток до гигантских метровых двустворчатых тридакн, а также губки, актинии, раки, крабы, морские звезды, морские ежи и множество водорослей.

Но главное украшение вод Большого Барьерного рифа — конечно, рыбы. По экзотичности раскраски и многочисленности видов и форм с царством коралловых рыб не сравнится ни цветущий горный луг, ни мир сказочных фильмов Диснея. Лишь малую толику этого многоцветья можно увидеть в морских аквариумах зоопарков. Ведь количество видов рыб в причудливых коралловых лесах нашей планеты достигает нескольких тысяч!

И Большой Барьерный риф — не исключение. Полторы тысячи представителей ихтиофауны пасутся в его подводных чащах, омываемых теплыми водами Кораллового моря. Названия многих их них говорят сами

за себя: рыба-бабочка, губан, рыба-клоун, скалозуб, рыба-попугай, морская собачка, еж-рыба, кардинал и даже… рыба-муха. А кроме них водятся здесь морские окуни и мурены, скаты и акулы, груперы и морские щуки и многие другие представители рыбьего царства.

На острова южной части Большого Барьерного рифа по ночам приплывают большие морские черепахи, чтобы отложить в вырытые на пляже ямки свои яйца. Затем они засыпают кладку песком, утрамбовывают и уплывают обратно в море. Появившемуся на свет потомству приходится самостоятельно откапывать себе путь на поверхность и добираться до родной морской стихии по влажному песку кораллового пляжа.

Тут-то черепашат, у которых даже панцирь еще не затвердел, и подстерегают опасности. Тысячи морских птиц, живущих на островах, только и ждут этого момента. Пикируя вниз, они хватают черепашьих малышей одного за другим, и лишь немногим удается добраться до спасительной воды.

На островах Большого Барьерного рифа обитает целых двести сорок видов птиц. Это буревестники, фаэтоны, фрегаты, олуши, крачки, глупыши, белобрюхие орланы и многие другие.

А вот млекопитающих в водах, омывающих риф, немного. Преимущественно это киты и дельфины. А кроме них пасется в зарослях водорослей между островами и дюгонь, близкий родственник морской коровы.

Красивые подводные леса и луга, сверкающие всеми цветами радуги, кажутся на первый взгляд неуязвимыми. Еще бы — ведь они каменные, а что может грозить камню?

Но, оказывается, коралловые рифы так же ранимы, как и всякое другое детище живой природы. И недавняя беда, случившаяся с австралийским рифом, лишний раз напомнила об этом.

В 1960-1970-е годы существование Большого Барьерного рифа было поставлено под угрозу из-за резкого увеличения численности морских звезд. Опасность исходила от одного из видов этих иглокожих, носящего красивое название "терновый венец". Огромная, достигающая полуметра в диаметре, морская звезда с многочисленными щупальцами оказалась страшным врагом коралловых полипов. Присасываясь к их постройкам, "терновый венец" выпускает в отверстия коралловых «домиков» пищеварительный сок и переваривает полипов, оставляя за собой мертвую зону. За год одна звезда может уничтожить жизнь на шести квадратных метрах рифа.

Чрезмерное увеличение числа этих прежде довольно редких пожирателей полипов, как оказалось, было связано с исчезновением во многих местах Большого Барьерного рифа их естественных врагов — хищных улиток-тритонов. Из-за больших красивых раковин охотники за сувенирами тоннами собирали тритонов для продажи туристам.

В результате, избавленные от природного ограничителя их численности, морские звезды стали усиленно размножаться, и целые участки кораллового барьера превратились в безжизненную морскую пустыню. Сейчас охота на улиток-тритонов запрещена, с "терновым венцом" ведут борьбу аквалангисты, вооруженные шприцами с ядом, и мало-помалу естественное равновесие на рифе восстанавливается. Но во

многие уничтоженные районы Большого Барьерного рифа жизнь вернется лишь лет через двадцать-тридцать.

Теплые воды, пустынные пляжи, обилие небольших уединенных островков и возможность долгие часы проводить в исключительном по живописности подводном царстве привлекает в этот удивительный уголок Земли сотни тысяч туристов. Одни из них ограничиваются экскурсиями на теплоходах и катерах с тем, чтобы посвятить остальное время знакомству с не менее уникальным животным миром австралийского побережья. Но более целеустремленные любители морской фауны поселяются на островах на две-три недели, без устали наблюдая и снимая видеокамерой коралловые миры. Хотя австралийцы и организовали здесь морской заповедник, под строгой охраной находятся лишь несколько особенно уязвимых районов Большого Барьерного рифа.

И по отзывам путешественников, немало пространствовавших по планете и погружавшихся с аквалангом у берегов Мальдивов и Сейшел, Гавайских островов и архипелага Галапагос, повидавших коралловые чащи Карибского и Красного моря. Французской Полинезии и островов Палау, подводный мир Большого Барьерного рифа не имеет себе равных по масштабам и разнообразию.

Недаром в далекую Австралию летят и плывут через полсвета тысячи туристов, чтобы насладиться ни с чем не сравнимым очарованием голубых лагун и проливов, в которых таятся неисчислимые живые сокровища Большого Барьерного рифа.

Гольфстрим

(Атлантический океан)

Полтора века назад серьезное учреждение с сухим официальным названием "Депо карт и приборов" издало в США книгу с не менее сухим и ученым заголовком "Физическая география моря".

Раскрыв этот, казалось бы, строгий научный труд, читатель с первой же страницы неожиданно обнаруживал, что речь в нем пойдет о вещах необыкновенно интересных, да и сам рассказчик — человек весьма непохожий на ученого сухаря — статистика-гидрографа. Впрочем, прочтите первые два абзаца его книги (цитирую русский перевод 1861 года) и убедитесь сами:

"Есть в океане река, не мелеющая ни в какую засуху, не выходящая из берегов своих ни при каком наводнении. Берега у нее и дно состоят из холодной воды, между тем как ее собственные струи — теплые. Исток ее в Мексиканском заливе, а устье в полярных морях. Это Гольфстрим. На свете нет другого водного потока, который поспорил бы с ним в великолепии и громадности: он течет быстрее Миссисипи и Амазонки и в тысячу раз превосходит их своим объемом.

Воды его от залива до берегов Каролины имеют цвет индиго. Пределы их обозначаются так отчетливо, что глазу легко проследить линию их соединения с обыкновенными водами моря; случается даже видеть, как корабль одним своим боком плывет по синей воде Гольфстрима, а другим по обыкновенным темно-зеленым волнам океана; так резко определилась линия раздела, так незначительно сродство между обеими водными массами и так упорно противятся они взаимному смешению".

Эти строки американского океанографа Мэтью Мори стали у географов классическими. С тех пор ученые и писатели мира посвятили "реке в океане" немало увлекательных страниц. Здесь плавали жюльверновский капитан Немо и "морской волчонок" Майн Рида, герои Конрада и Конан Доила, Джека Лондона и Сабатини, Станюковича и капитана Марриета. А Гольфстрим сделался, наверное, самым известным широкой публике течением в Мировом океане.

Начинается он в южной части Флоридского пролива, что ведет из Мексиканского залива в Атлантику, а заканчивается у Большой Ньюфаундлендской банки — обширной отмели у берегов Канады. Порожденное заливом течение получило название в честь своего прародителя (Гольфстрим в переводе — "течение из залива"). Впрочем, у острова Ньюфаундленд Гольфстрим, разумеется, не исчезает. Он просто разбивается здесь на несколько ветвей, самая мощная из которых отклоняется к востоку и уходит к берегам Европы под именем Северо-Атлантического течения.

Впервые европейцы узнали о Гольфстриме от Христофора Колумба, который столкнулся с ним в первом своем плавании к островам Нового Света в 1492 году. А через двадцать лет испанский конкистадор Понсе де Леон, пытавшийся пройти в Мексиканский залив мимо южной оконечности полуострова Флорида, обнаружил, что его судно при попутном ветре и под всеми парусами двигается… в обратном направлении! Подобное странное явление еще не раз отмечалось у флоридских берегов, но прошли многие десятилетия, прежде чем моряки поняли, что мощное течение в этом районе помогает им быстрее вернуться в Европу, тогда как маршрут плавания в Америку надо прокладывать южнее, в зоне пассатных ветров.

Первое научное исследование Гольфстрима провел в 1770 году американский ученый Бенджамин Франклин, который составил его примерную карту и дал течению всем известное теперь название. Толчком к изучению Гольфстрима стал для Франклина, служившего тогда в почтовом ведомстве, тот необъяснимый факт, что быстроходные почтовые пакетботы шли из Англии в Штаты по семь недель, тогда как тяжело груженые суда, идущие из США к британским берегам, тратили на тот же путь всего месяц с небольшим.

Причиной возникновения этого мощного теплого течения является большой нагон воды в Мексиканский залив пассатами. Южные ветви Северного Пассатного течения и северные ветви Южного Пассатного, попадая в Мексиканский залив, создают значительную разность уровней воды в заливе и прилегающей части Атлантики. Избыток воды устремляется в океан через Флоридский пролив, давая начало Гольфстриму. Ширина течения на выходе из пролива — 75 километров, глубина — 700 метров, а средняя скорость около 150 километров в сутки, то есть больше шести километров в час. (Для сравнения — скорость Невы составляет 5,8 километра в час.)

При выходе в океан объем воды, переносимой Гольфстримом, в 20 раз превышает расход всех рек Земли, достигая 25 миллионов кубометров в секунду! Температура поверхностных вод Гольфстрима около 30 градусов, а соленость тоже превышает среднеокеаническую почти на 5

процентов. (Это, кстати, объясняет и более синий цвет воды Гольфстрима: доказано, что более пресные моря имеют зеленоватый оттенок волн, а самые соленые воды — отливают голубыми и синими красками.)

Выйдя в океан, Гольфстрим соединяется с Антильским течением, после чего ширина его увеличивается почти вдвое, а объем воды — втрое. Скорость же океанской реки достигает порой десяти километров в час! Немудрено, что каравеллы Понсе де Леона не могли бороться с таким мощным течением.

Правда, в Мировом океане существуют и более быстрые потоки. Так, в Сол-фьорде у берегов Норвегии скорость течения 30 километров в час. (Московские автомобилисты в часы пик могли бы позавидовать такой скорости!)

По мере продвижения на север, к острову Ньюфаундленд, Гольфстрим все больше отклоняется на восток, в сторону Европы. А вдоль американского берега навстречу ему идет из Баффинова моря холодное Лабрадорское течение. Именно оно, кстати, приносит сюда из Гренландии огромные айсберги, создающие серьезную угрозу для судоходства. (Вспомним хотя бы катастрофу «Титаника», происшедшую как раз в этих водах.) Но в трагическую летопись встреч кораблей и ледяных гор немало печальных страниц вписал и Гольфстрим, без которого многих кораблекрушений просто не произошло бы.

Дело в том, в зоне столкновения теплых и холодных вод часто образуются туманы. Недаром Ньюфаундлендскую банку именуют "полюсом туманов" Атлантики. Зимой здесь туманная пелена окутывает корабли каждый третий день, а летом — каждый второй день.

В наши дни за движением айсбергов у американских берегов следят особые "ледовые патрули" со специально оборудованных судов и самолетов. И все же до сих пор судоходство в северо-западном секторе Атлантического океана остается рискованным делом.

Добавим к этому, что именно над зоной Гольфстрима прокладывают себе путь большинство тропических ураганов, зарождающихся у Антильских островов. За последние 40 лет их зафиксировано здесь 250 — по шесть ураганов в год! Спокойная погода — штиль, выражаясь морским языком, — редкость в водах Гольфстрима. Недаром любивший море английский поэт Киплинг, описывая переживания мальчика, попавшего на судне в шторм, помещает его именно в этот район:

Если в стеклах каюты зеленая тьма,
И брызги взлетают до труб,
И встают поминутно то нос, то корма,
А слуга, разливающий суп,
Неожиданно валится в куб,
…А у мамы от боли трещит голова,
И никто не смеется, не пьет и не ест, —
Вот тогда вам понятно, что значат слова:
Сорок норд,
Шестьдесят вест!

Посмотрите на карту: точка с координатами 40 градусов северной широты и 60 — восточной долготы находится как раз к югу от острова Ньюфаундленд.

Если нет тумана, места встречи теплого и холодного течений легко определить по цвету воды: у Гольфстрима он темно-синий, а вода Лабрадорского течения имеет светло-голубой, порой даже зеленоватый оттенок. Резко различаются, разумеется, и температуры их вод, причем иногда это различие проявляется исключительно резко. Был случай, когда американское исследовательское судно, шедшее от залива Святого Лаврентия на восток, зафиксировало одновременно температуру воды у кормы 19 градусов, а у носа — 31 градус!

Северо-восточное продолжение Гольфстрима — Северо-Атлантическое течение — приносит к берегам Северной Европы гигантскую массу теплой воды, серьезно влияющую на климат прибрежных стран. Подсчитано, что Норвегия, например, получает от этого течения столько тепла, сколько дало бы сжигание ста тысяч тонн нефти в минуту! Не случайно Северо-Атлантическое течение именуют "печкой Северной Европы".

Гольфстрим и его продолжения — Канарское и Северо-Атлантическое течения уже много веков служат почтальонами для известной всем морякам "бутылочной почты". Чаще всего послания с терпящих бедствие кораблей находят в Англии и Ирландии, расположенных на пути основных трансатлантических потоков. В Британии с XVI века была даже учреждена придворная должность "королевского откупорщика океанских бутылок". Все найденные в море сосуды с записками полагалось сдавать в адмиралтейство нераспечатанными, во избежание разглашения секретов, могущих оказаться в посланиях. Известно, что в первый же год «лорд-откупорщик» вскрыл 52 бутылки.

Конечно, "почта Нептуна" — не слишком надежный вид связи. Порой бутылки и прочие сосуды путешествуют в море годами, а то и веками. Так, в 1856 году близ Гибралтара был найден на берегу бочонок с кокосовым орехом, залитым смолой. В орехе лежал пергамент с донесением Колумба королю и королеве Испании о кораблекрушении каравеллы «Санта-Мария». Послание великого мореплавателя странствовало в океанских водах больше 350 лет.

А другая записка раскрыла тайну исчезновения большого американского парохода «Пасифик». Еще в 1856 году он побил рекорд скорости, дойдя от Нью-Йорка до Ливерпуля за девять дней и двадцать часов. После этого «Пасифик» стал весьма популярен, и от желающих попасть на него не было отбоя. И осенью того же года, взяв на борт более 200 пассажиров, лайнер отправился в обратный путь в Нью-Йорк. После этого о нем уже не поступало никаких сведений. В порт назначения «Пасифик» не прибыл.

И никто никогда бы не узнал, что случилось с кораблем, если бы не бутылочная почта. Несколько лет спустя море выбросило на ирландский берег бутылку с запиской. В ней было всего несколько слов: "Борт «Пасифика». Судно тонет. На палубе паника. Со всех сторон окружены льдом. Я знаю, что не спасусь. Пишу, чтобы друзья узнали все. У. М. Грэхем".

А почти через сто лет, в 1954 году, в дюнах на берегу залива Мэн нашли бутылку, содержавшую завещание одной из пассажирок «Пасифика». Завещав в письме все состояние дочери, она упоминает, что пароход тонет близ мыса Флеттери после столкновения с айсбергом. Так раскрылась одна из многих трагических тайн Северной Атлантики.

Еще одну загадку причины бесследного исчезновения корабля помогла раскрыть "почта Нептуна" в 1880 году. Учебный фрегат британского королевского флота «Атланта» после плавания с экипажем из выпускников-кадетов у берегов Канады и в Карибском море в январе этого года зашел на Багамские острова для пополнения припасов, а затем отправился к родным берегам. Но в Англию парусник не вернулся. Адмиралтейство объявило награду в 300 гиней за сведения, проливающие свет на судьбу фрегата. И в июне капитан рыбацкой шхуны у берегов Ньюфаундленда выловил сетью бутылку с посланием. В нем было всего три строки: "17 апреля 1880 года. Учебный корабль «Атланта». Тонем в точке с координатами 27 градусов Норд и 32 градуса Вест. Нашедший пусть пошлет эту записку в газету. Джон Хатчингс".

Много раз за прошедшие века мальчишки на прибрежном песке или рыбаки, разбиравшие сети, обнаруживали сосуды с посланиями. И полусмытые строки записки из покрытой тиной бутылки или банки от какао рассказывали людям о какой-либо забытой ныне трагедии моря, вроде следующей, выловленной рыбаком в заливе Морекабе-Бэй: "Пароход «Гималаи» терпит крушение у берегов Ньюфаундленда. Судно потеряло винт, и ветер в клочья разорвал паруса. Мы не можем заделать пробоину в днище, и спастись уже невозможно. Если Господь не сотворит чуда, мы погибнем".

Иногда, впрочем, Гольфстрим выполняет и не столь мрачную миссию, предоставляя свои струи в помощь влюбленным. Так, в американском штате Небраска один юноша-эмигрант отправил своей девушке в родную Ирландию письмо в запечатанной бутылке, которую бросил в реку Миссисипи. Река вынесла бутылку в Мексиканский залив, а Гольфстрим сделал остальное. Через год послание нашли на берегу одной из ирландских бухт и доставили девушке.

А в конце 1970 года американец Хоффман из штата Нью-Йорк, раздумывавший, жениться ему или нет, решил прибегнуть к "морскому жребию" Он послал предложение руки и сердца своей невесте в Англию в запечатанной бутылке с адресом, которую бросил в океан. Спустя одиннадцать месяцев письмо Хоффмана было найдено на английском побережье и доставлено девушке. Ответ американцу пришел телеграфом. Он гласил: "Согласна. Но все-таки, милый, это так неожиданно!"

Гольфстрим и в наши дни продолжает свою почтовую службу. Но теперь бутылки с документами содержат преимущественно "научную почту". С ее помощью океанологи изучают скорость и направление течений северной Атлантики и их сезонные изменения.

А пассажиры многочисленных судов, пересекающих океан с востока на запад, если им повезет и на подходе к Америке будет стоять ясная погода, могут своими глазами увидеть, как на их пути возникает широкая полоса синей воды, окаймленная по краю цепочкой водоворотов. Это

значит, что лайнер пересекает могучую "реку в океане", текущую из Южных морей, самое знаменитое океанское течение мира с поэтичным и теплым именем Гольфстрим

Мальстрем

(Норвежское море)

"…Шхуна, казалось, повисла, задержанная какой-то волшебной силой, на половине своего пути в бездну, на внутренней поверхности огромной круглой воронки невероятной глубины; ее совершенно гладкие стены можно было бы принять за черное дерево, если бы они не вращались с головокружительной быстротой…

Озираясь кругом и вглядываясь в огромную черную пропасть, по стенам которой мы кружились, я заметил, что наше судно было не единственной добычей, захваченной пастью водоворота.

Над нами и ниже нас виднелись обломки судов, громадные бревна, стволы деревьев и масса мелких предметов — ящики, доски, бочонки, причем последние, как мне показалось, смещались вниз, к черной пасти, медленнее, чем более тяжелые вещи: лодки, бревна или куски корабельной обшивки…

Я решил привязать себя как можно крепче к бочонку, за который я держался, обрезать найтов, крепивший его к корме, и броситься в воду…

Прошел, может быть, час после того, как я покинул шхуну, которая уже успела спуститься значительно ниже меня, как вдруг она стремительно перевернулась три-четыре раза, нырнула в пучину и навсегда исчезла из глаз в бушующей пене…"

Этот монолог, похожий на отрывок из фантастического романа ужасов, как ни удивительно, имеет под собой вполне реальную основу. Место, о котором шла речь, находится не так уж далеко — у берегов Норвегии, и грозное природное явление, периодически возникающее в этом районе, вызывается вовсе не потусторонними или инопланетными факторами. Но, чтобы понять, как образуется зловещий водоворот, начнем немного издалека.

Самый крупный и самый широкий залив Норвегии — Вест-фьорд — окаймляет с запада, со стороны Атлантики, скалистая гряда Лофотенских островов. Словно гигантский мол, она разрезает стремительный поток идущего с юга вдоль побережья Северо-Атлантического течения, направляя половину его в глубь Вест-Фьорда. Надо сказать, что по форме этот залив напоминает огромную 250-километровую воронку, узкий конец которой изогнут на восток и глубоко вдается в сушу. Основная же акватория залива вытянута с юго-запада на северо-восток, причем северный край ее почти полностью перекрыт островами, оставляя мощному течению для выхода лишь узкие проливы.

Суда, плавающие в Вест-фьорде, вынуждены бороться с водоворотами и бурунами, возникающими там, где течение всей своей массой протискивается в узкие каменные щели проливов. Но воронкообразные заливы, вроде Вест-фьорда, имеют еще одно неприятное для моряков свойство: приливная волна, входя в его непрерывно сужающееся горло, постоянно растет, достигая порой огромной высоты.

Именно такую форму имеют все морские заливы, славящиеся особенно высокими приливами: канадский залив Фанди, где вода поднимается на 19 метров, Пенжинская губа в Охотском море, залив

Ла-Плата и другие. И когда на могучую струю течения, с ревом и гулом рвущуюся на север в узких проходах между островами, накладывается исполинский вал приливной волны, идущий с запада на восток (или наоборот, если наступает отлив), то у Лофотенских островов образуется гигантский водоворот, с давних пор внушавший ужас не только рыбакам на их утлых лодчонках и малых ботах, но и капитанам крупных парусников, бороздивших воды Вест-фьорда.

Имя его известно многим из книг. Это — Мальстрем. Возникает он дважды в сутки между островами Лофотен и Москестром (или просто Моске), с западной стороны Вест-фьорда.

Немало леденящих душу историй рассказывают старые моряки о страшной пучине Мальстрема. Да и писатели-классики отдали дань ужасному водовороту. Вспомните, именно здесь бегут на шлюпке с терпящего бедствие «Наутилуса» пленники капитана Немо в "20000 лье под водой" Жюля Верна. Французский фантаст замечает мимоходом, что суда опасаются подходить к Мальстрему ближе, чем на пятнадцать километров!

Знаком, наверное, вам и рассказ Эдгара По "Низвержение в Мальстрем", отрывками из которого начинался этот очерк.

А вот как описывал это уникальное явление природы норвежский ученый XVII века:

"Вот время прилива течение между Лофотеном и Моске бурно устремляется к берегу, но оглушительный гул, с которым оно во время отлива несется обратно в море, едва ли может сравниться даже с шумом самых мощных водопадов. Гул этот слышен за несколько десятков километров, а глубина и размеры образующихся здесь ям и воронок таковы, что судно, попадающее в сферу их притяжения, неминуемо захватывается водоворотом, идет ко дну и там разбивается о камни; когда море утихает, обломки выносит на поверхность. Но это затишье наступает только в промежутке между приливом и отливом и продолжается всего четверть часа, после чего волнение снова постепенно нарастает. Когда течение бушует и ярость его еще усиливается штормом, опасно приближаться к этому месту на расстояние норвежской мили. Шхуны, яхты, корабли, вовремя не заметившие опасности, погибают в пучине. Часто случается, что киты, очутившиеся слишком близко к этому котлу, становятся жертвой разъяренного потока; и невозможно описать их неистовый рев, когда они тщетно пытаются выплыть. Однажды медведя, который плыл от Лофотен к Моске, затянуло в воронку, и он так ревел, что рев его был слышен на берегу. Громадные стволы сосен и елей, поглощенные водоворотом, выносит обратно в таком растерзанном виде, что щепа из них торчит, как щетина…"

Впервые Мальстрем появился на картах в XVI веке, когда был опубликован знаменитый атлас Меркатора. Но уже до этого рассказ о водовороте можно было прочитать в записках английского купца Дженкинсона, путешествовавшего через северные моря в Россию по торговым делам. Купец, правда, не будучи мореходом, страшился больше адского шума, издаваемого Мальстремом, чем его жуткой воронки. Вот строки из его дневника:

"Замечу, что между так называемыми островами Рост и Лофут находится водоворот под названием Мальстрем, который с середины отлива до

середины прилива издает такой ужасный рев, что на десять миль в округе звонят дверные колокольчики на домах в рыбацких селениях. Если киты попадают в струю водоворота, они жалобно кричат. А если большие деревья затащит внутрь силой потока, и потом с отливом выбросит наверх, то концы их и сучья бывают так размочалены, что похожи на истрепанные веревки".

Особенно страшных масштабов достигло, по преданию, буйство стихий в вербное воскресенье 1645 года, когда свирепая мощь вращающихся волн усилилась из-за ужасающего шторма, бушевавшего у побережья. Рев Мальстрема, если верить рассказам, достигал такой силы, что в селениях на ближних островах были разрушены каменные дома!

Что же правда, а что вымысел в этих полулегендарных рассказах? И существует ли вообще в природе водоворот, затягивающий морские суда? Разумеется, и средневековый путешественник, и живший три века назад ученый, а вслед за ними и уважаемые Эдгар По и Жюль Верн слегка сгустили краски, описывая неистовство и безмерную мощь гигантского водяного вихря. Залив Вест-фьорд был и остается ареной оживленного судоходства. Помимо многочисленных рыбацких поселков, на его побережье расположен крупный современный порт Нарвик. Сюда с месторождений Швеции проложена железная дорога, и через незамерзающий норвежский порт шведская железная руда круглый год вывозится во многие страны Европы.

Огромным современным рудовозам Мальстрем не особенно страшен, да и масштабы его не так велики, как уверяли своих читателей почтенные литераторы. Но даже современная лоция предостерегает от попытки пройти в трехмильный пролив к северу от острова Моске во время максимального прилива, особенно если штормовой ветер с запада развел крутую волну. Такое нередко случается в зимний период, и тогда рев Мальстрема, разносящийся за три мили, действительно заставляет поеживаться и бывалых рыбаков. В проливе, изобилующем подводными скалами, вода несется в это время со скоростью 11 километров в час, отчего образуются завихрения и водовороты, превращающие его в труднопреодолимый лабиринт с непредсказуемыми изменениями течений.

Поэтому лоция справедливо называет Мальстрем самым опасным приливным течением у норвежских берегов.

Между прочим, в 55 милях к югу от Лофотен, возле популярного морского курорта Бодо, существует еще один водоворот, менее известный, хотя и более значительный по массе воды, вовлеченной в движение. Его называют Сальстраумен, по одноименному проливу, где он и наблюдается. Прямо из окон отелей курортного городка летом, когда солнце здесь почти не заходит, можно дважды в сутки наблюдать, как огромный вал воды врывается в пролив с ревом, слышным на мили вокруг. В эти минуты даже на глаз видна кривизна морской поверхности в месте водоворота. А любители рыбалки прямо с берега вовсю ловят полуоглушенную водоворотом рыбу.

Но Мальстрем, даже уступая Сальстраумену в количестве воды, остается более опасным из-за своего коварства. Сила и скорость течений в нем изменяются в зависимости от времени года, ветров и фаз луны, так что далеко не всегда мореходный опыт и мощь двигателя выручат неосторожного капитана. Поэтому лофотенские рыбаки и сейчас, выходя

на промысел, норовят проскочить район Мальстрема в промежутке между приливом и отливом. Они знают: даже современным мотоботам и сейнерам лучше не попадать в лапы водовороту, чья дикая мощь приумножается природным коварством, а острые скалы вокруг не оставят шанса на спасение в случае аварии.

И туристы, путешествующие по Норвегии, тоже предпочитают наблюдать за Мальстремом с прибрежных утесов. Ведь как ни притягательно зрелище буйства стихий, будь то извержения вулканов, бешеный бег горных потоков, наводнения, смерчи или морские катаклизмы, все же пока далеко не всегда могучие силы природы поддаютсяукрощению.

И восхищаясь их мощью и величием, мы поневоле относимся к ним с почтительным уважением.

Саргассово море

(Атлантический океан)

У Бермудских островов, там, где теплые струи Гольфстрима могучей рекой устремляются из Флоридского пролива к берегам Европы, от основного русла этой "реки в океане" ответвляется еще одна струя, уходящая на восток, к Азорскому архипелагу. Добравшись до его негостеприимных вулканических берегов, она затем сворачивает на юг, к Канарским островам.

А южнее в Атлантике, примерно между островами Зеленого Мыса и Малыми Антильскими островами, с востока на запад направляется Северное Пассатное течение, замыкающее этот гигантский круговорот океанических вод.

Внутри этого круговорота остается огромная область почти стоячей, но чистой и теплой воды. Здесь, покачиваясь на пологих валах океанской зыби, обитают в поверхностной зоне вод саргассовые водоросли, длинные листья которых поддерживаются на плаву многочисленными пузырьками воздуха. То небольшие скопления, то целые острова, то длинные ленты плавучих водорослей вместе с живущими на них существами образуют своеобразный, ни на что не похожий, обособленный мир, получивший название Саргассова моря.

Западной границей его Служат Антильские острова, а к северу это море простирается до Бермудского архипелага. При этом с юга его рубеж проходит примерно по тропику Рака, а на востоке оно едва не достигает Азорских островов.

Об этой загадочной области стоячих вод посреди Атлантики с давних пор ходили рассказы, вселявшие ужас в сердца моряков. Считалось, что в сплошной каше из водорослей могут застревать корабли и экипажи лишенных хода парусников обречены на гибель от жары и жажды, когда кончатся запасы пресной воды. Воображение фантаста поместило здесь целый остров из таких кораблей-пленников Саргассова моря и останков погибших судов.

На самом деле саргассовые водоросли, конечно, никогда не стесняют движения кораблей или дрейфующих обломков кораблекрушений. Все это не более чем легенды. Но временами случается, что ленты саргассов сплошь покрывают поверхность океана до самого горизонта, придавая ей вид затопленного бездонного луга. Именно такая картина сильно напугала в свое время спутников Колумба, решивших, что

им не вырваться из этой страшной ловушки. Но, как мы знаем, плавание великого генуэзца закончилось вполне благополучно. Добавим, что такое скопление водорослей не является постоянным явлением. В другое время в том же районе можно не встретить ни одного пучка саргассов.

При ближайшем рассмотрении комья саргассовых водорослей, чаще всего величиной с человеческую голову, оказываются сплетением узких лент и нитей желтого и зеленовато-желтого цветов на концах и бурых у основания. Поперечник этих скоплений колеблется от первых сантиметров до нескольких дециметров. В их состав входят три вида водорослей из рода Sargassum. Обычно на поверхности "моря без берегов" встречаются одно-два скопления на сотню квадратных метров.

В пучках водорослей обитают мшанки, усоногие рачки, черви, крабы, креветки, зачастую принимающие буро-желтую окраску под цвет водорослей. На листьях можно увидеть и приклеенные к ним плотные шарики икры летучих рыб.

Но самое интересное и необычное существо, чей жизненный путь начинается и заканчивается в Саргассовом море — это европейский угорь.

Происхождение этих рыб долгое время оставалось загадкой. Еще в античные времена люди задавались вопросом: как размножаются угри? Никто ни разу не обнаружил в них икры или молоки Существует полуанекдотический рассказ о том, как великий ученый Аристотель в отместку за то, что его обнесли на пиру у Александра Македонского самым лакомым блюдом — копченым угрем, высказал за столом гипотезу, что эти вкусные рыбы происходят от червей, выползающих из навоза. Насмешливый философ, надо полагать, основательно испортил аппетит своим сотрапезникам, но настоящего ответа на загадку он не знал тоже. В его сочинениях утверждалось: "У угрей нет пола, нет икры и молок, так как их рождают недра моря".

Разгадки тайны угрей пришлось ждать две тысячи лет. Лишь в XIX веке ихтиологам попались в Атлантике странные, похожие то ли на травинки, то ли на червей, прозрачные существа, получившие ученое название лептоцефалов. После многолетних исследований обнаружилось, что это — не самостоятельный вид рыб, а личинки угрей, в которых они превращаются спустя некоторое время. Но только в начале XX века было доказано, что родиной лептоцефалов является Саргассово море.

Угри, годами живущие в реках и озерах Европы, подолгу не проявляют склонности к выведению потомства. Лишь через 7—10 лет, когда размер их достигает полуметра, эти рыбы начинают готовиться к самому важному моменту своей жизни. Кожа их делается серебристо-черной, глаза увеличиваются.

Передвигаясь преимущественно по ночам, угри начинают спускаться по рекам к морю. Инстинкт продолжения рода властно гонит их вниз по течению. Если рыбы не находят выхода из озера или ручья, то они на рассвете выползают на сушу и, извиваясь, как змеи, ползут по росистой траве в поисках реки, которая приведет их к соленой воде. При этом они могут оставаться на воздухе до трех суток!

Добравшись до моря, европейские угри плывут через весь Атлантический океан, за пять с половиной тысяч километров, в Саргассово море. Добравшись туда, они опускаются на глубину километра и более, и

здесь нерестятся, а потом погибают.

Из отложенных самками икринок выводятся крохотные личинки — те самые лептоцефалы. Они поднимаются в верхние слои океана и, подхваченные Гольфстримом, плывут на северо-восток. Два с половиной года движутся они с течением к берегам Европы. В пути лептоцефалы растут, и в реки Португалии, Франции, Ирландии и стран Балтики попадают уже похожими на взрослых угрей, только прозрачными.

Лишь через несколько месяцев жизни в пресной воде они окончательно превращаются в привычных нам рыб. Затем весь жизненный цикл угрей повторяется сначала.

Надо сказать, что, хотя ответ на главный вопрос: откуда берутся угри — наукой получен, остается, тем не менее, немало других загадок. Непонятно, как ориентируются эти загадочные рыбы в своем долгом трансокеанском плавании. Зачем им понадобилось отправляться так далеко? Ведь можно было бы нереститься и у берегов Европы. И как личинки угрей находят путь в родную реку, где им еще ни разу не приходилось бывать? Наконец, почему в реках и озерах живут только самки угрей, а самцы не поднимаются выше устьев рек?

Вот сколько нераскрытых тайн связано с поразительным существом, рожденным в глубинах безбрежного (в самом прямом смысле слова) Саргассова моря — этого уникального района Мирового океана.

А морякам и летчикам всего мира не дает покоя загадочный фрагмент этого моря, ограниченный линиями, соединяющими Бермудский архипелаг, остров Пуэрто-Рико и южный мыс полуострова Флорида. Посмотрите на карту: ведь это как раз восточная часть Саргассова моря!

Печально известный всем "Бермудский треугольник" унес не одну сотню человеческих жизней. Уже четыре века здесь бесследно пропадают при загадочных обстоятельствах каравеллы и галионы, моторные шхуны и крупные пароходы, а то и военные корабли.

Не раз исчезали тут и самолеты, причем и с современными кораблями, и с воздушными лайнерами вначале внезапно прерывалась радиосвязь. Был случай, когда уже в XX веке звено самолетов ВВС США, летевшее над "Бермудским треугольником", неожиданно исчезло с экранов радаров и прекратило радиопереговоры. Поиски всех трех самолетов были безуспешны.

Таинственные исчезновения в зловещем треугольнике продолжают происходить и сейчас. Кое-кто пытается объяснить их сложными условиями навигации в этом районе океана: частыми туманами, рифами у берегов Бермудских островов, внезапно налетающими ураганами. Но все эти причины, во-первых, не дают ответа на вопрос, почему от пропавших судов не находят ни одного обломка, спасательного круга, перевернутой шлюпки или, на худой конец, хотя бы бочонка. Во-вторых, невозможно сколько-нибудь логично объяснить прекращение радиосвязи с самолетами и судами, а также сбои в работе локаторов.

И если секреты угрей рано или поздно будут разгаданы зоологами, то тайна "Бермудского треугольника", скорее всего, будет волновать не одно поколение людей. И немало еще научных гипотез и газетных сенсаций породит этот загадочный уголок Саргассова моря.

Эль-Ниньо и течение Гумбольдта

(Тихий океан)

Два течения в Тихом океане особенно интересны. Одно из них, открытое и описанное великим ученым, имя которого оно носит, необычайно по обилию жизни, сопровождающей его поток. Уже не один миллион лет несет это течение свои холодные воды из "ревущих сороковых" и "неистовых пятидесятых" широт южного полушария к экватору, с точностью курьерского поезда выдерживая маршрут и скорость движения (15 миль в сутки). Другое, со звонким испанским названием, найдешь не на всякой карте, да и появляется оно не каждый год. Но уж если оно появилось — об этом напишут газеты и научная пресса всего мира, и последствия его появления аукнутся разгулом стихий на всех берегах Великого океана, а то и подальше…

Это удивительное течение влияет на климат всей нашей планеты. До сих пор не вполне понятно, отчего оно образуется, и невозможно точно предсказать, когда это случится и какие повлечет за собой несчастья. Но основные причины возникновения периодически появляющегося в Тихом океане странного течения с красивым именем Эль-Ниньо, в общем-то, ясны. И искать их надо за много тысяч километров от экваториального пояса теплых вод, где время от времени фиксируется этот феномен.

Далеко на юге, близ берегов Антарктиды, проходит трасса самого мощного круговорота океанских вод — течения Западных Ветров. Огибая ледяной континент, оно пересекает три крупнейших океана Земли, замыкая при этом огромное кольцо длиной в 30 000 километров. Ширина Антарктического Циркумполярного течения, как еще его называют, достигает 1300 километров? а скорость — более двух километров в час. Количество перемещаемой им воды оценивается в 250 миллионов кубометров в секунду. Это в десять раз больше, чем несет Гольфстрим на выходе из Мексиканского залива!

Без особых трудностей огибает течение Западных Ветров южные берега Африки, Австралии и Новой Зеландии, но возле Южной Америки могучий океанский поток попадает в сравнительно узкий для него проход, образованный Огненной Землей и Антарктическим полуостровом. Расположенный между ними пролив Дрейка, хоть и самый широкий в мире — 370 километров, конечно, не может вместить огромную массу воды, принесенную круговым течением.

И тогда часть холодных вод течения Западных Ветров устремляется на север, к экватору, вдоль тихоокеанских берегов Южной Америки. Моряки именуют эту ветвь океанской реки течением Гумбольдта (или Перуанским). Течение Гумбольдта доходит до мыса Кабо-Бланко в Перу, где оно встречается с теплым Экваториальным противотечением. Оба эти потока поворачивают здесь на запад, образуя северную границу Южного Пассатного течения.

В зоне встречи холодного и теплого течений возникает резкий перепад температур: воды течения Гумбольдта, более прохладные (плюс 17 градусов), движутся под водами, пришедшими с экватора и нагретыми до 24 градусов. Границу между этими водными массами бывает легко определить по множеству вихрей и водоворотов на поверхности океана. Кроме того, отчетливо слышно характерное «бульканье» — звук

сталкивающихся потоков, напоминающий шум прибоя.

На пути от пролива Дрейка к экватору течение Гумбольдта не подходит к побережью Южной Америки ближе чем на ЗО миль. В его холодных водах мало живых организмов. Но ближе к берегу вода буквально кишит различными формами жизни: мелкими рачками, медузами, водорослями, рыбой. Не сразу удалось океанологам разобраться в причинах такого различия.

Оказалось, что океан у южноамериканских берегов очень глубок. Уже в трехмильной прибрежной зоне глубины нередко достигают километра и более. Основные ветры дуют здесь обычно на север и северо-запад, параллельно побережью, и гонят поверхностную воду в сторону экватора. На смену ей поднимается из глубины придонная вода, богатая фосфатами — главной пищей микроорганизмов и мелких водорослей (фитопланктона). Зоны подъема холодных глубинных вод четко фиксируются по мутнозеленым пятнам фитопланктона, который бурно развивается в этих местах. С самолета хорошо видны эти болотного цвета водяные «острова» — они четко выделяются на фоне ярко-голубых вод течения Гумбольдта.

Полоса Тихого океана, прилегающая к берегам Южной Америки, наверное, самый богатый рыбой и другими морскими организмами район Мирового океана. Причем на пути от Огненной Земли к мысу КабоБланко состав морских обитателей меняется, и довольно резко. Это связано с ростом температуры поверхностных вод течения Гумбольдта от 14 градусов у пролива Дрейка до 17 градусов близ экватора. Соответственно, на юге изобилие фитопланктона привлекает множество усатых китов, кашалотов, кальмаров и холодноводных рыб (нототении, ледяной рыбы и др.). А на севере, где вода теплее, в изобилии водятся сардина, тунец и особенно анчоус. Эта небольшая, но вкусная рыба невероятно плодовита. Подсчитано, что ежегодный прирост массы анчоуса в океане равен четверти всего мирового улова рыбы за год. Не случайно Перу входит в число трех крупнейших рыболовных держав мира (наряду с Россией и Японией).

Анчоусов в прибрежных водах хватает не только рыбакам, но и морским птицам. Миллионы чаек, бакланов и прочих пернатых гнездятся на островах у побережий Перу и Чили. Поскольку дожди в этих районах (по соседству с пустыней Атакама) чрезвычайно редки, птицы устраивают гнезда в скоплениях собственного помета, слой которого на птичьих базарах достигает порой метра и более.

Кстати, сухой птичий помет ("гуано") считается очень ценным удобрением, и много лет Перу экспортировало этот продукт в Европу и в США.

Но вернемся к загадочному течению Эль-Ниньо, о котором шла речь в начале нашего рассказа. Раз в 7—10 лет, нарушая привычный круговорот тихоокеанских вод, к западному берегу Южной Америки неожиданно подходит теплый океанский поток. Это случается обычно в канун Нового года, когда католики, преобладающие среди латиноамериканцев, празднуют Рождество младенца Христа. Поэтому течению присвоили такое название (Эль-Ниньо — по-испански "младенец").

О том, из-за чего оно возникает, ученые спорят до сих пор. Ясно одно: время от времени юго-восточные пассатные ветра, постоянно дующие в районе пятого градуса южной широты и заставляющие двигаться на запад теплые воды Пассатного течения, почему-то перестают дуть или теряют значительную часть своей силы. И тогда гигантские массы воды с запада Тихого океана направляются к берегам Южной Америки, образуя как бы "Южное Пассатное течение наоборот". Ведь из-за постоянной работы двух мощных течений в приэкваториальной зоне уровень западной части океана на 20 сантиметров выше, чем на востоке. И, если «выключается» океанский «поршень», толкавший воду на запад, она, естественно, стремится перетечь туда, где уровень океана ниже. И хотя мотивы странного поведения пассатов до сих пор дискутируются, ясно одно — именно в нем причина появления Эль-Ниньо.

Дойдя до берегов Перу и Эквадора, Эль-Ниньо протискивается между сушей и течением Гумбольдта, отклоняя его в открытый океан и загоняя на глубину. Вся метеорологическая обстановка в прибрежной зоне меняется коренным образом. А с изменением климата меняются и условия существования живых организмов — сначала на южноамериканском континенте, а затем в Юго-Восточной Азии. На следующий год погодные аномалии добираются до северных районов, вплоть до Европы. И каждый из нас ощущал на себе эти "отголоски капризов" Эль-Ниньо.

Например, зимой 1982 года оно появилось в очередной раз. Под его влиянием температура воды у островов Галапагос достигла 30 градусов (на 5 градусов выше нормы). С архипелага уплыли, снявшись со своих лежбищ, морские львы, покинули гнезда морские птицы. В обычно засушливых прибрежных районах Эквадора и Перу начались ливневые дожди, вызвавшие катастрофические наводнения. Миллионы морских птиц, населявших "гуановые островки", погибли, застигнутые ливнями в гнездах, превратившихся в грязевые капканы. Особенно пострадали бакланы, из которых выжило не больше десяти процентов. У берегов Перу резко снизились уловы рыбы. Анчоусы ушли вслед за холодными водами далеко в океан, а рыбацкие суденышки, годные лишь для прибрежного плавания, не могли вести лов вдали от берегов. Вся экономика страны потерпела огромный ущерб, который усугубили еще и убытки из-за наводнения.

Отсутствие пассатов вызвало повышение атмосферного давления над Индонезией и Северной Австралией. Здесь вместо ожидаемого сезона дождей по-прежнему стояла засуха, сев риса стал невозможен, а в джунглях начались лесные пожары, охватившие большие площади на Калимантане, Суматре и Малакке. Резкое потепление вод на востоке океана изменило обычную картину чередования зон низкого и высокого давления над его акваторией. Мощные циклоны вызвали небывалые штормы у берегов Аляски и Калифорнии.

Перечень погодных аномалий и стихийных бедствий, связанных с ними, можно было продолжать еще долго. Но и без того ясно, что ничего хорошего от «младенца» ждать не приходится. Очередное появление Эль-Ниньо в декабре 1996 года подтвердило это, вызвав новые беды в тихоокеанском регионе. На этот раз эффект от изменения картины ветров и течений был даже сильнее, чем во время его прошлых появлений.

Огромный ущерб снова понесли лесные массивы Индонезии и Малайзии. Пожары погубили также часть плантаций, а дым, застилавший небо, порой не давал горожанам нормально дышать. В пустыне Атакама впервые за пятнадцать лет прошли дожди, а со склонов Анд сходили грязевые лавины, уничтожая целые селения.

Через год оттепельной дождливой зимой и непривычными летними холодами ознаменовалась погода в Европе и в Северной Америке. Последние отголоски Эль-Ниньо дали о себе знать европейцам, и нам в том числе, весной и летом 1999 года. Многие жители Центральной России, наверное, помнят жаркий апрель, снежный май и палящий тридцатиградусным зноем июнь—июль в тот год.

Большинству из нас, скорее всего, не придется плавать в Тихом океане. Но и, глядя на карту с красными и синими стрелками морских течений, стоит иногда задуматься над тем, как тесен наш мир, как неразрывно связаны на нашей маленькой планете, казалось бы, далекие друг от друга места, явления и процессы и как самым неожиданным образом отзываются на нашей судьбе возникающие за тысячи километров природные аномалии, подобные течению Эль-Ниньо.

Полярные сияния

(Арктика и Антарктика)

В ясные морозные ночи северная тайга в Хибинах объята тишиной. Лишь иногда хрустнет сухой сучок ели, на который упал ком снега с верхних веток… Темнота нарушается только тусклыми огоньками бесчисленных звезд. Но наступает момент, когда ночное небо неожиданно становится разноцветным и настолько ярким, что видно даже дальние горы.

Эта игра неуловимо меняющихся очертаний и незаметно переходящих друг в друга цветов являет собой настоящую небесную симфонию.

Архангельские поморы с давних пор именовали игру света в небе сполохами. В наше время это красивое и емкое слово уступило место громоздкому и довольно неуклюжему выражению "полярное сияние". Ученые же называют это явление красивыми латинскими терминами "aurora borealis" и "aurora australis".

Два термина понадобились науке из-за того, что сияния наблюдаются чаще всего в двух районах мира: Арктике и Антарктике. Они, соответственно, і; названы по-латыни «северным» и «южным» сияниями. Впрочем, случается, что "небесный свет" появляется и достаточно далеко от полюсов. Так, из русских летописей известно, что 5 апреля 1242 года, в разгар битвы русских воинов с рыцарями-крестоносцами, известной под именем Ледового побоища, в небе над Чудским озером появилось сияние в виде огненных копий и стрел. Решив, что это Божье знамение, предвещающее победу, витязи Александра Невского ринулись в бой с удесятеренной силой и победили.

Летописец повествует о том, что очевидцы единодушно приняли сполохи за "небесное воинство", пришедшее на помощь русским войскам:

"Се же слышах от самовидца, и рече ми, яко видех полк Божий на въздусе, пришедше на помощь Александрови, и мнози видеша вернии полки Божиа, помогающи Александру".

Иногда полярные сияния достигают исключительной силы и занимают огромные пространства небесной сферы. Например, сияние 4 февраля 1872 года охватило почти все северное полушарие, а в ночь с 25 на 26 января 1938 года "небесные огни" наблюдались на всей территории Европейской России. В феврале 1950 года яркое и продолжительное полярное сияние горело в небе над Москвой. В течение нескольких часов на северной стороне небосвода светились две большие дуги — ярко-красная и светлозеленая. Они постоянно меняли яркость и местоположение, исчезали, появлялись вновь, приближались и отдалялись друг от друга. Многие москвичи тогда впервые насладились этим экзотическим для наших широт зрелищем.

Даже бывалые полярники не могут равнодушно видеть волшебную игру форм и красок на небесном холсте. Описывая потом увиденное, и строгие ученые на время делаются поэтами. Давно уже стало классическим, например, описание сполохов, сделанное знаменитым полярным исследователем, первооткрывателем Северной Земли Г. А. Ушаковым в его книге "По нехоженой земле":

"Небо пылало. Бесконечная прозрачная вуаль покрывала весь небосвод. Какая-то невидимая сила колебала ее. Вся она горела нежным лиловым светом. Кое-где показывались яркие вспышки и тут же бледнели, как будто лишь на мгновение рождались и рассеивались облака. Какую-то долю секунды казалось, что сияние погасло. Но вот длинные лучи, местами собранные в яркие пучки, затрепетали над нами бледно-зеленым светом. Вот они сорвались с места и со всех сторон, быстрые, как молнии, метнулись к зениту. На мгновение замерли в вышине, образовали огромный сплошной венец, затрепетали и погасли.

Никто из нас не заметил, когда и как на юге появился огромный широкий занавес. Крупные, четкие складки украшали его, он был соткан из неисчислимой массы плотно сомкнутых лучей. Волны то красного, то зеленого света, чередуясь, проносились по нему от одного края до другого. Невозможно было разобраться, где они возникают, откуда бегут и где умирают. Отдельные полотнища занавеса ярко вспыхивали и тут же бледнели. Казалось, что занавес плавно колеблется. На западе опять появились длинные лучи. Потом вновь малиновые облака закрыли полнеба. Снова нарастал световой хаос. Еще раз лучи устремились к зениту. Картина менялась каждое мгновение… Прямо на востоке между темными облаками ярким желтым светом горела узкая щель. Не успел я задержать здесь взгляда, как из-за облака, немного выше этой щели, неведомая сила выбросила целый сноп лучей, похожих на полураскрытый веер. Нежнейшие оттенки цветов — красного, малинового, желтого и зеленого — раскрашивали его. Лучи каждое мгновение тоже меняли свою окраску. Один какую-то долю секунды был малиновым, потом стал пурпуровым, вдруг окрасился в нежно-желтый цвет, сейчас же перешедший в фосфорически-зеленый. Около четверти часа продолжалась эта непередаваемая по красоте игра света. Лучи много раз вытягивались, доходили почти до зенита, затем падали и снова росли. Наконец они стали бледнеть и приблизились друг к другу. Небесный веер закрылся и вдруг превратился в огромное белое страусовое перо, круто завернутое к югу. Яркие краски, только что фантастически украшавшие небо, померкли. От

прежней феерической картины остались лишь бледные мазки…"

С доисторических времен полярные сияния интересовали человека. Но понять механизм их возникновения удалось лишь в XX веке, хотя еще Ломоносов за двести лет до этого совершенно верно предположил, что в это замешаны электрические силы. Сейчас доказано, что образование полярных сияний происходит в верхних слоях атмосферы на высоте от шестидесяти до тысячи километров. Причиной его является выбрасываемый Солнцем поток заряженных частиц высоких энергий — "солнечный ветер". Сталкиваясь с молекулами и атомами газов в самой разреженной части воздушной оболочки Земли, поток этих частиц и вызывает свечение, подобно тому, как это происходит в люминесцентных лампах, где электроны пропускаются через разреженный газ.

А приуроченность сияний к арктическим и антарктическим широтам связана с действием магнитного поля нашей планеты, которое отклоняет поток частиц к полюсам. Длительность полярных сияний различна — от часа до нескольких суток, причем количество, продолжительность и яркость их резко возрастают в периоды, когда увеличивается число пятен на Солнце, то есть каждые одиннадцать лет.

Интересно, что светящиеся арки и дуги на небосводе образуются преимущественно на высотах от шестидесяти до ста километров, а свечение в виде колышащихся занавесов — на высоте 110–120 километров. На самых больших высотах (900—1000 километров) формируются огни красного цвета, ниже окраска их делается фиолетовой, а в самых близких к Земле слоях образуются зеленые лучи и вспышки.

Интенсивные полярные сияния обычно вызывают мощные "магнитные бури" в эфире, нарушая нормальную работу радиоприборов и влияя на поведение стрелки компаса. К счастью, большей частью сполохи появляются на небе зимой, когда в разгар полярной ночи самолеты и корабли почти не совершают рейсов, да и наземные работы геологов, гляциологов и других ученых-полярников сведены к минимуму. Лишь специалистам по "небесной канцелярии" — метеорологам приходится получать полную дозу неприятностей в связи с непорядками в их собственном "хозяйстве".

А для обычного путешественника по Северу, не обремененного обязанностью регулярно выходить в эфир, появление "небесных огней" — просто удивительное по красоте зрелище, дарящее бесконечное эстетическое наслаждение. Вот еще один рассказ об ощущениях, испытанных при виде полярного сияния, из старинной географической книги, написанной замечательным педагогом, географом и путешественником, автором многих гимназических учебников Сергеем Мечем.

"Мы ехали на собаках по сибирской тундре. Термометр показывал 38 градусов мороза. Наступала ночь. От сильного мороза наши бороды стали похожи на перепутанные проволоки, а ресницы — на ледяную бахрому, причем веки смерзались, когда мы мигали. Собаки совсем побелели и, окруженные густым облаком пара, казались чем-то вроде белых медведей. Мы должны были бежать/возле саней, чтобы не отморозить ноги, которые уже теряли чувствительность. В восемь вечера мы увидели впереди небольшой лесок и остановились на ночлег. На

площадке в три квадратных метра мы выгребли весь снег, сделали из него вал с трех сторон, а с четвертой разожгли костер. Дно ямы застелили шкурами и забрались в спальные мешки. Кругом была снежная пустыня, а на черном небе сияли звезды. Тишина была подавляющая, глубокая, мертвая. Спрятавшись в свой мешок, я старался заснуть, но никак не мог. Пролежав с полчаса, я высунул голову, чтобы еще раз взглянуть на небо, и невольно вскрикнул от изумления.

Широкая дуга самых блестящих цветов сияла на небе, словно огромная радуга, и из нее то и дело вылетали вверх тысячи красных и желтых лучей. Это было полярное сияние. Я разбудил товарищей, чтобы и они могли полюбоваться необыкновенным зрелищем, и мы все, очарованные, глядели на него. Немного погодя огромная дуга стала подниматься все выше и выше, над нею образовалась другая дуга, такая же блестящая и так же испускающая тонкие разноцветные лучи. Вдруг точно красный огонь залил все небо, окрашивая снег пурпурным отблеском. Не успел я вскрикнуть от изумления, как пурпур исчез и вместо него вспыхнул оранжевый блеск, как будто весь воздух воспламенился в одно мгновение. Я невольно затаил дыхание и ждал раската грома, который неминуемо должен был последовать за этой вспышкой света, но на земле ни один звук не нарушил торжественного безмолвия ночи. Никогда до той поры я не представлял себе, что полярное сияние может быть так великолепно. Быстрые переходы красного, голубого, зеленого и желтого цветов отражались так ярко на поверхности снега, что вся тундра казалась поочередно то залитой кровью, то озаренной мертвенно-бледным зеленым сиянием, сквозь которое чудно блестели могучие малиновые и желтыедуги.

Но это было еще не все. Через несколько минут обе дуги сразу вместе распались на тысячу отвесных полос, из которых каждая представляла все цвета радуги. Через все небо, от края до края, протянулись теперь два громадных полукруга из разноцветных полос, и эти полосы колебались и трепетали с такой быстротой, что глаз не мог уследить за ними. Казалось, будто весь мир охвачен каким-то дивным пожаром. Потом красота стала ослабевать, дуги сделались бледнее, а цветные полосы вспыхивали все реже и тоже побледнели. Через полчаса на небе не осталось ничего, что напоминало бы о великолепном зрелище, которому мы только что удивлялись. Когда погасли последние лучи, мы спрятались в свои мешки и заснули".

Со времени путешествия Меча прошло уже больше ста лет. Но и за сто, и за пятьсот лет до него, и через сто или двести лет после все так же будут путешественники в полярных странах будить друзей и выходить из домов или палаток, чтобы часами смотреть в играющее сполохами небо.

И все так же будет волновать и дарить наслаждение людям удивительное, таинственное и прекрасное явление природы, которое досужие журналисты привычно именуют "небесной феерией", а старый полярник Георгий Ушаков назвал однажды нежно и поэтично — "улыбкой Арктики"…

Смерчи

(Мировой океан и равнины суши)

Мало кому довелось в своей жизни увидеть настоящий смерч, хотя все знают, что это такое, по книгам, кинофильмам или фотографиям. Но те,

кто встретился хоть раз с этим грозным явлением природы, никогда не забудут ощущения внутреннего напряжения, какого-то все усиливающегося трепета, граничащего с ужасом, неважно, на суше или на воде случилась эта встреча.

Воздушный вихрь в миниатюре любой из нас наблюдал не однажды. Иной раз, идя в жаркий летний полдень по полевой дороге, замечаешь, например, что ветерок, бежавший впереди, вдруг закрутился, подняв столб пыли или расшевелив охапку соломы и унеся часть соломин к небу. Но прошло несколько секунд, и пыль осела, соломинки упали вниз, и все вновь улеглось, словно и не было завихрения воздуха. Такие мини-вихри проходят бесследно и обычно даже не замечаются большинствомпрохожих.

Другое дело — настоящий, сильный и грозный воздушный (или водяной) вихрь, который у нас в России называют «смерч» (это слово происходит от того же корня, что и слово «сумрак», поскольку атмосферные вихри ассоциируются у нас обычно с грозовой, мрачной обстановкой). В США смерчи называют испанским словом «торнадо», в Западной Европе их именуют «тромбами», а моряки используют для обозначения этого явления английский термин «спаут». Впрочем, журналисты и просто далекая от метеорологии публика чаще употребляет жаргонное выражение «твистер», то есть "вертун".

Смерч видевшие его на открытой равнине описывают следующим образом. Из темного кучево-дождевого облака (в просторечии — тучи) опускается вниз к поверхности земли темный, бурый или серо-голубоватый очень вытянутый конус, чем-то напоминающий хобот слона. Навстречу ему с земли поднимается другой, более широкий и короткий, вздымающий вверх пыль, мусор, опавшие листья и т. д. Вскоре два вихря, вытягиваясь навстречу друг другу, встречаются и образуют единый огромный столб, достигающий на концах сотни метров в поперечнике и сужающийся посредине до десяти—двадцати.

Быстро вращающаяся воздушная спираль, втягивая внутрь оказавшиеся на пути предметы, движется по ветру, но неожиданно может потерять силу без всякой видимой причины. Тогда смерч исчезает, а поднятые в воздух предметы падают на землю. Причина огромной всасывающей силы вихря заключается в том, что внутри него создается очень низкое давление. За несколько секунд оно может снизиться до десятых долей атмосферы, а потом опять резко подняться, порой до десяти атмосфер и больше. Из-за этого действие смерча иногда напоминает внешне картину взрыва. Давление при соприкосновении с ним так быстро падает, что стены зданий, задетых смерчем, иногда лопаются, разлетаясь на куски. Точно так же «взрываются» цистерны и баки, капитанские рубки на судах и речные бакены. Случалось, что куры, попавшие в зону смерча, взлетали высоко в воздух, а потом падали на землю… голыми, словно кем-то ощипанными.

Раз появившись, смерч начинает двигаться, обычно по прямой траектории, оставляя за собой полосу разрушений и причиняя множество бед людям и животным, домам и кораблям, лесам и посевам, и даже рекам и озерам. Зона опустошения достигает в ширину нескольких сот метров, а в длину — от одного-двух километров до тридцати, редко сорока, причем опасность представляют не только движущиеся с огромной скоростью

воздушные струи (а скорость их может достигать трехсот—четырехсот метров в секунду!), но и поднятые смерчем в воздух и разлетающиеся в стороны доски, бревна, обломки стен, листы кровли и вырванные с корнем деревья. Мощь смерча буквально потрясает: он способен поднять в воздух и перенести на сотню метров грузовик или корову, сорвать с опор мост и сбросить его в реку, перемещать с места на место небольшие дома, высосать до дна пруд вместе с рыбой и лягушками (и пролиться потом «рыбным», "лягушачьим" или еще какимлибо диковинным дождем).

К счастью, бешеные атмосферные вихри живут недолго: несколько секунд или минут. В редких случаях отмечались смерчи, существовавшие до получаса. Причем интересно, что у них есть свои «излюбленные» районы, где они появляются чаще, чем в других местах. Довольно регулярно, например, можно увидеть смерч на Великих Равнинах США, в Японий, в пустынях Сахара и Гоби, во внутренней Австралии.

Торнадо американских прерий наблюдались чаще всего и описаны наиболее подробно. Их даже не раз удавалось снять в кино, и в известном голливудском фильме «Смерч» использованы такие документальные кадры, снятые в разное время случайно столкнувшимися со смерчем операторами. В отдельные годы в южных штатах США наблюдается до нескольких сотен торнадо. Так, например, в 1954 году зарегистрировано порядка шестисот случаев появления атмосферных вихрей, а в особенно изобиловавшем бурями и ураганами 1956-м — более восьмисот торнадо.

Бывают недели, когда эти бешеные вихри появляются десятками, и газеты пестрят сообщениями об очередных жертвах и разрушениях. Наиболее часто торнадо возникают в районах, расположенных у берегов Мексиканского залива. Здесь нередко происходит встреча теплых и влажных морских ветров с холодным и сухим воздухом, пришедшим с севера, из Канады. В результате создается предгрозовая обстановка. Сгущаются тучи, начинается ливень, сверкают молнии и гремит гром. Вот тутто и возникают грозные смерчи-торнадо.

Из-за частого появления их сумели изучить детальнее, чем смерчи других районов, и характеристики их хорошо известны и описаны. Движутся торнадо со скоростью до ста километров в час, длина пути, проходимого вихрем, десять—пятьдесят километров, а ширина захватываемой полосы от ста метров до километра. Смерч обычно имеет форму наклонного столба, поскольку нижняя часть его от трения о землю тормозится и отстает от верхней.

При встрече с торнадо большинство людей испытывали, по их словам, страх и ужас. Днем вихрь имел вид огромного черного крутящегося столба, а ночью его озаряли устрашающими яркими бликами десятки молний и отсветы от втянутых смерчем предметов, озаряемых небесным огнем и вращающихся в вихре.

По данным статистики, жертвами торнадо ежегодно становятся до двухсот человек. В отдельные годы эта цифра вырастает вдвое и даже втрое. Материальный ущерб, причиняемый вихрями, достигает сотен миллионов долларов.

Вот описание «подвигов» торнадо, пронесшихся над США весной 1974 года. 2 апреля холодный циклон, образовавшийся над Скалистыми горами, сместился к берегам Мексиканского залива. Здесь он столкнулся с

теплыми и влажными воздушными массами, принесенными из акватории Карибского моря. Возник мощный атмосферный фронт, породивший более ста торнадо. Они двигались по прибрежным равнинам со скоростью до четырехсот километров в час, разрушая все на своем пути, уничтожая людей, дома, скот и посевы. Ущерб от этих разрушений составил семьсот миллионов долларов, погибли триста тридцать человек и около четырех тысяч было ранено.

Первым пострадал город Бранденбург. Торнадо с ревом и грохотом налетел на город ранним утром, в четыре часа. Множество домов было разрушено, обломками было раздавлено больше ста автомобилей. В домах и на улицах погибли тридцать человек, раненых оказалось больше двухсот.

В соседнем городе Рисека перед прохождением смерча выпал град, причем градины достигали размера голубиного яйца. Сразу после него на город налетел торнадо. И снова — травмы и гибель людей, разрушения, беды и горе.

Город Ксениа был уничтожен яростным смерчем наполовину. Тридцать четыре человека погибли, полторы тысячи было ранено. Цветущий городок превратился в груду развалин.

И это — хроника только одной весны. В США создана специальная Служба торнадо, которая следит за погодой и предупреждает по радио жителей поселений, лежащих на предполагаемом пути торнадо. Но предугадать капризы воздушных вихрей трудно, и нередко случаются ситуации, когда торнадо неожиданно меняет направление движения и обрушивается на не ожидавших его людей.

Удивительный случай произошел осенью 1920 года в штате Канзас. В небольшом домике сельской начальной школы, состоявшем из одной классной комнаты и комнатки учительницы, шел рядовой урок. Неожиданно за окном потемнело и раздался странный гул. Дети испугались, бросились к учительнице и прижались к ней. Вдруг дверь и окна с грохотом вылетели наружу и в комнату ворвался черный вихрь. А затем случилось нечто невероятное: все поднялось в воздух и понеслось прочь.

Учительница потом вспоминала: "Как будто невидимые крючья подняли меня, детей и все парты в воздух. Мы летели плавно и спокойно, причем некоторые дети и предметы вращались вокруг меня по нескольку раз. Мне стало страшно, и я потеряла сознание…"

Когда она пришла в себя, то поняла, что лежит на земле в голой степи. Неподалеку она увидела детей, которые бежали к ней с криками. Но, увы, тринадцать школьников все же погибли при приземлении.

Атмосферные вихри творят бесчинства, конечно, не только в Америке. Нередко появления смерчей отмечались и в Европе. Так, в мае 1952 года зловещий «тромб» пожаловал в окрестности немецкого города Геттингена. Гигантский вихрь, вращавшийся со скоростью двести километров в час, словно ножом «прочертил» по местности две глубокие борозды длиной в тринадцать и шестнадцать километров, повалил, сломал и выкорчевал больше пятидесяти тысяч деревьев, разрушил сотни домов.

А в январе 1968 года в Швеции, в городке Юнг, произошло уже не трагическое, а, скорее, комическое происшествие с участием смерча. Во время хоккейного матча вихрь поднял в воздух вратаря и ворота, перенес

на несколько метров в сторону и поставил на землю.

Бывали случаи, когда смерчи появлялись и в России. В частности, москвичи имели «удовольствие» наблюдать грозный вихрь в 1904 году. Дело происходило в жаркий летний день, 29 июня. После обеда на горизонте появилась огромная черная туча и началась гроза. Одновременно с ней на северо-востоке города появился смерч и двинулся в сторону Лефортова. Под грохот грома он ломал и выворачивал деревья, срывал крыши, вырывал из каменных домов оконные рамы и двери, крушил деревянные строения. Люди видели огромный черный, словно из клубов дыма, столб, поднимавшийся к небу и расширявшийся в верхней и нижней частях, и в страхе бежали прочь от него. В Лефортовском парке была уничтожена роща столетних деревьев, пострадали старинный дворец и госпиталь. В тех местах, где смерч проходил через Москву-реку, обнажилось дно, так как смерч всосал в себя всю воду. На Немецком рынке смерч поднял в воздух городового и перенес на двести саженей, опустив затем невредимым на землю.

Пожарные, завидев черный столб в воздухе, решили, что начался большой пожар, и помчались со своим конным пожарным обозом тушить огонь. Но смерч закрутил в своем могучем вихре повозки и людей, разбросал по сторонам, а пожарные бочки разбил в щепки. Самое удивительное, что по времени весь разгул стихии продолжался в Лефортове всего две минуты.

Смерчи наблюдались в Москве также в 1945, 1951, 1956, 1957 и 1984 годах. Последний московский ураган в 1998 году также сопровождался возникновением небольших смерчей в разных районах города. В Теплом Стане один такой вихрь поднял мусорный контейнер до высоты десятого этажа, а затем спустил на землю неповрежденным, правда, высосав из него предварительно все содержимое. А в районе Ленинского проспекта смерч вырвал с корнем множество деревьев, причем в двух-трех метрах от полосы смерча на таких же деревьях остались целыми даже тонкие веточки.

В июне 1974 года мощный смерч налетел на город Горький (ныне — Нижний Новгород). Он вырывал и валил деревья, перевертывал автомобили, срывал крыши, рвал провода. Как пушинку, вихрь смахнул в Волгу подъемный кран, весивший двести сорок тонн, повредил и разрушил сотни домов. И все это он натворил за каких-то десять минут.

В 1975 году в Амурской области смерч поднял высоко в воздух одного колхозника, пронес над всем селом и сбросил за околицей в силосную траншею. Мягкая силосная масса спасла жизнь «перелетному» крестьянину, и он не получил даже царапины.

Десять лет спустя мощный атмосферный вихрь натворил немало бед в Белоруссии. Возникший во время грозы в районе деревни Птичь Гомельской области смерч вобрал в себя воду из ближайшей речки и вылил ее на соседний луг вместе с рыбой. Потом он налетел на деревню и прошелся по ней поднимая в воздух и перенося на расстояние до ста метров самые разные предметы, среди которых оказались гусеничный трактор, сенажная башня, железнодорожный вагон, автомашина «УАЗ» с шофером и пассажиром и вырванное с корнем большое дерево, росшее у околицы.

Смерчи, возникающие на море, представляют немалую опасность для судов. В былые времена они не раз срывали снасти, ломали мачты и надстройки на парусных кораблях, а то и пускали их ко дну, закрутив в своем могучем водовороте. Еще хуже приходилось лодкам, катерам и баркасам, которые смерч, случалось, поднимал в воздух и бросал вниз, разбивая вдребезги. Как правило, капитаны старались избежать опасной встречи, а если уж она становилась неизбежной, стреляли из пушки в водяной столб. Иногда это помогало, и вихрь распадался от удара ядра, не причинив вреда кораблю.

Когда же смерч сталкивался с судном, трагические последствия были неминуемы. Морские летописи полны вызывающих дрожь рассказов, вроде следующего:

"В ноябре 1878 года парусник "Фаин Стюарт" медленно двигался по спокойным водам Мексиканского залива. Неожиданно поднялся ветер, и небо стало затягиваться облаками. Вдруг поверхность моря на небольшом участке перед судном вспенилась и покрылась большими неправильными волнами. Чуть позже волны стали еще выше, началось вихревое вращение. Вода вспучилась, поднялась навстречу опустившемуся облаку, слилась с ним и двинулась на судно. В один момент две мачты с парусами были сломаны и унесены за борт. На месте судна с белоснежными парусами среди волн болталась жалкая беспомощная развалина".

А вот еще один леденящий душу отрывок из воспоминаний моряка, пережившего встречу с "небесным танцором":

"Пароход «Даймонд» заканчивал погрузку, когда послышался чей-то испуганный крик:

— Смерч! Смотрите, смерч!

Все мы повернулись в указанную сторону. Смерч находился не далее чем в полукилометре от нас. Формой он был похож на перевернутую воронку, горло которой соединялось с такой же воронкой, спускавшейся с тяжелых облаков.

Он ни на секунду не оставался в покое и непрерывно менял свою форму, то раздуваясь, то сужаясь. Смерч несся прямо на нас. Море клокотало и пенилось у его основания, словно гигантская чаша с кипящей водой. Ужас сковал наши сердца. Мы окаменели и безмолвно смотрели на чудовище, готовое поглотить нас.

Приблизившись на сорок метров, смерч вдруг увеличил скорость и, оглушительно грохоча, с бешеным натиском ринулся на судно. Мы кинулись на корму, чтобы спуститься в лодки, но с ужасом увидели, что вихрь, изменив направление, промчался вдоль борта парохода, захватил в свой водоворот нагруженную людьми шлюпку, затем отступил на мгновение и снова двинулся на нас. Он потопил вторую лодку, а с третьей стал играть, как кошка с мышью: зацепился за ее нос, налил внутрь несколько ведер воды, отступил назад метра на четыре и покружился вокруг, а затем в диком и жутком танце двинулся на лодку вновь. Мгновенно она наполнилась водой и пошла ко дну. Еще мгновение, и то же будет с пароходом…

Вдруг произошло что-то непонятное. Смерч внезапно устремился вверх. Вместо оглушительного грохота клокочущей воды послышалось раздирающее уши шипение. Под крутящимся столбом стала вздыматься водяная гора, и

«Даймонд» накренился на левую сторону, черпая воду бортом. Вдруг страшная колонна разорвалась, море выровнялось и смерч исчез, словно мы видели его во сне. Все это продолжалось лишь несколько минут, но нам они показались вечностью…"

Проходящие над морем смерчи нередко засасывают в породившее их облако целые стаи рыб, которые потом могут выпасть вместе с дождем на море, а иногда и на сушу, приводя в немалое изумление очевидцев. Жители Шотландии, Норвегии и Дании много раз наблюдали "селедочные дожди". В 1949 году в Новой Зеландии во время дождя тоже сыпались на землю тысячи живых рыбешек. В истории зафиксированы также дожди из лягушек и креветок.

Необычный вид атмосферных вихрей наблюдается на Крайнем Севере. Здесь иногда можно увидеть снежный смерч. В районе острова Диксон близ устья Енисея такой необычный вихрь видели моряки дизельэлектрохода «Обь». Гигантский снежный столб высотой в километр был похож на белую дымящуюся трубу. Она медленно двигалась по ледяной поверхности, засасывая снизу массы снега и выдувая их из верхнего раструба. За большим вихрем следовало несколько малых. Зрелище было исключительно эффектным. Через час с небольшим все растаяло в голубом морозном воздухе.

До сих пор наука не сумела найти действенных мер для предотвращения появления смерчей. Более того, даже причины их возникновения толком не ясны. Так что долго еще грозные "вальсирующие невидимки" будут совершать свой разрушительный танец, наводя страх и неся с собой гибель и разрушения."

Цунами

(Побережье Мирового океана)

Что такое волны моря? Каждый легко ответит: это колебания морской поверхности, иногда чуть заметные, а порой вздымающиеся на четыре-пять, а то и десять метров, качающие и опрокидывающие корабли и размывающие берега. Причина их тоже общеизвестна: ветер. Поэтому и мчатся они со скоростью ветра — двадцать-тридцать километров в час, хотя во время урагана могут разогнаться и до ста.

Но есть в океане и совсем другие, огромные и страшные волны. Они захватывают всю массу морской воды, до самого дна, и мчатся со скоростью самолета: восемьсот километров в час! В Японии, где печальный опыт знакомства с ними побольше, чем в других странах, чудовищные волны назвали коротким словом цунами. По-японски это значит: "большая волна в гавани". Длина волны, то есть расстояние между гребнями, у обычных ветровых волн — десять-сорок, максимум триста метров. А у цунами длина волны достигает трехсот километров — в тысячу раз больше!

Причин возникновения таких огромных волн несколько. Чаще всего это подводные землетрясения, которые «встряхивают» всю толщу океана в районе эпицентра катаклизма и посылают волны во все стороны от него.

Иной раз цунами возникают в результате вулканического извержения, как это было при взрыве вулкана Кракатау в Индонезии. И, наконец, огромная волна может обрушиться на берег под действием тропического циклона или тайфуна.

В открытом море цунами почти незаметны. Гигантская волна так велика, что судно, приподнятое на ее гребень, лишь через несколько минут начнет медленно опускаться. При этом высота подъема не превысит одного-двух метров. Другое дело — побережье. Выходя всей своей огромной массой на мелководье, цунами достигает высоты в тридцать-сорок, а в узких заливах иной раз и в сотни метров, смывая с берегов людей и постройки, выбрасывая на несколько километров в глубь побережья корабли и лодки.

В 1930 году на острове Мадейра из-за землетрясения упал в воду с высоты двести метров крупный обломок скалы. На берег обрушилась, снося все на своем пути, волна пятнадцатиметровой высоты.

Четырьмя годами позже в одном из фьордов Норвегии с полукилометровой высоты рухнула в море целая гора весом в три миллиона тонн. Вызванная этим обвалом цунами, высотой почти в сорок метров, выбросила на сотни метров от берега множество рыбацких судов и уничтожила поселок и порт в заливе.

Прошло четверть века, и сильнейшее землетрясение обрушилось на Аляску. В бухте Литуя около трехсот миллионов кубических метров горных пород с высоты девятьсот метров обрушилось в воду. Всплеск воды, достигший высоты полукилометра, вырвал на своем пути с корнями все деревья, оголив берега бухты до высоты шестидесяти метров.

Извержения вулканов на дне океана или на островах тоже могут вызвать сильнейшую волну. Так было, когда в конце XIX века взорвалсяостров-вулкан Кракатау в Зондском проливе. Возникшая тогда цунами унесла жизни тридцати шести тысяч человек на островах Суматра и Ява. Большое военное судно — канонерская лодка — было заброшено волной в чащу тропического леса за три километра от берега. А извержение вулкана на Курильских островах в январе 1933 года вызвало крупные волны цунами, завалившие берега огромными глыбами льда.

Не меньше бед причиняют цунами, образующиеся без участия внутренних сил Земли, по чисто метеорологическим причинам. Вызванные перемещением циклонов и тайфунов с моря на сушу огромные волны регулярно становятся причиной многочисленных разрушений и человеческих жертв в южных штатах США, на полуострове Индостан и на островах Тихого океана.

Дважды за последние полвека обрушивались такие цунами на город Индианаполис в американском штате Техас. Каждый раз они смывали три четверти города, забрасывая обломки разрушенных построек, а иногда и целые здания, далеко в глубь суши.

А в 1960 году в расположенной на берегу Бенгальского залива густонаселенной стране Бангладеш катастрофическая волна, образовавшаяся под действием тропического циклона, разрушила около двухсот городов и селений, уничтожила сотни кораблей и принесла смерть более чем пятнадцати тысячам людей.

Часто бывает так, что перед приходом цунами уровень моря понижается, далеко обнажается дно и спокойствие нарушается лишь небольшим волнением, а потом неожиданно приходит гигантская волна. При этом цунами иногда приходят одна за другой, и каждая следующая выше и сильнее предыдущей. Был случай, когда они приходили двадцать

пять раз подряд!

Иногда на расстоянии нескольких километров видны сильные световые вспышки, приближающиеся к берегу вместе с волной. Это светятся при резком перемешивании воды мельчайшие морские организмы.

За последние две с половиной тысячи лет отмечено больше четырехсот случаев цунами. В действительности их было за это время, наверное, несколько тысяч, но сведений об этом не сохранилось. Чаще всего катастрофические волны отмечались в Японии (85 случаев), в Индонезии и на Филиппинах (60 случаев), на тихоокеанских берегах Южной Америки (больше пятидесяти случаев) и на Гавайских островах (около сорока раз). В Атлантическом океане и, в частности, у берегов Европы цунами случаются реже.

Разрушительные цунами у Японских островов бывают в среднем через каждые семь лет. Волны смывают целые города, гибнут десятки тысяч людей, тонут тысячи судов. Последний раз крупномасштабное стихийное бедствие обрушилось на Японию в 1964 году. Тогда после крупнейшего землетрясения на японский берег пришли подряд три волны цунами. Они выбросили на берег несколько крупных судов, разрушили двадцать тысяч зданий и смыли больше пятидесяти мостов. Сотни людей погибли или были ранены.

Землетрясения в южноамериканских Андах или у побережья Южной Америки также сопровождаются катастрофическими цунами. Самая значительная катастрофа была отмечена здесь в 1960 году. Тогда сильнейшее землетрясение разразилось в южной части континента и продолжалось десять дней. Гигантская волна опустошила тихоокеанское побережье Северной и Южной Америки, пересекла Тихий океан, обрушилась на Гавайские и Филиппинские острова, Австралию и Новую Зеландию. Цунами зафиксировали также на Камчатке и Курильских островах — в шестнадцати тысячах километров от эпицентра землетрясения! Чтобы докатиться сюда, волне понадобилось четыре дня, но она все еще имела высоту в пять метров. К счастью, население было заранее оповещено, и человеческих жертв не было.

В октябре 1966 года новое землетрясение в Перу опять отозвалось на Курилах приходом цунами. На этот раз высота ее составила на островках Итуруп и Кунашир три метра. Вообще-то эти места нередко страдают от цунами. Еще в начале XVIII века подобные природные катастрофы на Камчатке и Северных Курилах описывал первый побывавший здесь ученый — Степан Крашенинников. Только в XX веке на эти восточные рубежи России цунами обрушивались четыре раза: в 1923, 1927, 1940 и 1952 годах. При этом высота волн достигала до пятнадцати метров. Особенно жуткими были последствия цунами в 1952 году, когда грозная волна практически полностью уничтожила город Северо-Курильск, вызвав многочисленные человеческие жертвы.

В Европе цунами редкость, но все же и здесь не раз отмечались гигантские разрушительные волны, связанные с землетрясениями или извержениями вулканов в Северной Африке, на острове Сицилия, на Кипре и на Мадейре. При этом волны нередко опустошали целые прибрежные районы.

Огромная волна цунами образовалась, например, во время знаменитого Лиссабонского землетрясения в 1775 году. Море вначале отступило далеко от берега, а затем чудовищным валом, высотой в двадцать шесть метров, ринулось на побережье, проникнув в глубь страны на пятнадцать километров! Наступление волны повторялось трижды, каждый раз принося гибель и разрушения. Погибли десятки тысяч людей, а город Лиссабон, тогда один из богатейших в Европе, превратился в груду развалин.

Волна цунами была зафиксирована на юге Англии, где она достигала шести метров, а немного позже докатилась до берегов Америки и Антильских островов;

Иногда выброшенные на берег суда десятилетиями возвышаются на холмах или просто в лесу за несколько километров от берега, напоминая жителям о прошедшей катастрофе. Совершенно невероятный случай произошел с английским грузовым пароходом «Эвенджер». В январе 1904 года это судно было выброшено цунами на остров Чанделер в Мексиканском заливе. Пароход простоял на суше двенадцать лет. Стащить его обратно в море было совершенно немыслимо. Но в июле 1916 года остров, где среди деревьев стоял пароход, подвергся еще более сильному действию цунами, и волны перенесли пароход обратно в море. После этого «Эвенджер» как ни в чем не бывало снова вышел в плавание.

Много веков пытается человек научиться предсказывать появление цунами. Но лишь в XX веке наука добилась первых успехов в этом направлении. Служба оповещения о цунами существует теперь в Японии и на тихоокеанском побережье США, в Новой Зеландии и в России. Для предсказания катастрофического набега волны на побережье используют два прибора: сейсмограф, сигнализирующий о том, что где-то произошли подземные толчки, и мареограф, фиксирующий понижение или повышение уровня моря.

Если землетрясение случилось под водой и известно, на каком расстоянии от берега находится его эпицентр, то можно примерно рассчитать время прихода цунами к побережью острова или материка. А укрепленные на плавучих буях далеко от берегов мареографы задолго до катастрофы отметят изменение уровня воды и передадут радиосигнал-предупреждение на сушу.

Случается, впрочем, что подземные толчки зафиксированы, а цунами так и не возникло. Раз за разом поднятые по тревоге люди после двух-трех ложных сигналов перестают реагировать на предупреждения об опасности. Тут-то на беспечных жителей и обрушивается грозная волна. Бывает также, что землетрясение выводит из строя мареографы и сигнал тревоги не приходит на берег.

Словом, система предупреждения о цунами пока далека от совершенства. И не раз еще гигантская свирепая волна, вызванная могучим природным катаклизмом, прокатится по беззащитным берегам, сея гибель и разрушения. Увы, до полного обуздания разрушительных сил природы человечеству предстоит еще пройти долгий и непростой путь.